

Министерство образования и науки РФ
федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Уральский государственный педагогический университет»

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ:

перспективы развития научного направления

Материалы
Международной научной конференции

26–28 августа 2014 года

Екатеринбург 2014

УДК 409.34
ББК Ш107
П50

Международная конференция с элементами научной школы «Политическая коммуникация: перспективы развития научного направления» проводится в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ (по проекту «Политическая лингвистика: метафоричность, прецедентность и креолизованность»)

ОРГКОМИТЕТ ВЫРАЖАЕТ
свою благодарность и признательность
партнерам и спонсорам конференции

Информационная поддержка проекта:

Администрация Губернатора Свердловской области

Законодательное Собрание Свердловской области, в лице Карапетяна А.Э., депутата, заместителя председателя комитета по бюджету, финансам и налогам, профессора Международного научно-исследовательского института управления и политики «Сананор»

Центр по противодействию экстремизму ГУ МВД России по Свердловской области

Финансовая поддержка проекта:

Министерство образования и науки РФ

ООО «тСк», в лице генерального директора Солопова Д.В.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ: перспективы развития научного направления: материалы Международ. науч. конф. (Екатеринбург, 26–28.08.2014) / гл. ред. А. П. Чудинов ; ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т». — Екатеринбург, 2014. — 397 с.

ISBN 978-5-7186-0603-4

Представлены материалы выступлений на Международной научной конференции «Политическая коммуникация: перспективы развития научного направления» (Екатеринбург, 26-28.08.2014).

Материалы предназначены для филологов и всех, кто интересуется проблемами политической коммуникации; публикуются в авторском варианте, редакция не несет ответственности за их содержание и оформление.

УДК 409.34

ББК Ш107

Рекомендовано Ученым Советом федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Уральский государственный педагогический университет» в качестве научного издания (Решение №307).

Подписано в печать 20.08.2014. Формат 60х84/8.

Бумага для множительных аппаратов. Печать на ризографе.

Гарнитура «Times New Roman». Усл. печ. л. – 34,41. Тираж 500 экз. Заказ 4425.

Оригинал-макет отпечатан в отделе множительной техники

Уральского государственного педагогического университета

620017 Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26

E-mail: uspu@uspu.ru

ISBN 978-5-7186-0603-4

© ФГБОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет», 2014

СОДЕРЖАНИЕ

АЛЕКСЕЕВА А. А. «КРЫМ НАШ»: КОНФЛИКТНЫЕ РЕЧЕВЫЕ ТАКТИКИ В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «ВКОНТАКТЕ»	6
АЛЕКСЕЕВА Д. А. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ МЕТАФОРЫ В СОВРЕМЕННЫХ СМИ И СЛЕНГЕ	10
БАБИКОВА М. Р. ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ИМЕНА СО СФЕРОЙ-ИСТОЧНИКОМ «СПОРТ» В РОССИЙСКИХ СМИ	13
БАДАНИНА К. Г. ТИПЫ И СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ОЦЕНКИ В ТЕКСТАХ ПРЕДВЫБОРНОЙ КАМПАНИИ ПАРТИИ «ЕДИНАЯ РОССИЯ»	16
БАРАНОВА А. А. ОТРАЖЕНИЕ РОССИИ НА ФОНЕ ДРУГИХ ГОСУДАРСТВ В ЭФИРЕ РАДИО «ЭХО МОСКВЫ»: СМЕНА СИСТЕМЫ КООРДИНАТ	20
БАСТИНОВИЧ Е. В. ФЕНОМЕН ИНТЕРФЕРЕНЦИИ В СИСТЕМЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ	25
БЕЛОУСОВ К. И., ЗЕЛЯНСКАЯ Н. Л. РОССИЙСКИЕ ГЕОКОНЦЕПТЫ: СТРАНА И РЕГИОНЫ	28
БОГОЯВЛЕНСКАЯ Ю. В. ПАРЦЕЛЛЯЦИЯ КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ ПРИЕМ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ МЕДИАТЕКСТОВ)	33
БУДАЕВ Э. В. СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ ДИСКУРС-АНАЛИЗ ПОЛИТИЧЕСКИХ МЕТАФОР	35
БУШЕВ А. Б. УКРАИНСКИЙ КРИЗИС 2014 ГОДА В ОСВЕЩЕНИИ МИРОВЫХ МЕДИА	37
ВАЙС Д. ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ В ГОСДУМЕ (ДЕПУТАТЫ ЛЮБЯТ ЦИТАТЫ)	43
ВАСИЛЬЕВ А. Д. ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ АНТРОПОНИМЫ И ТОПОНИМЫ КАК ИНСТРУМЕНТЫ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ.	45
ВДОВИЧЕНКО Л. В. ОТ ЯЗЫКА СКИНХЕДОВ К ДЕСТРУКТИВНОЙ ЛИЧНОСТИ ИЛИ ОТ ДЕСТРУКТИВНОЙ ЛИЧНОСТИ К ЯЗЫКУ СКИНХЕДОВ?	48
ВОРОШИЛОВА М. Б., КАРАПЕТЯН А. А. НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКАЯ АТРИБУТИКА И СИМВОЛИКА В СОВРЕМЕННОМ МОЛОДЕЖНОМ ЭКСТРЕМИСТСКОМ ДИСКУРСЕ: ИЗ ПРАКТИКИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ	51
ГАЛЕЕВ Т. И. СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ СЛОВ <i>ГОСПОДАРЬ</i> И <i>ГОСУДАРЬ</i> И ИХ ДЕРИВАТОВ В РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ	53
ГОЛИКОВА О. А. КРИПТОКЛАССНЫЙ АНАЛИЗ КАК МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ МЕТАФОРИКИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА (на материале общественно-политической лексики английского языка)	57
ГОРИНА Е. В. МАНИПУЛЯТИВНАЯ ПРИРОДА ВИРТУАЛЬНОЙ СЕТИ	59
ДЗЮБА Е. В. ИНТЕЛЛЕКТ ПОЛИТИКА КАК КАТЕГОРИЯ РУССКОГО «НАИВНОГО» СОЗНАНИЯ	63
ДУРЕКО Е. Ю. СПЕЦИФИКА КЛЮЧЕВЫХ СМЫСЛОВ «ЕКАТЕРИНБУРГ – ТРЕТЬЯ СТОЛИЦА» В МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ	67
ЕРЁМИНА С. А. ЛЕКСИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА «БРИТАНСКИЙ УЧЕНЫЙ» В МЕДИАТОПИКАХ	71
ЗЕМЦОВ В. Н. ОСОБЕННОСТИ КРОСС-КУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В АРМИИ НАПОЛЕОНА (по письмам солдат Великой армии 1812 года)	79
ЗОТОВА А. С. ПРОБЛЕМА КОММУНИКАТИВНОЙ НЕУДАЧИ ВО ФРАНЦУЗСКОМ РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ	83
ЗУБАКИНА Т. Н. РОССИЯ ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ В МЕТАФОРАХ У. ЧЕРЧИЛЛЯ (на материале мемуаров У. Черчилля)	85
ЗЭМШАЛ П. МЕТАФОРИЧЕСКИЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ «ПРОСТРАНСТВА БОРЬБЫ» В СОВЕТСКОМ ИДЕОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ О КУЛЬТУРЕ	90
ИВАНОВА С. В. ПОЛИТИКА НА СПОРТИВНЫХ ПОЛЯХ (заметки на полях спортивных материалов чемпионата мира-2014 по футболу)	95
КАКЗАНОВА Е. М. ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА В РУССКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ: СОВПАДЕНИЯ И РАЗЛИЧИЯ	102
КЕРИМОВ Р. Д. АСПЕКТЫ МЕТАФОРИЧЕСКОГО ТАРГЕТИРОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ	106
КИШИНА Е. В. МЕТАФОРИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ОППОЗИЦИИ «СВОЙ – ЧУЖОЙ» В ТОТАЛИТАРНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ	111
КОЛМОГорова А. В. РЕЧЕВЫЕ СТЕРЕОТИПНЫЕ ОБРАЗЫ ПРЕЗИДЕНТОВ РОССИИ И ФРАНЦИИ В АВТОХТОННОЙ И ЧУЖЕРОДНОЙ МЕДИАСРЕДЕ (на материале карикатурных текстов)	114
КОЛОМИЕЦ С. В., САВЕЛЬЕВА И. В. МАНИПУЛЯТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ В ТЕКСТАХ ИНТЕРНЕТ-КОММЕНТАРИЕВ К ПОЛИТИЧЕСКИМ СТАТЬЯМ: ЛИНГВОПЕРСОНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	120
КОНДРАТЬЕВА О. Н. МЕТАФОРЫ С ИСХОДНОЙ СФЕРОЙ «РЕЛИГИЯ» В ВЫСТУПЛЕНИЯХ ЮЛИИ ТИМОШЕНКО (на материале официального сайта)	123
КОСТИНА Н. Н., ЗЕРКИНА Н. Н. ЗАРОЖДЕНИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ ПАРЛАМЕНТСКОГО ВОКАБУЛЯРА	126
КОСТРОМИЧЕВА М. В., ПОЛЯКОВ А. С. РОССИЙСКО-УКРАИНСКИЙ КОНФЛИКТ: ИНВЕКТИВНЫЕ НОВООБРАЗОВАНИЯ	129
КОСТЮНИНА М. В. ЛИНГВОРИТОРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРЕДВЫБОРНЫХ РЕЧЕЙ Б. ОБАМЫ (2008 Г.)	131
КОШКАРОВА Н. Н., ТОМБЕРГ О. В. МАНИПУЛЯТИВНЫЕ ПРИЕМЫ В ХРОНИКАХ У. ШЕКСПИРА	136
КРАССА С. И РЕЧЕВЫЕ АКТЫ В ЭКСТРЕМИСТСКИХ ТЕКСТАХ	138
КРЫЛОВА М. Н. КАТЕГОРИЯ СРАВНЕНИЯ КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА РОССИИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ	142

КУЛТЫШЕВА И. В. АНАЛИЗ ИНВЕКТИВНОЙ ЛЕКСИКИ В ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КАМПАНИЯХ 2011-2012 ГГ.....	145
КРЯХТУНОВА О. В. ПОЛИКОДОВЫЕ ТЕКСТЫ АНТИНАЦИОНАЛЬНОГО СОДЕРЖАНИЯ В ИНТЕРНЕТ-ПУБЛИКАЦИЯХ.....	149
МАКСИМОВА Ю. А., МИЛЮТИНА М. Г. МЕТАФОРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ «ПОЛИТИКА – ЭТО ТЕАТР» В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ Л. Д. ТРОЦКОГО (на материале работы «История русской революции»).....	153
МАЛЫШЕВА Е. Г. МЕДИАКОНЦЕПТ «ОМСК» В РЕГИОНАЛЬНЫХ СМИ: СПЕЦИФИКА КОГНИТИВНОЙ СТРУКТУРЫ.....	158
МОРОЗОВА О. Н. ФОРМЫ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕКЛАМЫ В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ.....	163
МУХОРТОВ Д. С. ОБ ОБЩЕМ И ЧАСТНОМ В ПОНЯТИЯХ «ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ», «РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ», «ИДИОСТИЛЬ» И «ИДИОЛЕКТ» (на примере вербального поведения современных политических деятелей).....	167
НАХИМОВА Е. А. ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ КАК ДОМИНАНТА ПОЛИТИЧЕСКОГО ТЕКСТА.....	173
НЕЧАЕВА Е. А. СТРАТЕГИИ ВОЗДЕЙСТВИЯ В PR-ДИСКУРСЕ.....	175
ПЕТРОВА О. О. СЕМАНТИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ КОРРЕЛЯЦИИ ТЕРМИНОВ НАУК И ИСКУССТВ И СООТВЕТСТВУЮЩИХ ИМ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЙ (культурно-идеологический аспект).....	180
ПИТОЛИН Д. В. МЕТАФОРИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ДИХОТОМИИ «СВОЙ – ЧУЖОЙ» В СБОРНИКЕ РАССКАЗОВ ДЖ. ДИАЗА «THIS IS HOW YOU LOSE HER».....	184
ПЛАХОТНАЯ Ю. И. СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ РОССИЙСКИХ И АМЕРИКАНСКИХ ПОЛИТИКОВ В ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЕ.....	187
ПЛОТНИКОВА А. М. ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОЛИКОДОВЫХ СООБЩЕНИЙ В ПРАКТИКЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ (на материале дел о противодействии экстремизму).....	190
ПОЛЯКОВА Л. С. ГЕНДЕРНАЯ ТАКТИКА «ОТЗЕРКАЛИВАНИЕ» В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ (на примере выступлений англоязычных и русскоязычных политических деятелей).....	193
ПОПОВА Л. В. ОСЛУШАНИЕ КАК АНТИИДЕАЛ ПОВЕДЕНИЯ ЧИНОВНИКА В РУССКОМ ЮРИДИЧЕСКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ.....	198
ПОПОВА Э. Ю., ВАН ЧУНЬ ЛЯН. КОММУНИКАТИВНЫЕ НЕУДАЧИ УСТНОГО ПЕРЕВОДА В ПРОЦЕССЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ РУССКИХ И КИТАЙЦЕВ.....	201
ПОСТНИКОВА А. А. НАПОЛЕОНОВСКАЯ ЭПОХА В ИСТОРИЧЕСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦИИ.....	203
ПРОСВИРНИНА Л. Г. РАЗВИТИЕ СЕМАНТИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОГО ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ТЕРМИНА BRICS.....	209
РАБКИНА Н. В. СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОБРАЩЕНИЯ РОССИЙСКОГО ПРЕЗИДЕНТА К АМЕРИКАНСКОМУ НАРОДУ В ИНТЕРНЕТ-ВЕРСИИ «НЬЮ-ЙОРК ТАЙМС».....	213
РЕШЕТНИКОВА В. В. МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И КОММУНИКАТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ С ПОЗИЦИЙ ЛИНГВОДИДАКТИКИ.....	217
РОГОЖНИКОВА Т. П. ОСОБЕННОСТИ РУССКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА НАЧАЛА XX ВЕКА (на материале омских архивных источников).....	221
РОМАНОВА Т. В. ОБРАЗ РОССИИ: СПОСОБЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ (по материалам ассоциативного эксперимента).....	225
САДУОВ Р. Т. «СВОЙ» И «ЧУЖОЙ» В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ КОМИКСЕ.....	230
СЕРГЕЕВА Е. В. ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА СОВРЕМЕННЫХ ОППОЗИЦИОННЫХ ИНТЕРНЕТ-СМИ: ЗНАЧИМОСТЬ ИРОНИИ КАК ПРИЕМА РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ.....	232
СЕРЁГИНА И. А., КУРБАНОВ И. А. ДОМЕСТИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА ПЕРИОДА КРИЗИСА НА УКРАИНЕ.....	236
СМИРНОВА Н. Г. ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА СОБЫТИЙ НА УКРАИНЕ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ: МОРБИАЛЬНАЯ МЕТАФОРА.....	239
ТАГИЛЬЦЕВА Ю. Р. «ОЙ, А КАК ВЫ ЭТО СДЕЛАЛИ?», ИЛИ ФЕЙК КАК ПРИЁМ ИНФОРМАЦИОННОЙ (СЕТЕВОЙ) ВОЙНЫ.....	241
ТЕМИРГАЗИНА З. К. НОВОСТНОЙ СУБДИСКУРС КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА.....	243
УЛАНОВ А. В. ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС ПИСЕМ ИЗ СЕВАСТОПОЛЯ 1855 ГОДА.....	246
УПОРОВ А. А. «У НЕЙ ОСОБЕННАЯ СТАТЬ»: ЛЕКСИКА И ФРАЗЕОЛОГИЯ СО ЗНАЧЕНИЕМ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОСТИ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ ОБРАЗА РОССИИ.....	250
ФАНАКОВА Л. В. ЭЛЕМЕНТЫ ФАМИЛЬЯРНОСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ (ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ).....	252
ФЕДОТОВСКИХ Т. Г. КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ В ФОРМИРОВАНИИ РЕЧЕВОГО ПОРТРЕТА МЭРА Г. ЕКАТЕРИНБУРГА Е. РОЙЗМАНА.....	255
ФЕДЯНИНА Л. И. ЗООМОРФИЗМ СОЦИАЛЬНО-МАТЕРИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ НЕМЕЦКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ.....	257

ХРИСТОЛЮБОВА Л. В. ВОПРОСНО-ОТВЕТНЫЕ ЕДИНСТВА КАК СРЕДСТВО РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В РУССКОМ ГОМИЛЕТИЧЕСКОМ КРАСНОРЕЧИИ	261
ЦЫГАНКОВА А. В. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБУЧЕНИЯ ДЕТЕЙ ИЗ СЕМЕЙ МИГРАНТОВ В СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ	264
ЧУДАКОВА Н. М. СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ОЦЕНКАХ МОРЕБИЛЬНОЙ МЕТАФОРЫ	265
ЧУДИНОВ А. П. ПОНЯТИЙНО-ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АППАРАТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ	269
ШАХМАТОВА Т. С. ПРИЁМЫ ВОВЛЕЧЕНИЯ ЧИТАТЕЛЯ В ТЕКСТ КАК МАНИПУЛЯТИВНЫЙ РЕЧЕВОЙ ПРИЁМ ПРИ ИНФОРМАЦИОННОЙ АТАКЕ НА СОЦИАЛЬНУЮ ГРУППУ	270
ШЕСТАК Л. А. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА: РЕФЕРЕНЦИЯ И НОМИНАЦИЯ	274
ШУСТРОВА Е. В. БАРАК ОБАМА: НЕУТЕШИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ ЛЕТА 2014 В АМЕРИКАНСКОЙ КАРИКАТУРЕ	279
ЮЗЕФОВИЧ Н. Г. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ РОССИИ В МИКРОИСТОРИЧЕСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ: ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ	280
ЯНУШ О. Б. ФИННО-УГОРСКИЙ МИР В ПОЛИТИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИЗМЕРЕНИЯХ	283
ЯСКУЛЬСКИ А. ЯЗЫКОВЫЕ СПОСОБЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ПРОБЛЕМ РОССИИ В ДИСКУРСЕ РОССИЙСКОЙ ВЛАСТИ	287
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	293

АЛЕКСЕЕВА А. А.

Новосибирск

«КРЫМ НАШ»: КОНФЛИКТНЫЕ РЕЧЕВЫЕ ТАКТИКИ В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «ВКОНТАКТЕ»

Аннотация. В статье рассматриваются речевые тактики, которые используются участниками группы «Крым наш» социальной сети «ВКонтакте» при обсуждении присоединения Крыма к России и последствий этого действия. Выявлены такие тактики, как оппозиция «свой/чужой», насмешка, переход на личности (снижение статуса собеседника и оскорбление собеседника), оценка, нарочитая интеллигентность, обобщения (наклеивание ярлыков). Также в статье рассматриваются конкретные языковые средства реализации этих тактик.

Ключевые слова: речевые тактики, конфликт, социальная сеть, коммуникант, тред.

ALEKSEEVA A. A.

Novosibirsk

«CRIMEA IS OURS»: CONFLICT SPEECH TACTICS IN THE SOCIAL NETWORK VKONTAKTE

Abstract. The article concerns speech tactics used by members of the group «Crimea is ours» in the social network Vkontakte during discussions of Crimea joining to Russia and the consequences of this action. The following tactics are discovered: «in-group/out-group» opposition, gibes, arguing ad hominem (detraction of interlocutor's status and insult), appraisal, deliberate civility, generalizations (labeling). Particular verbal means of these tactics realization are also analyzed in the article.

Key words: speech tactics, conflict, social network, communicant, thread.

Конфликт между Россией и Украиной – одна из самых животрепещущих тем, обсуждаемых в настоящее время как в реальном, так и в медийном пространстве. Правомочность присоединения Крыма и следствие этого действия, вооруженные столкновения, массовые убийства, непростые экономические отношения между Россией и Украиной, попытки западных стран вмешаться в этот конфликт – все это обсуждается повсеместно, поскольку затрагивает болевые точки в отношениях между братскими странами и другими государствами мирового сообщества.

Конфликт в реальном пространстве находит отражение в СМИ, а также в различных социальных сетях, интернет-сообществах и форумах. Особенности и методам ведения информационных войн, приемам речевого воздействия и манипулирования в различных средствах массовой информации посвящено большое количество работ по политической лингвистике, а также социо- и психолингвистике. Однако, с нашей точки зрения, интересным и важным материалом для анализа являются также тексты-комментарии и треды (т.е. ветви сообщений) в социальных сетях, поскольку они написаны не профессиональными журналистами, часто с помощью публикаций преследующими свои цели или выполняющими определенный заказ государства, а обычными гражданами. Именно поэтому изучение тредов в социальных сетях может позволить сделать наблюдения относительно мнения людей по определенным вопросам, а сопоставление результатов, полученных в ходе исследования материала форумов и социальных сетей, с результатами анализов текстов СМИ поможет сделать выводы о степени воздействия последних на сознание обычных людей.

Материалом нашего исследования послужили треды в группе «Крым наш» [http://vk.com/crimea_nash] социальной сети «ВКонтакте». В рамках тредов участники могут не только оставлять свои комментарии по поводу прочитанной статьи, которая публикуется на «стене» группы, но также и вступать в диалог друг с другом. Задача данной работы состоит в том, чтобы определить особенности ведения спора российских и украинских граждан при обсуждении темы присоединения Крыма к России: какие тактики используются и какие языковые средства применяются для воплощения этих тактик.

Социальная сеть «ВКонтакте» была выбрана для исследования не случайно. Это наиболее распространенная среди русскоязычного населения социальная сеть, пользователи которой являются представителями абсолютно разных социальных и культурных слоев, а также возрастных групп. Эта социальная сеть используется для самых разных целей: не только для личного общения между знакомыми, но и в целях рекламы, а также как пространство полилога для обсуждения различных тем, причем комментарии, оставляемые пользователями, появляются в треде моментально после нажатия на соответствующую кнопку. Однако, несмотря на неоспоримые достоинства подобного материала, в настоящее время лишь сравнительно небольшое количество исследователей берет его за основу. В числе немногочисленных работ, построенных на материале текстов «ВКонтакте», диссертации Т. В. Алтуховой [Кемерово, 2012 г.] и Н. Г. Марченко [Ростов-на-Дону, 2013 г.].

Группа «Крым наш», выбранная нами для анализа тредов, является открытой, то есть каждый желающий может прочитать помещенные на «стену» группы статьи и комментарии пользователей, а также при желании включиться в обсуждение. Отметим, что все комментарии приводятся в данной работе в авторской редакции, с сохранением авторской орфографии и пунктуации, обценная лексика заменена значком ***.

В результате анализа тредов был выявлен ряд речевых тактик, которые коммуниканты используют в споре друг с другом.

1. Оппозиция «свой/чужой»

Данная оппозиция реализуется на вербальном уровне прежде всего вследствие того, что самая главная конфликтная ситуация (присоединение Крыма к России) предполагает передел территории, разделение на «ваших» и «наших». Именно поэтому в комментариях часто наблюдаются попытки наклеить ярлыки, определить «границы владения», опротестовать либо оправдать существующее положение: *Крым не ваш, а самое интересное, что*

он и не был вашим. И никогда не будет» (рос.) – Штука в том, что он и русским, целиком, тоже не был (укр.), Нам для НАШЕГО Крыма ничего не жалко!!! (рос.).

В подавляющем большинстве случаев данная оппозиция предполагает следующий смысл: все «свое» является хорошим, нравственным, единственно правильным, исторически обусловленным, законным, все «чужое» – плохим, безнравственным, незаконным и приносящим страдания: Украинцы показали, что готовы своими жизнями отдать за благополучие своей страны. настоящие патриоты, а не липовые как в России... Ваш патриотизм распространяется только на радости "крым-няш" и "у брата-соседа все х***" (укр.), Чего у вас нет, так это воспитания))) Когда будет тогда и поговорим))) (укр.), Из-за ваших пенсионеров нормальные молодые люди без работы пооставались даже в Ялте.. (укр.), И заберите своих дебилов с Донбасса, пока все двухсотками не выехали (укр.), Я надеюсь, у вас там не все такие тупицы (укр.), У нас все будет хорошо, не волнуйтесь Волнуйтесь за себя! (укр.), Переживайте за свою страну, а не за нашу (укр.).

Кроме того, украинские участники дискуссий нередко противопоставляют себя россиянам, поскольку те не являются непосредственными свидетелями событий, происходящих в Крыму и на Украине в целом, и, соответственно, не могут знать всю ситуацию изнутри: «Так что не знаю какие там у ВАС руки, а я знаю всё лично исходя из своей жизни» (укр.), Вы так говорите "А побывайте в Киеве", как будто вы там проживаете с детства и сейчас там беда-печаль творится. Да и знакомые предприниматели пока не жаловались. А у вас "линия доверия несчастных предпринимателей" открыта, что они вам толпами информацию из первых рук сливают? Это так забавно жить в Питере и рассказывать как же нам в Киеве плохо. Жить в Питере и рассказывать как сейчас в Крыму хорошо. Или со своего дивана лучше видно? (укр.), тем более Вам-то из Уфы виднее, что у нас тут происходит))) (укр.).

Оппозиция «свой/чужой» вербализуется не только на уровне противопоставления соответствующих местоимений *мы, наш, мой / вы, ваш, твой* и т.д. Она может быть выражена с помощью антитезы на основе слов «Россия» и «Украина»; иногда приводится название только одной страны. В подобных случаях мы видим стремление завуалировать категоричность, перевести оценку действий России или Украины из полюса эмоциональности в полюс рациональности, осознанно или бессознательно создать видимость серьезности утверждений или «позволить» читателям сделать нужный вывод самостоятельно: Только вот это не в Украине дома взрывали, метро, и не в Украине норд ост был... ну да ладно....живите спокойно.... (укр.), Еще раз спрошу: чем заслужил мой народ такие кричалки? И найди подобные проявления в России - видео, где массово люди кричат: Хохлов на рею" и т.д. (рос.).

Нам встретился только один контекст, в котором обвинения и нападкам подвергаются не только «чужие», но и «свой»: Мне за нас крымчан - стыдно, противно, мерзко.. продаем квартиру и уезжаем ...делаем логично - там где нам плохо жить, нам не место (человек не дерево, всегда может поменять свое место жительства) и если честно, то это ВЫ "расияне" так должны были сделать изначально....и радуйтесь теперь что в свободном "расийском крыме" на одного "пиндосовского раба" меньше...убогие....посмотрим как вы зимой запоете.... (укр.).

2. Насмешка

Насмешку можно рассматривать как метаприем, который используется наряду с другими речевыми тактиками в тредах. Это видно даже на уровне графики: очень часто высказывания сопровождаются «смайликами» (©,),), :-)) и др.). О насмешке над собеседником будет сказано ниже, в разделе «Переход на личности». В данном случае речь идет о насмешке, которая выражается при описании тех или иных событий или состояния дел в России или Украине, а также их конфликте. В основном насмешка в этих высказываниях строится на таком тропе, как ирония, т.е. употреблении слов в противоположном значении: Успокойся дите, живи в своем мордоре и не напрягай мозг, все эти злые дяди и тети – просто проплаченные, а на самом деле расия великая страна) (укр.), Ну а если что, ссылочка тут - но ты ее не читай, там все врут (укр.), «Восемь человек. Почти весь новосибирск!!!» (рос.) – о митинге новосибирцев против присоединения Крыма, А Путин - властелин вся мира)))))))))) (укр.), Ты прав, все ошиблись. Все это бабло в рос. бюджет просто посылает православный Богенька, оно не из карманов граждан России (укр.), Правый сектор белый и пушистый, мимими (укр.), И наши украинские друзья доведя Крым до такой нищеты еще что-то таякуют? (рос.), Паши дальше, крымские нелюди будут и дальше пользоваться твоими "трудами") (укр.), Ах, да, еще встречайте чудесные российские законы (укр.).

Насмешка также выражается с помощью неологизмов и языковой игры на основе существующих имен собственных, протонародных синонимов к имеющимся названиям: Россия называется *Рашей, рашкой, парашей* (причем эти слова часто пишутся со строчной буквы), *Расеей*, Путин – *Пукиным*, Украина – *окраиной*. Также используются производные слова наподобие *РашкоСМИ, порошенки*.

3. Переход на личности

Считается, что переход на личности является одной из грубейших логических ошибок в споре [Маскимов, Голубева 2010: 144]. Однако в тредах группы «Крым наш» эта ошибка наблюдается очень часто, что, конечно, способствует не конструктивному диалогу, а, напротив, эскалации конфликта. Можно выделить две речевые тактики, объединенные в этой категории.

3.1. Снижение статуса собеседника

Снижение статуса собеседника предполагает в данном случае использование в речи метафор и фразеологизмов с общим значением «ребенок», «неопытный человек», «человек, обделенный в отношении интеллекта» и усиливается использованием слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами: *Уже давно件antlyно, что в плане дискуссии, политики, истории ты ноль. Но что бы так все было запущенно... Бедняжка* (рос.), *Так что ты хреново вообще про Крым информирован, деточка* (укр.), *Мне с тобой разговаривать не о чем. Все равно как пустое место* (рос.), *А, подрабатываешь, бедняжечка* (укр.), *Детка, ты хотя бы знаешь, что такое "воспитанный человек"?* (рос.), *Ты свою аву видел? Облезлое общежитие – это про тебя, глупыш, а я взрослая трудоустроенная тетя из Украины<...>* (укр.). Интересно, что в последнем примере слово «глупыш» семантически подкрепляется словом «тетя», которое в значении «взрослая женщина» используется в основном при общении с детьми.

В большинстве случаев снижение статуса собеседника сопровождается насмешкой или даже издевкой над ним: *Попроси бабушек с дедушками одежды тебе приличной купить за их высокую пенсию* (укр.), *Хотя, конечно, всегда может быть, что он припрятал всю нормальную одежду на какой-нибудь путинский парад, а на каждый день скупается в секонд-хендах из экологических соображений* (укр.), *Или ты так сильно обиделась что тебе вообще никто не завидует?* Ах, ну да, *ты еще и в нищете жила* (укр.), *Беденькая. Наверное, с головой все совсем плохо. Недоедала, видимо, частенько* (укр.), *Или твоя гениальная логика говорит о том, что чем выше цены на территории – тем больше ее вклад в бюджет?»* (укр.), *Ты что, в мирской жизни попугайчиков разводил?* Немедленно бросай! *Видишь, как на тебе это вредно сказывается* (рос.) – намек на то, что собеседница в своих высказываниях берет за основу формулировки своего оппонента.

Интересно отметить также, что в большинстве случаев коммуниканты, спорящие по какому-либо поводу, изначально обращаются друг к другу на «ты», что также способствует обоюдному снижению статусов.

Иногда тактика снижения статуса проявляется не по отношению к тому собеседнику, которому отвечает участник дискуссии, а к другим коммуникантам троада: *Пускай жрут и на мове говорят, только гадить не надо* (рос.), *Пусть хоть друг друга жрут, лишь бы население не бомбили....* (рос.). В приведенных примерах формы повелительного наклонения 3 л. мн.ч., а также просторечные слова создают ощущение, что авторы комментариев ставят себя выше украинцев (в том числе тех, кто участвует в дискуссии), поскольку «дают им разрешение» на проявление своей сущности.

3.2. Оскорбления собеседника

Оскорбления собеседника, а также выражение пренебрежительного отношения к его словам довольно тесно связаны с тактикой снижения статуса собеседника, но имеют большую эмоциональность и степень экспрессии; большинство этих слов и выражений являются стилистически сниженными: они представляют собой жаргонизмы, грубые просторечия, а также обценную лексику, примеры которой мы в данной статье не приводим: *идиот, полный дегенерат, недоумок, наркоман, тупой оккупант, тварь, трепло, убожище сыкливое, тупорылые комменты, лузер, образец безмозгой биомассы, дешевая шалава, конченные шизики с куриным кругозором* и др. Кроме того, в комментариях используются оскорбительные императивы наподобие *заткни свою пасть, молчи в тряпочку, готовь очко к развалу на отдельные княжества* и т.д.

4. Оценка

В комментариях также используются слова аксиологической оценки. Эти слова могут применяться для характеристики высказывания собеседника либо сложившейся ситуации. Однако они не являются оскорблением, т.е. «унижением чести и достоинства другого лица, выраженным в неприличной форме» (Ст. 5.61 КоАП РФ). Подобные слова выражают оценку разного рода, прежде всего этическую: *Ну, пусть на нормальную работу устраиваются – хоть польза от тунейдцев будет* (рос.), *Тут взбунтовался весь горд, а не кучка проплаченных бездельников* (рос.), *Присоединять Крым к России – варварство* (укр.), *грабительские тарифы* (укр.) и др., нормативную (причем слова и выражения с семой 'ложность' мы также рассматриваем как примеры нормативной оценки, поскольку они указывают на несоответствие действительности): *Чуть мозг не лопнул от выворачивания на изнанку фактов, липовых, выборочных съёмок* (укр.), *Учитывая что реальные "за" в референдуме были 33-35%, а не те нарисованные.* (укр.), *В данном случае я имею ввиду татар поставивших многоуровневые кордоны по сбору 5 гривен у каждого исторического памятника. Это, согласитесь – не правильно!* (укр.), а также интеллектуальную: *Ты некомпетентен чуть более, чем полностью* (укр.), *А мы таких ура-патриотов неграмотных как ты знаем* (укр.), телеологическую: *Так что религиозный аргумент совершенно провальный* (рос.) и другие.

4. Нарочитая интеллигентность

По нашим наблюдениям, в высказываниях коммуникантов нередко наблюдается подчеркнутая интеллигентность, особенно в ответ на очень эмоциональные реплики собеседников. Собеседники не используют эмоционально-экспрессивной лексики, не прибегают к тактике прямого оскорбления оппонента, могут продолжать обращаться к нему на «Вы» и таким образом подчеркивают, что они способны не реагировать на эмоциональные выпады и рассуждать рационально, сохранять лицо в споре. Тем не менее завуалированная насмешка, а также рациональная оценка обсуждаемых событий и оппонента в споре имеют место: *[Ты наркоман штоле? "Угроза применения силы или её применение" это, по твоему, не одно и то же, что и "агрессия"??]* (укр.) – *Теперь найди в тексте резолюции ОСУЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АГРЕССИИ?) Постарайся без оскорблений* (рос.), *<...> Что российские СМИ продались западу, и привела ссылки в доказательство) Даже ИТАР ТАСС!!!!!!!!!!!! Только тсссс никому не говори. Подумают, что ты тоже продался* (укр.) – *Я могу на Саддама*

Хусейна и Петра 1 отсылку сделать) Где ссылка на официальный сайт минфина с подробным разбором бюджета? Любопытно в Крыму аграрный сезон провалился, что оттуда продают зерно)) "люди сидят без работы" - люди, не желающие работать, везде сидят без работы) (рос.).

Однако встречаются примеры интеллигентного спора без эмоционально-экспрессивной лексики с обеих сторон: Крым деградировал последние лет 10 удвоенными темпами. Россия пришла вовремя. Крым нужно спасать (рос.) – Крым нужно спасать. ОК. От кого и от чего, и каким образом? Закрытием украинских школ и храмов? Демонтажем дорожных знаков на украинском языке? Запретом въезда в Крым выдающимся представителям крымскотатарского народа? Негласным запретом на украинские и крымскотатарские историю, язык (оба, кстати, являются для Крыма государственными), культуру? Превознесением граждан русской национальности до статуса "белых людей" и репрессиями к гражданам других национальностей, вероисповеданий, мировоззрений? И в чем же это спасение будет выражаться? Куда прикажете девать тех, кто, по мнению ваших единомышленников, угрожает "безопасности и стабильности Крымского федерального округа"? За Перекоп, или за буйки? Спасители... (укр.), Судя по вашей реплике, вас раздражает именно тот факт, что русским теперь быть не зазорно? (рос.) – Нет. Раздражает именно то факт, что в Крыму теперь можно и нужно быть русским и только русским. И то, что украинцев и крымских татар, как в 30-е - 40-е гг. XX в. снова объявляют "экстремистами", "нацистами", "предателями", и создают им невыносимые условия для жизни (укр.) Однако такие примеры скорее исключение, чем правило.

5. Обобщения (наклеивание ярлыков)

Тактика обобщения выражается в том, что участники дискуссий формулируют какие-либо утверждение как очевидный факт, аксиому, для того чтобы приписать народу (российскому или украинскому) определенные нелицеприятные черты: Ну, в этом современная политика Украины – мелко гадить, неся убытки» (рос.), А то некоторые, проголосовавшие за рашу, обольщаются, что их россияне и так за людей считали) (укр.), Нет, ну русские хоть когда-нибудь научатся вспоминать историю, а не сочинять ее??? (укр.), Не первый раз убеждаюсь что Россия – страна рабов (укр.), И как после этого удивляться, что Россия – страна дураков, которую презирает весь мир? (укр.), Ну вот почему в России всем так хочется, чтобы Украина развалилась? :) (укр.), Нелогичность – национальная черта украинцев (рос.), А нездоровая цикличность одних и тех же суждений у россиян, которые утверждают что "КРЫМНАШ" (укр.), Зато кацапы все как один уверены что денег в бюджете завались (укр.). Как видим из примеров, подобные обобщения строятся на разных языковых средствах, например, использовании местоимения «весь» в разных его словоформах, риторических вопросах. Наклеивание ярлыков проявляется также в том, что некоторые высказывания содержат пропозицию характеристики.

Все вышеназванные речевые стратегии тесно взаимосвязаны. Противопоставляя свою страну чужой, участник обсуждения нередко оскорбляет представителей противоположного государства, иронизирует над ним и ее жителями, наклеивает на них ярлыки. На основании проведенного исследования можно сделать вывод о том, что россияне и украинцы ведут на просторах Интернета не конструктивный диалог, способствующий пониманию и поддержке друг друга, а острую полемику, перерастающую во взаимные оскорбления и, таким образом, усиливающую межнациональную вражду. Обсуждая статьи, публикуемые на стене группы, участники чаще всего не относятся к ним критически, а используют их как повод выразить свое мнение. При этом если мнение участника дискуссии совпадает с мнением автора статьи (а в группе «Крым наш» публикуются статьи антироссийского содержания), то он использует ее как еще один аргумент в пользу своей точки зрения; в противном случае автор статьи обвиняется в предвзятости, подтасовке фактов и т.д. Таким образом, подобные группы социальной сети Вконтакте являются площадкой для выплескивания агрессии на представителей противоборствующих государств, а не пространством цивилизованного диалога.

Литература

Алтухова Т. В. Коммуникация в социальной компьютерной сети «В контакте»: жанроведческий аспект: автореф. ... канд. филол. наук. – Кемерово, 2012.

Карасик В. И. Язык социального статуса: моногр. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. 333 с.

Марченко Н. Г. Социальная сеть «Вконтакте»: лингвопрагматический аспект: автореф. ... канд. филол. наук. – Ростов-на-Дону, 2013.

Русский язык и культура речи: учебник / под ред. В. И. Максимова, А. В. Голубевой. – СПб.: Златоуст, 2010. – 384 с.

Сковородников А. П., Копнина Г. А. Способы манипулятивного речевого воздействия в российской прессе // Политическая лингвистика. 2012. Вып. 3 (41). С. 36–42.

АЛЕКСЕЕВА Д. А.

Саратов

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ МЕТАФОРЫ В СОВРЕМЕННЫХ СМИ И СЛЕНГЕ

Аннотация. Анализируется метафоризация лексики политически и социально-значимой сферы экономических отношений на примере двух глагольных лексико-семантических групп, входящих в семантическое поле «Имущественные и товарно-денежные отношения»; актуальность использования метафор на базе газетных текстов 2000-х годов.

Ключевые слова: метафора, русский язык, СМИ, финансы, экономика.

ALEKSEEVA D. A.

Saratov

SOCIO-ECONOMIC METAPHORS IN MODERN MEDIA AND SLANG

Abstract. The article presents the results of the analysis that studied the metaphors based on politically and socially significant sphere of economical relationships on the data of two lexico-semantic groups within the semantic field of «Property and commodity-monetary relations» and these metaphors use currency in media of the 2000s.

Key words: metaphor, the Russian language, media, finances, economics.

Взаимоотношения между разными странами основывается на двух китах: политической идеологии и экономическом устройстве. Эти две сферы тесно сопряжены, более того, в свете последних международных событий можно сделать вывод, что экономические интересы государства могут существенно корректировать выбор политического курса (на примере попытки ввода европейскими странами санкций, направленных против частных лиц и компаний Российской Федерации, от которых пришлось отказаться по экономическим соображениям).

Соответственно, если такая связь зримо присутствует в реальности, то должна отражаться и в языке. Для проверки данной гипотезы обратимся к материалам словарей и газетного корпуса НКРЯ.

За исходную понятийную область (здесь и далее используется терминология, принятая в работе А. П. Чудинова [2001: 45-46]) возьмём семантическое поле «Имущественные и товарно-денежные отношения» и в рамках него выделим две лексико-семантические группы (ЛСГ) «Приобрести что-либо в собственность законно в результате торговой сделки, уплатив за это денежные средства» (назовём её условно ЛСГ-1) и «Приобрести что-либо в собственность незаконно, не уплатив за это» (назовём её условно ЛСГ-2). Рассмотрим метафоры, образующиеся от глаголов, входящих в указанные ЛСГ:

- в ЛСГ-1 на материале русского литературного языка входят такие единицы, подвергшиеся метафоризации, как *купить, откупить, подкупить, закупить, выторговать*; на материале сленга (под сленгом здесь и далее понимается некая «нестандартная подсистема лексики современного русского языка», «которую городское население России, независимо от возраста, образования и профессии, использует в непринужденном личном общении (а в современной социалингвистической ситуации – и в публичной речи)» [Розина 2005: 15]) к ним добавляются *выкупать, отовариться, перекупить, покупать, прикупить, приватизировать* (последнее было включено в ЛСГ-1 так как имеет место факт законности передачи собственности безвозмездно или за плату),
- состав метафор в ЛСГ-2 меньше почти в два раза и включает в себя следующие: *украсть, расхищать, ограбить, обокрасть, прикрасть*.

Отметим, что новая понятийная область для литературной метафоры семантически близка исходной «Приобрести что-либо в собственность» с той разницей, что отсутствует важный компонент уплаты или неуплаты денежных средств. Например, *купить* – «приобрести за деньги» → «расположить чем-либо в свою пользу, вызвать чью-либо симпатию» или *подкупить* – «привлечь, склонить на свою сторону деньгами, подарками и т.п.» → «расположить в свою пользу, вызвать чьи-либо симпатии». При этом результат получения чего-либо достигается с помощью иной «валюты» абстрактного, метафизического характера, как в случае с *выторговывать* – «торгуясь, добиться уступки в цене» → «добиться чего-либо, получить что-либо в результате просьб, уговоров и т.п.».

Таким образом, фрейм ситуаций остаётся прежним с заменой слота «деньги» на слот «просьбы», «уговоры», «обаяние», «личные качества» и т.д. Метафорический перенос осуществляется на основании компонента «получить власть над» с разницей, что при употреблении лексической единицы в её прямом значении некто, как правило, наделяется властью над неживым объектом, а при метафорическом использовании – над человеком или группой лиц (вызвать симпатию и склонить на свою сторону можно силы, за которыми стоят конкретные люди).

В рамках ЛСГ-2 общая структура ситуации также остаётся неизменной: *украсть* – от исходного значения «присвоить себе чужую собственность» образуется «воспользоваться чем-либо в ущерб другому, за счёт другого», *расхищать* – «разворовывать» → разг. «растрачивать, расточать» с аналогичной заменой слота «собственность» на абстрактное «что-либо».

Сленговые метафоры на базе ЛСГ-1 и ЛСГ-2 иногда повторяют эту же модель переноса (*покупать* – угол. «красть что-либо / брать, забирать что-либо», *купить, приватизировать* – «украсть что-либо», *перекупить* – угол. «передать краденое сообщник»).

Но в большинстве случаев они имеют сильно разнесённые исходные и новые понятийные области. Перенос смысла осуществляется в такие актуальные для носителей сленга понятийные области как:

- «Наркотики» (*выкупать* в значении «ощущать воздействие наркотика»),

- «Умственные способности и их оценка» (*выкупать* в значениях «понимать / рассмотреть что-либо и высказать свое мнение / узнать о чем-либо, догадаться», *прикрасть* – «совершить неожиданный (как правило, неумный) поступок; сделать, сказать глупость»),
- «Частные межличностные ситуации» (*купить* в значениях «обмануть, разыграть кого-либо / спровоцировать кого-либо на что-либо», *покупать*, *прикупить* – угол. «обманывать кого-либо», *прикупить* – угол. «найти слабую струнку в характере кого-либо / сделать кого-либо зависимым, используя компрометирующие материалы»),
- переходящие в открытый «Конфликт» (*отовариться* – «получить наказание», *купить* в значении «задержать, арестовать»),
- «Спорт» (*обокрасть* – спорт.: баск., футб. «отобрать мяч у соперника»).

Оговорив специфику сленговых метафор, уточним, что далее они рассматриваются не в противопоставлении литературным, а в качестве дополнения к ним для получения наиболее полной картины современного состояния языка.

Поясним, почему мы выделили две ЛСГ в рамках «Приобрести что-либо в собственность» ещё и по указанному признаку уплаты/неуплаты денежных средств, а не только по законности/незаконности такого приобретения. Ю. С. Степанов в свои работы, говоря о «нестыжателности», называл её одной из «самых отчётливых духовных границ русской культуры»: «Мы живём в стране, где бесплатная трудовая услуга вдове, старику, больному всё ещё, слава Богу, считается нормой. Мы выезжаем (на время или навсегда) в другие страны, где бесплатная трудовая услуга вдове, старику, больному считается странностью или глупостью» [Степанов 1997: 661].

Однако с 1990-х годов начался процесс первичного накопления капитала, который повлёк за собой изменение в мышлении отдельных граждан. То есть если раньше иметь что-то в собственности было однозначно хорошо, а вот передавать или приобретать (законно или нет) трактовалось как действие недостойное, а те, кто этим занимаются профессионально, воспринимались отрицательно [Балашова 2011], то теперь должно было прийти переосмысление этих видов деятельности как положительных. Наша задача – проследить, оказало ли изменение политической и экономической ситуации в обществе влияние на менталитет нации; для этого обратимся к Национальному корпусу русского языка.

В НКРЯ газетный корпус интересуют нас больше всего за счёт его полноты и наиболее актуального во временном аспекте языкового материала. Напомним, что данный корпус содержит в себе статьи 2000-х годов таких общественно-политических печатных газет как «Известия», «Советский спорт», «Труд», «Комсомольская правда» и электронных агентств РИА «Новости», РБК, «Новый регион». При этом нам важны принципы формирования газетного корпуса: «Каждый год выпуска должен быть представлен одинаковым объёмом текстов в несколько десятков миллионов словоупотреблений» [Национальный корпус русского языка: состав и структура], что гарантирует репрезентативность используемых материалов.

Единицы ЛСГ-1 «Приобрести что-либо в собственность законно в результате торговой сделки, уплатив за это денежные средства» имеют регулярное употребление в интересующем нас метафорическом значении, например: *В это время можно выторговать себе дополнительные бонусы у работодателя* [Зайниев 2011]; *Выходит, некоторые писатели получают страшную возможность «откупиться» от ада, продлить свое земное существование за счет того, что навязывают суицид другим* [Черных 2011].

Газетный корпус свидетельствует, что глагол *подкупать* вообще в большинстве контекстов используется в переносном значении, направлен как на человека: *Бойцовские качества его подкупают, обезоруживают* [Веткина 2011], *Энергетика Рыбина действительно подкупает* [Майоров 2011], так и на неживые объекты: *В Octavia Scout больше неметчины. Она невозмутима на скоростной трассе и подкупает чувством состоятельности в городе* [Гаврилов 2011]; глагол имеет частотные производные с таким же значением *подкупающая улыбка (прямота, непосредственность, искренность и т.д.)*. Агensem также может выступать человек: *В мужской части соревнований основные надежды возлагаются на Ивана Черезова и Евгения Устюгова. Первый подкупает стабильностью выступлений и ровной стрельбой* [Дмитриенко 2011].

Что касается *купить* и *закупить*, они часто используются в метафорическом смысле при покупке игроков одним из спортивных (чаще – футбольных) клубов: *Я считаю так: «Тереку» лучше купить кого-нибудь, чем брать в аренду* [Бодров 2009], *Если мы попытаемся купить кого-то уровня Кенуэйна Джонса или Романа Павлюченко...* [Бутырский 2010], *Посмотрите, красноярцы закупили сильных игроков и очень хотели нас обыграть* [Зетилов 2010].

Отдельно стоит упомянуть тот факт, что, несмотря на фиксацию в словарях сленга и жаргона, употребление лексем *выкупать*, *отовариться*, *перекупить*, *покупать*, *прикупить*, *приватизировать* в указанных выше значениях не встречаются в газетном корпусе НКРЯ.

Единицы ЛСГ-2 «Приобрести что-либо в собственность незаконно, не уплатив за это» часто используются для обоснования носящий отрицательный характер политической или общественной позиции человека или группы лиц по отношению к:

- частным лицам (*Видимо, мы все вместе что-то делаем не так, раз в обществе гуляют такие настроения, что можно посягнуть на этот праздник этих людей. Я считаю, мы должны подумать, что можно сделать, чтобы вернуть львовским ветеранам украденный праздник* [Чеченина 2011]);

- определённым организациям (*Между тем, жильцы других домов массово несут в офис управляющей компании письменные отказы платить корректировки. Я не собираюсь смотреть, как меня грабят! – возмущается жительница одного из домов на улице Коммунистической. – Пусть хоть и в суд подадут на меня и на всех моих соседей, если считают, что им такое по закону позволено. Но мы будем бороться!* [Клепиковская, Забоев 2011], *Политики от БЮТ не раз упрекали «РосУкрЭнерго» в коррупции. Говорили, что эта компания едва ли не обкрадывает Украину...* [Золотухина 2009]);
- ситуации в обществе (*Но для этого надо найти такой способ совмещать работу с материнством, чтобы не обкрадывать детей и не лишать их того, что им положено от рождения, – счастья общения с матерью и отцом* [Галкина 2010]);
- законам (*«Хватит грабить народ!», «Требуем отменить транспортный налог» красовалось на багажниках иномарок* [Рак 2011]);
- политическим силам (*И пока «партия власти» будет позволять своим людям, по сути, грабить нашу страну, у нас не будет никакой модернизации, а будет усиливаться разобщенность и озлобленность в обществе, – заявил Сергей Миронов* [Сокирко 2011]).

В противовес маркированию отрицательного отношения к чему-либо, спортивная метафора на базе ЛСГ-2 имеет скорее положительный характер, так как используется при описании ситуаций, когда «наш» игрок обыгрывает «чужого». Имеет высокую частотность: например, из 114 вхождений по глаголу *обкрадывать* 33 (т.е. почти треть) метафоричны и относятся к отбиранию мяча или шайбы (*Он сначала упускает прекрасную возможность у ворот гостей, теряет мяч, но затем сам же исправляет свою ошибку и обкрадывает своего обидчика. Далее следует сольный проход и удар по воротам* [Васильев 2011], *Чистов обкрадывает соперника в чужой зоне и выдает шайбу на крюк Сергею* [Советский спорт 2009]).

Что касается сленговых единиц, то они также не зафиксированы в словарных значениях, которые дают словари Т. Г. Никитиной, В. М. Мокиенко, М. А. Грачёва и С. И. Левиковой [Мокиенко, Никитина 2001; Никитина 2004; Левикова 2003; Грачёв 2006], как и сленговые единицы в рамках ЛСГ-1.

Итак, семантическое поле «Имущественные и товарно-денежные отношения», в рамках которого были рассмотрены ЛСГ-1 и ЛСГ-2, проецирует литературные метафоры в новую понятийную область, которая близка к экономической сфере при сохранении фрейма ситуации с заменой слота «деньги» на «абстрактную валюту» (просьбы, обман и т.д.). Результатом действия становится получение власти над неживыми объектами или другими людьми. Сленговые же метафоры могут не сохранять эту модель переноса смысла. В качестве новых понятийных областей выступают «Наркотики», «Умственные способности и их оценка», «Частные межличностные ситуации», «Конфликт», «Спорт».

Литературные метафоры на базе ЛСГ-1 и ЛСГ-2, противопоставленных по законности/незаконности приобретения собственности и по признаку уплаты/неуплаты денежных средств (*купить* vs. *украсть*), в целом, регулярно фиксируются в общественно-политических текстах 2000-х гг, в отличие от сленговых, которые не встретились в исследованных источниках (кроме *обокрасть* в спортивном дискурсе). Это, в свою очередь может быть связано с тремя факторами: а) быстрым обновлением фонда сленговой лексики, который не успевают фиксировать соответствующие словари; б) желанием авторов газетных текстов избежать употребления в статьях «приземлённой», не литературной лексики; в) спецификой самих текстов общественной и политической тематики, целью которых является охват максимальной аудитории, что может быть затруднено при активном использовании сленговых единиц, значение которых может быть непонятно некоторым слоям населения.

Что касается оценки, которую несут в себе метафоры, можно сделать вывод, что «Приобрести что-либо в собственность законно в результате торговой сделки, уплатив за это денежные средства» (ЛСГ-1) обозначает нечто положительное (*выторговать себе дополнительные бонусы, откупиться от ада, подкупать зрителей своей энергетикой*).

Действия, связанные с «Приобрести что-либо в собственность незаконно, не уплатив за это» (ЛСГ-2) трактуются отрицательно: *украденный праздник, высокие тарифы грабят народ*. Подобная номинация, как правило, сопровождается критикой в адрес социальных или политических сил.

Следовательно, определённый сдвиг в сознании и языковой картине мира всё же произошёл: если раньше и ростовщичество, и покупка, и торговля в целом воспринимались отрицательно; то теперь носитель русского языка «не видит» ничего плохого в том, чтобы купить, поторговаться, выторговать и даже подкупить. Отрицательная коннотация ЛСГ-2, связанной с кражей и незаконным присвоением собственности, правомерна и логична.

Источники

Бодров А. Главный тренер «Терека» Вячеслав Грозный: Грозный в Грозном – распоряжение свыше // Советский спорт, 2009.04.18.

Большой толковый словарь русского языка. Гл. ред. С. А. Кузнецов. Первое издание: СПб.: Норинт, 1998. Публикуется в авторской редакции 2009 года. URL: <http://www.gramota.ru> (дата обращения 4.07.2014).

Бутырский Д. Павлюченко напомнил о себе Реднаппу. Россиянин забил спустя четыре минуты после неожиданного выхода на замену [ВИДЕО] // Советский спорт, 2010.01.25.

В прошлый раз Федоров забивал еще Мышкину! // Советский спорт, 2009.09.12.

Васильев А. Пристрелянную клюшку не меняют! Лидер «Енисея» Сергей Ломанов дважды забил «орудием труда», которое привез с победного чемпионата мира // Советский спорт, 2011.02.04.

- Веткина А. Алексей Воробьев: Каждый день засыпаю с мыслью, что сделал еще не все... // Комсомольская правда, 2011.05.12.
- Гаврилов В. Сравнительный тест Skoda Yeti и Octavia Scout // РБК Daily, 2011.04.05.
- Галкина Г. Дженнифер Лопес: «Узнав, что жду двойняшек, я начала хихикать» // Труд-7, 2010.05.07.
- Дмитриенко И. Лишь бы не застрелились // Труд-7, 2011.03.02.
- Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000. URL: <http://efremova.info/> (дата обращения 16.07.2014).
- Зайниев А. Когда искать работу в 2011 году? // Труд-7. 2011.01.19.
- Зетилев И. Взвейтесь, «летчики», орлами! И без лидера Юрия Кушнарева подмосковные регбисты выиграли финальную серию // Советский спорт, 2010.10.20.
- Золотухина И. Леонид Кучма: «Тимошенко и Ющенко не договорятся никогда...» // Комсомольская правда, 2009.02.25
- Клепиковская К., Забоев А. Скандалы с корректировками в Сыктывкаре прогремели на всю Россию // Комсомольская правда, 2011.05.03.
- Майоров Б. У сборной нет идеологии! Борис Майоров анализирует выступление нашей команды на шведских играх // Советский спорт, 2011.02.15.
- Национальный корпус русского языка: состав и структура. URL: <http://www.ruscorpora.ru/corpora-structure.html> (дата обращения 4.07.2014).
- Национальный корпус русского языка: газетный корпус (корпус современных СМИ). URL: <http://www.ruscorpora.ru/search-paper.html> (дата обращения 6.07.2014).
- Рак И. «Пусть к нам придут судебные приставы!»: алтайские автомобилисты готовы идти до конца // Комсомольская правда, 2011.03.22.
- Толковый словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. 1935-1940. URL: <http://dic.academic.ru> (дата обращения 4.07.2014).
- Сокирко В. «Справедливая Россия» выдвинет своего кандидата в президенты на выборах-2012 // Комсомольская правда, 2011.04.16.
- Черных Е. Михаила Булгакова опекали тайные силы? // Комсомольская правда, 2011.05.12.
- Чеченина Е. «Наш долг – вернуть ветеранам украденный праздник» // Комсомольская правда, 2011.05.13.

Литература

- Балашова Л. В. История Русской Метафоры: когнитивный аспект. – Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing GmbH & Co. KG, 2011. 544 с.
- Грачёв М. А. Словарь современного молодежного жаргона. – М.: Изд-во Эксмо, 2006. 672 с.
- Левикова С. И. Большой словарь молодежного сленга. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2003. 928 с.
- Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русского жаргона. – СПб.: «Норинт», 2001. 720 с.
- Никитина Т. Г. Молодежный сленг: Толковый словарь. – М.: ООО «Изд. Астрель», ООО «Изд. АСТ», 2004. 912 с.
- Розина Р. И. Семантическое развитие слова в русском литературном языке и современном сленге: глагол. – М., 2005. 302 с.
- Степанов Ю. С. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.
- Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000): Монография / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2001. 238 с.

БАБИКОВА М. Р.

Екатеринбург

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ИМЕНА СО СФЕРОЙ-ИСТОЧНИКОМ «СПОРТ» В РОССИЙСКИХ СМИ

Аннотация. Рассматриваются ПИ со сферой-источником «спорт» в российских СМИ с целью выявления наиболее популярных субсфер-источников прецедентности и других особенностей функционирования указанных ПИ в российских СМИ в период с 2009 по 2014 гг.

Ключевые слова: прецедентное имя, сфера-источник «спорт», субсфера-источник, российские СМИ.

BABIKOVA M. R.

Ekaterinburg

PRECEDENT NAMES WITH SPHERE-SOURCE «SPORT» IN RUSSIAN MASS MEDIA

Abstract. Precedent names with the source-domain «Sport» functioning in Russian mass media are studied to determine the most numerous sources of precedence and the specific features of the precedent names found in Russian mass media in 2009 – 2014.

Key words: precedent name, sphere-source «sport», subsphere-source, russian mass media.

Понятие прецедентности уже давно введено в лингвистику и широко исследуется многими учеными. Однако все еще не существует единой методики анализа ПФ. Выбор методики зависит от направления и целей научной работы автора, которые диктуют приемы сбора, обработки информации и обобщения полученных данных. Самой популярной методикой анализа является определение сфер-источников прецедентных феноменов [Супрун, 1995; Земская, 1996; Постнова, 2001; Нахимова, 2004, 2007; Ворожцова, 2007 и др.].

Следующим распространённым аспектом анализа является установление и анализ трансформаций, представленных в прецедентных феноменах [Супрун, 1995; Земская, 1996; Илюшкина, 2004; Боярских, 2007 и др.].

Существует ряд работ посвященных манипулятивной функции прецедентных феноменов в рекламе [Дмитриева 1999, Балахонская 2002, Кушнерук 2006] и др.

Наша работа посвящена анализу субсфер-источников ПИ, представляющих сферу-источник «Спорт».

Спорт – популярное, полифункциональное, сложное, многозначное и противоречивое социальное явление, занимающее важное место как в общественной, так и в частной жизни каждого из представителей социума, поэтому спорт требует специального научного изучения, в том числе с точки зрения лингвистики.

Существующие в спортивном дискурсе такие элементы как: известные спортсмены, талантливые тренеры, захватывающие соревнования – обладают экстралингвистическими компонентами, которые позволяют тем или иным феноменам быть узнаваемыми в рамках какого-либо социума. Известные спортсмены становятся эталонами воли, силы, характера, здоровья, скорости, меткости, красоты, гибкости и других качеств. Ситуации, происходящие со спортсменами на поле, на площадке, на горе и пр. становятся шаблонными, известными всему миру.

Авторы текстов СМИ, стремясь к созданию эмоционально наполненных текстов, прибегают к использованию ПИ со сферой-источником «Спорт».

Наиболее популярной субсферой-источником для русской национальной культуры стала субсфера «Футбол» (23,7 %), что обусловлено известностью данного вида спорта.

– Зато выбегит на поле Диего Форлан – честный уругвайский футболист, трудяга. Безостановочный двигатель а-ля Дэвид Бекхэм в лучшие его годы [РГ, 07.07.2010].

– Вот при всей симпатии к «МЮ»- давайте просто подумаем. Ну там называли тебя не очень, на твой взгляд, хорошо (как, вероятно, и поступил с Эвра Суарес), так будь мужиком. Ответь на поле. Игрой. Ну хотя бы уж-как француз Зинедин Зидан итальянцу Марко Матераси в финале чемпионата мира-2006... А не беги жаловаться взрослым дядям, чтобы они твоего соперника без всяких, кстати, весомых доказательств от футбола отлучали! [РГ, 15.02.2012].

– В ЮАР процветает рукоблудие. Случилось это в матче Бразилия-Кот-д'Ивуар. Герой матча – дважды отличившийся Луис Фабиано во время исполнения одного из голов повторил подвиг двух великих коллег по амплу Пеле и Марадоны [МК, 22.06.2010].

Фоновые знания, которые содержат встретившиеся ПИ, в основном характеризуют стиль игры спортсменов, а также содержат в себе знания о каких-либо инцидентах и прочих ситуациях, которые случались с игроками на игровом поле.

Еще одной не менее популярной субсферой-источником в российских СМИ является сфера «Хоккей» (10,0 %).

– Любимца всей Канады в кленовой стране готовы носить на руках. Лучший бомбардир и ассистент КХЛ обязан стать одной из центральных фигур хоккейного олимпийского турнира. Отметим, что снайперских подвигов от Сидни особо не ждут, его задача снабжать передачами партнеров. А уж результативных снайперов в составе канадцев хоть отбавляй. Кросби, если хотите, – *это наш* Малкин [МК, 07.02.2014].

Отмеченные субсферы-источники представляют командные виды спорта. К субсферам-источникам командных видов спорта также следует отнести встретившиеся (в меньшем количестве) сферы: «Волейбол», «Баскетбол».

Индивидуальные виды спорта репрезентированы большим количеством субсфер-источников.

Самой частотной субсферой-источником является «Теннис» (12,1 %).

– С Николой не поспоришь. Многие каратистки запросто могли бы променять татами на подиум. Блондинка Елена Пономарева привлекает внимание публики не только яркой внешностью, но и громогласными криками в стиле Марии Шараповой [МК, 09.10.2012].

– Шарапова еще раз подтвердила, что на сегодняшний день она лучшая теннисистка в WTA. Но Шарапова не двужильный Рафаэль Надаль, в ее игре неизбежно наступит спад [АиФ, 27.02.2012].

– Но Питер не теннисный город, вырастить будущую Штеффи Граф в России можно лишь в Москве [КП, 13.09.2014]. Субсфера-источник «теннис» представлена и другими прецедентными именами.

Знаменитости автоспорта, преимущественно представители автогонок, характеризуют современную ситуацию на дорогах.

– Недавно 7-й отдел в течение месяца проводил рейд по отлову шумахеров. За 30 календарных дней к административной ответственности были привлечены около 2000 лихачей, 1020 из которых лишились водительских «прав» [МК, 13.06.2009].

Анализ российских СМИ показал наличие других ПИ, называющих представителей категории «Автоспорт», среди них такие как: Фернандо Алонсо, Себастьян Феттель, Льюис Хэмилтон, Айртон Сenna, Кимми Райкконен, Микка Хаккинен, Геннадий Моисеев и другие. Представленные имена имеют единичные случаи употребления.

Популярной также является субсфера-источник «Единоборства» (9,8 %)

– После этого поползли слухи, что доступ к телу гостей будет закрыт. К тому же кто-то из журналистов, минуя секьюрити, сумел пробраться в гримёрки звезд и начал к ним приставать с каверзными вопросами. Наказания не последовало: через полчаса к работникам пера и микрофона вышел Тимати в сопровождении нескольких «тельников» а-ля Николай Валуев [МК, 31.08.2011].

– А вот Тамерлану Тменову, дважды уже на тот момент призеру Олимпийских игр, было не до умилений, ведь именно российского супертяжа совсем не плюшевый медведь Тедди в финале покусал. Конечно, не как Майк Тайсон Эвандера Холифилда, не буквально [МК, 10.09.2010].

Индивидуальные виды спорта представлены и другими, но менее частотными субсферами-источниками, среди них такие как: «Биатлон», «Легкая атлетика», «Конькобежный спорт», «Шахматы» и др.

Результаты анализа субсфер-источников прецедентных имен сферы «Спорт» в российских СМИ представлены в таблице:

Субсфера-источник ПИ	ПИ в текстах российских СМИ, %
Командные виды спорта	39,0
Хоккей	9,8
Футбол	23,1
Волейбол	1,2
Баскетбол	4,9
Индивидуальные виды спорта	63,0
Легкая атлетика	8,5
Биатлон	6,1
Единоборства	9,8
Автоспорт	9,8
Водный спорт	1,2
Теннис	12,1
Конькобежный спорт	8,6
Шахматы	3,7
Гольф	1,2
Итого	100,0

Анализ ПИ со сферой - источником «Спорт» позволил сделать и другие интересные выводы. Наименее частотными являются те субсферы-источники, представители которых не так популярны среди массового зрителя: гольф, волейбол, водный спорт. Также в рамках каждой субсферы-источника были отмечены ПИ, употребляемые чаще и некоторые встретившиеся один-два раза. Так, самым популярным прецедентным именем, в блоке групповые виды спорта, стало ПИ «Майкл Джордан» – знаменитый американский баскетболист, «Диего Марадона» – аргентинский футболист, который признан самым лучшим футболистом в истории футбола «Пеле» – бразильский футболист, также имеющий мировую известность.

Среди индивидуальных видов спорта самое популярное ПИ – «Шумахер», это объясняется известностью данного спортсмена, как среди широкого круга читателей, так и среди узкого круга людей. В основном, данное ПИ характеризует современные ситуации на дороге, водителей, создающих аварийные ситуации.

В ходе анализа ПИ была отмечена особенность сферы бытования ПИ со сферой-источником «Спорт»: преимущественно, все встретившиеся ПИ фигурируют в рубрике «Спорт». Это обусловлено направленностью текстов на определенный (узкий) круг читателей, интересующихся спортом. Данный факт подчеркивает принцип общности фоновых знаний адресанта и адресата.

Однако, есть и такие ПИ, которые доступны и понятны массовому кругу читателей, например «Шумахер», «Плющенко», «Пеле», «Марадона», «Майк Тайсон». Указанные ПИ встретились в таких рубриках как «Общество», «Происшествия», «Культура».

Создавая свои тексты, российские журналисты апеллируют, прежде всего, к отечественным спортивным реалиям, которые являются более знакомыми и авторитетными для адресата. Однако выстроенный корпус ПИ претерпевает влияние сферы спорта западных и европейских стран, что выражено в высоком проценте использования ПИ, национально-культурным источником которых являются США, Бразилия, Германия, Испания и другие.

ПИ, встретившиеся в российском дискурсе СМИ, свидетельствует о непостоянстве, недолговременности исследуемых феноменов, т.к. представляют спортсменов начиная с конца XX века. Это обусловлено закономерной сменой эпох, времени, ценностей и идеалов. Известные когда-то футболисты, хоккеисты, гонщики, фигуристы и прочие чемпионы сегодня заменены пришедшими им на смену людьми, имеющими свой опыт, свои победы, свою славу, определенные физические и личностные качества, что способно сделать их узнаваемыми современному человеку.

Еще одна особенность использования ПИ со сферой-источником «Спорт»: наиболее популярны ПИ мужского рода, что обусловлено рядом объективных факторов: отсутствие женщин – великих спортсменок (в большом количестве), наиболее распространены те виды спорта, в которых женщины не могут реализовать себя.

Литература

Боярских О. С. Прецедентные феномены со сферой-источником «Литература» в дискурсе российских печатных СМИ (2004 – 2007 гг.): диссертация... канд. филол. наук: 10.02.01 / О. С. Боярских – Екатеринбург, 2008. – 231 с.

Ворожцова О. А. Лингвистическое исследование прецедентных феноменов в дискурсе российских и американских президентских выборов 2004 года.: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / О. А. Ворожцова – Екатеринбург, 2007. – 215с.

Земская Е. А. Цитация и способы ее трансформации в заголовках современных газет / Е. А. Земская // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. Памяти Т. Г. Винокур. – М., 1996. – С. 157–168.

Илюшкина М. Ю. Прецедентные феномены в российской и британской печатной рекламе услуг для туристов: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / М. Ю. Илюшкина – Екатеринбург, 2008. – 272 с.

Кушнерук С. Л. Сопоставительное исследование прецедентных имен в российской и американской рекламе: диссертация ... канд. филол. наук: 10.02.20 / С. Л. Кушнерук – Екатеринбург, 2006. – 213 с.

Нахимова Е. А. Использование корпусной методологии при сопоставительном изучении прецедентных имен // Политическая лингвистика 2013. № 3. с.48 - 56

Нахимова Е. А. Прецедентные имена в массовой коммуникации: монография. – ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т»; Ин-т социального образования. – Екатеринбург, 2007. – 207 с.

Постнова Т. Е. «Страсти по мехам» и «Кошмар на улице Вазов» / Т. Е. Постнова // Русская речь. – 2001. – № 6. – С. 69–72.

Супрун А. Е. Текстовые реминисценции как языковое явление / А. Е. Супрун // Вопросы языкознания. – 1995. – № 6. – С. 17–29.

Источники языкового материала

«Аргументы и факты» (АиФ).

«Известия».

«Московский комсомолец» (МК).

«Комсомольская правда» (КП).

«Российская газета» (РГ).

БАДАНИНА К. Г.

Нижний Тагил

ТИПЫ И СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ОЦЕНКИ В ТЕКСТАХ ПРЕДВЫБОРНОЙ КАМПАНИИ ПАРТИИ «ЕДИНАЯ РОССИЯ»

Аннотация. В статье анализируется оценка в текстах агитационной газеты «Единая Россия. Опорный край», выпускаемой во время предвыборной кампании в Государственную думу 2011 года. Особое внимание уделено наиболее продуктивным типам оценки и средствам выражения оценочного значения.

Ключевые слова: оценка; политический дискурс; выборы; «Единая Россия».

BADANINA K. G.

Nizhny Tagil

TYPES AND MEANS OF EXPRESSION EVALUATION IN TEXTS CAMPAIGN OF THE PARTY «UNITED RUSSIA»

Abstract. The paper analyzes the appraisal campaign in the texts of the newspaper «United Russia. Reference edge» published during the election campaign to the State Duma in 2011. Particular attention is given to the most productive types of assessment and the means of expression estimate.

Key words: assessment; political discourse; elections; «United Russia».

Оценочность является неотъемлемой частью политического дискурса. Зачастую оценка служит важнейшим средством достижения главной цели политических текстов – завоевание и удержание власти, формирование позитивного образа «своих» и отрицательного образа «чужих». Использование рациональной и эмоциональной оценки в политических текстах становится мощнейшим способом убеждения потенциального избирателя в том, что ему нужно отдать свое предпочтение именно данной политической силе.

Типы и средства выражения оценки, использованные в текстах партии «Единая Россия» «Единая Россия. Опорный край» (5 газет по восемь страниц) в ходе предвыборной кампании депутатов Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации VI созыва 2011 года, заметно отличаются от агитационных материалов других партий, принимавших участие в выборах. Это отличие обусловлено различием целей: если оппозиционные партии в ходе борьбы за власть пытались дискредитировать правящую партию, осветить события, изменения, происходящие в стране, как негативные, то главной целью текстов «Единой России» было удержание власти и формирование некой концепции оптимизма – образа благополучного, стабильного настоящего и еще более позитивного будущего. Данный тезис можно доказать, рассматривая частотность использования в листовках «Единая Россия. Опорный край» тех или иных типов оценки.

1. Положительная и отрицательная оценка – «"хорошо" – это норма и все, что выше нормы, а "плохо" – это все, что ниже нормы» [Вольф 1985: 19]. В текстах партии «Единая Россия» заметно преобладают позитивные оценочные единицы: «Они привнесли в партию *новую энергию развития, массу свежих идей*, способных *поднять* Россию на *новый экономический и социальный уровень*» («Единая Россия. Опорный край России», с. 1); «Курс на *обновление*, на *созидание*, на *стабильность* – смогла предложить государству *только* одна партия «Единая Россия»» («Единая Россия. Опорный край отчизны», с. 3).

Отрицательная оценочность встречается лишь в некоторых случаях, но и в этих случаях наблюдается сдвиг оценочного значения от отрицательного к положительному полюсу. Например, в процессе называния проблем современного общества (Евгений Порунов: «*Оставляют желать лучшего дороги, высока степень износа коммуникаций, есть недостатки с благоустройством, велика очередь детей в дошкольные учреждения*» («Единая Россия. Опорный край державы», с. 6)) негативная оценка обычно нивелируется, преуменьшается (Там же: «*Однако эти проблемы типичны для всех крупных городов и являются болезнями роста*» («Единая Россия. Опорный край державы», с. 6)). В рамках словосочетания, предложения, текста отрицательная оценочность слова, словосочетания (в основном, денотативная) зачастую обнуляется либо меняет вектор в позитивную сторону: «превышение рождаемости над *смертностью*», «рекордно низкий процент *безработицы*», «остановлен *вывоз капитала*», «снижается *преступность*» и т.д. Также отрицательная оценочность используется в отношении

«чуждых» сил, мешающих процветанию государства, но в текстах газеты «Опорный край» подобные примеры единичны: «Заметим, условия выполнения контракта на проведение ремонтных работ были составлены таким образом, чтобы *недобросовестным* подрядчикам здесь делать было нечего» («Единая Россия. Опорный край страны», с. 5); «Строительству гражданского общества сегодня, как правило, *мешают* именно мелкие чиновники на местах...» («Единая Россия. Опорный край России», с. 2).

Таким образом, приоритет положительной оценки над отрицательной говорит об общей позитивной и приподнятой интонации текстов, а также создает впечатление практически полного отсутствия и несостоятельности «чуждых» сил, их неспособности быть противопоставленными партии «Единая Россия».

2. **Эмоциональная и рациональная оценка.** Эмоциональная оценка призвана «изменить эмоциональное состояние собеседника и вызвать соответствующую реакцию» [Вольф 1985: 41], в то время как рациональная оценка является интеллектуально-логической, эмотивный компонент в ней отсутствует или выражен слабо. В текстах партии «Единая Россия» наиболее продуктивно использована рациональная оценка: авторы чаще апеллируют не к эмоциям, а к позитивным фактам, приводят конкретные примеры достижений политики правящей партии: «...*успешно реализуется* программа *поддержки* семьи и детства. Рождаемость *растет*, и это *замечательно!*» (Елена Чечунова) («Единая Россия. Опорный край отчизны», с. 3); «И 2011 год только *укрепил курс* руководства области на *поддержку* малообеспеченных категорий населения и работников бюджетной сферы, *создание* новых рабочих мест и *развитие* предпринимательской инициативы» (Елена Чечунова) («Единая Россия. Опорный край страны», с. 3]. Рациональная оценка в текстах может быть подкреплена точными цифрами. Использование числовых примеров для выражения позитивной оценочности – яркая характеристика предвыборных текстов партии «Единая Россия»: «Средняя зарплата при Медведеве *увеличилась с 17,2 тыс. до 21,1 тыс. руб.*» («Единая Россия. Опорный край страны», с. 2); «*Снизилось* число опасных заболеваний, таких как туберкулез и гепатиты – *в три и более раз*» («Единая Россия. Родины опорный край», с. 3). Рациональная и эмоциональная оценка – взаимосвязанные понятия: в рациональной оценке практически всегда есть эмоциональный компонент и наоборот. Эмоциональная оценка, призванная вызвать положительные чувства в отношении партии «Единая Россия», встречается в выводах текстов («Чтобы *каждый* россиянин мог *реализовать* себя, чтобы *каждый* был *уверен* в своем *будущем* и *будущем* своих детей!» («Единая Россия. Опорный край России», с. 2), а также в отрывках, принадлежащих избирателям, «простым людям» из народа: «*Спасибо* им, и партии “Единая Россия”, и руководителям нашего государства за *такую трепетную заботу*» (слова пенсионера, фронтовика) («Единая Россия. Опорный край отчизны», с. 7); «Это *правильная* партия с *правильной* программой» (слова электросварщика ОАО «Уралмашзавод») («Единая Россия. Опорный край державы», с. 7].

С приоритетом в отношении положительной и рациональной типов оценки связан выбор средств выражения оценочного значения. Рассмотрим распространенные для текстов партии «Единая Россия» средства выражения оценки.

1. **Лексические средства.** Большинство оценочных лексем являются позитивными, при этом данный оценочный компонент зачастую входит в семантическую структуру самого слова, содержится в его денотате. Употребление подобных лексем свойственно для рациональной и общей оценки. К примеру, в текстах «Единой России» использованы следующие лексемы, обладающие положительной оценкой: *безопасность, стабильность, развитие* (в значении «процесс закономерного изменения, перехода из одного состояния в другое, более совершенное» [Ожегов, Шведова 2003: 643]), *грамотный, энергичный, талантливый, компетентный, полезный, улучшить* и т.д.

В текстах газеты «Опорный край» частотно употребление прилагательных и качественных наречий, содержащих денотативную положительную оценку, в сравнительной степени для выражения успехов, которые достигла или достигнет партия «Единая Россия» за время своей работы: «наш город будет еще *современнее*, еще *лучше*, еще *богаче*» («Единая Россия. Опорный край державы», с. 6).

Эмоционально-экспрессивная лексика, в семантическую структуру которой входят эмоциональные, оценочные и экспрессивные элементы, также используется авторами газеты «Единая Россия. Опорный край», но в меньшем количестве. К примеру, в состав текстов входят торжественные (*исторический съезд, грандиозный форум, отчизна, держава*), одобрительные (*рукастые и головастые ребята*), неодобрительные, пренебрежительные и презрительные (в отношении сил, мешающих стране развиваться: *распря, дармовая нефть*) слова.

Таким образом, тексты «Единой России» характеризуются частотностью лексических единиц, выражающих положительную оценку, включенную в денотат лексемы.

2. **Контекст как средство выражения оценки.** По словам М.Н. Кожиной, «В живом употреблении, в контексте – особенно в речи разговорной, публицистической, в художественных произведениях – нейтральные единицы способны приобретать особые стилистические окраски» [Кожина 1993: 39]. Использование контекста для формирования оценочности определенных лексем типично для политического дискурса: политики и журналисты меняют значение многих лексических единиц, «выхолащивают» из них основное значение и усиливают дополнительное, коннотативное [Маслова 2008: электронный ресурс].

Для текстов «Опорный край» свойственно формирование посредством контекста определенных позитивных концептов, ценностей, выраженных словами, сочетаниями слов, зачастую не обладающими яркой оценочностью вне контекста.

Подобные ценности, к примеру, выражены словами «народ» и производными («*Соответствует требованиям времени и предвыборная программа партии. Она действительно Народная*» («Опорный край России», с.

1), «партия» («...партия остается авангардом российского общества, гарантом экономической устойчивости и социальной стабильности») («Опорный край России», с. 1), «люди» (в том числе различные категории граждан: пенсионеры, дети, многодетные семьи, бюджетники, молодежь, «человек труда» и т.д.) (Александр Мишарин: «Люди важнее механизмов и инфраструктуры, важнее конъюнктуры рынков прибыли. Люди – наша главная ценность!») («Опорный край России», с. 4) и т.д.

Средством выражения положительной оценки служит также лексика, обозначающая масштабность действий и программ, реализуемых партией. Данные слова в своем денотате зачастую либо не содержат оценку, либо содержат небольшой оценочный оттенок, но в рамках контекста они не только становятся оценочными, но и сами начинают влиять на оценочность окружающих языковых единиц: «историческое событие», «реальная возможность двигаться вперед *огромными* темпами» («Единая Россия. Родины опорный край», с. 1), «*широкомасштабные* меры по изменению сложившегося в области дефицита в области высокопрофессиональных рабочих» («Единая Россия. Опорный край державы», с. 4).

Контекстуально в текстах «Единой России» позитивно окрашиваются слова, выражающие мотив единственности партии, стабильности, обновления («...пора говорить о запросах *инновационной* экономики и, в первую очередь, *новых* подходов в инженерном образовании») («Единая Россия. Опорный край отчизны», с. 6)), возрождения, восстановления (Валерий Якушев: «Сейчас, благодаря политике нашей областной власти, снова *возрождается* добрая традиция...») («Единая Россия. Опорный край державы», с. 7)), деятельности («За нашу партию говорят *дела* и люди!») («Единая Россия. Родины опорный край», с. 3)), единства страны (Валерий Якушев: «Потому что сегодня успех *единой* России связан с победой “Единой России” на выборах депутатских и президентских») («Единая Россия. Родины опорный край», с. 2)).

Важный для «Единой России» концепт единства, выделения «своих» зачастую подкреплен типичными для политического дискурса маркерами: инклюзивное «мы», при этом партия отождествляет себя со всей страной, народом в целом и практически полностью избегает маркеров «чужих» («*Мы* делаем *общее* дело») («Единая Россия. Родины опорный край», с. 6)); лексемы совместности (Сергей Архипов: «А *наша* страна, между прочим, очень интересна миру!») («Единая Россия. Опорный край державы», с. 5)); лексические единицы с компонентом совместности («В свердловской области благодаря инициативам Александра Мишарина нет деления на своих и чужих пенсионеров: все *родные*, все *свои*») («Единая Россия. Родины опорный край», с. 7)) [Шейгал 2004: 119].

По словам Е.И. Шейгал, «...важным лингвистическим фактором, способствующим превращению нейтрального слова в инвективный ярлык, является его многократное упоминание в негативном контексте...» [Шейгал 2004: 128]. В текстах газеты «Единая Россия. Опорный край» данная закономерность присутствует в отношении слова «оппозиция» и производных: «Причем, это не *просто разговоры*, которыми *грешат* так называемые *оппозиционные* партии: *мол* мы придем к власти – и *завтра наступит светлое будущее, всех озолотим*» («Единая Россия. Отчизны опорный край», с. 6) (противопоставление ложности, мнимости в действиях оппозиционных партий и «реальных дел» «Единой России»). Но случаи «дискредитации» оппозиционных партий в газете «Опорный край» редки: авторы сконцентрированы на поддержании контекстуальной позитивности наименования партии «Единая Россия» и имен ее лидеров Владимира Владимировича Путина и Дмитрия Анатольевича Медведева: «И в этом *большая заслуга “Единой России”*, которая *дonesла наши чаяния* до самого верха и *отстояла наши интересы*» («Единая Россия. Опорный край державы», с. 6); «*Объективная оценка 2008 – 2011 годов для России под управлением Дмитрия Анатольевича однозначна – это успешное президентство успешного президента*» («Единая Россия. Отчизны опорный страны», с. 6).

Таким образом, контекст – важнейшее средство выражения оценки, позволяющее сформировать положительный или отрицательный образ у явлений, называемых оценочно нейтральными лексемами вне контекста.

3. **Фразеологические единицы**, используемые для повышения эмоционально-экспрессивной выразительности высказывания, также присутствуют в текстах партии «Единая Россия». В основном, они обладают позитивной оценочностью, реже негативной, и выражают равнодушие, заинтересованность политиков ситуацией в стране, призваны воздействовать на мнение потенциальных избирателей. Использование фразеологических единиц, как и эмоционально-экспрессивной лексики, – способ разговора «на одном языке» с избирателем, воздействовать на него: *болеть душой, получить вторую жизнь, новая страница, великое дело, развитие видно невооруженным глазом; Раньше о России только ленивый не вытирал ноги* и т.д.

4. **Метафора**. Политическому дискурсу целиком свойственно употребление когнитивных метафор: когнитивные метафоры – «одна из форм концептуализации, когнитивный процесс, который выражает и формирует новые понятия и без которого невозможно получение нового знания» [Краткий словарь когнитивных терминов 1997: электронный ресурс]. Образные метафоры в анализируемых текстах единичны (*разжигание недовольства, умышленный удар* и т.д.). Когнитивные метафоры зачастую связаны с мотивом строительства («И это – один из *важнейших кирпичиков в фундаменте социального обновления*») («Единая Россия. Опорный край России», с. 5)), мотивом единства страны («...чтобы *цепь преемственности* профессии железнодорожника не *прерывалась*, как *непрерывны и рельсы, соединяющие города нашей страны*») («Единая Россия. Родины опорный край», с. 5)), проблемами в чиновничьем аппарате («...парламент – это не клуб “*насиженных кресел*”») («Единая Россия. Опорный край страны», с. 6) и подобными.

В целом, использование метафор и фразеологизмов характеризуется отсутствием либо малой степенью образности, а также не является частотным, что подтверждает тезис о превалировании в текстах партии «Единая Россия» рационального типа оценки.

5. Интенсификаторы. Яркой чертой текстов предвыборной кампании партии «Единая Россия» является активное употребление интенсификаторов – «дескриптивных слов, не имеющих квалификативного смысла» и используемых для усиления, интенсификации оценочного и иных смыслов определенной языковой единицы [Вольф 1985: 31]. Благодаря интенсификаторам положительный вектор слова начинает двигаться по оценочной шкале от понятия «хорошо» к понятию «очень хорошо». Интенсификаторами в текстах партии «Единая Россия» чаще всего выступают количественные наречия, прилагательные с оттенком масштабности, прилагательные в превосходной степени: «Программа получилась *очень* живой и *абсолютно* конкретной» («Единая Россия. Опорный край державы», с. 2); «И случившееся *масштабное* новоселье – повод для воодушевления» («Единая Россия. Опорный край отчизны», с.7); «Фармкластер строит опытно-промышленное производство *новейшего* антивирусного препарата...» («Единая Россия. Опорный край отчизны», с.2).

Таким образом, интенсификаторы активно используются в текстах партии «Единая Россия» для усиления позитивного оценочного смысла.

6. Предложение. Некоторые ученые (Е.М. Вольф, Н.Д. Арутюнова) понимают синтаксический уровень и уровень текста как единственные уровни языка, на которых может быть реализовано оценочное значение. Оценочное высказывание может содержать оценочные единицы других уровней языка, но в то же время «отдельные слова высказывания оценочными могут не являться» и приобретать ценностный смысл под действием модальных слов, языкового и внеязыкового контекста, интенсификаторов и т.д. [Вольф 1985: 7]. К примеру, в текстах газеты «Опорный край» частотны предложения, в состав которых входят оценочно нейтральные лексические единицы, но все высказывание целиком носит приподнятый, положительный характер, так как называет позитивный факт (явление, свойственное рациональной оценке): «Вот откуда появились средства на повышение зарплат, выплаты ветеранам и пенсионерам, ремонт школ и поликлиник, на льготы бюджетников, на помощь молодым и многодетным семьям при решении вопросов с жильем» («России опорный край», с. 1).

Также в текстах партии частотно использование предлога «благодаря» для выражения значимости «Единой России» и «конкретности», «реальности» ее дел (Александр Мишарин: «Однако, *благодаря* вертикали власти и «ЕДИНОЙ РОССИИ» мы обеспечили бесперебойные социальные выплаты, мы заставили бизнесменов подписать график неснижаемых налоговых платежей» («Единая Россия. России опорный край», с. 1)) и частицы «только» для обозначения мотива «единственности» партии, ее исключительности и отсутствия у нее реальных политических конкурентов («Сегодня *только* партия «Единая Россия» выполняет все обязательства перед страной и людьми» («России опорный край», с.3)).

Таким образом, агитационным текстам газеты «Единая Россия. Опорный край», выпускаемой в ходе предвыборной кампании в Государственную Думу 2011 года, свойственна общая приподнятая, оптимистическая интонация. Данная интонация направлена на формирование у потенциального избирателя ощущения стабильности, уверенности в успехах политики правящей партии. В текстах положительная оценка доминирует над отрицательной, а рациональная оценка над эмоциональной соответственно. Преобладание определенных типов влечет за собой выбор наиболее продуктивных и частотных средств выражения оценки: лексика с положительной оценкой в денотате, позитивный контекст, активное использование интенсификаторов и т.д.

Источники

- Единая Россия. Родины опорный край. – 2011. – 28 ноября.
- Единая Россия. Опорный край державы. – 2011. – 8 ноября.
- Единая Россия. Опорный край отчизны. – 2011. – 1 ноября.
- Единая Россия. Опорный край страны. – 2011. – 25 октября.
- Единая Россия. Опорный край России. – 2011. – 17 октября.

Литература

- Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М. : Языки русской культуры, 1998. 896 с.
- Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М. : Наука, 1985. 228 с.
- Кожина М.Н. Стилистика русского языка. М. : Просвещение, 1993. 224 с.
- Краткий словарь когнитивных терминов / Сост. Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. М., 1997 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vocabulary.ru/dictionary/849>.
- Маслова В.А. Политический дискурс: языковые игры или игры слова? // Политическая лингвистика. – 2008. - Вып. 1 (24). – С. 43 – 48 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://philology.ru/linguistics2/maslova-08>.
- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М. : ООО «ИТИ ТЕХНОЛОГИИ», 2003. 944 с.
- Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М. : ИТДГК «Гнозис», 2004. 326 с.

БАРАНОВА А. А.

Екатеринбург

ОТРАЖЕНИЕ РОССИИ НА ФОНЕ ДРУГИХ ГОСУДАРСТВ В ЭФИРЕ РАДИО «ЭХО МОСКВЫ»: СМЕНА СИСТЕМЫ КООРДИНАТ

Аннотация. Проанализированы изменения в характеристике России в эфире общественно-политической радиостанции «Эхо Москвы» в 2008-2009 и 2013-2014 гг. Выделены ключевые смыслы в характеристике России: «Россия – влиятельная глобальная держава, занимающая срединное положение между Западом и Востоком, способная противостоять Западу и влиять на положение других стран», «Россия – страна третьего мира в стадии упадка». Показана трансформация этих смыслов в анализируемых радиопрограммах в последние годы.

Ключевые слова: радиопрограмма, радиостанция «Эхо Москвы»; политический дискурс; журналистский дискурс; международная тема; Россия; глобальные державы; страны третьего мира.

BARANOVA A. A.

Ekaterinburg

REFLECTION OF RUSSIA AGAINST THE BACKGROUND OF OTHER STATES ON THE AIR OF RADIO «ECHO OF MOSCOW»: A CHANGE OF COORDINATE SYSTEM

Abstract. The author analyzes changes in the characterization of Russia on the air of public and political radio station «Echo of Moscow» in 2008-2009 and 2013-2014. Key meanings in characteristics of Russia are selected: «Russia is an influential global power, occupying a middle position between the West and the East, able to confront the West and to influence the position of other countries», «Russia – country of the third world in the stage of decline». The author shows the transformation of the senses in the analyzed radio programs in recent years.

Key words: radio program; radio station «Echo of Moscow»; political discourse; journalistic discourse; international theme; Russia; global power; third world countries.

В связи с активным участием России в 2013-2014 году в двух масштабных международных событиях – Олимпиаде в Сочи и конфликте на Украине – появилось множество программ на международные темы на радиостанции «Эхо Москвы», где отразилось положение России на мировой арене. При этом направленность программ, отраженная картинка международного положения России по сравнению с предыдущими годами изменились. Какие изменения произошли в отражении взаимодействия России с другими государствами в 2013-2014 году и какой выглядит Россия в эфире радиостанции, позиционирующей себя как свободное и независимое СМИ, – глобальной державой или страной третьего мира – ответ на этот вопрос является целью данной публикации.

СМИ – вольно или невольно – трансформируют представления о событиях, вносят свою оценку, иногда даже привносят агональность в описываемые явления [см., например, 3; 4; 5; 10; 14; 16]. Все это влияет на представление российской аудитории как о своей стране, так и о ситуации в мире. Концепция радиостанции играет важную роль в отражении реальной картины мира. Если говорить о концепции радиостанции «Эхо Москвы», то это СМИ позиционирует себя как «свободное радио для свободных людей», «радио – для свободных», «витрина свободы слова» [7; 8; 9]. Вполне логично, что СМИ с такой идеологией в большей степени выражает частные интересы и поддерживает оппозицию [15, с. 49-51]. Действительно, как показали наши предыдущие исследования, эта репутация во многом оправдана, в эфире этого радио, как правило, много критических элементов, представлены разнообразные точки зрения [1; 2; 11; 12].

Однако со временем критика в эфире радио «Эхо Москвы» видоизменяется, набор точек зрения становится иным, меняется и отражение России на фоне других государств. В данной статье проанализируем два периода: 1) период начала финансового кризиса – 2008-2009 годы, 2) период конфликта на Украине и проведения Олимпиады в Сочи – 2013-2014 годы (мы выделяем эти события, так как наибольшее количество материалов в СМИ в данный период шло именно об этих событиях, хотя, безусловно, были и другие заслуживающие внимания международные события, но они не попали в центр внимания).

1. Отражение России на фоне других государств в 2008-2009 гг.

Как показал анализ текстов радиопрограмм, на радиостанции «Эхо Москвы» в 2008-2009 годах Россия на фоне других государств описана противоречиво. Можно выделить как минимум две противоположные позиции, транслируемые в программах радио «Эхо Москвы»: 1) Россия – влиятельная глобальная держава, занимающая срединное положение между Западом и Востоком, способная противостоять Западу и влиять на положение других стран; 2) Россия – страна третьего мира в стадии упадка.

Достаточно часто журналисты стараются подчеркнуть влияние России в мире. Так, в речи журналиста М. Маргелова при перечислении стран вырисовывается иерархия «глобальные – маленькие»: *«Каждая страна, каждая маленькая страна – а упомянутые вами страны и Сирия, и Венесуэла, и Украина – это маленькие страны, они, так или иначе, лавируют между Россией и США, между США и Китаем, между Китаем и Евросоюзом, между Евросоюзом и Россией. На этом строится их внешняя политика, на этом строится их любая предвыборная кампания, любая кампания»* [Безвластие // Эхо Москвы. 2009. 9 янв.]. В приведенном фрагменте за счет использования морской метафоры «лабиринта» намечается структура мира: есть несколько крупных, глобальных держав, в число которых попала Россия наравне с США, Китаем и Евросоюзом, а все остальные страны – маленькие (Сирия, Венесуэла, Украина). Причем речь идет явно не о размере территории, а именно о международном влиянии крупных стран.

В некоторых программах Россия представлена наравне с Америкой, может сотрудничать с ней. Н. Асадова отмечает: «Как известно, Россия всячески собирается способствовать Америке в урегулировании этой проблемы» [Разворот // Эхо Москвы. 2009. 3 дек.].

Но гораздо чаще намечается противостояние России и Запада. В высказывании М. Маргелова намечается классификация «Восток – Россия – Запад»: «Мне только непонятно одно: почему вот это вот самое различие мнений, в конечном счете, выливается в отстаивание, на мой взгляд, абсолютно ложного тезиса: «Дружить с Западом – значит, ругаться с Москвой». Вот это мне непонятно совершенно. Почему стремление дружить с Западом – это такое вот стремление дружить против России? Ну, кто вам сказал, что Россия не собирается дружить с Западом? Мы дружим с Западом так же, как и с Востоком» [Безвластие // Эхо Москвы. 2009. 9 янв.]. Хотя журналист подчеркивает свое несогласие с подобным разделением, но тем не менее транслирует эту точку зрения.

Россия может вмешиваться в дела других стран: «Россия должна вмешиваться во внутривнутриполитическую борьбу и оказывать помощь, поддержку тем кандидатам, которые, с точки зрения России, для нее более выгодны» [Безвластие // Эхо Москвы. 2009. 9 янв.]. По Договору о коллективной безопасности «если, условно говоря, на Белоруссию напали, Россия должна защищать. Значит, Россия должна вводить туда войска и на этой территории проводить какие-то боевые операции. Также в Узбекистане, пока он является участником этого договора, в Таджикистане и т. д. и т. п.» [В круге света // Эхо Москвы. 2009. 8 сент.]. В числе союзников России названы Белоруссия, Узбекистан и Таджикистан. Предполагаемые враги России не названы, но глагол «защищать» предполагает наличие определенной угрозы, «напали» – означает агрессию, а слова «войска» «боевые операции» относятся к военной тематике, то есть предполагается наличие вражеских государств. У России в этом двуполярном мире есть определенные обязанности, о чем говорит модальность долженствования (должны, должна).

С другой стороны, в некоторых программах Россия, наоборот, относится к числу стран третьего мира. С. Бунтман размышляет в эфире: «Малоприятно, что российская компания стоит в одном списке с разнообразными организациями из Северной Кореи, Венесуэлы, Сирии, со «Стражами революции»... Но давно понятно, что Россия по праву занимает место в ряду подобных стран, что это все «наши»» (Реплика Бунтмана // Эхо Москвы. 2008. 24 окт.).

Третья схема – «Россия – Европа – бывшие страны СНГ»:

М. Маргелов: Алексей, Евросоюз в данном случае – не третий судья. Это, если хотите, переходник, это стыковочный механизм.

А. Венедиктов: Попробуйте без переходника что-то решить там, где у вас не совпадает.

М. Маргелов: Ну, вилки разные, да? У кого-то вилка плоская, а розетка под круглую дырочку.

А. Венедиктов: Да-да-да [Безвластие // Эхо Москвы. 2009. 9 янв.].

Таким образом, в журналистском дискурсе отражается многомерная структура мировой политической сферы, и Россия подается на фоне этой многомерной структуры, вписана в эту структуру. Окружающие страны делятся и по признаку «дружественность или враждебность».

Иностранные государства, в частности, западные страны, во многих контекстах представлены как агрессоры:

Р. Сафаров: Иран не может остановить свой процесс развития. А американцы и западные государства, партнеры Америки хотят именно этого, чтобы Иран просто скатывался на уровень третьесортных государств, чтобы никогда доступа не было к современным технологиям, понимаете?

А. Дурново: Почему хотят?

Р. Сафаров: Любой, так сказать, выход Ирана на новый технический уровень активизирует пропорционально его участие в решении международных проблем и вопросов. Соответственно, и влияние этого государства на региональные государства будет увеличиваться [Разворот // Эхо Москвы. 2009. 24 сент.].

Из текста следует, что западные государства стремятся остановить развитие Ирана. Развитие – постепенное совершенствование, усиление, расширение. То есть развитие – положительная характеристика, следовательно, остановить развитие – действие, оцениваемое отрицательно. Отметим, что в данном фрагменте намечена классификация государств – деление по уровню развития на «западные» и «третьесортные» государства. Роль России в данном случае тоже обсуждается, но оценивается неоднозначно, зато оценка западных государств однозначно негативная.

В целом, наличие как минимум двух точек зрения о положении России среди других государств («Россия – сильная глобальная держава» и «Россия – страна третьего мира») в программах радиостанции «Эхо Москвы» в рассматриваемый период хоть и делает картину мира несколько противоречивой, но вполне соответствует требованиям к независимым СМИ. Именно в разнообразии взглядов проявляется независимость и объективность СМИ, а слушатели сами решают, какая точка зрения им ближе.

2. Отражение России на фоне других государств в 2013-2014 гг.

Как показал анализ «ударных» программ на общественно-политические темы «В круге света», «Разворот», «Реплика Ореха», вышедших в эфир радиостанции «Эхо Москвы» в 2013-2014 годах, «вектор» отображения России на фоне других стран в 2013-2014 гг. меняется. В эфире радио «Эхо Москвы» практически исчезают заявления о том, что Россия – слабая страна или страна третьего мира и в значительно большей степени оказывается представлена позиция «Россия – сильная глобальная держава», правда с оговоркой «глобальная держава, которая действует в отношении других государств неправильно».

В наибольшей степени в эфире радиостанции «Эхо Москвы» отражен конфликт на Украине, и при этом, конечно, ярко показано противостояние России с другими странами. Россия противопоставляется Европе: «Вот нас тянули в восприятие ситуации с Украиной как будто есть какая-то такая игра типа двух команд и вот какая из них первой за-

хватит город, вступит Украина в Таможенный союз или вступит в ассоциацию свободной торговли с ЕС. Но России абсолютно извините, не нужен Таможенный союз, нам нужно, чтобы были как можно более низкие торговые барьеры и с Украиной, и с Европой. И мне кажется, если бы Украина вступила в эту ассоциацию свободной торговли, а мы бы снизили торговый барьер с Украиной, считайте, для страны получили бы дополнительные бенефиты» [В круге света // Эхо Москвы. 2013. 3 дек.]. В приведенном фрагменте обозначены три субъекта: Россия, Европа (Евросоюз) и между ними – Украина. Причем подчеркиваются мотивы противостояния между Россией и Европой за счет метафоры игры («игра», «команды») и обращения к метафоре войны, о чем свидетельствует слово «захватит». В этой игре-войне Россия, судя по всему, выступает достойным противником Европы. В целом же подтверждается тезис «Россия действует в отношении других государств неправильно» (в данном случае этот тезис обоснован с экономической точки зрения): в последнем предложении автор настойчиво использует сослагательное наклонение («если бы Украина вступила», «мы бы снизили», «получили бы»), тем самым моделируя возможную, но несуществующую ситуацию взаимодействия трех политических субъектов, и ситуация эта оценивается положительно (бенефиты – это льготы и компенсации, что с экономической точки зрения хорошо). Но эта ситуация не соответствует действительности, а значит, в подтекст уведена негативная оценка реальных действий России в отношении Украины.

Наряду с Европой Россия противостоит и своему второму противнику – США. Рассмотрим один из показательных фрагментов. Участник программы «В круге света» Е. Гурвич, анализируя ситуацию на Украине, проводит ряд параллелей: «Небольшим странам удобно лавировать между двумя большими крупными силами, Лукашенко время от времени делает вид, что если Россия не поддержит их экономикой теми или иными способами, то он выйдет из союзов государства, из единого экономического пространства. Азербайджан ловко достаточно лавировал между Россией и США» [В круге света // Эхо Москвы. 2013. 3 дек.]. В данном фрагменте четко противопоставлены «небольшие страны» и «крупные силы». К небольшим странам отнесена Украина, о которой собственно идет речь в анализируемой программе и которая ставится в один ряд с другими небольшими странами – Белоруссией и Азербайджаном. А «крупные силы» в данном случае – Россия и США. То есть Россия – все-таки глобальная держава, которая способна противостоять таким же глобальным державам. Отметим повтор морской метафоры «ларировать», которую мы наблюдали и при анализе материала 2008-2009 гг. и которая вновь подтверждает позицию «Россия – глобальная держава».

Тезис «Россия – сильная глобальная держава» хорошо раскрывается при разговоре о возможных санкциях со стороны западных стран в отношении Российской Федерации в связи с ситуацией на Украине. Из программ, прозвучавших на радио «Эхо Москвы» в этот период, следует, что санкции Европы не так уж страшны, Россия слишком влиятельна и обладает слишком большими ресурсами, чтобы санкции других государств могли серьезно на неё повлиять. Так, одна из программ «Разворот» носит подзаголовок «Как далеко может зайти Запад в санкциях против России?», и в самом начале этой программы гость Д. Тренин произносит фразу: «Теоретически мы можем фантазировать, как угодно высоко, но надо иметь в виду, что президент Путин является хозяином крупнейшего вместе с Соединенными штатами арсенала ядерных вооружений» [Разворот // Эхо Москвы. 2014. 11 марта]. Вновь Россия поставлена в один ряд с США, а превосходство сверхдержав подчеркнуто превосходной степенью прилагательного «крупнейший» и явно намеренным использованием слова «хозяин» в отношении руководителя России. Выведена на первый план характеристика «собственник» (а не «руководитель»), что больше соответствует принципам абсолютной монархии, чем демократического государства. Подобные «выпады» в адрес В. В. Путина, обвинения его в недемократичности встречаются и в других программах рассматриваемого периода (см. ниже).

Далее журналист пытается уточнить позицию собеседника, проводя параллель с положением Северной Кореи, но в итоге получается, что собеседники только лишний раз подчеркивают малую значимость санкций западных стран против России:

Е. Бунтман: Насколько это реально – фактически и международная изоляция России? Потому что ничто даже не приходит на ум в качестве примера. Что, Северная Корея? Ну, и то...

И. Землер: Ну, во-первых, она маленькая, во-вторых, у нее нет такого ядерного оружия.

Д. Тренин: Я думаю, что речь может быть о частичной изоляции и, прежде всего, политической на Западе. Я думаю, что до экономической изоляции нам идти очень долго, я не думаю, что мы пройдем весь этот путь. Если уж говорить об экономической изоляции, то мне на ум приходит Иран – это, на мой взгляд, такой более адекватный пример, чем Северная Корея, но Россия все-таки больше чем Иран значительно, и в России есть больше собственных ресурсов, у нее более развитые международные отношения. И существуют в мире не только западные, но и другие страны, прежде всего Китай, с которым отношения прерываться не будут. И, кроме того, в отличие от Ирана Россия и общение с Россией представляет для Запада некоторую ценность [Разворот // Эхо Москвы. 2014. 11 марта].

Из приведенного фрагмента следует, что Россия больше стран, которые попали в подобную ситуацию, у России больше ресурсов и много разных соседей. Опять подчеркивается мысль «Россия – сильная глобальная держава», и получается, что такой стране санкции не страшны.

А автор программы-реплики А. Орех и вовсе заявляет: «Ясно, что все эти санкции Запада для нас – что слону дробина» [Реплика Ореха // Эхо Москвы. 2014. 17 марта]. Предложенное сравнение подчеркивает величину и неуязвимость России. Но вместе с тем программа носит явно критический характер. Даже подзаголовок программы ироничен – «А теперь заберем у хохлов Донбасс!». Желание отнять у Украины часть территории гиперболизировано. Автор использует развернутую метафору «Россия – как рыба», а «Политическая ситуация вокруг Украины – рыбная ловля»: «Сейчас кажется, что целью России было выловить в мутной украинской воде рыбку в виде Крыма. Такую небольшую рыбку. Рыбку выловили. Но если рыбак поймал рыбку – это вовсе не означает, что он тут же смо-

тает удочки и начнет из этой единственной рыбки варить уху или сушить воблу. Мало ли – вдруг удастся поймать что-нибудь еще? Какую-нибудь ирку или сома!». Сразу же вспоминается масса анекдотов и журналистских публикаций о том, что «можно и Аляску у Америки под шумок забрать», появившихся в Интернете как раз в этот период. Автор настойчиво дает понять, что Россия уж слишком «поймала кураж». Вновь появляется смысл: «Да, Россия сильная держава, но действует в отношении других стран неправильно».

Противостояние России и Запада неизбежно проявляется и в программах, посвященных Олимпиаде в Сочи. Хотя надо сказать, что этой теме в эфире радиостанции «Эхо Москвы» уделялось гораздо меньше внимания, чем украинскому конфликту. Это вполне логично, так как Олимпиада – все-таки спортивное событие, и журналистов данного СМИ оно интересовало в той мере, в какой было связано с политикой. Например, журналист А. Дурново обсуждает с гостями скандал вокруг победы российской фигуристки Аделины Сотниковой на соревнованиях: *«Тут даже интересно не это, а петиция, которая появилась на просторах Интернета, которую подписывают, я так понимаю, в основном граждане США»* [Разворот // Эхо Москвы. 2014. 21 февр.]. В центр внимания попадает факт, связанный с тем, что именно граждане США выступили против российской спортсменки. Ни текста петиции, ни хотя бы цитат из зарубежных СМИ, оспаривающих победу российской чемпионки, в программе не представлено.

Если заглянуть на сайты разных СМИ, то можно найти множество цитат о несправедливости присуждения победы на Олимпиаде российской фигуристке А. Сотниковой. Как показывает анализ программ радиостанции «Эхо Москвы» за предыдущий период, традицией данного СМИ является использование точных цитат из первоисточников и ссылки на другие СМИ, в том числе зарубежные, что говорило об объективности отражения картины мира. Однако в программе 2014 года ни одной цитаты из зарубежных СМИ, связанной с российской спортсменкой, не прозвучало. Зато дано слово российскому спортивному обозревателю Н. Калугиной, которая в деталях (возможно, даже с излишним количеством спортивных терминов) описывает, почему победа А. Сотниковой оправдана: *«Сразу хочу сказать, что «золото» Аделины Сотниковой абсолютно оправдано... Дело в том, что не так давно правилами... раньше фигуристов учили чуточку недокручивать прыжок для того, чтобы показать красивый выезд, и поэтому среднее поколение пришлось переучивать. Аделина показала идеальные докруты, говоря на профессиональном языке, то бишь она идеально выкручивала все обороты, и один из них она перекрутила. Из-за этого у нее было приземление на две ноги. И ей сделали сбавку в одну десятую балла – это опять-таки законно. Остальное она выполнила. И что еще хочу сказать – ну простейшее: каскад из трех прыжков. У Сотниковой 3 оборота – 2-2, у Ю-на Ким 2-2-2. Уже само это говорит за себя. Само катание и Ю-на было абсолютно безупречно. Но именно техническое превосходство Аделины и привело к ее победе. Понятно, почему именно Елена Буянова стала ставить такую сложную программу. Сама Елена Буянова – это Елена Водорезова, ученица Станислава Жука, который мало работал с женщинами и всегда ставил на них суперсложные программы. Вот техническая пометка, которая была засчитана судьями и привела к победе Аделины Сотниковой»*. Такие профессионализмы, как «докруты», «недокручивать», «перекручивать», «каскад» и тем более цифры «2-2» и «2-2-2», понятны далеко не всем представителям аудитории. Обратим внимание: журналист не «вклинивается» в такой длинный монолог, хотя в других программах этой радиостанции ведущие часто перебивают гостей, а правило хорошего тона любой диалоговой журналистской программы – пояснить непонятные термины. Возникает ощущение, что цель программы – не столько пояснить, почему победа российской спортсменки заслуженная, сколько навязать свою оценку: неоднократно повторяются оценочные слова «оправдано», «идеальные», «идеально». Сразу после этого монолога происходит переход к другой теме разговора. Конечно, мы не возьмемся оценивать справедливость решения судей, может быть, действительно, весь скандал вокруг чемпионки намеренно раздут американцами, но все-таки заметно почти полное отсутствие альтернативной точки зрения в данной журналистской программе.

Особый интерес в плане смешения тем спорта и политики представляет программа-реплика А. Ореха *«А давайте будем болеть против России!»*. Программы-реплики на радио «Эхо Москвы» всегда отличались особой остротой и непримиримостью, но в данном случае негативная оценка ситуации в России проявляется особенно ярко: *«В связи с тем, что в процессе подготовки к Олимпиаде было потрачено и украдено гигантское количество рублей. В связи с тем, что Олимпиада в Сочи является личным капризом Владимира Путина. В связи с тем, что эти Игры призваны под видом пропаганды величия России стать пропагандой воровского режима КГБ-шников – у людей либеральных возникает вопрос: а надо ли нам вообще болеть за спортсменов сборной России? Зачем? Чтобы слушать сталинский гимн? Чтобы участвовать в прославлении диктатора? Чтобы олимпийскими победами прикрыть жуликов и притеснителей свободы и прав человека? А может вместо щенячьих восторгов по случаю побед в каком-то непонятном шорт-треке опубликовать побольше фотографий из туалетов, где унитазы ставят уже не попарно, а целыми батареями? Собрать коллекцию всего сочинского идиотизма и сделать так, чтобы его увидело максимально возможное количество людей?... Слишком много чести будет Путину, чтобы мы стали болеть против своих спортсменов только ради того, чтобы у него на пару минут испортилось настроение»* [Реплика Ореха // Эхо Москвы. 2014. 7 февр.]. Негативно-оценочная лексика здесь представлена в большом количестве: «украдено», «каприз», «воровской режим», «жулики и притеснители свободы», «идиотизм». Явная абсурдность предложения автора – не поддерживать спортсменов такой недемократической, диктаторской страны – подчеркивает негативный характер всего высказывания. В этом ряду негативно-оценочными выглядят и параллели с советским государством – упоминаются советские политические субъекты и реалии: «КГБ-шники», «сталинский гимн». Весь этот негатив однозначно связывается с именем В. В. Путина. В целом радио «Эхо Москвы» продолжает традицию критиковать действующую власть в России, проводя параллели с СССР [см. 13]. Эта традиция вполне соответствует общей традиции российских

СМИ ругать власти [6]. Однако возникает вопрос: а так ли уж независимы журналисты, которые предлагают аудитории только одну точку зрения?

Отметим, что отрицание российской демократии в эфире радиостанции «Эхо Москвы» присутствовало и ранее (в 2008-2009 годы), однако чаще отрицательная оценка касалась партии власти, которую поддерживает президент, а первое лицо страны оставалось авторитетом, разве что журналисты позволяли себе немного поиграть с фамилиями первых лиц страны: новообразования «путинисты» и «медведианцы», «пропутинский» хоть и ироничны, но именовали тех, кто поддерживал политического лидера и его партию, а не самого лидера. В данном же случае ярко проявляется негативная оценка конкретного политического деятеля, что, на наш взгляд, является новой тенденцией в отражении российской действительности на радио станции «Эхо Москвы».

Почему-то в проанализированных программах внимание гораздо больше сосредоточено на ресурсах, чем на тех реальных проблемах, которые действительно начались в стране с началом украинского конфликта: на фоне нестабильности политической ситуации стоимость валюты практически неконтролируемо взлетела, стоимость акций многих крупных, в особенности газовых компаний упала. В экономических СМИ об этом говорят немало. Так ли уж неуязвим российский «слон»? То же самое касается освещения Олимпиады в Сочи.

В целом, можно отметить, что радиостанция «Эхо Москвы», с одной стороны, продолжает свои традиции – большое внимание к международной тематике, критика власти, активное использование параллелей с субъектами и реалиями советского общества. С другой стороны, представленные точки зрения на проблему стали менее разнообразными, в некоторых случаях наблюдается одностороннее отражение международной ситуации, на первый план вышла позиция «Россия – сильная глобальная держава» и вместе с тем усилился смысловой компонент «держава, которая поступает неправильно».

Литература

- Баранова А. А. Особенности репрезентации власти как политического субъекта в программах радиостанций «Радио России» и «Эхо Москвы» // Коммуникативно-управленческие стратегии в развитии социальных систем : сб. мат-лов междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 15-16 ноября 2012 года) : в 3 ч. – Ч. 1. Интегрированные маркетинговые коммуникации как фактор динамики развития социальных систем. – Екатеринбург : ИГУП, 2012. – С. 165-173.
- Баранова А. А. Способы репрезентации России как политического субъекта в программах радиостанций «Радио России» и «Эхо Москвы» // Политическая коммуникация : мат-лы Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 24–26.09.2013) / Гл. ред. А. П. Чудинов ; ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т». – Екатеринбург, 2013. – С. 23-30.
- Ворошилов В. В. Журналистика. – СПб. : Изд-во Михайлова В. А., 2000. – 336 с.
- Каблуков Е. В., Майданова Л. М. Метаморфозы агональности в современном парламентском дискурсе // Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности. – Екатеринбург : Урал. ун-т, 2006. – С. 258–277.
- Клушина Н. И. Стилистика публицистического текста. – М. : МедиаМир, 2008.
- Майданова Л. М. Образ власти в современных медиатекстах // Известия Уральского гос. ун-та. – 2006. – № 40. – С. 148-151.
- Никифорова А. Совершеннолетие в эфире. Матвей Ганапольский о новом и старом на «Эхо Москвы» // Совершенно секретно. – 2006. – №11. – С. 29.
- Официальный сайт радиостанции «Эхо Москвы» [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://echomsk.ru>.
- Пархоменко С. Б. Повелитель Эха: учитель истории Алексей Венедиктов вот уже десять лет сам делает историю // Итоги. – 2000. – Авг.
- Прохоров Е. П. Введение в теорию журналистики. – М. : Аспект-Пресс, 2007.
- Сойнова А. А. К вопросу о качестве журналистской критики // Наука-ВУЗ-Школа. – Магнитогорск : МаГУ, 2008. – С. 254-257.
- Сойнова А. А. Негативные оценки политических субъектов в журналистском дискурсе // Тенденции развития языка СМИ: актуальные проблемы : мат-лы Первой Междунар. заочной науч.-практ. конф. молодых исслед., 26 ноября 2010 – Тамбов : ТГУ им. Г. Р. Державина, 2010. – С. 271-279.
- Сойнова А. А. Советские феномены в современном медиатексте: интерпретация и оценка // Речеведение: современное состояние и перспективы : мат-лы междунар. науч. конф. – Пермь : Пермский гос. ун-т, 2010. – С. 415-421.
- Чудинов А. П. Политическая лингвистика. – М. : Флинта : Наука, 2006.
- Шариков А. В. Политическое радио и общество // Шариков А. В. Ключи к эфиру : В 2 кн. Кн. 1. Радиожурналист и политика. – М. : Аспект Пресс, 2007. – С. 30-61.
- Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. – М. : Гнозис, 2004.

БАСТИНОВИЧ Е. В.

Surgut

ФЕНОМЕН ИНТЕРФЕРЕНЦИИ В СИСТЕМЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Аннотация. Статья посвящена исследованию феномена интерференции при формировании искусственного билингвизма. Особое внимание в статье уделяется исследованию различных типов и основных этапов формирования искусственного билингвизма. Также рассматривается роль родного языка в процессе формирования искусственного билингвизма и степени проявления интерференции на различных языковых уровнях.

Ключевые слова: феномен интерференции; искусственный билингвизм.

BASTINOVICH E. V.

Surgut

INTERFERENCE'S PHENOMENON IN THE SYSTEM OF LINGUOCULTURAL RESEARCH

Abstract. The article investigates the phenomenon of interference in the artificial bilingualism's formation. Particular attention is paid to the study of various types and main stages of artificial bilingualism. Also the author analyzes the mother language's role in the process of forming an artificial bilingualism and the manifestation's of interference at different linguistic levels.

Key words: the phenomenon of interference; artificial bilingualism.

Проблема языкового взаимодействия приобретает свою значимость в условиях глобализации гуманитарных знаний. В ситуации традиционно активного взаимодействия и взаимовлияния языков: русского языка и немецкого языка, как основного иностранного, представляется важным рассмотреть вопросы интерференции в условиях искусственного билингвизма (далее ИБ).

Ситуация билингвизма возникает как «продукт функционирования языка в определенных социальных условиях» [Ханаху, 1993: 98].

Практический социолингвистический аспект билингвизма обусловлен необходимостью выполнения общественных функций иностранным языком, например в трудовой деятельности. Данный аспект предопределил условия инициации билингвизма.

Обратимся к рассмотрению важных для исследования дефиниций явлений «интерференции» и «искусственного билингвизма».

Л. В. Щерба писал: «Овладение каким-либо иностранным языком создает для данного индивида своего рода двуязычие, и то, что справедливо относительно естественного двуязычия, может быть в той или иной мере приложимо и к подобному случаю «искусственного двуязычия» [Щерба 2004: 60].

В своей последней работе Щерба затронул вопрос «чистого двуязычия», когда два языка усваиваются независимо и смешанного двуязычия, когда второй язык усваивается через первый и «привязывается» к нему [Щерба, 1951: 17].

О. С. Ахманова предложила следующее определение: «Билингвизм – то же, что двуязычие, одинаково совершенное владение двумя языками» [Ахманова, 1969: 67].

В понимании сути билингвизма мы отталкиваемся от типологии Е. М. Верещагина, который вслед за академиком Щерба выделил на основе характеристики условий изучения и использования иностранного языка:

- искусственный,
- естественный билингвизм [Верещагин, 1969: 88].

Помимо выше изложенных видов билингвизма, Верещагиным были выделены следующие типы билингвизма по типам речевой деятельности:

1. «Рецептивный билингвизм, то есть чтение и понимание текста без «внутреннего проговаривания», который не предполагает знакомство с фонематическим аспектом иностранного языка.

2. Репродуктивный билингвизм, то есть воспроизводство про себя, прочитанного или услышанного.

3. Продуктивный билингвизм, предполагающий не только понимание и воспроизводство про себя, но и воспроизводство иностранного текста» [Верещагин, 1969: 28].

В языкознании разработаны следующие типы билингвизма, охватывающие условия возникновения и существования билингвизма:

а) «субординативный, ситуация владения субъектом одним языком лучше, чем другим / координативный, владение разными языками в равной степени свободно;

б) активный, ситуация обращения субъекта более или менее регулярно к обоим языкам / пассивный, ситуация обращения к одному из языков;

в) контактный, ситуация поддержания билингвом связи с носителями языка / неконтактный, ситуация полного отсутствия такой связи;

г) автономный, ситуация освоения субъектом языков без последовательного соотнесения их между собой / параллельный, ситуация овладения языком с опорой на овладение другим языком» [Муратова, 1987: 166-175].

Типичная для российской системы образования ситуация ИБ предполагает приобретение иностранного языка как иностранного на основе русского языка. В данном случае речь идет о практике параллельного билингвизма, согласно типологии. В рамках существования ИБ возникает также ситуация субординативного билингвизма, при котором слова второго языка связываются не с системой понятий, а со словами родного языка, для которого

весьма характерно несвободное владение языком, а в свою очередь координативный, когда субъект овладевает иностранным языком на высоком уровне.

Существует следующая типология ИБ в современной практике российской образовательной системы:

а) субординативный ИБ, распространена ситуация владения учащимися одним языком лучше, чем другим / координативный ИБ, владение разными языками в равной степени свободно представлено в значительно меньшей степени;

б) контактный ИБ, ситуация поддержания учащимися связи с носителями языка / неконтактный ИБ, в большинстве случаев ситуация полного отсутствия такой связи у учащихся;

в) параллельный ИБ, распространена ситуация овладения языком с опорой на овладение другим языком.

В условиях российской действительности, объем общественных функций и сфер применения иностранных европейских языков, в виду интеграции, обозначил рамки так называемой «максимальной и минимальной интерференции языков».

В лингвистической научной практике понятие «интерференция» возникло в среде ученых Пражского лингвистического кружка [Прохоров, 1997: 426].

В условиях современной полилингвальной среды мировой интеграции овладение иностранным языком означает процесс перестройки речевых механизмов человека с целью взаимодействия двух языковых систем – русского, немецкого языков.

Механизм двуязычия, как полагает Р. К. Миньяр-Белоручев, заключается «в возбуждении знаковых, денотативных (семасиологических) или ситуационных связей лексических единиц в условиях необходимости или возможности выбора между двумя языковыми системами» [Миньяр-Белоручев, 1996: 15-16].

В условиях русско-немецкого билингвизма в процессе овладения учащимися иностранным языком связи устанавливаются между данными двумя языками. При этом в процессе интерференции, соответственно, доминируют денотативные или ситуационные связи лексических единиц родного русского языка.

По мнению ученого, «при обучении иностранным языкам исключить стереотипы родного языка из процесса обучения учащихся после достижения определенного возраста просто невозможно» [Миньяр-Белоручев, 1983: 95-99].

Мир учащегося отражается в понятиях, сформированных на основе родного языка и с учетом всего многообразия присущих данному языку выразительных средств. Явления иноязычной культуры всегда оцениваются учащимися через призму принятых в родном лингвосоциуме культурных норм и ценностей, через призму усвоенной им модели миропонимания.

При изучении лексических единиц иностранного языка каждая новая иноязычная лексическая единица связывается не с тем или иным субъектом действительности, а с соответствующим словом родного языка и только через него с самим обозначением.

Однако возникает опасность создания ложной интерференции в том случае, если новое немецкое слово не имеет полноценного эквивалента в русском языке. Поэтому уже на начальном этапе обучения иностранным языкам необходимо сформировать механизм функционирования ИБ и развивать его на последующих этапах обучения.

Р. К. Миньяр-Белоручев обозначил следующие особенности управления ИБ, которые необходимо учитывать в создании условий для успешного функционирования ИБ:

- возможность создания ложных знаковых связей между лексическими единицами изучаемых языков;
- связь иностранного языка с родным языком, с соответствующей семантической системой, которая образуется вокруг любой лексической единицы;
- доминирование языка, который подавляет второй и прочие языки и является причиной не только лексической, грамматической, но и лингвострановедческой интерференции.

Итак, в целом межъязыковая интерференция рассматривается как отрицательное влияние родного языка на иностранный, основной причиной которой является явление переноса. «Перенос – это сложное явление психики, скрытый механизм которого позволяет человеку использовать в своей мыслительной и моторной деятельности то, что ему известно, при новых или относительно новых обстоятельствах» [Китросская, 1970: 227].

В качестве результата реализации явления переноса рассматривается интерференция, то есть отрицательные отклонения от нормы изучаемого языка и фацилитация, то есть положительный перенос – адекватное, быстрое, успешное построение модели на другом языке.

При этом, межъязыковая интерференция рассматривается как «неосознанное использование элементов родного языка при построении текстов на иностранном языке» [Кремер, 1981: 47-56].

Следовательно, в лингвистическом плане межъязыковая интерференция является продуктом отрицательного взаимодействия контактирующих языковых систем.

Выделяются также следующие типы интерференции:

- «импрессивная интерференция», которая проявляется в процессе восприятия иноязычной речи (при понимании);
- «экстенсивная интерференция», проявляющаяся при порождении речи [Китросская, 1970]. Другими словами возникает необходимость управления процессом интерференции, о возможностях которого речь идет в следующем параграфе данного исследования.

В целом, проблеме интерференции языков в процессе обучения иностранным языкам посвящены исследования следующих отечественных и зарубежных ученых: Я. М. Колкер (2002, 2004), Р. К. Миньяр-Белоручев (1991, 1996), И. В. Чернецкая (2001), Л. В. Щерба (1974), L. Prodromou (2002) и др.

И. В. Чернецкая пришла к выводу о том, что в научном мире признается влияние родного языка на изучение иностранного и необходимость оптимального использования родного языка в целях достижения наибольшей эффективности обучающего процесса.

В связи с этим она выделила три основных фактора, условно обозначим «процесса оптимизации интерференции»:

- «неразрывная» связь между языком, мышлением и окружающей действительностью, что находит свое выражение в формировании картины мира;
- наличие у обучаемых навыков и умений речепорождения на родном языке к началу обучения иностранному языку;
- существование языковых компонентов, присущих языковым системам абсолютного большинства языков мира, или языковых универсалий» [Китросская, 1970].

Речь идет об использовании языковых универсалий на основе родного языка в процессе формирования языковой компетенции.

Оптимизирующее влияние родного языка отмечал Я. М. Колкер: «Родной язык может служить подспорьем в овладении иностранным практически на любой ступени обучения, если его применение системно и если с его помощью достигаются не только практические, но также образовательные и развивающие цели [Колкер 2004:20].

Ряд теоретических положений, существенных для исследований интерференции, Л. В. Щерба высказал уже в 1909 году в статье «Субъективный и объективный метод в фонетике». Идея о важности фонемных различий для различения смыслов и о зависимости восприятия разных фонем от звуковой системы родного языка, слушающего, (в дальнейшем эту зависимость стали описывать как фонологическое сито) [Щерба, 1951: 12].

Ученый подчеркивал, что «при описании звуков чужого языка важно фиксировать именно те единицы, которые различаются носителями данного языка, не полагаясь на собственное восприятие, так как ведь даже изощренное ухо слышит не то, что есть, а то, что оно привыкло слышать, применительно к ассоциациям собственного мышления» [Зиндер, Маслов, Щерба, 1982: 60].

Академик Л. В. Щерба обозначил основные положения теории фонемы:

- использование звуковых – фонемных различий для различения слов,
- невнимание говорящих к тем звуковым различиям, которые зависят от фонетического положения и не связаны непосредственно с разными смыслами,
- зависимость восприятия звуковых единиц чужого языка от состава звуков (фонем) родного языка.

Щерба ввёл понятия отрицательного языкового материала и лингвистического эксперимента. При проведении эксперимента, полагал Щерба, важно не только использовать подтверждающие примеры (*как можно говорить*), но и систематически рассматривать отрицательный материал (*как не говорят*). В этой связи он писал: «особенно поучительны бывают отрицательные результаты: они указывают или на неверность постулированного правила, или на необходимость каких-то его ограничений, или на то, что правила уже больше нет, а есть только факты словаря, и т.п.» [Щерба, 1974: 49].

Таким образом, исследование позволяет определить, что типы искусственного билингвизма могут быть реализованы в зависимости от степени проявления интерференционных процессов ее интенсивности и регулярности/нерегулярности на различных уровнях языковой деятельности:

- фонетическом,
- грамматическом,
- лексико-семантическом.

Автор, таким образом, выделяет высокий уровень речевого развития в родном языке и сознательного владения им, как наиболее существенный фактор в условно обозначенной «успешной интерференции», существующей в условиях искусственного билингвизма.

Литература

- Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия, – 1969. – С.67, 125.
- Верещагин Е. М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма). – М.: Изд. МГУ, 1969. – с.88.
- Зиндер Л. Р., Маслов Ю. С. Щерба – лингвист, теоретик, педагог. – М., 1982.С.60.
- Китросская И. И. Некоторые вопросы методики обучения второму иностранному языку (В свете психолингвистического анализа явления переноса) [Текст]: дис. ... канд. филол. наук / И. И. Китросская. – М., 1970. – 227с.
- Колкер Я. М. Роль родного языка в обучении иностранному [Текст] / Я. М. Колкер // Иностр. языки в школе. – 2004. – № 2. – С. 20.
- Кремер Р. Н. Обучение речевым грамматическим навыкам немецкого языка учащихся узбеков в условиях межъязыковой интерференции [Текст] / Р. Н. Кремер // Пути преодоления лексико-грамматической интерференции при обучении иностранным языкам в узбекской школе. – Ташкент, 1981. – С. 47-56.
- Миньяр-Белоручев Р. К. Теоретические основы методики обучения иностранным языкам в средней школе [Текст] / Р. К. Миньяр-Белоручев // Иностр. языки в школе. – 1983. – № 1. – С. 95-99.

- Миньяр-Белоручев Р. К. Механизм билингвизма и проблема родного языка в обучении иностранному [Текст] / Р. К. Миньяр-Белоручев // Иностр. языки в школе. – 1996. – № 5. – С. 15-16.
- Муратова З. Г. Понятие билингвизма и некоторые вопросы обучения иностранному языку [Текст] / З. Г. Муратова // Лингводидактические исследования. – М.: Изд-во МГУ, 1987. – С. 166-175.
- Прохоров Ю. Е. Национальные социокультурные стереотипы общения и их роль в обучении иностранцев [Текст] / Ю. Е. Прохоров. – М.: Ин-та рус. яз. РАН, 1997. – С. 426.
- Ханаху Р. А. Язык этноса: Состояние изучения и перспективы развития [Текст] / Р. А. Ханаху, Н. Н. Денисов, Т. Л. Пятакова // Социальные проблемы молодежи: сб. науч. тр. – Майкоп, 1993. – С. 98.
- Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность Текст.: Сборник работ / Под ред. Л. Р. Зиндер, М. И. Матусевич. – М.: УРСС, 2004. – 432 с.
- Щерба Л. В. Преподавание иностранных языков в средней школе. – М., 1974. С. 49.
- Щерба Д. Л. Лев Владимирович Щерба // Памяти академика Льва Владимировича Щербы. – Л., 1951. – С. 12.

БЕЛОУСОВ К. И., ЗЕЛЯНСКАЯ Н. Л.

Пермь

РОССИЙСКИЕ ГЕОКОНЦЕПТЫ: СТРАНА И РЕГИОНЫ

Аннотация. Целью статьи является реконструкция образа России как геоконцепта, функционирующего в обыденном сознании россиян. Исследование осуществлялось на материале результатов эксперимента «когнитивное геокартирование». Мультиmodalность «наивных» карт дает возможность информанту транслировать субъективные смыслы сразу с помощью вербальной и графической знаковых систем. Анализ и интерпретация более 400 наивных карт, собранных в разных регионах России, осуществлялись в рамках семиотической традиции, сформированной в картосемиотике с некоторыми дополнениями, обусловленными природой анализируемого материала.

Ключевые слова: геоконцепт, «наивная» география, ментальная карта, региональность, картосемиотика.

BELOUSOV K. I., ZELYANSKAYA N. L.

Perm

RUSSIAN GEOCONCEPTS: COUNTRY AND REGIONS

Abstract. The purpose of article is reconstruction of an image of Russia as the geoconcept functioning in ordinary consciousness of the Russians. The research was carried out on material of results of experiment "cognitive geomapping". The multimodality of sketch map gives the chance to an informant to broadcast subjective meanings at once by means of verbal and graphic sign systems. The analysis and interpretation of more than 400 sketch maps, assembled indifferent regions of Russia, were carried out within the semiotic tradition created in a kartosemiotika with some additions caused by the nature of the analyzed material.

Key words: geoconcept, "naive" geography, mental map, regionality, kartosemiotika.

1. Введение

Проблема «Образ России» является лингвополитологической, так как концентрирует внимание на одной из современных цивилизационных геополитических общностей с помощью анализа текстовых (в семиотическом понимании) проекций индивидуального или коллективного сознания. Ментальная природа «Образ» позволяет рассматривать его как концепт или как систему концептов, входящих, с одной стороны, в ментальное пространство субъекта, а с другой, – в концептосферу социума и его отдельных страт. Поэтому проблематика «Образ России» объединяет интересы и методы политической лингвистики, теории дискурса, медиа-лингвистики, психолингвистики и когнитивной лингвистики. В частности, в последнее десятилетие с разных сторон реконструировался концепт «Россия» как составляющая российской медиа-среды [Кашина, Дмитрикова 2009; Нахимова 2009], как часть политического, социального, культурно-исторического дискурсов [Линкова 2010; Ощепкова 2008; Ярулин 2005], как участник диалога разных культур [Жданов 2009; Калашникова 2009; Красильникова 2007; Куданкина 2006; Литвинова 2009] и др. Отдельное внимание уделялось методологическому аспекту воссоздания образа России [Тарасов 2006]. Исследования в данной сфере проводились на разнообразном материале (метафоры, результаты ассоциативных экспериментов; социокультурные стереотипы в российской и зарубежной прессе, историко-литературные произведения и др.) [Будаев 2006; Тарасов 2006; Телегина и др. 2008; Чудинов 2005; и мн. др.].

В то же время почти не уделялось внимание «пространственности» образа России, для понимания которой перспективным является обращение к понятию геоконцепта, используемому в гуманитарной географии. Геоконцепт понимается как любое значимое для определенного сообщества место, обладающее устойчивым образом [Калуцков 2012: 27]. Геоконцепт синтезирует сам образ, его имя (топоним) и его пространственность (территориальность), что важно для изучения образов объектов с конституирующим их пространственным модусом. Образ территории возникает в процессе концептуализации, «сознательного, конструктивного выстраивания её новых смыслов и географических образов» [там же: 28]. Конечно, роль сознательного конструирования в процессе создания геоконцепта важна, однако, образ территории, функционирующий в сознании социума «складывается» из разных источников. И одним из наиболее важных его составляющих являются те смыслы и образы, которые создаются в процессе непрофессиональной рефлексии обыденного сознания. Поэтому, на наш взгляд, представляет интерес изучение геоконцептов в контексте наивной (непрофессиональной) картины мира.

2. «Когнитивное геокартирование» как метод исследования

Предметом нашего исследования становятся результаты именно такой непрофессиональной рефлексии, в центре нашего внимания оказывается воссозданное обыденным сознанием пространство России в соотношении его с непосредственно граничащими государствами-соседями. Оптимальным способом сбора материала для подобного исследования является эксперимент, ориентирующий испытуемых на визуализацию собственных пространственных представлений (ср. «Элементарной пространственной моделью мира является обычный рисунок – картинка, отображающая, что, как и каким мы видим вокруг себя. Именно картинка дает нам простейший пример «неприспособленности» естественного языка для точного воспроизведения окружающей человека среды» [Рахилина 1999: 18]). Нами были взяты за основу эксперименты, проводимые в рамках изучения наивной географии и реконструкции наивных географических ментальных карт, называемых «sketch map» [Saarinen, MacCabe C. 1990] см. также [Didelon 2011], посвященных графическому воспроизведению геопространственных представлений информантов.

Эксперимент, который мы назвали «когнитивным геокартированием» осуществлялся следующим образом. Группе респондентов выдавался лист формата А3 и предлагалось задание:

- 1) на основании собственных знаний и представлений нарисовать карту России, на которой
  - отметить наиболее важные географические объекты России (под географическими объектами понимаются любые объекты, наносимые на географические карты);
  - отметить страны, с которыми граничит Россия;
- 2) возле всех нанесенных информантом на карту географических объектов требовалось записать ассоциации / представления, связанные с данными объектами (пример карт, полученных в процессе эксперимента по когнитивному геокартированию, см. на рисунке 1).

Рисунок 1. Пример одной из полученных карт (г. Оренбург)

В настоящее время получено более 400 карт от респондентов из Барнаула, Бийска, Оренбурга, Перми, Уфы, Калининграда, Москвы и Санкт-Петербурга. Географическое разнообразие наивных карт позволяет реконструировать региональную проекцию геоконцепта Россия.

Следует отметить, что наивные карты представляют собой визуализацию ментальных репрезентаций геопространства, в некоторой своей целостности образующих географическую ментальную карту. Проекция геоментальной карты на физическую плоскость в виде наивной карты позволяет выявить соответствия между феноменом ценности отдельных географических объектов и семиотическими средствами / механизмами ее выражения. Поэтому реконструкция геоконцепта осуществляется с опорой на анализ мультимодальных сообщений (наивных карт) и интеграцию семантических компонентов, передаваемых посредством вербальных и графических знаковых систем, в единое семантическое образование.

3. Семиотические коды наивных географических карт

Полученные в результате исследования наивные карты созданы с помощью графической и вербальной знаковых систем. Графический код на геоментальных картах передается объектами – топонимами (термин А. Я. Бродецкого для обозначения репрезентированного пространственного опыта человека [Бродецкий 2000: 20]) и их атрибутами: размером и протяженностью объектов; расположением в пространстве относительно друг друга; и нек. др.

В целом анализ материала позволяет представить следующую модель описания объектов:

- 1) Графические типы объектов: точки (например, города); линии (границы, реки и др.); поверхности – замкнутые линии (страны, регионы, моря и др.); пиктографические объекты (схематично нарисованные объекты);
- 2) Графические характеристики: размеры объектов (длина, площадь); фактура объектов: тип линии (прямая / кривая; сплошная / прерывистая); расположение объектов в пространстве; наличие / отсутствие объектов; заполненность карты объектами (выражается в том числе и в количественных показателях) и др.

Вербальный код представлен в виде топонимов разного типа; присутствия либо отсутствия текстового материала, сопровождающего описание нарисованных объектов; непосредственно самого текстового материала на естественном языке, сопровождающего графические объекты.

Используемые переменные имеют некоторые отличия от принятых в картосемиотике, в частности, для ментальных карт важный параметр – не только присутствие, но и отсутствие объектов («фигура умолчания»); а также степень заполненности объектами наивной карты. В то же время семантика знаков в наивных картах не настолько «строга», как в настоящих географических картах; более вариативна. Семантику знаков усиливает вербальный компонент в том случае, когда он присутствует на рисунках, а также различные пиктографические объекты, часто передающие национально-культурный код (например, многочисленные изображения медведей на карте России, в том числе, медведь с медом, медведь с балалайкой и др.).

Сочетание переменных может использоваться как для создания целостного географического объекта (топонимы), так и для связности нескольких топонимов в относительно устойчивые конструкты. Некоторые из нанесенных на «sketch map» объектов образуют относительно устойчивые конструкты (т.е. воспроизводятся совместно).

4. Результаты и их обсуждение

А. Количество объектов-топоним. Первым значимым признаком графического уровня анализируемого материала является **количество объектов** (топонимов) на картах.

В среднем информант заносит на карту 23,95 объектов, а максимум реакций (мода) приходится на выделение 18 географических объектов. При этом респонденты из разных регионов показывают сходные результаты: бийчане, оренбуржцы и пермяки выделяют в среднем по 22-24 объекта. Также нет заметных различий в количестве объектов, наносимых на карты при варьировании возрастных и гендерных характеристик.

Относительно небольшое количество отмечаемых на картах объектов свидетельствует не столько о невысоком уровне географических знаний, продемонстрированном респондентами, сколько об избирательности рефлексирования о пространстве сознания и подчеркнутой индивидуально-ценностной ориентации геоментального пространства. Испытуемые, в силу необходимости согласовывать две знаковые системы в процессе своей деятельности, были поставлены в условия, в которых структура создаваемого изображения обуславливалась не желанием продемонстрировать максимум знаний, а интенцией наиболее адекватного воплощения своего представления о мире.

Б. Типы топоним. Природное и социальное.

Важный для интерпретации параметр графического уровня полученных когнитивных карт – **типы** выделенных респондентами **топонимов**.

Полученные данные свидетельствуют о доминировании социальных топонимов над природными. В то же время доминирующие типы социальных топонимов не отличаются разнообразием: на «город» и «страну» приходится 14 объектов из 16, наносимых на карту. Чаше других встречаются следующие города: Москва (1,0) – встречается на всех картах, Санкт-Петербург (0,73), Владивосток (0,37), Сочи (0,28), Екатеринбург (0,27), Калининград (0,23). На усредненной карте респондент выделяет 6 стран-соседей, наиболее частотные из которых (в порядке убывания частоты): Казахстан, Китай, Украина, Монголия, Япония и Белоруссия.

Из природных топонимов наиболее частотны (приводим данные по усредненным картам):

- реки (1,64): Волга (0,24), Урал (0,19), Обь (0,18), Лена (0,15), Енисей (0,13), Амур (0,12), Ангара (0,05) и др.;
- моря (1,03): Черное море (0,43), реке Балтийское (0,08), Баренцево (0,06), Охотское (0,06), Азовское (0,05), Белое (0,05), Японское (0,04) и др.;
- горы / горные цепи (0,65), в основном, представлены Уральскими горами (0,45), которые встречаются на каждой второй карте и др.;
- озера (0,64): оз. Байкал (0,41), Каспийское море (0,14) и др.;
- океан (0,41): Северный Ледовитый океан (0,25), Тихий океан (0,10) и др.;
- полуострова (0,5): Камчатка (0,26), Аляска (0,06), Чукотский полуостров (0,05), п-ов Таймыр (0,05), Кольский п-ов (0,03), п-ов Ямал (0,02), п-ов Крым (0,01) и др.;
- острова / архипелаги (0,43): Сахалин (0,20), Курильские острова (0,10), Новая Земля (0,05) и др.

Большее разнообразие природных топонимов и количественное доминирование социальных – примета, характеризующая типичное пространственное миропонимание современного человека. Природные топонимы очень слабо вовлечены в жизненное пространство представителя современной цивилизации, их разнообразие относительно – оно заметно только в сопоставлении с практически абсолютной недифференцированностью социального пространства.

В. Размеры и расположение топоним. Регионоцентричность.

96 % sketch maps содержит город информанта (т.е. очевидна саморепрезентация с помощью пространства). Кроме того, Я-город «стремится» к центру карты, нарушая существующие географические пропорции, что, вероятно, обусловлено архетипическим стремлением располагать «свое» пространство в космогоническом центре, обладающем максимально конструктивной силой. Регион проживания на графическом уровне часто отделяется границами от остального пространства России.

Одним из наиболее значимых механизмов региональности восприятия пространства является гиперболизация размеров (т.е. значимости) своего региона. Тот же принцип действует и в отношении регионов и стран, находящихся в непосредственной близости к региону проживания информанта. Например, в г. Оренбурге инфор-

манты изображали Казахстан, по размерам превышающим Китай, а в Алтайском крае, граничащем и с Казахстаном, и с Китаем, географические пропорции в большей степени соответствуют действительности.

Ценность географических объектов для «Я» находится в прямой зависимости от расстояния до него – исключение составляют топономы, конституирующие общенациональную идентичность. Градиентность ценности проявляется 1) в уменьшении частоты упоминания удаленных топономов; 2) в возрастании степени искажения реального географического пространства.

Топономы, значимые на уровне общенационального контекста, связаны не с удаленностью от Я-центра, а с той моделью национальной идентичности, которая принимается субъектом. Так, во всех sketch maps есть устойчивый центр – политическая столица – Москва, которая встречается чаще регионального «Я»-центра (0,96). Другими общероссийскими топономами, отмечаемыми частотно на sketch map во всех регионах страны, являются «культурная столица» Санкт-Петербург (0,73); крайние западная и восточная «точки», обозначающие границы «своего» мира – Владивосток (0,37) и Калининград (0,23). Природные объекты на этом уровне представлены озером Байкал (0,41), Уральскими горами (0,45), Черным морем (0,43), рекой Волгой (0,24), островом Сахалин (0,20).

Региональное и национальное постоянно находятся в явном или скрытом ценностном конфликте. Имплицированный конфликт можно наблюдать в расположении топонимом (например, в центре карты оказывается «Я»-город, а не Москва). Если же имеет место явный конфликт, как правило, вербально выраженное несогласие с общепринятыми утверждениями, то региональное снова оказывается сильнее. Например, на sketch maps пермяков можно встретить такую надпись, посвященную р. Кама, протекающей в Перми: «Кама, в которую впадает Волга».

Г. Границы. Концептуализация «своего» и «чужого» мира.

Одним из возможных инструментов реализации графического кода на картах являются линии *границ*. Границы являются социокультурной, а не природной реальностью, и переданные с помощью средств графического кода – линий, они членят пространство, отделяя одни социокультурные общности от других. Границы обладают высоким семиотическим потенциалом, они являются основой создания классификаций. Поэтому и в гуманитарной географии понятие границы одно из наиболее важных, т.к. оно используется для проведения социальных, территориальных, культурных, научных и иных границ [Crampton 2013; Jones R. 2009; Paasi 1996; и др.].

Линии, обозначающие творимые человеком реалии, которые бы выполняли роль средств связности геополитического пространства России и Евразийского континента, встречаются крайне редко. Речь идет, в первую очередь, о единичных случаях фиксации на картах железных, автомобильных дорог, авиа-путей и др. средств, обеспечивающих связность топонимом пространства. Вместо дорог средствами связности пространства становятся протяженные «линии» рек, т.е. природные объекты. При этом наблюдается тенденция гиперболизации размеров рек, которые могут одновременно связывать крайний север, юг, запад и восток страны.

Пространство России видится информантам преимущественно дискретным. Функционально дискретность пространства создается и естественными природными препятствиями в виде горных цепей, из которых наибольшую значимость имеют Уральские горы. Топонимом «Уральские горы» присутствует на картах из всех регионов. Значимость топонимом «Уральские горы» проявляется в том, что информанты, живущие, например, в Алтайском крае, относительно хорошо описывают пространство азиатской части России (до оз. Байкал) и плохо – ее европейской части. Информанты, живущие в Оренбургской области, относительно хорошо описывают пространство европейской части России и очень плохо ее азиатской части.

Подчеркнем в этой связи, что границы служат средством членения пространства, отделения «своего» мира от мира «чужого». Представления респондента о подобном разделении проявляются на двух уровнях: макроуровне (границы России и остального мира) и мезоуровне (границы «малой родины»). В этом смысле границы России оформляют пространство большой родины, а границы региона – малой родины.

Отделение России от «другого мира» всегда осуществляется через проводимую черту, обозначающую границу государства (в этом информанты полностью повторяют обозначения, принятые на географических картах). На полученных картах границы России, как правило, выглядят более четкими, нежели границы других государств. Нам встретилось множество карт, на которых страны-соседи не имели четко обозначенной границы между собой – т.е. чужое пространство воспринимается респондентами как недифференцированное. Если границы внутри «чужого мира» все-таки маркировались, они подавались графически менее отчетливо и часто были не замкнуты. Меньшая заинтересованность в маркировании границ внутри чужого мира является значимой стратегией концептуализации «чужого мира», воспринимаемого в качестве «пространства хаоса», периферии вселенной. Таким образом, маркирование границ, отделяющих «свой» мир от «чужого», обладает большей степенью иконичности; границы же внутри «чужого» мира часто проницаемы (вплоть до исчезновения), лишены черт, характерных для понятия «границы государства».

5. Заключение

Геоментальная карта, являясь репрезентантом системы географических представлений и знаний человека, складывается из единиц, каждая из которых обладает своими характеристиками, визуально-графической выраженностью и, в пределах отражаемого ментального пространства, многоуровневой семантикой, соединяющей личностные смыслы, стереотипы и объективные факты.

Реконструированные в ходе исследований глобальные и локальные геоконцепты (городов, регионов, объектов природной среды) могут использоваться в рамках концепций брендинга территорий, создания благоприятного имиджа регионов и стран. Метод когнитивного геокартирования, опирающийся на тройную представленность

информации: социально-демографическую, текстовую и графическую, – позволяет представить наиболее объемную модель как отдельных геоконцептов (стран, населенных пунктов, природных объектов и др.), так и их систему.

Результаты могут быть востребованы и в сфере туристического бизнеса, так как позволяют выстраивать коммуникацию с целевой аудиторией в каждом конкретном регионе с позиции ее приоритетов, предпочтений, представлений о том или ином географическом объекте или маршруте. При этом коммуникация может использовать конкретные визуальные и / или вербальные ряды, характеризующие данные объекты / маршруты. Ментальные карты могут служить источником информации об идентичностях людей, проживающих на той или иной территории и отношении разного рода социальных групп к другим социальным, территориальным, этническим группам и общностям. Информация может быть востребована в сфере государственного управления, в рекламе, маркетинге. Изучение порождения информантами географических знаков в аспекте семантики и синтактики (в частности, порождение комбинированных знаков) может быть востребовано в GIS-технологиях, т.к. полученные результаты позволяют лучше понять когнитивные схемы обработки геоинформации пользователями.

Литература

- Бродецкий А. Я. Внеязыковое общение в жизни и в искусстве: Азбука молчания. – М.: ВЛАДОС, 2000. 192 с.
- Будаев Э. В. Россия, Грузия и страны Балтии в зеркале российских и британских метафор родства // Политическая лингвистика. – Вып. (2)18. – 2006. – С. 34-57.
- Жданов В. Н. Особенности стереотипного восприятия России в Японии и Японии в России // Вестник Центра международного образования Московского государственного университета. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. – 2009. – № 2. – С. 90-94.
- Калашникова Н. Б. Образ Московии XVII века в записках голландского путешественника / Н. Б. Калашникова // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филологическое образование. – 2009. – № 1. – С. 63-71.
- Калуцков В. Н. Геоконцепты в географии // Культурная и гуманитарная география. 2012. Т. 1. №1. С. 27-36
- Кашина М. А., Дмитрикова Е. В. Образ политика в российских СМИ: гендерный аспект / М. А. Кашина, Е. В. Дмитрикова // Управленческое консультирование. – 2009. – № 3. – С. 122-136.
- Красильникова Н. А. «В плену у русского медведя», или Современная Россия в метафорах британских и американских СМИ // Политическая лингвистика. – Вып. (1)21. – 2007. – С. 92-97.
- Куданкина О. А. Россия и Германия: сравнительный анализ (на материале российских СМИ) // Политическая лингвистика. – 2006. – № 18. – с. 85-91.
- Линкова Я. С. Образ России и русских в «Путешествии в Россию» Теофила Готье // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филологическое образование. – 2010. – № 1. – С. 73-78.
- Литвинова Е. А. Метафорический образ России во французском политическом дискурсе // Вестник Воронежского государственного университета. – 2009. – № 1. – С. 47-49.
- Нахимова Е. А. Имена русских царей как прецедентное поле в современных российских СМИ // Вестник Пермского университета. – 2009. – Вып. 2. – С. 12-19.
- Ощепкова Е. С. Исследование образа России на примере социальной сферы // Вопросы психолингвистики. – 2008. – № 8. – С. 74-85.
- Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: от сочетаемости к семантике : автореф. дис. д-ра филол. н. – М., 1999. – 27 с.
- Тарасов Е. Ф. Образ России: методология исследования // Вопросы психолингвистики. – 2006. – № 4. – С. 69-73.
- Телегина И., Белоусов К., Зелянская Н. Образ России в СМИ Британии: «Брутальный, грязный русский медведь» // Российский КТО есть КТО. Журнал биографий. – М.: Русский биографический институт. 2008. № 3(66). [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.whoiswho.ru/old_site/russian/Curnom/32008/smib1.htm
- Чудинов А. П. Метафорический образ России в национальном сознании // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. – Екатеринбург, 2005. № 3. С. 174-181.
- Ярулин И. Ф. Россия XXI века. Эра новых регионов // Пространственная экономика. – 2005. – № 3. – С. 148-157.
- Crampton J. W. Maps as social constructions: power, communication and visualization // Progress in Human Geography 25,2 (2001). pp. 235–252.
- Didelon C., de Ruffray S., Boquet M., Lambert N. A world of interstices: A fuzzy logic approach to the analysis of interpretative maps // The Cartographic Journal, 2011. vol. 48, pp. 100-107.
- Jones R. Categories, borders and boundaries // Progress in Human Geography 33(2) (2009) pp. 174–189.
- Paasi A. Territories, boundaries, and consciousness: the changing geographies of the Finnish-Russian boundary. J. Wiley & Sons, 1996. 353 p.
- Saarensen T. F., MacCabe C. The world image of Germany Erdkunde, 1990. - 44, - 260-267.

БОГОЯВЛЕНСКАЯ Ю. В.

Екатеринбург

ПАРЦЕЛЛЯЦИЯ КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ ПРИЕМ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

(на материале политических медиатекстов)

Аннотация. В статье анализируется роль парцеллированной конструкции в реализации речевого воздействия на читателя. Под парцелляцией понимается особый прием коммуникативно-стилистической организации текста, используемый для усиленного интеллектуального и эмоционального воздействия на реципиента.

Ключевые слова: парцелляция, парцеллированная конструкция, массмедийный дискурс, медиатекст, речевое воздействие.

BOGOYAVLENSKAYA YU. V.

Ekaterinburg

PARCELING AS AN EFFECTIVE TOOL OF SPEECH INFLUENCE (based on political mediatexts)

Abstract. The article analyzes the role of parceled constructions in achievement of speech influence on the reader. Parceling is considered as a special of communicative stylistic organization of the text used for an intensive intellectual and emotional influence on the recipient.

Key words: parceling, parceled construction, mass-media discourse, media text, speech influence.

Современные средства массовой информации являются основным инструментом воздействия на общественное сознание, моделируют систему ценностей, формируют общественное мнение и т.д. Массмедиа называют «четвертой властью», которая, по представлениям приверженцев демократической теории, должна охранять и предупреждать чрезмерную экспансию первых трех: исполнительной, законодательной и судебной. Однако в настоящее время СМИ выполняют иную функцию, являясь поставщиком готовых мнений и суждений, освобождающий человека от лишнего труда формировать собственную позицию относительно происходящего в мире. Особенно это касается политической сферы, в которой не так просто сориентироваться обычному читателю, и он «впитывает» то мнение и те установки, которые ему преподносит газета.

Особый интерес вызывает изучение языковых средств речевого воздействия в массмедийных текстах. Речевое воздействие определяется как «воздействие информирующего печатного органа на массовую читательскую аудиторию при помощи языковых средств и сопровождающих речь графико-визуальных средств для достижения поставленной адресантом цели» [Присяжнюк 2009: 206].

Речевое воздействие осуществляется как на фонетическом, лексическом, синтаксическом уровнях. К синтаксическим средствам, имеющим значительный речевоздействующий потенциал, относится парцелляция.

Под парцелляцией понимаем «специальный прием коммуникативно-стилистической организации текста, предназначенный для усиленного эмоционального и интеллектуального воздействия на адресата информации» [Богоявленская 2013: 128].

Парцеллированная конструкция создает фрагментарность газетной речи, делает ее более динамичной: Борис Ельцин реабилитирован. *Генпрокуратурой и швейцарским банком* [Коммерсантъ, 30.10.2000]. Думаю, обширное поле для размышления на эту тему судьба предоставила сегодня всем нам. *Не исключая самое высшее руководство* [Российская газета, 11.11.1990]. Власти просто выставляют напоказ свой страх перед происходящими в стране событиями. *Не желая признавать, что протесты – это реакция на их собственную деятельность, а не провокации со стороны «врагов»* [Новая газета, 03.07.2013].

При анализе парцеллированной конструкции следует учитывать тот факт, что парцелляция способна актуализировать имплицитные смыслы, декодирование которых возможно лишь при обращении к макроконтексту. В качестве примера приведем интригующий заголовок: *Прокуратура защищает природу. От мэра* [Коммерсантъ, 23.10.1992]. В парцелляте автор размещает ту часть высказывания, которая вызывает крайнее удивление: мэр – тот самый чиновник, который, помимо многих других обязанностей, должен также следить за охраной природы на вверенной ему территории. Парцеллят нарушает контекстные ожидания читателя и, естественно, возбуждает его интерес. Только обращение к макроконтексту помогает понять действия Московской прокуратуры, которая обратилась в Мосгорсуд с заявлением о признании незаконным распоряжения Юрия Лужкова «О порядке согласования проектно-сметной документации на строительство объектов в Москве и лесопарковом защитном поясе».

В следующем примере парцеллированное обстоятельство не только акцентирует внимание на времени совершения действия, но и подчеркивает избыточную поспешность Генпрокуратуры в деле по панк-группе Pussy Riot: Удивляются они тому, как феноменально быстро начинает работать Генпрокуратура. *Спустя 4 часа после приема заявлений от потерпевших* [Новая газета, 03.07.2012]. Парцеллят уточняет обстоятельство «феноменально быстро» – контекстный маркер, расположенный в основной части. Чувствуется саркастическая насмешка автора по поводу чрезвычайной оперативности действий Генпрокуратуры, которая заставляет задуматься о предвзятости в рассмотрении этого дела, тем более что макроконтекст (жалобы адвокатов Генпрокурору на многочисленные нарушения в следствии) поддерживает и убеждает в правильности интерпретации парцеллята. Парцеллят выступает в роли актуализатора авторской интенции: при такой подаче действия Генпрокуратуры можно оценить только негативно.

Каждая из частей конструкции парцеллированной конструкции может обладать специфическим интонационным рисунком. Точка является относительно нейтральным пунктуационным знаком. Степень экспрессивности в таких парцеллированных конструкциях зависит от структуры самой конструкции и ее лексического наполнения. Вопросительный и восклицательный знаки придают ей большую динамичность и экспрессивность, особый ритм изложения. Возможны различные варианты сочетания этих знаков: Что нам стоит дом построить? *Дешёвый!* [АиФ, 24.04.2013]; Любовь не лечится? *Особенно если большинства «болезней от любви» нет* [АиФ, 13.03.2013]; Умер... *В реанимации...* [Российская газета, 04.02.2013]

Одним из наиболее эффективных типов парцеллированной конструкции является конструкция с повтором, позволяющая разместить в фокус высказывания значимые элементы, например: *Страна дозрела, бизнес дозрел, власть дозрела. Дозрела до ясного понимания необходимости реформ.* [АиФ, 28.07.2002] Парцеллированный повтор позволяет автору не только сообщить о готовности власти к переменам, но и подготовить к ним читателя, убедить его в необходимости этих реформ.

Не менее эффективным типом можно признать многозвенные парцеллированные конструкции, которые создают особый ритм, позволяют сфокусировать внимание сразу на нескольких отрезках информации, дольше сохранить интерес читателя: *Коммунисты, думаю, попротестуют немножечко. С плакатами походят. Да и успокоятся.* [АиФ, 07.03.2014] *Того и гляди депутаты в обход Кремля, министерств обороны и иностранных дел обявят Америке войну. Не настоящую, конечно, а так, понарошку. Чтобы и повопить вволю и в штыковую атаку не ходить. А то вдруг ранят или убьют...* [АиФ, 08.05.2013] *В число предлагаемых и осуществляемых мер вошли: снижение курса рубля, что приводит к росту цен на импорт, разгону инфляции, что обесценивает вклады населения. Рост тарифов на продукцию и услуги госмонополий, что уже осуществили в 2013 году. Перекладывание решений проблемы энергосбережения на население путем введения скудных энергопайков. Отмена материнского капитала. Продолжающийся рост непомерных для экономики страны затрат на спортивные мероприятия и другие второстепенные мегапроекты.* [Московский комсомолец, 28.08.2013]

В нашем корпусе имеются многозвенные конструкции от двух до семи парцеллят, но наиболее распространенными являются конструкции с двумя-тремя парцеллятами, видимо, в силу их компактности и особого ритма, отвечающего поставленной автором задаче.

Немаловажную роль играет и размещение парцеллированной конструкции в тексте. Наибольшей воздействующей силой обладают те конструкции, которые расположены в стилистически сильных позициях: заголовке, вводке, зачине, концовке и на стыке абзацев.

Заголовок – «сильная, привлекающая максимальное внимание читателя» позиция в тексте [Чудинов 2003: 125] является отражением позиции автора статьи в отношении обсуждаемой проблемы. Парцеллированный заголовок, броский и интригующий, привлекает внимание читателя, мотивирует его к прочтению статьи: *ЕЦБ признал начало выхода ЕС из кризиса. Но риски все еще остаются* [Коммерсантъ, 24.03.2014] *Члены «Единой России» тянутся к Михаилу Прохорову. Для прохождение в региональные парламенты* [Коммерсантъ, 02.02.2013]. *Энергетики не останавливаются перед кровью. Когда речь идет о долгах* [Коммерсантъ, 10.10.2000]. *Быков отбирает у Лебеда энергию. Пока электрическую* [Коммерсантъ, 22.01.1999].

Как показывает исследование, воздействующий эффект парцелляции может быть усилен за счет взаимодействия с другими стилистическими средствами: антитезой, метафорой, хиазмом, синтаксически параллельными конструкциями, эллипсисом, полисиндетоном и т.д. В этом контексте интересен анализ конвергенции парцелляции с антитезой, которую М. В. Плотникова рассматривает как «стилистическую фигуру, внутренне противоречивые элементы которой семантически и синтаксически разделены и порождают контраст» [Плотникова 2012: 27]. Эффект контраста значительно усиливается при вычленении антитезы в парцеллят: *Госбанк станет меньше. А сами они больше* [Коммерсантъ, 10.10.2000]; *Cerruti повернется лицом к спорту. К Голливуду задом* [Коммерсантъ, 10.10.2000].

В последнем примере вкупе с парцелляцией, антитеза «подчеркивает различие между элементами противопоставления через их разделение» [Плотникова 2012: 27]. Сама парцеллированная конструкция представляет собой трансформированное, творчески переработанное прецедентное высказывание – всем известные с детства слова персонажа русских сказок Бабы Яги. В статье речь идет о продаже контрольного пакета акций известнейшего итальянского модного дома Черутти, который перед этим успешно сотрудничал с ведущими голливудскими кинокомпаниями. Его покупателем стал крупный итальянский концерн, настроенный изменить стратегию модного дома и освоить агрессивный спортивный стиль, ибо «только так можно чего-то добиться в моде в наши дни». Сложный комбинированный прием позволяет автору в оригинальной, яркой, иронично-грубоватой форме выразить свое несогласие с новыми владельцами Черутти, сожаление по поводу отказа от их знаменитых классических линий и транслировать эту позицию читателю.

Литература

- Богоявленская Ю. В. Парцелляция в сильных позициях медиатекста // Политическая лингвистика. 2013. № 1. С. 128-132.
- Плотникова М. В. Стилистические фигуры противопоставления в балладах Франсуа Вийона // В мире научных открытий. № 4.4 (28). 2012. С. 24-33.
- Присяжнюк Т. А. Характеристика речевого воздействия в языке информационных газетных сообщений // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2009. № 2 (4). С. 205-207.
- Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2003. 248 с.

БУДАЕВ Э. В.

Нижний Тагил

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ ДИСКУРС-АНАЛИЗ ПОЛИТИЧЕСКИХ МЕТАФОР

Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант №14-04-0268 «Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления»).

Аннотация. В статье дан обзор основных типов сопоставления метафоры в политическом дискурсе. На основе анализа корпуса современных лингвистических исследований выделены и описаны четыре типа сопоставительного анализа: этнокультурное, социальное, диахроническое и мультимодальное.

Ключевые слова: дискурс, политическая коммуникация, метафора, сопоставительный анализ, типология.

BUDAEV E. V.

Nizhny Tagil

CONTRASTIVE DISCOURSE ANALYSIS OF POLITICAL METAPHORS

Abstract. The article reviews the main types of contrastive discourse analysis of political metaphors. Based on the analysis of contemporary linguistic researches, the four main types of contrastive research are revealed: ethnocultural, social, diachronic, and multimodal analysis.

Key words: discourse, political communication, metaphor, contrastive analysis, typology.

Сопоставительный анализ политической метафоры относится к активно развиваемым направлениям современной политической лингвистики. Важнейшим фактором эвристичности современных метафорологических исследований является изучение метафор в сочетании с дискурсивным подходом. Несмотря на бурный рост публикаций в данной области, на сегодняшний момент отсутствует типологическое описание этой сферы лингвистических изысканий.

Анализ более тысячи современных исследований политической метафоры позволяет выделить четыре типа дискурсивного сопоставления политических метафор:

- этнокультурное сопоставление;
- социальное сопоставление;
- диахроническое сопоставление;
- мультимодальное сопоставление.

Этнокультурное сопоставление относится к одним из наиболее распространенных ракурсов дискурсивного анализа, направленного на сравнение особенностей метафорических систем в политических дискурсах различных этнокультурных образований. В рамках этого подхода выделяются две противоборствующие парадигмы: лингвокультурологическая парадигма и парадигма универсализма. Противопоставление названных парадигм основывается не столько на методах анализа, сколько на различиях в теоретическом видении целей этнокультурного сопоставления. Лингвокультурологическая парадигма призвана продемонстрировать, что национальная метафора в одних своих аспектах отражает национальную культуру и национальный менталитет, в других – типична для определенного цивилизационного пространства, а в третьих – имеет общечеловеческий характер. Парадигма универсализма, опирающаяся на теорию воплощенного разума, теорию первичных метафор и нейронную теорию метафор, ставит целью не разграничение общего и специфичного, а поиск универсальных оснований политической метафоры в сочетании с нивелированием межкультурных различий.

Несмотря на гносеологическую ценность изысканий в рамках универсализма и поиск естественнонаучных оснований метафоризации, данная парадигма пока малоприменима для описания культурных особенностей метафор. Так как в парадигме универсализма первичные метафоры рассматриваются в качестве своеобразных «атомов» абстрактного мышления, детерминированных телесным опытом, то сложные метафоры должны тоже определяться сенсомоторной деятельностью. Однако привязать многие сложные метафоры к конфлиции до сих пор никому не удалось, потому что в действительности знакомство с концептами, формирующими сложные метафоры, происходит на более поздних стадиях онтогенеза. Несмотря на то, что синтез интегрированной теории первичных метафор и теории воплощенного разума сделал теоретические построения более последовательными, вопрос о культурной специфике метафоры остался слабым местом теории.

Преодоление недостатков универсализма в этнокультурном сопоставлении политической метафоры видится в разграничении (1) процесса формирования первичных метафор в фазе конфлиции и их дальнейшего комбинирования на более поздних стадиях онтогенеза и (2) процесса формирования сложных концептов из социального, а не сенсомоторного опыта. При рассмотрении второго процесса в качестве единицы анализа следует ориентироваться не на концептуальную интеграцию первичных когнитивных «атомов», а на более крупные и цельные концептуальные образования.

В лингвокультурологической парадигме причины межкультурных различий в инвентаре и актуализации метафор коренятся не в особенностях когнитивных интегративных процессов и «телесных» закономерностях функционирования разума *per se*, а в исторических особенностях развития того или иного лингвокультурного сообщества. Различия могут быть связаны с геоклиматическими условиями ареала, на котором формировалась

этнокультурная общность; с различной значимостью определенных концептов для жизни людей определенного культурного сообщества или с концептуальными лакунами.

В отличие от этнокультурного сопоставления, социальное сопоставление ориентировано на сравнение дискурсов, объединяемых по различным социальным критериям. В рамках социально-дискурсивного подхода выделяются идеологическое, идиолектное и гендерное сопоставление.

Идеологическое сопоставление призвано выявить особенности использования метафоры сторонниками разных идеологических взглядов, участниками определенных политических объединений, приверженцами различных методов решения политических проблем. Исследовательские процедуры по идентификации сторон дискурсивного противостояния определяется двумя критериями:

1) принадлежностью к определенному политическому объединению (политическая партия, фракция, идеологическое течение и т.п.);

2) отношением к определенной насущной проблеме без акцентирования внимания на принадлежности субъектов дискурсивной деятельности к определенной политической общности (сторонники / противники / индифферентные / не определившиеся с мнением и т.д.).

Идиолектное сопоставление направлено на изучение метафоры, актуализированной отдельными политиками и другими личностями – субъектами дискурсивной деятельности. Выделено два основных типа идиолектного сопоставления: собственно идиолектное и идиолектно-групповое.

При собственно идиолектном сопоставлении сравниваются метафоры отдельных политиков, а потом делаются выводы об общем и специфичном в их метафорических идиолектах. По критерию результатов исследования собственно идиолектные сопоставления подразделяются на три группы. В первую группу входят публикации, акцентирующие внимание на общности метафоры определенных политиков. Вторая группа представлена исследованиями, демонстрирующими специфику метафор субъектов политической деятельности. К третьей группе относятся исследования смешанного типа, в которых между метафорами одних политиков обнаруживаются сходства, а при сопоставлении с метафорикой других политиков обнаруживаются различия. Таким образом, выявляются группы идиолектных дискурсов, объединяемых общностью используемых метафорических образов.

При идиолектно-групповом сопоставлении результаты идиолектного анализа метафоры сопоставляются с метафорическими образами, присущими определенным политическим общностям.

Гендерное сопоставление политической метафоры основывается на двух основных подходах: субъектно-дискурсивном и объектно-дискурсивном. Первый подход направлен на изучение влияния мужской и женской картины мира на метафорическую концептуализацию политики в дискурсе СМИ. Исследования этого рода направлены на выявление гендерного характера агрессивности политической метафоры и демонстрацию того, что конфронтационные метафоры не оставляют возможности для поиска консенсуса и компромисса, столь необходимых в сфере политики. В качестве решения проблем предлагаются другие, менее конфронтационные метафорические модели. Различия в оценочных смыслах, которые привносит метафорическая проекция из гендерной модели на политические отношения, не только укоренены в общественном сознании, но и соотносятся с культурными ценностями определенного сообщества.

Объектно-дискурсивный вид сопоставления связан с изучением различий в метафорическом представлении политиков-мужчин и политиков-женщин. В этом аспекте феминистские исследования высвечивают еще одно следствие из доминирования «мужских» метафор в политическом дискурсе: такие метафоры воспроизводят в общественном сознании представление о политике как о мужском деле, в котором не остается места для женщин-политиков.

Диахроническое сопоставление охватывает вопросы исторического развития системы политических метафор. В круг вопросов диахронического сопоставления входит изучение архетипичности и вариативности.

Первое свойство выражается в том, что система политических метафор имеет устойчивое ядро, не меняется со временем и воспроизводится в политической коммуникации на протяжении многих веков. Второе свойство отражается в вариативности уровня метафоричности и доминантности отдельных метафор в политическом дискурсе.

В диахроническом исследовании выделяется континуальный и дискретный анализ. В первом случае исследуется диахроническая вариативность метафоры, задействованной за выбранный период времени. Этот подход может применяться в тех случаях, когда продолжительность выбранного периода времени не очень велика. Дискретный анализ используется в тех случаях, когда рассматриваемый период настолько велик, что приходится делать выборку метафор из отдельных периодов.

Важным методом диахронического анализа является фрагментация дискурса, т.е. разделение периода времени на определенные сегменты, показатели которых планируется сопоставлять. Фрагментация бывает равномерной и фокусной. При равномерной фрагментации временной отрезок делится на равные части, называемые шагом фрагментации. Сопоставление данных из разных сегментов позволяет получать новые данные о диахроническом функционировании метафоры. Особый интерес представляют сопоставления данных, полученных на одном и том же материале, но с применением разного шага фрагментации. При фокусной фрагментации разбиение временного периода связано с определенными политическими событиями, а шаг фрагментации не привязан к хронологии в астрономическом понимании.

Диахроническая вариативность системы политических метафор имеет два показателя: количественный и качественный. Первый показатель выражается в корреляции между изменением политической ситуации и количеством метафор в политическом дискурсе (динамика метафоричности дискурса). Второй связан с доминированием отдельных метафор и метафорических моделей в различные исторические периоды (динамика доминантности метафорики).

Предметом мультимодального сопоставления политической метафорики являются семиотические закономерности функционирования невербальной метафорики и ее взаимосвязи с вербальным пластом политических образов. В современных исследованиях выделяется несколько методик мультимодального анализа: невербальное сопоставление, вербально-невербальное сопоставление и исследование метафор в креолизованных текстах. Сопоставительное изучение невербальной политической метафоры не только расширяет наши знания о природе политических метафор, но и становится способом верификации постулата о когнитивной природе метафоры, дополняет результаты исследований вербальной метафорики и способствует более глубокому пониманию той роли, которую метафора играет в осмыслении и конструировании политической действительности.

В представленной типологии между выделенными ракурсами дискурсивного сопоставления нет непроходимых границ. С одной стороны, использование одного ракурса сопоставления позволяет исследователю сосредоточиться на более детальном анализе предмета. С другой стороны, синтетический подход позволяет увидеть новые грани и корреляции, которые могут быть недоступны при сопоставительном изучении одного аспекта политической метафорики.

БУШЕВ А. Б.

Тверь

УКРАИНСКИЙ КРИЗИС 2014 ГОДА В ОСВЕЩЕНИИ МИРОВЫХ МЕДИА

Аннотация. Предметом настоящей публикации является дискурс мировых СМИ о кризисе на Украине 2014 года. Материалом для данной статьи послужили материалы об украинском кризисе 2014 года газеты «Известия», Би-би-си, Первого канала ОРТ, НТВ, «Ди Вельт», «Новой газеты». Материал исследуется дискурсивными методами. Исследованный корпус источников позволяет сделать вывод о большой роли дискурсивного представления информации в конфликте сторонами, об использовании хорошо себя зарекомендовавших тактик управления информацией, о роли метафорики, о необходимости оптики прочтения сообщений глобальных СМИ по вопросу Украинского кризиса.

Ключевые слова: дискурс, номинация, метафора, оценочная лексика, клише.

BOUCHEV A. B.

Tver

CRISIS IN UKRAINE IN 2014 IN THE GLOBAL MEDIA

Abstract. The article is devoted to global mass media discourse on crisis in Ukraine in 2014. The material under study is taken from different media sources with different bias- television programs of BBC, ORT, NTV, the newspaper articles from Die Welt, Izvestia, Novaya Gazeta, etc. The method applied in studies is discourse analysis. The material under study emphasized the role of discourse representation of the viewpoint, the information management techniques used in media, the role of metaphorical representation of the crisis, the necessity to elaborate the means of assessment of information.

Key words: discourse, nomination, metaphor, axiological vocabulary, cliché.

1. Введение

Предметом настоящей публикации является дискурс мировых СМИ о кризисе на Украине 2014 года.

При изучении курса зарубежной журналистики не составляет никакого труда – благодаря интернетизации и конвергенции, развитию и повсеместному распространению спутниковых каналов доставки контента – смотреть передачи Би-би-си, Евроньюз и Блумберг-Юроп.

Изменились и реалии работы журналиста: Интернет-СМИ преодолели некогда прочный железный занавес, стали поистине трансграничны. Сегодняшний студент владеет новой латынью глобальных медиа – английским языком. К его услугам онлайн-мультимедийные интернет-СМИ и традиционные СМИ в Интернете. Простейшего взаимодействия с сайтами достаточно, чтобы найти примеры гипертекстовости, мультимедийности, интерактивности и трансграничности как родовые признаки новых СМИ. Без труда ориентируется новый потребитель и в мультимедийном контенте [Подшибякин 2011]. Прочтение блогов на сайтах традиционно печатных некогда СМИ заставляет нас понять фигуру *просьюмера*. Контент, генерируемый пользователями (UGC), повсеместно модерируется на сайтах онлайн-СМИ. Понятны и принципы работы конвергентной редакции – постоянный мониторинг лент новостных агентств 24 часа в сутки 7 дней в неделю.

К суждению о мире политического привлечен *метод дискурсивных исследований* – в их развитии от З. Харриса, через Т. Ван Дейка и Р. Водак, до Д. Юла, Д. Брауна, Д. Шифрин, Д. Таннен, Н. Фарклау, М. Йогнесен и др. Мы можем отметить, что в американской традиции *дискурсивный* понимается практически как *неориторический*, а дискурс-исследования смыкаются с имеющей богатую традицию, инструментарий, хорошо институализированной риторикой. Показательны в этом направлении отечественные дискурсивные исследования: работы уральской группы «Дискурс Пи» под руководством О. Ф. Русаковой, выходящий белгородский Интернет-журнал дискурсивных исследований под руководством Е. А. Кожемякина [Концептуализация политики 2001, Политическая коммуникативистика 2012, Федотова 2011].

Непонятно, сама ли действительность оперативнее представляет материал, или активнее идет накопление знаний и разработка самого метода дискурсивного анализа. Отметим, что в наших исследованиях на первоначальном этапе наше внимание привлекли освещение бомбардировок Косово 1999 года и их освещение в сети Интернет. Определенной оптикой снабдила исследователей информационные войны на Северном Кавказе. Экспланаторной силой обладают и работы школы Г. Г. Почепцова, связанные дискурсом Оранжевой революции на Украине. После событий 11 сентября 2001 года нами проведено исследование военно-политической риторики операции «Несокрушимая свобода» и «Иракская свобода», активно освещаемой мировыми масс-медиа. Определенный материал дали этно- и социально-окрашенные выступления в Париже 2005 года — нами проводилось исследование беспорядков во Франции в 2005 году. 2011 год представил материал по беспорядкам в Великобритании. И публичная политика тоже способствует формированию представлений о критическом анализе дискурса. В последние годы мы могли наблюдать в Интернете и масс-медиа избирательная кампании по выборам президентов США и Франции, которая уже выплеснулась и на пространство блогосферы. Это безусловно, представляет собой новый феномен. Последние самые актуальные материалы опять вновь спешит «поставить» исследователю жизнь — движение индигнадос в Испании, акция Occupy the Wall Street и демонстрации в Греции, наконец операция коалиционных сил в Ливии и уничтожение М. Каддафи, С. Хуссейна, О. Бен Ладена. Дискурс об экономическом кризисе и дискурс мультикультурализма также способствуют разработке категориального аппарата дискурсивных исследований.

Известный украинский ученый профессор Г. Г. Почепцов на протяжении постсоветского времени занимался аналитикой информационно-политических войн и революций нового времени. Под воздействием событий первого Майдана даже написал книгу «Революция. СОМ» [Почепцов 2005]. Написанное в книгах оказалось пророчеством для самой Украины. Киев — мать городов русских — оказывается сегодня в вотчине НАТО. Говорят о новой конфронтации «Восток-Запад» (*new East-west confrontation*).

Материалом для данной статьи послужили материалы об украинском кризисе 2014 года газеты «Известия», Би-би-си, Первого канала ОРТ, НТВ, «Ди Вельт», «Новой газеты». Целью настоящей работы является выявление языковых и риторических особенностей исследуемого дискурса.

2. Оценка свергнутого режима

В оценке западных СМИ утверждается, что украинский режим Януковича режим предал народ, допустил массовые столкновения, лидер бежал, что позволило ему сохранить себе жизнь (*broke his obligations, abandoned his people*). Хотя в зависимости от политической позиции и ангажированности СМИ утверждается разное (режим утратил свою легитимность или наоборот, является единственным источником легитимной власти), налицо и демонстрация того, что даже сторонники прежнего режима утверждают то, что прежний лидер — ни на что не претендующий банкрот. Украинский парламент — Рада — единственный источник легитимности, а, в конце концов, сам народ есть источник власти и суверенитета. Практически все СМИ склонны считать, что Рада вправе принимать решения переходного периода до новых выборов (*Rada overwhelmingly approved of new government*).

Портретируется в масс-медиа характер свергнутого режима (*ousted regime killed its own people, took to street snipers*), его коррумпированность (*those in power were rich*), его недемократический характер (*tyranny raised the voices for dignity and freedom*).

Постоянно подчеркивается, что смещенный президент Янукович преследуется новыми властями уголовно, что представляет из себя эффективную стратегию дискредитации политического оппонента.

Acting Interior Minister Arsen Avakov said a criminal case had been opened against the ousted president and other officials over «mass murder of peaceful citizens».

Весьма репрезентативна оценочная лексика — как связанная с оценкой ситуации, так и оценкой тех, кто и в какой мере выступает за то или иное разрешение конфликта.

Russia has been vehemently opposed to the changes in Ukraine, with Prime Minister Dmitry Medvedev saying on Monday that those behind the new administration had conducted an «armed mutiny».

At a news conference in Moscow on Tuesday, Mr Lavrov warned other states against seeking «unilateral advantages» in Ukraine, but said Russia's «policy of non-intervention» would continue.

Показательны сообщения о жертвах революции, о дани памяти погибших:

Tributes are being left in Kiev's Independence Square to those who were killed during last week's clashes. More than 80 people, mostly anti-Yanukovich protesters, were killed in clashes with police and by sniper fire last week.

Все эти сообщения направлены на дискредитацию сметенного режима, отвержение легитимности ушедшей власти:

White House official Jay Carney said on Monday that although Mr Yanukovich «was a democratically elected leader, his actions have undermined his legitimacy, and he is not actively leading the country at present».

Оценки смен режимов негативные: *denounce the so-called referendum... coup'etat.*

3. Оценка текущей ситуации

Ситуация названа украинский кризис — *Ukraine crisis*. Это затяжной экономический кризис, который сопровождается внутривнутриполитический конфликт, переросший во внешнеполитический конфликт Украины с Россией, а затем с расширенным числом участников. Ситуацию в Крыму рассматривают как нарушение международного права (*breach of international law*), используются метафора «на грани войны» (*brink of war*) и коннотированный штамп «декларация войны» (*declaration of war*). Ситуация названа «предлогом для вторжения» (*an excuse to invade*). Постоянно осознается и создаваемая кризисом угроза (*danger of bloodbath, the area of contention*)

Сообщения СМИ полны оценочности, и с одной, и с другой стороны: *It is not a G7 country behavior...Seemed defiant...Unconstitutional coup...Deny troops...Led by extremists.*

С другой стороны, акцентируется легитимный конституционный характер постконфликтного восстановления: *The government is due to be approved.*

Постоянно сообщения о том, кто кого и как встречает на территории Крыма, Восточной Украины, сообщения про захваты, патрулирование, снятие оцеплений.

Описывается ситуация с возможным допуском в Крым наблюдателей от ОБСЕ: *Direct talk s...more sanctions... a new peace plan for Ukraine... deployment of international observers... denounced the west for siding with interim government... Military installations under threat... Our commitment to sovereignty and integrity.* Постоянно подчеркивается риск нестабильности в регионе (*serious risk of instability*). Польша, страны Балтии – традиционные антагонисты России – требуют решительных действий (*firm action demanded by Poland*).

Госсекретарь США Дж. Керри, напротив, не видит драматичности ситуации на Майдане: *Calm and friendly streets of Kiev no crime no looting...to create a pretext...I don't see anybody who is threatened...invade at the end of barrel of a gun.* Американский сенатор Джон Маккейн говорит о готовности Путина возрождать имперскую Россию (*hell-bent on restoring Russian empire*).

Описывается масс-медиа и готовность войск *Patrol outside the base...full military mobilization on high alert...an excuse to invade ...Ukrainian flag...trapped in their base without a shot...brink of war ...declaration of war...digging defensive positions...more Russian ships come into harbor...doesn't want military action*

4. Оценки нового руководства

В зависимости от позиции СМИ политическая база новой власти представлена либо как большинство (*majority spontaneously gathered*), либо как радикальное маргинальное меньшинство (*Neo-Nazis and antisemites*).

С конца 2013 года события развиваются по бурному революционному сценарию. Подчеркивается цена установления новой власти (*Barricades and flowers... barrels and shots*).

Известна оценка, данная руководством России новому правительству на Украине как «мятежу»: *extremist, illegal, mutiny*. За ней последовал отказ России сесть за стол переговоров с киевским кабинетом, а количество его негативных оценок из самых авторитетных уст бесчисленно. Несомненно, что в сегодняшнем Киеве платформу получают и ультранационалистические элементы, вопрос в том, какова их поддержка и каков их состав. Есть мнение, что карту крымской независимости пытается разыграть режим-банкрот Крыма.

Yasenuk-incoming prime-minister...presidential election held on the 25 May...right-wing nationalists with swastikas...armed seizure of power...great transformation...transitional government restraint...chose aggression and intimidation as the first resort...history came calling...provocation...deployment of observers, recall troops to bases

Стереотипия «свой-чужой» лежит в основе многих текстов, построенных на приеме антитезы:

«It is dangerous and counter-productive to try to force on Ukraine a choice according to the principle of either being with us or against us,» Lavrov said.

Националистами называются порой просто нежеланные политики:

Mr Lavrov added that «it is in our interest for Ukraine to be part of the broad European family» but against Russia's interest to «allow the radicals and nationalists who are clearly trying to take centre stage to prevail».

Понятна оценка политических дивидендов для России и Евросоюза в ситуации стабильной и нестабильной Украины и в ситуации смены власти на Украине в устах многочисленных экспертов.

5. Состояние экономики

Тяжелое состояние украинской экономики описывается метафорами типа «катастрофа»: *crippling debt, financial disaster, plight* эвфемизмами типа *extremely unpopular steps*, штампами типа *corruption, bailout*.

Ситуация с удорожанием нефти и газа называется «козырем» (*trump card*), при этом подчеркивается то, что газа, имеющегося в наличии на Украине, хватит до зимы 2015 года. Поражает готовность МВФ, ЕС и США финансировать государство-банкрот:

To strengthen the economy... assistance package... short term,long term goals... to provide the best help available...combat corruption...recover... ..join democracy... .. default is a possibility

Meanwhile, UK Foreign Secretary William Hague is to meet US Secretary of State John Kerry in Washington later to discuss *emergency financial assistance* to Kiev.

Сами украинцы декларируют свое право решать судьбу собственного государства (*we do not want to be deprived of opportunity...*)

Показательны импликации для российской экономики, падение курса рубля, падение индексов на биржах. В российских правых газетах обсуждается цена присоединения Крыма к России, предоставляются экспертные оценки.

Ситуация описывается как неминуемый коллапс

Mr Hague has warned that Ukraine faces imminent economic collapse without support from the international community. The US has already said it is ready to give financial support to Ukraine to complement any future loan from the International Monetary Fund (IMF). Ukraine is facing bankruptcy and further promised loans from Russia are looking increasingly unlikely. EU foreign affairs chief Catherine Ashton remains in Kiev to discuss financial and political support for Ukraine's new leaders.

6. Декларации приверженности свободе

Декларации демократичности и свободы постоянны, сегодня любой режим опирается на мантры о свободе и демократии, что собственно, и позволило Ф. Фукуяме говорить конце истории. На фоне поддержки собственно демократических институтов Западом (*I am very proud...with extraordinary reach for freedom, for equality for opportunity ...strong sovereign and democratic country the deserve...*), ЕС и США, несомненно имеют свои интересы в регионе.

Риторика прав человека в традиции политического либерализма и демократии сталкивается с риторикой прав человека в традиции противодействия фашизму:

Speaking on Kanal 5 TV, Mykhaylo Dobkin, gave as his reason «the fact that a total attack on the rights of the Russian-speaking population is under way, that laws are being adopted that threaten all those who do not accept fascism and Nazism».

7. Возможность вооруженного вмешательства

Возможность вооруженного вмешательства (*military intervention*) вызывает постоянные опасения и спекуляции.

Подчеркивается боеготовность войск и хрупкий баланс сил: *inspection of capability, combat alert ... The Ukrainian troops are bullied by Russians... unarmed Ukrainian troops... they don't want to see the outbreak of fire... show of force ...send NATO countries a message/*

Используются аллюзии с Судетами, с Гренадой, Афганистаном (советской и американской операцией), Чечней, с Косовым. Вспоминается в этой связи и ситуация в Грузии. 2008 года и строятся аналогии с режимом Кокоты: *NATO ambassadors approved...warned...Russia must stand down...Pro-Russian authority... urges to send back to base, no intention of retreat threat to the interests, call on Russian troops to return to their bases*

В ходу геополитические аллюзии: *Украина потеряла Крым, Россия заявила Крым без единого выстрела и т.д.*

С другой стороны подчеркивается негативная оценка аннексии Крыма международным сообществом и последствия референдума: *Western support...act of aggression...to make clear our concern...end of relations...sovereignty, de-escalation... We do not have military option... Cold war is over*

Много говорится в медиа об индивидуальных санкциях и экономических санкциях против России.

8. Территориальная целостность

Территориальная целостность Украины (*territorial integrity*) – центральное соображение, диктующее политическую коммуникацию Запада.

Даже дипломатические отношения осложнены до предела. Телефонный разговор между президентами стран называется *telephone tension*. Постоянны высказываемые озабоченности: *stand down... no intension of retreat ...to make clear our concern ...express concern.*

Действия трактуются как акт агрессии: *act of aggression...full military mobilization... unilaterally invade another country.*

Порой в СМИ описывается толпа поддерживающих Россию: *pro-Russian crowd cheers.*

Описываются демонстрации в Восточной Украине как части расколотого государства: *demos in Eastern Ukraine, defending Russian citizens/*

Остается невыясненным, каков процент тех, кто поддерживает Крымское правительство – структуры, что по мнению глобальных СМИ, обеспечило захват Крыма (*invited intervention*).

Стандартны подходы к урегулированию кризиса: *Return troops to barracks... deescalate the crisis...We don't want to see the outbreak of fire...Show of force= patrolling*

Many in Ukraine's Russian-speaking regions oppose his overthrow and the installation of a more European-leaning interim administration. Russia is also angry at the changes, but Foreign Minister Sergei Lavrov has said Moscow will not intervene.

О риске сепарации отдельных регионов говорят политики разного толка:

Addressing parliament, Mr Turchynov said he would meet law enforcement agencies to discuss the risk of separatism in regions with large ethnic Russian populations. Separatism was a «serious threat», he said. Crimea and some pro-Russian areas in the east have seen protests against the overthrow of Mr Yanukovich, sparking fears of secession.

9. Медиация в конфликте

В урегулирование ситуации вовлечены авторитетные фигуры и организации ООН, ОБСЕ, ЕС, участники дискуссии постоянно именуются в прессе: *UN Security Council, Secretary General, NATO ambassadors*. Речь ведется и о телефонных разговорах лидеров государств в связи с этим кризисом. Используется иносказательная фигура (*diplomatic pressure*). Глобальные СМИ считают, что ситуация угрожает миру в Европе (*threatens peace in Europe*).

Economic pressure on Russia...financial assistance for Ukraine... Carry arrived to show his support...crisis blew up...Reserves the right to intervene...Tensions have gone high...Direct talks with EU policy Chief

Рассмотрим стандартное сообщение «Ди Вельт» о наблюдателях в Крыму, подчеркнув стереотипные рекуррентные элементы:

OSZE- und UNO-Beobachter wollen Lage auf der Krim sondieren:(10.56 Uhr)

In der Krim-Krise wollen sich von heute an internationale Beobachter ein Bild der Lage machen. Ein UNO-Sondergesandter ist bereits in der Ukraine eingetroffen, später reisen außerdem Experten der Organisation für

Sicherheit und Zusammenarbeit in Europa dorthin. Sie sollen die militärischen Aktivitäten Russlands auf der Krim erkunden. Sabine Stöhr berichtet: Die Truppen dort tragen Tarnuniform aber keine Abzeichen und halten alle strategisch wichtigen Punkte auf der Krim besetzt. Russland bestreitet diese Truppen entsandt zu haben. Die Beobachter der OSZE wollen mit ihrer Mission den Boden für Gespräche mit Russland vorbereiten. Die Gruppe will zunächst in Odessa an der Nordwestküste des Schwarzen Meeres landen, und dann weiter in den Osten auf die Krim reisen

10. Санкции

Дискурс о санкциях удивительно стереотипен. Сами страны во взаимозависимом мире осознают, что это весьма неоднозначный шаг. К тому же санкции против государств вводятся решением Совбеза и Генассамблеи ООН. Используются также газовый и водный рычаги Крыма.

Isolate Russia politically, diplomatically... economically... Sochi G7 suspended... bilateral economic dialogue... a trump card reserves of gas... appeal for outside support... to get out of Crimea or face the consequences... issue an ultimatum assault... pro-Russian sentiment... pro-Russian crowd losing patience... Magnitsky list... strengthen relations with Russian state... I am disappointed but not surprised at the German reaction... reverse decision to cut defenses dramatically... the economic package for Ukraine... limit the Russian troops in Crimea... visa bans by Obama

Показательно, что российские политики гордятся тем, что они попали в список запретов на въезд в Европу и США, российский бизнес готов выводить активы в национальные банки, ведутся новые разговоры о самодостаточности экономики, автаркии по типу Китая и т.д.

Am Dienstagabend haben Bundeskanzlerin Angela Merkel und US-Präsident Barack Obama erneut am Telefon über einen Ausweg aus der Krise beraten. Das Gespräch dauerte nach Angaben des Weißen Hauses rund eine Stunde, über den konkreten Inhalt drang wenig nach draußen. Allerdings machte Obama offenbar noch einmal deutlich, dass er unter den derzeitigen Vorzeichen nicht am Treffen der acht wichtigsten Industrienationen (G8) im Juni teilnehmen wird. Der Termin soll im russischen Sotschi stattfinden.

11. Пропагандистская кампания

Все сообщения пронизаны оценками: *threatens peace in Europe extremist... Illegal... Danger of blood-bath... Slip of control*

Лидеры осуждают Россию (*condemn, suspend preparatory activity for G7*), угрожают России и другими санкциями (*visa, isolation, bank assts freezes*). Британия почти тотчас же заявила о бойкоте параолимпийских игр в Сочи.

Ретивость глобальных СМИ вызывает порой отрицательную оценку самих их представителей: *The US is keen to label Russia's action an «invasion» but as yet no one has been shot by the troops, and it is still time for a war of words – on friend as well as foe, as it happens.* Mark Mardell North America editor

12. Историческая подоплека конфликта

Несколько нервно обсуждается масс-медиа и историческая подоплека конфликта (Украина в империи, Украинское независимое государство в первые годы советской власти, западные земли Украины, подарок Хрущевым Крыма Украине). Декларируется приверженность идеям Хельсинки, Будапешта- 1994, договорам Украина – Россия, Уставу ООН, итогам второй мировой войны.

13. Освещение повседневной деятельности войск

Постоянно проводится освещение повседневной деятельности войск *digging defensive position patrol outside the base major bases are encircled roads. Ports airport ...swear allegiance...loyalties ...Moscow is not relenting...relax stranglehold...loosening the Russian military grip...*

14. Этнические русские в Крыму

Часты сообщения о протестах этнических русских в Крыму и на востоке страны *protests, ethnic Russians, pro-Russian authority, sovereignty, separatism, de-escalation, defending Russian citizens, demos in Eastern Ukraine*

Украинские силы trapped in their base without a shot

Разыгрывается националистическая карта с номинациями «этнические русские», «этнические украинцы», «бандеровцы», «бандиты», «националисты»:

Crimea is lost ...how far the ambitions go... surrender bases... will be stormed... tension in this situation... to respond to provocations

15. Прогнозы развития ситуации

Характерен тон непризнания нового украинского руководства Россией и признания нелегитимными итогов проведенного в Крыму референдума США И ЕС.

The US accuses Moscow of deploying troops in Ukraine's Crimea region, describing it as an «act of aggression» - a claim denied by the Kremlin. Despite the sharp differences, both sides have hinted they would prefer to start a dialogue. Moscow remains in de facto control of Ukraine's southern autonomous region. The tense stand-off continued overnight in Crimea, with reports that Russian forces have seized part of a Ukrainian missile defence unit. Earlier this week tensions escalated over Russia's warnings that it could move beyond Crimea into eastern Ukraine to protect Russians and Russian-speakers there. The move has triggered wide condemnation across the globe.

Сценарий изоляции России рассматривается всеми СМИ, даже президентом РФ, гражданами РФ.

16. Активность мировых медиа

В режиме реального времени на сайте Би-би-си ведется освещение событий на Украине в феврале 2014 года. С недавних пор информацию можно не только прочитать распечатать, не только просмотреть ролики сооб-

щений корреспондентов и нескорые аналитические материалы, но и саттв интерактивным потребителем этой информации в Фейсбуке и Твиттере.

Обращает на себя внимание активность граждан в блогах. К подписчикам по всем мире обращается сайт Би-би-си:

Are you in Ukraine? What is your reaction to the recent events? Email us at haveyoursay@bbc.co.uk adding 'Ukraine' in the subject heading and including your contact details.

17. Блоггерские платформы

Возможность поделиться своими наблюдениями дают блоггерские платформы, например на сайте Би-би-си: http://www.bbc.co.uk/dna/newscommentsmodule/comments/UserComplaintPage?hostsource=com&PostID=118854279&s_start=1

Спектр представленных мнений полярен:

Ronnie

Putin says he is concerned about the safety of Russian citizens and will do what he can to protect them. I can't see any difference with this and our actions in the Falkland Islands, except there is a hell of a lot more citizens involved.

Roy Peters

Most people still do not realise what is at the heart of this matter. Putin has one agenda with Ukraine, safeguarding his naval base in the Black Sea port of Sevastopol. Russia has only two ports with access to the Mediterranean, Sevastopol and Tartus in Syria. He is in danger of losing both, which will push the Russian navy back to Murmansk or Vladivostok, a strategic disaster for Russia.

concerned_bystander @396 Andrew «Russia is also part of the U.N. If they'd wanted U.N. troops to protect the rights of the Russian speaking population in Ukraine they should have raised it there rather than sending in their troops and bizarrely stating that the troops were «local militia». Russia is not being open and straight forward on this issue and are causing great concern because of that».

Итак, исследованный корпус источников позволяет сделать вывод о большой роли дискурсивного представления информации конфликте сторонами, об использовании хорошо себя зарекомендовавших тактик управления информацией, о роли метафоры, о необходимости оптики прочтения сообщений глобальных СМИ по вопросу Украинского кризиса.

Литература

Бушев А. Б. Языковая личность военного переводчика и информационные технологии: риторико-герменевтический подход к мастерству переводчика. Монография. Lambert Academic Publishing, 2011. 276 с.

Концептуализация политики. Под ред. д.п.н., проф. М. В. Ильина. Серия «Новая перспектива», выпуск XXI. М.: Московский общественный научный фонд, 2001. 314 с.

Подшибякин А.. По живому. М., 2011

Почепцов Г. Г. Революция.com. основы протестной инженерии. Москва, Европа, 2005. 530 с

Политическая коммуникативистика: теория, методология и практика. Под ред. Л. Н. Тимофеевой. Москва: ПРОСПЭН, 2012. 327 с.

Федорова Л. Н. Общественное мнение и журналистика. М.: МГУ, 2011. – 376 с.

ВАЙС Д.

Цюрих

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ В ГОСДУМЕ (ДЕПУТАТЫ ЛЮБЯТ ЦИТАТЫ)

Аннотация. После краткой характеристики научного проекта, в рамки которого укладывается данный доклад, и обзора его методологических основ, выборки данных и изучаемых тематических аспектов резюмируется статья о интертекстуальных ссылках в Госдуме, которая предназначена для публикации в Journal of Pragmatics. Она содержит предварительную типологическую и функциональную характеристику так наз. ксеноцитат (ссылок на источники извне парламентской коммуникации) на основе ок. 300 примеров взятых из электронных транскриптов дебатов в Госдуме. Обсуждаются методологические проблемы, связанные с идентификацией и типологическим разграничением источников. Затем представляется количественный анализ разных типов источников представленных в выборке. Особое внимание уделяется тенденциям, характерным для русского политического дискурса, нп., употреблению пословиц, цитат из сказок, басен, классической художественной и детской литературы или советских кинокомедий и мультфильмов. В конце тезисов характеризуются главные цели доклада. Касаются они контекстуальной включённости данной цитаты, а прежде всего вопроса, какие из грайсовских максим каким способом нарушаются. Кроме того, затрагивается вопрос взаимодействия интертекстуальности с другими имплицитными стратегиями, такими как ирония или риторичность. В частности, неподготовленные в предыдущем контексте цитаты сопоставляются с иронией как два подвида той же полифонической гиперстратегии.

Ключевые слова: Госдума, имплицитные коммуникации, интертекстуальность, ирония, источники цитат, ксеноцитаты, парламентские дебаты, речевая полифония.

WEISS. D.

Zürich

INTERTEXTUALITY IN THE RUSSIAN STATE DUMA (DEPUTIES ADORE QUOTES)

Abstract. After a brief outline of the scientific background of the paper, its methodological approach, the data it covers and the possible thematic aspects to be treated, there follows a summary of a paper on quotations in the Gosduma (to appear in «Journal of Pragmatics»). It provides a first typological and functional characterisation of xeno-quotations (intertextual references to external sources) in Russian parliamentary discourse, based on 300 examples used by deputies of the State Duma. A preliminary discussion is devoted to methodological problems posed by the identification of the source and the delimitation of different types of sources. Next, a quantitative overview of said types of sources attested in the sample is presented. Special attention is paid to salient preferences that seem to be most typical of Russian political discourse, such as proverbs, fairy tales, fables, classical and children literature, and Soviet film comedies and animation films. The goals of the present paper are outlined at the end of the theses. They concern the contextual embedding of the given quotation: which Gricean maxim(s) are flouted, infringed or violated? How do intertextual references interact with other implicit strategies, such as irony or rhetoricity? Finally, unprepared quotations are contrasted with irony as two different instances of the same hyperstrategy (double-voiced or polyphonic speech).

Key words: double-voiced (polyphonic) speech, Implicatures, Implicit communication, Intertextuality, Irony, Parliamentary debates, Russian parliament, Sources of quotations, Xeno-quotations.

Мой доклад связан с научным проектом под заглавием «Имплицитные коммуникативные стратегии политического дискурса в современной России, Польше и Чехии», финансируемым Швейцарским национальным фондом (с. описание на <http://www.research-projects.uzh.ch/p17097.htm>, где приводятся также все работы, уже опубликованные или пока в печати). В предмет этого проекта входят ирония, риторические вопросы, тавтологии, свежие метафоры и метонимии и всякие интертекстуальные ссылки. При этом исключаются лексикализованные употребления названных приёмов, иначе говоря: анализу подвергаются лишь такие употребления, которые требуют декодирования посредством грайсовских имплицатур или других типов умозаключений. Эти стратегии исследуются на примере трёх разных жанров: парламентских дебатов, телевизионных ток-шоу и интервью в прайм-тайме. Таким образом, проект преследует двойную сопоставительную цель, поскольку он покрывает три страны и три жанра политического дискурса. Применяемые методы укладываются в рамки неограйсовского подхода [Levinson 2000], теории релевантности [Sperber & Wilson 1986], кроме того учитываются основы теории невежливости [Bousfield 2008, Culpeper 2011, Locher & Watts 2005] и лингвистического юмора [Raskin 1987, Attardo 1994].

Прежде чем приступить к анализу интертекстуальных ссылок, здесь необходима еще одна оговорка: как во всех моих публикациях, так и в настоящем докладе учитываются лишь так наз. **ксеноцитаты** [Вайс 2012: 64 сл.], т.е. исключаются все цитаты, относящиеся к внутрипарламентской коммуникации либо к коммуникации с правительством. Это решение было продиктовано выше упомянутым сравнительным характером всего проекта: в любом парламенте мира депутаты будут ссылаться друг на друга и на выступления представителей правительства перед пленумом. Поэтому такие цитаты не вносят ничего интересного в какой бы то ни был качественный или количественный сопоставительный анализ парламентского дискурса разных стран. С другой стороны, моя выборка ксеноцитат охватывает не только прецедентные тексты в понимании, принятом в русской традиции вслед за [Караулов 1987: 215-216], но и цитаты мало- или вообще неизвестных авторов. Выборка содержит в данный момент более 300 ссылок, собранных из электронных транскриптов ок. 25 заседаний покрывающих период от 4.9.2007 по 20.9.2013, опубликованных на сайте Госдумы. Их тематический разброс максимально велик: вместе с чисто рутинными заседаниями, посвященными совсем бесспорным законодательским проектам, представлены и дебаты, где обсуждались такие темы как позиция России в дебате Совета безопасности о военной интервенции в

Ливии (23.3.2011), дискуссии об исключении депутата Г.Гудкова (14.9.2012) и лишении депутата Пономарёва права выступления на пленарных заседаниях сроком на один месяц (28.9.2012).

На основе этих данных изучаются следующие аспекты. а) Состав ссылок – какая доля приходится на фольклорные, художественные, кинематографические, газетные и другие источники? б) Как выглядит идентификация источника: называется ли автор и/или произведение (передача, статья, фильм) прямым или косвенным способом, либо имеется маркер, обозначающий жанр типа *пословица, песня, лозунг, притча, анекдот*, либо отсутствует всякая идентификация? с) В какой форме воспроизводится цитата: полной, сокращенной, извращенной (нп., пародистической), перифразированной или полностью трансформированной? d) Как выглядит включение в окружающий контекст: вводится ли данная цитата посредством особого метатекстового маркера вроде *напомню, цитирую* и тп., или отсутствует такой скреп? Указывается ли на параллель между содержанием цитаты и актуальным политическим контекстом с помощью показателя сравнения типа *как, X похоже на Y, X напоминает Y* и тп., иначе говоря: включена ли ссылка эксплицитным образом в актуальную аргументативную структуру? е) Дается ли данной цитате положительная или отрицательная оценка, иными словами: разделяет ли говорящий точку зрения автора первоисточника, относится он безразлично к ней или отмежевывается от неё? И наконец, f) с какой целью приводится цитата: полемической [Constantinescu 2010, Šmejrková & Hoffmannová 2012], развлекательной и/или «самоинсценизационной»? Ввиду многонаправленного и опосредованного характера политического и в частности парламентского дискурса (последний «обслуживает», ведь наряду с присутствующими в зале депутатами еще целый ряд других кругов адресатов, нп. правительство, СМИ и широкую публику, т.е. электорат), данный речевой акт может одновременно выполнять две или даже три функции: он может быть нацелен на политического противника (депутата-индивида или целую фракцию) как так наз. FTA (= face threatening act, т.е. акт, угрожающий имиджу адресата), и тем самым, если он сформулирован в юмористическом ключе, забавлять ту часть аудитории, которая не принадлежит к партии жертвы: так часто бывает, нп., в выступлениях А. Жириновского, «придворного шута» Думы. Блестя остроумием, оратор может одновременно улучшить свой собственный имидж.

Некоторые из выше перечисленных аспектов обсуждаются довольно подробно в [Weiss 2014]. В первую очередь это касается типологии источников. После предварительной терминологической дискуссии таких понятий, как *крылатое слово* или *аллюзия*, там указывается на частные случаи такие, как двух- или трёхэтажные цитаты, цитаты с двойным антецедентом, смешанные цитаты, объединяющие элементы двух различных источников, и цитаты, подвергнутые целенаправленным изменениям. Кроме того, оговариваются трудности однозначной идентификации источника, какие особенно часто возникают в случае сосуществования литературного произведения и его экранизации, ср. цитаты из «Двенадцати стульев» либо «Алисы в стране чудес». Главную часть статьи занимает количественный анализ разных типов источников. «Рэнкинг» в данной выборке выглядит весьма неожиданно: цитаты фольклорных текстов (пословицы, сказки, притчи) составляют 18%, из СМИ – 18%, из художественной литературы – 13-15%, изречения известных политических деятелей достигают 12%, цитаты учёных – 7%, кинематограф (включая мультики) представлен в 5%, музыка (поп-хиты и советские песни) – в 3%. Ни одна из остальных категорий (библия, слоганы, юридические источники, анекдоты, интернет, словари, анонимные авторы) не превышает 2% всего массива. В качестве возможных специфических черт русского парламентского дискурса (по сравнению с другими странами) вырисовывается предпочтение пословиц, в меньшей степени сильная позиция (школьной) художественной литературы, детской литературы, советских кинокомедий и мультфильмов. В последнем разделе статьи освещается колебание частотности цитат по отдельным депутатам, партиям и «горячим» темам.

Целью доклада является изучение самого существенного, на мой взгляд, вопроса о **контекстуальности** данной цитаты. Это предполагает учёт всех нарушений грайсовских максим (постулатов), включая их подвиды вроде *flouting* (сознательная недосказанность с целью порождения определенной имплицитной информации), *infringing* (нарушение, обусловленное недостаточной интеллектуальной или языковой компетенцией говорящего, его нетрезвым состоянием и тп.) или *violating* (сознательный отказ от передачи требуемой информации). Мой материал содержит случаи с неправильной передачей цитаты (нп., пословицы с инверсией двух компонентов); такие ошибки могут породить неправильные имплицитные значения. Далее обсуждается возможная подготовка результирующих имплицитных значений в предыдущем контексте и их раскрытие либо подтверждение в последующем фрагменте. Важную роль здесь играет маркировка сравнения, поскольку она направляет декодирование имплицитной информации в определенное русло, облегчая тем самым расшифровку искомым имплицитных значений.

Интертекстуальная ссылка может также сопровождаться другой имплицитной стратегией, нп., иронией либо риторическим вопросом. В связи с этим напомним, что прямая цитата без вводного маркера (названия автора и/или глагола речи) относится к такому же ряду полифонических техник, как и ирония [Kotthoff 2002]: обе они противопоставляют голосу актуального говорящего какой-то реальный или фиктивный голос другой инстанции. Но если в случае иронии мы имеем дело с конфликтующими голосами [Vlad 2012], то употребление цитаты, будь она маркирована как таковая или нет, многофункционально, поскольку может выразить и положительную оценку другого лица, либо служить как аксиологически сугубо нейтральный аргумент, не говоря уже о развлекательной функции [Priego-Valverde 2012]. С другой стороны, первоисточник может сам стать целью FTA. Таким образом, интертекстуальные ссылки могут не только принимать самые разнообразные формы и степени на шкале имплицитности/эксплицитности, но и диапазон их прагматических функций чрезвычайно широк.

Литература

- Вайс, Д. (2012), «Депутаты любят цитаты», in Н.Н. Розанова (отв. ред.), Русистика сегодня. Выпуск 5: Проблемы речевого общения. Москва Издательство «Флинта», Издательство «Наука», стр. 63-74.
- Караулов, Ю.Н. (1987), Русский язык и языковая личность. М., 1987.
- Орехова, Е.Н. (2010), Трансформации прецедентных феноменов в политических текстах российских и американских СМИ // Политическая лингвистика 4(34), 146-149.
- Attardo, S. (1994), Linguistic Theories of Humor, Berlin: Mouton de Gruyter.
- Bousfield, D., (2008), Impoliteness in interaction. Amsterdam-Philadelphia: John Benjamins.
- Čmejrková, S. & Hoffmannová, J. (2012), Intertextuality as a means of positioning in a talk-show. In: Lorda C.-U., Zabalbeascoa P. (eds.), Spaces of polyphony, 161-172. Amsterdam-Philadelphia: John Benjamins.
- Constantinescu, M. N. (2012), The Use of Quotations in the Romanian Parliamentary Discourse, in L. Ionescu-Ruxăndoiu, M. Roibu, and M. V. Constantinescu (eds.), Parliamentary Discourses across Cultures: Interdisciplinary Approaches, 263-82. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing.
- Culpeper, J. (2011), Impoliteness: Using Language to Cause Offence. Cambridge: University Press.
- Ilie, C. (2010), Managing dissent and interpersonal relations in the Romanian parliamentary discourse, in C. Ilie (ed.) European Parliaments under Scrutiny: Discourse strategies and interaction practices, 193-221. Amsterdam: Benjamins.
- Kotthoff, H. (2002), Irony, quotation, and other forms of staged intertextuality. Double or contrastive perspectivation in conversation, in: Graumann, K., and W. Kallmeyer (eds.), Perspective and Perspectivation in Discourse, 201-229. Amsterdam: Benjamins.
- Levinson, S. C. (2000), Presumptive meanings: The Theory of Generalised Conversational Implicature. Cambridge, MA: MIT Press.
- Locher, M. & Watts, R.J. (2005), Politeness theory and relational work. Journal of Politeness Research 1 (1), 9-33.
- Lunde, I. (2013), #Hashtag Poetics: Political Humour on Russian Twitter. Paper held at the Conference 'Ain't misbehavin? Implicit and Explicit Strategies in Eastern European Political Discourse', Zurich, October 19-20.
- Priego-Valverde B. (2012), Speaking through other voices. Conversational humour as a polyphonic phenomenon. In: Lorda C.-U., Zabalbeascoa P. (eds.), Spaces of polyphony, 161-172. Amsterdam-Philadelphia: John Benjamins.
- Raskin, V. (1985), Semantic Mechanisms of Humor. Dordrecht: D. Reidel
- Sperber, D. and D. Wilson (1986), Relevance. Communication and Cognition. Oxford.
- Vlad, D. (2012), Polyphonic strategies used in polemical dialogue. In: Lorda C.-U., Zabalbeascoa P. (eds.), Spaces of polyphony, 117-128. Amsterdam-Philadelphia: John Benjamins.
- Weiss, D. (2013), Parliamentary communication: the case of the Russian Gosduma. In: Nadine Thielemann and Peter Kosta (eds.), Approaches to Slavic Interaction, 215-237. Amsterdam-Philadelphia: Benjamins.
- Weiss, D. (2014), Quotations in the Russian State Duma: types and functions. To appear in: Ain't misbehavin? Implicit and Explicit Strategies in Eastern European Political Discourse. Special issue of the journal of Pragmatics.

ВАСИЛЬЕВ А. Д.

Красноярск

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ АНТРОПОНИМЫ И ТОПОНИМЫ КАК ИНСТРУМЕНТЫ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению некоторых аспектов информационной войны. Автор приходит к выводу о том, что значительное место в вербальных манипулятивных операциях принадлежит именам собственным, в частности антропонимам и топонимам.

Ключевые слова: информационная война, вербальные манипулятивные операции, имена собственные.

VASILYEV A. D.

Krasnoyarsk

THE PRECEDENT PROPER NAMES IN THE INFORMATION WAR' OPERATIONS

Abstract. The article is dedicated to examining of some information war' aspects. The author comes to the conclusion about considerable place of proper names in verbal manipulative operations.

Key words: information war, verbal manipulate operations, proper names.

Одна из наиболее специфичных черт, которой, по сравнению с иными лексическими единицами, обладают имена собственные, – это своеобразие выполнения ими номинативной функции, на что лингвисты неоднократно обращали внимание. Так, применительно к лексикографии «весь вопрос состоит в определении того, что в языке является «значением» имени собственного» [Щерба 1974:278]. Или: «Имена собственные, как и местоимения, в отличие от имен нарицательных <...>, называют предметы, различные по их предметной отнесённости» [Кодухов 2012: 162]. Иначе говоря, например, с помощью одного и того же антропонима может быть обозначено множество совершенно разных людей, каждый из которых представляет собою четко выраженную индивидуальность.

Однако это семантическое своеобразие вовсе не отнимает у имен собственных способности вызывать у носителей языка те или иные, причем нередко прочные и яркие, ассоциативные представления. Скажем, «слово *Кремль* ведет наше воображение к архитектурно-урбанистическим представлениям, т.е. к денотату» [Комлев 2003:52]. Конечно, это справедливо, но такими резонансами отнюдь не исчерпываются смысловые импульсы, возникающие от этого слова в сознании коренного носителя русского языка – ведь для нашего соотечественника это слово несомненно обладает также коннотациями историко-культурного и сугубо политического характера.

Ср. хрестоматийное: «Москва... как много в этом звуке Для сердца русского слилось! Как много в нем отозвалось!» [Пушкин 1978: 134].

Несомненно, иногда бывает, что «даже в антропонимах (фамилиях) она [внутренняя форма] не остается полностью нейтральной. Конечно, фамилия Волков не вызывает волчьих ассоциаций, но в жизни имена с живой внутренней формой подчас используются для разного рода стилистических целей» [Комлев 2003: 38] (например, приводимые здесь «говорящие фамилии» литературных персонажей, вроде Яичница, Молчалин, Очумелов и проч.).

Причем известно, что в духе вербальной магии имена собственные способны выступать, по выражению П. Флоренского, явно «знаменательными»: «когда распространяется в обществе некоторое имя, то это во всяком случае происходит в силу внимания к нему и положительной оценки <...>. Многочисленные Катерины XVIII века, по убеждению их отцов, в самом деле должны были явить собою какие-то отображения Матушки-Ектерины силою полученного ими имени» [Флоренский 1993: 45].

Таким образом, действительно, «может быть, имена ничто, но их признают народы за нечто и в силу этого признания имена ведут себя в жизни общества как некие фокусы социальной энергии» [Флоренский 1993: 46].

Несомненная значимость указанного «признания» выражается не только в самих именовании людей и называниях населенных пунктов, их частей и прочих объектов. Не менее явно это наблюдается в фактах смены антропонимов (псевдонимизации) и радикальной трансформации топонимов, причем эти акты также носят очевидный вербально-магический оттенок, хотя иногда и имеют некое подобие реализации квазиэстетических запросов. Такие случаи нередки и реальной жизни, и в литературно-художественных текстах.

Ср., например, заявление капитана Лебядкина: «Сударыня<...>, я, может быть, желал бы называться Эрнестом, а между тем принужден носить грубое имя Игната<...>. Я желал бы называться князем де Монбаром, а между тем я только Лебядкин, от лебедя, — почему это?» [Достоевский 1957: 187].

Или имена, получившие распространение при Советской власти: *Авангард*, *Герой*, *Электрификация*, *Индустрия*, *Баррикада* и проч., то есть образованные из нарицательных слов, трансформируемых в собственные; к ним тематически примыкают такие, как *Октябрина*, *Майя*, и аббревиатуры, вроде *Владлен* (от *Владимир Ленин*), *Мэлор* (*Маркс, Энгельс, Ленин, Октябрьская революция*), *Ленмарэн* (*Ленин, Маркс, Энгельс*), *Электрофин*, *Ревмир* и *Ревмира* (*революция мировая*) и т.д. [Никонов 1974: 67-69]. Конечно, в этих случаях, довольно многочисленных, очень четко проявлялось идеологическое начало.

Ничуть не менее символичными зачастую оказываются смены топонимов, происходящие, как правило, при радикальных социально-политических изменениях, что имело широкое распространение в Советской России, особенно — в первые десятилетия её существования и касалось далеко не только населенных пунктов и их частей. Ср. пламенный призыв Троцкого (1922 г.): «Все попытки побудить переименовать заводы и фабрики на советский лад разбивались о высокомерные главкократии и непонимание психологической и даже политической стороны этого дела<...>. Пора дать, наконец, заводам и фабрикам советские имена» (цит. по [Флоренский 1993: 45-46]).

Конечно, представители побежденной стороны встречали революционно-топонимические новации без восторга. Например, выразительна будто бы проходная реплика писателя, всячески декларировавшего свою аполитичность: «<...> санки, удалявшиеся по Большой Морской по направлению к Невскому (ныне Проспекту какого-то Октября, куда вливается удивленный Герцен)» [Набоков 1990: 148]; так барски-пренебрежительно В. Набоков реагирует на продержавшееся довольно долго переименование Невского в проспект имени 25 октября — то есть в честь дня 1917 года, в который официально и случилось событие, названное впоследствии победителями Великой Октябрьской социалистической революцией.

Итак, оказывается, что и антропонимы, и топонимы значимы во многих отношениях. Более того, они вполне могут обретать статус символических — хотя бы некоторые отечественные примеры: Александр Невский, Иван Грозный, Петр Первый, Суворов, Кутузов, Ленин, Сталин и т. п., или: Полтава, Бородино, Сталинград, теперь еще, вероятно, — и Крым, и проч. Поэтому они, несомненно, являются прецедентными. А «вербальные или вербализуемые прецедентные феномены в наибольшей степени «концентрируют» в себе культурно значимую информацию и служат для её актуализации в коммуникативном взаимодействии» [Гудков 2004: 24]. Следовательно, прецедентные имена собственные могут быть использованы в операциях информационной войны.

«В информационной войне жертва сама должна себя похоронить и еще поблагодарить за это» [Расторгуев 2003: 360]; при этом информационно-психологическое давление на сознание индивидуума и социума (с целью их радикальной трансформации) производится прежде всего интенсивным употреблением определенных слов и словосочетаний, тиражируемых по каналам СМИ. Пропагандистски чрезвычайно действенными несомненно оказываются в том числе и прецедентные имена собственные, символические и символические, так как их присутствие в тексте неминуемо индуцирует в сознании адресата многообразные культурные ассоциации. Причем, при соответствующем использовании языковых единиц, эти ассоциации образуют сложные фигуры, в конечном счете заставляющие реципиента усомниться в истинности ранее полученных им по данному поводу сведений, решительно пересмотреть их и принять как единственно верную ту точку зрения, которую ему сейчас навязывают. Главное — сделать так, чтобы информационно-психологически обрабатываемый объект начал хотя бы колебаться в отношении оценки имеющихся у него фундаментальных установок, а затем его моральное разложение станет необратимым.

Следует иметь в виду, что информационная война вовсе не обязательно ведется собственно с территории агрессора – операции вполне могут проводиться и в самой сердцевине атакуемой страны. Например, это осуществляется агентами нападающей стороны с помощью активируемых ими средств массовой информации, демонстраций, пикетов и проч., и далеко не всегда столь уж важен видимый результат.

Замечено, что в информационной войне «большинство выпадов делается только для того, чтобы увидеть реакцию противника на те или иные входные данные, осмыслить её и, собрав по крупицам все доступные знания, создать адекватную информационную модель, которая позволит в дальнейшем получить ответы на вопросы типа: «А что будет, если...?» и т. п.» [Расторгуев 2003: 342].

Вот недавний пример: телеканал «Дождь» предложил своей аудитории ответить на вопрос, не надо ли было сдать немцам Ленинград и сберечь таким образом тысячи жизней. В вопросе, по самой своей сути кошунственным, в общем-то и был заложен, по очевидному замыслу телеканальных деятелей, прогнозируемый в духе «общечеловеческих ценностей» (см. об этом [Васильев 2013: 186-201]) положительный ответ. Понятно, что у очень многих российских граждан (для которых Ленинград – не просто какой-то заурядный топоним, но великий символ героизма) такая формулировка никаких позитивных откликов не вызвала. Совершенно закономерно, что почти незамедлительно ряд операторов отказался от трансляции передач либеральнейшего, но при этом впечатляюще занудного телеканала. Впрочем, обнаружились и глубоко родственные ему по духу защитники. Так, всячески саморекламирующийся юрист М. Баршевский, занимающий удивительную должность представителя президента в высших судебных инстанциях (чем, наверное, подчеркивается конституционно установленная независимость власти судебной от власти исполнительной), квалифицировал дождливую анкету не как «преступление», но как «глупость», за которую, конечно же, и наказывать не следует – несмотря на многочисленные искивые заявления как отдельных граждан, так и организаций [Сегодня, НТВ, 02.02.14]. А ведь то, что проделал «Дождь», – очевидный разведывательно-провокационный выпад для зондажа общественного мнения, четко соответствующий тактике информационной войны. Повторим: вовсе не важен конкретный результат описанного маневра, важно то, что он оказался возможен и осуществим.

Естественно, что высоко значимый топоним *Ленинград* охотно использовался агентами агрессора и в других случаях. Например, известный ранее журналист А. Бабицкий высказался буквально так: «Ситуация [в Грозном], конечно, не та, что в блокадном Ленинграде, но чем-то её напоминает» [Четвертая власть. RenTV. 05.02.00]. Действительно, внешние аналогии вроде бы налицо: оба города оказались полуразрушенными в результате артиллерийских обстрелов и авиабомбардировок. Однако это лишь чисто внешнее сходство, поскольку речь идет о типологически совершенно разных первопричинах. *Ленинград* – советский (и, наверное, не только собственно советский) символ нигде в цивилизованной Европе времен второй мировой неизвестных стойкости и мужества людей, которые предпочли тяжкие мучения и страдания, смерть, наконец, – сдаче своего города жестокому агрессору (между прочим, вовсе не считавшего ленинградцев, как и прочих русских, полноценными людьми). Интенция адресанта совершенно прозрачна: *Ленинград* и *Грозный*, по сути, одно и то же. Следовательно, происходившее в Чечне — это межгосударственный военный конфликт; то есть «Республика Ичкерия» имплицитно объявляется суверенным государством, миролюбивые и беззащитные граждане которого подверглись неспровоцированному нападению другого государства (России, солдат которой малоуважительно именуют «федералами»). Отсюда телезритель, даже не склонный к логическим построениям, сделает подсказываемый ему единственно возможный вывод: «федералов» надо незамедлительно вывести с осаждаемой ими территории (а еще бы и наказать за «преступления против человечности», как это проделали с полковником Будановым), а перед благородными свободолюбивыми чеченцами хотя бы извиниться.

Другой пример культурно-топонимических параллелей — и по поводу тех же событий. Л. Канфер повествует о том, как некий чеченец «приехал посмотреть, что осталось [от родного села] после того, как воюющие устроили там свое маленькое Бородино» [24. RenTV. 23.04.03]. Опять же: в качестве источника сравнения выступает в высшей степени символический для русского языкового сознания топоним, ассоциативно прочно соотносимый с воинским подвигом во имя защиты Отечества от иноземных интервентов. Но в данном случае факты представлены так, что чеченцы оказываются невинными жертвами беспричинно нападающего на них оккупанта (т. е. совсем другого государства, коварной России) и вынуждены от него обороняться. Понятно, что адресант таким образом дает понять телеаудитории, на чьей стороне историческая справедливость.

Подобным же образом нередко используются прецедентные антропонимы. Например, в репортаже с выставки, посвященной 285-летию Екатеринбурга, один из её организаторов заявляет: «Экспонаты выставки можно попробовать на вкус <...>, торт «Павлик Мороженный» [24. RenTV. 18.08.08]; здесь же следует комментарий столь же прогрессивного («продвинутого») журналиста, автора сюжета: «Еще никогда пионеры-герои не были такими сладкими» [Там же]. Вполне очевидно, что здесь имеется в виду многократно оболганный Павлик Морозов. И здесь интенция адресантов несомненно прозрачна: в русле настойчивой дегероизации советского прошлого запрограммировать и предотвратить появление каких бы то ни было героев среди подрастающего поколения — за исключением, может быть, так называемых звезд российского шоу-бизнеса, да еще, наверное, выдающихся представителей криминалитета. Приведенный выпад логично согласуется с постулатами творцов словесных опусов времен «перестройки» и начала великих реформ, инноваций, оптимизаций и т. д. Напомним дифирамбическую эпитафию одному из многочисленных представителей этого племени, пропагандистски обеспечивавших вождьственные ими социальные перемены: «Григорий Горин — человек, учивший страну с м е я т ь с я н а д н е с м е ш н ы м и в е щ а м и» [24. RenTV. 12.03.10]. Уже избыточно здесь говорить, какому «се-

мантического заражению» (термин М. Бреалю) подверглись такие прецедентные антропонимы, как Ленин, Сталин, Дзержинский и мн. др.

В свете вышесказанного можно сделать вывод о том, что прецедентные имена собственные, топонимы и антропонимы, будучи используемыми в соответствии с замыслами манипуляторов, константно выступают в функции эффективных составляющих арсенала информационной войны.

Литература

- Васильев А. Д. Игры в слова. Манипулятивные операции в текстах СМИ. – Златоуст. СПб., 2013. 660 с.
Гудков Д. Б. Проблема изучения и описания русского культурного пространства // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. Вып. 8. – Барнаул, 2004. – С. 22- 31.
Достоевский Ф. М. Бесы // Достоевский Ф.М. Собр. соч. В 10- и тт. – М., 1957. – 760 с.
Кодухов В. И. Введение в языкознание. 2-е изд. – М., 2012. – 288 с.
Комлев Н. Г. Слово в речи. Денотативные аспекты. 2-е изд. – М., 2003. – 216 с.
Набоков В. В. Другие берега // Набоков В.В. Соч. В 5-и тт. Т.4. – М., 1990. – С. 131- 301.
Никонов В. А. Имя и общество. – М., 1974.
Платонов А. П. Чевенгур // Платонов А.П. Ювенильное море. – М., 1988. – С. 188- 551.
Пушкин А. С. Евгений Онегин // Пушкин А.С. Полн. собр. соч. В 10-и тт. – Л, 1978. – С. 5- 184.
Расторгуев С. П. Философия информационной войны. – М., 2003. – 496 с.
Салтыков-Щедрин М. Е. История одного города. – М., 1953. – 196 с.
Флоренский П. А. Имена – [Б.м.], 1993. – 320 с.
Фролов Н. К. Антропонимика // Фролов Н.К. Избранные работы по языкознанию. В 2-х тт. Т.1. – Тюмень, 2005. – С. 27-266.

ВДОВИЧЕНКО Л. В.

Сургут

ОТ ЯЗЫКА СКИНХЕДОВ К ДЕСТРУКТИВНОЙ ЛИЧНОСТИ ИЛИ ОТ ДЕСТРУКТИВНОЙ ЛИЧНОСТИ К ЯЗЫКУ СКИНХЕДОВ?

Аннотация. Статья предлагает анализ текстов рок-группы «Коловрат» и затрагивает, с одной стороны, проблемы взаимодействия языка и идеологии, с другой, воздействие языка скинхедов на особый тип личности, в частности, на деструктивную личность. Представлены дефиниции деструктивности и деструктивной личности, ее поведенческие особенности.

Ключевые слова: экстремистский текст, идеология, инвективная лексика, идеологема, деструктивность.

VDOVICHENKO L. V.

Surgut

FROM SKINHEADS' LANGUAGE TO A DESTRUCTIVE PERSONALITY OR JUST THE OPPOSITE?

Abstract. The texts of «Colovrat» rock group are analyzed in this article. On the one hand, the article touches upon the problem of interaction between language and ideology, on the other, the influence of specific skinheads' language on a specific type of a personality, on a destructive personality. Definitions of destructiveness and a destructive personality are also introduced.

Key words: extremist text, ideology, abusive words, ideological item, destructiveness.

Реалии современной политической жизни: хрупкость многополярного мира, непрекращающиеся локальные конфликты (Ирак, Афганистан, Сирия, юго-восток Украины), теракты (Дагестан, Пятигорск, Волгоград) заставляют ученых обращаться к проблеме деструктивности, деструктивной личности, деструктивного поведения.

Под деструктивностью психологи понимают разрушение, исходящее от человека и направленное вовне, на внешние объекты или вовнутрь, на самого себя [Лейбин, 2010: Режим доступа: <http://vocabulary.ru/dictionary/881>]. Деструктивная личность, соответственно, – это личность, действующая по некоей деструктивной бессознательной программе, создающая вокруг себя деструкцию, разрушение. Деструктивное поведение, таким образом, – это разрушительное поведение, отклоняющееся от медицинских и психологических норм, приводящее к нарушению качества жизни человека, снижению критичности к своему поведению, когнитивным искажениям восприятия и понимания происходящего, снижению самооценки и эмоциональным нарушениям, что, в итоге, приводит к состоянию социальной дезадаптации личности, вплоть до ее полной изоляции.

С точки зрения лингвистики нас более интересуют вопросы, связанные с ролью языка и его воздействием на деструктивную личность. Проанализируем влияние языковых средств на примере текстов песен наиболее известной российской рок-группы радикальной националистической направленности «Коловрат», являющейся культовой среди русских националистов и неонацистов.

Во многих своих работах Т. ван Дейк подчеркивает, что идеологии без языка нет, и рассматривает идеологию и ее структуру как «групповую схему», положившую начало формированию базисных категорий, вследствие чего верования индивида выстраиваются в систему, способную идентифицировать группу. Такие базовые верования управляют социальной деятельностью группы и ее социальными интерпретациями. Регламентируются идеологические верования с помощью языка.

Т. ван Дейк полагает, что можно говорить о трех типах взаимоотношений между языком и идеологией.

1. Когда идеологии свободны от контекста, предложения, формулирующие их, являются абстрактными. У индивидов, принадлежащих к одной и той же социальной группе и разделяющих одни и те же идеологические верования, нет необходимости выражать их в повседневном общении.

2. Когда знания и верования получают выражение относительно каких-либо частных контекстов в какой-либо сфере деятельности социума или выражают отношение к какому-либо частному вопросу, например, иммиграции или социальным льготам. В этом случае не получают выражения общие идеологические знания: их выбор ограничен и прагматически, и контекстуально. Выражения социальных отношений к конкретным ситуациям или событиям базируются на психолингвистических механизмах, которые не отличаются от стандартных процедур отбора общего знания и его воплощения в текстах и устной коммуникации.

3. Когда индивиды выражают мнения о конкретных событиях, фактах, действиях. В этом случае репрезентируются ментальные модели, т. е. данные выражения приобретают значения в контексте конкретных событий, фактов, действий, которые, в свою очередь, репрезентируют контекстные ментальные модели, выводящие на уровень индивидуальной картины мира. «Ментальные модели высвечивают две значимые грани в отношении «идеология – язык». Во-первых, они устанавливают связь между общим и специфичным, между социальным и личностным, а значит, между группой и индивидами. Во-вторых, ментальные модели, определяющие контексты, диктуют отношения между языковыми структурами и социальными ситуациями, между пользователями языка и языковым использованием» [Дейк, 2000: 57].

Тексты группы представляют собой буйную смесь из национал-социалистической идеологии, расизма, субкультуры спортивных фанатов, а также древнеславянского и древнеевропейского язычества (правда, обо всём этом авторы имеют весьма смутное представление). Следует уточнить, что решением Дорогомиловского районного суда г.Москвы от 13 сентября 2010 года в федеральный список экстремистских материалов были внесены все песни из альбома «Радикальный голос». Ещё ряд песен группы пополнили этот список решением Коминтерновского районного суда г. Воронежа от 16 февраля 2012 года. Напомним, что юридически значимыми признаками экстремистских материалов являются признаки возбуждения розни и вражды, призывы к насильственным действиям в отношении группы лиц, выделенных по национальному, расовому, этническому, социальному признакам, пропаганда исключительности и превосходства, оправдание терроризма.

Были исследованы около полутора десятка текстов песен. Среди них, к примеру, «Рэперы», «Забастовки», «Два брата», «Белая гвардия ветеранов», «Качай железо!», «Штурмовик», «Московские Скинхеды», «Коловрат Над Всем Миром» и другие.

Лексико-семантический анализ исследованных материалов опирался на семантику номинативных единиц данных текстов, синтаксический и грамматический анализ позволил, в свою очередь, определить набор речевых стратегий и тактик, используемых автором/авторами. Исследованные тексты изобилуют инвективной лексикой: литературными но ненормативными словами и выражениями (*недерасты, ублюдки*), грубопросторечной лексикой, входящей в состав литературного языка (*нечисть*), зоосемантическими метафорами, содержащими, как правило, негативные оценки адресата речи и грубую экспрессию неодобрения, презрения, пренебрежения (*скот, саранча, шакалы, стервятник, черномазые суки*).

В текстах зафиксировано большое количество слов, устойчивых словосочетаний, фразеологизмов, имеющих определенную идеологическую нагрузку, окраску, своего рода вербальных стереотипов. Речь идет об идеологемах:

*«Белая сила - свет против тьмы,
Белые воины - вот они мы».
«Все мы, скинхэды, солдаты свободы,
Бьёмся за новый порядок».
«Каждый получит по своим делам,
И новый мир принадлежит только нам».
«Страну охватило Белое Пламя,
Русофобам придется уйти.
Белый воин, шире шаг и выше знамя,
Ты ариец, ты скинхэд».*

Безусловно, «смысловое содержание и эмоциональная окраска идеологем могут неодинаково восприниматься адресатами, поскольку идеологемы репрезентируют специфический взгляд на соответствующую реальию» [Нахимова, 2011: 194]. В текстах откровенно излагается приверженность идеям ультранационализма и нацизма, что подтверждается анализом лексических значений многих лексических единиц.

*«Стальная мощь арийских патриотов,
Железный натиск расовых бойцов.
Грядёт эпоха правых поворотов,
Подходит время наших молодцов».
«Ветераны Рейхсвера одевают Награды,
Эсэсовец хранит свой черный мундир.
Будут еще Боевые Парады,
И Новых Солдат поведет командир».
«Будешь беспощадно вышвырнут долой,
Если ты Белой Расы враг».*

Наряду с идеологемами в текстах многих песен отмечены семантические оппозиции, представленные антонимами «черный – белый», «победа – поражение», «друг – враг», «жизнь – смерть», которые являются крайни-

ми членами антонимической парадигмы, то есть находятся в отношениях семантической дизъюнктивной оппозиции.

Использование дефиниционного метода, предназначенного для анализа значений отдельных единиц текста и их представления в лексикографических источниках, позволило определить негативную коннотацию таких лексических единиц, как *слезы, кровь, террор, стрельба, баррикады, винтовки, злость, ненависть, гнев, ярость* и многих других. Представляя собой разновидность прагматической информации, негативная коннотация данных лексических единиц, несомненно, выражает негативные эмоции или негативные оценочные оттенки практически всех исследованных текстов песен.

В тексте песни «Два брата» отмечено наличие метафоры «Россия – гнилое яблоко»:

*«Я разрежу гнилое яблоко,
Вычищу всё, что сгнило.
Точно так же поступим с Россией,
И заживём свободно».*

Очевидно, что использование автором такого изобразительного приема неслучайно, его целью является создание яркого отрицательного образа.

Во всех проанализированных текстах легко прослеживаются два смысла: героизация движения скинхедов и призывы к насильственным действиям:

*«Да здравствуют московские скинхэды,
Любой из них на подвиги готов.
Ведут жестокую борьбу ради победы,
Герои уличных невидимых фронтов».*
«Нас можно убить, но дух не сломить и волю борца не сломать»!
*«Белый воин, шире шаг и выше знамя,
Ты ариец, ты скинхэд.
Гневно кровь кипит, в душе пылает пламя,
Для врага пощады нет!
Россия принадлежит нам,
Национальный дух и гордость патриота.
Мы не уступим Русь, поверь моим словам,
О – о, Россия принадлежит нам».*
*«Русский доброволец, руку братьям дай, Будь готов сражаться до конца. Меч возьми скорее и зло покарай,
Не жалея разящего свинца. Око за око меч и огонь на врага. Смерть наших Братьев должна быть отомщена»!*
*«Много Наций – Единая Раса,
Вместе покончим с кровавым пиром.
Мы дождемся своего часа,
Коловрат над всем миром»!*

Первый реализуется посредством стратегии императивности, возвеличиванием деятельности скинхедов. В ход идут такие языковые средства как эпитеты *белая раса, чистая отчизна, священная рать*. Кроме того, нельзя не заметить обилие восклицательных конструкций, передающих восторженность, восхищение, приводящих адресатов к экзальтированности и возвышенному фанатизму. Второй – насыщенностью в текстах глаголов в повелительном наклонении (*протяни, жди, чти, иди, стань*), что указывает на побуждение к действию и на определенный идеологический императив.

Таким образом, можно говорить о специфике языка текстов рок-группы «Коловрат», перенасыщенного инвективной лексикой, идеологическим императивом, эпитетами и метафорами, восклицательными предложениями, что не может не воздействовать на личность определенного типа. Таковой представляется именно деструктивная личность. «Люди, склонные к деструкции, обладают рядом особенностей. Деструктивные действия обычно совершаются так называемыми «застревающими личностями». Это люди, для которых характерна патологическая стойкость аффекта. Таким лицам свойственны болезненная обидчивость, злопамятность, мстительность» [Лысак, 1999: Режим доступа: http://society.polbu.ru/lysak_destroyer/ch02_vi.html]. И. В. Лысак также относит к отличительной особенности лиц, склонных к деструкции, высокую тревожность – склонность к переживанию тревоги, характеризующуюся низким порогом возникновения этой реакции. «Такое переживание обычно заключается в недовольстве и внутреннем напряжении, неуверенности, беспокойстве, ощущении грозящей опасности. Высокая тревожность – это показатель субъективного неблагополучия личности. Окружающая среда часто ощущается лицами с высокой тревожностью как враждебная. В связи с этим у них затруднена правильная оценка ситуации, она легко меняется под влиянием аффекта. Причиной деструктивной деятельности у таких людей становится защита своего бытия от сознательно или бессознательно ощущаемой угрозы. Причем угроза может быть и мнимой, но ощущаться как реальная. Из-за наличия постоянного аффективного переживания, что менее достойные пользуются большими правами и возможностями, у «застревающих личностей» и лиц с высокой тревожностью может возникнуть потребность защищать свои права, и они начинают играть роль «борца за справедливость». Деструктивность таких личностей может быть направлена не только на отдельных лиц, но и на социум. Для них характерно стремление разрушить «несправедливое», с их точки зрения, общественное устрой-

ство, не создавая при этом ничего нового» [Лысак, 1999: Режим доступа: http://society.polbu.ru/lysak_destroyer/ch02_vi.html].

Очевидно, что проанализированные тексты способствуют созданию определенных ментальных моделей деструктивной личности. Исследовательский интерес вызывает и обратный процесс – от деструктивной личности к языку скинхедов. Но, вероятно, это тема следующего психолого-лингвистического исследования.

Литература

Дейк Т. А. ван. Язык и идеология : к вопросу о построении теории взаимодействия / Т. А. ван Дейк // Методология исследований политического дискурса : Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов. – Мн. : БГУ, 2000. – С. 50–64.

Лейбин В. Словарь-справочник по психоанализу [Электронный ресурс] / В. Лейбин. – Режим доступа: <http://vocabulary.ru/dictionary/881>

Лысак И. В. Человек-разрушитель: деструктивная деятельность человека как социокультурный феномен [Электронный ресурс] / И. В. Лысак. – Режим доступа: http://society.polbu.ru/lysak_destroyer/ch02_vi.html

Нахимова Е. А. Прецедентные онимы в современной российской массовой коммуникации : теория и методика когнитивно-дискурсивного исследования : моногр. / Е. А. Нахимова. – Екатеринбург : ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2011. – 276 с.

ВОРОШИЛОВА М. Б., КАРАПЕТЯН А. А.

Екатеринбург

НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКАЯ АТРИБУТИКА И СИМВОЛИКА В СОВРЕМЕННОМ МОЛОДЕЖНОМ ЭКСТРЕМИСТСКОМ ДИСКУРСЕ: ИЗ ПРАКТИКИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Работа выполнена в рамках гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук (проект МК-1644.2014.6 «Методика комплексного (лингвистического, психолингвистического, психофизиологического) анализа экстремистского текста и его воздействия на адресата»).

Аннотация. В статье приведены примеры нацистской символики с юридической точки зрения. Рассмотрена современная националистическая атрибутика и символика.

Ключевые слова: националистическая атрибутика и символика, нацистская символика, молодежный экстремистский дискурс.

VOROSHILOVA M. B., KARAPETYAN A. A.

Ekaterinburg

NATIONALISTIC ATTRIBUTES AND SYMBOLS IN CONTEMPORARY EXTREMIST DISCOURSE OF YOUNG PEOPLE: THE PROBLEM OF DEFINITION

Abstract. The examples of Nazi symbols are studied from the point of view of the law. Contemporary nationalistic attributes and symbols are discussed.

Key words: attributes and symbols, Nazi symbols, extremist discourse of young people.

В современной России все чаще звучат националистические призывы, все чаще мы видим свастику на стенах наших домов. Особенно популярна нацистская атрибутика и символика в молодежной среде, где она зачастую становится орудием вербовки молодых, сильных парней в ряды современных националистов.

Но сознавая данную проблему, мы до сих пор не имеем в своих руках реального способа борьбы, способа защиты, в том числе юридической. Несмотря на то, что «в Российской Федерации запрещается использование в любой форме нацистской символики как оскорбляющей многонациональный народ и память о понесенных в Великой Отечественной войне жертвах» [ФЗ N 80 от 19 мая 1995 г.], а «пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения» признано экстремистской деятельностью [ФЗ N 114 от 25 июля 2002 г.], в юридической практике понятие «нацистская атрибутика и символика» и «атрибутика и символика, сходные с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения» носят всего лишь оценочный характер.

И если с нацистской атрибутикой и символикой есть хотя бы частичная определенность. Традиционно принято, что нацистская атрибутика и символика может включать в себя знамена, значки, атрибуты униформы, иные отличительные знаки, приветствия и приветственные жесты, использовавшиеся организациями, признанными Нюрнбергским международным трибуналом преступными.

В частности в комментариях к статье 20.3 «Пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики» Кодекса РФ об административных правонарушениях приведен список таковых символов:

«Под нацистской (фашистской) символикой в комментируемой статье понимается совокупность фашистских символов, среди них государственная символика: государственный флаг и государственный гимн фашистской Италии и нацистской Германии, военная символика войск СС, прежде всего знаки воинского различия подразделений СС, как правило укомплектованных членами Национал-социалистической рабочей партии Германии (НСДАП), добровольцами – адептами идеологии национал-социализма.

К нацистской (фашистской) символике относятся:

- эмблема НСДАП, знамя (флаги, штандарты), бланк, плакаты, листовки НСДАП и сопутствующая символика (френчи, фуражки, нарукавные знаки, пряжки, другие детали экипировки руководителей НСДАП), эмблема и штандарты СА (Sturmabteilung, SA) – штурмовых отрядов, военизированных подразделений НСДАП;
- эмблема, флаги, штандарты и другая символика фашистской организации бывших ветеранов национальной войны – «Союз ветеранов» (Fasci di Combattimento), Национальной фашистской партии Италии (Partito Nazionale Fascista), Фашистской республиканской партии Италии (Partito Fascista Repubblicano);
- символика СС (Schutzstaffeln, SS) (нарукавные знаки, эмблемы и т.п.), охранных военизированных подразделений НСДАП, в том числе символика воинских подразделений СС, непосредственно участвовавших в боевых действиях (фуражки, полевые кепи, нарукавные нашивки, петлицы, кинжалы, прочие детали униформы), а также символика структурных подразделений СС, например знаки отличия службы безопасности СД (Sicherheitsdienst, SD);
- символика гестапо (Geheime Staatspolizei, Gestapo) – тайной государственной полиции (эмблема, жетоны сотрудников гестапо и т.п.)» [URL: <http://kodeks-ob-admin-pravonarusheniyah.com/statya-20-3-propaganda-i-publichnoe-demonstrirovanie-nacistskoj-atributiki-ili-simvoliki/>].

Но в этом же комментарии сказано, что есть ряд символов, связанных в сознании современного человека с фашистской Германией и ее армией, но отнесение данных образов «к фашистской символике, во всяком случае, оспоримо: в соответствии с решениями Международного военного трибунала в Нюрнберге к преступным организациям были отнесены руководящий состав НСДАП, СС, СД и гестапо» [там же].

Таким образом, мы видим, что в центре внимания юристов оказались только символы, связанные с фашистской Германией, но вне поля зрения остались символы иных националистических мировых организаций, не менее агрессивных и опасных, а главное не менее востребованных среди современных националистов.

В ходе 5-летнего сотрудничества с Центром по противодействию экстремизму по Свердловской области нами были собраны наиболее частотные националистические символы и атрибуты, востребованные в молодежном экстремистском дискурсе, и используемые в текстах, направленных как на возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды, так и на «вербовку» новых «белых воинов».

В данном контексте мы предлагаем использовать понятие «националистический» (то есть относящийся к национализму, к идеологии, исходящей из идей национального превосходства и противопоставления своей нации другим, подчиняющая общечеловеческие интересы и ценности национальным интересам) в юридическом значении «атрибутика или символика, сходная с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения», так как многочисленные психолингвистические эксперименты показали, что в сознании современной молодежи, данные символы имеют единое ассоциативное поле (агрессия, ксенофобия, нацизм, фашизм и др.) и зачастую связаны с понятием национализм, нежели нацизмом в его конкретном проявлении.

Наиболее частотными были признанные символы, встречающиеся более 50 раз, повторяемые в нескольких вариантах и в различных контекстах. Все выделенные символы были нами разделены на следующие группы (данный список не является исчерпывающим, мы приводим только самые востребованные символы).

1. Графическая символика.

В данной группе чаще используются символы различных националистических организаций. Среди символов с мировым именем, конечно, выделяется кельтский крест – символ White Power – движения белых расистов и НС-скинхедов.

Среди российских преобладают символы запрещенных, признанных экстремистскими организаций таких, как Славянский Союз, Движение против нелегальной иммиграции (ДПНИ).

Но самым востребованным и частотным, конечно, является черно-желто-белый флаг, уже традиционный и хорошо узнаваемый символ молодежных неонацистских течений.

2. Цифровая символика

Самым известным и актуальным цифровым символом современных националистов, бесспорно, является 14/88.

В современном националистическом молодежном дискурсе он трактуется следующим образом. Число 14 означает четырнадцать слов неонацистского идеолога Дэвида Лэйна: «We must secure the existence of our people and a future for White children» (в переводе с английского, «Мы должны защитить само существование нашего народа и будущее для белых детей»). Также возможно что это числовая аббревиатура.

Число 88 предположительно является закодированным приветствием «Heil Hitler!» («Хайль Гитлер!»), поскольку буква «H» стоит в латинском алфавите восьмой, и в то же время означает 88 заповедей Дэвида Лэйна.

3. Символы, основанные на обращении к именам собственным лидеров и иных известных представителей националистических движений, а также к названиям экстремистских организаций.

Самым востребованным в молодежном экстремистском дискурсе стало имя Максима Марцинкевича, известного как Тесак, лидера общественной организации «Формат 18», которая была запрещена в сентябре 2010 года за экстремизм, а ее лидер за последние годы дважды был осужден по статье 282.2 УК РФ.

4. Атрибутивная символика, в первую очередь – это изображение характерных атрибутов представителей современных молодежных националистических движений: бритые головы, черные военные ботинки, подвернутые джинсы, короткие черные куртки, узкие подтяжки.

5. Иные символы: питбуль (фото животного рядом с группой молодых людей с бритыми головами, изображение питбуля на черной куртке).

Но вводя данный термин – националистическая символика, мы должны оговориться, что в отличие от нацистской символики, данный символ требует к себе большего внимания, и в первую очередь внимания экспертов. Многие из приведенных символов в своем «чистом» виде, исключенные из молодежного экстремистского дискурса, потеряют свой статус националистического: черно-желто-белый флаг – это исторический гербовый флаг Российской империи, а питбуль – не более чем представитель определенной породы собак.

Литература

Ворошилова М. Б., Злоказов К. В. Русское лото 18 из 1488: опыт комплексной психолого-лингвистической экспертизы // Уральский филологический вестник / ФГБОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет». – Вып. 4 / гл. ред. Т. А. Гридина. – Екатеринбург, 2013. – 189 с. – с. 69-82.

Ворошилова М. Б., Злоказов К. В., Карапетян А. А. Отрывок про скинхеда: опыт комплексной психолого-лингвистической экспертизы // Политическая лингвистика. № (1)43. 2013. – С. 181-190

Кодекс РФ об административных правонарушениях сказано. Статья 20.3 «Пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики»

Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 г. N 114-ФЗ.

Федеральный закон «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной Войне 1941 - 1945 годов» от 19 мая 1995 г. N 80-ФЗ.

ГАЛЕЕВ Т. И.

Казань

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ СЛОВ *ГОСПОДАРЬ* И *ГОСУДАРЬ* И ИХ ДЕРИВАТОВ В РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. Статья посвящена всестороннему диахроническому анализу одного из важнейших концептов русской языковой картины мира, связанной с зарождением власти на Руси. Исследуются глубинные смыслы, непосредственно связанные с взаимоотношением правителей и общества.

Ключевые слова: семантика, титулы, фразеология, Древняя Русь, социальный статус.

GALEEV T. I.

Kazan

SEMANTIC TRANSFORMATIONS OF THE WORDS *GOSUDAR'* AND *GOSPODAR'* AND THEIR DERIVATIVES ON THE RUSSIAN LITERARY LANGUAGE

Abstract. The article is devoted to the comprehensive diachronic analysis of one of the most important concepts of Russian Language Picture of the World that is associated with the origin of authority in Rus'. The deepest meanings that are directly associated with the relationship between rulers and society are being explored.

Keywords: semantics, titles, Phraseology, Ancient Rus, Social status.

1. К истории лексем *господарь* и *государь* в русской лингвистической традиции

В этимологической литературе лексема *государь* возводится к более ранней лексеме *господарь* [Преображенский 1959], [Фасмер 1986], [Шанский, Боброва 2004], [Трубачёв 1987]. Одни исследователи считают процесс перехода *господарь* в *государь* фонетическим [Преображенский 1959], [Шанский, Боброва 2004], другие предполагают более сложный путь – обратное заимствование из тюркских или финских языков [Berneker 1913]. Было высказано также мнение, что *государь* получилось из *господарь* в результате контаминации со словами *суд*, *судить* [Черных 2002]. Ни одна из перечисленных точек зрения не является достаточно аргументированной, и поэтому вопрос о характере перехода *господарь* > *государь* нельзя считать решенным.

Из-за отсутствия четкой позиции относительно характера перехода *господарь* в *государь* А. Золтан ставит под сомнение сам факт существования лексемы *государь* в древнерусском языке до XVII в. [Золтан 2002: 554–590]. А. Золтан считает, что написание «государь» впервые появилось в письменном русском источнике лишь в 1645 г. До этого были распространены лишь написания (старинными буквами) «господарь», «осподарь» и сокращение «гдѣрь». По мнению А. Золтана, многие переиздатели – от поздних переписчиков летописей до профессиональных историков – сокращение «гдѣрь» понимали как «государь», что и стало причиной общепринятого мнения, будто написание «государь» появилось еще в языке XIV – XV вв.

Слово *господарь* / *осподарь* в значении «хозяин» было зафиксировано А. Арциховским и В. Борковским в новгородской берестяной грамоте № 247, датированной ещё XI в.: *А господарь въ нетажѣ, недѣе* [Арциховский, Борковский 1963: 69 – 71]. Слово встречается также в отрывочной грамоте № 465 первой половины XV в., где оно употреблено уже в качестве наименования титула, по мнению издателей, – по отношению к князю Константину Дмитриевичу: [к осподи]нч к *осподар*[ю]. Издатели относят данную грамоту к 1420 г., [Арциховский, Янин 1978: 61 – 63].

И. Срезневский обнаружил лексему *господарь* со значением «хозяин» в Синайском патерике XI – XII вв.: *Не вѣдущю господарю нивѣ*. В ряде грамот и юридических документов слово *господарь* подвергается терминологизации, обозначая «владельцев имущества, скота или холопа»: *А кто конь купитъ князь боярин, или купецъ, или сирота, а вѣдетъ в коне червь или проестъ, а то пондетъ к осподарю, у кого вѣдетъ купил, и тому свое серебро взяти опять взад* [Срезневский 1890–1912] (*здесь и далее* – [Срезн.]).

На основе приведенного материала А. Золтан делает важные для данного исследования выводы: «Слово (*г*)*осподарь* «хозяин» в XV в. было еще известным на всей восточнославянской территории» с одной стороны, и «в землях, вошедших к концу XV в. в Московское государство, слово (*г*)*осподарь* как элемент великокняжеского (или любого) титула до XV в. не засвидетельствовано». Слово *господарь* в значении «монарх» было широко распространено в качестве титула в Московской Руси в XV в.

Этой историко-семантической стороне вопроса в этимологической литературе уделяется мало внимания; обычно игнорируется факт, что *господарь* является общеславянским только в значении «хозяин, владелец», а не как наименование титула главы государства. Можно согласиться с данными исследования этимолога А. Золтана относительно развития полисемии лексемы *господарь*, но его утверждения относительно отсутствия слова *государь* в русском языке до XVII в. противоречат данным «Материалов для словаря...» И. Срезневского. Это слово было чрезвычайно распространено и многозначно в языке древнерусского периода, о чем свидетельствует тот факт, что у него еще до XVII в. было зафиксировано четыре значения:

1. «Господин, владелец» (*Злѣ гдрѣ, иже челядь свою томитъ восотою и наготою и дѣлом не по силѣ* – XVI в.);

2. «Титул великого князя, царя и короля» (*Гднѣ гдѣрю великому князю Ивану Васильевичю* – XV в.);

3. «Титул архиепископа и патриарха как высшей духовной власти» (*Пресвятѣйшему господинѣ и государю отцу моему Макарию, митрополиту всея Руси* – XVI в.);

4. «Титул Новгорода» (*Вся пять концовъ, весь государь Велики Новгородъ* – XV в.).

Как видно из примеров и их датировки, до XIII в. лексема *государь* не выполняла сословных функций, то есть не являлась наименованием титула, но служила наименованием владельцев имущества, челяди. С древнейших времен *государь* – это «хозяин, владелец». В памятниках церковной письменности XI – XIV вв. *господарем* или *государем* называется «хозяин нивы и собственник челяди» [Брокгауз и Ефрон 1907–1909] (*здесь и далее* – [ЭСБЕ]). Так как лексема *государь* была очень частотной, в частности, в языке юридических документов, таких как «Русская правда», с течением времени некоторые словосочетания со словом *господарь* подверглись терминологизации.

Так, на рубеже XIII – XIV вв. возникали конструкции, наподобие «Король Полскии, Литовскии и Рускии нынѣ земля гдрѣ» [Срезн.], которые автор «Материалов для словаря...» использует в качестве примера к одному из значений лексемы *государь* – «титул великаго князя, царя и короля», хотя не исключено, что в данном контексте эта лексема используется в значении «господин, владелец», то есть дословно «владелец польских, литовских и некоторых русских земель», а по средневековой концепции государственного устройства монарх де-факто являлся «владельцем земель».

Позже в официальных документах конструкции «государь + прилагательное + земель» и «государь земель + прилагательное» уступают конструкциям «государь и великий князь» и «царь и государь», которых впоследствии сменили титулы «господарь всея Руси», «государь всея Руси» и «царь всея Руси».

Синонимия слов *царь* и *государь* сохранилась и в современном русском языке, в отличие от синонимии лексем *государь* и *господин*, использовавшейся для обращения и номинации высших представителей светской («царь и великий князь»), а затем и духовной («архиепископ и патриарх») власти: *Се язѣ...далѣ есми тѣ свою вотчинѣ Бело озеро своему господинѣ и государю великому князю Ивану Васильевичю всея Руси* (1486 г.); *пресвятѣйшему господинѣ и государю преосвященному отцу нашему архиепископу* (1535 г.).

Титул *государь* в качестве своеобразного предиката в древнерусском языке также употреблялся по отношению к городу Великий Новгород, придавая ему величественность, исключительность. В то время как любое княжество находилось под властью авторитарного правителя, князя, который мог передавать свою власть по наследству, в Новгородской Республике была установлена демократическая форма правления, и жители этого «государства в государстве» титул *государя* присудили, как ни странно, городу, при этом князя московского новгородцы называли только *господином*.

Согласно данным ЭСБЕ, в XVII в. термин *государь* на регулярной основе заменялся на *боярин*. В Соборном Уложении 1649 г. хозяева старинных и каменных холопов называются *боярами*. Из этого следует, что лексема *боярин*, заменяя лексему *государь*, могла терять соотношенность с определенным сословием в том случае, когда тот или иной владелец, хозяин, собственник, названный *боярином*, в действительности к боярскому сословию не принадлежал. Однако эта тенденция распространения не получила и была отмечена только в языке XVII в.

2. История семантических преобразований слов *господарь* и *государь* в русском языке указанного периода: явления синонимии в синхронии и диахронии, формирование многозначности у лексемы *государь*, особенности современных значений приведенных лексем.

Главной особенностью развития полисемии у слова *государь* в XVIII в. является семантическое сближение лексем *господин* и *государь* при утрате описанной выше соотношенности с титулом представителя духовной власти. Если раньше *господином* называли в основном архиепископа или патриарха, то в САР [Словарь Академии

Российской 1789] (здесь и далее – [САР XVIII в.]) звание *государь* «придаётся к особам, коим мы обязаны воздавать почтение, или учтивость».

В XVIII в. титул *государь*, согласно статье САР, может применяться не только к царю, императору, но и к «особам царского рода», и в частности к цесаревичу. Что касается лексемы *господарь*, то в САР XVIII и XIX вв. [Словарь Академии Российской 1806–1822] (здесь и далее – [САР XIX в.]) она определяется только как «бывший титул князей Молдавии и Валахии». Значения интересующего нас слова *господарь*: «хозяин», «титул правителя» или «господин» – в этих словарях не отражены. Подобными семантическими оттенками в САР XVIII и XIX вв. обладает лексема *государь*.

3. Фразеологические единицы с лексемой *государь*

В САР XVIII и XIX вв. и СЦСРЯ [Словарь церковно-славянского и русского языка 1847] (здесь и далее – [СЦСРЯ]) отмечаются значения существительного *государь* «обращение к лицу, обладающему титулом государь». Предполагается, что лексема *государь* может располагаться перед титулом (*государь император*) или перед именем собственным (*Государь Пётр Великий*). В первом случае *государь* является обращением, а во втором – либо обращением, либо наименованием титула в зависимости от положения того, к кому оно адресовано.

В письменной речи особенно распространено выражение *милостивый государь*, которое окончательно теряет соотнесенность с одноименным царским или патриаршим титулом. Словосочетание *милостивый государь* вплоть до революции 1917 г. часто употреблялось в дворянской и интеллигентской среде как нейтральная форма обращения: «*Прощайте, милостивый государь*» (А. Радищев).

Однако и в дореволюционное время следует разграничить выражения *милостивый государь* и *всемиловейший государь*, которые использовались чаще при обращении к главе государства. В пятом пункте статьи в словаре СЦСРЯ, посвященной слову *государь*, указано, что исследуемое существительное используется в качестве обращения «в прошениях на высочайшее имя» (*всемиловейший государь*), «в представлениях к Великим Князьям» (*милостивейший государь*), то есть к родственникам императора, и «в письмах к частным лицам» (*милостивый государь*). В. Даль в своем словаре [Даль 1989–1991] (здесь и далее – [СД]) добавил, что «к равному» по социальному положению лицу можно обращаться *милостивый государь мой*, а «к низшему» – *государь мой*. Если словом *государь* называют человека, не обладающего высшим социальным статусом, то можно говорить о нормированном для этикетной идиоматики семантическом переосмыслении титула главы государства. В эпистолярном жанре эту лексему положено использовать для того, чтобы проявить свое уважение к адресату сообщения.

Таким образом, за счет упомянутых правил эпистолярного этикета происходит дальнейшее развитие полисемии слова *государь*: теперь *государем* можно называть не только могущественного и уважаемого человека, но и равного и даже того, кто находится по социальному статусу ниже говорящего.

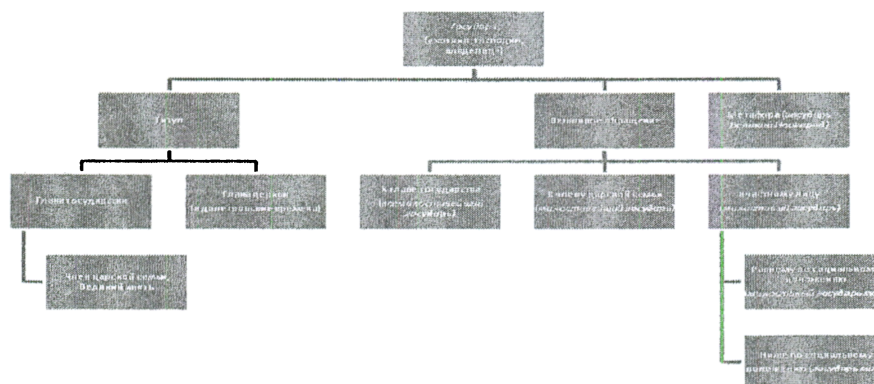
Другое важное уточнение, сделанное автором «Толкового словаря живого великорусского языка...», касается вопроса разграничения значений слова *государь* «титул» и «обращение». Если лексема *государь* стоит перед словом «император, великий князь», то она выступает как обращение, синонимичное слову *господин* (*Государь Император, Государь Великий Князь*), а если *государь* располагается перед именем собственным, то в данном случае *государь* – это сан и титул (*Государь Павел I*).

Также СЦСРЯ и СД указывают на уже встреченное ранее учтивое наименование *Государь Великий Новгород*, проводя параллели с не менее учтивым наименованием *Господин Псков*, а также отмечают особенности лексемы *господин* в значении «хозяин, владыка, барин, помещик, вельможа» как архаичные. Соотнесенность слова *господин* с наименованием титула духовной власти к середине XIX в. уже не прослеживается ни в СД, что неудивительно, так как этот словарь отражает живой язык, ни в СЦСРЯ, что кажется неожиданным, так как этот словарь, наоборот, должен отражать архаичные значения слов, особенно относящихся к церковной лексике.

У лексемы *господарь* в СЦСРЯ, помимо уже упомянутой ранее в САР дефиниции «бывший титул князей Молдавии и Валахии», вновь указываются древние значения «государь» и «господин». Те же значения приводятся и во всех последующих словарях русского языка. Отсутствие изменений в лексическом плане доказывает переход лексемы в разряд другого пласта лексики, а именно историзмов.

В лексикографических источниках XIX в. у лексемы *государь* было обнаружено больше значений, чем в словарях других исторических периодов. Указанная ниже схема аккумулирует данные отражения своеобразных семантических особенностей лексемы *государь* и показывает взаимосвязь всех перечисленных словарных дефиниций этого слова.

Как видно из приведённой схемы, значения, указанные на I уровне («хозяин, господин, владелец») и II уровне («титул», «вежливое обращение», «метафора»), были наиболее древними: существовали еще до XIV – XV вв. Значения лексем, характерные для слов III уровня, появились в XV – XVIII вв. Значения слов в нижних уровнях – в XIX в.

К концу XIX – началу XX в. лексема *государь* утрачивает свою былую многозначность и такие лексикографические источники, как СУ [Ушаков 1935–1940] (здесь и далее – [СУ]) и СО [Ожегов, Шведова 1992.] (здесь и далее – [СО]) выделяют по два значения указанного слова, причём каждый из словарей фокусирует внимание на разных аспектах функционирования этой лексики в дореволюционной России. В СУ в качестве основного значения указано «монарх, глава государства» с пометкой «дореволюционное, официальное». В качестве дополнительного – «слово, прилагавшееся к титулу лиц императорского дома». В СО наряду с видовой характеристикой слова *государь* «единовластный правитель, царь» встречается более частная – «в Древней Руси: князь-правитель». Таким образом, в двух словарях первой половины XX в. зафиксированы три значения слова *государь*. Указанные словари отметили существование и устаревшей формулы вежливого обращения *милостивый государь* или *государь мой*. В СО отражена синонимия приведенных обращений – *милостивый государь* и *государь мой*, хотя, как было отмечено выше, между ними есть определённая разница, заключающаяся в предполагаемом социальном неравенстве адресата и адресанта сообщения.

В современных словарях (СК, СЕ) [Кузнецов 1998], [Ефремова 2000] (здесь и далее – [СК] и [СЕ]) в качестве основного значения лексики *государь* указаны «глава монархического государства; царь, император» и «почтительное обращение к своему господину», при этом в СК отмечено, что обращение «государь» применимо к «должностному лицу» и к «старшему в семье» (*государь ты наш, батюшка родимый!*).

Последнее утверждение достаточно спорно, так как составителями словаря не была учтена историческая синонимия лексем *батюшка*, *государь* и *царь*, что находит свое отражение в идиоматических выражениях *царь-батюшка* и *государь-батюшка*: *Я б для батюшки-царя // Родила богатыря* (А. Пушкин); *Батюшка-государь Иван Васильевич, дай Бог ему здоровья, таки миловал господина моего* (А. Н. Толстой). В том же СК приведенные семантические отношения отражены в статье, посвященной слову *царь* [Galeev 2014].

В современном русском языке лексема *государь* обладает семантической гибкостью и активно используется при необходимости избежать повторения в текстах, заменяя множество синонимичных ей лексем, обозначающих общее, классифицирующее понятие «глава государства» (*правитель, монарх, высочайшая особа, коронованная особа*), а также титулы и наименования правителей России (*князь, самодержец, царь, порфиноносец, скипетродержец, единодержец, помазанник божий, венценосец, властодержец, скипетроносец*) или титулы и наименования правителей иностранных государств (*король, падишах, император, хан, сюзерен, шахиншах, шах*) и, наконец, обращения (*господин, Ваше величество*) [Абрамов 1999]. Любое из этих слов и выражений может быть заменено существительным *государь* без смысловых и стилистических погрешностей.

Во фразеологии лексема *государь* сохранилась, в основном, в архаических междометиях: «*государь братцы!*» и «*государь мои батюшки!*» [Мокиенко, Никитина 2007], представляющих собой восклицания, выражающие сильное удивление, изумление, в которых используется исследуемая лексема *государь* во множественном числе, что и приводит к своеобразному конфликту содержания и формы.

В некоторых идиоматических выражениях, таких как «*государя вопить, кричать*» («криком взывать о помощи, защите») и «*хоть государя кричи*» («о состоянии крайнего отчаяния»), значение, связанное с наименованием титула, у лексики *государь* сохранилось.

Любопытно, что в современном школьном жаргоне директора школы иногда шутливо-иронически называют «великим государем» [Мокиенко, Никитина 2007].

Литература

- Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1956 – 1957 гг.). М., 1963
 Арциховский А. В., Янин В. Л. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1962 – 1976 годов). М., 1978
 Большой словарь русских поговорок. – М.: Олма Медиа Групп. В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, 2007
 Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. М.: Русс. яз., 1989–1991

- Золтан А. К. Предыстории русск. «государь» / сост. А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский. // Из истории русской культуры. Киевская и Московская Русь. М.: Языки славянск. культуры, 2002. Т. II, Кн. 1. С. 554–590
- Историко-этимологический словарь современного русского языка: 13560 слов: [В 2т.] / под ред. П. Я. Черных. Изд. 5-е, стер. М.: Рус. яз., 2002
- Малый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона / сост. Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. В совр. орфогр. СПб.: Изд. об-во Ф. А. Брокгауз – И. А. Ефрон, 1907–1909
- СК – Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. – СПб.: Норинт, 1998. СЕ – Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / под ред. Т. Ф. Ефремовой М.: Рус. яз., 2000
- Словарь Академии Российской. СПб.: Имп. Акад. наук, 1789
- Словарь Академии Российской. СПб.: Имп. Акад. наук, 1806–1822
- Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений / под. ред. Н. Абрамова, М.: Рус. словари, 1999
- Словарь церковно-славянского и русского языка, сост. Вторым отд. Академии Наук. Т. 1–4. СПб.: Имп. Акад. наук, 1847
- Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1–4. СПб.: Имп. Акад. наук, 1890–1912
- Толковый словарь русского языка: В 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Гос. ин-т Советская энциклопедия; ОГИЗ – Т. 1; Гос. изд-во иностранных и национальных словарей – Т. 2–4, 1935–1940
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. [Электронный ресурс] // URL: <http://vasmer.narod.ru/>, (дата обращения: 26.08.2013)
- Школьный этимологический словарь русского языка. Происхождение слов / под ред. Н. М. Шанского, Т. А. Бобровой. Изд. 7-е, стер. М.: Дрофа, 2004
- Этимологический словарь русского языка / под ред. А. Г. Преображенского М.: Изд-во иностранных и национальных словарей, 1959
- Этимологический словарь славянских языков / под ред. О. Н. Трубачёва. Праoslavянский лексический фонд. Вып. 13. М.: Наука, 1987
- Berneker E., *Slavisches etymologisches Wörterbuch*. A – moré. Heidelberg: Winter, 1913: 335
- Galeev T. Russian Titles in the Context of Russian Culture History of the title TZAR (king) and its derivatives in Old Slavic, Ancient Russian and modern Russian languages // *Proceedings of the International Conference on Education, Language, Art and Intercultural Communication*, Atlantis Press, pp. 415–419, ISBN: 978-94-6252-013-4, ISSN: part of the series ASSEHR, ISSN 2352-5398, volume 3.

ГОЛИКОВА О. А.

Воронеж

КРИПТОКЛАССНЫЙ АНАЛИЗ КАК МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ МЕТАФОРИКИ

ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА (на материале общественно-политической лексики английского языка)

Аннотация. На материале общественно-политической лексики английского языка иллюстрируется практика применения методики криптоклассного анализа в исследовании метафоры политического дискурса.

Ключевые слова: общественно-политическая лексика, политический дискурс, криптоклассный анализ, криптокласс, коллострукция, классификатор.

GOLIKOVA O. A.

Voronezh

CRYPTOTYPE ANALYSIS AS A RESEARCH METHOD OF POLITICAL DISCOURSE

Abstract. The paper focuses on the application of the cryptotype analysis methodology in the researches of political discourse.

Key words: social-political vocabulary, political discourse, cryptotype analysis, cryptotype, collocation, classifier.

Разработанная и апробированная методика криптоклассного анализа [Борискина, 2011(2)], позволяющая выявить закономерности лексико-семантической организации абстрактной лексики, может быть использована, в частности, в исследованиях, посвящённых изучению метафоры политического дискурса. Теоретические обоснования возможности преломления теории скрытой категориальности в разработке теории политической метафорологии были предложены в работе [Борискина, 2011(1): 34–35]. Настоящая статья представляет собой иллюстрацию практики применения обозначенной методики на материале общественно-политической лексики американского варианта английского языка, используемой в медийном и академическом дискурсах.

Криптоклассный анализ позволяет создать классификацию непредметной лексики через распределение имён по криптоклассам. Криптокласс определяется как «лексико-грамматическая категория существительного, состоящая в распределении имен по классам в соответствии с семантическими признаками при обязательной выраженности классной принадлежности имени в структуре предложения через классификатор (словоформу или конструкцию) и имеющая соответствие в явной грамматической категории хотя бы одного языка мира» [Кретов, 2010]. В основании криптокласса лежит некий категориальный признак, проявляющийся в метафорической сочетаемости имён со словами-классификаторами (существительными, прилагательными, глаголами). Такие категориальные признаки являются, по сути, отражением когнитивных механизмов мышления в постижении абстрактных понятий по аналогии с предметами физического мира или их наиболее значимыми свойствами. Таким образом, криптоклассная реконструкция, используя лексико-грамматические средства конкретного языка, представляет собой попытку описания особенностей наивной категоризации действительности представителями определённой культуры.

Информационная система COEL ВГУ (Криптоклассы английского языка http://www.rgph.vsu.ru/coel/load_db.php) представляет собой базу данных криптоклассов английского языка, в которой систематизируются сведения о метафорической сочетаемости 500 наиболее частотных абстрактных существительных английского языка. Для настоящего исследования мы отобрали имена, номинирующие явления общественно-политической жизни и деятельности и характеризующиеся максимальной частотностью употребления в корпусе современного английского языка (COCA <http://corpus.byu.edu/coca/>) в текстах политического дискурса (газетных, журнальных, и академических текстах, посвящённых политическим событиям). Выборку составили следующие существительные: authority, budget, campaign, consensus, crises, debate, democracy, dispute, economy, election, freedom, government, income, law, leadership, money, nation, opposition, party, peace, politics, poll, power, recession, reform, society, union.

Анализ криптоклассных портретов рассматриваемых имён по информационной системе COEL показал, что криптоклассная категоризация общественно-политической лексики американского варианта английского языка имеет свои особенности. Так, например, имена crisis и recession ассоциируются в сознании американцев, прежде всего, с признаком «колкость», money и income – с признаком «жидкость», а понятия, обозначаемые остальными именами анализируемой нами лексики, уподобляются небольшому предмету, которым можно манипулировать руками. Ассоциативный ряд исследуемых абстракций не ограничивается указанными признаками. Рассматриваемые нами имена категоризируются в разной степени по таким признакам, как «нитевидность», «длинно-тонкий предмет», «круглый предмет».

Методика криптоклассного анализа позволяет выявлять и разрабатывать новые системообразующие признаки организации абстрактной лексики. В работах [Голикова, 2013; Голикова, 2014] даётся типологическое обоснование выделения криптоклассов «предмет с гладко-ровной поверхностью стабильной формы» и «плоский предмет нестабильной формы», предлагается этимологический и семантический анализ классификаторов разрабатываемых криптоклассов, определяются диагностирующие коллострукции.

Коллострукция (термин Ст. Гриса и А. Стефановича) представляет собой лексико-синтаксический конструкт, отражающий реализацию семантико-синтаксической валентности коллокатов (признаковых слов и имен существительных) и является инструментом криптоклассного анализа. Согласно определению криптокласса, факт замещения слота диагностирующей коллострукции криптокласса в корпусе определяет принадлежность имени данному криптоклассу.

Имена общественно-политической семантики в текстах медийного и академического дискурсов по данным корпуса COCA замещают позиции в следующих коллострукциях.

По криптоклассу «предмет с гладко-ровной поверхностью стабильной формы»:

1. [a flat object]: например, a flat budget, economy, income, opposition.
2. [a plain object]: например, a plain leadership, democracy, peace, election, freedom.
3. [a level of an object]: например, a level of budget, authority, campaign, consensus, crisis, election, freedom, government, economy, income, opposition, debate, democracy, dispute, leadership.

По криптоклассу «плоский предмет нестабильной формы»:

1. [smb. folds an object]: например, fold a campaign.
2. [an object folds]: например, leadership, government, opposition, party folds.
3. [a fold of an object]: например, a fold of government, nation, party.
4. [smb. wraps an object around]: например, wrap a campaign, law around smth.
5. [to be wrapped up in an object]: например, be wrapped up in politics, nation, debate, campaign.
6. [an object wrap]: например, a government wrap.
7. [smb./smth spreads an object (out) over/on smth]: например, spread a nation, election, economy, income.

Таким образом, имена, называющие явления общественно-политической жизни и деятельности, ассоциируются в сознании американцев с такими признаками как «колкость», «жидкость», «нитевидность» и уподобляются или небольшому предмету, которым можно манипулировать руками, длинно-тонкому предмету, круглому предмету, предмету с гладко-ровной поверхностью стабильной формы и плоскому предмету нестабильной формы.

Результаты исследований с применением методики криптоклассного анализа позволяют не только оценить значимость абстрактных сущностей в наивной когнитивной категоризации опыта, но и анализировать политическую коммуникацию как ментальный феномен, сопоставлять политические метафоры различных народов.

Литература

Борискина О. О. Криптоклассные метафоримы и политическая метафорология / О. О. Борискина // Современная политическая лингвистика: тезисы Междунар. науч. конф. (Екатеринбург 29.9-6.10) / гл. ред. А. П. Чудинов; ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т». - Екатеринбург, 2011. – С. 34-36.

Борискина О. О. Криптоклассы английского языка / О. О. Борискина. - Воронеж: Истоки, 2011. - 309с.

Голикова О. А. К вопросу о выявлении именного криптокласса «Res Planae» / О. А. Голикова // Вопросы когнитивной лингвистики. М.: Институт языкознания; Тамбов: Тамбовский гос. университет им. Г. Р. Державина, 2014. № 1. – С. 46-53.

Голикова О. А. Типологическое обоснование выделения именного криптокласса Res Planae в английском языке / О. А. Голикова // Проблемы лексико-семантической типологии: сборник научных трудов / под ред. А. А. Кретьова. – Вып. 2. – Воронеж, 2013. – С.94-104.

Кретьов А. А. Роль скрытых категорий в типологическом описании грамматики романских языков / А. А. Кретьов // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2010.

ГОРИНА Е. В.

Екатеринбург

МАНИПУЛЯТИВНАЯ ПРИРОДА ВИРТУАЛЬНОЙ СЕТИ

Аннотация. Статья посвящена вопросам манипулирования эмоциями пользователя и его восприятием в Интернете. Оригинальность данного исследования заключается в обосновании манипулятивной природы Интернета, которая основывается на фундаментальных характеристиках виртуального пространства.

Ключевые слова: Интернет, дискурс системы Интернет, манипулятивность, когнитивность, вариативность, интерактивность, открытие физических способностей и социальных навыков.

GORINA E. V.

Ekaterinburg

MANIPULATIVE NATURE OF VIRTUAL WEB

Abstract. The article is devoted to the issues of manipulation of a user's emotions and perceptions on the Internet. The originality of this study is in justifying that the manipulative nature of the Internet is based on fundamental characteristics of the virtual space.

Key words: Internet, Internet discourse system, manipulation, cognition, variation, interactivity, discovery of psychic abilities and social skills.

Манипулятивные возможности дискурса Интернета основываются на его конституирующих признаках. Для продуктивного анализа Интернет-дискурса в целом и его воздействующего потенциала мы предлагаем конструкцию системообразующих черт дискурса Сети, среди которых выделяем две основные группы признаков: внутренние и внешние. У внутренним мы относим: когнитивность, интерактивность и вариативность, к внешним – психологичность и социологичность [Лазарева, Горина 2013 b, c]. Когнитивность подчеркивает, что Интернет – это технически организованное воспроизведение дискурса жизни, вскрывает связь сознания человека и работы Сети, выявляет ее многотемность, когнитивные процессы взаимодействия и столкновения субдискурсов в системе глобального дискурса Интернета, затрагивает вопросы расширения свойств текста, особенности расположения информации на видимых страницах и виртуальных, предполагаемых модулях, расположенных в трехмерной глубине Интернета. Интерактивность подразумевает анализ пользовательской активности, изменений, произошедших в коммуникативной модели в Сети. Вариативность указывает, что любая инвариантная информация в Интернете представлена множеством вариантов, что удовлетворяет интересы огромного количества пользователей и сохраняет целостность самого Интернета, позволяет передать разные картины мира и при этом расширить Интернет-пространство. Вариативность касается тем интеграции и сегментации информации, описания различных средств оптимизации восприятия сведений в Интернете пользователем. Социологичность и психологичность (внешние признаки дискурса Интернета) показывают тесную связь между личностными и социальными изменениями, происходящими с человеком, работающим в Сети [Лазарева, Горина 2013 b, c].

Все эти конституирующие признаки дискурса Интернета обуславливают его воздействующую силу [Горина 2013]. *Когнитивность* становится основой для манипуляции сознанием и эмоциями адресата, поскольку подразумевает максимальное жизнеподобие Интернета. В Сети человек находит все, что окружает его в реальной действительности. С помощью Интернета мы можем решать массу жизненно важных вопросов, зарабатывать, общаться, развлекаться и т.д. Интернет облегчает наше существование и ускоряет темп жизни. В Сети мы находим информацию на любую тему, предложенную красочно, удобно, максимально подробно, оказываемся в ситуациях, часто таких же, какие складываются в привычной реальности. Например, мы отвечаем на точно те же вопросы, когда записываемся к врачу по Интернету, какие нам задают в регистратуре при обычной записи. Мы читаем СМИ, пишем письма, звоним друзьям, слушаем радио и т.д. Интернет отражает все, что касается жизни человека, максимально реалистично. Следовательно, пользователь серьезно относится к информации в Интернете, воспринимает ее как реальную, способную оказать воздействие на человеческое существование. Многотемность дискурса Сети легко принимается и воспринимается пользователем, поскольку дискурс жизни столь же многотемен и имеет составной характер. Интернет-дискурс составляется из множества субдискурсов, отражающих все содержательное разнообразие и жизни, и Сети. В итоге манипулятивность дискурса Интернета усилена когнитивным столкновением составляющих его субдискурсов [Лазарева, Горина 2013 a].

Интернет – постоянно меняющаяся, подвижная система, элементы которой вступают во взаимодействие. Когнитивное столкновение – это намеренное сочетание субдискурсов в Интернете с целью сокрытия истинных целей коммуниканта, завуалированного воздействия на адресата. Например, когнитивное столкновение мы встречаем, когда работаем в своем электронном почтовом ящике, куда приходят новости или реклама как сопровождающая информация. С одной стороны, мы оказываемся в ситуации «работа с почтой», с другой стороны, нам предлагают открыть ссылку с рекламным предложением или погрузиться в чтение новостей. То есть, чувствуя себя участником одной ситуации, пользователь на самом деле оказывается в двух (работа с почтой плюс чтение новостей или изучение коммерческих предложений). Поскольку сопровождающие сведения подаются под видом обычной работы с письмами, то пользователь менее критично относится к рекламе или навязанным новостным блокам, значит, получает дополнительные знания, которым не планировал уделять внимание и время.

Воздействующий эффект, оказываемый на пользователя с помощью многотемности и жизнеподобия Сети, заключается в избытии информации. Сведений крайне много, следовательно, ориентироваться в них все сложнее. Тысячи лет человеческий мозг был ориентирован на поиск информации, теперь же вся информация вся под рукой и в таком количестве, что следует научиться ее обрабатывать и фильтровать. Человек попадает в информационную ловушку, когда сталкивается с огромным объемом интересной, важной, полезной информации, из которой приходится не столько выбирать, что именно полезнее и интереснее, сколько отсеивать ложные, «фейковые» материалы. Дезинформация, навязанная реклама (так называемый «спам») в Сети очень распространены. Все это приводит к недоверию, сомнениям, критическому восприятию материалов со стороны адресата. Кроме того, сведения с Сети расположены не только на видимых, открытых пользователями страницах, но и в трехмерной глубине Интернета, в его виртуальном пространстве [Лазарева, Горина 2013 б, с]. То есть человек, работая в Интернете, практически постоянно находится в напряжении, в предвкушении информации, он предполагает, но не может точно знать, сколько сведений и какие именно существуют в Сети на интересующую его тему. В результате пользователь ощущает некоторую беспомощность перед избытием свалившихся на него материалов.

Вариативность как конституирующий признак дискурса Сети со своей стороны тоже усиливает возникающее у пользователей недоверие к информации и питает манипулятивный потенциал Интернета. Информация, которую получает пользователь, предлагается в Сети во множестве вариантов, следовательно, объем сведений увеличивается. Более того, каждый вариант – это максимально выразительный проект, цель которого не только передать факты, но и привлечь внимание адресата. Автор, создавая любого рода текст в Сети, в первую очередь, считает важным притянуть как можно больше пользователей к своему продукту. Каждый текст создается с помощью средств, оптимизирующих восприятие адресата, привлекающих его внимание, значит, воздействующих на него. К таким средствам усиления воздействия на адресата мы относим средства дискурсивной защиты. Защита в данном случае – это гарантия точного понимания авторского замысла, снижение коммуникативного конфликта между автором и адресатом, облегчение понимания сути сообщения, защита от неверного истолкования прочитанного. Средства дискурсивной защиты – это определенные приемы, которые позволяют пользователю свободно чувствовать себя в Интернет-пространстве. К указанным средствам мы относим композиционно-речевые (сегментация/интеграция, компрессия, ссыльно-отсылочные элементы, повторы, семиотическое варьирование, внутренняя политекстуальность и параграфемные средства) и собственно технические элементы, расположенные в самом компьютере, а не на сетевом пространстве (курсор мыши, элементы рабочего стола и т.п.) [Лазарева, Горина 2010, 2013 б, с]. Уточним манипулятивный потенциал каждого из названных средств дискурсивной защиты.

Сегментация и интеграция, с одной стороны, позволяют разделить объем информации на самостоятельные блоки, а затем объединить их в целое составное Интернет-произведение, но с другой стороны, приводят к одновременному размещению на одной сетевой странице, видимом модуле массы сведений, часто бесполезных и лишних для пользователя, навязанных сверх основных материалов. Например, на информационном портале «Е1» интервью с добровольцем из Екатеринбурга, воевавшим на Украине, одновременно располагаются сведения о скидках на автомобили «Фольксваген», о продаже бытовок-вагончиков, рекламируется центр лечения позвоночника и т.п. Рекламные сообщения в данном случае навязаны читателю, они даны «сверх плана». К ситуации «я читаю новости» примешивается дополнительная информация – реклама, которая волей-неволей западает в мозг адресата.

Компрессия способствует воздействию на пользователя Интернета тем, что помогает сжать информацию до уровня ссылки, то есть уменьшить объем материалов, чтобы как можно большее их количество интегрировалось на открытом модуле, плоскостной странице, открытой пользователем. Компрессия облегчает человеку поиск сведений, наводит информационный порядок, структурирует пространство Интернета, но при этом воздействует на сознание пользователя. В ситуации комфорта человек менее раздражен и более благосклонно воспринимает навязываемую информацию. Выходит, что, с одной стороны, интеграция, сегментация и компрессия – это средства создания удобной навигации, приятной работы в Сети, с другой стороны, это средства воздействия на человека, средства передачи большего объема не интересующих пользователя сведений.

Ссыльно-отсылочные элементы тоже воздействующий компонент Сети. Компрессированные гиперссылки предлагают сжатую информацию, максимально лаконичную, что приводит к широко обсуждаемому гиперссылочному чтению, сравнимому с заголовочным, к восприятию мира более поверхностно [Интернет-коммуникация как новая речевая формация 2012, Интернет-СМИ 2011]. Пользователи получают новости в виде кратких высказываний-ссылок, в Интернет-СМИ читателю предлагается лид, анонс или заголовок в виде ссылки, за которой скрываются все детали и подробности информации, но которую далеко не каждый читатель открывает в отдельной вкладке. Часто составление мнения о мире основывается именно на пассивном чтении кратких высказываний, в итоге получается обрывочная картина мира, лишенная объективности и деталей. Кроме прочего, именно объемы информации приводят к лени и пассивности восприятия сведений в Сети. Пользователь устает искать правду и объективные данные. Переработать шквал сведений не под силу обычному человеку, следовательно, более легко воспринимаются и берутся на веру те материалы, которые встречаются в Сети чаще, снабжаются большим количеством «лайков», комментариев, иллюстраций. В итоге появляется масса одинаково мыслящих людей, не обладающих истинным знанием и буквально созданных для манипулирования.

Анализ материалов Интернета показывает, что еще несколько лет назад оппозиционно настроенных людей в Сети было довольно много. Открыто осуждались власти, политика России в блогах, в СМИ, на форумах. Интер-

нет представлял собой некое поле свободы. Большая часть населения России смотрела телевизор, Интернет еще не пользовался ни такой популярностью, ни таким авторитетом в стране. Как только финансовые возможности, технический прогресс позволили массам влиться в виртуальный мир, акценты в Интернет-СМИ, в блогах, на форумах, в соцсетях, на информационных порталах изменились. Властные структуры начали использовать Интернет как средство пропаганды, задействуя для этого все сетевые площадки. В результате объем сведений оппозиционного характера снизился, заменился большим количеством материалов пророссийского характера, следовательно, и мнение пользователей Интернета с откровенно оппозиционного по отношению к политике страны стало склоняться к более одобрительному или нейтральному.

Повторы как средство дискурсивной защиты тоже манипулятивны. Они способствуют доступности информации, ее распространенности на многих площадках Сети. Допустим, упомянутое интервью с добровольцем, поехавшем на войну на Украину, с информационного портала пользователь переносит в виде ссылки на свою страницу в соцсети, откуда другой пользователь берет эту ссылку и копирует на форум автолюбителей, где активно обсуждается политическая ситуация Украины, оттуда ссылка попадает к украинским пользователям, которые раскрывают интервью в украинских блогах и т.д. Повторяющаяся информация в Интернете – это мощное воздействующее средство. Одна и та же новость может по нескольку раз высказываться на странице пользователя соцсети, например, если ее передают разные источники: друзья, официальные СМИ, блогеры и т.д. Повторяющаяся информация лучше запоминается, приобретает статус важной, значительной, становится предметом обсуждения, следовательно, влияет на разум и эмоции аудитории.

Семиотическое варьирование тоже имеет воздействующую силу. В Интернете взаимодействуют знаки разных семиотических систем: математические и пунктуационные значки, тексты, видеоряд, аудиофайлы, любые изображения, анимация, мемы и т.д. Все это ведет к высокой креолизации текстов в Сети, что позволяет не просто передать информацию, но и сформировать к ней отношение пользователей. Семиотическое варьирование способствует выражению эмоций автора, уточняет статус материала, подчеркивает иронию или сарказм. В итоге, с одной стороны, знаки разных семиотических групп помогают адресату верно понять замысел автора, а с другой стороны, они оказывают сильное влияние на восприятие информации человеком.

Внутренняя политекстуальность вскрывает суть приема когнитивного столкновения. Внутренняя политекстуальность демонстрирует сочетание разных когнитивных сфер, разных субдискурсов в пространстве Сети. Например, на странице пользователя в соцсети взаимодействуют субдискурсы: «новости», «культура», «спорт», «экономика», «прогноз погоды», «коммерция», а также ссылки на тематические форумы, конкурсы, опросы и т.д. Все это представлено на одной плоскости, но раскрывается в многомерном, нелинейном пространстве Интернета с помощью гиперссылок.

Параграфемные средства дискурсивной защиты способствуют композиционно-пространственному оформлению сообщений в Интернете. Рамки разделительного или выделительного характера, зачеркивания, изображения и фотографии, звездочки, математические знаки и знаки препинания, иконки разных программ или сайтов, шрифты, цветовое выделение, смена регистра – все это помогает пользователю ориентироваться в статусе информации. Например, цветовое оформление позволяет увидеть разницу между подчеркнутой смысловой частью текста и гиперссылкой. Параграфемика обеспечивает графическую выразительность Интернет-сообщений, указывает читателю на содержательные аспекты информации. Например, во время обострения ситуации на Украине сочетание желтого и голубого цветов приобретает особенный политический смысл, поэтому при цветных выделениях, подчеркиваниях, заливке информации в желто-голубую палитру пользователь угадывает дополнительный политический подтекст в сообщении. К таким же воздействующим на аудиторию, передающим особенный политический смысл параграфемным решениям относятся любые измененные изображения в желто-голубых тонах, например, искажения внешнего вида герба Украины.

Как видно, каждое из средств дискурсивной защиты по-своему усиливает воздействующий эффект на пользователя. В результате от информации человеку в Интернете убежать крайне сложно. Более того, средства оптимизации восприятия сведений из Сети используются и в реальной действительности, средства дискурсивной защиты активно задействованы в рекламе, печатных СМИ, на телевидении, в итоге они становятся более понятными сигналами, быстрее активизирующими внимание человека. Технические средства дискурсивной защиты (виды курсора мыши, элементы рабочего стола и др.) тоже способствуют созданию комфорта для работы человека в Интернете, за компьютером вообще. Они облегчают процесс получения информации, помогают работать с изображениями на мониторе компьютера, можно сказать, что они способствуют манипулированию пользователем, ставят человека в ситуацию, когда нет необходимости думать о технических нюансах получения информации, а можно легко и быстро получить нужные сведения [Лазарева, Горина 2010, 2013 б, с].

Конституирующие признаки дискурса Сети делают ее манипулятивной по природе. Кроме когнитивности и вариативности, *интерактивность* тоже формирует воздействующий потенциал Интернета. Мы имеем в виду экспансию адресата [Горина 2010, Лазарева, Горина 2010, 2013 а], повышенную активность пользователя в Интернете, в результате чего автор и адресат – это размытые роли, поскольку каждый пользователь одновременно и реципиент, и создатель информации в Сети. Экспансия адресата обусловлена не только открывшейся возможностью создавать свои тексты или комментировать чужие, вступать в диалог или полилог с другими пользователями, представителями СМИ или официальных органов власти и т.п. Активность адресата основана и на структуре Интернета как трехмерного подвижного меняющегося пространства. Составной характер дискурса Интернета приводит к тому, что каждый пользователь самостоятельно выбирает интересные его части Сети, составляет

свое собственное информационное поле в Интернете, выбирая из предложенных субдискурсов что-то для себя. В итоге пользователь получает индивидуальный набор сведений, составляет свою картину мира, получает личное представление о реальности. Например, выйдя в Интернет, человек открывает сайт сетевого СМИ. Там он встречает множество заголовков, рубрик, анонсов, иллюстраций – все в виде гиперссылок, и самостоятельно выбирает, что ему читать, какие материалы открыть в виде отдельной вкладки, что пропустить, а к чему поискать дополнительные сведения. По тем же гиперссылкам пользователь переходит от новости к новости, создавая в результате особенное информационное пространство, которое может быть совершенно иным у другого пользователя. Так структурные особенности Интернета усиливают экспансию пользователя. По сути, человек сам формирует информационное поле Сети, создает его по своим предпочтениям.

Такая активность пользователей становится причиной манипулятивности Интернета. Человек сам создает информационное пространство в Интернете, при этом он делится сведениями с другими пользователями, вступает в конфликт с теми, чье мнение ему не нравится, развивает и дублирует сообщения, показавшиеся ему правильными и любопытными, то есть каждый пользователь становится пиарщиком любого авторского текста в Сети. Допустим, журналисты разместили сведения о том, что на Украине нет ни одного русского военного. Этот материал осуждает один из пользователей Интернета. Он размещает его на своей странице в соцсети, снабжая обильным негодующим комментарием, другие пользователи комментируют его сообщение, присоединяя к качеству иллюстрации уже упомянутое нами интервью с одним из русских военных, принимавших участие в войне под Донецком. Следом ссылки на данное обсуждение в соцсети разлетается по страницам других пользователей в виде самостоятельных постов, к которым все новые и новые пользователи добавляют свои комментарии, иллюстрации, новые ссылки и т.д. Информация дублируется, разрастается, увеличиваясь, как снежный ком. Таким образом материалы СМИ рекламируются уже не журналистами, а обычными пользователями Интернета, возникают на разных площадках Сети не по воле редакторов, а по желанию читателей. Более того, материалы СМИ обильно комментируются, то есть приобретают значимость, следовательно, оказывают большое влияние на аудиторию. В итоге ответственность за формирование общественного мнения лежит уже не только на журналистах, но и на пользователях Интернета в целом.

Манипулятивная сила Интернет-пространства связана с его конституирующими признаками. Интернет по природе психологичен и социологичен, то есть подразумевает изменение психологии человека, формирование социальных групп в соответствии с Интернет-реальностью. Следует отметить, что мир, отраженный в Сети, не вызывает эмоций больше, чем сама жизнь. Однако Интернет позволяет организовать мощное информационное давление на аудиторию, какое с большим трудом организуется иными средствами информирования населения. В случае информационной атаки, усиленного внимания к определенной теме пользователь Сети оказывается в непривычной для себя обстановке и переживает целую палитру чувств и реакций, что приводит к манипулированию его эмоциями и разумом.

Литература

- Горина Е.В. Воздействующий потенциал теории дискурсивных защит в Интернет-СМИ // Вестник Гуманитарного университета. 2013. № 2 (2) / Редкол. : Л. А. Закс, Л. А. Мясникова и др. – Екатеринбург: Гуманитарный ун-т, 2013 – С. 155- 161.
- Интернет-коммуникация как новая речевая формация: колл. монография / науч. ред. Т.Н. Колокольцева, О.В. Лутовинова. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. – 328 с.
- Интернет-СМИ: теория и практика: Учеб. пособие для студентов вузов / Под ред. М.М. Лукиной. – М.: Аспект Пресс, 2011.
- Лазарева Э.А., Горина Е.В. Когнитивное взаимодействие и когнитивное столкновение в Интернете // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2013 а. № 1 (110). С. 48-56.
- Лазарева Э.А., Горина Е.В. Определяющие внутрисистемные признаки Интернета // СМИ в условиях информационной глобализации: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 25-26 апреля 2012 г.) / Урал. Фед. ун-т. – Екатеринбург, 2013 б. с. 88-90.
- Лазарева Э.А., Горина Е.В. Структурная модель и свойства дискурсивной системы Интернета // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2013 с. № 2 (113). С. 41-47.
- Лазарева Э.А., Горина Е.В. Теория защит А.А. Реформатского в современных средствах массовой коммуникации // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2010. № 4 (81). С. 135-143.

ДЗЮБА Е. В.

Екатеринбург

ИНТЕЛЛЕКТ ПОЛИТИКА КАК КАТЕГОРИЯ РУССКОГО «НАИВНОГО» СОЗНАНИЯ

Аннотация. В статье на основании данных ассоциативного эксперимента, проведенного среди носителей русского языка от 17 до 85 лет, рассматривается структура категории ИНТЕЛЛЕКТ ПОЛИТИКА, определяются специфические черты данной категории (абстрактность, открытость и «рассеянность» структуры, отсутствие плотного ядра и т.п.), выявляются существенные признаки и факторы ее формирования, отмечается отличие наивного представления носителей русского языка о категории ИНТЕЛЛЕКТ ПОЛИТИКА от научной категоризации интеллекта.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, категоризация, интеллект, политическая сфера.

DZIUBA E.V.

Ekaterinburg

INTELLECT OF A POLITICIAN AS A CATEGORY OF THE RUSSIAN «NAIVE» CONSCIOUSNESS

Abstract. On the basis of association experiment carried out among the Russian-speaking people aged 17 to 85 the structure of the category of INTELLECT OF A POLITICIAN is analyzed, the specific features of the category are singled out (abstractivity, open and «diffuse» structure, the absence of the dense nucleus etc.), the relevant features and factors of its formation are revealed, the difference between the naïve conceptualization of the category INTELLECT OF A POLITICIAN by the Russian-speaking people and its scientific categorization is proved.

Key words: cognitive linguistics, categorization, intellect, political sphere.

Проблемами языковой категоризации традиционно занимается когнитивная лингвистика, которая сосредоточивает внимание на процессах познания мира человеком, систематизации знаний с помощью категорий языка, вербализации этих знаний и представлений. Важность изучения названных ментальных процедур подчеркивают зарубежные и отечественные исследователи (А. Вежбицка, Р. Джакендофф, М. Джонсон, Дж. Лакофф, Э. Рош, Ж. Фоконье, Ч. Филлмор и др.; Н.Д. Арутюнова, Н.Н. Болдырев, В.З. Демьянков, Е. С. Кубрякова, В.А. Маслова, З.Д. Попова, Ю. С. Степанов, И.А. Стернин, Р.М. Фрумкина, А.П. Чудинов и др.).

Все еще актуальными для современной отечественной когнитологии являются вопросы о структуре категорий и их составляющих, о взаимоотношениях единиц категорий, о возможности конечного описания существенных признаков категорий, о значении достижений теории категорий для лексикографии.

Предметом данного исследования является описание структуры и существенных признаков категории ИНТЕЛЛЕКТ ПОЛИТИКА в том виде, какими они представляются носителям русской лингвокультуры. Основным методом исследования был ассоциативный эксперимент, проведенный в два этапа среди носителей русского языка (было опрошено 600 человек от 17 до 85 лет). На первом этапе респондентам предлагалось ответить на вопрос: *Имена каких политических деятелей у Вас ассоциируются со словом интеллект?* Это задание имело целью выявить наиболее и наименее типичных представителей интеллектуальной политической элиты в сознании современных носителей языка. При этом ни национальных, ни временных, ни каких-либо иных ограничений не устанавливалось. Результаты выполнения первого задания представлены в Таблице 1.

Таблица 1.

Статистические данные о результатах анализа ответов на вопрос

Имена каких политических деятелей у Вас ассоциируются со словом интеллект?

Имя политика	Кол-во упоминаний	Кол-во упоминаний в %	Имя политика	Кол-во упоминаний	Кол-во упоминаний в %
В.В. Путин	324	54%	Отто Бисмарк	10	1,66%
Петр I	168	28%	Н.С. Хрушев	9	1,5%
Д.А. Медведев	162	27%	С.В. Лавров	9	1,5%
В.И. Ленин	136	22,66%	Йозеф Геббельс	8	1,33%
В.В. Жириновский	114	19%	Ю.В. Андропов	8	1,33%
И.В. Сталин	90	15%	Г.К. Жуков	7	1,16%
Уинстон Черчилль	64	10,66%	А.Д. Сахаров	7	1,16%
Екатерина II	60	10%	В.П. Лукин	6	1%
Маргарет Тэтчер	54	9%	А.В. Суворов	5	0,83%
П.А. Столыпин	52	8,66%	Александр III	5	0,83%
Гай Юлий Цезарь	50	8,44%	Дмитрий Донской	4	0,66%
Наполеон Бонапарт	48	8%	М.М. Сперанский	4	0,66%
Теодор Рузвельт	48	8%	Соломон	4	0,66%
Адольф Гитлер	34	5,66%	Цицерон	4	0,66%
Александр Македонский	34	5,66%	Макиавелли	4	0,66%
Ангела Меркель	34	5,66%	Бенджамин Франклин	3	0,5%
Николай II	30	5%	Мао Цзедун	3	0,5%
Карл Маркс	26	4,33%	Фидель Кастро	2	0,33%

С.М. Миронов	24	4%	Б.В. Грызлов	2	0,33%
И.М. Хакамада	24	4%	В.И. Матвиенко	2	0,33%
Г.А. Явлинский	24	4%	Е.М. Примаков	2	0,33%
Г.А. Зюганов	23	3,83%	С.Г. Шойгу	2	0,33%
Иван Грозный	22	3,66%	В.А. Власов	1	0,16%
Александр I	22	3,66%	Княгиня Ольга	1	0,16%
Авраам Линкольн	22	3,66%	П.Б. Струве	1	0,16%
М.С. Горбачев	21	3,5%	М.И. Микоян	1	0,16%
Б.Н. Ельцин	21	3,5%	Л.И. Брежнев	1	0,16%
М.Д. Прохоров	20	3,33%	В.М. Молотов	1	0,16%
Владимир Мономах	15	2,5%	М.И. Калинин	1	0,16%
С.Ю. Витте	15	2,5%	А.Б. Чубайс	1	0,16%
Индира Ганди	15	2,5%	Е.Т. Гайдар	1	0,16%
А.С. Мишарин	15	2,5%	А.А. Собчак	1	0,16%
Барак Обама	14	2,33%	А.Л. Кудрин	1	0,16%
Ярослав Мудрый	13	2,16%	С.С. Собянин	1	0,16%
М.И. Кутузов	13	2,16%	Чингисхан	1	0,16%
Фридрих Энгельс	12	2%	Шарль де Голь	1	0,16%
Л.Д. Троцкий	12	2%	Герхард Шрёдер	1	0,16%
Джон Кеннеди	12	2%	Вацлав Гавел	1	0,16%
Ю.В. Тимошенко	12	2%	Билл Клинтон	1	0,16%
Дж. Вашингтон	11	1,83%	Кондолиза Райс	1	0,16%
Александр Невский	10	1,66%	Тони Блэр	1	0,16%

Примечание: 31 человек (5,16%) не дал ответа на поставленный вопрос; 11 человек (1,83%) указали, что «среди политиков умных людей нет».

С целью выявления структуры категории ИНТЕЛЛЕКТ ПОЛИТИКА в наивной картине мира полученные ответы (имена собственные) необходимо распределить по пяти группам в зависимости от степени частотности их упоминаний: 1) **сверхчастотные имена** представителей категории (названные более 80% респондентов); 2) **частотные**, распределяемые по двум группам: **высокочастотные**, упоминаемые 60% – 80% респондентов, и **среднечастотные**, упоминаемые 30% – 60% респондентов; 3) **малочастотные**, названные 10% – 30% респондентов; 4) **нечастотные**, названные 5% – 10% респондентов; 5) **сверхнечастотные**, названные менее 5% респондентов (см. подробнее о классификации Е.В. Дзюба 2013 [1]).

При распределении имен по указанным группам была отмечена интересная особенность: при обработке данных опроса не были выявлены сверхчастотные и высокочастотные имена, т.е. ни один политический деятель, который бы считался наиболее умным как минимум 60-ью процентами респондентов, не был назван. Однако это совершенно не значит, что среди политических деятелей настоящего и прошлого России и всего мира нет ни одного высокоинтеллектуального человека. Это, разумеется, не так. Данные показатели могут свидетельствовать, во-первых, о том, что в данной категории число представителей (говоря языком когнитивной лингвистики – членов категории) чрезвычайно велико, что объясняется многовековым опытом исторического развития нашей страны и других государств. Каждая эпоха, каждая страна выдвигает на первый план своих политических лидеров, которые оставляют определенный след в мировой истории. Большое число единиц внутри категории (большой разброс имен) препятствует выявлению сверхчастотной группы онимов.

Во-вторых, отсутствие так называемого плотного ядра в структуре данной категории в виде наиболее часто упоминаемых имен политиков объясняется широтой политических взглядов и убеждений современных россиян, а значит – и широтой предпочтений в выборе тех или иных политических лидеров, партий, направлений и т.п. Таким образом, категория ИНТЕЛЛЕКТ ПОЛИТИКА на современном этапе развития нашего общества является категорией открытой, т.е. такой категорией, границы которой открыты для новых членов (в сравнении с т.н. закрытыми категориями – такими, как ВРЕМЕНА ГОДА, ПРИРОДНЫЕ СТИХИИ и под., структура которых четко определена, она не допускает появления новых членов). Интересно заметить, что если бы подобный опрос проводился в нашей стране, например, в 30-е годы двадцатого столетия, то категория ИНТЕЛЛЕКТ ПОЛИТИКА столь размытой и открытой уже бы не была, она бы имела более плотную структуру, имела бы четко выраженное ядро в виде тех имен, которые были бы известны всем идеологически грамотным советским людям. В этом списке ключевыми фигурами были бы В.И. Ленин, Ф.Э. Дзержинский, В.В. Куйбышев, К.Е. Ворошилов, М. И. Калинин, С.М. Киров, И.В. Сталин и некоторые другие. Иными словами, отсутствие плотной структуры и плотного ядра, предельная «размытость» и открытость границ категории ИНТЕЛЛЕКТ ПОЛИТИКА в настоящее время объясняется обширностью и многообразием исторического опыта – с одной стороны, и пока еще сохраняющимся политическим плюрализмом российского общества – с другой стороны.

В следующую группу – среднечастотных имен – по результатам опроса входит имя действующего президента РФ В.В. Путина. Частотность упоминания этого имени определяется не только занимаемой В.В. Путиным должности, но также обострением внимания российской и мировой общественности к внешнеполитической деятельности нашего государства.

Следующая группа малочастотных, но – в силу указанной специфики рассматриваемой категории – весьма актуальных для современных россиян онимов представлена именами Петра I (упомянут 168 респондентами; 28%), Д.А. Медведева (136; 27%), В.И. Ленина (136; 22,66%), В.В. Жириновского (114; 19%), И.В. Сталина (90; 15%), У. Черчилля (64; 10,66%) и Екатерины II (60; 10%). Упоминание этих имен неслучайно, со многими из этих политических деятелей связана особая историческая эпоха в развитии российского общества: становление России как великой державы связано в первую очередь с именами Петра I и Екатерины II, крутые переломы в социальном и экономическом укладе российской жизни ассоциируются с именами В.И. Ленина и И.В. Сталина. Объяснимо также появление в данной группе имен Д.А. Медведева, бывшего президента РФ и ныне действующего председателя Правительства РФ, и В.В. Жириновского, бессменного лидера одной из наиболее стабильно существующих ныне политических партий – ЛДПР, долгое время занимавшего также пост заместителя председателя Госдумы Федерального собрания РФ. Нет никаких сомнений, что достойное место среди интеллектуальных политиков занимает Уинстон Черчилль, британский государственный и политический деятель, дважды занимавший пост Премьер-министра Великобритании, почетный член Британской Академии, лауреат Нобелевской премии по литературе в 1953 году. Нашим соотечественникам он известен в первую очередь по т.н. «Большой тройке» (И. Сталин, Ф. Рузвельт и У. Черчилль), решавшей вопросы о разделе мира и Германии после второй мировой войны.

Группу нечастотных, но имеющих политический вес для современных россиян имен представляют Маргарет Тэтчер (54; 9%), П.А. Столыпин (52; 8,66%), Гай Юлий Цезарь (50; 8,44%), Наполеон Бонапарт, Теодор Рузвельт (по 48; 8%), Адольф Гитлер, Александр Македонский, Ангела Меркель (по 34; 5,66%), Николай II (30; 5%).

Удивительно, но в обыденном сознании интеллектуальный потенциал политиков прошлого в первую очередь связывается с их военно-стратегическими способностями. В этом смысле неслучайны имена выдающихся завоевателей разных эпох (Александра Македонского и Юлия Цезаря, Наполеона и Адольфа Гитлера). Более того, в сознании современных носителей языка категория ИНТЕЛЛЕКТ, к сожалению, не соотносится с понятием морали, с нравственными ценностями. Среди политиков-интеллектуалов отмечаются не только исторические личности, чья деятельность оценивается на сегодняшний день весьма неоднозначно с этической точки зрения (Ф.Э. Дзержинский, И.В. Сталин и др.), но даже те деятели, которые оставили след в истории как беспощадные попиратели свободы, равноправия, гуманизма (А. Гитлер).

Важно заметить, что, например, в сознании человека древнерусского периода категория ума была тесно связана с понятием духовности. Так, в «Материалах для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» И.И. Срезневского [1] у слова «умъ» отмечается такая дефиниция: «душа, совокупность духовных сил». Сема духовности объединяет слова *умный* в первом значении¹ (ср.: «умьныи – 1) духовный), *разумный* в седьмом значении (ср.: «разумьныи – 7) относящийся к душе, духовный»), *сердце* в третьем значении (ср.: «сърдыце – 3) дух, душа, средоточие жизненных сил человека, совокупность ощущений, мыслей и чувствований»), *великоумие* в первом значении (ср.: «великоумие, великоумити, то же, что *гrec. μεγαλοφρονειν* – имеющий возвышенный образ мыслей, великий духом, мужественный») и т.д. Иными словами, лексемы *ум*, *разум*, *дух*, *душа*, *сердце*, как это представлено в «Материалах...» И.И. Срезневского, употребляются в роли синонимов, что говорит об отсутствии в сознании средневекового человека четких границ между интеллектуальной, этической и эмоциональной сферами. Обилие характерных для книжного языка Русского Средневековья слов, образованных способом сложения – в частности с корневым элементом *ум*, позволяло актуализировать разные (в т.ч. оценочные) оттенки значения слов и таким образом осваивать нравственные ценности (*великоумие*, *высокоумный*, *доброумный*, *злоумие*, *умовредный*, *умодивный*, *худоумный* и мн. др.). Вероятно, в настоящее время категория интеллекта становится все более независимой и от эмоциональной, и от этической составляющих духовной жизни человека.

По результатам опроса в группу нечастотных онимов попадают также имена П.А. Столыпина, реформатора и государственного деятеля (министра внутренних дел и премьер-министра) времен царской России, и самого Императора Российской Империи Николая II, последнего русского царя. В круг известных представителей интеллектуальной политической элиты вошла также Маргарет Тэтчер, известная россиянам как «железная леди», резко критиковавшая идеологию советского государства и одной из первых среди западных политиков одобрявшая реформистские настроения М.С. Горбачева. В эту группу вошел и действующий Федеральный канцлер ФРГ Ангела Меркель.

Остальные указанные в Таблице 1 онимы отнесены к группе сверхнечастотных. Среди попавших в эту группу – имена выдающихся правителей, военачальников, общественных деятелей мировой (Чингисхан, Соломон, Цицерон, Макиавелли) и отечественной истории (Княгиня Ольга, Ярослав Мудрый, Владимир Мономах, Дмитрий Донской, Александр Невский, Иван Грозный, А.В. Суворов, М.И. Кутузов). Здесь отмечены политики и выдающиеся деятели XIX – XX вв. – российские (Александр I, Александр III, П.Б. Струве, С.Ю. Витте, М.М. Сперанский, Л.Д. Троцкий, А.В. Луначарский, М.И. Калинин, М.И. Микоян, В.М. Молотов, Г.К. Жуков, Л.И. Брежнев, Н.С. Хрущев, Ю.В. Андропов, А.Д. Сахаров, М.С. Горбачев, А.А. Собчак, Б.Н. Ельцин, Е.Т. Гайдар), а также зарубежные (Отто Бисмарк, Карл Маркс, Фридрих Энгельс, Йозеф Геббельс, Герхард Шрёдер; Дж. Ва-

¹ В «Материалах для словаря...» нет нумерации значений, так как это не итоговый вариант словаря, а материалы для его составления. Однако в данной работе для удобства описания значения будут пронумерованы в соответствии с той последовательностью, которая предложена И.И. Срезневским.

шингтон, Бенджамин Франклин, Авраам Линкольн, Джон Кеннеди; Шарль де Голь; Вацлав Гавел; Индира Ганди; Мао Цзедун). Среди современных политиков отмечаются зарубежные лидеры разных стран (Бил Клинтон, Кондолиза Райс, Барак Обама, Тони Блэр, Фидель Кастро, Ю.В. Тимошенко) и представители российских политических партий и направлений, а также руководители разного уровня (В.А. Власов, Б.В. Грызлов, Г.А. Зюганов, А.Л. Кудрин, С.В. Лавров, В.П. Лукин, В.И. Матвиенко, С.М. Миронов, А.С. Мишарин, Е.М. Примаков, М.Д. Прохоров, С.С. Собянин, И.М. Хакамада, А.Б. Чубайс, С.Г. Шойгу, Г.А. Явлинский).

Следует подчеркнуть, что категория ИНТЕЛЛЕКТ ПОЛИТИКА специфична: она является идеальной (абстрактной), оценочной (зависит от оценки субъекта категоризации) и главное – в наивном сознании не предполагающей оппозицию. Очевидно, что теоретически категория ИНТЕЛЛЕКТ имеет внутреннюю градацию и предполагает противоположности, ср.: *тупой – глупый – неразумный – разумный – толковый – образованный – способный – умный – мудрый*. Однако опрос показывает, что в сознании носителей языка данная категория отнюдь не предполагает оппозицию. Нетипичные и сверхнетипичные образцы (в данном случае – нечастотные и сверхнечастотные имена собственные) вовсе не означают ослабление или отсутствие у представителей категории главного признака интеллектуальности. Такая закономерность – ослабление существенных признаков категории у ее худших (нетипичных и сверхнетипичных) представителей – прослеживается у многих вещественных категорий. Например, в структуре категории ОВОЩИ лучшими, наиболее типичными являются такие образцы, как помидор, огурец, морковь, картофель, свекла и капуста, потому что они в большей степени обладают существенными признаками категории: они являются плодами травянистых растений, они несладкие на вкус, многие из них, как правило, требуют термической обработки, они используются для приготовления первых и вторых (не десертных!) блюд. А вот авокадо представляется как нетипичный образец категории ОВОЩИ, потому что он в меньшей степени обладает существенными признаками данной категории: он, хотя и используется чаще для приготовления несладких блюд, все-таки является плодом древесного растения и имеет косточку внутри, как многие образцы категории ФРУКТЫ: абрикос, персик, слива и т.п. Следовательно, авокадо для обывателей в меньшей степени овощ, чем, например, картофель или помидор.

Значит ли это, что структура идеальных категорий – таких, например, как категория ИНТЕЛЛЕКТ ПОЛИТИКА, подчиняется тем же законам организации, что и вещественные категории? Вряд ли, в данной категории действуют другие законы структурирования. Политики, чьи имена попали в группу нетипичных и сверхнетипичных, вовсе не осмысляются носителями языка как глупые, необразованные, неинтеллектуальные люди. В отечественных и зарубежных СМИ продолжительное время (с 2004 года и по настоящее время) обсуждается вопрос якобы невысокого уровня коэффициента интеллекта Джорджа Буша младшего (см. некоторые статьи на данную тему: <http://www.borovik.com/index.php>; <http://www.newsru.com/world>; <http://izvestia.ru/news/322592>; <http://www.yagazeta.com/news> и мн.др.) Однако это имя не было упомянуто ни одним из респондентов. Нечастотное и сверхнечастотное упоминание многих имен политиков обусловлено разного рода факторами: степенью осведомленности респондентов в области истории и политики, уровнем политической информированности и убеждениями информантов, «обсуждаемостью» деятельности того или иного политика в СМИ, степенью известности политика (некоторые из политиков – чиновники местного значения) и т.д. Таким образом, при осмыслении категории ИНТЕЛЛЕКТ носители языка предполагали только наличие интеллектуальных способностей, слабое проявление признака интеллектуальности или отсутствие ума вообще информантами не фиксировалось, что позволило сделать вывод о наличии существенной разницы в наивной и научной категоризации: в науке интеллект понимается как категория дискретная, градуированная, предполагающая разные степени проявления признака интеллектуальности, в том числе – оппозиционные, диаметрально противоположные. В наивной картине мира, как показывает опрос, осмысляется только *наличие* интеллекта у представителей категории. Более того, эта категория если и является градуированной, то не в отношении собственно признака интеллектуальности: оценивается скорее степень известности и масштабности личности, степень исторического значения деятельности политика для развития страны.

Второй этап анкетирования предполагал выполнение задания направленного эксперимента. Респондентам предлагалось продолжить фразы такого рода: *В.В. Путин – умный политик, потому что...; Петр I – умный политик, потому что...; Д.А. Медведев – умный политик, потому что...; В.И. Ленин – умный политик, потому что...* и т.д. Это задание было нацелено на определение набора существенных признаков категории ИНТЕЛЛЕКТ ПОЛИТИКА. Среди наиболее частотных ответов оказались следующие:

- 1) смог/-ла удержать власть (быть на высоком государственном посту) на протяжении многих лет;
- 2) благодаря реформам (преобразованиям) смог/-ла вывести страну на новый уровень экономического развития;
- 3) превратил/-а страну в великую державу;
- 4) обладает ораторскими способностями, даром убеждения;
- 5) является (был/-а) хорошим стратегом;
- 6) заботится (заботился/-лась) о народе и благе государства;
- 7) имеет (имел/-а) хорошее образование.

Интеллект политика, таким образом, оценивается обывателями по следующим критериям: интеллект политика проявляется в умении захватить и удержать власть в своих руках (в этом помогают ораторские, военно-стратегические способности и хорошее образование), а общая оценка интеллекта дается по результатам деятельности политика: уровню развития государства и благосостояния народа.

Итак, исследование показало, что категория ИНТЕЛЛЕКТ ПОЛИТИКА относится к абстрактным и оценочным. На ее формирование влияет целый ряд специфических факторов – объективных: обширность и многообразие исторического опыта разных стран, относительный политический плюрализм российского общества, степень «обсуждаемости» того или иного политика в прессе, социально-исторические условия, а также субъективных: возраст, образование, место жительства, убеждения и интересы информантов и т.п. Это позволяет утверждать, что ИНТЕЛЛЕКТ ПОЛИТИКА является категорией с неплотной, рассеянной структурой, т.е. категорией, не имеющей плотного ядра, которое обычно составляют сверхчастотные и высокочастотные образцы (сверхчастотных и высокочастотных имен политиков выявлено не было).

Важно отметить отличие наивной и научной категории в отношении данной категории: в научной картине мира категория ИНТЕЛЛЕКТ ПОЛИТИКА представляется дискретной, внутренне градуированной, предполагающей оппозицию. В наивном сознании данная категория не предполагает оппозиции: отмечается только наличие признака интеллектуальности, отсутствие интеллекта и слабое представление признака интеллектуальности не фиксируется.

Для обывателей категория ИНТЕЛЛЕКТ ПОЛИТИКА характеризуется градацией членства, однако в основе структурирования категории лежит не столько признак интеллектуальности, сколько признак популярности и масштабности личности, значения ее деятельности для жизни общества в тот или иной исторический период.

Следует отметить и тот факт, что категория ИНТЕЛЛЕКТА в настоящее время в сознании носителей языка становится все более закрытой по отношению к категории нравственности, духовности, в отличие, например, от древнерусского периода, когда понятия ума, души и духа во многом пересекались.

Литература

Дзюба Е.В. Проблемы категоризации действительности в русском языковом сознании (на примере категорий ОВОЩИ, ФРУКТЫ, ЯГОДЫ) // Известия Уральского федерального университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. Екатеринбург, 2013. № 1 (110). С. 184-195 (см. на сайте: <http://urfu.ru/science/scientific-publications/izvestija-urfu>)

Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. В 3-х т. Санкт-Петербург, 1893.

ДУРЕКО Е. Ю.

Екатеринбург

СПЕЦИФИКА КЛЮЧЕВЫХ СМЫСЛОВ «ЕКАТЕРИНБУРГ – ТРЕТЬЯ СТОЛИЦА» В МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация. В 90-е годы процессы по позиционированию геополитических субъектов интенсифицировались и в медийном дискурсе появились ключевые смыслы «Екатеринбург – третья столица». Эти ключевые смыслы фокусируют внимание на определенных чертах облика и характеристиках, которым должна соответствовать «третья столица». Фокусировка внимания вокруг ключевых смыслов «Екатеринбург – третья столица» в медийном дискурсе обладает рядом специфических характеристик, которые можно выявить в процессе анализа медиатекстов.

Ключевые слова: дискурс, медийный дискурс, ключевой смысл, ключевое слово, столица, третья столица.

DUREKO E. YU.

Ekaterinburg

THE SPECIFICS OF THE KEY MEANINGS OF «YEKATERINBURG – THE THIRD CAPITAL» IN THE MEDIA DISCOURSE

Abstract. In 90th years the processes of positioning geopolitical subject intensified and in the media discourse emerged key meanings of «Yekaterinburg – the third capital». These key meanings focus on certain features of the appearance and characteristics, which should correspond to the «third capital». The focus of attention around the key meanings of «Yekaterinburg – the third capital» in the media discourse has a number of specific characteristics which can be detected in the analysis of media texts.

Key words: discourse, media discourse, a key meanings, key word, the capital, the third capital.

Смыслы «Екатеринбург – столица» связаны с главенствующим положением Уральского региона, Свердловской области и Екатеринбурга. Они были актуальны во время неудачной попытки создания Уральской республики и не ушли из медиапространства.

Присутствие смыслов «Екатеринбург – столица» в медийном дискурсе на протяжении столь длительного времени (нами зафиксированы соответствующие ключевые слова в публикациях за период 1996–2014 гг.) связано с процессами, происходившими в 90-е годы. Тогда наметилась тенденция к появлению новых геополитических брендов, поскольку «перед новыми агентами – регионами, появившимися в результате распада старой системы, встала проблема самоидентификации субъекта политики и его дальнейшей презентации в информационном пространстве» [Панарин А.С. 2003: 204]. Когда город Свердловск стал частью истории и на его месте появился современный Екатеринбург, в текстах СМИ начали разворачиваться публичные дискуссии: является ли Екатеринбург столицей третьей, евразийской или уральской. Представление о Екатеринбурге как о столице стало источником ключевых смыслов «Екатеринбург – третья столица», «столица Урала», «столица Евразии» в медийном дискурсе.

Медийный дискурс представляет собой «сложное целое или выделяемое содержательное единство, которое на уровне языка реализуется в последовательности предложений, связанных между собой смысловыми отноше-

ниями» [Алефиренко 2005: 297] и включенное в широкий социальный, коммуникативный, когнитивный контекст. В современном медийном дискурсе коммуникативное общение осуществляется посредством медиатекстов, обладающих рядом особых характеристик, таких как интертекстуальность, полиинтенциональность, медийность, массовость, поликодовость.

В силу своей специфики, медийный дискурс является пространством для возникновения и развития смыслов, в том числе и связанных с брендом территории. М. Каврацис и Г. Ашворф считают, что в результате процессов по созданию бренда территории создается многомерный конструкт, состоящий из «функциональных, эмоциональных, социальных и стратегических элементов, которые все вместе становятся набором уникальных ассоциаций, которые ассоциируются у массовой аудитории с конкретным местом» [Kavaratzis M., Ashworth G. 2010: 4]. В медийном дискурсе основные элементы этого ментального конструкта занимают позиции ключевых смыслов. Выразителями ключевых смыслов являются ключевые слова. Размышляя над сутью термина «ключевое слово», Ю.Н. Караулов говорит о том, что «ключевыми словами», на которые опирается рефлексия читателя, служат такие множества слов, которые обладают свойствами образовывать смысловое сгущение, своеобразное семантико-тематическое поле [Караулов 1992:158].

Л.М. Майданова отмечает важность выделения в медиатексте ключевых слов, которые «рассматриваются как факты человеческого сознания, поэтому <...> они могут служить показателями понимания и оценки обществом различных реалий» [Майданова 2004: 6]. Рассуждая об узловых точках медиатекста, Л.М. Майданова отмечает, что «предметом внимания являются некие смысловые единицы, ставшие сегодня актуальными для общественного сознания и репрезентируемые разными языковыми средствами» [Майданова 2004: 7]. Основными критериями для выделения ключевых слов являются частотность и способность концентрировать вокруг себя семантико-тематические группы слов, быть узловыми элементами медиатекста. На наш взгляд способность ключевых слов к концентрации вокруг себя тех или иных семантико-тематических групп, выражающих определенные смыслы, связана с особенностями фокусировки внимания в многозначных словах. Как указывает ряд исследователей, в многозначных словах из фокуса внимания выводятся многие частные признаки референтных объектов, что приводит к образованию «концептуальных пустот», готовых к заполнению близлежащим контекстом. В связи с этим понятие дефокусирования, т.е. переструктурирования значения языковой единицы или выражения, в результате которого некоторые онтологически существенные или контекстуально релевантные свойства референта «затушевываются», отходят на задний план, некоторые свойства наоборот – попадают в фокус внимания и выходят на передний план [см.: Кубрякова Е.С., Ирисханова О.К., 2007: 4–11].

Представление о Екатеринбурге как о «третьей столице» связано с его позиционированием относительно «первой» – Москва и «второй» – Санкт-Петербург – столиц, а также сравнением с другими городами, претендующими на право называться третьей столицей. Именно с этими процессами мы связываем борьбу за бренд «третьей столицы», которая обострилась в 2009 году, когда город Казань зарегистрировала в Роспатенте право на использование товарного знака «Третья столица России», «Третья столица», «Третий город России», «Третий город», а также Russia's thirdcapital.

При создании образа Екатеринбурга в медийном дискурсе в фокус внимания попадают различные характеристики «третьей столицы», параметры «столичности», которым город, претендующий на статус столицы, должен соответствовать. Эти смыслы циркулируют в определенных пространственно-временных рамках. Как указывает Г.Я. Солганик, для характеристики публицистической речи имеют большое значение такие ее параметры, как пространство и время. Ученый отмечает, что «практически все публицистические сюжеты разворачиваются в социальном пространстве» [Солганик Г. Я. 2008: 25]. Р. Говерс и Ф. Гоу подчеркивают, что при исследовании создания образа региона «ни одна из привычных теорий брендинга не отвечает требованиям исследования, поскольку идентифицировать территорию и ее образ нужно через пространственно-временной контекст» [Govers Robert, Go Frank, 2009: 12].

Большая группа признаков «третьей столицы», на которых фокусируется внимание в медийном дискурсе, связана с внешним видом, наружностью «третьей столицы», с ее пространственными характеристиками. В публикации от 2008 года приводятся слова губернатора Эдуарда Росселя: *мы же столица Урала, третья столица России, и без нормальной реки нам не солидно* [URA.Ru. 2008. 24 марта]. Говорят СМИ и о необходимости реконструкции недостроенной телебашни в центре Екатеринбурга, чтобы: *...одно из центральных мест Екатеринбурга соответствовало статусу «третьей столицы»* [Областная газета. 2005. 4 мая]. В материале актуализируется символ башни, которая «метафорически выражает идею крепости, незыблемости, однако основное ее значение связывается с идеей верха, который в символической картине мира отождествляется с духовным, небесным, близким к божественному [Словарь символов и знаков, 2006: 10]. В ряде публикаций этот же символический смысл актуализируется через характеристику облика третьей столицы как города, в котором много высотных зданий: *...появляются небоскребы, современные архитектурные комплексы <...> Мы реально выходим на планку – «третья столица* [Европейско-азиатские новости. 2007. 9 октября]; *«Екатеринбург – третья столица России, на дворе XXI век, а у нас до сих пор нет ни одного небоскреба»* [URA.Ru. 2007. 8 мая].

С характеристикам внешнего облика третьей столицы связаны смыслы «третья столица – город с уникальным географическим положением». В ряде публикаций говорится о преимуществах, которые дает городу его расположение на континенте. Так, митрофорный протоиерей Владимир Зязев высказывает мнение о том, что Екатеринбург – третья столица России, потому что *это хребет страны, и интеллектуальный, и культурный, и военный оплот* [Новый регион. 2007. 17 августа]. На наш взгляд, слова «хребет страны» актуализируют извест-

ный на Урале мансийский миф о создании Уральского хребта из божественного пояса, который положили на топкую землю и она «успокоилась, стала неподвижной, пояс частично опустился в болото, а пуговицы поднялись горами. На том месте, где лег пояс, теперь Уральский хребет. Это самая середина земли» [Никулина М.П. 2007: 172]. Высказывание актуализирует представление об Урале как об уникальной территории, центре континента.

Вторая группа признаков фокусирует внимание реципиентов на особенностях жизни в «третьей столице». Одна из наиболее ранних публикаций, в которых мы зафиксировали ключевые смыслы «третья столица», датирована 1996 годом и рассказывает о том, что в Екатеринбурге начала развиваться индустрия развлечений: *«Третья столица», последний оплот Ельцина и рок-н-ролла, пока только начинает входить в новую поп-культуру, субкультуру «Поколения X», виртуальной реальности и «Криминального чтения», роликовых коньков и скейт-бортов, рейва и экстази* [Деловой квартал. 1996. 29 февраля]. Словосочетание «третья столица» в публикации употреблено в кавычках, что показывает, что на момент создания текста оно еще не было устоявшимся и журналист счел его необычным.

Большим количеством текстов разных лет представлены смыслы «третья столица» – это богатый город». Появление данного признака в текстах СМИ чаще всего связано с лексемой «деньги», которая актуализирует одноименный концепт [Степанов Ю.С., 2004: 589]. Наряду со словом «деньги», тема богатства и благополучия третьей столицы связана с лексемами «бизнес», «деловой», «выгода»: *Словосочетание «третья столица» выходит из употребления. Теперь заговорили о Екатеринбурге как деловом центре* [Деловой квартал. 2001. 24 сентября]. Среди ментальных составляющих концепта «бизнес» выделяется: «экономическая деятельность, связанная с производством и реализацией товаров, оказанием услуг, коммерческими операциями и т.п., осуществляемая с целью получения прибыли» [Концептосфера русского языка, 2010: 267].

Часто фокусировка внимания вокруг тех или иных характеристик «третьей столицы» достигается посредством опоры на концептуальную основу – концепт, символ и или образ. В русской версии журнала «Forbes» использован совершенно иной механизм: ключевые смыслы «Екатеринбург – третья столица» актуализируются уже в заголовке *Третья столица. Екатеринбург хочет казаться чем-то большим, чем он есть на самом деле. Отличный стимул для развития*. Название материала активизирует механизм наведения сем. Этот механизм обусловлен «наличием многосторонних связей в лексической системе языка, которая обеспечивает возможность перехода от одного слова к любому другому слову, через несколько посредствующих» [Попова З.Д., Стернин И.А. 2010:102]. Э.В. Кузнецова, рассуждая о механизме семных модификаций смысла, отмечает, что «наведение» (термин И. А. Стернина), представляет собой включение в смысл слова отдельных компонентов, не свойственных его значению, но присутствующих в качестве актуализированных в смыслах других слов» [Кузнецова 1987: 88]. В силу специфики публицистического текста, которая, по словам Л.М. Майдановой, заключается в том, что связность текста обусловлена «квантованием информации и воплощением ее в тексте в форме взаимосвязанных семантико-синтаксических единств разного объема и ранга» [Майданова 1987: 36], механизм наведения сем в нем реализуется по особой модели. Ключевые смыслы, которые разворачиваются во всем материале, журналист использует в заголовке. По Л.М. Майдановой, заголовок в тексте «повышает надежность восприятия» и «содержит элементы основной мысли» [Майданова 1987: 154]. Вероятно, употребление этих смыслов в заголовке является обязательным элементом механизма наведения сем в публицистическом тексте.

Обозреватель журнала «Forbes» Илья Хренников в зачине текста воспроизводит картинку: *внимание посетителей Свердловского областного краеведческого музея привлекает выставленная в витрине связка ключей – гротескно большая, тяжелая, тускло поблескивающая металлом. Это скорее украшение, чем предмет обихода. Богатый екатеринбургский купец в позапрошлом веке носил эту связку на тугом пузе, чтобы все видели, как много в подвалах его дома сундуков с добром. Прошло два века, а стремление показать себя во всей красе никуда не делось* [Forbes. 2007. 3 февраля]. Как отмечает Г.Я. Солганик, «наибольшую смысловую, информационную и композиционную нагрузку несет строфа, открывающая произведение» [Солганик, 2009: 48]. Текст формирует образ уральского купца и переносит черты этого образа на Екатеринбург. «Тугое пузо», «сундуки с добром». «Пузо» – «(простор.) То же, что живот» [Ожегов С.И. 2003: 621]. «Добро» – «имущество, вещи (разг., ирон.)» [Ожегов С.И. 2003: 165]. Развернутая метафора несет в себе иронический подтекст, на который указывают пометы «простор.», «ирон.» в толкованиях слов. С характеристиками «третьей столицы» как богатого, успешного, зажиточного города связаны смыслы о том, что в таком городе жить хорошо, удобно, комфортно.

Важной чертой жизни в «третьей столице» является проведение там крупных международных мероприятий. В публикации, предвещающей проведение в Екатеринбурге крупного международного саммита, приводятся слова губернатора Эдуарда Росселя: *...чтобы руководители государств, которые прибывают к нам, сказали: «Да, Екатеринбург – настоящая третья столица России* [Областная газета. 2006. 22 сентября]. При публичном обсуждении перспектив проведения в Екатеринбурге крупной международной выставки СМИ транслируют слова другого губернатора Александра Мишарина: *реализация проекта позволит стать столице Урала действительно третьей столицей России* [Областная газета. 2011. 28 февраля].

«Третья столица» характеризуется лидерством в различных областях. Эта характеристика связана с ментальным конструктом «центр», который реализуется как представление о равномерном интенсивном развитии геополитического субъекта в разных направлениях: *Екатеринбург является действительно третьей столицей и по интеллектуальному потенциалу, и по своему месту размещения, и по индустриальному уровню...* [Областная

газета. 2005. 2 сентября]; *Екатеринбург не зря претендует на место третьей столицы... Город активно развивается, превращается в индустриальный, промышленный и культурный центр* [Е1. 2012. 9 октября].

«Третья столица» в медийном дискурсе также характеризуется как *чистый город* [см.: Областная газета. 2005 20 апреля; ИТАР-ТАСС. 2008. 24 марта; Новый регион. 2013. 18 марта]; *город, в котором развита индустрия красоты* [Апельсин. 2004. 13 мая]; *город, у которого есть исторические предпосылки для претензии на этот статус* [см.: Деловой квартал. 2006. 17 декабря; Апельсин. 2009. 2 октября].

Смыслы «Екатеринбург – третья столица» фокусируются в медийном дискурсе особым образом. Они бытуют в дискурсе на фоне сравнения Екатеринбурга с другими «столицами» и «третьими столицами». и сравнение происходит по различным основаниям. Как утверждают в своей статье Н.Э. Дарбинян и Л.Э. Старостова, «геобрендинг является сегодня одним из самых популярных подходов к развитию территорий. Осознание региональными властями того факта, что «любая территория находится в условиях конкурентной борьбы с ближними и дальними соседями за интерес к себе различных целевых аудиторий – жителей, туристов, инвесторов – толкает многих к тому, чтобы инициировать маркетинговые механизмы продвижения» [Дарбинян, Старостова 2013: 35].

Специфика фокусировки смыслов «третья столица» в медийном дискурсе также и в том, что образ географического субъекта описывается большим числом параметров и характеристик. Материалы, в которых производилась характеристика внешнего облика «третьей столицы», содержат две основных группы смыслов: описывающие внутреннее устройство третьей столицы и ее положение в пространстве. Примечательно и то, что ключевые смыслы в процессе фокусировки часто имеют в дискурсе СМИ конкретных авторов: губернатора Эдуарда Росселя, служителя церкви Владимира Зязева, владельца агентства недвижимости Евгения Новоселова. Эти смыслы появляются в медийном дискурсе точно и чаще всего представлены одним, редко – двумя-тремя текстами.

Смыслы, связанные с характеристиками жизни в «третьей столице», появляются в медийном дискурсе на протяжении всего фиксируемого нами процесса позиционирования Екатеринбурга. Ряд смыслов связан с датами проведения в городе крупных международных и федеральных мероприятий, возникают они в дискурсе «точечно» и затухают по прошествии описываемых событий. Смыслы, связанные с такими характеристиками жизни в столице, как богатство, достаток, развитость инфраструктуры, лидирующее положение, с одной стороны, часто связаны с заявлениями политиков. С другой стороны, эти смыслы проявляются и вне тесной связи с субъектом дискурса.

Для фокусировки смыслов «Екатеринбург – третья столица» используются такие механизмы, как наведение сем, использование ментальных конструкторов «центр», «деньги», «бизнес». На наш взгляд, опора на ментальные конструкторы обеспечивает ключевым смыслам прочную ментальную основу и богатый смыслопорождающий и миромоделирующий потенциал в медийном дискурсе.

Таким образом, специфика ключевых смыслов «Екатеринбург – третья столица» в том, что в медийном дискурсе в различные временные отрезки избирательно актуализируются определенные черты «столичности». Выбор смыслов определяется участниками дискурса или событийной сферой – когда в преддверии крупного мероприятия возникает необходимость актуализировать тот или иной элемент образа города.

Литература

- Алефиренко Н.Ф. Спорные проблемы семантики: Монография. – М.: Гнозис, 2005. – 326 с.
- Дарбинян Н.Э., Старостова Л.Э. Бренд под маркой «Органик» как ресурс коммуникации места // Бренддинг малых и средних городов России: опыт, проблемы, перспективы: матер. Междунар. науч.-практ. заоч. конф. [Екатеринбург, 28–29 марта 2013 г.] / [ред. А. М. Бритвин]. – Екатеринбург: УрФУ, 2013. – С. 35–40.
- Караулов Ю.Н. Словарь Пушкина и эволюция русской языковой способности. – М.: Наука, 1992 – 168 с.
- Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации (на материале лексики, фразеологии и паремологии). Проспект словаря / Под общ. Ред. проф. Л.Г.Бабенко. – Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 2010. – 340 с.
- Кубрякова Е.С., Ирисханова О.К. О ментальных репрезентациях // Проблемы представления (репрезентации) в языке. Типы и форматы знания. Сб. н. тр.РАН, СЛЯ, 2007, т. 66, №2. – С. 3 – 12.
- Кузнецова Э. В. Лексикология русского языка. М.: Высш. Школа, 1989. – 216 с.
- Майданова Л.М. Структура и композиция газетного текста. Средства выразительного письма. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1987. – 180 с.
- Майданова Л.М. Слово и ключевые смыслы в современных медиа-текстах / Майданова Л.М. [и др.]; ред.-сост. Л.М. Майданова – Екатеринбург: Изд.-во Урал.ун-та, 2004. – 231 с.
- Никулина М.П. Избранное: В 2 т. Т.2: Проза. – Екатеринбург: ИД «Союз писателей», 2007. – 330 с.
- Панарин А.С. Искушение глобализмом. – М.: Изд-во «Эксмо», 2003. – 416 с.
- Попова З.Д., Стернин И.А. Лексическая система языка: Внутренняя организация, категориальный аппарат и приемы описания. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 176 с.
- Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 53 000 слов / С.И. Ожегов; Под общ.ред.проф. Л.И. Скворцова. – 24-е изд., испр. – М.: ООО «Издательский дом «ОНИКС 21 век»: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2003. – 896 с.
- Розенталь Д.Э. Справочник по правописанию и литературной правке, 5-е изд. – М.: Книга, 1989. – 320с.
- Словарь символов и знаков. – Минск, Москва: АСТ, Харвест, 2006. – 239 с.
- Солганик Г.Я. О структуре и важнейших параметрах публицистической речи (языка СМИ) // Язык современной публицистики: сб. статей / сост. Г. Я. Солганик. – М.: Флинта: Наука, 2008. – С. 13–31.
- Солганик Г.Я. Стилистика текста. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 256 с.
- Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М., 2004. – 992 с.

Govers R., Go F. Place Branding Global, Virtual and Physical Identities, Constructed, Imagined and Experienced. – London: Palgrave Macmillan, 2009. – 340 p.

Kavaratzis M., Ashworth G. Place branding: where do we stand? Towards Effective Place Brand Management-Branding European Cities and Regions, Edward Elgar Publishing Limited, Cheltenham, United Kingdom. – London: Edward Elgar Publishing, 2010. – 280 p.

ЕРЁМИНА С. А.

Екатеринбург

ЛЕКСИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА «БРИТАНСКИЙ УЧЕНЫЙ» В МЕДИАТОПИКАХ

Аннотация. В статье представлен анализ лексической репрезентации образа британских ученых в текстах Интернет-пространства. Приведена классификация лексем в данных текстах по группам.

Ключевые слова: лексема, британские ученые, Интернет, мем.

EREMINA S. A.

Ekaterinburg

LEXICAL REPRESENTATION OF THE IMAGE «BRITISH SCIENTIST» IN THE MEDIA

Abstract. Analysis of lexical representation of the image of British scientists in the texts from the Internet is undertaken. Classification of lexemes in these texts into several groups is given.

Key words: lexeme, British scientists, Internet, meme.

В текстах некоторых сайтов Интернет-пространства мы часто встречаем номинацию **британские ученые** с ярко выраженным коннотативным значением: исследователь, работающий над совершенно безумным и не представляющим абсолютно никакой практической ценности псевдонаучным проектом [1].

Считается, что этот образ создали журналисты, проводя статистический учет открытий британских ученых. Данное явление можно отнести к лингвокультурным типажам, описанием которых занимаются, в частности, В. И. Карасик, Е. А. Ярмахова [2].

Термин **британский ученый** также используется как мем (англ. *meme*), т. е. *медиа-вирус* – идея, образ или объект нематериального мира, передающийся от человека к человеку вербально, невербально, через Интернет. Мем, видоизменяясь внутри носителя, оказывает влияние на него и общество в целом. Мем принижает значимость личности британского ученого, унижая образ, создавая различные околонуучные байки про британских ученых. На Западе данное явление называется Интернет-феноменом (*internet phenomenon*). Концепция мемов была разработана британским учёным Ричардом Докинзом в 1976 году [3].

Естественно, что наряду с этим Интернет-статьи на различных сайтах передают информацию об открытиях британских ученых, ссылаясь на реальные и объективные источники, формируя образ научного работника из Великобритании.

В результате номинация **британский ученый** может выступать в четырех смыслах:

1. Это научный работник из Великобритании.
2. Исследователь-чудак, работающий над безумным и не представляющим никакой практической ценности проектом (типаж ученого, формируемый журналистами через отрицательную оценку).
3. Человек, занимающийся околонуучными исследованиями (мем, созданный журналистами).
4. Ученый-любитель или самоучка, делающий открытие (значительное или нет) на основе ряда собственных экспериментов или находок.

Данное исследование имеет цель выяснить, какой образ британского ученого формируется в медиатопиках на лексическом уровне, используя материалы сайта <http://englishscientists.ru/> **Британские ученые доказали**.

Данный сайт целенаправленно аккумулирует статьи, считающиеся журналистами нелепыми, странными, смешотворными (англ. *ridiculous*, франц. *drôle*). Подборка классифицирует статьи по следующим темам: Антропология (5 статей), Археология (10), Безопасность (5), Биология (10), Генетика (6), Здоровье и красота (10), Космос (9), Кулинария (5), Математика (3), Медицина (16), Диетология (9), Клонирование (2), Лекарства (10), Психология (17), Сексология (11), Наука и технологии (11), Новости (13), Общество (15), Океанология (7), Отношения (13), Социология (12), Статистика (5), Фауна (13), Экология (12). Эти темы, на которые созданы статьи, мы и называем медиатопиками. Из 148 представленных на сайте статей заведомо абсурдными представляются нам 22 статьи, отнесенные к разряду мемов. Представим наиболее одиозные из них:

– Английские ученые считают, что миф о Санта-Клаусе обязан своим появлением галлюциногенным грибам;

– Найден ген, который мешает нам жить;

– Британские ученые поняли, почему пьяные мужчины менее требовательны к красоте;

– Оральный секс успокаивает голодных женщин;

– Ученые: Лучшая утренняя гимнастика – это секс;

– Ученые вычислили день и час суперсекса;

– А если нападут зомби? Всех спасут... математики!;

– Британские ученые считают вредной скуку на рабочем месте;

- Британские ученые признали секс лучшим снотворным;
- Замороженные овощи содержат больше питательных веществ;
- Женщинам с годами хочется все больше секса;
- Британские ученые изобрели спрей, который делает мужчин ласковее;
- Британские учёные установили дату наступления счастья.

Критериями отнесения данной группы статей к мемам являются: 1) проблематичность постановки самой проблемы исследования, 2) явная неадекватность условий проведения эксперимента и проверки результатов исследования, 3) свободный пересказ проблемы журналистами.

Вторая группа статей (их оказалось 38) отнесена нами к разряду текстов об ученых-типажах, создаваемых журналистами:

- Британские ученые доказали, что боулинг опасен для здоровья;
- Британские ученые доказали, что есть за рулем опасно;
- Британские учёные нашли ген роста бюста;
- Британские ученые выяснили: мини-юбки продлевают жизнь;
- Порция кальяна в пять раз вреднее сигареты;
- Британские ученые доказали, что на Марсе можно играть в футбол;
- Ученые выяснили, как заварить идеальную чашку чая;
- Британские математики вывели формулу идеального блина;
- Английские ученые раскрыли секрет счастья;
- Ученые доказали обезболивающие свойства матерной брани;
- Полнота заразна;
- Британские ученые выяснили, что британские ученые – самые умные;
- Шампанское приносит пользу уму и сердцу;
- Британские ученые изобрели новые таблетки для похудения: они регулируют размер желудка;
- Ученые вывели формулы для парковки, пенальти, общения и замужества;
- Британские ученые сделают мумию из таксиста;
- Банкоматы и общественные туалеты одинаково заразны;
- С Днем святого Валентина: любовь может убить человека, доказали британские ученые;
- Самые умные ученые живут в Великобритании.

Критериями отнесения данных статей к статьям об ученых-чудаках являются: 1) вольный перевод иностранного источника, 2) отсутствие прямых ссылок на первоисточник (который есть во всех новостных статьях у официальных новостных сайтов) и 3) подчеркнуто оценочная информация о работе ученого.

Прочие статьи опираются на материал из объективных реальных источников, содержат ссылки на них и упоминают известные имена реальных ученых. Поэтому данная группа статей представляет образ британского ученого, как научного работника из Великобритании. Она включает 88 единиц.

Анализ данных новостных текстов показал, что презентация образа ученого на лексическом уровне состоит из понятийного, оценочного и процессуального компонентов. Каждая составляющая образа вербализуется в журналистском материале через следующие номинативные части: имя существительное, имя прилагательное, глагол и глагольные формы.

Использование существительных позволяет выявить понятийную составляющую образа ученого и проследить ассоциативно-семантический ряд понятия **ученый**, который может возникнуть у читателя. С этой позиции имена существительные можно разделить на следующие группы:

- 1) собственно лексема **ученый** и синонимичные ей: *ученый(е), исследователь(и)/исследовательница, специалист(ы), эксперт(ы)*;
- 2) номинации, указывающие на науку или область знания, в которой работают ученые: *астробиология, биология, социобиология, геология, химия, физика, астрофизика, египтология, медицина, юриспруденция, архитектура*;
- 3) номинации, называющие ученого по сфере научного знания: *биолог(и), зоолог(и), патологоанатом, литературовед, археолог(и), астроном(ы), историк, математик, антрополог(и), палеонтолог(и), лингвист, геолог(и), физик(и), астрофизик, маммолог, психолог(и), микробиолог(и), отоларинголог, психотерапевт, биотехнолог, океанограф, медики, инженеры, айболиты, преподаватель, доктор, кардиохирург*;
- 4) номинации со значением **ученая степень**: *доктор*;
- 5) номинации, указывающие звание ученого: *профессор, лауреат Нобелевской премии, академик*;
- 6) номинации, относящиеся к организационной стороне научной жизни ученого: *участник, члены какого-либо научного общества*;
- 7) номинации, относящиеся к общественной жизни ученого: *сотрудники, сотрудницы, коллега(и), группа ученых/исследователей/специалистов, группа профессора, компания, команда исследователей / ученых / разработчиков, коллектив специалистов / авторов, сообщество, лаборатория*;
- 8) номинации, указывающие на социальный статус ученого как человека: *сэр, корифей науки, светилы*;
- 9) номинации, обозначающие должность: *руководитель(и), советник, директор, глава*;

10) номинации, указывающие на креативную деятельность (со значением «автор чего-либо»): *автор(ы), со-автор, создатель(и), разработчики, кудесники*;

11) номинации, называющие человека по его месту рождения или проживания: *британцы, англичане*.

Анализ показывает, что в данных статьях ученый определяется чаще всего как собственно ученый (25 единиц) и ученые (475 единиц), далее исследователь (4) и исследователи (90), исследовательница (4), специалист (6), специалисты (58), эксперт (2) и эксперты (13) (в скобках указано количество употреблений лексем). Дифференциальные признаки субъектов, занимающихся познавательной деятельностью, целью которой является получение нового знания, в основном нейтрализуются в контексте. Одна и та же новостная статья может демонстрировать употребление данных лексем для обозначения одного субъекта:

Например:

Британские ученые открыли новый вид летающего ящера. Британские палеонтологи доказали существование миллионы лет назад еще одного вида гигантских летающих ящеров – птерозавров, сообщает Zee News. Специалисты сообщают, что данное открытие помогло сделать затерявшаяся в музее кость верхней челюсти гигантского птерозавра.

Британские ученые нашли способ спасения пострадавших в ДТП. Ученые из Великобритании провели исследование и пришли к выводу, что введение препарата, способствующего свертыванию крови, пострадавшим в авариях может сохранить десятки тысяч жизней. Британские исследователи утверждают, что смертность от кровотечений можно снизить, вводя пострадавшим на месте происшествия транексамовую кислоту.

Британские ученые считают вредной скуку на рабочем месте. Британские ученые пришли к выводу, что скучать на рабочем месте – вредно для здоровья. Об этом заявили эксперты из университета Центрального Ланкашира.

В данном случае лексемы ученый, исследователь, специалист и эксперт выступают как синонимы, употребление которых связано со стремлением журналистов избежать повторов.

Понятийная дифференциация образа ученого происходит, если материал требует уточнения области знания, квалификации специалиста, характера и места его деятельности, субъектов деятельности (группа это или просто некоторое количество специалистов), а также уточнения трудовой деятельности исследователя и некоторых фактов из его личной и научной жизни. Так, в одном и том же контексте в качестве эквивалентов выступают лексемы из различных тематических групп:

Например:

Благодаря прозрачным стенкам, посетители парка могут наблюдать за учеными и приматами во время экспериментов. Кроме того, макаки сами вольны решать, когда и как долго они будут «работать» с зоологами.

В результате чего биологи пришли к выводу, что визги и ворчание, которые изредка издают детеныши китов, ни что иное, как сигналы млекопитающих, которые могут означать удивление, любопытство или сигнал об опасности. Специалисты заметили, что чаще всего подобное общение происходило у детенышей с матерью в периоды отдыха и спокойного плавания. Однако ученые опасаются, что сигналы детенышей могут быть своеобразным проявлением стресса.

Ряд экспертов по онкологическим заболеваниям заявили, что это открытие даст возможность медикам найти новые методы лечения форм рака, связанных с пищеводом, с использованием натуральных химических веществ.

Ученые исследовали 900 пар идентичных и неидентичных близнецов. Однояйцевые близнецы имеют одинаковые гены, а разнояйцевые – нет, и сотрудники университета выяснили, насколько сильно определяются генами их индивидуальные черты.

Лексемы могут сопровождаться различными словами-конкретизаторами. Конкретизаторы, сообщая дополнительные сведения об ученом, о его деятельности, жизни, понятийно дифференцируют номинацию. Например: авторы научной статьи, Автор «Повторного открытия Гомера», Авторы статьи, автор книги «История яблок», Авторы открытия, Авторы новой работы, Авторы работы, Авторы доклада, Авторы труда.

Эти лексемы используются в разных контекстах, но являются синонимами к лексеме ученый. Лексическое значение слова автор – «создатель чего-либо».

Однако, если рассматривать данную лексему в определенном контексте, получается, что значение первой – это создатель нового продукта, то есть ученый, который провел исследование и на его основе создал новый продукт; а второй – это создатель статьи, книги, работы, труда, то есть ученый, которые также провел исследование, создал некую гипотезу и описал все это в своей работе. Таким способом осуществляется расширение понятийной составляющей образа ученого в Интернет-статьях.

Часто встречаются номинации команда(5), группа (31), коллектив (8), указывающие на группу людей, работающих совместно.

Например:

Группа британских и французских ученых под руководством Мартина Бака (Martin Buck) из Имперского колледжа Лондона приспособила это свойство живых клеток для создания примитивного аналога логических вентилях — «кирпичиков» современной электроники — внутри кишечной палочки.

Тогда как китайско-британский коллектив авторов сумел восстановить цветной облик динозавра синозавроптерикса, жившего примерно 125 миллионов лет назад, группе Винтера удалось полностью «раскрасить»

динозавра из отряда хищных ящеротазовых динозавров, называющегося *Anchiornis huxleyi* и обитавшего в доисторических лесах примерно 150 миллионов лет назад.

Команда исследователей из Оксфорда высказала несколько версий грядущего Апокалипсиса, основываясь на последних данных о климатических изменениях и влиянии человека на окружающую среду.

Пять раз в статьях встречается лексема сэр, которая подчеркивает социальный статус ученого, что является важным в лингвокультуре Великобритании.

Например:

Авторами открытия стали ученые под руководством сэра Алека Джеффриса (Alec Jeffreys), профессора Лейчестерского университета, известного тем, что именно он открыл применяемый ныне повсеместно метод ДНК-дактилоскопии, основу которого составляет анализ особых участков в человеческой ДНК, называемых минисателлитами.

В 1903 году шотландский микробиолог сэр Дэвид Брюс установил причину заболевания. Ее вызывают паразиты, принадлежащие к роду *Трупаосота*, переносит которых муха цеце.

Чем меньше одежды носит женщина, тем дольше она живет – к такому интересному выводу пришли британские ученые под руководством антрополога сэра Эдвина Буркхарта.

Лексемы кудесники, айболиты и корифеи науки, светила используются для негативной и ироничной оценки деятельности ученых журналистами.

Например:

Не упустили из вида британские кудесники и пищеварительную систему женщины.

Такие животные, попадая в клетку, где их раньше било током, каждый раз замирали от страха по прошествии двух минут, ожидая нового удара, хотя Айболиты больше не били их током.

Но не только от сигареты обещают избавление британские айболиты, они говорят, что можно забыть и о привычке грызть ногти и ковыряться в зубах зубочисткой.

Когда читаешь про очередное сногшибательное открытие, первым делом интересуешься – не британские ли корифеи науки проводили изыскания.

Вместе со смехом не покидает мысль – всерьез они там у себя такое исследуют, или просто островные светилы как один «больны» особой разновидностью национального юмора?

Как правило, пол ученого не подчеркивается, но есть исключения, когда журналистами подчеркивается «женскость» тематики исследования и его методов. Это передается через номинацию исследовательница. Нами было зафиксировано 5 номинаций, указывающих на гендерную принадлежность ученого.

Ср.: По словам соавтора статьи Патрисии Балареск (Patricia Balaresque), результаты исследования показывают, что более 80% Y-хромосом европейцев произошли от пришедших извне земледельцев, а большая часть материнских генетических линий, видимо, восходят к охотникам и собирателям. «Это означает, что мужчины-земледельцы имели преимущество с точки зрения размножения перед мужчинами-охотниками в эпоху перехода от охоты и собирательства к земледелию. Возможно, быть земледельцем было более сексуально», – говорит исследовательница.

Недавно Валери Передайз, литературовед, провела исследования и выяснила, что самые известные сказки братьев Гримм были надиктованы им женщинами. «Большинство учёных соглашается, что женщины были источником изустных преданий в течение столетий, во многом потому, что они были необразованными и не могли выразиться письменно», – говорит Передайз. Исследовательница считает, что образованные мужчины того времени не относились к сказкам как к серьёзному жанру литературы. Наибольшей популярностью волшебные истории пользовались у детей, старушек и нянек.

Преподаватель математики из Вулверхэмптонского университета Рут Фэйрклоу вывела формулу приготовления идеального блина. С точки зрения исследовательницы, для приготовления идеального блина необходимо минимизировать по модулю выражение $[10L - 7F + C(k - C) + T(m - T)] / (S - E)$.

Британские ученые, известные своими сногшибательными открытиями в самых неожиданных сферах человеческой жизни, поставили точку в обсуждении этого щепетильного вопроса. В ходе длительных исследований они пришли к выводу о том, что привлекательнее всего для мужчин та женщина, наряд которой оставляет открытым не более и не менее 40 процентов поверхности тела. Чтобы высчитать этот показатель, психолог из Университета Лидса Колин Хендри отправил четырех своих сотрудниц на экспериментальный «полигон» – в один из самых больших ночных клубов города. Там они заняли наблюдательную позицию за столиком на балконе и принялись тщательно следить за тем, в каких нарядах являлись в заведение посетительницы женского пола и насколько сильно эти наряды привлекали мужское внимание. Все свои наблюдения исследовательницы наговаривали на диктофоны, спрятанные у каждой из них в сумочке.

В анализируемых статьях журналисты предпочитают лексему ученый, обладающую свойством обобщения значений всех других наименований субъектов, занимающихся научной деятельностью. Данная лексема, как наиболее употребляемая, обладает более широкой сочетаемостью с характеризующими лексемами, в роли которых в текстах выступают имена прилагательные и несогласованные определения. Однако выражение названий признаков ученого наблюдается также и при других лексемах, выступающих в статьях в качестве синонимов к данной. Характеризующие лексемы позволяют репрезентировать как понятийные, так и оценочные признаки в

содержании образа ученого. С этой точки зрения прилагательные (согласованные определения) и существительные (несогласованные определения) можно разделить на следующие признаки:

- 1) указывающие на гражданскую принадлежность (страна, национальность): *британские, английские, шведские, китайские, французские, немецкие, финские, австралийские, американские, венгерские*;
- 2) указывающие на место проживания (город, область, местность): *киевский* маммолог, *бристольские* специалисты, *островные* светилы, ученые *британской столицы*;
- 3) дающие оценку заслугам ученого как деятеля: *ведущий, известный, знаменитый*;
- 4) обозначающие личностные качества: *любопытные*;
- 5) относящиеся к научной жизни: *Нобелевский, исследовательская группа, научный* ученый (плеоназм, содержащийся в статье, прим. мое);
- 6) характеризующие ученого как работника: *ушедший в отставку, ведущий автор исследования, специализирующаяся на работе с женщинами среднего возраста*;
- 7) дающие характеристику ученому как группе: *межправительственная группа*;
- 8) выражающие оценку деятельности ученого: *самые умные, независимые эксперты, самые продуктивные*;

К понятийным признакам относятся характеристики ученого как группы, достижений исследователя в научной жизни и его состояния. Журналисты в своем материале делают акцент на то, к какой стране (или городу) относится тот или иной ученый. Наиболее употребляемая характеризующая лексема в данной группе *британский(е)* (158), единично отмечаются и смешанные коллективы: *китайско-британский коллектив авторов, британские и французские (биологи), британские и немецкие биологи, британские и канадские ученые, британские кинологи и канадские ученые, венгерские и британские ученые*.

В ряде случаев номинация *британский ученый* употребляется как эвфемизм (тип ученого-чудака и не обязательно британского). В названии статьи обозначены британские ученые, а в тексте самой статьи освещается работа ученых других стран или национальностей.

Например:

У британских ученых что ни день, то новое открытие. После недавних сообщений о вреде яблок и изобретении таблеток от седины специалисты предупредили об опасности употребления витаминов из аптеки. Как показало последнее исследование Университета Восточной Финляндии и Университета Миннесоты, зачастую витаминные комплексы бесполезны, а иногда даже могут привести к ранней смерти у пожилых женщин, передает MedDaily. Исследование проводилось на 38 тысячах американских женщин пенсионного возраста, которые сообщали специалистам, какие витамины и минералы они принимали в течение предыдущих двух десятилетий.

Британские ученые провели исследования, посвященные теме секса у женщин в 40-50 лет. В исследовании приняли участие 2000 женщин, 77% из которых заявили, что их сексуальная жизнь была в разгаре, когда им было от 40 до 50, пишет E-NEWS. 82% этой возрастной группы отметили, что в этом возрасте секс для них важен, как никогда в жизни. Другие исследования подтверждают выводы британских врачей. Так, в США обнаружили, что женщины в 40 хотят заниматься сексом чаще, чем юные девушки. Напомним, ранее австралийские врачи установили, что плохой секс укорачивает женскую жизнь.

Прилагательные, которые в качестве репрезентанта понятийного признака образа ученого употребляются, прежде всего, в связанных сочетаниях: *ведущий автор исследования, независимый эксперт, межправительственная группа экспертов; директор по науке американской компании Advanced Cell Technology, работающей в области биотехнологий Роберт Ланца; глава центра климатических прогнозов Хэдди (Hadley) при британском метеобюро доктор Ричард Беттс; исполнительный директор организации, проводящей антиалкогольную политику, Дон Шенкер*.

Характеризующие лексемы оценки деятельности ученого, обозначение личностных качеств, указание на перспективы развития или прошлые заслуги встречаются в статьях, где приводится мнение ученого, его вывод или суждение, чтобы подчеркнуть важность приведенного высказывания, когда им необходимо подчеркнуть статус исследователя в научном мире.

Например:

Профессор Дэвид Натт, недавно ушедший в отставку с должности советника британского правительства по наркотическим средствам.

В Британии профессор Натт известен своими скандальными утверждениями о том, что табак вреднее марихуаны, а ЛСД менее опасен, чем алкоголь.

...считает британский ученый, лауреат Нобелевской премии по химии 1997 года Джон Эрнст Уокер (John Ernest Walker).

Окаменелые останки ящера были обнаружены еще в 1884 году известным ученым Ричардом Оуэном.

Но на этом чудодейственные свойства фелляции от знаменитых британских ученых не заканчиваются.

В 2002 году телевизионщики транслировали процесс вскрытия, проведенного скандально известным немецким патологоанатомом Гюнтером фон Хагенсом.

Несогласованные определения не только репрезентируют признаки, но и отражают функциональную дифференциацию и специализацию деятельности субъекта:

Многие специалисты по моделированию эпидемий восприняли работу, несмотря на ее необычный антураж, достаточно положительно.

Доктор Кант... врач из британской ассоциации по борьбе с заболеваниями легких.

Во время многочисленных экспериментов ученые из британской медицинской ассоциации установили...

Формулу юмора вывел известный английский ученый в области эволюции Алестер Кларк.

Психотерапевт Джейн Полден, специализирующаяся на работе с женщинами среднего возраста...

Как уже отмечалось, большинство анализируемых статей являются новостными. Их особенность – динамичность, что обуславливает усиленную роль глагольной синтагматики. В глагольных лексемах фиксируются не только значения действия, процесса, состояния, но и сведения о том, кто или что совершает действие, а также на кого или на что оно направлено. Поэтому, опираясь на точку зрения Л. Терньера, французского специалиста в области синтаксиса, о том, что своим лексическим значением глагол способен репрезентировать всю ситуацию, предопределять число и состав ее участников и их ролевой статус и иерархию [4], можно выстроить классификацию деятельности ученого по обозначению через глагол или глагольную форму действий, которые он совершает.

Классификация глаголов по тематическим группам условная, так как сам по себе глагол обозначает какое-либо событие внешнего мира в самом общем виде, и лишь в предложении категоризуется как действие, процесс, состояние и т. д. в зависимости от условий и целей интерпретации. Основой для классификации выступил «Большой толковый словарь русских глаголов» под ред. Л. Г. Бабенко, в котором глаголы расположены по тематическим группам в соответствии с лексическим значением [5]. Основываясь на материале статей, мы выделили следующие группы глаголов:

1) глаголы интеллектуальной деятельности:

- глаголы определения (80): *обнаружили (в знач. заметить, раскрыть), открыли (в знач. установить существование, наличие кого-чего-нибудь ранее неизвестного), установили (в знач. доказать, выяснить, обнаружить), признали (в знач. счесть, сделать какое-то заключение о ком-чем-нибудь), называют (в знач. определить, охарактеризовать), подытожил, зафиксировать;*
- глаголы решения (73): *пришли (к выводу), нашли (в знач. обнаружить в результате размышления, наблюдения, поиска), делают (выводы), сделали (вывод, открытие...), намерены (что-то сделать);*
- глаголы возможности и желания (30): *удалось (в знач. осуществиться, завершиться удачно, успешно), могут переписать, смогли (что-то сделать в интеллектуальном смысле);*
- глаголы мышления (87): *считают, полагают, выдвинул (теорию), подсказать (в знач. навести на мысль, внушить);*
- глаголы познания (25): *занимаются (изучением, исследованием), исследуют, ведут(ся) (наблюдения, разработки), проводят исследование, заметили, изучили, проанализировали, изучили, проанализировали;*
- глаголы понимания (87): *выяснили, вывел, выявили, составили;*
- глаголы восприятия (6): *обратили внимание, проследили, наблюдали;*
- глаголы сравнения и сопоставления (5): *сравнили, связывают;*
- глаголы выбора (1): *взяли;*
- глаголы воображения и предположения (21): *ожидается, предполагалось;*
- глаголы проверки (2): *обследовали, проверили;*

2) глаголы речевой деятельности:

- глаголы речевого сообщения (169): *говорит, отметили, рассказал, сказал, сообщил, высказали (гипотезу, версию, предположение), предсказала, сообщают, заявили, подчеркнул, утверждают;*
- глаголы речевого общения (1): *задавались (вопросом);*
- глаголы характеризованной речевой деятельности (2): *возражали, развеяли миф;*
- глаголы речевого воздействия (1): *обвинили;*

3) глаголы бытия:

- глаголы собственно бытия (8): *стали, являются, провели;*
- глаголы начала действия, бытия, состояния (3): *приступили, начали (проводить какие-то действия), живут;*
- глаголы качественного состояния (1): *мучить;*

4) глаголы социальной деятельности:

- глаголы деятельности по достижению цели (39): *обнаружили (в знач. найти, отыскать), нашли, привезли, получили, пытались определить, вставили;*
- глаголы профессионально-трудовой деятельности (3): *занимается изучением, научат, взвесили;*
- глаголы издательской деятельности и распространения информации (36): *опубликовали, представили, продемонстрировали, показали;*
- глаголы осуществления (25): *провели (исследование, работу, эксперимент);*
- глаголы общественно-политической деятельности (2): *принимают участие, участвовали в конференции;*

- глаголы использования: *используют, применили* (12);
- 5) глаголы созидательной деятельности:
  - глаголы создания объекта в результате интеллектуального труда (30): *создали, изобрели, разработали, сформулировали*;
  - глаголы собирания и приготовления чего-либо впрок (3): *собрали*;
  - глаголы приведения объекта в прежнее состояние (2): *воссоздали*;
  - глаголы создания объекта в результате физического труда (1): *сделали (виртуальные копии)*;
  - глаголы графической передачи информации (1): *описали*;
- 6) глаголы владения (7): *получили, имеют, отловили, разделили*;
- 7) глаголы социальных отношений:
  - глаголы убеждения (17): *доказали*;
  - глаголы управления (5): *возглавил, руководил*;
- 8) глаголы качественного состояния:
  - глаголы пребывания субъекта в эмоциональном состоянии (5): *надеются, подвергают сомнению*;
- 9) глаголы физической деятельности и физического воздействия на объект (8): *сделают (что-то), поместили, привезли*;

10) глаголы несостоявшихся действий (13): *не придали значения, не выбрали, не ожидал, не было зафиксировано, не били, не наладили, не учли, не опубликована, не получили, не удосужились, не было создано, не принимавший участия, не удавалось*;

11) глаголы взаимосвязи (3): *предстоит открыть и классифицировать*.

Процессуальная составляющая образа ученого в медиатопиках, как мы видим, представлена различными лексемами, называющими действие или состояние как процесс.

Чаще всего в анализируемом материале встречаются лексемы, обозначающие интеллектуальную деятельность человека, которая носит разный характер: это глаголы мышления (87). Среди них наиболее употребительны *считают* (68) и *полагают* (17). Например:

Британские ученые считают людей пришельцами;

Биологи считают, что их изобретение может быть использовано для выращивания «запрограммированных» бактерий;

Авторы исследования полагают, что такая окраска могла использоваться динозавром как для маскировки, так и для привлечения партнера во время брачных игр;

Доминирующих альфа-самцов можно сразу вычислить по повадкам как среди людей, так и среди обезьян, полагает психолог Дмитрий Азаров.

Далее идут глаголы понимания (87): *выяснили* (61), *вывел/вывели* (12), *выявили* (9), *составили* (5). Например:

Британские ученые выяснили, почему зебры имеют полосатый окрас;

Ученые выяснили, что избавиться от воспоминаний можно и без лекарств;

Формулу юмора вывел известный английский ученый в области эволюции Алестер Кларк;

Ранее другой британский ученый опытным путем выявил формулу приготовления идеального тоста с джемом.

Значительную группу составляют глаголы определения какого-либо качества, свойства, количества явления или предмета (80). Наиболее употребительными являются глаголы *обнаружили* (в знач. *заметить, раскрыть*) (23) и *установили* (в знач. *доказать, выяснить, обнаружить*) (30). Например:

Британские исследователи обнаружили, что пребывание детей на открытом воздухе снижает риск развития близорукости;

Насколько далеко «упало яблочко от яблони», биологи из Оксфорда установили, используя новейшие технологии, в том числе анализ ДНК.

Другой весьма употребительной группой являются глагольные формы со значением речевой деятельности: *говорит* (43), *сообщает/сообщают/сообщается* (54), *сказал* (13), *заявил/заявили* (14), *утверждает/утверждают* (22). Например:

Они говорят, что можно забыть и о привычке грызть ногти и ковыряться в зубах зубочисткой;

В эти выходные один из ученых сказал, что безрассудная попытка применить этот метод к людям - теперь совершенно реальная перспектива, которую не следует игнорировать;

Специалисты сообщают, что данное открытие помогло сделать затерявшаяся в музее кость верхней челюсти гигантского птерозавра;

Британские ученые сообщили, что мясо клонированных животных безопасно для употребления в пищу;

Однако теперь ученые утверждают, что маленькие букашки по своим интеллектуальным качествам могут сравниться со значительно более крупными представителями мира фауны, а возможно, даже превосходить их;

«Юмор помогает нам видеть за деревьями лес», - заявил ученый;

Ряд экспертов по онкологическим заболеваниям заявили, что это открытие даст возможность медикам найти новые методы лечения форм рака, связанных с пищеводом, с использованием натуральных химических веществ.

Следующая группа глаголов репрезентирует социальную деятельность ученого. Среди них самыми частотными оказались глаголы *обнаружили* (в знач. *найти, отыскать*) (23), *показали* (27), *провели* (*исследование, работу, эксперимент*) (25), *используют* (11). Например:

Британские археологи обнаружили две каменные поделки, по форме напоминающие утят;

Ученые нашли подводный вулкан на рекордной морской глубине;

Группа Тарнбелла на примере 80 человеческих яйцеклеток показала, что на той стадии, когда два набора генов в уже оплодотворенной яйцеклетке существуют еще отдельно друг от друга, их можно отделить от остального содержимого яйцеклетки и перенести в новую донорскую клетку, освобожденную от собственной ядерной ДНК;

Недавно ученые-геологи провели работу, которая также помогает прояснить, какие процессы происходили на самых ранних стадиях формирования Земли;

Этот коллектив специалистов использовал для своей работы окаменелости особых органелл-клеток, состоящих из волокон перьев динозавров.

И последняя активная по частотности группа глаголов – это глаголы созидательной деятельности, в частности, глаголы создания объекта в результате интеллектуального труда (30): *создали* (4), *изобрели* (15), *разработали* (8). Например:

Британские ученые создали «жидкий» бронезилет;

Ученые изобрели микроух;

Британские ученые разработали более эффективный метод клонирования: детей можно будет «лепить» по заказу.

Заслуживает внимания немногочисленная, но активная группа глаголов социальных отношений, точнее один глагол убеждения *доказали* (17):. Например:

Британские ученые доказали, что любимая музыка улучшает кровь.

Интересно отметить, что журналисты пишут о тех действиях, которые ученые могут сделать, сделали или делают. Глаголов с частицей «не», то есть обозначающих не состоявшиеся действия специалистов, крайне мало: в 148 статьях они употребляются журналистами всего 13 раз.

Среди глаголов встречаются лексемы, выражающее не прямое лексическое значение, а переносное, которое они реализуют только в сочетании с определенными словами:

Мировая наука с облегчением вздохнула!

Островные светилы как один «больны» особой разновидностью национального юмора?

Ранее ученые развели миф о том, что рисунок на ладони каждого человека является уникальным.

Их использование в статьях позволяет журналистам высказывать скрыто свое отношение к происходящему или приукрасить новостной материал.

С этой же целью журналисты употребляют в статьях просторечные слова, тем самым усиливая негативную оценку деятельности ученых:

Например:

Правда, превратить свое исследование в инструкцию по применению британские ученые не удосужились.

Любопытно, что в 2003 году британские ученые (на этот раз из Лондонского университета) уже предъявляли формулу идеального фильма:

Канадские математики рассчитали оптимальную стратегию борьбы с гипотетическим нашествием зомби;

Британские ученые разработали более эффективный метод клонирования: детей можно будет «лепить» по заказу;

Новый метод позволит «лепить» детей-химер;

Особенно экспертов тревожат добавки с железом.

Подведем итог. Каким же представляется британский ученый по данным лексики.

Это человек, работающий в основном в сфере естественных наук: медицина, биология, психология и человеческие отношения. Он ученый, чаще биолог, палеонтолог или психолог. При этом он доктор наук или профессор, руководящий исследованием, имеющий сотрудников и коллег, которые работают с ним в одной группе. В собирательном плане это группа медиков или врачей. Они авторы различных исследований.

Британские ученые, в частности английские, часто работают с канадскими учеными, австралийскими или американскими. Часто ученые составляют единый коллектив авторов: китайско-британский, венгерско-британский, британско-французский, британско-немецкий и британско-канадский. Также активно трудятся шведские и финские специалисты. Тем не менее британские ученые являются любознательными, самыми продуктивными и самыми умными.

Что касается действий ученых, или процессуальной составляющей его образа, то она достаточно разнообразна и носит различный характер: интеллектуальная деятельность, речевая, социальная, созидательная и физическая. Британские ученые всегда имеют свое мнение (в исследуемых статьях 38 раз зафиксирована форма *по мнению* и 4 раза форма *по оценкам*), они исследуют и делают открытия и сообщают об этом в компетентные журналы и другие источники.

Литература

- Карасик В.И., Ярмахова Е.А. Лингвокультурный типаж «английский чудак». – М.: Гнозис, 2006.
Докинз Р. Эгоистичный ген. М.: Мир, 1993.
Теньер Л. Основы структурного синтаксиса: Пер. с франц. Редкол.: Г.В. Степанов (пред.) и др.; Вступ. ст. и общ. ред. В.Г. Гака. – М.: Прогресс, 1988.
Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. антонимы / Под ред. проф. Л.Г. Бабенко. – М.: АКТ-ПРЕСС, 1999).
Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. Отв.ред. Н.Ю. Шведова. – М., 2008: Издательский центр «Азбуковник».
<https://lurkmore.to/>; <http://irlem-practice.ru/>; <http://englishscientists.ru/>.

ЗЕМЦОВ В. Н.

Екатеринбург

ОСОБЕННОСТИ КРОСС-КУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В АРМИИ НАПОЛЕОНА

(по письмам солдат Великой армии 1812 года)

Аннотация. На основе анализа значительного объема писем солдат армии Наполеона автор приходит к выводам о формировании в рамках многонациональной наполеоновской военной машины своеобразного аргю, основой которого был французский язык. Однако, несмотря на заметные успехи в развитии кросскультурных контактов, механизм их формирования оказался далеким от идеального, напрямую отражая «имперскую» сущность наполеоновского проекта Единой Европы. С углублением тягот Русского похода межнациональные взаимоотношения в рамках Великой армии заметно осложнились. Важную роль в этом процессе играли слухи и настроения, доходившие до солдат национальных контингентов с их родины. К 1813 г. распад многонациональной Великой армии Наполеона оказался предreshен.

Ключевые слова: межкультурная и кросскультурная коммуникация, армия Наполеона, слухи в коммуникативной практике.

ZEMTSOV V. N.

Ekaterinburg

FEATURES OF CROSS-CULTURAL COMMUNICATION IN THE ARMY OF NAPOLEON

(on the letters of the soldiers of the Great army of 1812)

Abstract. On the basis of the analysis of the large volume of letters of the soldiers of Napoleon's army, the author comes to the conclusion about the formation in the framework of multinational Napoleonic war machine kind of Argo, the basis of which was the French. However, despite of significant successes in development of cross-cultural contacts, the mechanism of their formation was far from ideal, directly reflecting the "Imperial" the essence of the Napoleonic project of a United Europe. With the deepening of the hardships of the Russian campaign ethnic relations in the framework of the Great army has significantly complicated. Important role in this process played the rumors and mood reaching the soldiers of national contingents from their homelands. To 1813, the disintegration of the multinational Great army of Napoleon was a foregone conclusion.

Key words: multycultural and crosscultural communication, the army of Napoleon, rumors in communicative practice.

Великая армия Наполеона состояла в 1812 г. более чем на половину не из французов, являя собой своеобразную модель проектируемой императором Единой Европы. Важную информацию о процессах кросскультурного взаимодействия в рамках наполеоновской армии несут письма ее чинов. Большая часть писем 1812 г. оказалась в отечественных архивохранилищах (Российском государственном архиве древних актов, Архиве внешней политики Российской империи, Российском военно-историческом архиве и Отделе рукописей Российской национальной библиотеки) как трофейные.

Для начала отметим, что, во-первых, французская армия традиционно была многонациональной. В собственно французских частях служило большое количество неприродных французов. Их количество особенно увеличилось после присоединения к «старой» Франции территорий левого берега Рейна, Савойи, Иллирии и т.д. Так, среди писем с родины в Великую армию, хранящихся в 30-м фонде РГАДА [РГАДА], имеется несколько посланий, отправленных в «чисто» французский 57-й линейный полк, написанных по-итальянски. Одно такое письмо на итальянском языке шло в 30-й линейный.

Во-вторых, большое число частей французской армии представляло собой «национальные» формирования, появившиеся в результате «округления» империи (из числа голландцев, тосканцев, ганноверцев и т.д.), или созданные на основе особых договоров с другими странами (как, например, со Швейцарией, «поставившей» четыре полка линейной пехоты), или же возникшие в связи с иными обстоятельствами (как, например, польские, испанские и португальские формирования).

Язык Великой армии хорошо отразил ее многонациональный состав. Представители каждой нации имели свое прозвище: голландец – «le Godfredoms», поляк – «француз Севера», итальянец, из-за того, что начинал свою французскую речь словами «Dis-donc» - «le Didons».

Вообще, в нефранцузские части все больше проникало двуязычие. Но иногда и французы пользовались языковыми заимствованиями. Ротного весельчака французские солдаты называли не иначе как «loustic», заимствовав немецкое «lustig» (весельчак). И все же, тем не менее, нам бы не хотелось делать окончательные выводы о степени языковой интеграции Великой армии: на этот счет до сих пор не появилось специальных исследований.

Конскрипты, оказавшиеся в армии, сразу попадали в сложный и разветвленный механизм их обработки и «абсорбции». О том, как удивительно менялись люди разных наций, попадавшие в состав Великой армии, говорит их переписка. Основная масса писем, отправленных из главных сил армии и хранящихся в российских архивах, относится к периоду сентября – ноября 1812 г. [РГАДА, РГВИА, АВПРИ] и поэтому уже несет на себе отпечаток распада многонационального военного организма, который создавал Наполеон. Но письма с родины, или отправленные из других частей, находящихся вне России, позволяют составить представление о тех внутренних процессах, которые действовали до сентября 1812 г. и которые, по замыслу императора, сплачивали воинов². Сразу бросается в глаза обширнейшая география личных связей солдат Великой армии – от Испании и Северной Италии до глухих мест французской провинции и небольших германских местечек. Письма, как правило, находили своих адресатов (исключая, конечно, ситуацию с большинством тех писем, к которым мы обратились, так как они были перехвачены русскими). Так, много посланий, отправленных из Испанской армии от бывших сослуживцев, прибывало вначале в те места, где перед походом в Россию части располагались (в Германию или в Италию). Не найдя адресата, они немедленно, помеченные штемпелем, пересылались дальше, вслед за армией. Адреса не обязательно писались по-французски. Отправитель писал по-итальянски, по-голландски, по-немецки, причем нередко свободным почерком и не всегда предельно точно указывая адрес. Он был уверен, что письмо все равно придет по назначению – ведь в адресе было указано: «Великая армия»! Особенно забавно указывали адрес итальянцы, предпочитая вместо слова «солдат» писать «*Militare*» или «*Cagiere militare*». И французы, и итальянцы в любом случае неизменно перед чином, в том числе солдатским или сержантским, обязательно указывали «*Monsier*» или «*Signier*». Множество писем было написано по-итальянски с французскими словами, на французском – с итальянскими выражениями; немецкий высокопоставленный офицер мог написать письмо по-французски с приписками по-итальянски. Воины разных наций, постоянно соприкасаясь друг с другом, меняя места своей службы, «завязывая» многочисленные «узелки» между собой, неизбежно учились понимать друг друга.

И все же позитивный вектор во взаимоотношениях солдат многочисленной армии не мог заслонить того напряжения, которое возрастало по мере подготовки к войне с Россией и с началом военных действий. Принятый в наполеоновской армии механизм адаптации иностранцев был нередко груб и прямолинеен. Скажем, маршал Л.Н. Даву, беспокоившийся о духе молодых солдат, «разговаривающих по-немецки», смог порекомендовать генералу Л. Фриану только одно средство: приказать офицерам и унтер-офицерам объяснить, что ждет солдат в случае их дезертирства [Отечественная война 1812 г. 1903: 87-90]. Во-вторых, все народы, представленные в Великой армии, имели свои неискоренимые национальные особенности, нередко сопротивлявшиеся «перевариванию» в чреве военного организма. Эти особенности были многообразны – от языка до религиозных воззрений и темперамента. Первое, что бросалось в глаза, были языковые барьеры. Несмотря на широкое распространение французского языка, он не мог быть быстро освоен многотысячными массами рядового и даже офицерского состава армий многих европейских стран. Там же, где французские военачальники стремились заигрывать с иностранцами, используя их язык, выходило не всегда убедительно. Многие вспоминали, как во время Бородинского боя командующий резервной кавалерией И. Мюрат кричал вюртембергцам по-немецки, чтобы они стреляли. У него получалось то ли «*Scheuss*», то ли «*Schüß*», и это вызывало смех. Но когда он, коверкая слова, начал хвалить немецких стрелков, говоря «мерзкий егер», это уже воспринималось только с раздражением [Suckow 1901: 184-185; Smith 1998: 79]. В-третьих, не могла не проявиться глубокая предубежденность одних народов по отношению к другим. Так, французы, убежденные в своем политическом и культурном превосходстве, с явным пренебрежением относились к бельгийцам, голландцам, немцам, итальянцам, испанцам, которых считали людьми отсталыми и суеверными. Даже поляки, наиболее верные союзники, воспринимались большинством французских солдат как люди убогие. Этому во многом способствовала память о кампании 1806 - 1807 гг., проходившей на территориях с польским населением. Генерал-адъютант Рапп вспоминал, что для французского солдата «весь польский язык сводился к четырем словам: – Хлеба? – Нема. – Воды? – Зараз... В этих словах для них заключалась вся Польша» [Rapp 1823: 106-107].

Среди самих иностранных солдат существовала сильная предубежденность друг против друга. Невольно обращаешь внимание на то, как иностранные солдаты наполеоновской армии 1812 г. подчеркивали в своих дневниках, письмах и мемуарах национальную принадлежность тех, кто совершил неблагоприятный поступок. Скажем, баварской службы обер-лейтенант Ф. Фюртенбах с большим удовольствием рассказывал, как в Докшицах, недалеко от местечка Глубокое (между Вильно и Витебском) семь итальянцев воровали с полковой пекарни муку и ею торговали. Честный баварец Фюртенбах прогнал их и поручил хлебопечение местным евреям [Фюртенбах 1913: 184]. Постоянно возникавшие напряженные ситуации, нервность обстановки способствовали тому, что даже глубоко спрятанное чувство национальной предубежденности выплескивалось наружу. 23 июля 1812 г. вице-король Италии Э. Богарне, которого итальянские солдаты искренне любили и уважали, во время «разноса» офицеров неожиданно бросил оскорбительные слова в адрес итальянцев как народа. Лейтенант Ц. Ложье немедленно отметил, какое ошеломляющее воздействие это оказало на психологическое состояние итальянцев 4-го армейского корпуса [Ложье 1912: 36-37].

² Вместе с опубликованными письмами нами привлечено 207 посланий, отправленных в Великую армию. Почти все они имеют личный характер или несут информацию личного свойства.

Дух иностранных солдат начал заметно падать только при столкновении с тяготами военных действий в России. Огромные физические нагрузки во время маршей по бескрайним пространствам, развал системы снабжения, все более частые проявления национального эгоизма со стороны французского командования и рядовых французских солдат угнетающе воздействовали на душевное состояние иностранцев. Усиливался и еще один канал негативного воздействия на моральное состояние иностранных солдат – через письма с родины. До поры до времени мощные механизмы Великой армии демонстрировали удивительную способность нейтрализации среди иностранных солдат тех антифранцузских настроений, которые были широко распространены в вассальных и союзных государствах. Но с началом военных действий в России эти механизмы стали ослабевать.

Интереснейшую картину взаимодействия настроений и слухов в Вестфальском королевстве с реальными событиями, происходившими летом и осенью 1812 г. в России, можно увидеть, обратившись к публикациям К.И.Раткевича и С.Н. Искюля, работавших с документами знаменитого «Вестфальского архива», хранящегося в Отделе рукописей РНБ. Донесения различных чинов вестфальской полиции в 1812 г. свидетельствовали о том, что многие антифранцузски настроенные подданные Вестфальского королевства стали выражать надежду на провал русского похода. Если еще в 1811 г. они могли рассчитывать, что поднимется Пруссия, то после заключения ею союзного договора с Францией все надежды оказались связанными с поражением Наполеона в России. Генеральный комиссар тайной полиции департамента Верра Вольф доносил, что население злорадно предрекало гибель Великой армии, «после чего все рухнет» [Раткевич 1938: 125]. Население упорно стало повторять баснословные цифры размеров войска, которое Россия будто бы готова выставить против Наполеона. Кое-где народная молва говорила о том, что руководители восстаний 1809 г. поступили на русскую службу и что среди них есть даже майор Шилль, о смерти которого стало известно 3 года тому назад! Еще не начались военные действия, а в мае 1812 г., согласно слухам, прусский генерал-лейтенант Г.Л. Блюхер уже перешел к русским с целым кавалерийским корпусом [Раткевич 1938: 126]., а чуть позже, в начале июня, пополз слух, что русские намерены завлечь Великую армию вглубь страны и уже опустошили местность, по которой пойдет Наполеон. Самое поразительное, что слухи о генеральном сражении родились еще в феврале 1812 г.! В департаменте Верра тогда стали упорно говорить о крупных сражениях, будто бы имевших место где-то на севере или на востоке и проигранных французами [Раткевич 1938: 127]. Накануне и после начала военных действий в вестфальские города, местечки и деревни начали приходить многочисленные письма солдат, чаще всего недавно мобилизованных. Они вполне откровенно, нередко даже сгущая краски, надеясь на присылку из дома нескольких крейцеров или белья, описывали тяготы похода. Каждое такое письмо ходило по рукам. Его читали в харчевнях, на постоялых дворах, в гостиницах. «Теперь милые родители, - писал домой гренадер 3-го вестфальского линейного полка Фигнер, - расскажу как плохо справил я пасху и троицу, наверное они были лучшими для самого бедного человека на земле, чем для меня и остальных: на троицу нам дали так мало еды, что хлеба мы получили едва 1 фунт на 3 дня. <...> Так как мы не получали ни мяса ни овощей, то мы с голода 30 человек убили собаку и потом собирали крапиву и сварили щи и потом натопили собачьего сала, а мясо этой большой собаки ели» [Искюль 1978: 104-105]. «Мне сейчас очень тяжело, я так давно ничего не получал (жалованья. – В.З.). Угощения тоже нет, еды мало, так что приходится пропадать», – писал солдат Рункель 14 июля, уже на русской территории [Искюль 1978: 106]. «Теперь мы должны учиться терпеть голод и жажду. Наши лица совершенно изменились, стали коричневыми как каштаны, а усы меня совершенно изменили», - написал он же через два дня [Искюль 1978: 106-107].

Как ни странно, но несмотря на всю изощренность контроля над настроениями, военная цензура Великой армии оказалась не в состоянии перехватывать множество таких посланий. Наша собственная продолжительная работа с письмами 1812 г., отправленными как в армию, так и из нее, подтверждает, что в личных письмах, посланных даже по армейской почте, очень часто содержалась такая информация, передавать которую таким образом в XIX в. не рискнул бы даже самый наивный человек. Кроме того, помимо почты, существовали и иные способы переправлять весточки на родину или получать письма из дома, скажем с оказией, что постоянно и практиковалось.

Письма солдат как бы подтверждали те фантастические слухи, которые уже давно циркулировали на родине. В свою очередь, письма, получаемые из дома и наполненные сетованиями родных по поводу того, что происходит в России, еще больше угнетали солдат и заражали их теми настроениями, которые уже давно были распространены на родине.

В первых числах сентября, когда сообщения о Бородинском сражении, происходившем с 5 по 7 сентября, еще просто не могли дойти до Вестфалии, в одной харчевне в Роттенбурге заезжий адвокат рассказывал о том, что «недавно происходил трехдневный бой, и армия Наполеона потерпела решительное поражение» [Раткевич 1938: 128]. К середине сентября уже стали говорить о том, что Наполеон тяжело ранен, а Мюрат убит. Когда наконец пришло официальное сообщение о Бородинском сражении как о решающей победе Великой армии, оно встретило бойкот и полное непонимание жителей Вестфалии [Раткевич 1938: 129]. Многие этому просто не верили!

Пожалуй, в этой удивительной механике слухов, когда человек слышал то, что хотел услышать, и кроется объяснение своеобразия воздействия событий 1812 г. в России на умонастроения в вассальных и союзных Наполеону государствах. Косвенное и долговременное воздействие этих событий оказалось более важным, чем их непосредственные результаты. То же было характерно и в плане морального их воздействия на нефранцузских солдат Великой армии. Общая атмосфера на родине, все более сочувственная к русским и все менее благоприят-

ная для французов, спустя некоторое время после Бородина и московского пожара начинала сказываться и на солдатах, нейтрализуя факторы межнационального единства Великой армии и вызывая внутренний распад ее интернационального организма. Уже упоминавшийся генеральный комиссар департамента Верра в своем отчете от 5 ноября 1812 г. в Кассель нарисовал любопытную картину, которую застал в одном из клубов. В зале вокруг стола столпились завсегдатаи клуба и с жадным вниманием слушали, как комендант города читал, смакуя каждое слово, письмо из армии от какого-то вестфальского генерала. В письме генерал рассказывал о больших потерях французов под Бородином и восхищался мужеством русских. Участники сцены были представителями влиятельных кругов [Раткевич 1938: 131].

В первой половине октября 1812 г., еще во время «московского сидения», тематика писем из Великой армии заметно меняется. Адресанты все чаще говорят о наступлении холодов (в 11,97% писем в период с 1 октября по 18/19 октября 1812 г.), строки о ранах и болезнях (в 11,34% писем того же периода) также стали занимать большое место. С началом отступления тема усталости в письмах заметно усиливается (в 24,65% писем с 20 октября по 30 ноября 1812 г.). Наконец, все чаще стали писать о холодах. «Этот климат более опасен, чем русские», - восклицал генерал Бараге д'Илье 4 ноября [Lettres interceptées 1913: 344-345]. Чины многонациональной Великой армии все реже находили между собой общий язык. В 1813 г., как следствие поражения в России, проект Единой Европы, задуманный Наполеоном по «имперскому образцу», окончательно рухнул.

Представленный материал позволяет сделать следующие выводы:

1. Великая армия, созданная Наполеоном в 1812 г., претендовала на универсальный общеевропейский характер; она являлась своеобразным прообразом той Единой Европы, контуры которой к 1812 г. стали явно проступать.

2. Наполеоновская военная машина была высокоэффективным социальным организмом, в рамках которого был создан своеобразный арготизм, язык межнационального общения, основой которого стал французский.

3. Несмотря на заметные успехи в плане кросскультурных контактов, механизм их формирования был далек от идеального, напрямую отражая «имперскую» сущность наполеоновского проекта Единой Европы.

4. С углублением тягот Русского похода межнациональные взаимоотношения в рамках Великой армии заметно осложнились. Важную роль в этом процессе играли слухи и настроения, доходившие до солдат национальных контингентов с их родины. К 1813 г. распад многонациональной Великой армии Наполеона оказался предпрешен.

Источники и литература

- Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 133. Канцелярия МИД. 1812-1813. Оп. 468. Д. 140, 142.
- Ислюль С.Н. Письма вестфальских солдат из России на родину в 1812 г. // Освободительное движение в России. Межвузовский научный сборник. Саратов, 1978. Вып.7.
- Ложье Ц. Дневник офицера Великой армии в 1812 году. М., 1912.
- Отечественная война 1812 г. Материалы Военно-ученого архива Главного штаба. Отд.2. Бумаги, отбитые у противника. СПб., 1903. Т.1. № 156.
- Раткевич К. Война 1812 года и общественное мнение в Вестфальском королевстве // Ученые записки ЛГУ. № 19. Т. 4. 1938. Л., 1938.
- Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф.30. Д. 239-243, 245-254, 260-264, 266-268, 269. Ч. 1-2, 284. Ч. 1-2.
- Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 151. Оп. 1. Д. 92.
- Фюртенбах Ф. фон. Из воспоминаний баварской службы обер-лейтенанта Фюртенбаха о походе в Россию в 1812 г. // Военно-исторический сборник. 1913. № 1.
- Lettres interceptées par les Russes durant la campagne de 1812 / Publ. par S.E.M.Goriainow. Paris, 1913.
- Rapp J. Mémoires. Paris, 1823.
- Smith D. Borodino. Morton-in-Marsh, Gloucestershire, 1998.
- Suckow K., von. D'Iéna à Moscou. Paris, 1901.

ЗОТОВА А. С.

Екатеринбург

ПРОБЛЕМА КОММУНИКАТИВНОЙ НЕУДАЧИ ВО ФРАНЦУЗСКОМ РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация. В статье представлены примеры коммуникативной неудачи во французской рекламе, а также проявлена попытка охарактеризовать ее причины в современной действительности.

Ключевые слова: реклама, рекламный акт, реципиент, рекламный дискурс.

ZOTOVA A. S.

Ekaterinburg

THE PROBLEM OF COMMUNICATION FAILURES IN THE FRENCH ADVERTISING DISCOURSE

Abstract. The paper presents examples of communication failures in the French advertising and manifested an attempt to characterize the cause of contemporary reality.

Key words: advertising, promotional act, the recipient, advertising discourse.

В настоящее время реклама охватывает все стороны жизни, она занимает промежуточное положение между различными профессиональными сферами и привлекает внимание представителей различных профессий. В соответствии с Федеральным Законом от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе» (в ред. от 18.07.2011 г.) реклама представляет собой информацию, распространенную любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованную неопределенному кругу лиц и направленную на привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему и его продвижение на рынке [Федеральный Закон 2011: ст.1].

По мнению исследователя В.Л. Полукарова, реклама определяется как социальное явление, которое имеет широкий социальный контекст во всем многообразии социальных связей: экономических, политических, моральных, религиозных. Воздействие рекламы может носить как прямой, так и косвенный характер, тем самым вызывая двойственное отношение к своей сущности [Полукаров 2004: 6].

Реклама оказывает опосредованное воздействие на формирование мнения людей, их поведение и общественное сознание, а также выступает мощным мотиватором приобретения тех или иных товаров и услуг.

В данном случае рекламный текст выступает носителем языка и строится на основании языковых, культурологических законов языка. И.А. Гольдман считает, что рекламный текст является продуктом рекламной деятельности, в которых выражается все то, ради чего осуществляется рекламная коммуникация. В рекламном тексте содержатся все те языковые и неязыковые средства, которые делают возможным осмысление и понимание текста реципиентом и обуславливают реакцию на него [Гольдман 2005: 17].

Реклама как продукт взаимодействия языка и культуры является результатом деятельности социума. Она стала важной разновидностью массовой коммуникации, накладывающей отпечаток на сознание людей. Реклама представляет собой особую лингвистическую форму презентации какого-либо фрагмента языковой картины мира.

Отметим, что жанровую специфику феномена рекламы составляют способ передачи рекламного объявления и цель составления рекламного текста. С.Ю. Тюрина считает, что текст, погруженный в ситуацию рекламного общения, является основой для выделения самого общего значения термина реклама – рекламный дискурс [Тюрина 2009: 75]. Исследователи обычно подразумевают под дискурсом более широкое понятие, чем текст. А.А. Кибрик указывает на то, что дискурс – это одновременно и процесс языковой деятельности, и ее результат – а результат и есть текст [Кибрик 2003: 21].

Реклама представляет собой акт речевой коммуникации, а значит, каждое сообщение предполагает контекст, задающий единство пространства коммуникации, а также код, делающий сообщение значимым для вступающих в речевую коммуникацию. Акт передачи речевого сообщения устанавливает контакт между участниками коммуникации, предъявляемый в физическом канале или психологической связи. В процессе разворачивания речевого акта могут происходить сбои из-за меняющихся позиций адресата и адресанта, неверной раскодировки информации, несоответствия конкретного речевого события пространству языка; частные случаи употребления нелитературных и нецензурных, вульгарных слов и выражений, использования незнакомых прецедентных текстов приводят к коммуникативной неудаче.

О. Е. Ермакова выделяет три типа коммуникативных неудач с точки зрения их причин:

- 1) коммуникативные неудачи, порождаемые устройством языка;
- 2) коммуникативные неудачи, порождаемые различиями говорящих;
- 3) коммуникативные неудачи, порождаемые прагматическими факторами.

Причём исследователь предлагает понимать под коммуникативной неудачей не только неосуществление намерения говорящего. Характер восприятия исследуемых единиц зависит от специфики их когнитивной структуры, которая включает дифференциальные признаки, атрибуты и оценку. Именно аксиологичность прецедентных феноменов позволяет говорить о возможности возникновения отрицательных ассоциаций после знакомства с «неудачным» названием того или иного предприятия ресторанного бизнеса, использующего выразительные возможности прецедентности.

В исследованиях в области культуры речи и речевой коммуникации, коммуникативные неудачи представляют собой недостижение инициатором общения коммуникативной цели и, шире, прагматических устремлений, а также отсутствие взаимодействия, взаимопонимания и согласия между участниками общения. Причины коммуникативных неудач в рекламе связаны в первую очередь с чуждой коммуникативной средой, засилием иноязычной лексики (нарушение фактора адресата); неуместным использованием фотографий и текста сообщения (нарушение фактора контекста); ошибками национальной специфики, наличием ошибок в тексте.

Рассмотрим примеры коммуникативной неудачи французской рекламы.

Печатная реклама является одним из способов воздействия на сознание человека благодаря яркому и запоминающемуся визуальному образу. Однако иногда рекламодатели упускают из виду то, что визуальный образ должен вызывать у потребителя положительные эмоции. Так, целая серия рекламных плакатов, посвященных антитабачной кампании вызывают весьма противоречивое впечатление.

На одном из представленных плакатов привлекательная девушка целует козла. Реклама доносит информацию о том, что курение пагубно для вашего дыхания. Возникает вопрос: почему девушка целует именно козла? Как известно, эти животные совершенно равнодушны к табаку и любят его есть, поэтому данный визуальный образ подводит к тому, что дыхание покурившей девушки понравится только козлу. Ровно таким же образом, эта реклама относится и к мужчинам. Никто не захочет поцеловать пепельницу.

Данная реклама еще раз подтверждает девиз многих рекламодателей: «Реклама не должна нравиться. Реклама должна работать!» Безусловно, такая картинка вызывает неприятные эмоции и даже отвращение, но на крючок рекламщиков мы попались и обратили на нее внимание.

В продолжение антитабачной кампании выступает наделавшая много шума во Франции, скандальная реклама направленная на борьбу с курением. В рекламе недвусмысленно создан образ подростков, принужденных к оральному сексу взрослыми мужчинами. Таким образом рекламщики хотели подчеркнуть главный слоган антитабачной кампании: «Курение означает быть рабом табака». Примечательно, что на двух из трех рекламных плакатов изображены юноши и на одном девушка. Данное наблюдение подтверждает информацию о том, что процент курящих среди мужчин выше, чем среди женщин.

Фирма «Athena», производящая плавки в своем рекламном слогане смело заявляет, что гордится своим партнерством с французской командой по легкой атлетике, однако визуальные образы на плакате вызывают противоречивые впечатления, поскольку спортсмены изображены обнаженными во время выполнения своей программы и по динамике сюжета не трудно догадаться, что плавки фирмы «Athena» выступают в роли некой награды: на одном плакате изображен прыгун с шестом, для которого ориентиром служат плавки на перекладине (в расцветке французского флага), на другом – на натянутой бельевой веревке висит ряд плавков (опять же в расцветке флага Франции), которые служат финишной лентой для спортсмена-победителя, за ним стремится к финишу другой совершенно обнаженный бегун, которому по логике сюжета не достается заветный приз из плавков.

Еще одним примером коммуникативной неудачи служит серия фотографий из журнала *Vog Paris*, где три маленькие девочки (примерно 10 лет) позируют, как взрослые модели, у них яркий макияж и вызывающая одежда. Данная рекламная акция вызвала бурю недовольств как во Франции, так и во многих других странах мира.

В каждом, без исключения, примере нарушены не столько лингвистические и стилистические, сколько этические нормы. Каждый образ провоцирует реципиента на выплеск эмоций, проявление животного начала, сексуального влечения. Данные примеры рекламы заключают в себе разрушающий личностный конструкт.

Подводя итог, можно сказать о том, что современный французский рекламный дискурс содержит высокий процент визуальных образов, которые достаточно агрессивно воздействуют на подсознание реципиента. Рекламодатели зачастую используют сюжеты, мотивы и образы, которые находятся на грани допустимого круга задеваемых проблем общества и того ряда вопросов, на которые обществом накладываются табу, отсюда возникает спорность коммуникативной неудачи. Отчасти, недопустимость используемых образов, сексуальный подтекст, нецензурные выражения могут быть ее признаками, но есть рассматривать рекламный текст/образ с точки зрения рекламщика (реклама которая произвела необходимый эффект), то для него это коммуникативный успех.

Стоит отметить, что несмотря на огромное количество людей, занимающихся разработкой рекламы в наши дни, коммуникативные неудачи не являются редкостью. Зачастую они связаны с нарушением фактора адресата и фактора контекста.

Литература

- Гольдман И.А. Добробабенко Н.С. Практика рекламы. - Новосибирск, 2005. - 133 с.
Кибрик, А.А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе. – Дисс. в виде научного доклада д.ф.н. – М.: Институт языкознания РАН, 2003. – 90 с.
Полукаров В.Л. Основы рекламы. - М.: Дашков и К, 2004. – 652 с.
Тюрина С.Ю. О понятиях рекламный дискурс и рекламный текст. – Вестник ИГЭУ. – Вып.1. – 2009. – С.75-77.
Якобсон Р. Речевая коммуникация // Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. – 200 с.

ЗУБАКИНА Т. Н.

Екатеринбург

РОССИЯ ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ В МЕТАФОРАХ У. ЧЕРЧИЛЛЯ (на материале мемуаров У. Черчилля)

Аннотация. Автор статьи делает попытку описать нападение Германии на СССР, анализируя метафоры Черчилля. Объектом анализа являются концептуальные метафоры военных мемуаров У. Черчилля. Метафора рассматривается в аспекте когнитивной лингвистики как результат ментальной деятельности человека.

Ключевые слова: историография, событие, метафора, метафорическая модель (М-модель), метафорическое моделирование, денотативный и сигнификативный дескрипторы.

ZUBAKINA T. N.

Ekaterinburg

RUSSIA IN THE SECOND WORLD WAR IN CHURCHILL'S METAPHORS (in W. Churchill's memoirs)

Abstract. The author of the article makes an attempt to describe the German invasion in the USSR with the help of Churchill's individual metaphor models. The object of this analysis is the conceptual metaphors from W. Churchill's war memoirs. Metaphor is treated from the cognitive linguistics point of view as the result of human mental activity.

Key words: historiography, event, metaphor, metaphor model, M-modelling, denotative and significative descriptors.

В 2015 г. исполняется 70 лет со дня победы над фашистской Германией в Великой Отечественной войне. События этой войны нашли свое отражение в мемуарах Уинстона Черчилля. Данное исследование посвящено описанию метафорического моделирования (М-моделирования) военной действительности на текстовом материале нобелевского лауреата в области литературы 1953 года У. Черчилля. Британский политик получил ее «за высокое мастерство произведений исторического и биографического характера». С целью выявления особенностей метафорического осмысления автором историко-политической действительности мы изучили III том мемуаров «The Second World War» «The Grand Alliance», написанный У. Черчиллем в 1950г.

В исследованиях исторической картины мира, закреплённой в языковых метафорических выражениях, предполагается рассмотрение англоязычной метафоры в ее отражении взаимосвязи языка и мышления при метафорическом представлении реальности определенного периода истории (White 1956, Ankersmit 1989, Wrzosek W. 1989 и др.).

По мнению Ф. Анкерсмита, «metaphor has been remarkably effective in organizing knowledge in ways that that may serve our social and political purposes (and this also explains why the social and the political and, hence, the historical world is metaphor's favorite domain). Metaphor arguably is the most powerful linguistic instrument we have at our disposal for transforming reality into a world that is adaptable to human aims and purpose» [Ankersmit 1994: 13]. Называя метафору самым мощным лингвистическим инструментом, которым обладает человек в процессе трансформации реальности в мир, приспособляемый для задач и целей автора метафор, ученый акцентирует прагматический потенциал М-моделирования исторической реальности в историческо-политическом тексте.

Войцех Вжозек (Wrzosek 1989), называя историографию игрой метафор, отмечает, что изучаемое историками прошлое постигается « в свете категорий, данных им культурой, в границах которой им суждено существовать и мыслить» [Вжозек 1991: 60]. Прошрое, по мнению ученого, «заколдовано человеческим видением мира», оно «становится объектом антропоморфизации, ибо исследуется культурой» [там же: 60]. Антропоморфизация мира в историческом тексте проявляется в «человеческом насыщении его метафорами».

Действительность фактографического прошлого историка-повествователя – это, прежде всего, рассказ личности о событиях. В. Вжозек считает, что «изменчивость или устойчивость метафор той или иной культуры обуславливает ее исторические образы, характер исторического мышления и как следствие природу историографических образов мира» [там же: 61]. Можно сделать вывод о том, что авторское М-моделирование историко-политического события, представляя исторические образы участников реальных военных событий, влияет на формирование историографической картины мира.

Персонализация мира в историко-мемуарном тексте У. Черчилля предполагает его насыщенность антропоморфными/Anthropomorphic М-моделями. При этом количественный анализ М-моделей метафоры выявил 5 доминантных тематических сигнификативных областей: «Person», «Society», «Nature», «Artifact» и «Exact Science». Семантические поля концептов из этих областей образуют соответственно «Anthropomorphic», «Sociomorphic», «Naturemorphic», «Artifact» М-модели и «Exact sciences metaphor» модели.

Метафорическое описание исторического события *Нападение Германии на СССР* и интерпретация М-моделей предполагает три компонента: рассмотрение событийного плана, описание языковой репрезентации авторской метафоры и фреймо-слотовое определение М-моделей. Историко-политический факт нападения Германии на СССР в июне 1941 г является событийной основой сюжета. *Нападение Германии на СССР* представлено в мемуарах У. Черчилля с помощью пяти текстовых метафорических фрагментов. Можно предположить, что историографическая функция метафоры позволит репрезентировать авторское неоднозначное отношение к участникам этого событийного сюжета.

Рассмотрим текстовый фрагмент I где присутствуют авторские характеристики участников данного сюжета: России и ее руководителей.

(I) «War is mainly a *catalogue* (1. АФ) of blunders, but it may be doubted whether any *mistake* (2. CM) in history has *equaled* (3. TH) that of which Stalin and the Communist chiefs were *guilty* (3. CM) when they cast away all possibilities in the Balkans and *supinely* (4. AM) awaited, or were incapable of realizing, the *fearful* (5. AM) onslaught which *impended* (6. CM) upon Russia. We have hitherto rated them as selfish *calculators* (7. AM). In this period they were proved *simpletons* (8. AM) as well. The *force* (9. TH), the *mass* (10. TH), the *bravery* (11. AM) and *endurance* (12. AM) of *Mother Russia* (13. AM) had still to be thrown into the *scales* (14. АФ). But so far as strategy, policy, foresight, competence are *arbiters* (15. CM), Stalin and his commissars showed themselves at this moment the most completely *outwitted* (16. AM) *bunglers* (17. AM) of the Second World War» (III p. 353)/(том, стр.).

Модель метафорической проекции Russia – Mother направляет смысловые вектора сигнификативных дескрипторов метафоры в антропоморфное понятийное поле. Участниками исторических событий 1941 года этой метафоры выступают Россия и ее руководство. Образы Сталина и коммунистического руководства страны создаются сочетанием смыслов сигнификативных дескрипторов слота *Negative personality traits* антропоморфной М-модели. Прежде они воспринимались автором расчетливыми эгоистами /*selfish calculators* (7), затем простаками /*simpletons* (8), и наконец, недальновидными /*outwitted* (16), при этом они – неумехи / *bunglers* (17). Словарь «Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English» под редакцией A.S. Hornby так толкует смысл этой лексемы «a person who does (a piece of work) badly and clumsily; spoils (a task of work) by lack of skill». Арбитрами/ *Arbiters* (15), в таком вердикте являются стратегия, политика, близорукость и компетенция/ *strategy, policy, foresight, competence*.

Образ России персонифицирован М-моделями (11); (12); (13). Этот образ создается антропоморфной М-моделью *Mother* (13). Сигнификативные дескрипторы фрейма *Positive personality traits* антропоморфной М-модели *the bravery* (11) и *endurance* (12) представляют образ России уважительно. Концепты *the force* (9); *the mass* (10) вместе с динамичным понятием *the scales* могут быть осмыслены в слотах фрейма *World of Physics* М-моделей мира точных наук. Итак, у Черчилля, Россия – сильная, мощная, мужественная и выносливая. Сила, мужество и выносливость матушки России должны были быть брошены на весы руководством России.

Насколько почтительно представлен автором образ России, настолько же уничижительно образы Сталина и руководства коммунистической партии. Моделирование языковой репрезентации I (III p. 353) позволяет в основных моделях метафорической проекции усмотреть авторскую оценку участникам событийного сюжета. Уважительное отношение к стране, на которую нападает Германия и отношение осуждения к коммунистическому руководству этой страны. Историографический потенциал авторских метафор проявился в образном представлении участников историко-политического события и в обозначении авторского отношения к этим участникам. Фреймо-слотовые разновидности М-моделей метафоры следующие:

Антропоморфные модели (AM): Human Relationships (13); Personality/ Character traits (4),(5),(7), (8), (11), (12), (16), (17).

Социоморфные модели (CM): Education (2); Crime (3); Travel/ Movement (6); Sport (15);

Модели точных наук (TH): Mathematics/ Geometry (3); Physics (9), (10).

Артефактные модели (АФ): Housekeeping (14).

Следующий фрагмент текста подтверждает отрицательную оценку У. Черчиллем действий правительства СССР на 20 июня 1941 г.:

(II) «On the evening of Friday, June 20, I drove down to Chequers alone. I knew that the German onslaught upon Russia was a *matter* (1. TH) of days, or it might be hours. I had arranged to deliver a broadcast on Saturday night dealing with this event. I would, of course, have to be in *guarded* (2. AM) terms. Moreover, at this time the Soviet Government at once *haughty* (3. AM) and *purblind* (4. AM), *regarded* (5. AM) every warning we gave as a mere attempt of *beaten* (6. AM) *men* to drag others into *ruin* (7. CM). As the result of my reflection in the car, I put off the broadcast till Sunday night, when I thought all would be clear» (III p.368 - 369).

Как видим из приведенного текста, основной моделью метафорической проекции в представлении автором советского правительства является персонифицированная модель: the Soviet Government - a haughty and purblind Person. Образ правительства СССР представлен сигнификативными дескрипторами антропоморфной М-модели высокомерный/*haughty* (3) и недальновидный /*purblind* (4). В метафоре присутствует и образ Британии, которая неоднократно посылала предостережение советскому правительству. Автор наделяет метафорический образ правительства СССР таким качеством человека, который принимает предостережение Британии как попытку потерпевшего увлечь за собой к гибели, к разрушению/ *ruin* (6). В восприятии правительства Советского Союза Британия предстает в образе побитых/*beaten* (5) людей.

Историографическая функция метафоры У.Черчилля проявляется в создании персонифицированной метафорической картины события, где один участник ведет себя благородно, а другой недоверчив и высокомерен.

Концептуальное моделирование исторической ситуации за 2 дня до нападения на СССР с авторской оценкой действий его основного участника – советского правительства в этот период оказалось возможным с помощью интерпретации семантики фреймо-слотовых структур авторской метафоры. Фреймо-слотовые разновидности М-моделей метафоры (III p.368 - 369) следующие:

Антропоморфные модели (AM): Person action/ability (5); Personality/Character traits (2),(3), (4).

Социоморфные модели (CM): Destruction (7).

Модели точных наук (TH): Physics (1).

Остановимся на характеристике следующего фрагмента текста, где У.Черчилль выражает готовность оказать помощь России и выражает свою непримиримость к нацистскому режиму, представляя Гитлера и его окружение *бандой/шайкой*:

(III) «We have but one aim and one single, irrevocable purpose. We are resolved to *destroy* (1. CM) Hitler and every *vestige* (2. CM) of the Nazi regime. From this nothing will turn us – nothing. We will never parley, we will never negotiate with Hitler or any of his *gang* (3. CM). We shall fight him by *land* (4. ПМ), we shall fight him by *sea* (5. ПМ), we shall fight him on the *air* (6. ПМ), until, with God's *help* (7. АМ), we have rid of the earth of his *shadow* (8. ПМ) and liberated its people from his *yoke* (9. АФ). Any man or state who fights on against Nazidom will have our aid. Any man or state who *marches* (10. CM) with Hitler is our *foe* (11. CM)... That is our policy and that is our declaration. It follows, therefore, that we shall give whatever help we can to Russia and the Russian people. We shall appeal to all our *friends* (12. CM) and *allies* (13. CM) in every part of the world to take the same *course* (14. CM) and pursue it, as we shall faithfully and steadfastly to the end...» (III p. 372).

Как мы видим в языковой репрезентации (III) модели метафорической проекции Hitler – *a Criminal*; Britain – *a Hero* в их образной и историографической потенции подчиняют смысловые восприятия М-моделей авторской метафоры. Языковая метафорическая картина отражает образы Гитлера, нацистского режима и Британии. Сигнификативный дескриптор *банда, шайка/gang* (3) социоморфной М-модели размещает образ Гитлера в сигнификативную область *Crime*. С помощью М-модели *gang* (3) автор создает криминальный образ Гитлера и его окружения. Гитлер осмысливается автором как главарь преступных сил. Нацистский режим/ *Nazi regime* персонифицирован сигнификативным дескриптором *след/vestige* (2).

Модель метафорической проекции Britain – *a Hero* выстроена ассоциациями, создаваемыми лексемой *fight*. Сигнификативные дескрипторы природоморфной М-модели создают масштабность восприятия образной картины. Решимость нации/государства подтверждается ее намерениями сражаться с ним на суше/ *land* (4), в воздухе/ *air* (6) и на море/ *sea* (5). Британия полна решимости и в тексте присутствуют значимые повторы, троекратно как заклинание повторяется «we shall fight». В метафоре обозначается тот, к кому могут быть адресованы эти заклинания. С божьей помощью Британия избавит землю от тени поработителя. Сигнификативный дескриптор *shadow* (8) дает возможность осмыслить это в данном событийном сюжете как «воспоминание». Стереть даже воспоминания о Гитлере и освободить людей от его ига, ярма *yoke* (9). В решительности намерений Британия предстает в сюжете у У.Черчилля в метафорическом образе героя. Британия намерена помогать России. Сигнификативные дескрипторы *foe* (11) *friends* (12) *allies* (13) социоморфной М-модели поддерживают уже созданное автором метафор разделение участников событий на друзей, союзников и врагов.

Социоморфная М-модель фрейма *Travel/ Movement* репрезентирована в текстовом фрагменте дескрипторами *vestige* (2), *marches* (10) и *course* (14). Любое государство, которое идет/ *marches* (10) с Гитлером это – враг Британии. Автор обращается к странам – друзьям и союзникам придерживаться одного курса/ *to take the same course* (14) – поддержать Россию.

Осмысление событийной метафорической картины рассматривалось через интерпретацию системы М-моделей. Интерпретация реализована в широком контексте смыслового взаимодействия фреймо-слотовых разновидностей М-моделей Hitler – *a Criminal*; Britain – *a Hero* при описании исторического периода нападения Германии на СССР. Фреймо-слотовые разновидности М-моделей метафоры (III p. 372):

Антропоморфные модели (АМ): Person action/ability (7).

Социоморфные модели (СМ): Destruction (1); Crime (3); Travel/ Movement (2), (10), (14); Social relationships (11), (12), (13).

Природоморфные модели (ПМ): Ground (4); Water (5); Air (6); Natural Phenomenon (8).

Артефактные модели (АФ): Housekeeping (9).

Языковые метафорические репрезентации событийного сюжета *Нападение Германии на СССР* дают описание исторического сюжета с помощью характеристик ее участников. Например, в языковой репрезентации IV мы анализируем авторские характеристики 2-х участников данного сюжета: Британии и правительства Советского Союза, которые персонифицированы в антропоморфных М-моделях авторской метафоры.

(IV) «Up to the moment when the Soviet Government was set upon by Hitler they seemed to *care for* (1. АМ) no one but themselves. Afterwards this mood naturally became more marked. Hitherto they had *watched* (2. АМ) with *stony* (3. ПМ) composure the *destruction* (4. СМ) of the front in France in 1940, and our vain efforts in 1941 to create a front in the Balkans. They had *given* (5. АМ) important economic *aid* to Nazi Germany and *helped* (6. АМ) them in more minor ways. Now, having been *deceived* (7. АМ) and *taken by surprise* (8. АМ), they were themselves under the *flaming* (9. ПМ) German *sword* (10. СМ). Their first *impulse* (11. ТН) and lasting policy was to demand all possible succour from Great Britain and her Empire, the possible partition of which between Stalin and Hitler had for the last eight months beguiled Soviet minds from the progress of German *concentration* (12. ТН) in the East. They did not *hesitate* (13. АМ) to appeal in urgent and strident terms to *harassed* (14. АМ) and *struggling* (15. СМ) Britain to send them the munitions of which her armies were so short. They *urged* (16. АМ) the United States to divert to them the largest quantities of the supplies on which we were counting, and above all, even in the summer of 1941 they *clamoured* (17. АМ) for British landing in Europe, regardless of risk and cost, to establish a *second* (18. ТН) front» (III p.378 - 379).

Модели метафорической проекции the Soviet Government – *a Person*, Britain – *a struggling Person* представляют межгосударственные взаимоотношения в антропоморфном понятийном пространстве и структурируют военную ситуацию с антропоморфной доминантой. Авторская метафора позволяет понять читателю напряжен-

ность военного периода 1941 года, когда обеим странам, Великобритании и Советскому Союзу, не хватало вооружения в борьбе с фашистской Германией. Этот фрагмент исторической картины мира метафорически моделируется средствами антропоморфных М-моделей. В персонифицированном понятийном пространстве *The Soviet Government* и, соответственно, *the British Government* находятся в не простых человеческих отношениях. В языковой репрезентации сложной метафоры понятийно присутствует авторское осуждение действий советского правительства, передаваемое набором сигнификативных дескрипторов слота *Personal action*. Мы воспринимаем авторский образ советского правительства с помощью сигнификативных дескрипторов *care for* (1), *watched* (2), *given* (5) *aid*, *helped* (6), *hesitate* (13), *clamoured* (17). У создателя метафоры правительство СССР - это персона, которая *заботится* (1) только о себе; со спокойствием *наблюдала* (2) крушение фронта во Франции; *оказывала помощь* (5), (6) нацистской Германии; не *колебалась* (13) в требованиях к Британии в поставках военных материалов; *требовала* (17) высадки англичан в Европе. Дескрипторы исходной персонифицированной понятийной сферы метафорической проекции передают авторское отношение о той событийной ситуации, когда для советского правительства было не важно, что вооружение было необходимо тому, к кому оно обращалось за помощью. Сигнификативные дескрипторы *harassed* (14), *struggling* (15) создают образ Британии. В авторской метафорической событийной картине это - образ измученного военными действиями человека.

Отметим исторический факт, что 12 месяцев (с 22 июня 1940 г., когда было подписано Второе Компьенское перемирие между Францией и Германией до 22 июня 1941 г., когда началась Великая Отечественная война) Великобритания была одна в своей борьбе против Германии. СССР в это время поставлял в Германию сырье для военного производства.

Осмысление текста и интерпретация авторской метафоры с позиции описания историографического потенциала метафоры соотносится с анализом смысловых ассоциаций выделенных в тексте фреймо-слотовых разновидностей М-моделей 4-х сигнификативных понятийных сфер - антропоморфной, социоморфной, природоморфной и сферы точных наук:

Антропоморфные модели (АМ): Person action/ability (1), (2), (5), (6), (7), (8), (9), (16), (17).

Социоморфные модели (СМ): War (4), (10), (15).

Модели точных наук (ТН): Physics (12); Mathematics/ Geometry (18).

Природоморфные модели (ПМ): Ground (3); Air (9).

Текстовый фрагмент V (III р. 452) дополняет понимание событийной картины предыдущей языковой репрезентации (III р. 378-379) и передает напряженный «нерв» отношений между Великобританией и Советским Союзом. У Черчилля метафорически осмысливает СССР безразличным союзником Британии, наделяя Советский Союз характеристиками ворчливого, угрюмого и жадного человека:

(V) «We endured the unpleasant process of exposing our own vital security and projects to failure for the sake of our new *ally* (1. СМ) – *surlly* (2. АМ), *snarly* (3. АМ), *grasping* (4. АМ), and so lately *indifferent* (5. АМ) to our *survival* (6. АМ)» (III р. 452).

Основная модель метафорической проекции: the USSR - an indifferent *Ally*. Индивидуальное видение автором основного участника сюжета СССР в образе *безразличного союзника* Британии находит отражение в семантике сигнификативных дескрипторов антропоморфной М-модели (хмурый/ *surlly* (2), ворчливый /*snarly* (3), жадный / *grasping* (4), безразличный/ *indifferent* (5). Образ Советского Союза репрезентирован М-моделями слота *Negative personality traits* и воспринимается читателями отрицательной персоной, который вряд ли может быть надежным союзником.

Персонификация СССР выстраивает отношения между странами в антропоморфном понятийном пространстве. Британия характеризуется автором благородными действиями: она идет на риск и ставит под удар свою собственную безопасность ради нового союзника. Ради СССР, которому, по мнению Черчилля, было безразлично выживет ли Британия в одиночной схватке с врагом. Дескриптор выживание/ *survival* (6) размещает метафорический образ Британии в повествовательную рамку военного периода, периода смерти и разрушений. Историографическая функция метафоры проявляется в создании автором смысловых представлений с помощью антропоморфных и социоморфных сигнификативных дескрипторов образа Советского Союза после вторжения Германии на его территорию в 1941 г.

Нелицеприятный образ СССР сугубо субъективен, но красочен и колоритен по сравнению с исторической действительностью, бесстрастно отраженной «Encyclopedia Britannica»: <http://www.britannica.com/EBchecked/topic/648813/World-War-II/53552/Invasion-of-the-Soviet-Union-1941>

Согласно данным энциклопедических ресурсов результатом первых трёх месяцев войны между Германией и Советским Союзом стало осторожное восстановление дружественных отношений между СССР и Великобританией, СССР и США. Англо-советское соглашение от 12 июля 1941 года связало обещанием подписавшие его стороны помогать друг другу и воздерживаться от заключения сепаратного мира с Германией в какой-либо форме. В пункте о сепаратном мире с Германией английская сторона видела определенного вида гарантию участия СССР в войне, а не выход из нее путем подписания сепаратного мира с Германией, как это было в марте 1918 года.

Интерпретация авторской метафоры (III р. 452) соотносится с выделенными в тексте фреймо-слотовыми разновидностями М-моделей 2-х сигнификативных понятийных сфер – Человек и Общество. Семантические поля сигнификативных дескрипторов этих областей образуют соответственно Антропоморфные и Социоморфные М-модели:

Антропоморфные модели (AM): Personality/Character traits (2), (3), (4), (5); Disease/health (6).

Социоморфные модели (CM): Social relationships (1).

Итак, моделирование историко-политического события *Нападение Германии на СССР* с помощью метафоры выявило ряд моделей метафорической проекции: Russia – *Mother*; the Soviet Government – *a purblind Person*; Britain – *a Hero*; Hitler – *an Animal/a Criminal*; War – *a Performance*; Britain – *a Struggling Person*; the USSR – *an indifferent Ally*. Историографическая функция метафор событийного сюжета проявляется в создании М-моделями смысловых ассоциаций и образных представлений событий периода вторжения немецких войск на территорию Советского Союза и авторской оценки действий участников этих событий. Например, исходя из текстового построения продвижения от языковой репрезентации (I) до языковой репрезентации (V), образ России/Советского Союза и правительство страны метафорически представляется автором и дополняется новыми смысловыми ассоциациями.

В языковой репрезентации I (III р. 353) коммунистическое руководство страны во главе со Сталиным описывается У.Черчиллем с помощью таких антропоморфных М-моделей как расчетливые эгоисты */selfish calculators* (7), простаки */ simpletons* (8), недальновидные */outwitted* (16), неумехи */ bunglers* (17).

В текстовом фрагменте II (III р.368 - 369) при описании образа советского правительства семантика сигнификативных дескрипторов антропоморфной М-модели высокомерный */haughty* (3) и недальновидный */purblind* (4) передавала авторское осуждение действий и поведения советского руководства, как до нападения, так и в момент нападения на СССР.

Интерпретация модели метафорической проекции Russia – *Mother* в языковой репрезентации I (III р. 353) предполагает добрые и уважительные характеристики авторского образа России. Однако модель метафорической проекции the USSR – *an indifferent Ally* текстового фрагмента V (III р. 452) репрезентирует образ Советского Союза как *безразличного союзника* Британии. Можно предположить, что авторский образ правительства СССР в его отрицательном метафорическом осмыслении в языковых репрезентациях (III р.368 - 369), (III р.378 - 379) и образ государства в финальном текстовом фрагменте (III р. 452) событийного сюжета сливаются.

Образ Великобритании, представленный М-моделями *a Hero; a Struggling Person* отражает авторский патриотизм, его веру в свой народ и гордость за мужество соотечественников.

Модель метафорической проекции Hitler – *an Animal/a Criminal* историографически фиксирует ненависть и уверенность в осуждении и наказании Гитлера. Уверенность в человеческой и божьей каре передается средствами М-модели *Myth/ Faith* в ряде событийных сюжетов историко-политического текста.

Итак, проанализированные фрагменты исторического описания события подтверждают выдвинутое нами предположение об историографической функции метафор с позиций когнитивного анализа. М-моделирование историко-политического события *Нападение Германии на СССР*, репрезентируя авторские модели метафорических проекций, дает возможность представить видение У. Черчиллем участников этого события в историческом развитии.

Литература

Вжосек В. Историография как игра метафор: судьбы новой исторической науки // Одиссей: Человек в истории /АН СССР. Институт всеобщей истории. М.: Наука, 1991. – С. 60-74.

Ankersmit F. History and Tropology. The Rise and Fall of Metaphor. Berkeley, California:

Churchill Winston S. The Second World War. The Grand Alliance. Boston. Houghton Mifflin Company, 1950. - 903 p.

Encyclopedia Britannica – электронный ресурс.

University of California Press, 1994. – 264 p.

ЗЭМШАЛ П.

Torunь

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ «ПРОСТРАНСТВА БОРЬБЫ» В СОВЕТСКОМ ИДЕОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ О КУЛЬТУРЕ

Аннотация. Роль, которую играла военная метафора, состояла в том, что она активизировала конфронтационные позиции у адресатов речи, побуждая их к борьбе за что-либо или против чего-, кого-либо. Мышление и его речевые отражения, осуществляемые с помощью военной метафоры были заметны в области определения общественных процессов и действий (в том числе и культурных), их участников, а также пространства, в котором они происходили. Темой предлагаемой работы являются метафорические определения «пространства борьбы» в советском идеологическом дискурсе о культуре. Источниками исследуемого материала являются газета «Правда» (за первую четверть 1953 г.) а также изданный в 2001 г. в Москве сборник документов аппарата ЦК КПСС о культуре (проанализировано материал до августа 1954 года). Многие примеры взяты из НКРЯ. Были проанализированы 52 газетных текста и 68 документов ЦК, в которых было выявлено 5 манифестаций метафоры места боевых действий: фронт, позиция, боевой пост, цитадель, крепость. Целью настоящей работы является попытка охарактеризовать их как составные своеобразной подсистемы метафорических единиц, охватывающей все пространство культуры в СССР, т.е. не оставляющей пространства «вне» борьбы.

Ключевые слова: военная метафора, фронт, культура, идеологический дискурс.

ZEMSZAL P.

Torun

METAPHORICAL DESCRIPTIONS OF «THE AREA OF COMBAT» IN THE SOVIET IDEOLOGICAL DISCOURSE ABOUT CULTURE

Abstract. A role played by military metaphor concerned stimulation of confrontational attitudes in recipients, inducing them to fight for or against something. Thinking and its manifestations in the language, reflected in the military metaphor, were important in the area determining social (including cultural) processes and acts, their participants and the space where they occurred. The subject of this paper concerns metaphorical descriptions of «the area of combat» in the Soviet ideological discourse about culture. The sources of the studied material include the newspaper «Pravda» (the first quarter of 1953) and a collection of the CC CPSU documents on culture published in Moscow in 2001 (the analysed material covered the period to August 1954). Numerous examples derive from the National Corpus of Russian Language. 52 texts published in the newspaper and 68 documents from the CC CPSU archives were analysed, in which 5 manifestations of metaphors related to military operations were found: front, position, post, fortress and citadel. The aim of this paper is to characterise them as components in the specific subsystem of metaphorical units, covering the whole area of culture in the USSR, leaving no space «outside» the fight.

Key words: military metaphor, front, culture, ideological discourse.

Роль, которую сыграла военная метафора в формировании схем мышления в пределах советского тоталитарного дискурса была, определена уже в двадцатые годы XX века А. Селищевым [2003 : 85–96] и не вызывает среди исследователей никаких сомнений. Ф. Том в своей книге «Деревянный язык» замечает, что «становится совершенно очевидным, что множество терминов, которые используются в деревянном языке почерпнуто из военной лексики; военная символика распространяется даже на традиционно буколические области жизни – когда речь идет о дойке коров или копке картошки, все время слышно о фронтах, сражениях, атаках, сопротивлении, штурмах, стратегии, тактике и т.д. Даже мир становится объектом ожесточенной борьбы. У читателя печати складывается впечатление, что общество находится в состоянии постоянной мобилизации» [Thom 1990: 17]. Роль, которую играла военная метафора состояла в том, что она активизировала конфронтационные позиции у адресатов речи, побуждая их к борьбе за что-либо или против чего-, кого-либо. Эти две схемы должны были определять позицию человека по отношению к любой области советской действительности. Они являлись орудием осуществления положительной и отрицательной программ тоталитарной власти. Их всеохватывающий диапазон употребления является одним из более убедительных доказательств намеренно проводимой партией тотализации общественного сознания. Л.А. Нестерская определяет это явление прямо как «милитаризация сознания» [Нестерская 2002: 174]. Как отмечает Н.Г. Табалова, «Милитарная метафора навязывает обществу конфронтационные стереотипы решения проблем, ограничивает поиск альтернатив в социальном развитии и решении конкретных проблем» [Табалова 2003: 57]. Мышление и его речевые отражения, осуществляемые с помощью военной метафоры были заметны в области определения общественных процессов и действий (в том числе и культурных), их участников, а также пространства, в котором они происходили. Следует также помнить и о постоянном присутствии в текстах военной атрибутики (напр. знамя, оружие).

Военная метафора была присуща и текстам, касающимся культурной жизни страны. Принимая во внимание факт, что культура в СССР воспринималась как символическое пространство особого идеологического значения можно утверждать, что поскольку семантика борьбы в текстах, относящихся к областям, названным Том, являлась своего рода проекцией идеологического дискурса, то в текстах субдискурса о культуре она играла фундаментальную роль, определяя ее смысл как пространства идеологического конфликта. В текстах о культуре, воспринимаемой как пространство идеологической борьбы особое место занимала, в свою очередь, метафора места боевых действий, так как именно она определяла место участников культурных процессов в этой борьбе. Определения типа фронт, цитадель, боевой пост и т.д. являлись эффективным средством позиционирования производителей и потребителей культуры в двухполюсной системе.

Источниками исследуемого материала являются газета «Правда» (за первую четверть 1953 г.) а также изданный в 2001 г. в Москве сборник документов аппарата ЦК КПСС о культуре (проанализировано материал до августа 1954 года) [Афиани 2001]. Многие примеры взяты из НКРЯ. Были проанализированы 52 газетных текста и 68 документов ЦК, в которых было выявлено 5 манифестаций метафоры места боевых действий: фронт, позиция, боевой пост, цитадель, крепость. Целью настоящей работы является попытка охарактеризовать их как составные своеобразной подсистемы метафорических единиц, охватывающей все пространство культуры в СССР, т.е. не оставляющей пространства «вне» борьбы. Казалось бы, что этот тезис является почти абсурдным. Ведь фундаментальный смысл существования языка как средства эффективного общения заключается в том, чтоб с его помощью отличать отдельные составные окружающего мира. Если мы говорим о «фронте», значит существует какое-то пространство вне его. Говоря о «крепости» подразумеваем ее пространственную ограниченность и т.д. Характерная для советского идеологического дискурса метафорическая система состояла из компонентов, которые, дополняя друг друга, охватывали все концептуальное пространство. Метафорические единицы, употребляемые для определения пространства идеологической борьбы в области культуры не были исключением.

1) Фронт

Эта лексема, будучи классическим примером военной лексики в так называемом новоязе, является носителем значений, которые следовало бы признать главными для военной метафоры вообще (коллективность, организованность, сплоченность и т.д.). Мокиенко и Никитина дают следующее ее определение: „Область, отрасль коллективных действий”, причем относят ее к патетическому стилю речи. Словарь Дмитриева (2003) дает одиннадцать вариантов значений этого слова, причем десять из них (кроме термина *атмосферический фронт*) так или иначе касаются понятий, обозначающих формы организации групп людей или их действий. Коннотацию своего рода «цельности» или «непрерывности» так организованной группы подтверждают, напр., фразема «прогрывать фронт» или коллокация «единый фронт».

В исследуемых текстах мы находим несколько характерных словосочетаний, основывающихся на анализируемой лексеме, которые можно иерархически построить в ряд: идеологический фронт – культурный фронт – литературный фронт. Эти формулировки предполагают унификацию действий на уровне идеологии, а в ее рамках культуры и, наконец, в пределах отдельной творческой среды СССР, напр.:

(1) *Литература и искусство – ответственный участокидеологического фронта, который требует пристального внимания нашей печати* [„За марксистское освещение творчества В. Маяковского”, П, 7 III 1953].

(2) *Партия высоко подняла роль и значение работников культурного фронта* [Е. Страйков, „Наука и культура на службе народа”, П, 5 II 1953].

(3) *Пользуясь свободой литературных течений и группировок на советскомлитературном фронте, они [Перевальцы] развили беженную деятельность, выступая с громкими декларациями о творческой платформе «нового искусства»* [...], [выступление А. Петросян во время партийного собрания Института мировой литературы им. М. Горького АН СССР, 23 июля 1954, АПП].

Следует заметить, что так воспроизводимое понятие фронта необязательно должно провоцировать вопрос о том, кто стоит по той стороне фронта, т.е. кто является врагом. Буквально воспринимаемые коллокации типа *советско-германский фронт* и т.д. предполагают существование определенного врага и прямо указывают на него. Невозможно, основываясь лишь на узком контексте, ответить на вопрос, против кого направлен *советский* (т.е. внутренний) *литературный фронт*. Эта метафора, на самом деле, побуждает готовность бороться и укрепляет конфронтационную схему мышления, но заодно оставляет за властной группой отправителей речи решение о том, против чего или кого будут в данный момент направлены эти эмоции. В политической обстановке начала пятидесятых годов это, конечно, было очевидным, но, оставляя это место «открытым», люди, контролирующие культурную жизнь страны обеспечивали себе возможность постоянно менять «вектор враждебности» в зависимости от меняющихся обстоятельств. Таким образом получается, что «фронт», лишенный конкретного определения является «пространством» довольно широким, у него нет четких границ. Разумеется, его можно делить на отдельные участки (см. пример 1.). В рамках так понимаемого «фронта» было, конечно, место для других метафорических формулировок, которых основная задача состояла в уточнении отдельных «пространств» борьбы.

2) Позиция

Одной из лексем, уточняющих пространство борьбы является слово *позиция*. Оно, хотя в словарях дается обычно в форме единственного числа [Мокиенко, Никитина 1998; Дмитриев 2003], в военном значении выступает главным образом в форме множественного числа [Кузнецов 2000], обозначая определенное, обычно точно ограниченное пространство боевых действий. В собранном материале нашлось лишь одно употребление единственного числа:

(4) *В ходе собрания коммунисты дали резкий отпор В. Кетлинской, занявшей в своем выступлении неправильную позицию* [из заметки Ленинградского комитета КПСС в ЦК КПСС от 12 июля 1954 г., АПП].

Употребление словосочетания *занять позицию*, как кажется, является осуществлением концепта «борьбы», в котором постоянно *защищаются и занимают позиции, кто-то переходит на какие-топозиции* и т.д. Никаких сомнений относительно военного происхождения метафоры не вызывает следующий пример:

(5) *Министерство культуры и Союз советских композиторов не привлекают Шостаковича к работе над оперой и тем самым мало помогают ему в том, чтобы он твердо и окончательно укрепился на реалистических позициях* [из заметки отдела науки и культуры ЦК КПСС от 8 мая 1953 г., АПП].

Приведенный пример – это часть записки о творческих тенденциях в среде советских композиторов. Как же он напоминает обычные тексты о войне, напр.:

(6) [...] *все торопились до его подхода укрепить позиции: танкисты ставили свои машины в засады, артиллеристы оборудовали наблюдательные пункты и выдвигали пушки к передней линии для стрельбы прямой наводкой.* [...]; [[Михаил Бубеннов. Белая береза / части 3-6 (1942-1952), НКРЯ].

Кажется, что метафорическое определение *позиций* в силу такого типа ассоциаций обозначает особо принципиальный подход к чему-либо. Интуитивно чувствуется, что формулировка *жизненная позиция*, обозначает более твердое, постоянное состояние, чем *жизненные взгляды*. Подтверждением этому в какой-то мере является следующий пример:

(7) *Переход искусства на позиции социалистического реализма сопровождается борьбой с буржуазными методами, особенно с формализмом, который пустил глубокие корни в изобразительном искусстве* [Е. Страйков, «Наука и культура на службе народа», П, 5 февраля 1953 г.].

Изменение *позиции* сопровождается *борьбой*, причем это борьба с явлениями, воспринимаемыми как очень прочные (*глубокие корни*). Из этого вытекает, что сама *позиция* является чем-то постоянным и изменить ее не легко. Постоянство, принципиальный характер, своего рода стойкость «позиции» отчасти видны из коллокаций, которые находим в письме К. Симонова Молотову от 17 июля 1953 г.:

(8) Никогда, ни как писатель, ни как критик, ни как редактор я не стоял на гнилых и глубоко чуждых мне *позициях* противопоставления партийной работы творчеству [АРР, 17 VII 1953].

Здесь говорится именно о *позициях* (как точке зрения), а не о взглядах³. *Позиции* (в значении точки зрения), как (*боевые*) *позиции* на войне, часто являются «укрепленным» идеологическим пространством.

Так понимаемое значение «позиции» дает возможность довольно точно и кратко описывать идеологизированный, искусственно поляризованный мир, в котором определенные *позиции* занимают, *атакуются* и *защищаются* представителями вражеских лагерей. Набор коннотаций и ассоциаций, связанных с этим понятием кажется настолько «мощным», что усиливающие выражения типа *глубоко (ошибочный)* иногда не нужны. В очень богатом военными метафорами тексте выступления А. Петросян мы находим два отрывка, касающиеся явлений, которые расцениваются как вражеские. В обоих случаях подчеркивается их «глубокий», «основной» характер и устойчивость. В таких случаях, как правило, появляется слово *позиция*:

(9) *В этой новой исторической обстановке «Перевал» стоял особняком и остался на прежних своих позициях.*

(10) *Точно также, вскрывая вредную сущность статьи Померанцева, мы должны дать статье, правильно освещающие те вопросы, которые в ней поставлены с ошибочных позиций.*

Понятие *позиции* пополняет метафорическую «карту» пространства культуры как идеологической борьбы. На общем фоне *фронта* появляются укрепленные, постоянные точки, в которых она сосредотачивается.

3) Боевой пост

В словаре Дмитриева (2003) мы можем найти следующее определение слова *пост*: „это специальное место, откуда можно наблюдать за кем либо, чем-либо или охранять кого-либо, что-либо”. Похожее определение находится в словаре Кузнецова (2000). Одной из семантических составных, присущих обоим толкованиям является понятие «защиты». Существенной коннотацией является здесь также понятие «обязанности» или даже «долга», «чувства долга». Фразеологический словарь И.В. Федосова и А.Н. Лапицкого (2003) дает следующее толкование фразеологизма *на посту*: «при исполнении обязанностей». Чувство долга (особенно перед родиной) всегда высоко ценилось как добродетель. Поэтому понятие поста в советском идеологическом дискурсе выступает прежде всего в текстах о лицах, относящихся к категории «МЫ – НАШИ». В исследуемых материалах нашлось одно употребление такого типа:

(11) *Горький пал на боевом посту от рук презренных убийц* [А.Овчаренко, «Гуманизм Горького», П, 28 марта 1953].

Этот пример, в котором речь идет о смерти выдающегося советского писателя, отсылает прямо к этосу литературы (и творчества вообще) как служения. Это положение было ведь одной из основ социалистического реализма. С другой стороны, прилагательное *боевой* привносит оттенок напряженности, мобилизованности, военной обстановки. Кажется, что именно этот набор ассоциаций («долг», «служение», «борьба») явились причиной выбора этой патетически окрашенной формулировки (*вместопасть, защищая что-либо, пасть в борьбе за что-либо* и т.д.).

³ В словаре Кузнецова в определении «Позиции» мы находим следующую фразу: «Точка зрения, принцип, положенные в основу поведения, действий кого-, чего-либо», черта «основности» отсутствует в определении слова «взгляд» в этом же словаре [Кузнецов 2000]. Это интуитивное предположение в какой-то мере подтверждается, если за примерами обратиться к неопенимому НКРЯ. В нем мы находим, например, четыре употребления фразы «взгляды меняются» против нуля употреблений фразы «позиции меняются»; пять употреблений фразы «изменение взглядов» против двух «изменение позиций и т.д. Единственная среди проверяемых пара, в случае которой в НКРЯ нашлось больше употреблений фраз со словом *позиция* (одно против нуля) – это пара «позиции пошатнулись» и «взгляды пошатнулись/ пошатнулись взгляды». Приведем это единичное употребление: *Прошло какое-то время, и встал вопрос уже о Ежове. Его позиции пошатнулись. Окончательному же его падению предшествовал такой эпизод* [Никита Хрущев. Воспоминания (1971), НКРЯ]. Здесь «позиции» не обозначают однако системы взглядов, а просто место, занимаемое в обществе.

Другим немаловажным ассоциативным оттенком анализируемого понятия является своеобразное чувство напряженности. Тот, кто стоит на посту должен быть бдительным, напр.:

(12) *Наш офицер за границей обязан всегда чувствовать себя на боевом посту и зорко охранять честь Красной Армии, не пятная её ни в крупном, ни в мелочах* [А. Кривицкий. Русский офицер за рубежом (1947), НКРЯ].

С боевым постом ассоциируется и непрерывность действий, напр.:

(13) *Кончается пьеса тем, что мать — Мария Алексеевна Добранова — решается на то, чтобы ее младший сын Владимир заменил брата на боевом посту* [Я. Воробьев. Об одном конкурсе и трех пьесах (1938.01.12) // «Советское искусство» Орган Всесоюзного комитета по делам Искусств при Совнарком Союзу ССР № 3 (409), 1938, НКРЯ].

Напряженность, бдительность, непрерывность работы на посту связаны, в свою очередь, с тем, что посты обычно выстраиваются там, где что-то происходит или должно произойти. Это довольно свободная ассоциация, но она наводит на мысль о том, что понятие *боевого поста* каким-то образом связано с динамикой боевых действий, ср. пример из НКРЯ:

(14) *В самые тяжелые дни сражений работники искусств не покидали боевые посты, своим творчеством прославляя и воодушевляя участников народной борьбы* [А. Августинчич. Под знаменем свободы (1945.01.01) // «Советское искусство», 1945].

Таким образом на нашей метафорической карте культуры как «пространства» идеологической борьбы появляется следующий тип объекта — *боевой пост*, который, как кажется, в основном отличается от позиции двумя характеристиками. Во-первых, он не так сильно закреплен, а во-вторых, он относится исключительно к категории «МЫ — НАШЕ».

4) Крепость

Метафора «осажденной крепости» относится к классическим приемам тоталитарного дискурса во всех его воплощениях и без всяких сомнений относится к архетипичным метафорам по Осборну [см. Будаев, Чудинов 2006: 12]. *Крепость* является одним из метафорических наименований Бога в библии [<http://www.bible-center.ru/ru/dict/brodict/k.jsessionid=5AB420DD63023B55613ACE3679C22FC0>]. Самыми очевидными коннотациями и ассоциациями являются здесь понятия могущества, замкнутости и неприступности, ср. примеры из НКРЯ:

(15) *И изба замолчала, замкнулась, как крепость*. [А. Г. Малышкин. Люди из захолустья (1938), НКРЯ].

(16) Есть там польский костел, как крепость, без приступу [Н. А. Островский. Как закалялась сталь (1930-1934), НКРЯ].

(17) Где-то в Петербурге, через ров рода, богатства, католичества, девичества, гения, в неприступном, как крепость, но достоверном — стоит же где-то! [М. И. Цветаева. Живое о живом (Волошин) (1932), НКРЯ].

В исследуемых текстах о культуре мы нашли один пример употребления метафоры крепости:

(18) *Необходимо так организовать дело, чтобы пресечь все возможности проникновения в советскую литературу чуждой идеологии, чтобы наша литература всегда была могучей идеологической крепостью, провозвестником великих идей коммунизма* [из постановления Президиума Союза советских писателей СССР «О романе В. Гроссмана „За правое дело“ и о работе редакции журнала „Новый мир“ от 24 марта 1953 года, АПП].

В приведенном примере речь идет о советской (т.е. НАШЕЙ) литературе в оппозиции ко всему несоветскому (т.е. ЧУЖДОМУ). Могущество крепости является здесь гарантией безопасности, гарантией того, что чужая идеология не сможет проникнуть внутрь ее. Таким образом очень сильная коннотация неприступности связана с чертой могущества. Стены крепости — это лимес между правильным и неправильным, своим и чужим, полезным и опасным. Крепость строится для защиты, это значит, что все вокруг нее можно охарактеризовать как опасное, враждебное. Метафоракрепости является отличным примером того, как работает понятийная метафора в дискурсе, которого задача — внушать желаемые отправителем схемы мышления. Одно лишь употребление понятия «крепость» автоматически воспроизводит в сознании адресата речи довольно широкую картину, которая, в силу устойчивых ассоциаций, включает такие понятия, как «враг», «борьба», «угроза» (из вне) и «защита» (внутри).

Понятие крепости отображает еще одну существенную черту тоталитарного мышления. Имеется в виду очень сильное стремление создать и внушить концентрическую картину мира.

5) Цитадель

С концентрической организацией так мышления, как и пространства связана и метафора «цитадель»:

(19) *Со всею ответственностью я должен заявить, что если ЦК срочным образом не вмешается в дела МХАТ, не защитит его, не поможет ему, эта всесоюзная и мировая цитадель всего самого лучшего, что только есть в театральном искусстве, будет развалена и разрушена* [из докладной записки А.А. Фадеева в ЦК КПСС о недостатках критических выступлений газеты «Правда» по вопросам театра и необходимости усиления партийного руководства искусством, 11 сентября 1953 года, АПП].

Цитадель является внутренней, наиболее укрепленной частью крепости [Ожегов 1990]. Иногда это существительное употребляется как синоним слова «крепость». Словарь Кузнецова толкует значение этого термина как «оплот», «твердыня» [2000]. Если слово «цитадель» в записке Фадеева было употреблено в узком значении, т.е. обозначение укрепленного сооружения внутри крепости, получается очень интересная, иерархически выстроенная схема. «Цитадель» являлась бы тогда центром обороны в пределах крепости, а значит там должно храниться самое ценное (*цитадель самого лучшего*). Такая интерпретация понятия предполагает существование своего ро-

да буферного пространства между цитаделью и окружающим врагом. Этим пространством является крепость. Таким образом появляется иерархическая организация пространства борьбы. Если бы Фадеев использовал метафору крепости для определения ситуации МХАТ, то тем самым свел бы театральное искусство к одному лишь МХАТ-у. Как кажется, употребляя слово «цитадель», а не «крепость» Фадеев пытается одновременно охарактеризовать два уровня отношений: «цитадель» - «крепость» и «цитадель» - окружающий мир. Концептуализация МХАТ-а как цитадели, которой угрожает разрушение (*будет развалена и разрушена*) подсказывает, что, может быть, в оценке говорящего, разрушению подверглись или подвергаются остальные «точки сопротивления» на территории «крепости». Таким образом, метафора, которой воспользовался Фадеев, во-первых, определяет исключительную роль МХАТ-а, а во-вторых, является способом выражения отрицательной оценки тому, что происходило в культурной жизни полгода после смерти Сталина.

Пять проанализированных языковых реализаций когнитивного поля «пространство борьбы» дает довольно полную картину этой области. На фоне общего понятия «фронта» появляются в текстах более точно определенные «точки сопротивления» - «боевой пост», «позиция», «крепость» и «цитадель», причем каждая из них подходит для описания разных ситуаций борьбы. Следует обратить внимание и на то, что все найденные в текстах реализации понятийной сферы «пространство борьбы», кроме метафоры «позиция», относятся к местам, контролируемым группой «МЫ» (даже фронт определяется как советский – в примере (3)). В исследуемых материалах говорится о Горьком, который пал на боевом посту (соответственно, боевой пост был «НАШИМ» боевым постом), это *наша литература всегда была могучей идеологической крепостью* и т.д. В них очень мало говорится о «территории», контролируемой врагом. Кажется, будто к нам обращались: «Это наша территория, мы здесь хозяева». Интересно и то, что в исследуемых текстах не нашлось места ряду лексем, семантически связанных с понятием атаки (напр. плацдарм). Как кажется, предпочитались те военные понятия, которые определяли пространство для защиты. Это может быть свидетельством того, что время незадолго до и после смерти Сталина было для партийных деятелей советской культуры (которые составляли большинство авторов исследуемых текстов) периодом довольно сложным, временем, когда следовало не только атаковать, а в первую очередь «защищаться» от грядущей «оттепели».

Литература

- Аппарат ЦК КПСС и культура. Документы / под ред. В.Ю. Афиани. М.: Росспэн, 2001.
 Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. СПб.: «Норинт», 2000.
 Будаев Э. В., Чудинов А. П. Риторическое направление в исследовании политической метафоры // *RespectusPhilologicus*. 2006. № 9 (14).
 Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Толковый словарь языка Совдепии. М.: Фолио-пресс, 1998.
 Нестерская Л.А. Языковые средства формирования оценочности в современной публицистике, // *Язык, сознание, коммуникация*. 2002. № 21.
 Ожегов С.И. Словарь русского языка / под. ред. Н.Ю. Шведовой. М.: «Русский язык», 1990.
 Табалова Н.Г. Социальные стереотипы как форма категоризации действительности в лингвистическом, психологическом и социологическом аспектах // *Язык, сознание, коммуникация*. 2003. № 23.
 Толковый словарь русского языка / под. ред. В.Д. Дмитриева М.: АСТ, 2003.
 Селищев А.М. Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком. М.: УРСС, 2003.
 Федосов И.В., Лапицкий А.Н. Фразеологический словарь русского языка. М.: ЮНБЕС, 2003.
 Thom 1990 – ThomF., *Drewnianyjęzyk*, Warszawa.

ИВАНОВА С. В.

Уфа

ПОЛИТИКА НА СПОРТИВНЫХ ПОЛЯХ (заметки на полях спортивных материалов чемпионата мира-2014 по футболу)

Аннотация. В статье рассматривается проблема политизации спортивного дискурса на примере материалов, посвященных чемпионату мира-2014 по футболу. Политизация понимается как активное проникновение политики в различные сферы общественной жизни. Анализ эмпирического материала позволяет выделить две основные плоскости политизации спортивного дискурса. Внешняя плоскость предполагает сопряжение различных медиа, составляющих современный дискурс СМИ, или гибридизацию спортивного и политического дискурсов. Внутренняя плоскость предполагает вербальную составляющую спортивного дискурса. Во внутреннем плане политизации спортивного дискурса служат интегрированные в него идеологемы, мифологемы и ценностные маркеры в рамках подвергающихся символическому осмыслению аксиогенных ситуаций. Политизация может достигаться за счет лексической активации архетипической оппозиции «СВОЙ – ЧУЖОЙ», а также использования аллюзий различной природы.

Ключевые слова: спортивный дискурс, политический дискурс, массмедийный дискурс, политизация, гибридизация дискурса, идеологема, мифологема.

IVANOVA S. V.

Ufa

POLITICS ON THE FOOTBALL PITCH (notes in the margins of sports materials on soccer world cup-2014)

Abstract. The article focuses on the problem of political charging of sports discourse which is solved on the basis of the mass media materials devoted to soccer World Cup-2014. Political charging is understood as proliferation of political agenda in various spheres of social life. The analysis of the empiric material makes it possible to determine two planes of the process under study. The outer plane presupposes the convergence of different media constituting modern mass media discourse or sports and political discourses hybridization. The inner plane suggests the verbal side of sports discourse. The inner plane is construed by ideologemes and mythologemes integrated into sports discourse as well as the use of evaluative markers in axiogenic situations undergoing symbolic reinterpretation. Political charging can also be achieved by means of lexical activation of the US-THEM archetypal opposition as well as the usage of allusions of diverse nature.

Key words: sports discourse, political discourse, mass media discourse, political charging, hybridization of discourse, ideologue, mythologeme.

Пожалуй, только в те давние времена, когда зарождались Олимпиады в Древней Греции, спорт не был политизирован. Но если принимать во внимание тот факт, что на время проведения спортивных соревнований объявлялось перемирие между враждующими сторонами, можно утверждать, что и тогда между миром спорта и миром политики не существовало непреодолимых границ. В настоящее время взаимодействие между этими двумя сферами деятельности человека представляется еще более тесным и многообразным.

В данной работе хотелось бы идентифицировать в лингвистических терминах точки пересечения политического и спортивного дискурсов. Таким образом, цель работы состоит в выявлении специфики актуализации концептуальной, или содержательной, вслед за Н.С. Валгиной [Валгина 2003: 17], области ПОЛИТИКА в спортивных материалах СМИ, то есть речь пойдет о политизации спортивного дискурса. Спортивный дискурс, вслед за Е.Г. Малышевой, квалифицируется как некое дискурсивное пространство, как «особый тип институционального дискурса, который организован по принципу поля и состоит из системы дискурсивных разновидностей, объединенных прежде всего общностью спортивной тематики и концептуальных (содержательных) доминант» [Малышева 2012]. Политический дискурс определяется как дискурс, вербально опосредующий коммуникативное взаимодействие агентов политики, которое «демонстрирует внутренне дифференцированный процесс образования общественных мнений и формирования политической воли общества» [Политический словарь]. Кроме этого, необходимо уточнить значение термина «политизация». В самом общем виде, политизация предполагает придание политической окраски, вовлечение в политическую деятельность [Большой толковый... 2004: 901]. Политический словарь дает более специфицированную трактовку изучаемого термина, указывая на такой признак политизации, как усиление влияния политики на другие сферы жизни, придание политического звучания значимым вопросам общественной жизни [Политический словарь]. Сопоставление обеих трактовок термина позволяет принять рабочее определение политизации как процесса активного проникновения политики в различные сферы жизни общества, включая политическую ангажированность участников коммуникативного процесса.

В качестве материала исследования использованы статьи из спортивных изданий СМИ (например «Спорт экспресс», «Советский спорт»), а также публикации на спортивную тему, помещенные под рубрикой «Спорт» или «Новости» в англоязычных и русскоязычных СМИ, наряду с Интернет-ресурсами в виде облогов футбольных обозревателей и комментариев (комментов, откликов) читателей к журналистским статьям спортивного характера о последнем чемпионате мира по футболу (далее ЧМ-2014). Соответственно, в исследовании используются такие методы лингвистического и коммуникативного анализа, как кейс-метод, дефинитивный метод, концептуальный анализ, критический анализ дискурса, контекстуальный анализ, анализ ключевых слов, элементы лингвосомиотического анализа и сопоставительного анализа.

О политизации спорта написано и известно много. Исследователи указывают на многочисленные факты, когда спортивные состязания заканчивались серьезными политическими оргвыводами, когда победы в спортивных ристалищах воспринимались как победы в настоящем бою (см. более подробно [Трухачев 2014]). В любом учеб-

нике по истории найдется замечание о том, что Холодная война проявлялась во многих сферах – в том числе и в спорте. Однако обращает на себя внимание тот факт, что в подавляющем большинстве это проведенные с точки зрения политической науки изыскания, направленные на выявление характера взаимодействия спортивной сферы с политической системой общества (см. например [Щепинов 2012]), или исторические исследования. В данной работе, тем не менее, хотелось бы остановиться на лингвистическом ракурсе проблемы, которую можно обозначить как политизация спортивного дискурса, что следует понимать как привнесение политической ангажированности в несвойственную для политики сферу – сферу спорта.

В широком смысле связь спортивной и политической сфер отмечается многими лингвистами. Причем эта связь осуществляется в обоих направлениях. Так, А.П. Чудинов описывает спортивную метафору, которая характеризует политический дискурс, и, соответственно, выделяет фреймы и слоты, которые данную концептуальную метафору реализуют [Чудинов 2002]. С другой стороны, среди особенностей спортивного дискурса Е.Г. Малышева выделяет не только специфическую спортивную лексику, характерную для спортивного дискурса, но и имеющиеся в нем «национально специфические представления о спорте и его составляющих как о базовых культурологических и идеологических ценностях» [Малышева 2012]. Наличие идеологических ценностей в спортивном дискурсе при том, что идеологизация понимается как процесс индокринации или программирования сознания, в рамках которого слово выступает как инструмент власти [Гронская], с неизбежностью влечет за собой его политизацию.

Однако, представляется, что связь идеологических ценностей и спорта, которая умозрительно допустима, возможна и, казалось бы, очевидна (на память моментально приходят примеры из советского прошлого в виде прекрасной песни Александры Пахмутовой и Николая Добронравова «Легенды спорта»: *Мы верим твердо в героев спорта, Нам победа, как воздух, нужна... Мы хотим всем рекордам Наши звонкие дать имена!*) или ставшие знаменитыми слова легендарного спортивного комментатора Николая Озерова (*Такой хоккей не нужен!*), тем не менее, нуждается в более широком эмпирическом подтверждении. Анализ же материала, а, как уже указано, в качестве материала избран русскоязычный и англоязычный спортивный дискурс в той его части, которая касается футбольного Кубка мира-2014, свидетельствует о более сложном взаимодействии спорта и политики.

Как вид человеческой деятельности, направленный на физическое развитие организма, спорт не может быть идеологизированным *per definitionem* - идеологическую же маркировку он получает в определенной коммуникативной ситуации и определенном историческом контексте, например, когда политики используют спорт и спортивные достижения или неудачи как один из аргументов в своей политической борьбе. В этом свете, в первую очередь, политический привкус спортивным победам и поражениям придают окружающие спорт события: приветствия руководителей стран своим командам, приглашение спортсменов на встречу с представителями власти, присутствие политиков на спортивных состязаниях и их реакция на то, что происходит на поле, повышение рейтинга политика за счет побед, одержанных спортсменами. Неудивительно, что некоторые газеты напрямую связывают спорт и политику, что явствует из заголовков: так, британская «Гардиан» помещает репортаж о последнем матче Кубка мира по футболу под весьма недвусмысленным заголовком: *The World Cup is political theatre of the highest order* (Чемпионат мира – это политический театр высшего порядка). Весьма показательным в этом отношении является дальнейшее использование в рамках данного репортажа различных медиа, благодаря которым пересечение спортивного и политического дискурсов находят прямое выражение. Иллюстрацией своеобразной смеси политики и спорта является публикация, озаглавленная *Wunderbar! Germany goes crazy after Super Mario's late goal wins the World Cup in dramatic extra-time victory over Argentina* (Удивительно! Германия сходит с ума после гола, забитого Супер Марио на последних минутах дополнительного времени и решившего исход Кубка мира в драматичной победе над Аргентиной), в английской «Дейли Мейл» от 14.07.2014, которая первой помещена в разделе НОВОСТИ и посвящена финальному матчу ЧМ-2014. Внутри статьи под отдельной подрубрикой представлены политические новости о посвященной Украинскому кризису встрече Президента России В.В. Путина и канцлера Германии Ангелы Меркель. Здесь же помещены аудио- и видеозаписи, фото болельщиков, спортсменов, а также фотографии политиков, присутствовавших на этом матче. Более того, обсуждается и то, в каком порядке по отношению друг к другу политические лидеры сидели на матче финала Кубка мира. Таким образом, с позиции медиалингвистики появляется текст-гибрид как сплав, состоящий из неотграниченных друг от друга, но существующих как совокупность вербальных текстов политической новости и новости спортивной совместно с аудио-, видео- и изобразительными рядами. Но важно отметить, что данный текст, переплавляющий спортивный и политический дискурс, появляется в рубрике НОВОСТИ, что заведомо привносит политические мотивы в спортивный дискурс.

Помимо этого, спортивные неудачи могут иметь в качестве прямого следствия неудачи политического свойства – именно в такой связке их представляют журналисты. Характерным в этом отношении является, к примеру, заголовок *Brazil's World Cup misery could even affect President Rousseff's re-election* (Пессимистические настроения после неудачи Бразилии на играх Кубка мира подрывают шансы президента Русеф на переизбрание). В данном случае представление бразильцев о себе и своем футболе интегрировано в текст и неразрывно связано с его содержательно-концептуальной информацией. Но вновь необходимо заметить, что процитированная выше публикация находится не в рубрике СПОРТ, а в разделе ПОЛИТИКА и ПОЛИТИКИ, что уводит читателя или исследователя от спортивного дискурса *per se* и создает иллюзорность его политизации.

Наряду с примерами использования спортивной тематики внутри политического дискурса, имеются случаи иного типа гибридизации, когда непосредственно спортивный дискурс (что подтверждается его местом в разделе

СПОРТ) «срастается» с дискурсом политическим. Необходимо напомнить, что гибридизация в настоящее время понимается как образование нового гомогенного дискурсивного продукта на основании совмещения разнородных дискурсов. Примером тому может послужить помещенная рубрике SPORTS в газете «Нью Йорк Таймс» статья *Ugly Reality Intrudes On World Cup's Glow* (Уродливая реальность бросает ответ на Кубок мира). Публикация посвящена пресс-конференции президента ФИФА Сеппа Блаттера, на которой спортивный функционер высшего ранга ответил на актуальные вопросы, касающиеся организации следующих футбольных чемпионатов мира, безопасности спортсменов и т.п. Совершенно естественно, если речь идет о спортивной политике, то и дискурс приобретает очевидный политический характер. Доказательством этому является обращение в статье к темам взяточничества в ФИФА, подкупа, договорных матчей, личности самого президента этой международной организации и его невнятной (insensitive) позиции по некоторым острым социальным вопросам современности, как например права женщин (автор статьи не преминул привести грубый с позиции западной политкорректности ответ Блаттера на вопрос одной из присутствовавших на пресс-конференции журналисток: «Listen, lady,» he said, «when you speak about corruption, then you have to present evidence» / Дама, послушайте, когда Вы говорите о коррупции, улики надо предъявлять). С другой стороны, текст помещен в разделе SPORTS и посвящен спорту. Исходя из этого, можно заключить, что политизация спортивного дискурса возможна за счет гибридизации его с дискурсом политическим. Причем любой из данных дискурсов может выступать в качестве «прививочного материала».

Однако все перечисленные выше случаи политизации спортивного дискурса имеют скорее внешний, нежели внутренний характер. Представляется, что наиболее утонченные возможности политизации спортивного дискурса должны исходить из языковой ткани, лежащей в основе спортивного дискурса. Можно предположить, что такие возможности кроются в своеобразных отношениях концептуальных сфер ПОЛИТИКА и СПОРТ. И та и другая сферы активно подключают милитарную метафору. Милитарная метафора является базовой для политического дискурса [Чудинов 2002, 2007]. Каркасной, ключевой, текстообразующей она признана для такой разновидности спортивного дискурса, как футбольный дискурс [Кудрин 2011: 10, 18]. Не претендует на открытие тот факт, что спортивная состязательность, действительно, сродни бою: подлинные баталии находят свою замену на спортивных полях, треках, дорожках бассейнов и т.п. Спортивные состязания своеобразно воспроизводят, а, возможно, и сублимируют борьбу, войну, что, собственно, проявляется в военной лексике и метафорике, широко задействованных в спортивном дискурсе на многих языках. Военная и спортивная сферы делят лексические единицы, используемые для описания как военных, так и спортивных баталий: *побить/to beat*; *выиграть битву*, *выиграть золото (игру, матч)/ to win a battle (gold)*; *проиграть битву (матч)/to lose a battle (game, match)*; *разбить, уничтожить противника (и в спорте и на поле боя)/to beat, to destroy the opponent*; *сокрушительное поражение/crushing defeat*; *сокрушительный гол/crushing goal*; *разгромная победа/crushing victory*; *атака/ attack, onslaught*; *перехватить /to intercept, разгром/ defeat, crushing* и т.д. — список хоть и не мал, но известен.

Спортивные комментарии, наполненные военной лексикой и широко привлекающие военную метафору, несмотря на то, что многие метафоры из этого списка имеют статус стертых, напоминают нам о том, что спортивная состязательность характеризуется далеко не мирным свойством. И в результате спорт, который должен нести мир (О спорт, ты мир!), приобретает несомненный батальный привкус. Так, на основе исследования русского журналистского дискурса Е.Г. Малышева приходит к выводу, что «одной из самых частотных метафорических моделей, репрезентируемых в журналистском спортивном дискурсе, является концептуальная метафора «Спорт — это война», что, по мнению автора, отражает диалектический характер взаимоотношения данных видов деятельности [Малышева 2009(б): 14, 19]. С.А. Кудрин еще более точно обозначает характер отношений между двумя концептуальными областями — спорта и войны — как интердискурсивного взаимодействия, обусловленного близостью спортивного и военного сценариев [Кудрин 2011: 10].

Таким образом, оба дискурса — политический и спортивный — щедры на милитарную метафору. Более того, она является базовой для обоих дискурсов. Пересечение в концептуальной сфере-источнике двух концептуальных сфер-мишеней ПОЛИТИКА и СПОРТ сближает одноименные дискурсы. Но создает ли это возможность политизировать спортивный дискурс?

Было бы упрощением однозначно связывать употребление милитарной лексики и милитарной метафоры с политизацией спортивного дискурса. Далеко не всегда использование подобного рода вокабуляра приводит к искомому результату. Как уже было сказано, спортивный лексикон активно привлекает милитарные лексемы. К примеру, вся статья, посвященная матчу США и Германии, построена на развертывании метафоры: МАТЧ — ЭТО БОЙ. Правда, в данном случае для американцев это бой оборонительного характера: голкипер предстает последней линией обороны (*the United States' last line of defense, goalkeeper Tim Howard <...>*), немцы идут в наступление (*a German onslaught*), вратарь стоит на страже и отражает нападение (*blocking shots, intercepting crosses and clearing the zone*). Несмотря на то, что американские журналисты пишут о проигрыше своей команды, никаких приращений политических смыслов не наблюдается, а, соответственно, нет и намека на политизацию спортивного дискурса.

И, хотя умозрительно представляется, что приращение новых смыслов, то есть смыслов, относящихся к сфере политики, борьбы за влияние, борьбы за власть, все же может происходить при определенных условиях, проанализированный эмпирический материал, относящийся к ЧМ-2014, таких положительных результатов не дает. И в этом плане можно было бы поставить под сомнение мнение, высказанное Е.Г. Малышевой о том, что

спорт является универсальной идеологемой [Малышева 2012]. Он может становиться идеологемой, но не всегда ею является, что снимает свойство универсальности.

Анализ практического материала показывает, что спортивный дискурс обнаруживает влияние дискурса политического по иным плоскостям. Прежде всего необходимо указать на момент состязательности, который позволяет делить всех на своих и чужих, наших и не наших, что выводит спортивный дискурс в одну плоскость с дискурсом политическим, построенным на актуализации данной архетипической оппозиции. Это особенно ярко проявляется в читательских комментариях к статьям о матчах и итогах ЧМ-2014: обильное использование местоимения *мы*, *наши*, *нас* вносит идею деления на своих и чужих и, в конечном итоге, способствует созданию атмосферы политической ангажированности (пунктуация и орфография участников интернет-чата сохранена):

Адекватный зритель...14 Июля 2014 | 13:01

...А чё это пользователь из Симбирска мылитя усё ЦСКА да по Салернианам, да по Зюльте-Варегемам расчихать?? На чью мельницу воду льет данный товарищСЧ? В чью дуду дудит, так скать??

Даня9014 Июля 2014 | 03:23

В политике Я против Немцев двуличные, а в футболе Я за них! Мюллер лучший, да и Кросс, Шюррле все, но Месси с вопросом получил звание лучшего игрока турнира.

Следующим потенциальным источником политической заряженности могут выступать идеологемы и мифологемы. Соответственно, хотелось бы коснуться их места в спортивном дискурсе о ЧМ-2014 с тем, чтобы ответить на вопрос, могут ли они быть валидным источником политизации спортивного дискурса. Идеологема как ментальное образование, как единица когнитивного уровня обладает способностью «фреймировать сознание» [Гронская], поскольку она представляет собой «ментальный феномен (концепт), формирующий концептуальные схемы и категории, обуславливающий процессы восприятия, обработки и оценки получаемой информации о том или ином идеологически значимом объекте» [Нахимова 2011: 11]. Вербально идеологема может быть оформлена как в виде мировоззренчески насыщенного обобщающего слова или метафоры, обладающей мощной суггестивной силой [Клушина 2008: 27], так и в виде словосочетания, высказывания, текста – в этом качестве может выступать практически любая выражающая смысл единица языковой системы, которая актуализирует «идеологически маркированные концептуальные признаки, заключающие в себе коллективное, часто стереотипное и даже мифологизированное представление носителей языка о власти, государстве, нации, гражданском обществе, политических и идеологических институтах» [Малышева 2009а: 34].

Н.Э. Гронская полагает, что идеологема ведет не столько к идеологизации смысла, сколько к его политизации, что означает «прочтение часто вполне знакомого слова, высказывания сквозь призму политического, идеологически актуального, работающего на бренд, имидж, политическую стратегию, интенцию власти или иных групп влияния» [Гронская]. По замечанию Е.Г. Малышевой, для русского спортивного дискурса характерными являются концепты-идеологемы «Патриотизм», «Национальный характер», «Национальная идея» [Малышева 2012]. Так, в комментарии российского футболиста о германской команде идеологема «Патриотизм» также актуализируется именно в этом, свойственном для русскоязычного языкового сознания, духе: *Сборная Германии – крепкий, объединенный одной целью коллектив, для которого честь страны, болельщики превыше всего. Вот таких и любят победы*. Сходное понимание концепта «Патриотизм» как политически заряженной идеологемы прочитывается и в саркастическом комментарии сердитого интернет-пользователя, участника чата. Вслед за радостными откликами россиян на журналистскую статью «Германия заслужила» о победе Германии в финальном матче ЧМ-2014 прорывается образец политизированного сознания: *Господи...вы все такие патриоты...мне аж блевать хочется от вас*.

Нужно отметить, что наблюдения над англоязычным спортивным дискурсом также позволяют констатировать использование вышеперечисленных излучающих политизацию концептов. В англоязычном дискурсе концепт «Патриотизм» актуализируется в первую очередь как идея единства/единения, национальной идентичности, что подтверждается лексемами-вербализаторами данного концепта: *one country, all, every, people, название страны, название жителей страны*. Так, после исторического для ЧМ-2014 финального матча Германии и Аргентины немецкий вратарь Мануэль Нойер сказал, что вся Германия – чемпион мира (*Germany goalkeeper Manuel Neuer said after the match: «All (здесь и далее подчеркивание автора) of Germany is the world champion.»*). Прямо противоположное утверждение прозвучало из уст одного из бразильцев, наблюдающего за матчем Германия-Бразилия в баре одной из фавел бразильской столицы: *«When the fourth goal went in,» said Lopes, who watched in the crowded favela bar, «people started saying, I am ashamed to be Brazilian»*. Болельщикам было стыдно за то, что они бразильцы, потому что их команда оказалась слабой и терпела сокрушительное поражение (ср. с другой статьей на эту же тему: *a maid who watched the defeat unfold at a bar, said: «I cannot remember a disappointment like today. I won't stop being Brazilian because of this, but it still hurts so much»*). Весьма показательным в этом отношении является и дальнейшее высказывание, в котором объективируется идея единения за счет собирательного существительного *country* в сочетании с числительным *one* (ср. русск. *целая, единая*): *One country that could not believe what had just happened* (Вся страна как единое целое не могла поверить тому, что только что произошло). Или: *“Like all Brazilians, I am very, very sad with the defeat,” President Dilma Rousseff said on Twitter. “Brazil, get up, shake the dust off, get back on your feet”* (Как и все бразильцы, я испытываю большую печаль после поражения, – пишет президент Бразилии Дилма Русефф в Твиттере, – Бразилия, поднимайся, отряхни прах со своих ног, поднимайся с колен). Кроме этого, идея единства народа актуализируется и за счет введения в контекст мифологемы «Brazil's Dream». Вслед за Е.А. Нахимовой, мифологема трактуется как «ментальная единица (концепт), отра-

жающая принимаемые на веру стереотипы массового сознания, которые часто характеризуются неверифицируемостью и иррациональностью, гиперболичностью и аксиоматичностью, динамичностью, зависимостью от социального этапа развития общества и его идеологии» [Нахимова 2011: 11]. Данная мифологема неразрывно связана с лингво-культурным концептом «Национальная идентичность», который в потенциале в условиях политической ангажированности продуцента текста может перерасти в идеологему «Патриотизм»: *Brazil's dream of a final was over long before that; it did not even last for half an hour* (На этом суждено было оборваться бразильской мечте о финале; она не просуществовала и получаса) или в другой статье: *The loss stunned Brazil, where pride over five previous World Cup championships is forged into the national identity, as is a humiliating defeat to Uruguay the last time Brazil played host to the World Cup, in 1950* (Проигрыш обескуражил Бразилию, чья гордость после победы в пяти предыдущих Кубках мира так же, как и унижительное поражение от Уругвая в последний раз, когда Бразилия принимала у себя чемпионат мира-1950, перековалась в национальную идентичность). Идея единения актуализируется и в развернутой метафоре, построенной на основе ретроспективной части статьи. Автор вспоминает проигрыш команды Бразилии Уругваю в финале Кубка мира 1950 года. Вратарь той команды незадолго до своей смерти признался, что с момента поражения каждый день его жизни был похож на жизнь в заточении (*Moacir Barbosa <...> said before he died in 2000 that ever since that game he felt as if he spent the rest of his life in prison*). И далее автор статьи разворачивает метафору: *Та камера просто заполнилась до отказа. Все игроки в желтой форме, многие из которых, вероятно, будут названы суперзвездами, окажутся в плену тех 29 минут* (*That cell just got more crowded. Every player in a yellow jersey on Tuesday, many of them superstars, will most likely be defined, and imprisoned, by those 29 minutes*).

Любопытно, что мастерски написанная статья Сэма Бордена (Sam Borden) в «Нью Йорк Таймс» от 14 июля 2014 года, посвященная уже вошедшему в историю футбола полуфинальному матчу Германии и Бразилии, имеет в качестве заголовка трансформированный прецедентный текст: статья помещена под названием «29 Minutes That Shook Brazil» (29 минут, которые потрясли Бразилию), восходящем к исторической книге Джона Рида «Ten Days That Shook the World» об Октябрьской революции 1917 года, перевернувшей российскую историю и давшей начало новой социально-исторической эре в России. Но, что любопытно, ни актуализированные концепты «Национальное единство», «Национальная идентичность», ни трансформированное заглавие, отсылающее к книге о политических событиях, не служат политизации проанализированных публикаций. Политизация текста *Stunned Brazilians Try to Move on After Their Exalted Team Falls* наблюдается только в тех его частях, где автор обсуждает вопросы, относящиеся целиком к политическому дискурсу, а именно экономические проблемы Бразилии, в том числе и спровоцированные затратами на строительство инфраструктуры для ЧМ-2014: *Brazil's political establishment, which was shaken over the past year by street protests expressing rage over spending on stadiums for the World Cup, began searching for ways to interpret the outcome. Political leaders had been celebrating the tournament in recent days after it unfolded without major problems and a string of victories by the Brazilian team, but their tone shifted on Tuesday*. По существу, в данном случае вновь можно говорить о гибридации дискурсов, то есть получении некоего нового единого дискурса на основании соединении двух. Но в таком случае политизация достигается за счет привлечения внешних факторов, а не за счет внутренних языковых ресурсов спортивного дискурса.

Помимо всего вышеперечисленного, можно указать на потенциал аксиогенных ситуаций, которые могут быть направлены на политизацию спортивного дискурса. По В.И. Карасику, аксиогенной является допускающая символическое переосмысление ценностно порождаящая ситуация [Карасик 2014: 65, 74]. Соответственно, представляется возможным говорить о существовании аксиогенного контекста, то есть контекста, в основу которого положена генерирующая символическое переосмысление ценностно маркированная ситуация. В зависимости от задач, которые ставит перед собой журналист при создании материала, спортивное состязание может стать аксиогенным событием, то есть референтной ситуацией, которая допускает ценностно маркированное осмысление и которая вписывается в ценностную картину мира в виде концепта как «кванта переживаемого знания» [Карасик 2014: 65]. Примером подобного рода может служить событие из спортивной жизни, когда спортсмен показывает образцы достойного поведения, которое ценится обществом и которое становится частью ценностной картины мира данного лингво-культурного сообщества, своеобразным поведенческим эталоном. Вот на этом моменте начинается самое интересное с дискурсивной и лингвокогнитивной точки зрения, так как этому поведению может приписываться символическое значение: победа за Родину, преодоление себя во славу родного спорта (Шествуй на Олимп гордо, К солнечной стремишься награде Ради красоты спорта, Родины своей ради!). Надо сказать, что спортивный дискурс может изобиловать описанием аксиогенных ситуаций, а может привлекать их лишь в некоторых случаях. Но для того, чтобы спортивный дискурс приобрел черты политического, необходимо, чтобы аксиогенная ситуация так или иначе привлекала идеологему «Патриотизм», «Национальная идея/Национальный дух».

Наконец, политизация спортивного дискурса может осуществляться без каких-либо логических оснований и логически объяснимых причин, за счет интердискурсивных факторов, как например использование аллюзивного субстрата, состоящего из отсылок к тем или иным историческим фактам или персоналиям, получившим определенную и известную всем оценку. Так, использование в материалах о ЧМ-2014 лексем *блицкриг* в российском спортивном дискурсе, *немецкая расправа* в СМИ Бразилии и ряда других стран при описании выступления германской сборной невольно порождает ассоциации с известными, но трагическими событиями германской и мировой истории XX века. В этом отношении характерно замечание тележурналиста Ирины Петровской, которое

она сделала в своем радиообзоре телевизионной недели: *Другая история, которая меня огорчила. Естественно, теперь мы существуем в новой относительно реальности, когда не просто сидишь и смотришь один или в семье. Сам болеешь. А в этот момент ты присутствуешь в какой-нибудь из социальных сетей, в данном случае я имею в виду фейсбук, и, разумеется, огромное количество людей, которые составляют твой круг общения, начинают бросать разные реплики, обмениваться впечатлениями. Естественно когда шел этот матч: а-а-а, о-о-о, вау, что они делают, до вдруг каких-то очень странных реплик и кстати они прорывались в комментарии, и потом на эту тему написал в фейсбуке наш коллега журналист международник Дмитрий Погоржельский. Который в Берлине живет и работает. Что очень странные вдруг пошли такие комментарии идеологического толка, когда вдруг стали вспоминать прежние «заслуги» Германии середины прошлого века и ассоциировать эту победу и наступление это с такими глубоко скомпрометированными понятиями, за которые кстати Германия давно повинилась. Как блицкриг Германия *uber alles*, какие-то шутки, что дальше немцы будут кричать: молоко, яйца и так далее. И тут стало понятно, что все-таки люди... . Человеческий фактор влечет за собой политическую ангажированность даже тогда, когда она и ничем не обусловлена.*

В этом свете весьма любопытно использование лексем *бундестим* (иногда *Бундестим*) в российском спортивном дискурсе и *bundesteam* (иногда *Bundesteam*) в спортивном дискурсе Великобритании. Употребление данного заимствования представляется совсем неслучайным. С одной стороны, оно вполне закономерно – ведь речь идет о сборной команде Германии. Но тогда почему на других языках не используют аутентичные названия сборной каждой страны? Есть основания полагать, что данное немецкое название призвано передать напор и силу немецкой команды, ее немецкий дух (ср. как это выразил один из участников чата: *Для меня квинтэссенция всей немецкой нации, это Бастиан Швайнштайгер. Его бьют, а он встает и идет. Его снова бьют, а он снова встает! Опять бьют, в кровь разбили лицо, а он снова встал и тут же немцы забили победный гол! Если немецкая команда это машина, то Бастиан броня этого танка!*). Именно название *бундестим/bundesteam* наилучшим образом объективирует концепт «Национальная идентичность» (ср.: «*Я капитан национальной команды*», – сказал Баллак (журналистская статья) и (из комментов на сайте Спорт экспресс) *Более заслуженного чемпионства, чем немецкое, быть не могло. Длинный путь, начатый много лет назад, наконец, привел бундестим к вершине. И это справедливо. Немцы - молодцы. Вот с кого надо брать пример в плане развития футбола или из интервью с известным немецким футболистом прошлого: Аргентина провела свой лучший матч на турнире. А Германия, пожалуй, худший. Но при этом бундестим все равно стала первой. Что является еще одним доказательством силы немецкой команды. Вы не хуже меня знаете: выигрывать матчи, не показывая яркого футбола, – удел настоящих чемпионов.*). Но грань между концептом и политически нагруженной идеологемой настолько тонка, что понимание смысловой нагруженности соответствующей единицы практически отдается на откуп реципиенту текста. Во всяком случае, журналиста трудно упрекнуть в политизации, хотя для искушенного адресата эта политическая заряженность ощутима. Все дело в том, что в немецком языке есть и другие слова для обозначения футбольной команды – в этой же лексеме наличествует морфема *bund*, так хорошо знакомая всем, в том числе и не знающим немецкого языка, и подчеркивающая идею сильного немецкого государства. В устном спортивном дискурсе, в репортажах с матчей (особенно это касается именно игр сборной Германии), комментаторы не могли устоять перед искушением и активно использовали немецкие слова, выражения и даже строки из песен известных немецких групп. Необходимо отметить, что для журналиста это вовсе может не являться стратегической коммуникативной целью, а может быть задействовано, что называется, «для красоты», этакой развлекательности, свойственной современному массмедийному дискурсу. Тем не менее, такое положение дел может свидетельствовать и о политизации общества, которое находит политическую подоплеку даже в спортивных состязаниях, что отражается в комментариях к спортивным журналистским статьям: *Молодцы хоть и фашисты. Нам бы так, да и фашизм как нац. идея не мешает.* И хотя для англоязычных сайтов с комментариями читателей-любителей футбола практически не характерна политизация дискурса, так как они обсуждают исключительно футбол (не исключена возможность, что модераторы удаляют подобного рода замечания), тем не менее некоторые комментарии, сходные с приведенным выше российским комментарием попали и на сайт уважаемой английской «Гардиан»: *The Germans. Making life look easy since 1945* (Эти немцы. Стараются облегчить жизнь с 1945). Или: *I thought taking down the Berlin wall was impressive, but I think dismantling this Argentinian wall reaped a far greater reward* (Я думал, что снос Берлинской стены - впечатляющее событие, но думаю, что разбор Аргентинской стены заслужил куда большую награду). Аллюзии на историческое прошлое Германии прорываются, даже несмотря на отбор комментариев модераторами: *My surprise is that Germany didn't get more goals. Deutschland ueber alles!* Подобного рода сообщения можно найти и в социальных сетях: *Это была крупнейшая расправа, устроенная Германией после Второй Мировой войны: в этот раз над сборной Бразилии / По крайней мере мы не проиграли две войны* (пер. с исп., из социальной сети Фейсбук). Или в той же сети размещен заслуживающий отдельного внимания мем с изображением Сталина, снабженный надписью на португальском языке: *Felipau* (Луис Фелипе Эсколари, тренер сборной Бразилии), *поставь меня на место Фреда. Я хорошо знаю, как разбить немцев.* Безусловно, изображение генералиссимуса является идеологемой, переданной на уровне изобразительного ряда. Оно поддержано текстом, содержащим словосочетание *разбить немцев*, которое характеризуется амбивалентностью смыслов. В отрыве от изображения в рамках спортивного дискурса оно обозначает «победить в спортивном поединке». Вкупе же с изображением Главнокомандующего И.В. Сталина и на его фоне оно прочитывается довольно жестко и несет неоспоримый политический подтекст.

Неотвратимым эффектом использования аллюзий на политические события, личности является немедленное превращение спортивного дискурса в политический. Подобного рода примером служит авторский блог на сайте «Радио Эхо Москвы». Блоггерский материал под названием «Будут ли перемены в нашем футболе?» автор начинает таким образом, что спортивный дискурс мгновенно приобретает черты политического, то есть осуществляется гибридизация дискурса: *Сегодня - 21 век. В подавляющем большинстве стран политическая власть не позволяет себе во всем действовать по лекалам Муссолини, Гитлера, Франко или Салазара, режимов прошлого. Открыто протезировать какой-либо клуб - значит подвергнуться возможности публичных обвинений и обоснованной ненависти болельщиков абсолютно всех других клубов.* И далее: *Игнорировать этот постулат может только власть, у которой не все в порядке с моралью, которая как огня боится обсуждения вопросов справедливости и, по сути, исповедует полицейский режим.* Блоггер не только называет фамилии политических деятелей, вызывающих негативную оценку на основании связанных с их именами исторических событий, но и отсылает к определенным фактам спортивной истории, как, например, любовь Дуче к спорту и т.п. Вкрапление политически заряженных и ассоциативно нагруженных для членов лингво-культурного сообщества прецедентных имен обуславливает соответствующее восприятие текста и позволяет ставить политические вопросы в тексте, который посвящен вопросам спорта. В этом плане вполне логично завершение материала: *Остается надеяться только на политическую власть и руководство страны, но запроса на изменение к подходам на футбол с их стороны пока тоже не видно....*

Таким образом, хотя наблюдения над спортивным дискурсом, выстроенным вокруг такого события, как ЧМ-2014 по футболу, показывают подавляющее преобладание спорта над политикой, тем не менее, они дают основания моделировать векторы политической ангажированности современного спортивного дискурса. Политизация спортивного дискурса может потенциально осуществляться по нескольким его плоскостям – внешней и внутренней. Во внешнем плане она может реализовываться, во-первых, за счет сопряжения различных медиа, составляющих современный дискурс СМИ, во-вторых, посредством гибридизации спортивного и политического дискурсов, что достигается за счет обсуждения спортивных событий внутри других рубрик или обсуждения внутри спортивного дискурса вопросов, относящихся к области спортивной политики или политики в целом. Однако, наряду с этими внешними факторами, можно отметить и внутренний потенциал спортивного дискурса, который может способствовать его политизации. Здесь следовало бы выделить внедряемые в спортивный дискурс идеологемы, мифологемы и ценностные маркеры в рамках подвергающихся символическому осмыслению аксиогенных ситуаций. В этом же ряду потенциальных рычагов политизации можно назвать лексическую активацию архетипической оппозиции «СВОЙ - ЧУЖОЙ», использование аллюзивного пласта в виде иноязычных слов и выражений, а также оценочно нагруженных прецедентных имен.

Источники

Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред С.А. Кузнецов. – С.-Пб.: Норинт, 2004.

URL: <http://www.dailymail.co.uk/news/article-2690667/Its-big-one-German-Argentine-fans-reach-fever-pitch-teams-prepare-World-Cup-Final.html#v-3673407919001> (отчет от 14.07.2014).

URL: <http://asia.nikkei.com/Politics-Economy/Policy-Politics/Brazil-s-World-Cup-misery-could-even-affect-President-Rousseff-s-re-election> (дата обращения 14.07.2014).

URL: http://www.nytimes.com/2014/07/15/sports/worldcup/World-Cup-2014-as-glow-of-cup-fades-issues-remain-for-fifa.html?ref=todayspaper&_r=0 (дата обращения 15.07.2014).

URL: <http://www.nytimes.com/interactive/2014/06/26/sports/worldcup/us-germany.html> (дата обращения 15.07.2014).

URL: http://football.sport-express.ru/world/2014/reviews/46756/?page=1#comment_form (дата обращения 14.07.2014).

URL: <http://football.sport-express.ru/world/2014/news/718691/> (дата обращения 15.07.2014).

URL: <http://sport.mail.ru/football2014/news/18882892/comments/> (дата обращения 15.07.2014).

URL: <http://www.nytimes.com/2014/07/10/sports/world-cup-2014-five-german-kicks-felt-in-brazilian-guts-everywhere.html> (дата обращения 15.07.2014).

URL: <http://www.nytimes.com/2014/07/09/sports/worldcup/in-brazil-world-cup-loss-to-germany-looms-large.html> (дата обращения 15.07.2014).

URL: <http://echo.msk.ru/programs/personstv/1358018-echo/#element-text> (дата обращения 15.07.2014).

URL: <http://sport.mail.ru/football2014/news/18882892/> (дата обращения 15.07.2014).

URL: <http://www.theguardian.com/football/2014/jul/13/germany-argentina-world-cup-final-2014-match-report#start-of-comments> (дата обращения 14.07.2014).

URL: <http://echo.msk.ru/blog/igarnitskiy/1356292-echo/> (дата обращения 15.07.2014).

URL: <http://echo.msk.ru/blog/aminovalisher/1357108-echo/> (дата обращения 15.07.2014).

URL: <http://football.sport-express.ru/world/2014/reviews/46810/> (дата обращения 15.07.2014).

URL: <http://football.sport-express.ru/world/2014/reviews/46823/> (дата обращения 16.07.2014).

Литература

Валгина Н.С. Теория текста: Учебное пособие. – М.: Логос, 2003.

Гронская Н.Э. Идеологема как объект и инструмент политического проектирования [Электронный ресурс]. – URL: www.hse.ru/pubs/lib/access (дата обращения 15.07.2014).

Карасик В.И. Аксиогенная ситуация как единица ценностной картины мира // Политическая лингвистика / Гл. ред. А.П. Чудинов; ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т». – Екатеринбург, 2014. – Вып. 1 (47). – С. 65-75.

Клушина Н.И. Интенциональные категории публицистического текста (на материале периодических изданий 2000-2008 гг.). – М., 2008.

Кудрин С.А. Базовые метафоры спортивного дискурса как текстопорождающие модели: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2011.

Малышева Е.Г. Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация // Политическая лингвистика / Гл. ред. А.П. Чудинов; ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т». – Екатеринбург, 2009 (а). – Вып. 4 (30). – С. 32-40.

Малышева Е.Г. Метафорическая модель «СПОРТ – ЭТО ВОЙНА» в журналистском спортивном дискурсе (на материале текстов современных печатных и электронных СМИ) [Электронный ресурс] // Филология. – 2009 (6). – С. 14-19. – URL: <http://www.lib.tsu.ru/mminfo/000063105/328/image/328-014.pdf> (дата обращения 15.07.2014).

Малышева Е.Г. Русский спортивный дискурс: лингвокогнитивное исследование: научная монография [Электронный ресурс]. – М.: Флинта: Наука, 2012. – URL: books.google.ru/books?isbn=5457178897 (дата обращения 14.07.2014).

Нахимова Е.А. Теория и методика когнитивно-дискурсивного исследования прецедентных онимов в современной российской массовой коммуникации: автореф. дисс. ... док. филол. наук. – Екатеринбург, 2011.

Политический словарь [Электронный ресурс]. – URL: http://mirslovarei.com/pol_a (дата обращения 16.07.2014).

Трухачев В. Футбол и до войн доводил // Столетие (16.07.2014) [Электронный ресурс]. – URL: http://www.stoletie.ru/vzglyad/futbol_i_do_vojn_dovodil_441.htm (дата обращения 16.07.2014).

Чудинов А.П. Метафорическое моделирование в политическом нарративе «Российские выборы на рубеже веков» [Электронный ресурс]. – Respectus Philologicus. – 2002. – 2(7). – URL: <http://filologija.vukhf.lt/2-7/chudinov.htm> (дата обращения 15.07.2014).

Чудинов А.П. Политическая лингвистика: Учебное пособие. – 2-ое изд., испр. – М.: Флинта: Наука, 2007.

Щепинов А.О. Взаимодействие спортивной сферы с политической системой общества современной России: автореф. дисс. ... канд. полит. наук. – М., 2012.

КАКЗАНОВА Е. М.

Москва

ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА В РУССКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ: СОВПАДЕНИЯ И РАЗЛИЧИЯ

Аннотация: Статья посвящена трем видам политической метафоры – метафоре родства, цветовой и соматической метафорам. Для немецкого политического дискурса метафора родства в отличие от русского политического дискурса не характерна. В то время как в русском языке цветовая метафора представляет собой монокром, немецкая цветовая метафора чаще всего полихромна. Соматическая метафора присутствует в обоих языках, но охватывает совершенно разные образы.

Ключевые слова: политическая метафора, метафора родства, цветовая метафора, соматическая метафора, русский и немецкий языки.

КАКЗАНОВА Е. М.

Moscow

POLITICAL METAPHORS IN RUSSIAN AND GERMAN: CONGRUENCES AND DIFFERENCES

Abstract: The article deals with three kinds of political metaphor namely relationship metaphor, color and somatic metaphors. For the German political discourse the relationship metaphor is not common as opposed to the Russian political discourse. While the color metaphor in the Russian is monochrome, the German color metaphor is mostly polychrome. The somatic metaphor is present in both languages but comprises absolutely different patterns.

Key words: political metaphor, relationship metaphor, color metaphor, somatic metaphor, Russian and German.

С конца 1970-х годов Дж. Лакофф начал развивать когнитивную теорию метафоры, в которой обосновывалась точка зрения, согласно которой метафора представляет собой не столько фигуру поэтической речи, сколько важнейший механизм освоения мира человеческим мышлением, обеспечивающий перенос знаний с известных понятийных сфер на менее известные понятийные сферы [Lakoff 2003: 73].

Основы теории метафоры были заложены еще в античную эпоху Аристотелем, Цицероном, Квинтилианом и др. Согласно дошедшему до наших дней определению Аристотеля (IV век до н.э.) метафора – это перенесение необычного имени или с рода на вид, или с вида на вид, или по аналогии.

По мнению А.П. Чудинова, современная когнитивистика рассматривает метафору как основную ментальную операцию, как способ познания, структурирования, оценки и объяснения мира [Чудинов 2008: 86]. А.П. Чудинов утверждает, что каждая новая эпоха привносит изменения в систему базисных метафор [Чудинов 2008: 89]. В то же время анализ национального характера политических метафор демонстрирует тенденцию к сохранению своей самобытности. Согласно исследованию А.П. Чудинова, ведущая концептуальная метафора эпохи Л.И. Брежнева – это большая семья братских народов (партий), каждый рядовой член которой должен испытывать сыновьи чувства в ответ на отеческую (и одновременно материнскую, одним словом – родительскую) заботу коммунистической партии и советского правительства [Чудинов 2008: 90]. Как известно, речь идет о периоде с 1964 года по 1982 год. В начале 2014 года произошло важное политическое событие – присоединение Крыма к России, которое, согласно официальной позиции России, представляет собой договорное вхождение независимой Республики Крым, отделившейся от Украины по итогам референдума в результате начавшегося в конце 2013 года политического кризиса в Украине, в состав Российской Федерации. Президент Российской Федерации впервые прибыл в Крым после его вхождения в состав России 9 мая 2014 года. В своей речи, обращенной к жителям Крыма, В.В. Путин, в частности, сказал: «Родина-мать открыла вам свои объятия и приняла своих дочерей и сыновей» [Российская газета 2014: 2]. Метафора родства очень характерна для национальной метафорической картины политического мира, и думается, что выросшие в эпоху Л.И. Брежнева политические лидеры еще долго будут к ней обращаться. Не случайно в Словаре русской культуры Ю.С. Степанова в качестве базового

концепта рассматривается концепт «Отцы и дети» [Степанов 2001: 989]. Э.В. Будаев также отмечает, что в российском политическом дискурсе жители России и некоторые народы бывшего СССР представляются как члены единой семьи. Согласно исследованию Э.В. Будаева, в сознании британцев доминирует концептуальная метафора «Европейский Союз – это семья». Братями, сестрами, дочерьми и невестами в британском политическом дискурсе являются Латвия, Литва и Эстония [Будаев]. Для немецкого политического дискурса метафора родства не характерна. Метафора родства встречается, пожалуй, только в австрийском национальном гимне, до 2011 года в строчке „*Heimat bist du großer Söhne*“ («Родина великих сыновей»). Австрийские феминистки поставили в парламенте вопрос о дискриминации женщин, и с 12 июля 2011 года в текст гимна вошла исправленная строчка «*Heimat großer Töchter und Söhne*» («Родина великих дочерей и сыновей»). При этом вопрос, были ли справедливы требования феминисток, остается открытым, потому что каждый может навскидку назвать австрийских «сыновей», которыми может гордиться страна – Моцарт, Штраусы, Шуберт, Зигмунд Фрейд, Гайдн, Герберт фон Караян, Густав Климт, Мендель, Порше, Рильке, Сваровски, Хундертвассер, Цвейг, Витгенштейн, но единственная австрийская «дочь», которая приходит в голову, Сиси, австрийская императрица Елизавета, немка по происхождению, родилась в Баварии.

Второй вид политической метафоры, который мы хотели бы затронуть в настоящей статье, это метафора цвета. Цвет является естественным знаком, или символом, поскольку обозначаемое и обозначающее в нем неразрывно слиты, что не противоречит возможности его интерпретации. Цвета имеют предметное содержание, определенное их символической функцией [Яньшин 2001: 50]. Цвета выражают идеи и важные для жизни и деятельности человека понятия [Яньшин 2001: 51]. По мнению Яньшина, цвет как символ не является результатом человеческого творчества; выявление символического содержания цвета – результат сотворчества человека и природы [Яньшин 2001: 56].

Е.Б. Сухоцкая, анализируя роль цветовой метафоры в формировании образа политика на примере книги Барака Обамы «Дерзость надежды», выявила пять основных цветов – белый, черный, красный, зеленый и синий, причем отметила, что черный и белый цвета наиболее частотны [Сухоцкая 2013: 129]. По справедливому утверждению Е.Б. Сухоцкой, в основе множества образных выражений с компонентом цвета лежит метонимия. Черный и белый цвета основаны на переносе цвета кожи на людей негроидной и европейской рас («черные» и «белые»), остальные цвета переносят свои значения на партии и организации, к которым принадлежат или которые поддерживают разные слои общества, например, «красные штаты» (республиканцы), «синие штаты» (демократы) [Сухоцкая 2013: 128, 129]. С середины 50-х годов XX века в американском политическом дискурсе известна метафора Black Belt (черный пояс) – регион в США, куда привозили рабов из Африки, в котором сейчас живет много афроамериканцев [Новиков 2012: 14]. По справедливому мнению Т.Г. Ковалевой, во всем мире политические партии ассоциируют себя с теми или иными цветами (в основном, для того, чтобы выделяться на выборах) [Ковалева 2007: 29]. А.П. Чудинов отмечает, что цветковые метафоры с прилагательными *красный, коричневый, розовый и зеленый* в современном российском политическом дискурсе обычно характеризуют политические убеждения человека. В период Гражданской войны в России основной "цветовой" оппозицией было противопоставление *белых и красных* [Чудинов 2003: 26]. Белыми называли противников советской власти. Название произошло от цвета знамени сторонников короля во время французской революции. Белое знамя изначально было королевским знаменем. Белый цвет символизирует Францию и все то, что связано с божественным порядком, с Богом. Отсюда и выбор этого цвета в качестве основной эмблемы королевства – по официальной доктрине власть короля имела божественное происхождение. В советских справочниках белому цвету приписывалась традиционная символика цвета сторонников «законного» правопорядка в противопоставлении красному цвету – цвету восставшего народа, цвету революции [Гражданская война 1983]. Зеленый цвет связан с природой и растительностью, во всех странах это стало символическим цветом для партии, выступающей в защиту окружающей среды и экологии. При этом речь идет не только о субстантивации прилагательного, обозначающего цвет (*die Grünen/Зеленые*), но и об атрибутивной функции цветообозначения перед представителем партии Зеленых (*grüner Ministerpräsident*). В русском политическом дискурсе подобная конструкция не употребляется; для русских СМИ характерна формулировка «премьер-министр от партии Зеленых». Наиболее характерны в настоящее время в русском политическом дискурсе цветковые метафоры «красный пояс» и «коричневая чума/коричневая зараза». Красный пояс – это ряд российских регионов с устойчивой поддержкой КПРФ на местных и федеральных выборах. Термин начал широко употребляться с середины 1990-х годов после победы в некоторых регионах оппозиционных кандидатов-коммунистов. Коричневой чумой, или коричневой заразой называют нацизм, или фашизм. Цветообозначение связано с цветом форменной рубашки членов нацистской партии в Германии (от немецкого *Braunhemden*). К сожалению, метафора вернулась, причем с той стороны, откуда её не ждали, и в последнее время стала актуальной. Обращают на себя внимание заголовки – «Украинская коричневая чума – реальная угроза» [Одна Родина 2014], «Коричневая чума может перекинуться с Украины на Европу» [РИА-Новости 2014], «Коричневая чума XXI века» [Свободная пресса 2014], «Коричневая чума» президента Януковича» [Вечерние вести 2013] и т.д.

В немецком языке цветовая метафора используется, в основном, в статьях о выборах. Цветовая палитра очень разнообразна. Наряду с монохромом в немецком политическом дискурсе распространена полихромия: *grün-rote Koalition* (красно-зеленая коалиция) – правительственная коалиция, состоящая из социал-демократов, или социалистов, и представителей Зеленых; *rot-rot-grüne Koalition* (красно-красно-зеленая коалиция) – правительственная коалиция, состоящая из двух партий социал-демократической, социалистической, демократически

социалистической или коммунистической направленности и представителей Зеленых; *schwarz-gelbe Mehrheit* (черно-желтое большинство) – правительственная коалиция, состоящая из представителей ХДС и/или ХСС и представителей СДПГ. Кстати, о большинстве в данном случае говорили на выборах 2011 года, на выборах 2013 года эта цветовая гамма большинство голосов не получила.

Немецкая политическая метафора с компонентом цвета может быть не только полихромной, но и развернутой, например: «*Die Sozialdemokraten sprachen sich im Wahlkampf zwar für einen „neuen Ton“, aber gegen grundlegende Änderungen aus*» (Хотя социал-демократы и высказывались в предвыборной борьбе за новый цветовой тон, но принципиальных изменений не хотели) [FAZ 2011: 12].

Третий тип политической метафоры, о котором мы хотели бы сказать в настоящей статье, соматическая метафора. Соматизмы – названия частей человеческого тела, давно изучаются лингвистами, например, в области фразеологии, терминологии и т.д. Появление соматической политической метафоры объясняется тем, что одной из основных понятийных областей образования новых терминов и новых фразеологизмов является человек и, как следствие, всё то, что с человеком связано. Интерес к проблемам взаимодействия языка, человека и его культуры стимулировал появление целого ряда новых отраслей знания, основанных на антропологизации науки. Пьер Тейяр де Шарден утверждает, что если мы идем к человеческой эре науки, то эта эра будет в высшей степени эрой науки о человеке [Тейяр де Шарден 1987: 116]. Часто исследователи, не будучи представителями или даже сторонниками философской антропологии, тем не менее, развивали ее язык, обогащали ее категории своим оригинальным анализом человека. Люди всегда мыслили мир как подобный себе, даже если выводили человека за его рамки. Чем дольше существует человек, тем больше он становится «открытым» миру. По мнению Ю.Д. Апресяна, язык в высокой степени антропоцентричен [Апресян 1993 : 18]. Громадная часть его словаря посвящена человеку, в том числе и соматизмам. В немецком языке соматическая метафора в политическом дискурсе часто перекликается с фразеологизмами. В предложении *Die rot-grüne Bundesregierung war politisch weniger abhängig von der Bundesbank, die unter der Präsidentschaft von Hans Tietmeyer mit Argusaugen darüber gewacht hatte, dass die CDU/FDP-Regierung das Stabilitätsziel nicht aus den Augen verlor* [FAZ 2011: 11] (Красно-зеленое федеральное правительство было политически менее зависимым от федерального банка, который под неусыпным оком президента Ханса Титмейера следил за тем, чтобы правительство ХДС/СДПГ не потеряло из виду цель на стабилизацию) два раза встречается соматизм *Augen*. В широком смысле глаз обозначает способность к восприятию, познанию и пониманию, в узком смысле – всеведение, всевидящее око. Фразеологизм *Argusauge* связан с персонажем древнегреческой мифологии многоглазым великаном Аргусом, который никогда не спал. Выражение *etwas nicht aus den Augen verlieren* (не терять из виду что-либо) означает способность не терять связь с объектом наблюдения. Сложная для понимания метафора с соматизмом «глаз» встретила нам и в русскоязычной прессе: *9 мая в Донбассе – это день со слезами на глазах* [Российская газета 2014: 4]. С одной стороны, 9 мая (т.е. День Победы) – это для нас для всех день со слезами на глазах. Так говорят о каком-либо радостном событии, которое стоило многих усилий, жертв. Но прочитаем абзац дальше: «В Мариуполе нагвардия Украины расстреливала в упор своих же украинских милиционеров, которые отказались выполнять приказ Киева о силовом разгоне праздничного шествия». В современных условиях понятная всем с советских времен метафора приобретает дополнительный смысл. С одной стороны, положительное событие в настоящем, которое связано с отрицательным событием в прошлом. С другой стороны, положительное событие в прошлом, которое связано с отрицательным событием в настоящем. Таким образом, политическая ситуация делает даже устоявшуюся метафору подвижной в её значении.

В немецкой статье о борьбе предыдущего Папы Римского Бенедикта XVI со священниками-педофилами встречаем фразу *Benedikt verzog keine Miene* (Бенедикт и глазом не моргнул) [FAZ 2011: 3]. Существительное *Miene* означает «выражение лица, мина». В данном случае употребляется во фразеологически связанном значении. Характерно, что в переводе также используется соматизм (*глаз*), только с другой символикой.

В той же статье читаем: *Als der Wiener Erzbischof und Kardinal Christoph von Schönborn in einem Hintergrundgespräch Sodano als einen derjenigen Männer bezeichnete, der seine Hand über Hans Hermann Groër gehalten hatte, musste er im Juni 2010 gegenüber Papst Benedikt XVI. Abbitte leisten* (Когда венский архиепископ и кардинал Кристоф фон Шёнборн в интервью назвал Содано одним из тех, кто заступился за Ханса Хермана Гроёра, он должен был извиниться перед Папой Бенедиктом XVI в июне 2010 года) [FAZ 2011: 3]. *Рука (Hand)* во многих культурах и в политике – это символ власти, олицетворяющий силу.

В другой статье на ту же тему в описании преступника читаем, что он *hatte die Ermittler mehrfach in die Irre geführt, hatte falsche Aussagen gemacht, Hunderte Polizisten an der Nase herumgeführt* (многократно вводил в заблуждение следователей, давал неверные показания, обвел вокруг пальца сотни полицейских) [FAZ 2011: 7]. На Западе нос считается символом ясности ума и здравомыслия. В то же время нос имеет значение предмета легкодоступного и элементарного. Как видим, переводится соматический фразеологизм тоже соматизмом (*палец*), опять же с другой символикой. В принципе, каждый палец имеет свое значение. В выражении «*обвести вокруг пальца*» нужно сначала ответить на вопрос, какой палец имеется в виду. Легче всего обвести вокруг указательного пальца. Указательный палец связан с властью, которую, собственно, и удалось обмануть преступнику.

В российских СМИ соматическая метафора присутствует, но охватывает совершенно другие образы, например, зуб: «*Конституция Украины болела, как зуб, пораженный кариесом. И выдернуть жалко, и сверлить больно*» [Российская газета 2014: 4]. Хотя зуб символизирует жизнь и смерть, защиту и агрессию, мы полагаем, что автор статьи, используя образ, мог и не знать об этой символике, а ограничился очевидными и всем понятными

ассоциациями. В той же статье тот же образ встречается ещё раз, правда, уже во фразеологически связанном значении: «*Брат этот город (Славянск) теперь не по зубам и американским командос, которые, кстати, присутствуют здесь*» [Российская газета 2014: 4].

В полном соответствии с выводом А.А. Ворожбитовой роль человека становится и объектом изучения, и ключом к систематизации языковых и речевых фактов [Ворожбитова 2005 : 73]. Идею антропоцентричности языка в настоящее время можно считать общепризнанной: для многих языковых построений представление о человеке выступает в качестве естественной точки отсчета.

В настоящей статье мы рассмотрели три аспекта современной политической метафоры – метафору родства, цветовую и соматическую метафоры – и сравнили их употребление в немецком и русском языках.

Литература

Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания//Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. - М., 1993.- 390 с.

Будаев Э.В. Политическая метафора в лингвокультурологическом аспекте [Электронный ресурс]/Режим доступа: <http://www.analiculturolog.ru/journal/archive/item/1687-%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F-%D0%BC%D0%B5%D1%82%D0%B0%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%B0%D0%B2-%D0%BB%D0%B8%D0%BD%D0%B3%D0%B2%D0%BE%D0%BA%D1%83%D0%BB%D1%8C%D1%82%D1%83%D1%80%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%BC-%D0%B0%D1%81%D0%BF%D0%B5%D0%BA%D1%82%D0%B5.html>

Вечерние вести. – 20.05.2013. [Электронный ресурс]/Режим доступа: <http://gazetavv.com/news/policy/86072--orichnevaya-chuma-prezidenta-yanukovicha.html>

Ворожбитова А.А. Теория текста: антропоцентрическое направление. – М.: Высшая школа, 2005. – 367 с.

Гражданская война и военная интервенция в СССР. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – 704 с.

Ковалева Т.Г. Национально-культурный аспект политического дискурса (на материале прилагательных русского и немецкого языков)//Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. Ч. 2. – № 2. – 2007. – С. 26-32

Одна Родина. – 20.02.2014. [Электронный ресурс]/Режим доступа: <http://politobzor.net/show-13440-ukrainskaya-korichnevaya-chuma-realnaya-ugroza.html>

Новиков Ф.Н. Динамика культурных кодов и её отражение в семантическом поле цветообозначения (в русском, английском и французском языках)//Автореф. дис. ... к.ф.н. – М., 2012. – 22 с.

РИА-Новости. – 30.06.2014. [Электронный ресурс]/Режим доступа: http://ria.ru/radio_brief/20140630/1014173261.html

Российская газета. Неделя. – 15-21 мая 2014 года. – 40 с.

Свободная пресса. – 20.03.2014. [Электронный ресурс]/Режим доступа: <http://svpressa.ru/society/article/84041/>

Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. – М.: Академический проект, 2001. – 990 с.

Сухоцкая Е.Б. Роль цветовой метафоры в формировании образа политика в мемуарном дискурсе//Вестник Челябинского государственного университета. Серия «Филология. Искусствоведение». Вып. 78. – № 16 (307). – 2013. – С. 128-131

Тейяр де Шарден П. Феномен человека. – М.: Наука, 1987. – 240 с.

Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. – Екатеринбург, 2003. – 248 с.

Чудинов А.П. Российская политическая метафора в начале XXI века//Политическая лингвистика. – Вып. 1(24). – Екатеринбург, 2008. – С. 86-93

Янышин П.В. Психосемантический анализ категоризации цвета в структуре сознания субъекта//Дисс. ... докт. психол. наук. – М., 2001. – 389 с.

Frankfurter Allgemeine Zeitung. – Nr. 37. – 18.09.2011

Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. London, 2003. – 276 p.

КЕРИМОВ Р. Д.

Кемерово

АСПЕКТЫ МЕТАФОРИЧЕСКОГО ТАРГЕТИРОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена описанию метафорической системы современной немецкоязычной социально-политической коммуникации. Таргетирование понятийной области «Политика» способствует установлению структурно-семантических и функциональных связей метафорических единиц и их всестороннему анализу с помощью лингвокогнитивных методик.

Ключевые слова: когнитивная метафора, понятийная область, сфера-мишень, социально-политическая коммуникация, политическая лингвистика, языковая картина мира, немецкий язык.

KERIMOV R. D.

Kemerovo

ASPECTS OF METAPHORICAL TARGET MAPPING IN THE MODERN GERMAN LANGUAGE SOCIO-POLITICAL COMMUNICATION

Abstract. The paper describes the cognitive semantic metaphor system in the present-day socio-political German communication. Mapping the target domain "Politics" helps to establish the structural semantic and functional relations between metaphors as well as to carry out a comprehensive cognitive linguistic analysis of metaphors.

Key words: cognitive metaphor; conceptual domain; target domain; socio-political communication; political linguistics; linguistic worldview; the German language.

Современная политическая коммуникация охватывает широкое дискурсивно-языковое поле социально-политических отношений в государстве и обществе, которое составляют два ключевых базиса: узуальный пласт социально маркированных языковых знаков, который хранит в себе потенциально готовые к экспликации вторичные лексемы, и дискурсивное пространство как процесс «живой» речи в общественно-политической сфере деятельности и взаимоотношений, испытывающие, помимо прочего, влияние со стороны, как традиционной, так и лингвальной культуры, где сохранен вербальный опыт данного этноса [Керимов 2013].

Изучение метафорической системы политического дискурса (как наиболее активной и динамической составляющей политической коммуникации) в рамках лингвокогнитивного подхода связан преимущественно с моделированием концептуальных способов презентации социальной реальности с упором на первый когнитивный маркер – сферы-источники данных метафорических образов, что позволяет реконструировать актуальные домены, сопряженные с наиболее частотными «гештальтами» (в понимании Дж. Лакоффа и М. Джонсона [2004]) для эмпирического освоения всех значимых социально-политических смыслов в некотором культурно-историческом контексте.

В меньшей степени исследовательский интерес проявляется по отношению ко второму сегменту бинарной метафорической модели – сфере-мишени концептуализации социальной реальности. Ввиду определенной специфичности и функциональной детерминированности политического дискурса целью вторичных образов является понятийная область «Политика» в самом широком ее понимании как «сфера деятельности, связанная с отношениями между классами, нациями и другими социальными группами, ядром которой является проблема завоевания, удержания и использования государственной власти» [Большая Советская энциклопедия, 1969–1978]. В целом, исходя из задач исследования, такой подход оправдан, если предполагается, что рассмотрение лингвокогнитивных характеристик политической метафорики ориентировано на анализ концептуальной организации социального опыта и его наиболее продуктивные и частотные механизмы вербализации [Керимов 2012].

Однако, для установления типических характеристик данной политической культуры и/или разработке полномасштабной теоретической модели рече-языковой концептуализации и субкатегоризации в процессе социальной коммуникации может быть использован метод метафорического таргетирования как процедура когнитивной реконструкции понятийной области-мишени, связанная с сегментированием, классификацией и таксономией ключевых содержательных позиций общественно-политических процессов, проистекающих в обществе и государстве в определенный период времени. Следует отметить два главных фактора, влияющих на процесс и результат концептуального таргетирования: экстралингвистические условия, к которым относятся политическая система и структура государственного устройства, экономическое положение и пр., а также текущая общественно-политическая конъюнктура и геополитическая ситуация в мире.

При анализе таргетных зон социально-политической реальности наиболее релевантным представляется использование таких терминов, как «когнитивный сценарий» и «когнитивная сцена». Когнитивные сценарии репрезентируют содержательный фрагмент социально-политической реальности, каждый из которых концептуализирует один из значимых сегментов общественно-политических отношений внутри государства (внутренние дела) и вне его (внешняя политика), а частными случаями сценария, его конституентами выступают когнитивные сцены. Понятие сценария встречается в ряде лингвокогнитивных исследований, где сценарий/сцена выступает синонимом или согипонимом таких когнитивных единиц, как, например, фрейм, гештальт, план, схема [см., например: Маслова 2008; Чудинов 2001; Schwarz 1996]. Эти термины, за исключением фрейма, в принципе не получили широкого распространения в языкознании и изредка используются.

Понимание сценария как фрагмента политической картины мира связано с тем, что в семантике этого обозначения заложены семы предопределенности, планирования, распределения ролей, что в полной мере реализуется в сфере общественной жизни государства, где все реалии, процессы, явления, субъекты и объекты находятся в тесной связи, обуславливают друг друга и, в некоторой степени выполняют определенную, изначально заданную функцию.

Анализ ключевых образов и тематической организации политической культуры современной Германии (1990–2005 – с момента объединения ФРГ и ГДР и до прихода к власти А. Меркель) позволил выделить в целом пять когнитивных сценариев, каждый из которых представлен несколькими сценами; количество сцен варьируется от 6 до 10 и отражает все значимые кластеры социально-политической реальности Германии:

- Сценарий 1: «Политические процессы в мире» (3 сцены);
- Сценарий 2: «Государственные институты ФРГ» (10 сцен);
- Сценарий 3: «Партийно-политическая жизнь ФРГ» (5 сцен);
- Сценарий 4: «Общественная жизнь Германии» (6 сцен);
- Сценарий 5: «История государства и общества» (5 сцен).

Самым частотным в современной немецкой социально-политической коммуникации является когнитивный сценарий «Общественная жизнь Германии» (41,51% всех случаев метафорической актуализации (при выборке 9300 метафорических единиц антропоморфной модели), второй по количеству конституентов – сценарий «Государственные институты ФРГ» (34,02%), два сценария имеют показатель частотности экспликации чуть более 10% («Политические процессы в мире» – 10,9%; «Партийно-политическая жизнь ФРГ» – 10,33%), а наименее частотным является сценарий «История государства и общества» (3,24%).

Сценарий «Политические процессы в мире» представляет геополитическую ситуацию в мире и в отдельных зарубежных (для Германии и Евросоюза) странах мира, глобальные процессы в политике, экономике, культуре, описывает военные конфликты в современном мире, а также охватывает аспекты внешней политики Германии (с учетом своих интересов и интересов Европейского Союза). Из трех сцен самыми частотными проявляют себя политические отношения в мире и внешняя политика ФРГ (и ЕС), серьезное внимание уделяется также и экономическим процессам в мировом масштабе, включая роль и деятельность германских фирм на зарубежных рынках; менее частотны другие аспекты локальных политических процессов: гражданские отношения в мире и война, актуализация которой связана с конкретными конфликтными событиями в «горячих» точках мира (войны в бывшей Югославии и Косово (СРЮ), в Ираке, в Афганистане, в Чечне (РФ)), а также роль международных организаций (ООН, НАТО, ОБСЕ и др.) в урегулировании конфликтов.

Так, сцена «Политические отношения в мире» характеризует ситуации отображения происходящих в мире политических событий, которые имеют какое-либо геополитическое значение для ФРГ и/или обсуждаются немецкими политиками при изучении вопросов внешней политики Германии и Европейского Союза, в том числе в рамках официальных визитов должностных лиц ФРГ в зарубежные страны. В этой связи, наиболее актуальными геополитическими темами были военные конфликты в бывшей Югославии, Ираке, Чечне; борьба с терроризмом (особенно – после терактов 11 сентября 2001 г. в США); положение в Европе и бывших соцстранах в связи с планируемыми в начале XXI века расширениями ЕС и НАТО. Конец XX – начало XXI века характеризуется политической нестабильностью во многих регионах мира, что, например, выражается в следующем контексте окказиональной метафорой «коктейль» („der Cocktail“), который в переносном смысле обозначает множество (смесь) взаимосвязанных проблем в политической или экономической сферах: „Warum sollte es nicht möglich sein, zum Beispiel im Kaspischen Raum, wo wir es mit einem Cocktail an Krisenphänomenen zu tun haben, europäische Ansätze und Erfahrungen aus dem KSZE-Prozess einzubringen?“ [Scharping 2003] (см. все источники примеров в работе: Керимов 2012).

По мнению западноевропейских и германских политиков, именно ЕС является в Европе гарантом безопасности и процветания для бывших соцстран, что в следующих контекстах описывается архитектурными метафорами: „Hunderttausende von Menschen in Belgrad haben mit Mut und Besonnenheit in den Straßen ihrer Hauptstadt durchgesetzt, wofür Millionen vorher schon votiert hatten: die Demokratie. Sie haben die Tür aufgestoßen, um auch die letzte große Krisenregion Europas in den europäischen Rechts- und Friedensraum zurückzuführen“ [Rau 2001b: 31]. После терактов 11 сентября в Нью-Йорке и Вашингтоне самой актуальной для немецких политиков и обсуждаемой в мире стала угроза исламского терроризма (фундаментализма), который был назван главным врагом всего «свободного мира», Западной цивилизации, Германии и ЕС: „Der Fundamentalismus ist der Feind des Glaubens“ [Rau 2002a: 386].

Второй сценарий «Государственные институты ФРГ» эксплицирует структуру государственной власти современной единой Германии и Европейского Союза (в некоторых контекстах немецкие политики идентифицируют эти две системы), включая, собственно, особенности политической системы ФРГ, аспекты внутренней политики в ФРГ, а также экономические реалии и процессы, в том числе иницилируемые в стране правительством и государством, важнейшие государственные и общественные институты (культура и искусство, наука и образование, церковь, СМИ), а также ситуацию выборов как важнейшего политического механизма легитимации государственной власти волеизъявлением граждан страны. Из всего 10 актуализированных наиболее частотными являются сцены, отражающие внутреннюю политику ФРГ (и ЕС) и субъектов, ее осуществляющих, а также гражданские отношения в немецком обществе. Так, самые частотные – это «внутренняя политика» и «государство и

органы власти»; далее следуют сцены «политическая система ФРГ (и ЕС) и «экономика и производство»; за ними в количественном отношении следуют гражданские отношения и вопросы, связанные с наукой и системой образования ФРГ. Другие сцены, описывающие культуру и искусство, религию и СМИ, менее частотны.

В сцене «Политическая система ФРГ и ЕС» представлены принципы политического и общественного устройства современного немецкого государства и ветвей его власти. Более яркие окказиональные образы в этой связи характеризуют основополагающие ценности и элементы современной политической системы, к которым можно отнести конституцию, демократию, свободу, суверенитет.

По мнению федерального президента Й. Рау, конституция в политической системе – это «грамматика (т. е. «основа») свободы» и «дорожный указатель» для всех политиков политической деятельности в целом, но ни в коем случае не «руководство по ведению бизнеса»: «Welche Funktion hat eine Verfassung für ein politisches Gemeinwesen? Eine «Grammatik der Freiheit», und – gerade bei uns in Europa – auch eine «Grammatik der Solidarität» [Rau 2001b: 182]. Свобода и равенство, в свою очередь, – «фундамент демократии»: «Freiheit und Gleichheit sind das Fundament der Demokratie» [Rau 2002a: 171].

Образ государства (как системы) издавна передается метафорами корабля («das Staatsschiff») и дома («das Staatsgebäude»). В окказиональных контекстах к ним добавляются и другие, традиционные и креативные, символы. Так, например, государство также может образно уподобляться механизму, «функционирование» «органов» которого зависит от слаженной работы всех его составных «частей»: «Tatsächlich «funktioniert» ja ein Staat, ein Gemeinwesen, nicht nur dadurch, dass seine so genannte «Organe» funktionieren, dass alle ihre Pflicht tun und ihre Aufgaben erfüllen» [Rau 2002a: 72].

Сцена «Внутренняя политика» охватывает разные аспекты деятельности федерального правительства и государственных органов власти, но в первую очередь актуальными предстают темы реформ в разных сферах жизни государства и общества (налогообложение, здравоохранение и пр.). Так, например, реформа здравоохранения требует «корректировки курса»: «Zur Erneuerung des Gesundheitswesens brauchen wir aber entscheidende Kurskorrekturen» [Schrüder 2003a: 38]. Ситуация поднятия налогов описывается узуальными выражениями: «die Steuerschraube anziehen» / «an der Steuerschraube drehen» – «die Steuern erhöhen» [CUGWDR]: «Bonn will die Steuerschraube noch einmal kräftig anziehen» [BZ 1992].

Сценарий «Партийно-политическая жизнь ФРГ» особо актуален в немецкоязычной социальной коммуникации по причине того, что в политической жизни современной единой Германии самую важную роль играют политические партии, которые в конкурентной борьбе через выборы делегируют своих представителей на всех уровнях (федеральном, земельном, региональном, коммунальном) в законодательные (бундестаг, земельные парламенты) и исполнительные (федеральное правительство во главе с канцлером, земельное правительство во главе с премьер-министром) органы государственной власти, а также на пост формального главы государства – федерального президента (который, правда, по закону после утверждения в должности обязан покинуть свою политическую партию).

В связи с этим межпартийная конкуренция является ключевым фактором всех общественно-политических процессов, протекающих в ФРГ, что также делает данную область активной целью для метафорических высказываний как своих однопартийцев, так и политических оппонентов. На основе анализа актуального корпуса антропоморфной метафорики были смоделированы пять базовых сцен данного сегмента понятийной сферы-мишени, презентующих основные действующие силы в партийно-политической жизни Германии: правительство (формируется победившей на выборах в бундестаг партией или коалицией партий), оппозиция (ее образуют проигравшие на выборах или не вошедшие в коалицию партии), представители своей партии / фракции и политические оппоненты, а также различные реляции и реалии внутрипартийной жизни и межпартийной борьбы.

Актуальность вопросов внутрипартийных отношений объясняется тем, что в германской политической системе существует традиция так называемой свободы совести, когда любой депутат имеет право голосовать так, как считает нужным, высказывать свои собственные взгляды на обсуждаемые проблемы, не считаясь с тем, что ему предписывает в каждом конкретном случае его партия. Именно данное противоречие между традиционной свободой самостоятельного выбора своей позиции и навязыванием общепартийного взгляда создает пищу для разногласий, скандалов, политического торга и переговоров.

При метафорическом представлении деятельности правительства в СПК, в целом, можно отметить две тенденции: положительная самооценка членами правительства своей работы и критика решений правительства со стороны оппозиции. В единой Германии (с 1990 г.) до 1998 г. у власти была коалиция партий ХДС/ХСС и Свободной демократической партии (во главе с канцлером Гельмутом Колем), а в 1998-2005 гг. правительство составляла коалиция СДПГ и Партии зелёных во главе с федеральным канцлером Герхардом Шрёдером.

Правительство, говоря о своей деятельности, часто создает впечатление о проведении успешных экономических реформ и равномерном развитии страны: «Die Bundesregierung ist dieses Problem mit der Rentenreform umfassend und aktiv angegangen. Wir haben in diesem Zusammenhang mit dem Altersvermögensgesetz erstmals die ergänzende Kapitaldeckung für die Altersvorsorge eingeführt. Das ist ein Quantensprung für Deutschland und ein wichtiger Beitrag zur Zukunftssicherung» [Müller 2003d].

В свою очередь, правительство с трибуны парламента активно критикует оппозицию, точно также как оппозиция – правительство. Федеральное правительство обычно обвиняет оппозицию в нежелании сотрудничать, «пустых» лозунгах, неконструктивной критике, распространении паники среди населения, излишнем пессимизме, при этом используя яркие религиозные, музыкальные, гастрономические образы: «Aber wir brauchen heute

keine Chiliasten und Eschatologen, keine Untergangsstrategen und Pessimismus-Philosophen, die alles schlechtmachen und negativ bewerten, sondern eine begründete Philosophie, mit der wir den Menschen sagen können, daß wir die Arbeitslosigkeit vermindern» [Geißler 1998: 9].

Внутрипартийные отношения становятся предметом дискуссии, особенно со стороны официальных лиц, редко и, как правило, в контексте необходимости развивать и совершенствовать политическую систему Германии. Так, президент Й. Рау, который до своей инаугурации был членом СДПГ, например, делился своим мнением о том, что в СДПГ всё реже учитываются интересы верующих и немецкой церкви, в связи с чем используется образ «желобка для дождевой воды» («das Rinnsal»): «Dieser religiöse Sozialismus ist in der Sozialdemokratie aber ein ganz dünnes Rinnsal gewesen» [Rau 2000b: 296].

Межпартийные отношения, в отличие от внутрипартийных, являются в СПК очень насыщенной темой для обсуждений, причем как самим субъектами партийно-политических процессов, так и третьими лицами, что связано с тем, что именно партии борются за власть и делегируют своих представителей на важнейшие государственные должности при победе на выборах. Федеральный президент Й. Рау относился к острой межпартийной борьбе как к «идеологической окопной войне», в которой он не хотел участвовать: «Es ist nicht meine Aufgabe, mich an parteipolitischen Grabenkämpfen zu beteiligen» [Rau 2001b: 409].

Также Й. Рау отмечал, что в последнее время в Германии между партиями стираются идеологические границы и все партии начинают походить друг на друга, уподобляясь неким «партийным холдингам»: «Wenn sich die Parteien nur noch durch die Köpfe an ihrer Spitze, durch die Gestaltung ihres Internetauftritts und die Farben ihrer Wahlplakate unterschieden, dann waren wir auf dem Weg zu einer Art Parteien-Holding, deren Teile nach außen unterschiedlich auftreten, aber ein gemeinsames Unternehmensinteresse haben» [Rau 2002b: 638].

Представленные в сценарии «Общественная жизнь Германии» реалии общественной жизни в Германии занимают весомое место в СПК ввиду высокой степени развитости гражданского общества и чрезвычайно активной социальной позиции немецких граждан. В данном сценарии можно выделить 6 базовых когнитивных сцен, охватывающих актуальные сегменты общественного ландшафта современной ФРГ: общественные отношения, куда относятся социально значимые политически и партийно недетерминированные реляции внутри общества между его гражданами; социальный статус (чаще всего определяемый финансами); социально обусловленные аспекты жизни человека, а также некоторые реалии профессиональной, экономической и асоциальной деятельности рядового гражданина.

К сцене «Общественные отношения» причисляется репрезентация социально значимых отношений на общественном уровне: различные межличностные социальные отношения, социальная иерархия, исполнение руководящих функций и пр.

Специфика данного фрагмента такова, что здесь представлены социально значимые действия отдельно взятого гражданина, вне какой-либо политической и партийной детерминированности, поэтому общественные отношения в социально-политической коммуникации манифестируются преимущественно узуальными образами. Так, ситуация контроля (над кем / чем-либо) отражается в ряде выражений с ключевым словом «der Finger»: «seinen [den] Finger drauf haben», «j-m auf die Finger sehen [schauen / gucken]», «den Finger am Drücker haben» («иметь власть [решающий голос]»; букв.: «держат палец на кнопке»).

Номинация «das Horn» («рожок, корнет») представлена в устойчивых выражениях со значением «быть с кем-то одного мнения», «поддерживать чье-либо мнение»: «ins gleiche [dasselbe] Horn blasen [stoßen / tuten]» – «mit j-m der gleichen Meinung sein; j-n in seiner Meinung unterstützen» [CUGWDR].

Надменное, высокомерное отношение к окружающим актуализируется, например, при использовании (в не прототипической функции) образа лошади, что имеет под собой историческую подоплеку, связанную с тем, что в Средние века и вплоть до Нового времени аристократы (а, соответственно, и богатые люди) могли себе позволить ездить на лошадях и таким образом смотреть на представителей других, в социальном отношении более низших/бедных классов (крестьянство, бюргерство) как бы (находясь верхом) сверху вниз, что нашло свое отражение в следующей идиоме, описывающей данную ситуацию в том числе и от противного – если слезть с лошади, то перестаешь на всех смотреть свысока [DGWDS]: «sich aufs hohe Ross setzen» – «eine hochmütige, überhebliche Haltung annehmen»; «auf dem/[s]einem hohen Ross sitzen» – «hochmütig, überheblich sein»; «von seinem hohen Ross herunterkommen/-steigen» – «seine hochmütige, überhebliche Haltung aufgeben».

Ситуация отстранения кого-либо от должности (отправки в отставку), разрыва личных отношений связана с эксплицированным образом «запасного (железнодорожного) пути (отстойного сортировочного пути)» в идиомах [CUGWDR]: «j-n aufs Abstellgleis schieben» – «j-n seines Einflusses, seines Wirkungsbereiches berauben»; «aufs Abstellgleis kommen» – «seines Einflusses, seines Wirkungsbereiches beraubt werden». Устранение оппонентов (политических, экономических и др.) описывается в узуальном сочетании: «j-n an [gegen] die Wand drücken» – «einen Konkurrenten o. Ä. rücksichtslos beiseite, in den Hintergrund drängen» [CUGWDR].

В выражении с компонентом «das Gas» («der Gashahn») репрезентируется ситуация причинения кому-либо экономического, финансового или иного вреда, разорения кого-либо посредством «перекрывания вентиля газопровода»: «j-m das Gas [den Gashahn] abdrehen» – «j-n (wirtschaftlich) zugrunde richten, ruinieren» [CUGWDR].

Также значимым в СПК являются вопросы, связанные с социальным статусом человека, причем в немецком обществе данный критерий коррелирует не только с понятием богатства, капитала и пр. финансово-денежных маркеров, но и с внешним проявлением деловой хватки и карьерной успешности. Социальный достаток человека описывается в ряде устойчивых выражений, например: «der hat aber Platten» (букв.: «у него есть пластинки»),

происхождение которого объясняется тем, что в начале XX в., когда появилось данное высказывание, пластинки были только у состоятельных граждан.

Образ «ложки» («der Löffel») представлен в следующих выражениях, где она является социальным маркером и отражает переосмысление буквального и виртуального (мыслимого) действий, ср.: «mit einem silbernen [goldenen] Löffel im Munde geboren sein» («быть родом из богатой семьи»; букв.: «родиться с серебряной/золотой ложкой во рту»); «er tut, als hätte er die Weisheit mit Löffeln gegessen [gefressen]» ((разг.) «он считает себя очень умным, он очень высокого мнения о своем уме, он считает себя умнее всех»).

Номинация «der Nacken» присутствует также при описании различных негативных качеств характера и социального статуса человека (с негативной оценочностью): «den Schalk [den Schelm] im Nacken haben» («быть плутом [проказником]»); «ihr sitzt der Geiz [die Habsucht] im Nacken» («она скупа [жадна]»); «er hat den Spieß im Nacken» («его мещанская суть [мещанское нутро] дает себя знать [выпирает наружу]») и т. п.

В свою очередь, социальный недостаток и нужда могут быть представлены узуальными единицами с компонентом «der Salz» («соль») (в Средние века соль стоила дорого, и ее могли позволить себе только состоятельные граждане): «sich nicht das Salz aufs Brot [in die Suppe] verdienen» – «nicht in der Lage sein, so viel zu verdienen, dass es zum Leben reicht» [CUGWDR]; «ich brauche es wie Salz und Brot» («мне это нужно как воздух»); «nicht das Salz zur [in die] Suppe verdienen» («не заработать даже на кусок хлеба»; букв.: «не заработать даже на соль в суп»); «er hat nicht das Salz zum Brote» («он не имеет самого необходимого, он живет в крайней нужде»; букв.: «у него нет соли на хлеб»).

Следует отметить, что социальный статус человека существует виртуально и определяется отношением к данному человеку со стороны общества (иногда отношение общества может и не соответствовать реальному положению дел).

Так, например, женатый мужчина может иметь статус «подкаблучника», если таковым его считают окружающие. В немецком языке образ зависимого от волеизъявления жены мужчины также реализуется текстильной метафорой, но если в русском языке задействуется обозначение составной части обуви (букв.: «находящийся под каблук»), то в немецком эксплицируются уже «домашние туфли (без задника)» («der Pantoffel»), ср.: «unter dem Pantoffel stehen» – «von der Ehefrau beherrscht, unterdrückt werden» [CUGWDR], например: «Er steht unter dem Pantoffel», «Er ist unter den Pantoffel gekommen [geraten]».

В современной ФРГ вопросы социального статуса и деловой репутации четко детерминируются, составляя важную часть культуры общественных отношений.

Наконец, сценарий «История государства и общества» является единственным, который описывает политику не в современном ее состоянии, а в исторической перспективе. Данный сценарий оформляется пятью когнитивными сценами, четыре из которых напрямую связаны с историей Германии (точнее, германских государств в разные исторические эпохи): прошлое ФРГ и Западного Берлина (1949–1990); история и политики ГДР (1949–1990); прошлое и персоналии Третьего рейха (1933–1945) и история Германии до 1933 года, куда чаще всего относятся реалии Германской империи О. фон Бисмарка (1871–1918). Пятая сцена – описание международных отношений в XX веке, связанное в первую очередь с реалиями «холодной» войны и разделением мира на два «лагеря»: социалистического во главе с СССР (куда входила ГДР) и капиталистического (Западного) под руководством США (куда относилась ФРГ). В ходе исследования не удалось выделить метафорических экспликантов, манифестирующих прошлое Европейского Союза, в связи с чем можно констатировать тот факт, что данный «проект» рассматривается немцами только как всецело актуальный, непрерывный процесс. Также не было выделено случаев описания и/или рассмотрения вопросов, связанных с будущим Германии, ЕС и мировой конъюнктуры, что указывает на прагматичность и конкретность немецкой политики, коррелирующей с целями и задачами настоящего времени и не отвлекающейся на рассуждения о виртуальном или желательном будущем.

Следует подчеркнуть, что случаи актуализации образов и реалий прошлого не являются самоцелью, а проявляются только в контексте обсуждения проблем настоящего, при этом политические образы из прошлого Западной Германии (ФРГ) и Западного Берлина (1949–1990) всегда сопровождаются положительной оценочностью, в то время как история и политики ГДР, а также исторические образы всего социалистического «лагеря» во всех случаях отражаются в строго негативном, обличительном свете, что не соотносится с исторической достоверностью и фактами из жизни стран-антагонистов США и ФРГ в период «холодной» войны. Еще один интересный момент, выявленный в ходе проведенного исследования, состоит в том, что в политических сценах этого блока практически полностью отсутствует объективация взаимоотношений ФРГ и ГДР в исторической перспективе. Всякое упоминание ГДР сводится к беспощадной критике данного государства и его политического строя, а вот упоминаний о конфронтации и агрессии между двумя немецкими странами нет вообще, как будто бы на Западе мирно ждали 40 лет, когда Восточная Германия «созреет» для объединения с капиталистической ФРГ.

В заключение данного обзора следует отметить, что частотность и продуктивность отдельных сцен и сценариев общественно-политической жизни напрямую зависит от сопутствующих событий в стране и в мире. Рассмотрение корреляции таргетных зон и сфер-источников метафорических образов может способствовать выявлению специфических лингвокогнитивных закономерностей построения, функционирования и изменения формы и содержания вербальных экспонентов социально-политической коммуникации.

Литература

Керимов Р. Д. Метафорический антропоморфизм в немецкой социально-политической коммуникации: монография / ФГБОУ ВПО «Кемеровский государственный университет». — Кемерово: Офсет, 2012.

Керимов Р. Д. Метафоры метасферы человека в немецкой социально-политической коммуникации: монография / ФГБОУ ВПО «Кемеровский государственный университет». — Кемерово: Офсет, 2013.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: пер. с англ. А. Н. Баранова, А. В. Морозовой. — М.: Едиториал УРСС, 2004.

Маслова В. А. Когнитивная лингвистика: уч. пособие. 3-е изд., перераб. и доп. — Минск: ТетраСистемс, 2008.

Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000): монография. — Екатеринбург: Изд-во УрГПУ, 2001.

Schwarz M. Einführung in die kognitive Linguistik. 2., überarb. und aktual. Aufl. — Tübingen, Basel: Francke, 1996.

КИШИНА Е. В.

Кемерово

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ОППОЗИЦИИ «СВОЙ – ЧУЖОЙ» В ТОТАЛИТАРНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация. Статья посвящена описанию доминирующих метафорических моделей, раскрывающих образное наполнение семантических сфер «свое» и «чужое» в тоталитарном политическом дискурсе. В диахроническом аспекте описываются символические репрезентанты данного концептуального образования.

Ключевые слова: метафора, тоталитарный политический дискурс, семантическая оппозиция «свой-чужой».

KISHINA E. V.

Kemerovo

METAPHORICAL REPRESENTATION OF SEMANTIC OPPOSITION «FRIEND OR FOE» IN A TOTALITARIAN POLITICAL DISCOURSE

Abstract. The article describes the dominant metaphorical models, revealing the creative content of semantic fields «own» and «alien» in a totalitarian political discourse. In diachronic aspect describes symbolic representatives of this conceptual education.

Key words: metaphor, totalitarian political discourse, semantic opposition «own-alien».

Символическая репрезентация - неотъемлемая часть содержательного наполнения концептуальных сфер «свое - чужое». Метафорические образы, формирующие выделяемую дихотомию, являются своеобразными индикаторами осмысления и категоризации мира по принципу «свое - чужое». Анализ образных репрезентантов «свойственности - чуждости» содействует постижению национального самосознания, концептуализации человеком себя и мира в процессе когнитивной деятельности. Подобная интерпретация базируется на положениях теории концептуальной метафоры (Лакофф, Джонсон, Арутюнова, Чудинов, Баранов и др.), согласно которой метафоризация трактуется как «основная ментальная операция, способ познания, структурирования и объяснения мира» [Чудинов 2003:12].

Доминирующее положение среди образных репрезентантов сфер «свое - чужое» занимают метафорические номинации, выступающие в роли коннотативно окрашенных вербализаторов группы «свои» и «чужие». «Осмысление и переживание» группы «свои - чужие» / МЫ-ОНИ «в терминах явлений другого рода» (Лакофф, Джонсон) переводит семантически диффузную лексику с характерной для неё идентифицирующей функцией в разряд косвенных номинаций характеризующего типа: коммуникативная функция указания на предмет речи видоизменяется прагматической направленностью указания на признаки и свойства предмета речи. Метафорические номинации способствуют аксиологической характеристике идентифицируемых субъектов: «дискурс «мы - они» уже на первой ступени своего становления может быть связан с эксплицитными или имплицитными оценками, которые возвышают собственную группу и принижают чужую» [Водак 1997: 115].

Содержащаяся в метафорических представлениях оценка является, во-первых, коррелятом личностного отношения говорящего к именуемому объекту и, во-вторых, действенным средством, направленным на формирование необходимого восприятия социальных реалий. Ценностная картина мира, лежащая в основе оценочных смыслов образных репрезентантов «свойственности - чуждости», позволяет реализовать прагматическую установку субъекта высказывания. Выбор метафорических наименований «свойственности - чуждости» способствует реализации манипулятивных установок, проявляющихся в выработке требуемого ценностного отношения к концептуальным сферам «свое - чужое». Оценочное отношение к интерпретируемым реалиям мотивирует модификацию поведенческой реакции ориентируемых. В данном отношении речь может идти о миромоделирующей функции образных репрезентантов «свойственности - чуждости».

Мозаичный характер «метафорической экспансии» позволяет выделить ряд метафорических моделей, репрезентирующих концептуальные сферы «свое» и «чужое». При этом метафорическая направленность носит динамический характер: политические дискурсы разных исторических формаций демонстрируют трансформацию метафорических моделей, организующих смысловое наполнение концептов «свой», «чужой». Анализ политических дискурсов разных лет позволяет проследить смысловую динамику развёртывания рассматриваемой модели.

Так, в политических дискурсах доперестроечной поры одной из продуктивных моделей, отражающих осмысление группы «свой», «чужой», является *метафора родства*. В доперестроечных дискурсах широкое отражение находит представление советского государства в образе единой семьи братских народов: *братская семья*

народов СССР; в единой семье народов-братьев; единая дружная семья народов Страны Советов; великая семья свободных народов; дружная семья народов; чувство единой семьи и т. д.

Метафорическое осмысление государства как большой, многонациональной семьи концептуализирует векторы кровной близости и родственности представителей советского социума. Актуализация семантики родственной близости с братскими народами, «угнетёнными» нациями и народностями расширяет и укрепляет пространство НАШЕЙ семьи («МЫ» кровно близки со всем прогрессивным человечеством, со всеми поработёнными капитализмом народами).

Подобная интеграция способствует конструированию образа сплочённого, сильного государства, основанного на принципах отношений в «идеальной» семье: «все члены семьи – это «свои» и при необходимости они должны совместно противостоять «чужим»; в соответствии с семейной этикой на защиту «своего» надо становиться вне зависимости от того, прав он или нет» [Чудинов 2003: 61]: *В условиях советского строя, в братской семье народов СССР таджикский народ после многовековой разобщённости обрёл свою государственность, вышел на широкий путь национального возрождения и всестороннего развития (Известия, №299(17532), 23 декабря 1973г.).*

Одной из продуктивных концептуальных метафор, отражающих категориальное членение на сферы «своё» - «чужое» в политической коммуникации доперестроечной поры, является также *метафора дружбы*. Лексические единицы со смысловым компонентом взаимной привязанности, общности интересов являются «специализированными вербальными знаками» [Шейгал 2000: 129].

Смысловая наполняемость сферы «своё» путём осмысления той или иной группы в образе друзей подчёркивает пропагандируемую социалистическую интеграцию и сплочённость. Субъектами подобного представления выступают:

1. Члены советского государства (друзья, товарищи, приятели). Данные образные номинации, выступающие в преобладающем большинстве в роли вокативов того или иного высказывания, являются репрезентантами парольного смысла «я свой», «мы едины». Консолидирующая функция рассматриваемой метафорической модели актуализируется благодаря функционированию образных единиц, вербализирующих характер отношений между членами социума – *дух дружбы, товарищества, взаимопомощи: В таких бригадах выше дух товарищества, взаимопомощи* [Мокиенко 1998: 184].

2. Политический лидер (Сталин (Брежнев) – лучший друг детей, угнетённых народов, воинов, колхозников, горняков и т.д.). Представление в образе лучшего друга первого лица государства подчёркивает советскую монолитность, единение партии и народа, стирание границ между разными социальными прослойками.

3. Страны – единомышленники (друзья, союзники, члены великого содружества, товарищества). Репрезентация дружественных отношений между братскими странами (вечная, нерасторжимая, нерушимая, великая дружба народов СССР) является коррелятом проводимой советским государством гуманной политики мира и дружбы между народами, открытости СВОЕГО пространства для близких НАМ государственных объединений, силы социалистической интеграции: *Братская дружба и сотрудничество социалистических стран, их прочный союз с СССР – основа общих успехов в строительстве социалистического общества* [Правда, №63 (19937), 4 марта 1973г.].

Не менее продуктивным метафорическим образованием в советской политической коммуникации является и *милитарная метафора*. Военная метафора занимает немалое место в смысловом наполнении категориальных сфер «своё - чужое»: понятийная область «война» позволяет, с одной стороны, осмыслить отношения между социальными субъектами как отношения «фронтального братства» и солидарности (область «своего»), с другой стороны, представить политических оппонентов в образе «воинов враждебной армии, которую необходимо взять в плен или уничтожить» [Чудинов 2003: 65] (область «чужое»).

Вербализаторами социалистического МЫ, отражающими милитаризованное сознание нации, выступают такие номинации, как:

- бойцы (*бойцы революции, бойцы коммунизма, бойцы социалистического, трудового фронта, бойцы строительного отряда*);
- борцы (*борцы за дело коммунизма, борцы за счастливое и справедливое будущее, борцы за мир, борцы за права человека, борцы за идею*);
- солдаты (*верные солдаты революции, солдаты Сталина*);
- гвардия (*рабочая, юная, ленинская, трудовая, молодая гвардия*);
- отряд (*передовой отряд трудящихся, трудовой отряд, революционный отряд, пионерский, студенческий отряд*);
- сила (*сила мира, прогресса, правды и добра, передовая сила мира, ведущая сила современности*).

Позитивный прагматический потенциал рассматриваемых номинативных единиц во многом раскрывается благодаря актуализации семантических признаков дистрибутивного окружения: МЫ выступаем *борцами* за правое дело (*за мир, за права человека, за дело коммунизма*), НАША борьба носит созидательный характер мирового масштаба (*борьба за светлое и счастливое будущее народов, за мир, за разоружение, за торжество коммунизма*). Решительный и категорический характер боевых действий советского народа формируется группой устойчивых эпитетов: *беспощадная, безжалостная, бешеная, стремительная, мужественная борьба / битва*.

Милитаризованное мировосприятие, отражённое в группе метафорических единиц, предопределяет осмысление в терминах военной лексики не только «себя», «нашей группы», но и противостоящих нам (= чуждых) *противников*. В ситуации *холодной войны*, репрезентированной в виде борьбы *социалистического и капиталистического лагерей*, характером идейно-политических *недругов* наделяются внешние *враги*, не разделяющие советские взгляды и убеждения, претендующие на «нашу» территорию и независимость: *захватчики, враги, неприятели, агрессоры, завоеватели, воинствующие круги империализма, антисоциалистические, контрреволюционные силы, противники мира и разрядки, проповедники войны и т.д.*

Представление группы «мы - они» в военных образах моделирует сходный с боевыми действиями характер взаимоотношений между противниками: ИХ усилия сконцентрированы на том, чтобы *убить, предать, окружить и уничтожить СССР, загнать НАС в угол*, МЫ же в ситуации такого давления должны *выстоять, повергнуть врага, дать ему беспощадный отпор, одержать верх над силами империализма, колониализма и реакции*.

Аксиологическая коннотация лексем, обозначающих противопоставляемые явления, позволяет реализовать типовые прагматические смыслы политических дискурсов: НАША страна выступает в роли *оплота мира и дружбы народов*, возглавляет *всепланетную борьбу за мир*, ведёт *миролюбивую внешнюю политику*, способствует *сближению и взаимопониманию между народами*, что неминуемо должно привести к *величественной картине побед Советского Союза*, *безнадёжности любой попытки развязать войну против социалистического лагеря*. ИХ же политика направлена на *раздувание вооружений, разжигание милитаристского психоза, перехода в контрнаступление на разрядку, мир, права народов*, что в итоге должно обернуться *крахом гнилых устоев капитализма*.

Милитаризованное сознание отражается не только в осмыслении внешних отношений с *враждебными* для НАС странами, но и в представлении внутренних отношений между членами НАШЕГО социума. Так, отчуждаемые субъекты, не разделяющие идеологическую направленность советского общества, получают статус *предателей, изменников Родины, классовых, идейных врагов, врагов народа, политических диверсантов, агентов ползучего империализма, пособников контрреволюционного палачества*. Существование *врагов* в своём, *социалистическом лагере* предопределяет и методы борьбы с *враждебными элементами*: МЫ должны *очистить свои ряды от чуждых элементов, бороться самым решительным образом, дать отпор враждебным идеологическим диверсиям, решительно разоблачать и уметь распознавать врагов народа*.

Таким образом, в советском политическом дискурсе милитарная метафора является коррелятом одновременно двух категориальных сфер – сферы «своё» (отношения «фронтового братства») и сферы «чужое» (борьба с чуждыми элементами).

Символическими репрезентантами категориальных сфер «своё - чужое» также являются метафорические номинации, основанные на осмыслении понятийной сферы «*жизнедеятельность организма*» (*физиологическая метафора*).

В политических дискурсах доперестроечной поры когнитивная модель «МЫ, государство – организм» использовалась для вербализации НАШЕЙ (=советской) сплочённости, идейно-политической и социальной монолитности: *единый, спаянный, боевой организм*. Прагматический потенциал данных лексических единиц базируется на таком прототипическом представлении, как «здоровый организм, части которого функционируют слаженно и бесперебойно»: *Вооружённые силы СССР – могучий боевой организм, спаянный идеями марксизма-ленинизма, благородной целью беззаветного служения своему Отечеству, делу великих завоеваний социализма* [Кузбасс, №108 (17039), 9 мая 1980г.].

Осмысление социалистического социума в образе *здорового организма* мотивирует дальнейшее развитие рассматриваемой модели. Так, *спаянный организм* необходимо *очищать от чужеродных элементов, проводить работу по профилактике негативных проявлений, оздоравливать людей*, оторвавшихся от единого целого: *Оздоровление таких людей нужно не только для них, но и для всего общества, потому что они тянут к низу и нашу экономику, и культуру, и быт* [КП, 11 января 1979г.].

Активизируют категориальное членение по принципу «своё - чужое» и номинации концептуальной сферы «*монархия*». Как в тоталитарных, так и современных дискурсах осмысление субъектов политической коммуникации в монархических образах является коррелятом категориальной группы «чуждость». Ассоциативный потенциал, стоящий за понятиями сферы «монархия», позволяет метафорически моделировать несправедливый, зависимый тип государственного устройства.

В дискурсах доперестроечной поры номинации концептуальной модели «монархия» используются для создания образов внешних врагов и свойственного для ИХ государственного устройства стиля правления. Монархическая метафора мотивирует выделение нескольких денотативных групп: *правящий класс (правители, властители, покровители агрессоров)*; *наёмная сила (лакеи, слуги, наёмники империализма)*; *народ (рабы, невольники)*. Данное осмысление наполняет концептуальные векторы зависимости, несвободы и жестокости как конструкторов ИХ социального устройства: *Участвуя в процессе производства как наёмный раб капитала, он [рабочий в капиталистической стране] с ненавистью относится к труду как к тяжёлому и заторному бременю* [Мокиенко 1998: 501].

Диктаторский характер *заокеанских стран* во многом формируется и использованием импликатур, обращённых к когнитивным потенциалам реципиентов. Так, из предложения *США стремится низвести страны региона до положения послушных проводников своей империалистической политики* [КП, №13 (16719), 16 января

1980г.] выводится метафорическая импликатура «США – мировой диктатор», подтверждаемая использованием таких лексических маркёров властного правления, как *низвести, послушные проводники*.

Зооморфная метафора используется в политической коммуникации, как правило, для актуализации отторжения обозначаемых субъектов от НАШЕГО мира. Прототипические свойства (наиболее общие национальные представления о типичных свойствах осмысляемых концептов), отражённые в метафорической семантике, способствуют формированию необходимого представления о политических оппонентах. В большинстве случаев основу метафорической семантики зооморфных наименований составляют такие типичные представления, которые способны вызвать в сознании реципиента негативный ассоциативный потенциал. Отрицательная оценочная коннотация способствует реализации интенциональной направленности на уничтожение противостоящих субъектов: «зооморфные метафоры наименования – характеристики направлены на дискредитацию, резкое снижение предмета и обладают яркой пейоративной окраской» [Скляревская 1993: 91].

В политических дискурсах 70 - нач.80-х годов зооморфные образы использовались для наименования внешних врагов. Частотными для этого времени были представления о враждебном для НАС капиталистическом строе как о *капиталистических джунглях*, живущих по *волчьим законам*, управляемым *хищными тиграми* и *империалистическими львами*. Подобные образные номинации формируют такие представления о чуждом для НАС мире, как агрессивность, произвол и насилие: *Пока на свете имеются капиталистические джунгли и их обитатели – хищные тигры, мы должны воспитывать наш народ в духе беззаветной любви к своей Родине* [Мокиенко 1998: 163].

Таким образом, анализ доминирующих метафорических образований в политической коммуникации доперестроечной поры позволяет сделать вывод о существенной роли символических репрезентантов в содержательном наполнении концептуальной диады «своё - чужое». Отличительным признаком политических дискурсов данного времени является существенная роль метафорических моделей, репрезентирующих сферу «своё». Акцентуализация интегративного компонента образных номинаций мотивирована господствующими в это время коммуникативными стратегиями «совместности» и «единения» нации.

Литература

- Водак Р. Язык. Дискурс. Политика. – Волгоград: Перемена, 1997.
Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. – М., 1990. – С. 387–416.
Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Толковый словарь языка Совдепии. – СПб: Фолио-Пресс, 1998.
Скляревская Г. Н. Метафора в системе языка. – СПб, 1993.
Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. – Екатеринбург, 2003.
Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. – Волгоград: Перемена, 2000.

КОЛМОГорова А. В.

Красноярск

РЕЧЕВЫЕ СТЕРЕОТИПНЫЕ ОБРАЗЫ ПРЕЗИДЕНТОВ РОССИИ И ФРАНЦИИ В АВТОХТОННОЙ И ЧУЖЕРОДНОЙ МЕДИАСРЕДЕ (на материале карикатурных текстов)

Аннотация. Проводится сопоставительный коммуникативный анализ реплик, приписываемых персонажам «Путин» и «Олланд» в карикатурных текстах российских и французских новостных медиа. Делается вывод о наличии значимых различий в способе конструирования речевого образа одного и того же президента в автохтонной и чужеродной медиасферах. Подчеркивается важная роль стереотипного речевого образа главы государства для формирования идеологием ВЛАСТЬ и СТРАНА.

Ключевые слова: стереотипный образ, речевые характеристики, карикатурные тексты, политическая коммуникация, идеологема.

KOLMOGOROVA A. V.

Krasnoyarsk

STEREOTYPED SPEECH IMAGES OF RUSSIAN AND FRENCH PRESIDENTS IN AUTOCHTHONOUS AND FOREIGN MEDIAS

Abstract. The article is devoted to the comparative communicative study of utterances modeled as belonging to «Poutin» and «Holland» as personages of caricature texts in Russian and French news medias. It is argued that stereotyped speech images of two presidents are construing differently in autochthonous and foreign media. The importance of stereotyped speech image of the Presidents in forming and developing ideological concepts of POWER and COUNTRY in collective consciousness is also showed.

Key words: stereotyped image, speech characteristics, caricature texts, politic communication, ideological concept.

Введение

Современный медиадискурс является сложной социальной практикой. Следуя традиции критического дискурс-анализа [Fairclough 2003], мы придерживаемся той точки зрения, что дискурс, с одной стороны, сам формирует специфическую социальную реальность – идеологию, но, с другой стороны, дискурс как идеологическая практика не свободен, а используется в качестве инструмента для создания и распределения отношений власти в обществе. В медиадискурсе эта конструируемость, этот «формируемый характер» приобретает особую значимость, которой подчинены особая системность и упорядоченность языковых единиц и правил их употребления, составляющие текстовую ткань дискурса» [Чернявская 2014: 59]. В.Е.Чернявская отмечает, что дискурс следует

изучать, двигаясь снизу вверх, от конкретных языковых и речевых явлений к смыслу текста, а затем от текстов, где обнаруживаются сходные закономерности речеупотребления, – к объединению однородных текстов в единый тип дискурса, где начинает действовать особая «регулярность дискурса». Логика нашего изложения будет следовать именно такому принципу: от конкретного речевого явления к идеологемам, формируемым в новостном медиадискурсе.

Наше внимание привлекли многочисленные карикатуры на президентов ведущих мировых держав, используемые «на злобу дня» как часть новостного медиадискурса. Карикатуры как поликодовые тексты являются достаточно разработанной областью лингвистического анализа, в особенности, в рамках политической лингвистики [Ворошилова 2013; Шустрова 2013]. Однако, как правило, исследователи мало обращают внимание на «регулярные» черты речевого поведения, приписываемого рисованным персонажам, хотя речевой образ президента в карикатурном контексте есть фрагмент социальной практики формирования идеологемы как сложного концепта, соединяющего в себе стереотипизированные и мифологизированные представления носителей языка о власти, государстве, нации, гражданском обществе, политических и идеологических институтах [Малышева 2009].

Нас заинтересовали вопросы о том, 1) как различаются речевые стереотипные образы французского и русского президентов в автохтонной медиасреде и чужеродной; 2) каковы те идеологемы, которым служат данные стереотипизированные речевые характеристики?

1. Методы

Материалом для исследования послужил языковой материал двух типов: во-первых, это реплики, приписываемые президентам Франции и России в карикатурных поликодовых текстах, созданных и опубликованных во Франции на французском языке; во-вторых, это реплики, приписываемые президентам в карикатурных поликодовых текстах, созданных и опубликованных в России на русском языке.

Общий объём проанализированного эмпирического материала: по 50 карикатурных поликодовых текстов, содержащих реплики на французском и русском языках, приписываемые Франсуа Олланду, и по 50 карикатурных поликодовых текстов, содержащих реплики на французском и русском языках, приписываемые Владимиру Путину (всего 200 карикатурных поликодовых текстов).

Методы анализа: приёмы качественно-количественного анализа, коммуникативного анализа, аргументативного анализа дискурса, элементы концептуального анализа.

Рассматривать и сравнивать речевые стереотипные образы президентов в «родном» и «чужом» коммуникативных сообществах мы будем по следующим параметрам:

1. Речевая форма: диалогическая/ монологическая/ монологическая с присутствием «голоса за кадром».

2. Речевые акты (далее – РА): 4 типа РА по типу отношения к главной социальной интенции [Leech 1982] – сотрудничеству: (1) конкурирующий (иллокутивная цель конкурирует с социальной целью): распоряжение, просьба, приказ, мольба; (2) компанейский (иллокутивная цель совпадает с социальной целью): предложение / предложение, приглашение, приветствие, выражение благодарности, поздравление; (3) коллаборативный (направленный на сотрудничество (иллокутивная цель безразлична по отношению к социальной цели): утверждение, отчёт, объявление, инструктаж; (4) конфликтный (иллокутивная цель конфликтует с социальной целью): угроза, обвинение, проклятие, выговор.

3. Коммуникативная тональность – эмоционально-стилевой формат общения, возникающий в процессе взаимовлияния коммуникантов и определяющий их меняющиеся установки и выбор всех средств общения [Карасик 2008]; и коммуникативная дистанция – социальная дистанция, проявляющаяся в акте речевого взаимодействия, при этом показателем коммуникативной дистанции является выбор обращения [Ефанова 2011].

4. Актуализируемые ценностные сферы речевой аргументации [Charaudeau 1992]: Истина, Этика, Эстетика, Прагматика, Гедоническое.

5. Речевые средства

2. Анализ материала

Итак, в репликах персонажа «Путин» в русскоязычных карикатурах доминирует монологическая речевая форма (85 % от общего числа реплик), однако довольно часто в коммуникативной ситуации присутствует молчаливый собеседник:

1) (Путин в образе Пятачка, обращаясь к Д.Медведеву в образе Пуха, летящего на воздушном шарике) – *Ты не бойся, что взлетишь слишком высоко – у меня всё под контролем!*

Что касается РА, то 28 % реплик представляют собой конкурирующие речевые акты: 2) Указание: *Деньги, заработанные и украденные в России, в России тусуй и делай.*

Оставшиеся 62 % – коллаборативы (констатация: *В друзьях у нас остались только Хамаз и Аббас!*).

Что касается коммуникативных тональностей, то в эмпирическом материале встречаются следующие типы тональностей: менторская (42% - пр.2), статусная (14%), шутливая (14% - пр.5), эзотерическая (7% - пр.6), идеологическая (7% - пр.4) и информативная (14%: *Казань брал, Астрахань брал, Курилы и Японию, не помню!*). Если проанализировать реплики персонажа «Путин» в карикатурных изображениях в отечественных СМИ, то, можно заметить, что категория коммуникативной дистанции выражена слабо – отсутствуют обращения, какая бы то ни была адресность: 3) *Было бы крайне контрпродуктивно прятать голову в песок, т.к. другое место всё равно будет торчать.* Однако, в тех репликах, где категория адресата выражена, наблюдается так называемая «личная» дистанция, маркируемая обращением *друзья*, местоимениями *ты* и *мы*: 4) *Друзья! Россия супер-*

держава и при вашей поддержке, вместе мы сможем принести цивилизацию в эти дикие края! Там ваше спасение!

5) (Обаме) – *Мы с тобой одноклассники теперь будем!*

Если обратиться к ценностным сферам, которые служат источниками речевого аргументативного поведения персонажа «Путин», то доминирует **ценностная сфера Прагматики** (мы сохраняем написание с заглавной буквы, принятое в оригинальном тексте П. Шародо), проявляющаяся в актуализации речевыми средствами оппозиций *нужно/ не нужно, полезно /неполезно, следует/ не следует*. Например, последняя оппозиция реализуется в следующей реплике, где сочетание глагольных форм будущего времени в отрицательной форме в придаточном условии и в утвердительной форме в главном предложении, а также семантика словосочетания *конец света* создают основу для косвенного речевого акта угрозы (если не выберете, вам будет плохо), из которого легко сделать умозаключение «значит, следует выбирать меня»:

6) *Журналисты: Владимир Владимирович, а конец света наступит? – Если меня не выберут, то наступит!*

Следует отметить, несколько особенностей отбора речевых средств авторами карикатур для моделирования стереотипного речевого образа «Путин»: 1) в 36 % реплик используются прецедентные феномены (высказывания, персонажи: 7) *Неправильно ты ешь бутерброд, дядя Фёдор!*); 2) использование неопределённо личных глагольных форм (пр.3-4); 3) отсутствие местоимения я. Следует отметить, что феномен языковой игры можно заметить только в одной реплике, обращённой к темнокожему президенту США Бараку Обаме: (Путин предлагает Обаме попробовать чёрной икры) *Не уверен насчёт политкорректности, но икра чёрная...*

Что касается французских карикатур на Путина, то участником диалога персонаж «Routin» является только 1 раз, в разговоре с Ж.Депардьё:

8) *Dépardieu: Rhoo là là, c'est vraiment une très grande démocratie. – Poutine : C'est qu'il faut de la place pour accueillir les très gros cons (Депардьё, обращаясь к Путину и указывая на просторы России: О-ля-ля, да это действительно великая демократия! – Путин: Это потому, что надо реально много места, для того, чтобы принимать у себя больших придурков).*

В 28 % случаев в коммуникативной ситуации присутствует «неговорящий» собеседник: 9) (Обаме в образе орущего ребёнка) *Maintenant tais-toi! (А теперь заткнись!)*

В подавляющем большинстве случаев Путин является единственным говорящим, монолог которого разворачивается в присутствии «голоса за кадром»:

(10) *On ne rit pas avec Poutine!*

- *Si, mais seulement de mes adversaires (С Путиным не шутят! – Шутят, но только, если шутят о его противниках).*

Рассматривая реплики персонажа «Routin» во французских карикатурах, отмечаем наличие практически равно распределённых трёх типов речевых актов: **конфликтные** (пр.11), **конкурирующие** (пр.12), **коллаборативные** (пр.13):

(11) Обвинение: (*à Hollande*) *L'annexion de Nice et de Savoie est illégale au vu du droit international signé en 1947* (Оланду: Присоединение Ниццы и Савойи нелегально с точки зрения международной декларации, подписанной в 1947 г.);

(12) Запрет: *Je déclare ouvert les J.O. 2014 sauf aux homos, noirs, musulmans, capitalistes.....*(Я объявляю Олимпийские игры 2014 открытыми, но не для геев, чёрных, мусульман, капиталистов....);

(13) Объявление-констатация: *Voici Dépardieu, le nouveau Russe!*(Позвольте представить: Депардьё – новый русский!).

В 50 % реплик реализуется **агрессивная коммуникативная тональность**, сопровождаемая сближением коммуникативной дистанции до личностной (обращение на ты, разговорные клише): (14) *Donne-moi ça, toi! (Отбирает Крым у Украины на глазах у лидеров США, Германии, Франции: Ну-ка, ты, отдай сейчас же!)*.

В 21 % реплик используется менторская коммуникативная тональность в сочетании с официальной коммуникативной дистанцией. В.И.Карасик [Карасик 2008] отмечает, что менторская тональность маркирует серьёзное общение, направленное на жесткий контроль поведения партнера с опорой на авторитет знаний и традиций, его целью является демонстрация своего превосходства. Именно в таком коммуникативном ракурсе предстаёт, например, следующая реплика:

(15) *Vous allez comprendre que l'hiver Russe, ce n'est pas le printemps arabe ! (Вы поймёте, что русская зима, это вам не какая-нибудь арабская весна!)*.

Отмечены также случаи манипулятивной коммуникативной тональности, создаваемой за счёт сочетания вербальных и иконических компонентов карикатурного текста. Так, на вопрос «голоса за кадром» «что делают русские в Крыму?» реплика «Занимаемся расслабляющими упражнениями после нагрузок в Сочи» выглядела бы совершенно безобидно, если бы при этом Президент не был одет в военную форму и не держал автомат в руках:

(16) *Que font les Russes en Crimée? – Juste petit footing de décrassage d'après J.O.*

Что касается ценностных областей, то самой частотной представляется область Этики, поскольку большинство реплик персонажа «Routin» построено вокруг оппозиций *правильно/неправильно* (пр.11), *можно/нельзя* (пр.10, 12), *хорошо/плохо*.

Среди речевых средств обращает на себя внимание отсутствие прецедентных для русской лингвокультуры феноменов, компенсируемое прецедентными для французской лингвокультуры событиями (например, присоединение Савойи и Ниццы к территории французского государства). Отметим, что практически все проанализи-

рованные реплики построены на конкуренции и конфликте нескольких структур: на когнитивном уровне – (пр.11) РА обвинения лишён обоснованности за счёт когнитивного диссонанса эксплицируемого содержания (обвинение в незаконности в соответствии с актом 1947 г) и пресуппозицией (французы прекрасно осведомлены о том, что «присоединение» произошло в 1860 г.); на коммуникативном уровне – реплика начинается как перформативное декларативное высказывание (я объявляю открытыми...), а заканчивается как запрет, распространяемый на категории людей, список которых остаётся открытым; на семантическом уровне – сочетание *новый русский* подвергается двойной актуализации – в прямом значении (Депардье только что получил гражданство России) и в характеризующе-классифицирующем значении (человек, принадлежащий определённому социальному классу людей, как правило, плохо образованных, малокультурных, плохо воспитанных, но очень богатых); на уровне стилистических средств языка (антитеза): *Contre le rechauffement de la planète je propose la guerre froide* (Бороться с глобальным потеплением предлагаю при помощи холодной войны).

Если мы обратимся к речевому стереотипу Ф. Олланда в отечественной прессе, то в целом нами отмечены следующие характеристики: монологическая речевая форма, доминирование коллаборативов, информативной и торжественной тональности, невыраженный параметр коммуникативной дистанции, преобладание ценностной области Истина (актуализируется оппозиция истинно/ложно). Рассмотрим вышеприведённые параметры на следующих примерах:

(17) *Кризис еврозоны преодолён! Папой Карло клянусь....(при этом Олланд изображён с непрерывно растущим деревянным носом Пиноккио);*

(18) *У нас во Франции мужик сказал – мужик сделал (реакция Олланда на букет, подаренный парочкой геев в благодарность за легализацию однополых браков);*

(19) *Банки – государству, налоги – народу!*

Все три реплики являются монологическими высказываниями, представляющими собой безразличные к социальной цели сотрудничества речевые акты заявления, декларации. Реплики (пр.17-19) реализуют торжественную коммуникативную тональность, поскольку представляют собой речевые акты ритуально-возвышенного общения (клятва, призыв, констатация национального поведенческого стереотипа), целью которого является воздействие на нацию в целом. Преобладают официальная и социальная коммуникативные дистанции – первая предполагает возможность обращения ко многим людям, а обе они исключают возможность конфиденциальности [Ефанова 2011] Аргументативно-воздействующий потенциал высказываний базируется на оппозиции истинно/ ложно, при этом актуализируются оба полюса оппозиции. Так, в примерах 17-18 с точки зрения семантики высказывания актуализируется полюс «истинно»: декларируется преодоление кризиса (пр.17); факт, что мужик верен своему слову (пр.18). Но с точки зрения прагматической пресуппозиции, актуализируется полюс «ложно»: упоминание прецедентного имени Папа Карло опровергает истинность декларируемого преодоления кризиса (ведь все знают, что сделанный им деревянный мальчик был склонен к вранью); осмысляясь в контексте легитимизации однополых союзов, нивелируются ядерные семы лексемы *мужик*.

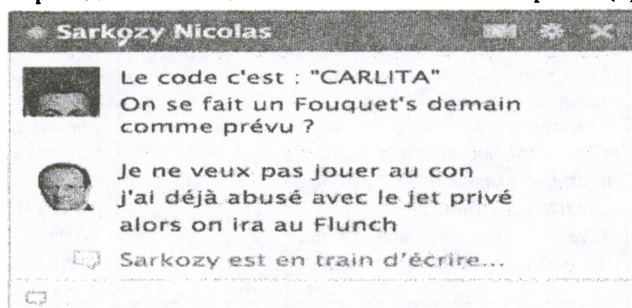
Среди речевых средств отметим использование эмоционально-оценочных высказываний, имён прецедентных персонажей и прецедентных для русской лингвокультуры высказываний.

Что касается речевого стереотипного образа Ф.Олланда во французских СМИ, то здесь следует отметить следующие черты.

Стереотипный образ Ф. Олланда представлен различными речевыми формами: в 48% процентах карикатур он является диалогизирующим коммуникатом, при этом его реплики являются реактивными:

(20) *(Valérie Trierweiler) – Je pars pour Berlin rencontrer Merkel. Au'à mon retour tout soit nickel ! – (Hollande) Oui, ma bibiche..(Многолетняя подруга Олланда Валери Триервелер) – Я уезжаю в Берлин. Чтобы к моему приезду всё сверкало! - (Ф.Олланд) – Да, зая...)*

Интересно и то, что разнообразен и материальный субстрат речевой формы представления образа французского Президента: это и диалог в чате с Николя Саркози (пр.21):

(21) *Саркози: Кодовое слово «Карлита», завтра как договаривались, оттянемся у Фуке (международная сеть фешенебельных ресторанов) ?*

Il fait beau, il y a du soleil, c'est cool les vacances!

Олланд: Я что дурак. Я уже злоупотреблял казной в личных целях. Пойдём во Фланч (французская сеть дешёвых ресторанов быстрого питания).

И монологическое письменное высказывание в форме надписи на полароидном снимке «из отпуска»: (22) *Il fait beau, il fait du soleil, c'est cool les vacances..Gros*

bisous, François (Погода прекрасная, светит солнце. Отпуск – это круто! Целую. Франсуа).

Подавляющее большинство (87%) речевых актов представляют собой **коллаборативы**: заявления, обещания, объяснения: (23) *Je vais prier pour vous* (я буду просить Господа о вас). Однако иногда, в особенности, в диалогической коммуникации персонаж «Hollande» реагирует на реплики собеседника, используя компанейские (в терминологии Дж.Лича) речевые акты: (24) *Bieu, madame la Présidente* (Так точно, госпожа Президент (отвечая на приказ Валери Триервелер)).

Хотя **информативная** и **менторская** коммуникативные тональности преобладают в репликах персонажа «Hollande», интересно также отметить фатическую (пр.20) и эзотерическую тональности: (25) *Pourvue que la fin du monde des maya ait lieu avant la publication des bilans* (Хоть бы конец света, предсказанный майя, случился раньше, чем будут опубликованы наши отчёты о проделанной работе).

В репликах данного персонажа присутствуют три типа коммуникативной дистанции: официальная (пр., 25, 26, 28), личная (пр.21, 22, 24) и интимная (пр.20).

Наиболее часто актуализируемые в речи персонажа «Hollande» ценностные области – это область **Прагматики** (45 %) (нужно/не нужно, следует/ не следует):

(26) *Françaises et Français! Démerdez-vous!* (Француженки и французы! Выбирайтесь из проблем!

а также область **Истины** (55%) (правда/ неправда, истинно/ ложно):

(27) *Moi, je sais de quoi je parle!* (Я знаю, о чём говорю!)

Что касается речевых средств, то следует подчеркнуть особую роль **личного местоимения Je/ Я**, без которого не обходится не одно из высказываний карикатурного персонажа «Hollande»: (28) *Moi, le Président de la France, je... Moi, le Président de la France, je ...* (Я, Президент Франции, я....)

Другой характерной чертой речевого стереотипного облика обсуждаемого персонажа является использование приёма **семантического диссонанса**, когда семантика всей конструкции диссонирует со значением одного из её составных элементов, что приводит к некой «абсурдизации» высказывания. См., например:

(29) *On prévoit trois fois rien. C'est mieux que rien*

Фразеологическая единица *trois fois rien* означает ‘совсем ничего’ и по своей внутренней форме референциально отсылает к действию умножения (если взять три раза по “ничего”). В контексте экономического кризиса части высказывания *on prévoit* (мы прогнозируем...), *c'est mieux que...* (это лучше, чем) приобретают общее значение улучшения, но в сочетании с неопределённым местоимением *rien* (ничего) приводят к абсурдному с точки зрения смысла высказыванию: «Мы прогнозируем увеличение объема ничего в три раза. Это лучше, чем ничего».

3. Интерпретация результатов

Мы представили полученные в результате анализа 200 речевых фрагментов персонажей карикатурных поликодовых текстов в обобщающей таблице (табл.1)

Таблица 1 Количественные результаты анализа речевых стереотипных образов

Речевой стереотипный образ	Речевая форма	Речевые акты	Коммуникативная тональность/дистанция	Ценностные области	Речевые средства
1. «Путин»	85% – монологическая; 15% диалогическая	62% коллаборативы; 28 % конкурирующие	менторская 42%/ невыраженная дистанция, статусная 14%/ невыраженная дистанция, шутливая 14%/личная дистанция, информативная 14%/ невыраженная дистанция, эзотерическая 7% /не выраженная дистанция, идеологическая 7% /невыраженная дистанция	Прагматика	отсутствие местоимения; неопределённо-личные глагольные формы; опора на прецедентные феномены
2.«Poutin»	70% – монологическая; 28 % – монологическая с присутствием молчаливого собеседника; 2 % – диалогическая	35% конфликтные, 34 % конкурирующие, 31 % коллаборативы	50% – агрессивная тональность/личная дистанция 21 % – менторская тональность/ невыраженная или официальная дистанция 17% – информативная тональность/ невыраженная или официальная дистанция 12% – манипулятивная тональность/социальная дистанция	Этика	Использование местоимения je (я), конкуренция и конфликт структур знания, значения, стилистической формы, замена релевантных для русских прецедентных феноменов французскими
3.«Олланд»	96% монологическая речевая форма, 4 % диалогическая	100% коллаборативов	62 % – информативная тональность/невыраженная коммуникативная дистанция 38 % – торжественная тональность/ официальная дистанция	Истина	Имена прецедентных персонажей и прецедентные для русской лингвокультуры высказывания, восклицательные предложения.

4.«Hollande	52% монологическая 48% диалогическая Различный материальный субстрат коммуникации	87% коллаборативы 13% — компанейские РА	43% информативная/социальная или официальная дистанция, 37% менторская/официальная дистанция, 16% фатическая/интимная дистанция, 4% эзотерическая/нев्यраженная дистанция	Прагматика и Истина	Местоимение Je, приём семантического диссонанса
-------------	---	--	---	---------------------	---

Сопоставительный анализ позволил выделить следующие отличия в стереотипных речевых образах персонажей карикатурных текстов «Путин» и «Routin». В российских новостных медиа «Путин» проявляет себя как социально дистанцированная доминирующая речевая личность (монологическая речевая форма, невыраженность коммуникативной дистанции, индифферентность к достижению социальной цели сотрудничества), обладающая несомненным социальным статусом (менторская коммуникативная тональность) ориентированная, прежде всего, на действия в прагматических ценностных координатах нужно/ не нужно, необходимо/ нет необходимости, полезно/бесполезно; владеющая русской лингвокультурой (опора на прецедентные феномены). Во французских новостных медиа персонаж «Routin» характеризуется как конфликтная доминирующая речевая личность, склонная к речевой агрессии, манипулированию и созданию «скрытых смыслов», действующая в контексте ценностных ориентиров хорошо/плохо, частично включённая во французскую лингвокультуру.

В карикатурных текстах российского новостного медиадискурса речевые характеристики персонажа «Олланд» представлены очень редуцированно и однотипно: дистанцированная статусная речевая личность, действующая в координатах ценностных смыслов истина/ложь, проявляющая характеристики избыточной эмоциональности, а также частично включённая в русскую лингвокультуру. В автохтонном же новостном медиадискурсе персонаж политической карикатуры «Hollande» предстаёт как мобильный центрированный на самом себе (множественные употребления местоимения je/я) коммуникант, проявляющий себя и в диалоге, и в монологе, и в речевой деятельности в различных материальных субстратах (письменная речь, Интернет-коммуникация, устная речь), организующий речевое взаимодействие на разных дистанциях — от интимной до официальной, действующий в контексте ценностных полюсов истина/ложь, не имеющий навыка ясной и точной вербализации своих мыслей.

Заключение

Проанализированные речевые стереотипные образы глав государств, создаваемые в карикатурных текстах автохтонных и чужеродных медиасред, служат созданию и дополнению идеологем ВЛАСТЬ и СТРАНА (РОССИЯ). Так, речевые характеристики персонажа «Путин» способствуют формированию признаков «уважение», «статус», «забота о государстве», «принадлежность русской культуре» идеологемы ВЛАСТЬ в массовом сознании русских. Отметим, что те же признаки идеологемы актуализируются и при помощи речевого образа французского президента, создаваемого в отечественных карикатурных текстах: «уважение», «статус», «частичная принадлежность русской культуре». Поскольку и данные карикатуры предназначены русскому читателю, то можно заключить, что они также способствуют формированию идеологемы ВЛАСТЬ в массовом сознании русских.

Что касается речевых характеристик персонажа «Routin» во французских СМИ, то они призваны, очевидно, дополнить идеологему РОССИЯ признаками «агрессивность», «конфликтность», «ложь», «двусмысленность», «неуважение личного и культурного пространства других» (сниженная лексика, сокращение коммуникативной дистанции, опора на французскую лингвокультуру для достижения собственных коммуникативных целей).

А вот речевой образ французского президента во французских карикатурных текстах призван сформировать признаки «недоверие», «несерьёзность», «эгоцентризм», «речевая компетенция» идеологемы ВЛАСТЬ (POUVOIR).

Подчёркнём также тот факт, что при репрезентации в чужеродной культуре речевому стереотипному образу президента (другой страны) приписывается характеристика частичного владения лингвокультурой в контексте которой функционирует медиадискурс.

Литература

- Ворошилова М.Б. Мультипликационные герои в современной политической карикатуре // Человек в мире культуры. 2013. № 1. С.37-42.
- Ефанова Л.Г. Коммуникативная дистанция как норма речевого взаимодействия (на материале использования некоторых русских местоимений) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2011. №2. С.5-11.
- Карасик В.И. Коммуникативная тональность // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени Коста Левановича Хетагурова. 2008. Т. 4. С. 20-29.
- Малышева Е.Г. Идеологема как когнитивный феномен: определение и классификация // Политическая лингвистика. 2009. №3. С. 32-40.
- Шустрова Е.В. Проявление основных архетипических образов в политической карикатуре // Политическая лингвистика. 2013. №1. С.39-58.
- Чернявская В.Е. Фантомы и синдромы дискурсивной парадигмы // Вопросы когнитивной лингвистики. 2014. №1. С.54-62.
- Charaudeau P. Grammaire du sens et de l'expression. — Paris: Hachette, 1992. 510 p.
- Fairclough N. Analyzing Discourse : Textual Analysis for Social Research. — London and N.Y.: Routledge, 2003.
- Leech G. N. Principles of Pragmatics. — London: Longman, 1983.

КОЛОМИЕЦ С. В., САВЕЛЬЕВА И. В.

Кемерово

МАНИПУЛЯТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ В ТЕКСТАХ ИНТЕРНЕТ-КОММЕНТАРИЕВ К ПОЛИТИЧЕСКИМ СТАТЬЯМ: ЛИНГВОПЕРСОНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. Данная статья представляет собой краткое резюме исследования текстов интернет-комментариев как персонотекстов, создаваемых рядовыми пользователями Рунет в виде комментариев к политическим статьям. Изучение данных текстов проводится на стыке лингвоперсонологии и обыденной лингвополитологии с целью выявить стратегии текстообразования, которые могут быть использованы для типологизации языковой личности интернет-комментатора. Акцент был сделан на изучение манипулятивных коммуникативных стратегий и тактик, реализация которых в первую очередь актуальна для политического дискурса, в лингвоперсонологическом аспекте.

Ключевые слова: интернет-комментарий, манипулятивные стратегии и тактики, лингвоперсонология, обыденная лингвополитология, политический дискурс, языковая личность.

KOLOMIETS S. V., SAVELYEVA I. V.

Kemerovo

MANIPULATIVE STRATEGIES IN THE ONLINE COMMENTS TO POLITICAL REPORTS: LINGUOPERSONOLOGICAL ASPECT

Abstract: The paper presents a summary of internet comments to the political reports study. These texts are viewed as personal texts that have been written by ordinary users on RuNet. These studies have been done at the intersection of linguistic personology and ordinary linguistic political science aimed at revealing discourse generation strategies and using them for building types of linguistic personality of online comment authors. The emphasis has been made on the study of manipulative strategies whose handling is important for political discourse but they are investigated in linguopersonological aspect.

Key words: internet comment, manipulative strategies, linguistic personology, ordinary linguistic political science, political discourse, linguistic personality.

Тексты интернет-комментариев, оставленные к статьям политического характера на информационных и новостных порталах, на сегодняшний день сформировались как гибридный речевой жанр, сочетающий в себе признаки различных первичных жанров, но прежде всего характеризующийся оценочностью и спонтанностью написания [Алтухова 2012]. Авторы, пишущие в разделе комментариев к политическим статьям, анонимны и выступают под маской, позволяющей им открыто высказывать свое мнение. По справедливому замечанию Н.Д. Голева, спрятав свое настоящее имя под ником, через текстовую деятельность пользователи Интернет иногда экспозиционируют свои речевые характеристики в более чистом виде, чем, если бы они выступали открыто в любой другой ситуации [Голев 2013]. Причем комментарии к статьям политического характера могут писать как рядовые граждане, так и те, для кого политика является сферой профессиональных интересов.

Правомерность отнесения текстов интернет-комментариев к политическому дискурсу можно подтвердить, опираясь на высказывание А. В. Зайцева: «...все элементы поля политики, так или иначе, опосредованы политическим дискурсом и политической коммуникацией, отражаются в них и реализуются через язык, дискурс и коммуникацию, которые имеют политическое содержание и политический смысл» [Зайцев 2012]. С другой стороны, интернет-комментарий к политической статье находится на периферии политического дискурса, он – результат срачивания политического дискурса с бытовым (Е. И. Шейгал), в некоторых работах тексты данного типа получили определение «дискурс реагирования» [Перельгут, Сухоцкая 2013].

По справедливому замечанию Д. Ю. Амирова, «...обыденное политическое сознание стремится вырваться за собственные пределы, и политическая система предоставляет ему такую возможность, преувеличивая значение обывателей в политической деятельности, мобилизируя, стимулируя и поддерживая их участие в политике, поскольку в обычно-типическом состоянии рядовой обыватель практически аполитичен» [Амиров 2010].

Согласно Ю. М. Шемчук, проблема речевого воздействия на человека, искусное использование средств языка для достижения своих целей, и сегодня не теряет актуальность [Шемчук 2013: 76]. Исследованием манипулятивности, как характерной составляющей политического дискурса занимаются такие ученые, как О. Н. Паршина, О. С. Иссерс, Г. А. Копнина, Л. А. Нефедова, А. П. Сковородников, Т. М. Николаева, В. З. Демьянков, ван Дейк, И. А. Стернин, В. Е. Чернявская, А. П. Чудинов, Е. И. Шейгал, Ю. М. Шемчук и многие другие.

Е. А. Доценко, О. Н. Паршина, О. Л. Михалева и др. определяют манипуляцию как «... вид психологического воздействия, искусное исполнение которого ведет к скрытому возбуждению у другого человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими желаниями» [Михалева 2005: 91].

Анализ научных работ, посвященных манипулятивности, как одной из составляющих языка политики, позволяет утверждать, что в большинстве исследований речевые средства, при помощи которых политики манипулируют сознанием, рассматриваются в русле коммуникативного, психолингвистического, когнитивного, а также риторического и жанроведческого разделов современной лингвистики с ее антропоцентрическими приоритетами [Михалева 2005; Паршина 2005; Фомин, Певнева 2013].

Как уже отмечалось, в данном исследовании была предпринята попытка спроецировать результаты исследования манипулятивности в политическом дискурсе на лингвоперсонологию, нового, активно развивающегося направления в антропоцентрическом языкознании, и исследовать манипулятивные стратегии и тактики в персонологическом измерении.

Выявление типов языковой личности через анализ ее коммуникативного поведения в разных ситуациях общения проводится в работах К. Ф. Седова, Н. Б. Лебедевой и др. Например, К. Ф. Седов описывает дискурсивную личность через уровни коммуникативной компетенции, выделяя при этом конфликтный, центрированный и кооперативный типы. По его мнению, «стратегии внутрижанрового поведения определяют общую тональность внутрижанрового общения. Они зависят от индивидуальных особенностей языковых личностей, вступающих в общение, и влияют на тактические предпочтения говорящего» [Седов, 2004: 73].

Н. Б. Лебедева, предлагая анализ речевой личности, описывает коммуникативный тип Хоря из рассказа В. М. Шукшина «Хорь и Калиныч» как манипуляторский, часто использующий прием «коммуникативного саботажа»: агрессию, поучительный тон, намеки характерные приемы данного персонажа. Исследователь отмечает диктумную направленность его речи, а также присутствие оценочных и иронических смыслов в модусной части высказывания. [Лебедева 2006: 203].

Наиболее остро сегодня обсуждается вопрос, посвященный политической ситуации на Украине, большое количество комментариев оставлены к статьям в новостном разделе поискового сайта Rambler.ru. Поэтому у группы анализируемых в статье комментариев мы включили комментарии к статьям данной тематики в частности «Генсек НАТО считает необходимым вернуть Крым Украине» и «Дмитрий Ярош объявил о создании батальона «Донбасс-2».

Закономерным является использование в текстах интернет-комментариев стратегий на двух уровнях: эксплицитном и имплицитном. Эксплицитная информация как правило содержится в подобного рода комментариях, где автор открыто дает свою оценку происходящему:

Дмитрий Рязанов 18 МАЯ 2014 В 12:03# +8

Предлагаю западную Украину стереть с лица земли - там подонки и отщепенцы, убийцы и садисты... пора их уничтожить локальным ядерным ударом!!! сколько можно их терпеть??? они нас убивают!!!

Эмоциональная наполненность данного текста отражает полное негативное отношение автора, причем на разных уровнях: графическом, лексическом, синтаксическом.

Опираясь на высказывание Д. Л. Шалацкого о том, что эксплицитный комментарий говорящего превращает намек в речевое высказывание с отсутствием какого-либо скрытого смысла, мы относим к текстам, в которых реализованы стратегии и тактики манипулятивного характера, тексты, которые несут скрытый смысл, иногда не вполне понятный адресату [Шалацкий 2014: 207]. Поэтому подробнее рассмотрим вторую группу интернет-комментариев, в которых происходит реализация имплицитных стратегий и тактик. Например, намеренное использование тактики сокращения дистанции, приема Ты-номинации, фамильярно-оскорбительного обращения «Дядя», а также сниженный стиль, ироничный и одновременно полный просторечий, наблюдается в следующем тексте:

Сергей Майоров 3 ИЮНЯ 2014 В 18:31

Пролетел генсек ты дядя, как фанера над Парижем. Судьбу народа Крыма хотел решить? Уже решили без всяких яких. Или вам хочется, чтобы фашисты бомбили Крым? Идите дядя, идите и идите. А то лихо устроились-кому война, а кому мать родна.

Вместо открытого осуждения автор текста сводит все к иронии, предпочитая категоричным суждениям псевдо-диалог и различные присказки и прибаутки. В комментарии следующего пользователя аналогичное намерение и тем самым, реализация манипулятивной стратегии на понижение, выявляются через повышенную экспрессивность текста, гиперболизацию понятий и предикативный ряд с негативной коннотацией:

nick ivanov 12 ИЮНЯ 2014 В 06:37

Что происходит в мире?! Дегенераты приходят к власти, развязывают войны, уничтожают народы, навязывают неприемлемые для человечества ценности. И все это делается с болезненно- маниакальным стремлением разрушить, лгать, гадить. Западная цивилизация напрочь утратила все жизненные ориентиры.

Представленный комментарий – рассуждение на тему власти, страдательная конструкция «это делается» скрывает истинного субъекта действия, тем самым несет скрытую информацию общего характера – Запад – «чужие».

Некоторые авторы предпочитают наряду с экспрессивными средствами применять тактики косвенного призыва, упрека, через использование конструкций риторического вопроса, вопросительно-отрицательных конструкций *Не пора ли...? Разве не...?* как, например, в данном тексте:

пр пырыч 3 ИЮНЯ 2014 В 17:17

Не пора ли нашему гос-ву задуматься обо всей этой затее против России, не пора ли вспомнить ВОВ и пакт о ненападении и как немецкие войска вплотную подошли к границам СССР, разве не видно что вся эта история развивается ровно в таком же духе?? только теперь с большими корректировками не в сторону России??? Разве война в Сирии, Ираке, санкции Ирану... настрой америки Европы против России, а теперь и война на Украине (вернее уничтожение русского населения) не доказывает косвенно намерения США??? расстреляют всех.

Как видим, тактика генерализации, реализованная в заключительной части двух последних комментариев, формирует у читателя настроение неизбежности кровавого завершения конфликта, еще более усугубляя мрачный прогноз, и тем самым подогревая спор читателей.

Тактики иронизирования и неоправданного обобщения, а также приемы «намеренной неопределенности», лексического повтора, реализованные внутри манипулятивных стратегий, достаточно частотны в текстах рассматриваемого жанра:

Борис Синицкий 18 МАЯ 2014 В 12:10

Везёт украинцам с будущими президентами. Один грозит взорвать все телевышки на юго-востоке, чтобы народ не смотрел телевизоры, другой так вообще хочет народ поубивать, чтобы некому было телевизор смотреть...

Данные приемы и средства показывают, что импликатура текстов представленных интернет-комментариев – осуждение действий официальных лиц – призвана намеренно их дискредитировать и способствовать формированию мнения, направленного против поведения европейского сообщества.

В целом для текстов интернет-комментариев, актуализирующих вопросы политики, характерно заимствование элементов языка политики в сочетании с большим количеством просторечий, пейоративов, языка субкультур, в них сегодня наблюдается «снижение уровня речевой культуры» [Будаев, Чудинов 2008]. Наряду с этим, в текстах интернет-комментариев к политическим статьям, предназначенных для выражения собственного мнения по вопросам, связанным с политикой, одни авторы открыто призывают бороться против пришедших к власти, таким образом, используют эксплицитные стратегии, а другие не высказываются открыто, провоцируя комментаторов разделиться на противоборствующие стороны, и, следовательно, манипулируют сознанием интернет-сообщества. Анализ комментариев, созданных последними, позволяет нам выделить определенные, повторяющиеся в текстах данных авторов, признаки, которые помогают определить манипулятивный тип личности он-лайн-комментатора.

Литература

Алтухова Т. В. Коммуникация в социальной компьютерной сети «В Контакте»: жанроведческий аспект: Дис. ... канд. филол. наук. – Кемерово, 2012а. 265с.

Амиров Д. Ю. Социально-философский анализ обывденного политического сознания: Автореф. ... канд. философ. наук. – Новономыск, 2010. 25 с.

Будаев Э. В., Чудинов А. П. Зарубежная политическая лингвистика. — М.: Флинта: Наука, 2008. 352 с.

Голев Н. Д., Шанина А. В. Обывденный политический дискурс на сайтах Рунета с фашистским и антифашистским содержанием // Политическая лингвистика. Вып. 2 (44). – Екатеринбург, 2013. С. 178 – 185.

Зайцев А. В. Лингвополитология vs политическая лингвистика: возможен ли диалог? // Журнал «NB: Филологические исследования» № 1. 2012. – URL: http://www.e-notabene.ru/fil/article_150.html (дата обращения: 21.05.2014.)

Лебедева Н. Б. Русская речевая личность и принципы ее типологизации и портретирования (на примере образов рассказов И.С. Тургенева «Хорь и Калиныч») // Лингвоперсонология: типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение: коллективная монография / Под редакцией Н. Д. Голева, Н. В. Сайковой, Э. П. Хомич. – Барнаул, Кемерово: БГПУ, 2006. С. 197-207.

Михалёва О.Л. Политический дискурс: Специфика МАНИПУЛЯТИВНОГО воздействия: монография. – Москва: Изд-во URSS, 2009. 256 с.

Паршина О. Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России: Дисс. ...доктора филол. наук. Саратов, 2005. 325 с.

Перельгут Н. М., Сухоцкая Е. Б. О структуре понятия «политический дискурс»/ Перельгут Н. М., Сухоцкая Е. Б. // Вестник НГТУ. №2. – Новосибирск, 2013. - URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/o-strukture-ponyatiya-politicheskij-diskurs> (дата обращения: 13.06.2014).

Седов К. Ф. Дискурс и личность: Эволюция коммуникативной компетенции / К. Ф. Седов. – М., 2004. 315 с.

Фомин А. Г., Певнева И. В. Речевое поведение как объект психолингвистики: опыт кросскультурных исследований. Под ред А. Г. Фомина. Кемеровский государственный университет, 2013. 181 с.

Шалацкий Д. Л. Прямые и косвенные тактики речевой стратегии упрека в политическом дискурсе / Д. Л. Шалацкий // Политическая лингвистика. Вып. I(47) Екатеринбург, 2014. С.206-211.

Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: монография. – Москва – Волгоград: Перемена, 2000. 367 с.

Шемчук Ю. М. Стратегии манипулятивного дискурса на лексическом уровне молодежного социолекта // Политическая лингвистика. Вып. 2 (44). – Екатеринбург, 2013. С. 76-79.

КОНДРАТЬЕВА О. Н.

Кемерово

**МЕТАФОРЫ С ИСХОДНОЙ СФЕРОЙ «РЕЛИГИЯ» В ВЫСТУПЛЕНИЯХ ЮЛИИ ТИМОШЕНКО
(на материале официального сайта)**

Аннотация. В статье рассматривается специфика религиозных метафор и их роль в концептуализации мира политики в выступлениях Юлии Тимошенко. Описываются основные фреймы и слоты религиозной метафорической модели, оценивается их прагматический потенциал.

Ключевые слова: политическая лингвистика, религиозная метафора, метафорическая модель, фрейм, концептуализация, религия, Украина.

KONDRATYIEVA O. N.

Kemerovo

**METAPHORS WITH SOURCE DOMAIN «RELIGION» IN PERFORMANCES OF YULIA TYMOSHENKO
(on a material of an official site)**

Abstract. In article the specific character of religious metaphors and their role in conceptualization of world of policy in Julia Tymoshenko's performances is considered. The paper also describes the cores frames and slots of religious metaphorical model and evaluates its pragmatic potential.

Key words: political linguistics, religious metaphor, metaphorical model, frame, conceptualization, religion, Ukraine.

При изложении своих политических концепций и обсуждении жизни общества политики все чаще используют в своей речи метафору, которая длительное время воспринималась преимущественно как «украшение» речи оратора, а в рамках когнитивной лингвистики начала трактоваться как ведущий способ мышления и инструмент аргументации, обладающий мощным прагматическим эффектом. Изучение метафорического репертуара конкретного политика помогает установить подсознательные механизмы его деятельности и истинное отношение к той или иной проблеме [Чудинов 2001].

Одной из наиболее ярких фигур мировой политики как в общественном плане, так и в языковом является украинский экс-премьер-министр и двукратный кандидат в президенты Юлия Тимошенко. Ее выступления отличаются особой яркостью и метафоричностью, стремлением наиболее рельефно представить свои взгляды, вызвать интерес адресата, подтолкнуть слушателя к выбору определенной позиции.

Проведенные исследования [Кондратьева 2010; Ковалева 2013; Кондратьева, Ковалева 2014 и др.] позволили установить, что существенное место в выступлениях Юлии Тимошенко занимает социальная метафорика, являющаяся основным способом концептуализации политической действительности Украины, при этом основными источниками метафорической экспансии выступают такие сферы, как «Война», «Криминал», «Театр», «Игра» и «Спорт».

Также был сделан вывод, что для каждого периода политической деятельности Юлии Тимошенко характерно преобладание определенных типов метафор: во время первого участия в президентских выборах доминировали милитарные и спортивные метафоры, демонстрирующие стремление к победе, в период судебного процесса над экс-премьером – театральные метафоры, актуализирующие фальшивость происходящего, постановочный характер процесса, нелегитимности происходящего, в период баллотирования в президенты в 2014 г. активизируются криминальные метафоры, демонстрирующие несовершенство политической деятельности оппонентов и тревожную ситуацию в стране.

Все перечисленные метафоры, правда, с разной степенью интенсивности, используются на всем протяжении политической карьеры Юлии Тимошенко. Тем не менее, в обиход входят и новые метафорические модели [см. Кондратьева 2013]. Одной из наиболее ярких особенностей политического языка Юлии Тимошенко последних трех лет становится сакральная метафорика, оформившаяся и активно функционирующая в рамках социоморфной метафорической модели.

Задача настоящей работы – описать особенности метафор с исходной сферой «религия» в выступлениях Юлии Тимошенко. Материалом исследования послужила русская версия официального сайта (архивная и действующая) за 2012-2014 гг.

Религиозные нотки начинают отчетливо звучать в высказываниях Юлии Тимошенко с 2011, это как разного рода прямые номинации, упоминания о Боге, вере, жертвенности, так и сакральная метафорика, что ранее было не характерно для ее идиостиля. Появление подобных метафор, на наш взгляд, обусловлено произошедшими изменениями в судьбе Юлии Тимошенко – это период судебного процесса и заключения в колонии. Именно в этот период религия начинает использоваться как сфера-донор, источник метафорической экспансии в сферу-мишень «политика».

Религия – особая форма осознания мира, обусловленная верой в сверхъестественное, включающая в себя свод моральных норм и типов поведения, обрядов, культовых действий и объединение людей в организации (церковь, религиозную общину). Принадлежность к соответствующей религиозной конфессии является важным компонентом культуры любого этноса. Религиозно-конфессиональные факторы «играли (и играют!) выдающуюся роль в судьбах языков и, шире, в истории человеческой коммуникации» [Мечковская 1998: 4]. Существующие различия в лингвокультурах разных этносов в значительной степени также обусловлены данными факторами.

Значимость религиозной сферы, ее детальная структурированность и несомненная роль в жизни человека обуславливает использование информации о данной сфере как источника осмысления различных сфер действительности [см., например, Колтышева 2008; Романова 2011 и др.], в том числе и мира политики.

В изученном материале сакральная метафорика представлена следующими фреймами: «Святость и греховность», «Божья благодать и наказание за грехи», «Религиозные действия и ритуалы», «Святыни и предметы культа», «Религиозные войны», «Чудеса веры».

1. Фрейм «Святость и греховность». Лексемы *святость*, *святой* получают метафорическое переосмысление при характеристике разнообразных реалий политической действительности Украины. Подобное употребление обладает ярко выраженным позитивным прагматическим потенциалом, актуализирует смыслы особой значимости, чистоты, непорочности, истинности. Метафорические эпитеты подобного типа характеризуют Украину в целом и политическую деятельность Юлии Тимошенко и ее сторонников (но никогда, что вполне закономерно, ее оппонентов): *Чем больше честных и уверенных в своей правоте людей, таких как вы, мои родные, восстанет против несправедливости, тем быстрее мы будем праздновать становление и возрождение нашей новой жизни и святой Украины* (27 ноября 2012 г.); *Я прошу вас поднять невиданную по своему масштабу лавину нашей воли и силы до такого уровня, чтобы авторитарная мафия Януковича не смогла помешать нашему историческому, святому воссоединению с нашей настоящей цивилизационной семьей* (25 ноября 2013 г.); *Мне больно, что я не могу физически быть вместе с вами, что не могу сейчас вместе с вами дышать святым воздухом единства, свободы и борьбы, который всегда был на нашем Майдане* (25 ноября 2013 г.). *Наше национальное достоинство — право быть суверенными. Это святое право. И никто не может его просто отменить и ехать договариваться. Это будет предательство Украины, и я никогда этого не поддержу* (26 апреля 2014 г.). Соответственно, политические концепции идеологических противников Юлии Тимошенко предстают как изначально порочные, греховные по своей сути.

2. Фрейм «Божья благодать и наказание за грехи». Во многих религиозных концепциях предполагается вознаграждение или возмездие за определенные поступки. Это награда за угодное Божеству поведение (божья благодать) и, соответственно, наказание за неугодное, т.е. за греховность (отлучение от церкви).

1. Слот «Божья благодать». Выход студентов на Майдан в метафорической трактовке Юлии Тимошенко предстает в ореоле Божьего Благословения: *Сегодня вы сделали Евромайдан креативным, жизнерадостным, красивым, совершенно мирным. Такое впечатление, что вы своим особым языком просили Божьего Благословения, и оно вошло над Украиной и вдохновило весь мир на нашу поддержку. Вы похожи на пришельцев из других счастливых миров, которые сегодня меняют Украину, выхватывают ее из Средневековья* (29 ноября 2013 г.).

2. Слот «Наказание за грехи». Дистанцирование Украины от Европы описывается метафорами отлучения от церкви: *Я прошу вас поднять невиданную по своему масштабу лавину нашей воли и силы до такого уровня, чтобы авторитарная мафия Януковича не смогла помешать нашему историческому, святому воссоединению с нашей настоящей цивилизационной семьей, от которой мы были отлучены сотни лет* (25 ноября 2013 г.).

3. Фрейм «Святыни и предметы культа». В религиозной жизни есть особые артефакты — иконы, мощи святых, гробницы и т.п., которым поклоняются верующие, а также культовые строения, необходимые для богослужения (храм, собор, капелла и т.д.). Главной ценностью и, соответственно, главной святыней в выступлениях Юлии Тимошенко становятся свобода и независимость Украины.

В период тюремного заключения Юлия Тимошенко неоднократно, в том числе и ее дочь, именуется новой иконой свободы: *Моя мама стала иконой свободы во всем мире* (19 февраля 2012 г.). Сама Юлия Тимошенко схожим образом характеризует Маргарет Тэтчер, на которую стремится во многом быть похожей: *Железная Леди стала светской иконой* (17 апреля 2013 г.).

Участники политического конфликта, погибшие во время противостояния, метафорически уподобляются наиболее значимым объектам христианства, обладающим к тому же и несомненной культурной ценностью, а именно фрескам и капелле: *В Ватикане на стене Сикстинской капеллы находится одна из известных и величественных фресок христианской культуры. Называется "Последний суд" Микеланджело. У нас теперь есть своя фреска и своя капелла — это наша Небесная сотня* (29 марта 2014 г.). Таким образом, Юлия Тимошенко и ее единомышленники подаются на сайте как объект особого поклонения, некий эталон для всех прочих.

4. Фрейм «Религиозные действия и ритуалы». С древних времен люди проводили ритуалы, чтобы умиротворить богов, успокоить стихии, получить хороший урожай, победить врага.

Слот 1. «Религиозные действия». Для верующего человека характерны такие особые действия и состояния, как вера, молитва, исповедь, покаяние. Вера в божество является необходимым условием любой религии. В политическом дискурсе Юлии Тимошенко объектом веры становится не Бог, а конституция: *Поэтому наша задача, если мы вносим изменения в Конституцию, вернуть к этой Конституции веру в обществе, веру в сердце каждого человека* (29 апреля 2014 г.).

Актуальным для политического дискурса Тимошенко в последнее время становится и концепт «покаяние». Но если традиционно при покаянии просят прощения у Бога за совершенные прегрешения, то в данном случае речь идет о признании политических ошибок (искреннем или мнимом) перед лицом электората: *Я, как один из политиков, каюсь. Я хочу извиниться перед вами за всех политиков. Неважно, в каких они партиях. Неважно, какие они занимают должности. Политики до сегодняшнего дня были вас недостойны ... Я хочу сделать все, чтобы вы простили других политиков, других должностных лиц, других чиновников* (22 февраля 2014 г.).

Слот 2. «Религиозные ритуалы». Ритуалы характерны как для язычества так и для христианства. К числу основных религиозных ритуалов можно отнести освящение, крещение, жертвоприношение.

Жертвоприношение – обряд установления связи с богами или другими сверхъестественными существами путем принесения им в дар предметов, обладающих реальной или символической ценностью для жертвователя. В высказываниях Юлии Тимошенко все ценности приносятся на политический алтарь во имя будущего страны: *Нет такой мирной и моральной жертвы, которую мы не принесли бы ради нашего европейского будущего. Но есть осложнения на нашем пути, которые надо любой ценой преодолеть* (26 ноября 2013 г.).

Жизненный путь Тимошенко и ее единомышленников предстает в подобной интерпретации как жертвенное служение главному божеству – Украине: *Мы с вами сильны нашей верой в Господа, любовью к людям, способностью прощать, жертвенным служением своей родной земле, своей великой стране. И это единственный верный путь, который нельзя разрушить насилием, агрессией, обманом или фальсификациями* (27 ноября 2012 г.); *Я хочу верить, что главное в нашей жизни – это жертвенное служение людям, своей стране, а не мелочные амбиции и интриги* (20 декабря 2012 г.).

Фрейм 5. «Религиозные войны». Столкновения между представителями разных конфессий становятся базой для описания напряженной политической борьбы, борьбы с коррупцией: *Это явление настолько поглотило Украину, что сегодня борьба с коррупцией может стать практически крестовым походом. А этот закон позволяет каждому человеку быть солдатом этого крестового похода против коррупции* (28 марта 2014 г.).

Фрейм 6. «Чудеса веры». Основное чудо христианства – воскрешение Христа. С помощью метафор подобного плана транслируются идеи возрождения, обретения утраченных ценностей: *Украина непременно победит и создаст для всех нас такое общество, которого все мы достойны! Христос Воскрес! Воскреснет и Украина!* (20 апреля 2014 г.); *Благодаря вам (студентам. – О.К.) сейчас в Украине происходит настоящее чудо. Вы вдохнули в украинское общество жизнь, зажгли гордость в сердцах всех ваших родителей по всей Украине* (29 ноября 2013 г.).

Таким образом, метафоры с исходной сферой «Религия» становятся в последние годы характерной чертой политического языка Юлии Тимошенко. Посредством использования сакральной метафоры, обладающей позитивным прагматическим потенциалом, экс-премьер стремится создать особое отношение к своей деятельности как к освященному божьим промыслом процессу, а также сформировать в народном восприятии свой образ как некоей мученицы за идею, жертвы, пострадавшей от несправедливых гонений, но по-прежнему готовой претерпеть страдания и муки за Украину и за украинский народ, т.е. позиционирует себя как святую нового времени, как новую икону свободы.

Литература

Ковалева К.А. Милитарные метафоры как средство репрезентации политической действительности в идиостиле Юлии Тимошенко // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2013. – № 4-2 (56). – С. 121-124.

Колтышева С. Я. Шоу-бизнес как сфера-магнит для религиозной метафоры // Политическая лингвистика. – 2008. – № 1(28). – С. 124-130.

Кондратьева, О.Н. Метафорическая репрезентация политической жизни Украины в идиостиле Юлии Тимошенко [Текст] / О.Н. Кондратьева // Политическая лингвистика: – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2010. – № 4(34) – С.101–112.

Кондратьева О.Н. Роль компьютерной метафоры в репрезентации политической жизни Украины // Политическая коммуникация. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2013. – С. 160-164.

Кондратьева О.Н., Ковалева К.А. Национально-специфические метафорические модели в политическом дискурсе Восточной Европы (на примере анализа политического дискурса Украины) // Ain't misbehavin'? Implicit and explicit strategies in Eastern European political discourse. – Zurich, 2014. – P. 83-94.

Мечковская Н.Б. Язык и религия. – М.: Агентство «Фаир», 1998. – 352 с.

Романова Н. Л. Своеобразие религиозной метафоры в современной немецкой прессе (на материале прессы ФРГ рубежа XX—XXI вв.) Политическая лингвистика. – 2011. – № 1(35). – С. 231-233.

Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000): монография. – Екатеринбург, 2001. – 238 с.

Источники

1. Официальный сайт Юлии Тимошенко (архивная версия). Режим доступа: <http://www.tymoshenko.com.ua/ru/>

2. Официальный сайт Юлии Тимошенко. Режим доступа: <http://www2.tymoshenko.ua/ru/>

КОСТИНА Н. Н., ЗЕРКИНА Н. Н.

Магнитогорск

ЗАРОЖДЕНИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ ПАРЛАМЕНТСКОГО ВОКАБУЛЯРА

Аннотация. В статье анализируется зарождение и становление парламентского вокабуляра. Авторы рассматривают британскую парламентскую лексику как источник мирового парламентского вокабуляра. Интернациональная маркированность и лингвистическая состоятельность английского парламентского вокабуляра поддерживается и доказывается его присутствием в качестве заимствований в парламентских вокабулярах разных государств и языков.

Ключевые слова: парламентская лексика, языковые единицы, британский парламент.

KOSTINA N. N., ZERKINA N. N.

Magnitogorsk

ETYMOLOGY AND DEVELOPMENT OF PARLIAMENTARY VOCABULARY

Abstract. Etymology and development of parliamentary vocabulary is analyzed in this paper. The authors describe the British parliamentary vocabulary as the source of the global parliamentary vocabulary. International markedness and linguistic sufficiency of the English parliamentary vocabulary are promoted and proved by its presence in the function of borrowed words in parliamentary vocabularies of different states and languages.

Key words: parliamentary vocabulary, linguistic units, British parliament.

Scire leges non hoc est verba earum tenere,
sed vim et potestatem⁴

В эпоху глобализации и влияния политических систем на ход развития истории и цивилизации роль языка возрастает. Язык как культурно-историческое явление из средства общения становится орудием и оружием политики. Таким образом, язык любого геополитического пространства как сдерживает, так и провоцирует, как политические, так и социально-исторические процессы.

«Связь между языком и политикой очевидна: «ни один политический язык не может существовать без коммуникации», «специфика политики, в отличие от ряда других сфер человеческой деятельности, заключается в ее преимущественно дискурсивном характере: многие политические действия по своей природе являются речевыми действиями» [Шейгал 2000:17 цит. по Ракитиной 2007:12].

Несмотря на то, что «путь от реального мира к понятию и далее к словесному выражению различен у разных народов, что обусловлено различиями истории, географии, особенностями жизни этих народов, их правовой системой и, соответственно, различиями развития их общественного сознания», можно выделить ту часть вокабуляра, которая является универсальной для разных стран и народов [Зеркина 2012: 83].

Так как регулирующим органом многих политических систем является парламент (или его аналог), то парламентский язык (язык парламента) является тем средством, которое вербализирует и управляет ходом истории как конкретных стран, так и целых цивилизаций.

Итак, проведем этимологический анализ британской парламентской лексики, которая отображает все исторические вехи развития Великобритании как государства. Самое главное, именно британский парламент стал со временем образцом демократической организации представительной (законодательной) власти, и именно его называют «прародительницей парламентов» (*Mother of Parliaments*)⁵.

Диахронический подход к парламентской лексике еще раз доказывает и демонстрирует интернациональную маркированность и многовековую историю становления парламентского вокабуляра, а значит и развитие парламентаризма. Такие реликты истории, как влияние Римской Империи и латинского языка, отразились в следующих примерах парламентского вокабуляра: *процедура* - лат. *procedere* продвигаться; *партия* (лат. *pars* - часть, группа; от *partio* - делю, разделяю); *депутат* - (от лат. *deputatus* - посланный, уполномоченный); *диспут* (от лат. *disputare* - спорить, рассуждать); *делегировать* (от лат. *delegare* - выделять, передавать); *администрация* (от лат. *Administration* - управление); *акт* (от лат. *actus*); *аппарат* (лат. *apparatus* - оборудование); *кодекс* [-дз-] (от лат. *codex* - книга, свод); *конгресс* (лат. *congressus* - встреча, собрание); *консолидация* (позднелат. *consolidation* от *consolido* - поддерживаю, укрепляю); *либерал* (от лат. *liberalis* - касающийся свободы, свободный); *мандат* (от лат. *mandatum* - поручение, распоряжение, указ); *манифест* (от лат. *manifestum* - призыв); *министр* (от лат. *minister regis* - помощник, слуга царя) [ССПТ 2002]; *Лобби* - Lobby- в 1530-г.г. пришло из средневекового латинского, в который оно пришло из старо-верхнегерманского *louba*(=hall, roof) [OED].

Этимология термина «консерватизм» восходит к латинскому слову *conservare* - «сохранять» и означает в широком смысле сбережение, защиту. Включение понятий «консерватизм», «консерватор» в научный лексикон связано с именем французского писателя Ф. Шатобриана (1768-1848).

Индоевропейские корни парламентского вокабуляра обнаруживаются в нижеприведенных примерах парламентской лексики: *парламентарий* (нем. *Parlamentarier*) - член парламента [ССПТ 2002: 312]; *политик* (*politician*, от гр. *politike*) - 1) активный участник полит. жизни; полит. деятель, лицо, профессионально занимающееся вопросами политики [ССПТ 2002: 332].

© Костина Н. Н., Зеркина Н. Н., 2014

⁴ Знать законы - значит воспринимать не одни лишь их слова, но и их силу и могущество

⁵ Слова из выступления государственного деятеля Дж. Брайта (John Bright, 1811-89) [1, с. 326].

Наличие языковых единиц с французской этимологией в парламентском вокабуляре объясняется так же историческими моментами. Например, *парламент* (англ. *parliament*, фр. *parlement* от фр. *parler* – говорить); *конституция* (фр. *constitution* от лат. *constitution* – установление, устройство); *бюро* [(англ.) *bureau* < (фр.) *bureau* (XVIII в.)] – 1. название руководящей части некоторых органов.

В английском языке присутствует ряд заимствованных лексических единиц из французского языка, которые в свою очередь были заимствованы во французский из других языков. Например, *barricade* пришло в английский из средне-французского 1590-е гг., в который оно было заимствовано из испанского языка *batricque* (=batrel) в 1550 г. [OED].

Английские заимствования с французской этимологией регулярно актуализируются в русском правовом вокабуляре, появляются в различных видах дискурсов без перевода. Так, например, *officious* появилось к 1600г. от французского *officieux*; *revolution* в конце 14в. было заимствовано из старо-французского и означало «revolucion» - «небесные тела», «курс, движение небесных тел»; *regime* в 1792г. появилось в английском языке из французского в значении *régime* «система управления или правила» от старо-французского *regimen* (14в.) [OED].

Coup d 'etat [ku: dei 'ta:] в 1640-е заимствуется в английский из французского *coup d 'etate* - переворот [LED 2009: 338-339].

Как не раз отмечалось, развитие любого языка прямо зависит от внеязыковой действительности, к которой относится социально-культурная история народа, своеобразие его менталитета, образа жизни, видение мира. Зачастую эта действительность носит стихийный характер – ее причины и действия сложно предугадать. Потрясения и трагедии изменяют сознание и мышление человека. Поскольку язык находится в постоянном движении, он также приобретает некую стихийность, создавая новые конструкции и определяя частоту употребления существующих в языке слов [Абайдельдинов 2013: 113].

Во времена становления и развития Британского парламента языком документации и устной речи был французский. Само слово парламент происходит от французского «*parler*» говорить, но записи служебные или относящиеся к делам Церкви велись на латинском языке. Таким образом, весомая часть парламентской лексики имеет латинскую этимологию. И только с 1363 года речи депутатов произносились на английском языке.

В наше время язык парламентского делопроизводства – английский. Выступления на других языках не допускаются.

В отношении лингвистики, британский парламент имеет еще одну традицию-закон: не использовать «непарламентский» язык на заседаниях. Всем членам парламента запрещено пользоваться лексикой, которая могла бы «оскорбить достоинство» парламента. Это правило включает любые виды мата, личные оскорбления и, самое серьезное, обвинения члена парламента в непорядочности. В список запрещенной лексики в парламенте входят даже такие, казалось бы, общеупотребительные слова, как «трус», «хулиган», «лжец», «предатель», «изменник», «негодяй».

Многие политики добились изумительных высот в «искусстве» оскорбления без использования «непарламентской» лексики: так, например, прямые обвинения во лжи скрываются за ироничной характеристикой человека «экономящего на правде».

В парламенте принято говорить на консервативном типе английского языка.⁶

Английский язык в британском парламенте не только средство общения, но и своеобразный вердикт законопроектам. Так, например, каждый законопроект проходит несколько этапов обсуждения. Первое чтение представляет собой чистую формальность. Во втором чтении обсуждаются общие принципы законопроекта. Во втором чтении палата может проголосовать за отклонение законопроекта, отказавшись произнести «*That the Bill be now read a second time*», но отклонение правительственных биллей происходит очень редко. После того как палата рассмотрела законопроект, следует третье чтение. В палате общин (*House of Commons*) поправки больше не вносятся, и принятие предложения «*That the Bill be now read a third time*» означает принятие всего законопроекта. Однако поправки могут быть ещё внесены в палате лордов (*House of Lords*) После прохождения третьего чтения палата Лордов (*House of Lords*) должна проголосовать за предложение «*That the Bill do now pass*». Постановления о доверии обычно вносятся на голосование правительством, чтобы получить поддержку от палаты, в то время как постановления о недоверии вносятся оппозицией. Постановления обычно выражаются словами «*That this House has [no] confidence in Her Majesty's Government*», но могут использоваться и другие выражения, особенно указывающие на какую-то конкретную политику, поддерживаемую или не поддерживаемую парламентом. Например, постановление о доверии правительству 1992 года использовало выражение «*That this House expresses the support for the economic policy of Her Majesty's Government*». Но необходимо отметить, что прежде чем билль (*Bill*) станет законом, королева Великобритании должна дать свое одобрение или так назы-

⁶ Британский вариант английского языка включает в себя три языковых типа: 1. Консервативный английский (Conservative). Это язык королевской семьи и британского парламента. 2. Принятый стандарт (Received pronunciation. «BBC English»). Это язык средств массовой информации. 3. Продвинутый английский. (Advanced English). Является самым подвижным типом, в котором быстро приживаются элементы других языков, лексические заимствования. Язык молодежи, на который оказывает большое влияние американский английский язык. Продвинутый английский больше всего подвержен общей тенденции к упрощению языка. Изменения происходят прежде всего в лексике.

ваемую королевскую санкцию (*royal assent*). У королевы до сих пор сохраняются права на принятие, отказ от принятия или откладывание вступления в действие любого нового законопроекта, предложенного парламентом.

В своих выступлениях депутаты должны следовать определенным правилам. Читать речь не дозволено. Существует форма обращения депутатов друг к другу – не по имени, а в третьем лице, что еще раз доказывает, что язык может быть орудием воздействия и формирования порядка.

Язык не только отражает формы контроля, но сам становится инструментом контроля даже там, где он сообщает не приказы, а информацию, где он требует не повиновения, а выбора, не подчинения, а свободы [Ракитина 2010: 54].

Интернациональная маркированность и лингвистическая состоятельность английского парламентского вокабуляра поддерживается и доказывается его присутствием в качестве заимствований в парламентских вокабулярах разных государств и языков. Параллельно с заимствованием фонетической и орфографической формы слова заимствуется и семантика данных языковых единиц, а значит, формируется не только понятийный аппарат, но и регламентируются и направляются политические и социально-исторические процессы. Взаимоотношения человека и общества носят сложный характер, и интересы обеих сторон закреплены в законах и других нормативно-правовых документах государственной власти [Абайдельдинов 2013: 108].

Таким образом, «английский» вокабуляр российского парламента может быть представлен следующими языковыми единицами: *вице-президент*; *гоу-ин* (англ. *Go in* – входить, вступать внутрь); *импичмент* (англ. *Impeachment*); *интеграция* [-тэ-] (англ. *integration* от лат. *integration* – восстановление, восполнение); *лейборист* (англ. *labour* от лат. *labor* – труд); *саммит* (англ. *summit* букв. – вершина, верх); *спикер* (англ. *speaker* букв. – оратор); *спичрайтер* [-тэ] (англ. *speech-writer*) и т.д.

Парламентский язык является той своеобразной семиотической системой, которая может быть названа «проводником идеологии», который формирует менталитет, закрепляет в сознании социума определенные политические понятия и нормы.

На основании вышеизложенного можно констатировать, что становление и развитие парламентского вокабуляра доказывает и наглядно демонстрирует общепринятый вектор развития языка и общества в сторону глобализации и мультикультурализма.

Литература

Абайдельдинов Е.М., Балынская Н.Р., Борисов А.Н. и др. Реализация, обеспечение и защита прав человека в условиях мультикультурализма. Магнитогорск: Изд-во Магнитогорск. гос. техн. ун-та им. Г.И. Носова, 2013.

Великобритания. Лингвострановедческий словарь. – 2-е изд., стереотипное/ А.Р.У. Рум – М.: Рус. яз., 2000.

Зеркина Н.Н. Репрезентация понятия «ПРАВА ЧЕЛОВЕКА» средствами английской фразеологии: лингво-исторический аспект // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 7. (18)Ч. 2.

Ракитина Н.Н. Лингвокультурологические аспекты функционирования аббревиатур в политическом дискурсе: автореф. дис.... канд. филол. наук. Челябинск, 2007.

Ракитина Н.Н. Лингвокультурологические аспекты функционирования аббревиатур в политическом дискурсе. Магнитогорск: МаГУ, 2010.

Словарь современных понятий и терминов = ССПТ/ 4-е изд., дораб. и доп. / Авт.: Н.Т. Бунимович, Г.Г. Жаркова, Т.М. Корнилова и др.; Сост., общ. ред. В.А. Макаренко. – М.: Республика, 2002.

Longman Exams Dictionary = LED/ Pearson Education Limited, England, 2009.

Online Etymology Dictionary = OED/ 04.03.14. URL: http://etymonline.com/index.php?allowed_in_frame=0&search=barricade&searchmode=none

КОСТРОМИЧЕВА М. В., ПОЛЯКОВ А. С.

Орёл

РОССИЙСКО-УКРАИНСКИЙ КОНФЛИКТ: ИНВЕКТИВНЫЕ НОВООБРАЗОВАНИЯ

Аннотация. Статья посвящена некоторым новообразованиям в ненормативной этнонимике, которые возникли или активизировались по причине политического кризиса в Украине и конфликта с Россией. Его результатом стало появление новых слов или переход в активный словарь ранее существовавших единиц, называющих жителей России и Украины с негативной оценкой. Часто такие слова дифференцируют людей по политическим группам и местам проживания. Таким образом, данная лексика, как и все ненормативные этнонимы, должна быть изучена как средство возбуждения ненависти и вражды.

Ключевые слова: наименования лиц, ненормативные этнонимы, экстремизм.

KOSTROMICHEVA M. V., POLYAKOV A. S.

Orel

RUSSIAN-UKRAINIAN CONFLICT: INVECTIVE NEOLOGISMS

Abstract. The article deals with some new subjects of substandard ethnonyms, which were appeared or activated because of political crisis in Ukraine and conflict with Russia. As a result, there are new lexical units or words which came into active lexicon that name residents of Russia and Ukraine with a negative judgment. These words frequently differentiate people between several political communities and places of residence. Therefore this lexis, like any offensive ethnonyms, should be studied as means of hatred and hostility stimulation.

Key words: people names, offensive ethnonyms, extremism.

В современных средствах массовой коммуникации фиксируется большое количество новообразований инвективного характера – лексических единиц, употребляемых в функции речевой атаки, для негативного психологического воздействия на адресата и других собеседников, формирования отрицательного образа объекта агрессии.

Наиболее распространенные пути возникновения инвектив – употребление ранее нейтрального или положительно окрашенного слова в оскорбительном контексте, включение в морфемный состав слова субъективно-оценочного аффикса, образование сложного слова, формирование у слова нового значения путем метафорического переноса, эрратив как намеренное искажение фонемного облика слова.

Поскольку официальные печатные СМИ, радио и телевидение в настоящее время стараются не допускать эксплицитного выражения негативного отношения к социальным и каким-либо иным группам лиц, местом для психологической разрядки, а также для агитации и пропаганды различных политических сил зачастую выступают интернет-ресурсы. Данное утверждение будет являться верным до тех пор, пока влияние органов государственной власти на сеть не станет сопоставимым с таковым в отношении других, традиционных средств массовой коммуникации. Интернет-дискурс в настоящее время является основным источником фактического материала для исследований языковых новообразований, в частности – различных тематических групп ненормативной лексики. С обращением интернет-сообщества к новым темам для обсуждения появляются новые группы лексики, практически сразу входящие в активный словарь интернет-пользователей.

В последнее время наиболее обсуждаемой темой стала ситуация вокруг Украины, претерпевшей острый политический кризис и смену государственной власти. Как показывает всплеск активности в области новообразований (особенно – национал- и полит-инвектив), национальная политика Украины и внешнеполитические действия Российской Федерации нанесли значительный ущерб межнациональным отношениям. Следствием этого явилась активизация процессов словотворчества в сфере ненормативной этнонимики. Ненормативные этнонимы – это этнонимы, противопоставленные официальным названиям этнических групп, часто несущие в себе субъективно-оценочный и эмоционально-экспрессивный компоненты и употребляемые в инвективной функции. В зависимости от выбора наиболее существенной черты таких единиц в конкретном исследовании для них могут использоваться различные термины (экспрессивные этнонимы, национал-инвективы, этнические инвективы и др.). Выбор юрислингвистического аспекта при анализе данного явления, с нашей точки зрения, обуславливает выбор термина «ненормативный этноним», при употреблении которого ненормативность понимается широко: несоответствие слова литературной норме, нарушение правовых норм вследствие нарушения прав отдельных лиц или целых групп и нарушение общепринятых норм поведения в обществе (при инвективном употреблении таких этнонимов).

Вышесказанное в совокупности обуславливает актуальность обращения в настоящий момент именно к ненормативным этнонимам, употребляемым по отношению к русским и украинцам при обсуждении новостей, касающихся текущей политической ситуации в Украине. Как показывает изучение материалов публичных дискуссий и переписки интернет-пользователей, при этом используются как кодифицированные (отраженные в словарях) и известные науке ненормативные этнонимы (*хохол, москаль, кацан*), так и производные от них новообразования, специфические для политического экстремистского поддискурса интернета ненормативные этнонимы, а также совершенно новые, ранее не встречавшиеся единицы.

Этноним *хохол*, называющий украинца, включен в основные словари русской ненормативной лексики, и он может относиться к потенциально оскорбительной лексике. Отдельного рассмотрения требует продуктивность эрратива как способа словообразования производных национал-инвектив от данного слова, заключающегося в намеренном искажении слова. В инвективах эрратив может использоваться с одной из двух целей: 1) имитация

безграмотности, причем в отличие от юмористических текстов, в инвективе данная характеристика приписывается тому, о ком идет речь (примеры: *хохл*, *хихлы*, *хахел* и т.д.). При этом возможна имитация т.н. суржика – смешанного языкового образования, включающего в себя элементы украинского и русского языков (говорящий таким образом может указать, что объект речи не владеет ни одним из двух языков в литературной форме); 2) при эрративе возможны такие изменения в фонемном составе слова, при которых часть нового слова может стать созвучной с ненормативной лексической единицей или ее частью (см., например, лексемы *какол* (*каклы*), *какел*). Основа этнонима *хохол* является также частью словосложений, в которых второй компонент используется для усиления инвективной функции слова, см., например: *хохлосвинья*, *хохлопидор*, *хохлопитек*.

Слово *укр* (известное по т.н. «альтернативной истории» Украины) может употребляться с иронической окраской, но в настоящее время можно говорить и о стабильной ассоциативной связи слова с исключительно негативной стороной понятия 'национализм'. Отметим также возможную ложную мотивацию данного слова: читатель, не знакомый с публикациями вроде «Происхождения древних укров», может воспринять лексическую единицу как усечение официального этнонима: *укр* ← *украинец*, по модели *азер* ← *азербайджанец*, *даг* ← *дагестанец* и т.д. Таким образом, перед нами предстает один из случаев, когда множественность интерпретаций не исключает понимание читателем или слушателем ненормативного этнонима как однозначно негативно-оценочного.

Словообразовательное гнездо этнонима *укр* в крайней степени продуктивно за счет высокого потенциала слова в области словосложения. В ряде случаев значение вновь образованного сложного слова дополняется резко негативно-оценочной коннотацией, взятой от второго компонента: *укроублюдок*, *укродебил*, *укрошлюха*, *укротварь*, *укропитек*.

Дискуссия о том, какой предлог – *в* или *на* – следует употреблять с падежными формами хоронима *Украина*, нашла отражение в иронически окрашенном ненормативном этнониме *внаукр*, в состав которого вошли оба варианта.

Новый этноним может быть образован от двух других этнонимов, где одним из компонентов также будет *укр*–: *укрокацап*, *укротюрки*, *укрожид*, *хохлоукр*, *затукр* (здесь первый компонент – усеченная основа прилагательного *западный*). Усечение *укр*– становится также компонентом таких словосложений как *укро-телевидение*, *укроСМИ*, *укрородственник* и т.д. От этнонима *укр* могут образовываться и другие разновидности новообразований, примером может послужить составная полит-инвектива *укросвидомый*, вторая часть которого имеет в украинском языке значение 'сознательный', в речи же русских интернет-пользователей слово *укросвидомый* употребляется в значении 'украинский националист'.

Ненормативный этноним может стать результатом изменений в фонемном составе. Так, в слове *украинец* формально имеет место метатеза, произошедшая в официальном наименовании этнической общности, однако здесь прозрачно усматривается связь с криминально-жаргонным словом *урка*, придающим новому ненормативному этнониму инвективный характер.

Еще одно словообразовательное гнездо образует ненормативный этноним *укроп* (см. также: *укропка*, *укропат*, *укропатский*, *укропия* и др.). Возникновение данных единиц связано, вероятнее всего, с историей, произошедшей с телеведущим Иваном Ургантом, который в эфире программы «Смак» во время приготовления блюда сказал: «Я порубил зелень, как красный комиссар жителей украинской деревни». Эта история в свое время вызвала серьезный скандал и широко освещалась в СМИ.

Инвективные ненормативные этнонимы, употребляемые в адрес русских со стороны украинцев также широко представлены в интернет-дискурсе. Этноним *москаль*, фиксируется рядом современных лексикографических источников как пренебрежительное прозвище русских у украинцев и белорусов. Слово *кацап*, называющее представителя русской нации, можно отнести к «традиционным» национал-инвективам (оно также фиксируется в лексикографических источниках, в том числе, с указанием на презрительный характер слова). В связи с обсуждением российско-украинского противостояния отмечается не только словотворчество, но и возвращение подобных лексических единиц в активный словарный запас, причём в подавляющем большинстве зафиксированных нами случаев – в контекстах с ярко выраженной инвективностью.

Помимо активного употребления собственно этнонима *кацап*, отмечается образование от него новых производных слов. Так, словообразовательная модель, заключающаяся в присоединении суффикса *–оид*– со значением подобия, является продуктивной для национал- и полит-инвектив в экстремистском интернет-поддискурсе (*армяноид*, *кавказоид*, *чеченоид*, *жидорептилоид*, *оранжсоид*, *путиноид* и т.д.). Суффикс *–оид*– ранее был более характерен для научного стиля. Наиболее вероятно, что первым общеупотребительным словом, образованным по данной модели, было слово *гуманоид* – «подобный человеку». Возможность восприятия слов, образованных по данной модели, в качестве инвектив объясняется ассоциативной связью подобия с неполноценностью, которая, собственно, и обуславливает возможность употребления слов, образованных по указанной модели, в речевом акте оскорбления. В наших материалах нами был отмечен ненормативный этноним *кацапоид*, что подтверждает продуктивность модели при образовании национал-инвектив.

В националистическом дискурсе при образовании ненормативных этнонимов используются суффиксы с собирательным значением (*жидва*, *зверота*, *русня*, *чурье* и т.д.). От этнонима *кацап*, в свою очередь, образуется слово *кацапье*. Поскольку собирательность исключает восприятие членов группы по отдельности, говорящий путем употребления такой лексической единицы дискриминирует группу, представляя ее как однородную массу, лишённую индивидуальности.

Если первоначальный официальный этноним относится к сложным словам, по нашим наблюдениям, возможно его превращение в ненормативный путем замены только одного из корней в его составе. К примеру, таким способом образовано отэтнонимное образование *малокацапский* от прилагательного *малоросский*. Примечательно, что в слово, изначально по смыслу относящееся к Украине, проникла презрительная национально-инвектива, употребляемая в речи украинцев по отношению к русским. Возникает парадоксальная ситуация: и русский, и украинец, употребив данное слово, неизбежно негативно охарактеризует не только чужую, но и свою нацию.

Отдельная группа ненормативных этнонимов (и часто омонимичных хоронимов) образуется с использованием компонента *рашка* (от английского *Russia*). Эмоционально-экспрессивная окраска такого заимствования может колебаться от шутливо-иронической (в контексте с демонстрацией самоиронии) до крайне презрительной. Прозрачное по мотивации слово *пидорашка* является результатом междусловного наложения, само слово *пидорашка* употребляется как для наименования России как государства (то есть в качестве ненормативного топонима), так и в качестве ненормативного этнонима для называния русского человека. К числу суффиксальных производных относится также слово *рашкованин*, образованное по продуктивной в целом модели с суффиксом *-анин-*, используемом при образовании названий жителей или уроженцев местности, названной мотивирующим словом.

Здесь мы рассмотрели некоторые ненормативные этнонимы, используемые в интернет-дискурсе в рамках существующей в настоящее время между Россией и Украиной конфликтной ситуации. Но уже по имеющимся примерам можно сделать вывод, что часто ненормативные этнонимы строятся по аналогии с ранее известными. Отметим, что зачастую нельзя рассматривать ненормативные этнонимы в отрыве от полит-инвектив (см. *ватник*, *колорад*, *майдаун*), многие из зафиксированных наименований не могут быть отнесены исключительно к группе национально-инвектив, так как именуют группы лиц не по признаку национальности, а по признаку происхождения из того региона, который вовлечен в конфликтную ситуацию (см., например, *лугандоны*, *даунбасята*). То есть некоторые инвективы по групповой отнесенности могут носить ярко выраженный синтетический характер.

В любом случае, обращает на себя внимание тот факт, что существующая конфликтная ситуация между Россией и Украиной, несомненно, повлияла не только на возрастание количества ненормативных этнонимов инвективного характера, но и на перемещение уже известных ненормативных этнонимов на «шкале инвективности» в сторону повышения степени их оскорбительности. Ярким примером может служить весьма характерное замечание известного либерального политического деятеля Л.Я. Гозмана, который написал следующее в твиттере: «в нашей семантике слово «укр» равно по оскорбительности словам «жид», «хач» и пр. Произносить их недостойно!», а на замечание собеседников о том, что термин является историческим, ответил: «Я говорю о современной семантике, а не об истор. понятиях. Про «жидов» тоже объясняли вполне похоже» (https://twitter.com/Leonid_Gozman/status/473106863136198656).

В заключение отметим, что отдельного исследования заслуживают новообразования – ненормативные номинации стран и регионов, вовлеченных в конфликтную ситуацию (*уркаина*, *украдина*, *укровина*, *руина*, *оркаина*, *каклия*, *укросомали*, *хохлорейх*, *бандеростан*, *запукрия*, *рагулистан*, *страна 404*, *дегенеративная наркоманская разбойния*, *рашистан*, *недороссия*, *ватникленд*, *ресурсия* и др.), а также прозвища политиков (*Потрошенко*, *Дурчинов*, *Поломойский*, *Януковец*, *Яйценюх*, *Глючко*, *Бабий Ярош* и др.).

КОСТЮНИНА М. В.

Сургут

ЛИНГВОРИТОРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРЕДВЫБОРНЫХ РЕЧЕЙ Б. ОБАМЫ (2008 Г.)

Аннотация. Рассматриваются некоторые особенности выступлений Б. Обамы в рамках предвыборной кампании 2008 года. Изучены лингво-риторические приемы аргументирующего дискурса, обладающие высокой персуазивностью и позволившие кандидату одержать победу на выборах.

Ключевые слова: политический дискурс; риторика; неориторика; предвыборная аргументация; аудитория.

KOSTYUNINA M. V.

Surgut

RHETORIC-LINGUISTIC PECULIARITIES IN ELECTION SPEECHES BY B. OBAMA (2008)

Abstract. Some peculiarities in speeches by B. Obama have been addressed to within the frame of election campaign 2008. High persuasive rhetoric-linguistic devices of argumentative discourse which let the candidate win the race have been examined.

Key words: political discourse; rhetoric; neorhetoric; election argumentation; audience.

По мнению многих исследователей, Барак Обама, более чем кто-либо из политиков, воплощает идеалы американского ораторского искусства. В его выступлениях можно уловить отголоски великих речей прошлого – что создает ощущение преемственности, целеустремленности и исторической значимости.

Екатерина Хаскинс, профессор риторики в университете Айовы говорит, что он, безусловно, изучал речевое творчество своих предшественников и прекрасно разбирается в ораторском наследии, из которого черпает вдохновение для своих речей [Холмс С. Обама и искусство красноречия. 19 ноября 2008. – Режим доступа: http://news.bbc.co.uk/hi/russian/international/newsid_7737000/7737249.stm]. Ссылаясь на великих лидеров прошло-

го, которых Америка привыкла почитать, он явно видит себя продолжателем дел Авраама Линкольна и Мартина Лютера Кинга.

Апелляция к великим историческим деятелям Америки, перечисление их достижений, позволяет нам говорить о преобладании аргумента к авторитету в речах Б. Обамы.

«*We are the party of Jefferson, who wrote the words that we are still trying to heed - that all of us are created equal - that all of us deserve the chance to pursue our happiness. We're the party of Jackson, who took back the White House for the people of this country. We're the party of a man who overcame his own disability to tell us that the only thing we had to fear was fear itself; who faced down fascism and liberated a continent from tyranny.*» (*Мы – партия Джефферсона, которому принадлежат слова, о том, что все мы созданы равными, и, что каждый из нас заслуживает шанс добиваться своего счастья, и мы все еще прислушиваемся к этим словам. Мы – партия Джексона, который возродил Белый дом для людей этой страны. Мы – партия человека, который смог преодолеть собственную инвалидность, чтобы показать нам, что единственное, чего нам стоит бояться – это сам страх; человек, который противостоял фашизму и освободил континент от тирании*) [Obama's speech to Virginia's Jefferson dinner. – Режим доступа: <http://www.realclearpolitics.com/9.02.2008>].

Во многих статьях, описывающих политическую деятельность Обамы, отмечают значительное отличие от речей соперников. Он следует принципам риторики, принятым в древних Афинах, где публичная речь, произнесенная перед простыми избирателями, была двигателем политики, и где искусство риторики возникло наряду с демократией.

Один из наиболее частых и действенных приёмов, встречающихся в аргументации Обамы, – триколон – известная техника Цицерона, при которой в ходе членения речи, возникает трехчлен, где сопоставляются три вещи. (Наиболее известный пример триколона принадлежит Цезарю: «Veni, vidi, vici» — «Пришёл, увидел, победил»). Предвыборные речи Б. Обамы изобилуют данным приемом, который представляет собой достаточно простую структуру. «*We can't keep spending money that we don't have in a war that we shouldn't have fought. We can't keep mortgaging our children's future on a mountain of debt. We can't keep driving a wider and wider gap between the few who are rich and the rest who struggle to keep pace. It's time to turn the page.*» (*Мы не можем продолжать тратить деньги, которых у нас нет, на военные действия, которые нам не следовало начинать. Мы не можем продолжать одалживать ипотечные кредиты на будущее наших детей при массе долгов. Мы не можем продолжать увеличивать пропасть между теми немногими, кто богат, и остальными, которым приходится бороться, чтобы не отставать от жизни. Пришло время перемен*) [Barack Obama's Potomac Primary Speech. – Режим доступа: <http://www.realclearpolitics.com/12.02.2008>]. Представленный пример демонстрирует градацию модальности, в которой конечная фраза представляет собой более жесткую конструкцию, начинающуюся с прямого отрицания. Факт использования техники Цицерона констатирует то, что аргумент к авторитету выступает одним из ключевых в речах данного политика. Помимо этого, использования не простых техник пропаганды, а убедительной логичной аргументации, дает основание полагать, что направлена она на универсальную аудиторию и не на убеждение, а на уверение, т.е. получение согласия каждого члена аудитории и по каждому пункту.

Помимо всего прочего, техника, используемая данным политиком, направлена на достижение соглашения аудитории по названным локусам. В выше приведенном примере это материальное благосостояние и мирное настоящее; в нижеприведенном примере, представляющем весьма убедительную и действенную структуру тетраколон, локусами выступают сохранение наследия прошлого и достижения будущего.

«*It's not about rich versus poor; young versus old; and it is not about black versus white. It's about the past versus the future. It's about whether we settle for the same divisions and distractions.*» (*Речь не о богатых и бедных, молодых и пожилых, и не о черных и белых. Речь о прошлом и будущем. Речь о том, будем ли мы довольствоваться подобными разделениями и распрями*) [Barack Obama's South Carolina Victory Speech. – Режим доступа: <http://www.realclearpolitics.com/26.01.2008>]. Неориторика утверждает, что всякая названная вещь получает жизнь и начинает существовать [Перельман 1987: 207–265], т.е. создается эффект присутствия – что мы можем наблюдать в данном высказывании. Отрицая, что «речь идет не о богатых и бедных», автор уже вводит их в разговор и концентрирует внимание на нужных ему вопросах – а именно, о равных возможностях для всех. Кроме того, внутри данного тетраколлона происходит варьирование, что, в свою очередь, позволяет усилить эффект воздействия на аудиторию и добиться желаемого восприятия произносимой речи. Данный политик определенно отличается от всех своих предшественников – президентов Америки, что он ясно понимает, но в своей аргументации он делает акцент не на расовой принадлежности, и не на материальной составляющей – он называет вещи более важные, значимые, представляющие общие ценности для всего народа. Также о своей «непохожести» он говорит и в другом высказывании, уже напрямую: «*I knew I wouldn't be Washington's favorite candidate. I knew we wouldn't get all the big donors or endorsements right off the bat. I knew I'd be the underdog in every contest from January to June. I knew it wouldn't be easy.*» (*Я знал, что не буду любимцем в Вашингтоне. Я знал, что мы не получим крупных пожертвований или поддержки с порога. Я знал, что буду темной лошадкой в каждом состязании с января по июнь. Я знал, что будет нелегко*) [Obama's speech to Virginia's Jefferson-Jackson dinner. – Режим доступа: <http://www.realclearpolitics.com/9.02.2008>]. Такой аргумент призван вызвать понимание и поддержку аудитории.

Вместе с тем, следует отметить, что убедительность речи достигается не только за счет подбора аргументов, но и их языкового выражения. Выразительность и образность речи призваны сделать речь более эмоциональной, оценочной, они способны выделить в речи главное, сконцентрировать внимание и тем самым облегчить восприятие сообщения. Одной из фигур, придающих аргументации образность, является анафора, кото-

рая призвана демонстрировать уверенный, чаще оптимистичный, эмоциональный настрой. Демонстрируя общие ценности и общие стремления, общие надежды, американскую мечту, Обама в одной из своих речей начинает каждое предложение словами «*It's a dream*»: «*It's a dream shared in big cities and small towns; across races, regions and religions – ... That is the American Dream. It's the dream of the father... It's the dream of the woman... It's the dream of the senior... It's the dream of the teacher...*». (*Это мечта поселилась в больших и малых городах, среди рас, регионов и религий... Вот она Американская мечта. Это мечта отца... Это мечта женщины... Это мечта пожилых людей... Это мечта учителя...*) [Barack Obama's Potomac Primary Speech. – Режим доступа: <http://www.realclearpolitics.com/12.02.2008>] – высказывание усилено антитезой («*big cities and small towns*») и аллитерацией («*races, regions and religions*»). Ему удается передать мысль, что он не только может возродить американскую мечту, но и что он лично воплощает американскую мечту. А призывы оратора к переменам начинаются со слов «*It's the answer*»: «*It's the answer told by lines that stretched around schools... It's the answer spoken by young and old... It's the answer...*». (*Вот ответ, о котором говорят в толпах вблизи школ... Вот ответ, произнесенный молодыми и пожилыми... Вот ответ*) [Barack Obama — Changes come to America. – Режим доступа: <http://4flaga.ru/158-obama.html/4.11.2008>].

Противоположным приемом выступает эпифора, которая также придает речи изобразительность, но в отличие от анафоры, она фиксирует внимание на следствии, а не на посылке. По сути, повтор используется для реализации одной из основных функций – функции подчёркивания, выделения основной мысли устного или письменного текста. Повторы полнозначной лексики обычно прямо связаны с темой текста или его части. С помощью повторения ключевых понятий происходит задержка, концентрация внимания на наиболее важной части, или основной, с точки зрения адресанта, мысли сообщения. В аргументации Обамы часто звучит фраза-лозунг «*Yes we can*», завершающая многие его речи: «*Yes, we can heal the nation. Yes, we can repair this world. Yes, we can*». (*Да, мы можем излечить эту нацию. Да, мы можем исправить этот мир. Да, мы можем*) [Obama, Barack «New Hampshire Concession Speech». Nashua, New Hampshire]. С одной стороны, мы можем предположить, что рефрен был заимствован из церковных проповедей, соответственно, он быстрее встретит отклик со стороны аудитории и будет иметь больший эффект, чем классическая риторика. И, безусловно, Обама находился под влиянием своего времени, когда речи проповедников имели очень мощный эффект. Доцент кафедры древней истории университета Warwick Джеймс Дэвидсон указывает на то, что проповедь берет своё начало в древней Греции. Древняя церковь составляла основу традиций классического ораторского искусства, «когда риторика была одной из наиболее важных частей образования. Через проповеди церковь захватила риторические традиции древних. Америка сохранила эти традиции, особенно в черной церкви» [The new Cicero. – Режим доступа: <http://www.guardian.co.uk/world/2008/nov/26/barack-obama-usa1>].

Три простых слова, которые могут воодушевить аудиторию, объединить население страны и изменить нацию. С помощью этих слов Обама попытался преодолеть культурные различия. Некоторые исследователи отмечают, что изначально слоган был использован в испанских общественных движениях (*Si se puede*). Слоган стал неотъемлемой частью латинских общественных движений, когда Долорес Хуерта и Цезарь Чавес придумали и впервые использовали его. В 2006 году протестующие по поводу иммиграционной реформы США выкрикивали эту фразу в борьбе за свои права. И в этом же году Б. Обама перевел на английский и впервые использовал эту фразу, но наибольший эффект и силу воздействия она получила. Так во время предвыборной кампании 2008 года Обама испытывал некоторые трудности в получении голосов испанского сообщества, он сознательно перенял этот слоган у профсоюза Объединенных сельскохозяйственных рабочих Америки с расчетом получить признание и одобрение, и, соответственно, голоса испанских избирателей, у которых данный слоган ассоциировался с лучшими условиями труда и сохранением профсоюза. С одной стороны можно назвать такой ход риторически продуманным и эффективным, так как, он дает возможность объединения оратора с определенной группой населения, и получение дополнительных голосов. С другой стороны, говорящий не может предположить реакцию аудитории на подобного рода ассоциации: некоторые члены могут одобрить ссылку на культурные ценности и проявление уважения к данной общественной организации, другие – могут расценить использование ассоциаций в политических целях как оскорбление. Последнее произошло с испанским сообществом: большинство штатов, где преобладало испанское население, полностью поддержали Хилари Клинтон. Несмотря на это, слоган стал весьма популярным по всей Америке, и к концу выборов 2008 года его можно было видеть фактически везде. После этого фраза была переведена и использована в итальянских и израильских выборах, это доказывает, что использование Обамой слогана «*Yes, we can*» имело непреднамеренные политические и международные последствия.

Публичные речи Б. Обамы относятся к жанру предвыборных речей, аргументацию которых в рамках его агитационных выступлений можно определить как одностороннюю, так как приводятся только аргументы «за», по способу выдвижения аргументов его публичные выступления мы относим к восходящей аргументации – накал чувств усиливается к концу выступления. «Аргументация, – подчеркивает Перельман, – всегда адресуется лицом, называемым оратором, ... к аудитории слушателей или читателей. Последний ставит своей целью получить или усилить согласие аудитории с некоторым тезисом, который он надеется подкрепить» [Perelman, 1978: 10–11]. Новая риторика уподобляется старой в стремлении склонить или убедить слушателей, для получения их согласия, которое может быть сначала теоретическим, хотя оно может выражаться в предрасположенности к действию, или же практическим, провоцирующим либо непосредственное действие, либо решение или обязательство действовать.

Аргументы Б. Обамы построены на основе совещательной риторики, в рамках которой часто употребляются такие фигуры, как параллелизм и антитеза. Параллелизм — это структурное сходство между предложениями, которые выражают равные идеи равными терминами, например: «*Embracing the burdens of our past without becoming victims of our past*». (Принимая долги нашего прошлого, не становясь жертвами нашего прошлого) [Barack Obama. A more perfect union. – Режим доступа: <http://4flaga.ru/158-obama.html/18.03.2008>]. Таким образом, параллелизм может быть использован для создания напряженности, тем самым отражая чувство равновесия. Существуют многочисленные примеры параллелизма в выступлениях Обамы, которые влияют на лирические, ритмические качества его риторики.

Выступление Б. Обамы (после выдвижения на пост президента от демократической партии) открывает серию противоположных положений, в которых перечисляются основные ценности: «*In the face of war, you believe there can be peace. In the face of despair, you believe there can be hope. In the face of a politics that's shut you out, that's told you to settle, that's divided us for too long, you believe we can be one people, reaching for what's possible, building that more perfect union*». (Перед лицом войны, веришь в то, что мир возможен. Перед лицом отчаянья, веришь в то, что есть надежда. Перед лицом политики, которая игнорировала и заставляла соглашаться, которая разделяла нас так долго, веришь в то, что мы можем быть единым народом, достигая всего возможного и строя более совершенный союз) [Barack Obama's Speech Announcing 2008 Run for the White House. – Режим доступа: <http://4flaga.ru/158-obama.html/10.02.2007>].

Каждый пункт вышеупомянутого выступления включает в себя параллельную конструкцию, которая устанавливает тезис (например, «*In the face of war*») против антитезиса («*you believe there can be peace*»). Третье предложение в цитате состоит из трех тезисов с параллельно идущими тремя антитезисами, создавая языковой баланс, как аргументации, так и ритмического рисунка параграфа.

Показательно, что приведенная цитата имеет определенное сходство с молитвой Святого Франциска, которая построена аналогичным образом при помощи антитезисов и параллелизма: «*Where there is hatred, let me sow love (...) Where there is despair, hope*». (Там, где ненависть, позвольте мне посеять любовь (...) Там, где отчаяние, – надежду) [Режим доступа: http://en.wikipedia.org/wiki/Prayer_of_Saint_Francis], что подтверждает факт опоры на религиозные тексты, о воздействующей силе которых мы писали выше. Таким образом, соглашение достигается за счет апелляции к общностям и ценностям.

Обратимся к аудитории убеждающего кандидата. Как отмечает Х. Перельман, аудитория адвоката, священника, политика, журналиста всегда конкретно ограничена, поэтому оратор должен думать о тех, кого он собирается убедить. Речь, произнесенная перед жителями Южной Каролины, [Barack Obama's South Carolina Victory Speech. – Режим доступа: <http://www.realclearpolitics.com/26.01.2008>], соответственно, несет в себе набор посылок, общих для оратора и слушателей; например, выдвигается тезис: «*...the kind of change we seek will not come easy*». (...те перемены, к которым мы стремимся, не дадутся легко) [там же]. И следующий за ним аргумент «потому что»: «*because... fierce competitors, worthy of respect; we have to remember that this is a contest for the Democratic nomination; to end the disastrous policies of the current administration*» (потому что... жестокие конкуренты, достойные уважения; мы должны помнить, что это борьба за выдвижение кандидата от Демократической партии; закончить губительную политику нынешней власти) [там же] – приведенный аргумент носит положительный характер преобразования сложившейся общественно-политической ситуации, общей для оратора и аудитории, но использование военных метафор и лексики с негативной коннотацией раскрывает скрытую интенцию автора – достичь цели любыми способами. Далее выдвигаются аргументы «за» выступающего кандидата в президенты. Тезис «*But there are real differences between the candidates*». (Но существуют значительные различия между кандидатами) [там же] – и аргумент с анафорой и повторами внутри предложений: «*We are looking for more than just a change of party in the White House. We're looking to fundamentally change the status quo in Washington – a status quo that extends beyond any particular party. And right now, that status quo is fighting back*». (Наша цель выше, чем просто смена партии в Белом Доме. Наша цель – радикально изменить существующее положение вещей в Вашингтоне – положение вещей, выходящее далеко за пределы определенной партии. И сейчас мы ощущаем сопротивление.) [там же], приводимый в защиту позиции «мы», окончание аргумента с использованием негативной лексики еще больше убеждает аудиторию в правильности предлагаемых оратором действий: «*with the same old tactics that divide and distract us from solving the problems people face...*». (прежняя старая тактика разделяет нас и отдаляет от решения проблем, с которыми сталкиваются люди) [там же]. Далее Б. Обама убеждает слушателей, что предлагаемый им тезис «*we are up against*» (стоять перед задачей; встретить трудности) основывается на достаточно разумных и обоснованных аргументах: «*the undue influence of lobbyists is part of the problem; your ability to lead as President comes from longevity in Washington or proximity to the White House; decades of bitter partisanship that cause politicians to demonize their opponents instead of coming together to make college affordable or energy cleaner; it's the kind of partisanship where you're not even allowed to say that a Republican had an idea – even if it's one you never agreed with*». (...чрезмерное влияние лоббистов – часть проблемы; возможность руководить в качестве Президента появляется либо от долгожительства в Вашингтоне либо от близости к Белому Дому; десятилетия яркой приверженности, заставившей политиков демонизировать оппонентов вместо того, чтобы работать над доступностью колледжей, или над экологически более чистой энергией; это приверженность, когда запрещается говорить, что у республиканцев есть идея – даже если вы с ней никогда не были согласны) [там же]. И, как следствие, после убеждающей аргументации следует логический вывод – призыв, выраженный анафорой: «*this election is our chance to say that we're not going to let them stand in our*

way anymore; this election is our chance to give the American people a reason to believe again». (...эти выборы – наш шанс заявить, что мы больше не позволим им стоять у нас на пути; эти выборы – наш шанс позволить американскому народу поверить вновь) [там же].

Субъективные и психологические моменты перельмановской концепции новой риторики связаны с учетом аудитории, ее согласием с выдвигаемыми тезисами и, в первую очередь, с теми доводами, которые приводятся в их обоснование и подтверждение. Как видно из видеоматериалов, по которым ведется анализ предложенных отрывков речей, аудитория настроена положительно и бурно выражает свои эмоции согласия как с тезисом и решением оратора, так и с его доводами. Затем автор высказывает несколько тезисов, почему аудитория должна выбрать именно его. Б. Обама касается частных бытовых примеров проблем обычных людей, таких же, как и большинство присутствующей аудитории: «The mother who can't get Medicaid to cover all the needs of her sick child; The teacher who works another shift at Dunkin Donuts after school just to make ends meet; The Maytag worker who is now competing with his own teenager for a \$7-an-hour job at Wal-Mart because the factory he gave his life to shut its doors; The woman who told me that she hasn't been able to breathe since the day her nephew left for Iraq, or the soldier who doesn't know his child because he's on his third or fourth tour of duty». (Мать, которая не может получить бесплатную медицинскую помощь для своего больного ребенка ... Учительница, которая работает дополнительной сменой «Данкин Донатс» после школы, чтобы свести концы с концами – мы нужны ей, чтобы реформировать нашу систему образования... Женщина, которая сказала мне, что волновалась так, что не могла ни спать, ни есть с тех пор как ее племянник уехал в Ирак, или солдат, который не видел своего малыша, потому что он принимает участие в третьей или четвертой военной операции) [там же]. Все приведенные тезисы подкрепляются соответственно аргументами, убеждающими слушателей в том, что все эти трудности может решить человек, стоящий перед ними. Аргументация начинается повторяющейся фразой: «*they (she, he) need us*» (мы нужны им, они нуждаются в нас), предлагаются рациональные, но не демонстративные доказательства. Безусловно, приводимые примеры являются жизненно важными фактами для слушателей. Автор показывает реальную пользу для аудитории от его предложений, то, что они смогут сделать и получить, вплоть до деталей: «*...to pass a health care plan that cuts costs and makes health care available and affordable for every single American; to reform our education system so that she gets better pay, and more support; to come together and put an end to a war that should've never been authorized and never been waged*» (...принять закон о здравоохранении, который сократит налоги и сделает медицину более доступной для каждого американца; провести реформы в области системы образования, чтобы увеличить зарплаты учителям, и обеспечить им большую поддержку; объединиться и положить конец войне, в которую не следовало вступать и вооружать армию) [там же] и другие.

Подведем итог анализа предвыборной аргументации Б. Обамы. Одной из особенностей является многократное использование фигур повтора, направленное на достижение соглашения аудитории. Повтор представляет собой одно из эффективных средств усиления речевого воздействия, причем наиболее действенным является не просто повтор в «чистом виде», а повтор частичный: с варьированием форм и содержания, дополненными другими риторическими и стилистическими средствами.

Предвыборные речи кандидата от демократической партии адресованы универсальной аудитории, о чем свидетельствуют обращения к представителям различных слоев населения, а также к представителям других партий, включая оппонентов. Предвыборный дискурс данного кандидата представляет собой развернутые аргументы всех типов: квазилогические (сравнение, отождествление себя с избирателями, с переменами, с историческими личностями, отождествление своего будущего с будущим страны), технологические (многочисленные примеры из личной биографии, из жизни рядовых граждан Америки, на основании чего выстраиваются аналогии «я – часть нации, вместе – мы единое целое»), реальные, как аргументы, основанные на связи преемственности (аргумент направления – обращение к известному и горячо любимому всеми американцами образу американской мечты), так и аргументы, основанные на сосуществовании (аргумент авторитета – многократное цитирование отрывков из речей известных исторических личностей в лице успешных политиков США; символическая связь – построение речей с учетом структуры библейских произведений). Отличительной чертой аргументации Обамы выступает высокая частотность употребления реальных аргументов с символической связью, таких как «предпочесть надежду страху, единство разделению, обещание перемен существующему положению вещей».

Анализ лингво-риторических приемов позволяет сделать вывод о том, что они представляют собой не просто языковые средства, а являются носителями ценной информации, определенных идей и коммуникативных намерений автора. синтаксические конструкции с анафорами и эпифорами используются чаще остальных, что позволяет оратору достигать наибольшего влияния на аудиторию. Благодаря им, Обама концентрирует внимание аудитории на нужных ему элементах, тем самым убеждая электорат голосовать за него.

Все перечисленные приемы аргументации идеальны для присоединения максимального количества аудитории, что является первостепенной задачей аргументации любого политика, соответственно такое утверждение дает нам право говорить о высокой эффективности анализируемых речей.

Литература

Перельман Х. Новая риторика : трактат об аргументации / Х. Перельман, Л. Ольбрехт-Тытеска // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М., 1987. – С. 207–265.

Холмс С. Обама и искусство красноречия. – Режим доступа: http://news.bbc.co.uk/1/hi/russian/international/newsid_7737000/7737249.stm.

Higgins C. The new Cicero. – Режим доступа: <http://www.guardian.co.uk/world/2008/nov/26/barack-obama-usa1>.

Perelman Ch. The New Rhetoric and the Humanities: Essays on rhetoric and its applications / Ch. Perelman. – Dordrecht/Boston, 1978. – P.10–13.

Prayer of Saint Francis. – Режим доступа: http://en.wikipedia.org/wiki/Prayer_of_Saint_Francis.

Источники

Obama's speech to Virginia's Jefferson dinner. – Режим доступа: <http://www.realclearpolitics.com/9.02.2008>.

Barack Obama's Potomac Primary Speech. – Режим доступа: <http://www.realclearpolitics.com/12.02.2008>.

Barack Obama's South Carolina Victory Speech. – Режим доступа: <http://www.realclearpolitics.com/26.01.2008>.

Obama's speech to Virginia's Jefferson-Jackson dinner. – Режим доступа: <http://www.realclearpolitics.com/9.02.2008>.

Barack Obama – Changes come to America. – Режим доступа: <http://4flaga.ru/158-obama.html/4.11.2008>.

Obama, Barack «New Hampshire Concession Speech». Nashua, New Hampshire.

Barack Obama. A more perfect union. – Режим доступа: <http://4flaga.ru/158-obama.html/18.03.2008>.

Barack Obama's Speech Announcing 2008 Run for the White House. – Режим доступа: <http://4flaga.ru/158-obama.html/10.02.2007>.

КОШКАРОВА Н. Н.

Челябинск

ТОМБЕРГ О. В.

Екатеринбург

МАНИПУЛЯТИВНЫЕ ПРИЕМЫ В ХРОНИКАХ У. ШЕКСПИРА

Аннотация. Статья посвящена анализу манипулятивных стратегий и тактик, используемых в исторических хрониках У. Шекспира. Материалом для анализа послужила речь Марка Антония из произведения «Юлий Цезарь». В работе рассматриваются риторические манипулятивные приемы, функционирующие на различных языковых уровнях и служащие цели завоевания доверия народа.

Ключевые слова: манипулятивные приемы, речевое воздействие, историческая хроника, персуазивный эффект, риторическая задача.

KOSHKAROVA N. N.

Chelyabinsk

TOMBERG O. V.

Ekaterinburg

MANIPULATIVE MEANS IN W. SHAKESPEARE'S CHRONICLES

Abstract. The paper is devoted to the analysis of manipulative strategies and tactics used in chronicles by W. Shakespeare. Mark Antony's speech from «Julius Caesar» serves as a material basis for the analysis. The authors study rhetorical manipulative means which function on different linguistic levels and serve to win people's trust.

Key words: manipulative means, speech influence, chronicle, persuasive effect, rhetorical aim.

Обращение к творческому наследию великого английского драматурга неслучайно – в 2014 г. исполнилось 450 лет со дня рождения английского классика. Жанровое наследие Уильяма Шекспира весьма разнообразно – это и пьесы, и сонеты, и поэмы. В настоящем исследовании мы хотели бы сконцентрировать свое внимание еще на одной грани творчества гения, а именно исторических хрониках.

На наш взгляд, рассмотрение именно этого жанрового раздела творческого наследия У. Шекспира с точки зрения политической коммуникации является вполне оправданным и правомерным. Для подтверждения этой точки зрения обратимся к мнению эксперта в области политики, британского дипломата Энтони Рассела Брентона (на протяжении четырех лет – с 2004 по 2008 гг. – занимавшего пост Чрезвычайного и Полномочного Посла Великобритании в Российской Федерации), который в своей статье «Шекспир – русский» высказывает следующее мнение: «И по своему опыту скажу, что не знаю драматурга, обладающего более ясным и проницательным видением политики, чем Шекспир. Он не имеет себе равных в знании того, как борются за власть, захватывают и используют ее. <...> Выборы короля, инсценированные в «Ричарде III»; единый миг, обнаруживающий всю глубину нравственного падения высокопоставленного чиновника в «Мере за меру»; показательный суд над низложенным правителем в «Ричарде II»; манипуляция общественным мнением в «Юлии Цезаре» – эти эпизоды тревожно отзываются в мире современной политики повсюду, и не в последнюю очередь здесь, в России» [Брентон 2007].

Таким образом, в настоящей статье объектом нашего исследования является манипулятивное воздействие на целевую аудиторию, а предметом – коммуникативно-речевые тактики, используемые для реализации манипулятивного прагматического потенциала высказываний. Прежде чем обратиться к непосредственной характеристике манипулятивных приемов, выделенных нами на основе материала для исследования, предложим несколько определений термин *манипуляция*. Автор наиболее известного издания по манипуляции Е.Л. Доценко следующим образом характеризует исследуемый нами феномен: манипуляция – это вид психологического воздействия, искусное исполнение которого ведет к скрытому возбуждению у другого человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими желаниями [Доценко 2007]. Данное определение рассматривает манипулятивное воздействие с психологической точки зрения, а в лингвистическом плане нам импонирует трактовка данного термина, предложенная Г.А. Копниной, которая рассматривает именно речевое и языковое воздействие: речевая (языковая) манипуляция (манипулирование) – разновидность манипулятивного воздействия, осуществляемого путем искусного использования определенных ресурсов языка с целью скрытого влияния на когнитивную и поведенческую деятельность адресата [Копнина 2010].

Материалом исследования послужила знаменитая речь Марка Антония «Friends, Romans, countrymen, lend me your ears...», произнесенная им после предательского убийства Юлия Цезаря в одноименной хронике У.Шекспира. Манипулятивный посыл данной речи репрезентирован в ряде риторических стратегий и тактик, направленных на разоблачение предателей и убийц императора.

Определяя стратегию, вслед за Е.В. Ключевым, как «совокупность запланированных говорящим заранее и реализуемых в ходе коммуникативного акта теоретических ходов, направленных на достижение коммуникативной цели» [Ключев 2002: 18], необходимо отметить, что реализуется она не изолированно, как «вещь-в-себе», а в контексте определенной коммуникативной ситуации и перспективы, т.е. при учете средств, путей, возможностей достижения определенных коммуникативных целей и задач на фоне широкого коммуникативного контекста. Риторической задачей Марка Антония является обличение Брута и его сподвижников и восстановление доброго имени Цезаря, при этом после речи Брута когнитивная пресуппозиция народа в отношении Юлия Цезаря уже крайне негативна, в толпе слышны возгласы «*This Caesar was a tyrant*» <...> «*Live, Brutus! live, live!*» – Цезарь был властолюбивый деспот. <...> *Живи, о Брут! Живи, живи!*

В целом коммуникативную направленность речи Марка Антония можно охарактеризовать как имплицитно-манипулятивную, поскольку оратор умело нивелирует свои риторические намерения. Стратегия самопрезентации, реализованная тактиками отождествления (*Friends, Romans, countrymen, lend me your ears. – О, римляне, сограждане, друзья! Меня своим вниманьем удостоьте!*) и солидаризации (*Bear with me; My heart is in the coffin there with Caesar. – Мое там сердце, где почит Цезарь*), применена в сильных текстовых позициях – в начале и конце речи, тем самым речь приобретает рамочную структуру, а данный посыл – смысловую доминантность, прагматическую целесообразность которой можно охарактеризовать следующим образом: только при принятии оратора как «своего» возможно доверие к нему со стороны народа и достижение на этом фоне главного коммуникативного намерения. Таким образом, данная стратегия реализуется преимущественно на уровне архитектуры всей речи.

Фонетическая канва данного отрывка является эффективным риторическим приемом применения основной коммуникативной стратегии речи Марка Антония – аргументативной. Способами реализации данной стратегии являются следующие тактики:

- тактика обоснованных оценок:

1) <i>You all did love him once, not without cause: What cause withholds you then, to mourn for him? 2) O judgment! thou art fled to brutish beasts, And men have lost their reason".</i>	<i>Не без причин его любили вы. Зачем же вы не плачете о нём? О здравый смысл! К зверям ты, верно, скрылся, А люди потеряли свой рассудок...</i>
---	--
- тактику контрастивного анализа:

1) <i>The noble Brutus Hath told you Caesar was ambitious If it were so, it was a grievous fault, And grievously hath Caesar answer'd it. "</i> 2) <i>He was my friend, faithful and just to me: But Brutus says he was ambitious.</i>	<i>Честный Брут Сказал, что Цезарь был властолюбив То был большой порок, коль это верно, И за него он тяжело заплатился. Мне Цезарь другом был, и верным другом Но Брут его зовет властолюбивым,</i>
---	--
- тактику иллюстрирования:

1) <i>He hath brought many captives home to Rome, Whose ransoms did the general coffers fill: Did this in Caesar seem ambitious?</i> 2) <i>You all did see that on the Lupercal I thrice presented him a kingly crown, Which he did thrice refuse: was this ambition?</i> 3) <i>When that the poor have cried, Caesar hath wept: Ambition should be made of sterner stuff...</i>	<i>Он пленных приводил толпами в Рим Их выкупом казну обогащая. Не это ли считать за властолюбье? Вы видели, во время Луперкалий, Я трижды подносил ему венец – И трижды от него он отказался. Ужель и это тоже властолюбье? При виде нищеты он слезы лил, – Так мягко властолюбье не бывает</i>
--	--

Применение аллитерации способствует выделению не столько референциального, сколько ассоциативного и эмотивного компонентов слов, что оказывает большое манипулятивное воздействие. Такие аллитерационные ряды, как *friend – faithful* для Цезаря и *Brutus – brutish beasts* являются аксиологемами, характеризующими императора, с одной стороны, и его противников, с другой. Их аксиологическая значимость тем более повышается, чем больше семантика данного сцепления контрастирует с ироническими повторами:

And Brutus is an honourable man (достопочтенный)

Использование трюизмов – общеизвестных и банальных фраз – в речи оратора повышает ее эмоциональность, а также создает эффект истинности, усиливая персуазивность высказывания. К такому утверждению, на наш взгляд, можно отнести высказывание о том, что порочные дела людей остаются после них, а добродетели хоронятся вместе с человеком и именно так и будет с великим Цезарем:

<i>The evil that men do lives after them; The good is oft interred with their bones. So let it be with Caesar.</i>	<i>Дела людей, порочные и злые, Переживают их и часто также То доброе, что сделали они, С костями их в могилу погребают.</i>
--	--

Эффективность риторических манипулятивных приемов определяется, прежде всего, социальными и психологическими параметрами: изменением поведенческих паттернов адресата манипуляции, его психологических и когнитивных установок (изменения в модели мира). В художественном пространстве данные ответные реакции проявляются, прежде всего, на двух уровнях – сюжетном и лингвистическом. Оба уровня репрезентируют эффективность манипулятивных риторических приемов Марка Антония – после его короткой речи настроение толпы меняется радикальным образом:

- 1) *Methinks there is much reason in his sayings.*
- 2) *If thou consider rightly of the matter,
Caesar has had great wrong.*
- 3) *Mark'd ye his words? He would not take the crown;
Therefore 'tis certain he was not ambitious.*

*Мне кажется; в его словах есть правда
Как дело хорошо пообсудить, -
С ним обошлись совсем несправедливо...
Вы слышали, венца он не принял.
Так почему ж он был властолюбив?*

- 4) *There's not a nobler man in Rome than Antony*

*Нет в Риме благородней человека,
Чем Марк Антоний!*

Любопытным моментом тактико-стратегической организации данной речи является дихотомия «ложь – истина». Парадоксальность ситуации заключается в том, что манипулятивный эффект выстраивается на правдивом отражении действительности, в отличие от речи Брута. Риторические стратегии и тактики направлены в данном случае на прояснение истины и экспликацию отдельных фрагментов действительности (отношение Цезаря к пленникам; отрицание Цезарем короны; умение Цезаря дружить), необходимых для выстраивания когнитивной основы манипулятивного эффекта.

Вопросы, поставленные Шекспиром в «Юлии Цезаре» – политическая борьба, государственный переворот, роль личности и народа в истории, – остаются актуальными и в современном политическом пространстве. Насколько оправданы те или иные средства для достижения целей в борьбе за власть? Ответы на этот и другие вопросы современные государственные деятели могут и должны найти в произведениях Шекспира, наполненных мощнейшей политической риторикой.

Литература

- Брентон Э. Шекспир – русский // Вопросы литературы. – № 4. – 2007.
Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. – М., 1997.
Копнина Г.А. Речевое манипулирование. – М., 2010.
Клюев Е.В. Речевая коммуникация: успешность речевого взаимодействия. – М. 2002.
Шекспир У. Юлий Цезарь (пер. П. Козлова). – СПб., 2002.
Shakespeare W. Tragedies. – London, 1992.

КРАССА С. И

Ставрополь

РЕЧЕВЫЕ АКТЫ В ЭКСТРЕМИСТСКИХ ТЕКСТАХ

Аннотация. Предлагается рассмотрение речевых актов призыва, оправдания и угрозы в едином формате с учетом их прагматических, семантических и лексико-грамматических характеристик.

Ключевые слова: речевой акт, призыв, оправдание, угроза, экстремистский текст, лингвистическая экспертиза.

KRASSA S. I.

Stavropol

SPEECH ACTS IN THE EXTREMIST TEXTS

Abstract. The article examines speech acts of call, excuses and threats in the integrated format based on pragmatic, semantic, lexical and grammatical characteristics.

Key words: speech act, appeal, justification, threat, extremist texts, linguistic examination.

Речевые деликты: призыв, оправдание, угроза – занимают особое место в теории и практике, в лингвистической экспертизе в частности, поскольку они входят в диспозицию ряда статей УК РФ и, как следствие, не разрешается постановка вопроса о наличии в предположительно экстремистском тексте, например, призывов: «При назначении судебных экспертиз по делам о преступлениях экстремистской направленности не допускается постановка перед экспертом не входящих в его компетенцию правовых вопросов, связанных с оценкой деяния, разрешение которых относится к исключительной компетенции суда. В частности, перед экспертами не могут быть поставлены вопросы о том, содержатся ли в тексте призывы к экстремистской деятельности, направлены ли информационные материалы на возбуждение ненависти или вражды» [Пленум ВС РФ 2011] Исследование подобных вопросов рассматривается в качестве экспертной ошибки [Галяшина 2013].

Между тем ситуация с названными и подобными терминами далеко не однозначная. Так, А.Н. Баранов в связи с обсуждаемой проблемой отмечает: «Язык области права (в широком понимании) включает термины (слова и словосочетания), получающие определение в рамках соответствующих российских законов или в решениях Верховного или Конституционного суда РФ, и термины, определения которых в нормативных и законодательных документах отсутствуют. В этом случае для определения значения этих слов привлекается информация о том, какие значения эти слова имеют в современном русском литературном языке или в одном из его подязы-

ков» [Баранов 2007: 20]. Первую группу слов он называет юридически определяемыми терминами, а вторую – лингвистически определяемыми терминами.

В то же время юридически определяемые термины, называющие речевые деликты, являются также и лингвистически определяемыми терминами (представляют собой языковые феномены), то есть лингвист не может не опираться на теоретико-языковое содержание явлений, поэтому он исследует именно призыв или иной речевой акт. Причем «компромиссные» формулировки вопросов типа «Имеются ли основания считать, что тексты своим содержанием и формой изложения призывают к осуществлению террористической деятельности, публично оправдывают терроризм?», формально соответствуя требованиям Верховного Суда, на деле выбивают из-под эксперта надежное теоретическое основание в виде теории речевых актов и тем самым косвенно способствуют получению недостоверных выводов.

В настоящей статье за основу описания речевых актов призыва, оправдания и угрозы в экстремистских текстах берется работа Дж. Серля «Что такое речевой акт» и, в частности, его описание речевого акта обещания. Условия успешности речевого акта представляют собой систему взаимоувязанных характеристик: «... каждое условие будет необходимым условием для совершения акта обещания, а все множество условий в совокупности будет достаточным условием для совершения этого акта» [Серль 1983: 61].

Вначале дадим предварительные определения исследуемых актов. В описании призыва мы используем параметры, разработанные А.Н. Барановым [Баранов 2007], в характеристике оправдания – наши наработки [Краса 2013]. Угроза и оправдание подвергались диссертационному исследованию, но как речевые жанры, с одной стороны, и в бытовом и художественном дискурсе, с другой [Байрамуков 2001; Лаврентьева 2006]. Не углубляясь в проблему разграничения речевых актов и речевых жанров (см., например, [Федосюк 1997]), проведем экспликацию исследуемых параметров в рамках теории речевых актов.

С опорой на формулу А. Вежбицкой [Вежбицкая 1985] коммуникативное назначение описываемых актов в общем виде выражается следующим образом: это особые типы речевых актов (РА), коммуникативное назначение которых передается формулой:

- для призыва «Я хочу, чтобы ты сделал Р», где Р пропозиция;
- для оправдания «Я признаю Р не подлежащим осуждению», где Р – пропозиция;
- для угрозы «Я обещаю Х причинить зло», где Х – адресат речи.

Таблица 1

Характеристики речевых актов

Тип / характеристика	Призыв	Оправдание	Угроза
Содержание РА	побуждение выполнить действие, способствующее достижению идеалов	признание положение дел, осуждаемого ранее и/или другими субъектами, не подлежащим осуждению	обещание субъекта речи причинить зло, неприятность адресату
Участники РА	политические субъекты или конкретные лица, осмысляемые как представители политических субъектов	правовые и общественно-политические субъекты, а также конкретные лица	лица, группы лиц (объединения), а также общественно-политические субъекты
Характер коммуникации	общественно-политическая	правовая, общественно-политическая или личная	личная, групповая или общественно-политическая

Речевой акт угрозы может рассматриваться в контексте РА обещания, где последний выступает для угрозы в качестве прототипа. «Коренное отличие между обещаниями, с одной стороны, и угрозами – с другой, состоит в том, что обещание есть обязательство что-то сделать для вас (for you), а не в ущерб вам (to you), тогда как угроза есть обязательство что-то сделать в ущерб вам, а не для вас. Обещание некорректно (defective), если обещают сделать то, чего не хочет адресат обещания; оно тем более некорректно, если обещающий не убежден, что адресат обещания хочет, чтобы это было сделано, поскольку корректное обещание должно быть задумано как обещание, а не как угроза или предубеждение» [Серль 1986: 170-194].

С учетом сказанного условия успешности описываемых РА можно сформулировать следующим образом:

Таблица 2

Условия позиционального содержания РА

Призыв	описание будущего действия адресата, рассматриваемого как часть общественно значимой деятельности, способствующей достижению идеалов
Оправдание	признание положения дел, осуждаемого ранее и/или другими субъектами, не подлежащим осуждению
Угроза	обещание субъекта речи причинить зло, неприятность адресату

Таблица 3

Подготовительные условия РА

Призыв	1) адресат в состоянии совершить действие, о котором идет речь; 2) действие, о котором идет речь, не выполнено и желаемое положение дел отсутствует; 3) говорящий и адресат являются политическими субъектами или лицами, которые представляют политических субъектов; 4) речевой акт рас-
--------	--

	считается как часть общественно-политической коммуникации; 5) ни говорящий, ни адресат не считают очевидным, что адресат совершит действие без соответствующего РА говорящего
Оправдание	1) говорящий считает себя вправе вынести подобное суждение; 2) ситуация, о которой идет речь, имела место в прошлом, или имеет место в настоящем, или возможна в будущем; 3) говорящий и адресат являются правовыми, общественно-политическими субъектами или частными лицами; 4) речевой акт рассматривается как часть правовой, общественно-политической или личной коммуникации; 5) говорящий имеет намерение признать положение дел, осуждаемого ранее и/или другими субъектами, не подлежащим осуждению
Угроза	1) говорящий считает себя вправе обещать причинить зло, неприятность адресату; 2) ситуация, о которой идет речь, возможна в будущем; 3) говорящий и адресат являются лицами, группами лиц (объединениями) общественно-политическими субъектами; 4) речевой акт рассматривается как часть личной, групповой или общественно-политической коммуникации; 5) говорящий имеет намерение причинить зло, неприятность адресату

Таблица 4
Условия искренности РА

Призыв	говорящий действительно хочет, чтобы действие было совершено и общественно значимая деятельность выполнена, а идеалы достигнуты
Оправдание	говорящий действительно хочет признать положение дел, осуждаемое ранее и/или другими субъектами, не подлежащим осуждению
Угроза	говорящий действительно хочет причинить зло, неприятность адресату

Таблица 5
Существенное условие

Призыв	произнося высказывание, говорящий выражает желание, чтобы адресат совершил в будущем некоторое действие, рассматриваемое как важная часть общественно-значимой деятельности, способствующей достижению некоторых идеалов
Оправдание	произнося высказывание, говорящий выражает желание изменить имеющую место правовую, общественно-политическую или моральную оценку ситуации
Угроза	произнося высказывание, говорящий берет на себя ответственность причинить зло, неприятность адресату

Теперь можно привести полные дефиниции рассматриваемых речевых актов.

«Призыв – это речевой акт, обращенный к адресату с целью побудить его выполнить некоторое действие или совокупность действий, осмысляемых как важная часть общественно значимой деятельности, способствующей достижению некоторых идеалов, или побудить адресата учитывать в своем повседневном поведении эти идеалы, причем говорящий и адресат являются политическими субъектами или их представителями, а сам речевой акт рассматривается как часть общественно-политической коммуникации» [Баранов 2007: 420].

«Оправдание – это речевой акт, обращенный к обществу или собеседнику с целью признания некоторого положения дел или личности, осуждаемых ранее и/или другими субъектами, не подлежащими осуждению с позиций права или морали, причем говорящий является правовым, общественно-политическим субъектом или частным лицом, а сам речевой акт рассматривается как часть правовой, общественно-политической или личной коммуникации» [Красса 2013: 89].

Угроза – это речевой акт, обращенный к собеседнику с целью обещания причинения ему вреда, причем говорящий является частным лицом или группой лиц, общественно-политическим субъектом, а сам речевой акт рассматривается как часть личной, групповой или общественно-политической коммуникации.

Исследование экстремистских текстов, содержащих речевые акты оправдания и угрозы отнесены нами к экспертизам, развивающим метод на основе аналогичной процедуры. Перед специалистом могут быть поставлены вопросы о том, имеются ли в текстах высказывания, призывающие к осуществлению экстремистской деятельности или публично ее оправдывающие. В отношении исследования призывов, как отмечалось ранее, имеется методика, разработанная А.Н. Барановым на основе применения теории речевых актов, в частности речевого акта призыва. В то же время ответ на вопрос, поставленный в ином ключе – об оправдании подобной деятельности, требует разработки по предложенной модели параметров речевого акта оправдания, что нам видится вкладом не только в практику экспертизы, но и в теорию языка (в частности, в теорию речевых актов) [Красса 2012]. Аналогичное относится и речевому акту угрозы.

Рассматриваемые речевые акты могут проявляться в той или иной их разновидности.

Призыв, не исключающий говорящего из будущей деятельности, называется призывом **инклюзивного действия**, а призыв, исключающий говорящего из числа адресатов, – призывом **эксклюзивного действия**. В целом среди призывов выделяются классические призывы, к которым относятся, в частности, призывы инклюзивного и эксклюзивного действия, **призывы-лозунги** и **призывы-апелляции**, а также структурно более сложные призывы, к которым относятся **призывы-обращения** и **призывы-воззвания**.

Призывы, связанные с возбуждением расовой национальной и религиозной розни, по способу выражения коммуникативного намерения подразделяются на оценочно-немотивированные и оценочно-мотивированные. Предикация в оценочно-немотивированных призывах контрастивна, т.е. в контексте их использования обяза-

тельно имеется национальная, расовая и/или религиозная группа, на которую данная предикация не распространяется. Оценочно-мотивированные призывы основываются на эксплицитном противопоставлении национальных, расовых и/или религиозных групп. Пропозициональное содержание таких призывов часто мотивируется отрицательными оценками национальной, расовой и/или религиозной группы [Баранов 2007].

В акте оправдания выделяются следующие разновидности [Красса 2013]:

Институциональный РА оправдания. Говорящий является правовым субъектом, коммуникативное назначение РА передается формулой «Я оправдываю X в Р», где X – лицо и Р – ситуация. Институциональный РА оправдания реализуется судьей (судом) в судебном дискурсе (жанр приговора). В этом случае в перформативе актуализируется значение «вынести приговор, содержащий признание подсудимого невиновным, не заслуживающим наказания» глагола *оправдать* [СРЯ 1999].

Естественно, эта разновидность речевого акта не относится к экстремистским текстам. То же самое верно и в отношении призывов, которые составляют важную часть политического дискурса (в частности, советского).

2. Морально-этический РА оправдания реализуется в контексте общественно-политической коммуникации, поэтому говорящий (говорящие) рассматривается как лицо, представляющее или потенциально представляющее политический субъект. Коммуникативное назначение РА передается формулой «Я оправдываю X», в этом случае в перформативе реализуются значения «снять обвинение с кого-л., признать правым, поступившим непредвзято» и «послужить смягчающим обстоятельством, основанием для извинения чего-л.» [СРЯ 1999].

3. Фатический РА оправдания реализуется в контексте диалогической (разговорно-бытовой) коммуникации. Говорящий является частным лицом, коммуникативное назначение РА передается формулой «Я оправдываю X / X в Р», где X – говорящий, а Р – ситуация. В этом случае реализуются те же значения глагола *оправдать*, что и в морально-этическом РА.

В лингвистической литературе выделяются три типа выражения угрозы:

- (I) **моноинтенциональный** тип, форма высказывания которого соответствует языковым средствам, закрепленным за этим типом высказываний;
- (II) **полиинтенциональный** с наложением интенций (угроза-предупреждение, угроза-предсказание, угроза-предложение, угроза-утверждение, угроза-похвальба, угроза – риторический вопрос;
- (III) **полиинтенциональный** с разнонаправленными интенциями – основной и побочной (угроза и сообщение, угроза и приказ, угроза и риторический вопрос) [Байрамуков 2001].

Е.А. Яковлева и М.В. Аблин в работе, посвященной принципам судебной лингвистической экспертизы (сама постановка проблемы которой нам представляется излишней, поскольку одни положения, выдвигаемые авторами как принципы, описаны в нормативных актах, тогда как другие сомнительны в качестве исходных положений), заявляют, что «необходима дальнейшая разработка принципа научной обоснованности экспертизы, в частности, определение допустимых и оптимальных методов лингвистической экспертизы, критерии квалификации прямых и косвенных призывов в экстремистских текстах» [Яковлева, Аблин 2014: 212]. Оставим без обсуждения сведение в одну категорию принципа и метода и согласимся с необходимостью разработки методов лингвистической экспертизы.

Собственно языковые черты речевых актов составляют их **грамматические (лексико-грамматические) характеристики**. Как правило, именно с них начинает работу эксперт, исследующий текст с предположительно экстремистским содержанием.

Языковые особенности призывов подробно описаны А.Н. Барановым. Призывы имеют в своем составе стандартные грамматические формы побуждения – глаголы повелительного наклонения во 2 лице единственном и множественном числе. Как полагают специалисты по лингвистической экспертизе, в ряде случаев семантику призыва передают инфинитивные предложения в сочетании с императивной интонацией. Иногда семантика призыва декодируется через серию номинализаций и сверток: *Да – да – нет – да; Чемодан – вокзал – Россия; Бандит, вымогатель, в руках оружие? В топку и всех делов*. Встречаются также косвенные формы выражения иллюкутивной семантики призыва – глаголы и предикативные наречия с семантикой долженствования.

Языковые характеристики РА оправдания значительно в меньшей мере разработаны в практике экспертиз. Кроме эксплицитных «оправдательных» формул типа *оправдать*, *не виновен* и подобных, к таким показателям следует отнести сопоставление двух ситуаций с противоположной оценкой и маркирование одной из них лексемами *поддерживаю*, *одобряю*, *справедливо*, *нормально*. К языковым показателям относится, в частности, пословица *С волками жить – по-волчьи выть*, которая говорится в оправдание (подчеркнуто нами – С.К.) какого-то, часто неблагоприятного поступка, совершенного вынужденно, под давлением обстоятельств.

В речевом акте угрозы используются лексемы со значением причинения вреда адресату. Очевидно, что круг таких единиц достаточного обширен. Глаголы обычно имеют форму будущего времени, возможны также номинализации: *Тебе конец*.

Таким образом, исследование призыва, оправдания, угрозы в экстремистских текстах должно проводиться только с опорой на теорию речевых актов и с учетом названных языковых и экстралингвистических характеристик данных речевых действий в едином формате.

Литература

Байрамуков Р.А. Речевое действие угрозы в рассказах В.М. Шукшина : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2001.

- Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста. М. : Флинта: Наука, 2007.
- Вежицкая А. Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. М.: Прогресс, 1985. С. 251-275.
- Галяшина Е.И. Ошибки назначения и производства судебной лингвистической экспертизы // Судебная экспертиза: типичные ошибки. М. : Проспект, 2013. С. 94–127.
- Красса С.И. Методы судебной лингвистической экспертизы: практическая типология // Сборник научных трудов Sworld по материалам международной научно-практической конференции. 2012. Т.40. №4. С. 88-91.
- Красса С.И. Речевой акт оправдания в лингвистической экспертизе // Научное обозрение: гуманитарные исследования. 2013. №7. С. 70–76.
- Лаврентьева Е.В. Речевые жанры обвинения и оправдания в диалогическом единстве : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2006.
- Пленум ВС РФ = Постановление пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. №11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности».
- Серль Дж. Р. Что такое речевой акт // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. М.: Прогресс, 1986. С. 170-194.
- СРЯ = Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.
- Федосюк М.Ю. Нерешенные вопросы теории речевых жанров // Вопросы языкознания. 1997. №5. С. 102–120.
- Яковлева Е.А., Аблин М.В. Принципы судебной лингвистической экспертизы в юрислингвистике // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 6 (36): в 2-х ч. Ч. I. С. 208-213.

КРЫЛОВА М. Н.

Зерноград

КАТЕГОРИЯ СРАВНЕНИЯ КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА РОССИИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. Образ России, создаваемый посредством семантической сферы современного русского сравнения, демонстрирует неоднозначное отношение современной языковой личности к происходящим в России процессам. Для языковой личности характерно понимание величия русского народа, осознание того, что территория России обширна, природа величественна, язык богат. Однако чаще всего мы наблюдаем ироническое отношение к отдельным составляющим современного образа России: российской государственности, великой истории, потенциалу развития. К сожалению, некоторые компоненты современного образа России становятся всё менее актуальными для носителя языка: великая русская литература, духовность, религия.

Ключевые слова: функционально-семантическая категория сравнения, образ сравнения, языковая личность, языковая картина мира, образ России.

KRYLOVA M. N.

Zernograd

THE CATEGORY OF COMPARISON AS A WAY OF FORMING THE IMAGE OF RUSSIA IN THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE

Abstract. The image of Russia created by semantics of contemporary Russian comparison demonstrates the ambiguous attitude of the contemporary language personality to the ongoing processes in Russia. Understanding of the greatness of the Russian people, the realization that Russia has the vast territory, gorgeous nature, rich language, characterizes the linguistic personality. However, most often we see ironic attitude to individual constituents of the modern image of Russia: Russian statehood, great history, development potential. Unfortunately, some of the components of the modern image of Russia are becoming less relevant to the native speaker: the great Russian literature, spirituality, religion.

Key words: functional-semantic category of comparison, image of comparison, language personality, language picture of the world, the image of Russia.

Всё происходящее в обществе, политике, культуре так или иначе отражается в языке – живом и динамичном явлении, живо реагирующем на события нашей жизни. Язык выступает транслятором культуры, способом формирования языковой картины мира, средством передачи от одного носителя языка к другому культурных кодов, трансляции, с одной стороны, общественных функций, с другой – проявлений, характерных для конкретной языковой личности. Вопросами отражения в языке общественных и политических реалий занимается, в числе прочих, политическая лингвистика, которую интересует проявление «отдельных политических концептов в рамках соответствующего языка и национальной культуры» [Чудинов 2006: 9].

Ярчайшей категорией, позволяющей языку выполнять обозначенные выше функции, является функционально-семантическая категория (ФСК) сравнения, понимаемая нами как совокупность разноуровневых языковых единиц, выражающих семантику компаративности. Сравнение является сильным средством понимания заложенных в языке смыслов, что объединяет его с метафорой, которая также служит «ключом к интерпретации как вербальной, так и невербальной информации» [Ворошилова 2012: 94]. Структура сравнения предполагает наличие субъекта (того, что сравнивается), объекта (того, с чем сравнивается субъект), основания сравнения (почему сравнивается) и оператора, в качестве которого может выступать сравнительный союз (*как, словно, будто, точно* и *под.*), сравнительный предлог (*вроде, подобен, наподобие*), глагол сравнительной семантики (*кажется, напоминает, походит на*) и др. В выбираемых языковой личностью для сопоставления образах (объектах) сравнения предельно ясно проявляются как состояние культуры, политики, общества, так и их динамика, тенденции их развития.

На основании анализа более 6300 сравнительных конструкций, отобранных нами из различных реализаций современного русского языка (произведений художественной литературы разной степени ценности, языка теле-сериалов, СМИ, рекламы, устной речи), мы попытаемся проследить, как отражается в образной сфере современного русского сравнения Россия, каков образ России, реализуемый в языке современной языковой личностью.

Проблема формирования и отражения в русском языке образа России исследуется современными учёными: О.В. Кондрашовой, И.В. Шельдешовой, Ю.Н. Мажариной, С.К. Милославской и некоторыми другими учёными. Однако данные изыскания немногочисленны, а на материале современного русского сравнения проблема воссоздания в языке образа России ещё не рассматривалась. Так как языковая картина мира «постепенно формируется в индивидуальном и / или коллективном сознании носителей языка и фрагментарно реализуется в их письменной и устной речи в виде более или менее развёрнутых словесных описаний, характеристик, образов значимых явлений действительности» [Кондрашова, с. 21], то ФСК сравнения, в силу образного характера, живой экспрессивной сути, свободы говорящего в выборе образа, его желания создавать конструкцию максимально доходчивую и объяснительную, представляет собой один из наиболее репрезентативных источников изучения компонентов языковой картины мира.

По мнению О.В. Кондрашовой, И.В. Шельдешовой, Россия для современного россиянина – это «родная страна с её народом, имеющая обширную территорию и богатую природу, государственность и великую историю» [Кондрашова 2012: 23]. Для Ю.Н. Мажариной особенно важен такой компонент образа России: «...Рано или поздно возродится сама и возродит остальной мир» [Мажарина 2013: 157]. Таким образом, можно выделить следующие составляющие образа России для россиянина:

- родной народ;
- обширная территория;
- богатая природа;
- государственность;
- великая история;
- потенциал развития (возрождение).

К названным компонентам мы считаем необходимым добавить:

- русский язык;
- великая русская литература;
- духовность, религия.

Попробуем увидеть, как реализуются названные компоненты в семантической составляющей ФСК сравнения.

К сожалению, современная языковая личность не всегда воспринимает понятие народ с положительной коннотацией. Встречаются сравнения, в которых характеристика народа звучит горько: «...Народ похож на побирушку» (г. «Искра Дона», И. Мануйленко), в других педалируются отдельные неоднозначные качества русского народа: «Она надеялась только на чудо. «Я как русская», – с ужасом констатировала она» [О. Андреев. Отель]. С различной степенью негативизма, часто сатирически, оцениваются в сравнительных конструкциях разные слои русского народа, к примеру, русская интеллигенция: «Большинство экспертов, естественно, как русская интеллигенция, увиливают от прямого ответа» [Ю. Никитин. Зачеловек]. При этом негативизм проявляется по отношению ко всей совокупности, к понятию «русский народ», а конкретный человек, россиянин оценивается положительно, к примеру, русская женщина: «Балалайка покрывается слоем лака, как русская красавица – загаром» (телепередача «Галилео»); «Хорошенькие, пухленькие российские девочки, похожие на сдобные булочки с изюмом, мечтают о фигурах супермоделей-циркулей» (сат. монолог М. Задорнова).

Кроме того, в оценке черт и качеств русского народа, происходящих в России процессов нередок юмор, самоирония, являющаяся, как известно, показателем трезвой самооценки: «Русские, как хоббиты, очень любят ходить в гости» (телесериал «Даша Васильева»); «Кредит в России, как насморк, можно подхватить где угодно» (док. фильм «Русские сенсации»).

Россиянин стремится увидеть образ России, современные российские реалии со стороны, глазами иностранцев и оценить отношение чужестранцев к России в понятных, эффектных образах: «В сознании мира Российская футбольная лига (как Норильск в сознании москвича) – неаппетитная, но весьма выгодная шашка» [г. «Известия»]; «Чарли поняла, что в России ничего легко и красиво, как в американском кино, не бывает» [О. Андреев. Отель].

Для современной языковой личности несомненно, что территория России огромная, её просторы беспредельны, однако особой гордости по этому поводу говорящий, как правило, не высказывает, позволяя себе даже иронизировать, порой зло: «Кулибин же скармливал деликатесы старухе няньке, злющей бабе, которая ни разу ему даже спасибо за это не сказала, а банки-склянки хватала грубо и кидала громко в безразмерный карманище, сидящий поперек ее широкого, как просторы родины чудесной, живота» [Г. Щербакова. Армия любовников]. В приведённом сравнении наблюдается стилистический контраст между субъектом и объектом сравнения, подчёркиваемый инверсией «родины чудесной».

Сравнительные конструкции, образами которых стали объекты из мира природы, уже анализировались нами ранее. Мы отмечали, что общее количество сравнений, объекты которых имеют отношение к миру природы, чрезвычайно велико – 42,5 %, «без них современная языковая личность немислима, их употребление позволяет говорящему поддерживать устойчивые связи с миром природы, не отрывать от корней, питающих личность,

творчество, язык» [Крылова 2010₁: 49]. При этом наиболее часто при сравнении языковая личность обращается к объектами, традиционным для русской картины мира, представляющим собой исторически сложившиеся природные символы: «Известно, что ребёнок, как подсолнух, всегда поворачивает голову к свету» (телепередача «Фазенда»); «Снег почему-то всё не тает, / И, как сугробы, стоят дома» (песня Л. Агутин) и под. Встречающиеся экзотические образы демонстрируют интерес говорящего к необычным природным объектам и явлениям, наблюдательность при их описании: «Это увядшее, безобразное лицо записного алкоголика, эта морщинистая, как у варана, шея» [В. Платова. Эшафот забвения].

Российская государственность является одной из основных составляющих образа России в представлении современной языковой личности. В ряде сравнительных конструкций можно отметить мотив гордости за своё государство, стремление защищать его приоритеты, критиковать негативные процессы и предлагать свои меры по преодолению негативных явлений: «Образование граждан есть такое же богатство государства, как золото, нефть и алмазы, находящиеся на его территории (директор Центра тестирования МО РФ); «Наша экономика напоминает не бурный поток, а болото. В него огромной струёй вливаются доходы от продажи природных ресурсов, а польза от них всплывает, как мелкие пузыри, на поверхность (речь политика в Госдуме). Однако чаще и здесь не обходится без иронии и самоиронии при упоминании России, Российской Федерации: «Быть мужчиной означает быть цельным и неделимым, как Российская Федерация» (ж. «Cosmopolitan»). Юмор при описании России нередко звучит горько, проникновенно, и возникает ощущение, что юмористическая оценка призвана одновременно и показать, и скрыть щемящее чувство любви к Родине, с её неурядицами и проблемами, к Родине, которая сама не всегда любит своих людей: «Родина, необъятная, как пробка от Кремля до Рублёвки, любимая, как Хб, непостижимая, как планы правительства, вдруг померкла, истаяла» [Д. Глуховский. Рассказы о Родине].

Порой юмористические оценки превращаются в саркастические, иронические, основанные на антифразисе: «Соотечественники! – высоким, как рейтинг российского президента, голосом произнёс Квадрит. – Братья и сёстры! [А. Жвалецкий, И. Мытько. 9 подвигов Сена Аесли]. При этом в стремлении пошутить, выделить сравнение, сделать его необычным, языковая личность может допустить ассоциации, унижающие символику России: «Как карта России моя постель» (песня Тимати).

Воспринимает ли современная языковая личность историю России как великую историю? Принято считать, что да, однако ФСК сравнения показывает, что однозначности в данном вопросе нет. Мы наблюдаем, как говорящий стремится нивелировать образы, связанные с историей России, да и историей вообще: «А кое для кого он [Андрей Губин – М. К.] более великий, чем Пушкин или Христофор Колумб» [С. Иванов. Свидание на заброшенной могиле]. Особенно часто данное явление касается истории советского периода, даже периода Великой Отечественной войны: «Она вошла к нему и... разинула рот, как Родина-Мать на Мамаевом кургане» [Л. Соболева. Будет ночь – она вернётся...]. К сожалению, ФСК сравнения не представляет нам примеров, в которых языковая личность утверждала бы (явно или скрыто) возрождение России, прогрессивные тенденции её развития. Возможно, здесь дело в общем пессимистическом настрое говорящего, а, может быть, сказывается суеверное нежелание русского человека говорить о хорошем.

Характеризуя русский язык, его современное состояние, языковая личность часто отмечает различные проблемы языка, к примеру, засилье американизмов: «Вот ведь ужасное слово [шопинг – М. К.], чудовишный англицизм, а въелось в русский язык, будто клещ в беззащитную добычу!» [С. Лукьяненко. Сумеречный Дозор]. В то же время отмечается объединительная сила русского языка, его значение для межнациональных связей русского народа с другими народами: «Если представить наше содружество [СНГ – М. К.] как футбольную команду, то язык, который выполняет функцию Марадоны, – русский язык» (телепередача «Новости»).

Великая русская литература являет категории сравнения массу прецедентных текстов, ситуаций и имён, апелляция к которым должна демонстрировать общий для всех говорящих культурный фон, общую культурную базу, способную поддержать целостность национального сознания. Мы уже обращались к анализу художественного текста как прецедентного феномена и вынуждены были констатировать, что несмотря на то, что в последние годы количество прецедентных феноменов, используемых в русском языке, в том числе в образной сфере русского сравнения, стремительно растёт и художественная литература по-прежнему остаётся важнейшим источником прецедентности для говорящего, она, тем не менее, по количеству апелляций к ней языковой личности значительно уступает прецедентам из сферы кино и телевидения, литература «перестала быть основным источником культурных феноменов, на которые опирается языковая личность при построении образных ассоциаций» [Крылова 2010₂: 65].

Духовность, православие, религиозные константы также перестали быть важнейшими составляющими образа России для современной языковой личности. Анализируя отношение говорящего к религии, отразившееся в использовании им объектов сравнения, связанных с миром религиозного и сверхъестественного, мы уже отмечали ранее, что «современная языковая личность, при растущей популярности всего связанного с религией, черпает в ней вдохновение для ассоциаций намного реже, чем языковая личность прошлого. Употребление в современном языке образов, связанных с религией, носит поверхностный характер, говорящий апеллирует не к сути образа, не к его внутреннему значению, не к духовной составляющей, а к его внешним атрибутам, стремясь подчас популяризировать создаваемый текст за счёт «модных» словечек» [Крылова 2012: 29].

Итак, образ России, создаваемый посредством семантической сферы современного русского сравнения, демонстрирует неоднозначное отношение современной языковой личности к происходящим в России процессам. Для языковой личности характерно понимание величия русского народа, осознание того, что территория России

обширна, природа великолепна, язык богат. Однако чаще всего мы наблюдаем ироническое отношение к составляющим современного образа России: российской государственности, великой истории, потенциалу развития. К сожалению, некоторые компоненты современного образа России становятся всё менее актуальными для носителя языка: великая русская литература, духовность, религия.

Литература

- Ворошилова М.Б. Креолизованная метафора: первые зарисовки // Политическая лингвистика. 2012. № 4 (42). С. 94-99.
- Кондрашова О.В., Шельдешова И.В. Образ России в словах-ассоциациях (на материале опроса носителей языка) // Культурная жизнь Юга России. 2012. Т. 45. № 2. С. 21-23.
- Крылова М.Н. Концепт «природа» в образной системе сравнительных конструкций современного русского языка // Инновации и традиции науки и образования: Материалы Всероссийской научно-методической конференции. Часть 3 / Под ред. С.В. Лесникова. – Сыктывкар: Сыктывкарский гос. ун-т, 2010. С. 44-49.
- Крылова М.Н. Современная языковая личность и религия (на материале сравнительных конструкций) // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2012. № 1. С. 24-29 [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://journal-labirint.com/wp-content/uploads/2012/03/journal/Krylova.pdf>. 09.06.2014.
- Крылова М.Н. Художественный текст как прецедентный феномен (на материале сравнительных конструкций) // Русская словесность. 2010. № 1. С. 62-65.
- Мажарина Ю.Н. Образ Родины в публицистике и мемуаристике Б. Зайцева // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2013. № 1. С. 154-157.
- Милославская С.К. Русский язык как иностранный в истории становления европейского образа России: Монография. – М.: Гос. ин-т русского яз. им. А.С. Пушкина, 2008. 400 с.
- Чудинов А.П. Политическая лингвистика: учебное пособие. – Москва: Флинта, Наука, 2006. 254 с.

КУЛТЫШЕВА И. В.

Нижний Тагил

АНАЛИЗ ИНВЕКТИВНОЙ ЛЕКСИКИ В ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КАМПАНИЯХ 2011-2012 ГГ.

Работа выполнена в рамках гранта Президента для поддержки молодых ученых: МК2720.2013.6 «Убеждение и доказательство в современном политическом дискурсе».

Аннотация. В данной статье анализируется инвективная лексика в избирательных кампаниях (2011-2012 гг.) посредством её разделения на 8 разрядов.

Ключевые слова: инвективная лексика, разряд, избирательная кампания.

KULTYSHEVA I. V.

Nizhny Tagil

ANALYSIS OF INVECTIVES IN ELECTORAL CAMPAIGNS OF 2011 – 2012

Abstract. The article presents an analysis of invectives used during electoral campaigns (2011 – 2012), the invectives are divided into 8 categories.

Key words: invectives, category, electoral campaign.

Язык – один из источников социальных конфликтов. Конфликты неизбежно возникают при использовании языка его носителями в острых, социально значимых ситуациях, к которым относят и предвыборную агитационную кампанию. Способы разрешения таких конфликтов выходят за рамки естественно-языковых механизмов (системы языковых и этико-языковых норм) и переходят в сферу действия права и законов. Рассмотрение исков о защите чести и достоинства личности сопряжено, как правило, с немалыми трудностями, прежде всего потому, что не разработаны его научные принципы. Единственный легитимный источник – пометы толковых словарей. Это спорный для юридической лингвистики момент. Часть инвективной лексики сознательно не включается в словарь, но именно такая лексика часто бывает источником конфликтов.

Всю инвективную лексику можно разделить на 8 разрядов.

1. Слова и выражения, с самого начала обозначающие антиобщественную, социально осуждаемую деятельность.
2. Слова с ярко выраженной негативной окраской, составляющей основной смысл их употребления.
3. Названия профессий, употребляемые в переносном значении.
4. Зоосемантические метафоры, отсылающие к названиям животных.
5. Глаголы с «осуждающей» семантикой или даже с прямой негативной оценкой.
6. Слова, содержащие в своем значении негативную, причем весьма экспрессивную оценку чьей-либо личности.
7. Эвфемизмы для слов первого разряда, сохраняющие их оценочный (резко негативный) характер.
8. Окказиональные (специально создаваемые) каламбурные образования, направленные на унижение или оскорбление адресата.

Мы проанализировали 17 теледебатов партий, 6 предвыборных роликов и 5 телевизионных выступлений кандидатов в депутаты Государственной Думы РФ 2011 года, а также 8 предвыборных теледебатов в Президенты РФ 2012 года.

Анализ инвектив в выступлении партии КПРФ

Из 8 представленных разрядов инвективной лексики в текстах КПРФ были найдены инвективы семь разрядов.

К **первому разряду** относятся слова, обозначающие антиобщественную деятельность, то есть деятельность негативную с точки зрения общественности.

– Каким образом страна может поддерживать таких *жуликов*, которые не в состоянии даже управлять страной? (Дебаты, телеканал «Первый телеканал» 2011 г.)

– Они выстроили пирамиду *коррупции* (Предвыборный ролик партии КПРФ 2011 г.).

– Уважаемые граждане России. Обязательно с каждого из вас дети спросят, почему вы смотрели как *развивалась* ваша страна, как она сползала все дальше в пучину *коррупции* и *преступности* (Дебаты, телеканал «Россия 1» 2011 г.).

– Затоварили нашим лесом от Финляндии до Японии почти все подвалы. Это *безумие* и *варварство* (Дебаты, телеканал «Россия 1» 2011 г.).

Если слова и выражения, которые относятся к **первому разряду**, имеют четкую юридическую квалификацию, то в словах **второго разряда** просто содержится негативная оценка деятельности кого-либо.

– Спирто-водочная промышленность сейчас дает 80 копеек, а все остальное очередной *мафии* (Дебаты, телеканал «Россия 1» 2011 г.).

– Под нажимом рабочего класса, так называемая западная социал-демократия вынуждена кидать социальные *подачки* (Дебаты, телеканал «Россия 1» 2011 г.).

Третий разряд — это названия профессий, употребляемые в переносном значении.

– Это вы все отдали *банкирам*, с которыми русские не имеют ничего общего (Дебаты, телеканал «Первый телеканал» от 6.02.2012 г.).

– Путин по-прежнему поддерживает эту *олигархию* (Дебаты, телеканал «Первый канал» от 13.02.2012 г.).

При анализе предвыборных материалов партии КПРФ за 2011 и 2012 гг. не было обнаружено выражений, относящихся к **четвертому разряду**, то есть зоосемантических метафор, отсылающих к названиям животных.

Пятый разряд – это слова констатирующей семантики и слова оценочные, с яркой экспрессивной окраской.

– *Захватив* завод задарма, он взял и продал весь кобальт американской фирме (Дебаты, телеканал «Россия 24» от 9.02.2012 г.).

– Господин Прохоров не следует хамить. Пока вы в политике новичок, у которого даже единственную маленькую партию и то, как половичок, *вырвали* из-под ног (Дебаты, телеканал «Первый телеканал» от 6.02.2012 г.).

– Вы *обворовали* сто сорок миллионов человек (Дебаты, телеканал «Первый телеканал» от 6.02.2012 г.).

– Вы на всем этом *паразитируете*, сейчас что-то обещаете, не хотите даже платить нормально налоги (Дебаты, телеканал «Первый телеканал» от 6.02.2012 г.).

– Эта система *пожирала* страну (Предвыборный ролик КПРФ 2011).

– Он *угробил* всю военную подготовку (Дебаты, «Россия 1» 2011).

– Все, что партия строила за свой счет, вы не приватизировали, а *захватили* (Дебаты, «Россия 1» 2011 г.).

– Господин Фурсенко *притащил* программу образования (Дебаты, телеканал «Россия 1» 2011 г.).

– Фурсенко *кастрировал* все народное образование (Дебаты, «Россия 1» 2011 г.).

– Сегодня у нас *украли* Родину, *украли* страну, *пытаются украсть* историю. Сегодня у нас *пытаются утащить* честные, достойные выборы (Дебаты, телеканал «Россия 1» 2011 г.).

– Сейчас куда не ткнешь везде подметные газеты, задержания с нашими программами. *Лузят* студентов недавно в Туле (Дебаты, телеканал «Россия 1» 2011 г.).

– Сегодня остановили всю радиоэлектронную промышленность. *Убили* все танкостроение (Дебаты, телеканал «Россия 1» 2011 г.).

– Мы предлагали Путину ввести подоходный налог. *Отмахивается* (Дебаты, телеканал «Россия 1» 2011 г.).

Шестой разряд образуют слова и словосочетания, в самом значении которых заключена негативная (бранная) оценка кого-либо как личности, с достаточно сильной негативной же экспрессией.

– У нас нет рынка. Это *грязный, криминальный базар*, на котором распродают собственность, растащили, разворовали и не хотят платить даже нормальные налоги. *Какой к черту рынок* (Дебаты, телеканал «Россия 1» 2011 г.).

– Этот документ *фигня*, это *липовая грамота*, которую вы нам подсунули (Дебаты, телеканал «Первый телеканал» 2011 г.).

– Вы пришли не проблемы обсудить, а *фитюльки* показывать (Дебаты, телеканал «Первый телеканал» 2011 г.).

– Мы видели *беспредел* «Единой России» (Дебаты, телеканал «Россия 1» 2011 г.).

– Сегодня есть несколько сотен тысяч *кинутых* дольщиков (Дебаты, телеканал «Россия 1» 2011 г.).

– Ты можешь уничтожить *зло*. (Под «злом» в данном случае подразумевается партия «Единая Россия») (Предвыборный ролик партии КПРФ 2011 г.).

– Все должны любить Кондолизу Райс и *лизать зад* дяде Сэму (Дебаты, телеканал «Россия 1» 2011 г.).

– У нас государство-сторож при олигархической собственности, чиновники главные распорядители, а народ – *быдло*, которое не может даже проголосовать на выборах, чтобы не украли его голоса (Дебаты, телеканал «Россия 24» от 9.02.2012 г.).

К 7-му разряду инвективной лексики относятся в основном словосочетания, представляющиеся эвфемизмами по отношению к словам-номинациям 1-го разряда.

– У нас здесь уже нет ничего российского. Мы уже *банановая республика* (Дебаты, телеканал «Россия 1» 2011 г.).

– Пока сидит эта команда. Это команда *угробителей* армии (Дебаты, телеканал «Россия 1» 2011 г.).

Восьмой разряд инвективной лексики представлен окказиональными образованиями, такими как каламбур.

– Вы хотите на «Ё-автомобиле» въехать «Ё-президентом» в «Ё-кремль», чтобы страна *ёкнулась* (Дебаты, телеканал «Первый телеканал» от 6.02.2012 г.).

Анализ инвектив в выступлениях партии «Справедливая Россия»

Первый разряд инвективной лексики

– Коррупционер – это *вор*, а вор должен сидеть в тюрьме (Дебаты, телеканал «Первый телеканал» от 20.02.2012 г.).

Второй разряд инвективной лексики

– Мы не голосовали, потому что мы принципиально против этих унижительных подачек со сторон государства (Дебаты, телеканал «Россия 1» 2011 г.).

– А чего идти на выборы, все равно *эти* победят (под «этими» подразумевается партия «Единая Россия») (Предвыборный ролик партии «Справедливая Россия» 2011 г.).

Третий разряд инвективной лексики

– Я верил в то, что нас в России ждет счастливая демократическая жизнь. Но нас окунули в *олигархический капитализм* (Дебаты, телеканал «Россия 24» от 16.02.2012 г.).

При исследовании агитационных текстов партии «Справедливая Россия» за 2011 и 2012 гг. не было обнаружено ни одного примера инвективной лексики четвертого разряда.

Пятый разряд инвективной лексики

– Моих товарищей физически *убивают* (Дебаты, телеканал «Россия 1» 2011 г.).

– Не вам ли рассказывать о том, как КПРФ пошла на согласие с «Единой Россией», и ни слова не сказала на то, как безжалостно *уничтожали* голоса партии «Справедливая Россия» (Дебаты, телеканал «Россия 1» 2011 г.).

– Я высказал, что это может быть очень опасно. Молодых юношей и девушек просто *подставляли* (Дебаты, телеканал «Россия 1» 2011 г.).

– Именно в Петербурге у нас *украли* голоса (Дебаты, телеканал «Россия 24» от 16.02.2012 г.).

– Когда нас *окунули* в олигархический капитализм, когда людей *обманули*, всех работников оборонных предприятий *вышвыривали*. Я понял, что все было сделано неправильно (Дебаты, телеканал «Россия 24» от 16.02.2012 г.).

Шестой разряд инвективной лексики

– Нужно любить свой народ. Не считать его *быдлом*! (Дебаты, телеканал «Россия 24» от 16.02.2012 г.)

Также при анализе агитационных материалов партии «Справедливая Россия» не было обнаружено лексики седьмого и восьмого разрядов.

Анализ инвектив в выступлениях партии «Единая Россия»

При анализе предвыборных материалов партии «Единая Россия» ни одной инвективы не выявлено. Все выступления политически аргументированы, эмоциональны, с четкой расстановкой политических акцентов, но без инвектив.

Анализ инвектив в выступлениях партии ЛДПР

Первый разряд инвективной лексики

– Вы задержали Глущенко, то же вы его не садите? Садите его, *бандит* он (Дебаты, телеканал «Россия 1» 2011 г.).

– Миллионы гибнут каждый день. Кругом *бандиты*, *воры*, *мошенники* (Дебаты, телеканал «Россия 1» 2011 г.).

– «Вы артисты, как *дешевые проститутки*, ложитесь под каждого руководителя за деньги» (Дебаты, телеканал «Россия 1» от 28.02.2012 г.).

– *Вор* – это тайное похищение. А он в наглую берет. Он чиновник действует как *проститутка*. Оказывает услугу гражданину и за это гражданин ему, этой *проститутке-чиновнику* дает деньги (Дебаты, телеканал «Первый телеканал» от 20.02.2012 г.).

– Им президент говорит, а им плевать! Это *бандиты* сидят на местах, *коррупционеры*, мерзавцы, *авантюристы* (Дебаты, телеканал «Первый телеканал» от 20.02.2012 г.).

– Мы, оказывается, *мошенники* принесли не тот протокол! (Дебаты, телеканал «Россия 24» от 16.02.2012 г.)

– Прохоров – это ельцинские *жулики-олигархи*. Они все разграбили (Дебаты, телеканал «Россия 24» от 16.02.2012 г.).

– Прохоров сидел в банке. Кто его в банк отправил, выпускника ВУЗа... Разве здесь нет *мафиозных моментов*? Есть, конечно (Дебаты, телеканал «Россия 24» от 16.02.2012 г.).

– Каждый день дети выбрасываются из окон... Это от чего? Это от того, что в семье нет порядка, в школе нет порядка, на дорогах нет порядка, *преступность, коррупция!* (Дебаты, телеканал «Россия 24» от 16.02.2012 г.)

– Давайте сделаем фильтр. У нас огромная страна. Где в 5-6 регионов пройдут *мафиозные структуры* (Дебаты, телеканал «Россия 24» от 16.02.2012 г.).

– В округ опять пролезет *криминал* и *мафия*. Человек заплатит деньги и придет в парламент. Вот в этом и есть опасность (Дебаты, телеканал «Россия 24» от 16.02.2012 г.).

Второй разряд инвективной лексики

– Норильский комбинат – самый могучий в мире. Нет такого комбината, где выпускалось бы такое количество цветных металлов. Это жемчужина. Это лучше, чем «Газпром». И все это отдали в *грязные, воровские* частные руки (Дебаты, телеканал «Россия 24» от 9.02.2012 г.).

– Ельцин был *путчист!* Ельцин незаконно пришел к власти! (Дебаты, телеканал «Россия 24» от 9.02.2012 г.).

– Вы говорите маленький рейтинг. Это *злодейская организация* под названием ВЦИОМ вам дает ложные рейтинги каждый день (Дебаты, телеканал «Первый телеканал» от 7.02.2012 г.).

– Если вы такой молодой и жизнерадостный. Почему в 50 лет нет семьи, нет денег, нет внуков. Что вы пришли сюда с сестрой, *певичкой* и актером? (Дебаты, телеканал «Россия 1» от 28.02.2012 г.)

– Победили мы 4 декабря, а в Палате сидят ваши люди, *купленные и продажные* вашими олигархами (Дебаты, телеканал «Россия 1» от 28.02.2012 г.).

– У нас внаглую стоят банкиры в кандидаты в Президенты. В *психушке тебе надо сидеть, в тюрьме*, в Лондон бежать (Дебаты, телеканал «Россия 1» от 28.02.2012 г.).

– Вашей партии нет! Какая вы партия, *кучка авантюристов*. Собрались, пошумели (Дебаты, телеканал «Первый телеканал» 2011 г.).

– Дорогие избиратели. 4 декабря давайте проголосуем только за ЛДПР, чтобы очистить политическое поле России *от мусора, от демократического гноя* (Дебаты, телеканал «Первый телеканал» 2011 г.).

– Вы тогда еще были *жалким журналистом* этой *грязной желтой газеты* «Московский комсомолец» (Дебаты, телеканал «Россия 1» 2011 г.).

Третий разряд инвективной лексики

– «Администрация президента, которая вас сюда поставила как *фальшивого кандидата*» (Дебаты, телеканал «Россия 1» от 28.02.2012 г.).

– «Это именно они, *олигархи*, разрушили нашу страну при Ельцине. Они ограбили нас всех... Таким, как они, нет места в кандидаты в президенты» (Дебаты, телеканал «Россия 1» от 28.02.2012 г.).

Четвертый разряд инвективной лексики

– *Прошку-авантюриста* на нары отправить (Дебаты, телеканал «Россия 24» от 9.02.2012 г.). Как известно, в период выборов на пост Президента России 2012 года у В. В. Жириновского появился домашний осел по кличке Прошка. Во время теледебатов на телеканале «Россия 24» Владимир Вольфович назвал М. Д. Прохорова «Прошка», что дает прямую отсылку к названию животного. Это позволяет нам считать, что данную фразу можно отнести к четвертому разряду инвективной лексики.

Пятый разряд инвективной лексики

– «Ее закон *менять* мужиков каждые пять минут. Вот ее закон» (Дебаты, телеканал «Россия 1» от 28.02.2012 г.).

– Это они *разрушили* нашу страну при Ельцине. *Ограбили* нас всех (Дебаты, телеканал «Россия 1» от 28.02.2012 г.).

– Вы никогда не будете президентом, министром, губернатором! Вы тот, кто *обокрал и уничтожает* нашу страну! (Дебаты, телеканал «Россия 1» от 28.02.2012 г.)

– Коррупция, как удав, все *сжирает* (Дебаты, телеканал «Первый телеканал» от 20.02.2012 г.).

– Вы четверо и Прохоров, он платил ельцинской команде. Вы *предали* страну в 1991 году. А я ее защищал! (Дебаты, телеканал «Россия 1» от 16.02.2012 г.).

– Мы предлагаем всеобщую уголовную амнистию. Давайте в тюрьмах оставим убийц, маньяков и крупных воров. Прохор *украл* комбинат – в тюрьму! (Дебаты, телеканал «Россия 1» от 16.02.2012 г.)

– Конституционный суд *молчит*, прокуратура *молчит*, все *молчат*. Только вот дети не молчат, они выбрасываются из окон (Дебаты, телеканал «Россия 1» от 16.02.2012 г.)

– Нам *мешают* победить! (Дебаты, телеканал «Россия 1» от 16.02.2012 г.)

– Самый мощный комбинат в мире захватил! Такого комбината в мире нету (Дебаты, телеканал «Россия 1» от 16.02.2012 г.).

– Человек никогда не был депутатом, ни одного дня не занимался политикой, ничем не управлял, только *хапал, хапал, хапал*. Он кандидат в президенты! (Дебаты, телеканал «Россия 24» от 9.02.2012 г.)

Шестой разряд инвективной лексики

– «Не вашими *грязными руками* собирать партии, которые ждет Кремль» (Дебаты, телеканал «Россия 1» от 28.02.2012 г.).

– Вы выставяете *профанацию* с выборами, когда совершенно не равны условия (Дебаты, телеканал «Россия 24» от 9.02.2012 г.)

Седьмой разряд инвективной лексики

– «Вы – *пятая колонна*» – по отношению к М.Д. Прохорову. «Пятая колонна» – это любые тайные агенты врага» [Пятая колонна: электронный ресурс] (Дебаты, телеканал «Россия 1» от 28.02.2012 г.).

Подведем итоги проведенного исследования. Полученные результаты представим в виде таблицы.

Таблица 1

Общее количество найденных примеров использования инвективной лексики на выборах федерального уровня

Разряд инвективной лексики	Партия КПрФ	Партия «Справедливая Россия»	Партия «Единая Россия»	Партия ЛДПР
Первый разряд	4	1	0	11
Второй разряд	2	2	0	9
Третий разряд	2	1	0	2
Четвертый разряд	0	0	0	1
Пятый разряд	13	5	0	10
Шестой разряд	8	1	0	2
Седьмой разряд	2	0	0	1
Восьмой разряд	1	0	0	0
Общее количество найденных примеров	32	10	0	36

В современной политической публицистике отчетливо проявляется тенденция к оскорбительным выражениям в отношении оппонентов, что по сути является нарушением этических норм, правил приличия. Само понятие «оппонент», обязательное в рамках цивилизованной дискуссии, часто приравнивается к аналогу «враг», поэтому словесные баталии нередко приобретают яростный, агрессивный характер. Поэтому часто четкие аргументы, спокойное обсуждение заменяются перебранкой с активным использованием речевой агрессии, инвектив, взаимными упрёками, оскорблениями, резкими безапелляционными оценками.

Общество с опасением констатирует широкую экспансию ненормативной речевой стихии, подчеркивая при этом, что она представляет серьезную опасность для стабильного литературного языка, так как распатывает сложившуюся систему литературных норм, ведет к деградации культуры речи. Ученые отмечают, что это закономерно привело к возникновению пустот, заполнившихся вербальной агрессией, инвективами и ненормативной лексикой (сленгом, жаргоном, бранными словами, матом).

В последние годы резко возросло число конфликтных ситуаций, связанных с оскорблением чести и достоинства отдельных политических деятелей в прессе и других СМИ. Наиболее ярко это проявляется во время предвыборных агитационных компаний.

КРЯХТУНОВА О. В.

Астрахань

ПОЛИКODOVЫЕ ТЕКСТЫ АНТИНАЦИОНАЛЬНОГО СОДЕРЖАНИЯ В ИНТЕРНЕТ-ПУБЛИКАЦИЯХ

Аннотация. Статья посвящена изучению вариантов поликодовых текстов как специфического средства передачи информации в интернете. Рассматриваются различные варианты комбинаций вербальных и невербальных способов воздействия на читателей.

Ключевые слова: поликодовый текст, экстремизм, интернет, вербальные способы воздействия, невербальные способы воздействия.

KRYANTUNOVA O. V.

Astrakhan

POLIKOY'S TEXTS WITH ANTI-NATIONAL CONTENT IN ONLINE PUBLICATIONS

Abstract. Article examines the options of polikey's texts as a specific means of information on the Internet. The author pay attention to different variants of combinations of verbal and nonverbal ways to influence the readers.

Key words: polikey text, extremism, internet, verbal ways to influence, nonverbal ways to influence.

В поликультурных регионах, таких как Астраханская область, Волгоградская область и других, входящих в ЮФО, имеет большое значение предупреждение преступлений межнационального характера. Актуальность экспертной деятельности по определению экстремистского содержания в различных спорных текстах обусловлена опасностью возникновения локальных и массовых конфликтов, несущих угрозу жизни населению. В практике исследования текстов на предмет экстремистского содержания важно не только описать формы материалов, привлекаемых по судебным делам об экстремизме и выделить среди них потенциальные объекты лингвистической экспертизы, но и рассмотреть некоторые варианты спорной (неоднозначной) трактовки маркеров экстремистского содержания.

Основным источником трактовки понятия «экстремизм» является Федеральный закон от 25 июля 2002 г. N 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (<http://base.garant.ru/12127578/>) и его изменения от 25 декабря 2012 г.

Раскроем юридическое содержание понятия «экстремизм», а также вербальный и невербальный характер экстремистской деятельности. В Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности» «экстремизм» определяется через виды экстремистской деятельности:

- 1) насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации;
- 2) публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность;
- 3) возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни;
- 4) пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;
- 5) нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;
- 6) воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, соединенные с насилием либо угрозой его применения;
- 7) воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединенное с насилием либо угрозой его применения;
- 8) совершение преступлений по мотивам, указанным в пункте "е" части первой статьи 63 Уголовного кодекса Российской Федерации;
- 9) пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения;
- 10) публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения;
- 11) публичное заведомо ложное обвинение лица, замещающего государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей деяний, указанных в настоящей статье и являющихся преступлением;
- 12) организация и подготовка указанных деяний, а также подстрекательство к их осуществлению;
- 13) финансирование указанных деяний либо иное содействие в их организации, подготовке и осуществлении, в том числе путем предоставления учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной и иных видов связи или оказания информационных услуг.

Из перечисленных видов экстремистской деятельности могут иметь вербальный характер №№ 1, 2, 3, 4, 5, 9, 10, 11, 12, 13, т.е. большинство. Действия под №№ 6, 7, 8 носят невербальный характер. Согласно списку материалов, признанных экстремистскими и запрещенных к распространению (список дан на сайте <http://www.minjust.ru/>), таковыми могут считаться не только вербальные материалы: среди них есть и аудио- и видеозаписи, а также материалы, сочетающие рисунок/фотографию и подписи к ним. Такие тексты называют «креолизованными» или же «поликодовыми». При этом «креолизованным» считается текст (в отличие от иллюстрации, прилагаемой к буквенному тексту), части которого (вербальная и невербальная) создаются одновременно (А.В. Филиппова). К «поликодовым» относят тексты, содержащие сочетания естественного языкового кода с кодом какой-либо иной семиотической системы (изображение, музыка и т.п.) (Г.В. Ейгер, В.Л. Юхт).

Материалами, привлекаемыми по судебным делам об экстремизме по национальному признаку могут быть видеоролики, плакаты (демотиваторы, мемы), публикации различного объема, распространяемые в СМИ, в том числе, в сети интернет.

Экстремистская направленность по национальному признаку может быть выражена эксплицитно (через оскорбительные названия национальностей) или имплицитно (рис.1,2,3):

Рис. 1

Рис.2

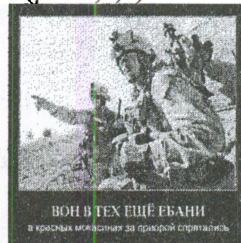

Рис.3

Материалы 1 и 2 вне контекста могут быть оценены неоднозначно, поскольку они соотносятся с темой спорта. Здесь также графически не выделено слово «чурки», однако сайты, на которых были размещены плакаты, содержат исключительно экстремистские по содержанию статьи: рис.1 - сайт ВК («в контакте»), публикация: «Чурки вон из россии Ослиные рожи», «УБИВАЙ ЧУРОК ОСВОБОЖДАЙ РОССИЮ ОТ ЧЕРНОЖОПОЙ МРАЗИИ» (<http://vk.com/id82100885>)

При толковании текстов необходимо учитывать и многозначность слов по возможности восстанавливать реплики или текст в полном объеме (рис.4,5):

Рис.4

Рис.5

Дискредитация людей других национальностей, подтверждение их чуждости может строиться на компонентах речевого портрета (характерные фонемы, акцент) (рис.6, 7, 8):

Рис.6

Рис.7

Рис.8

Для провокации агрессивного настроения по отношению к людям других рас или национальностей используются прецедентные наименования и тексты, легитимизирующие право автора на подобные установки: например названия столиц (рис.9), либо изображения (рис.10, 11), обладающие для рядового носителя языка значительной аксиологической ценностью:

Рис.9

Рис.10

Рис.11

Особенностью поликодовых текстов в интернет-коммуникации является возможность практически любого пользователя наделять то или иное изображение новым смыслом, причём различные интерпретации существуют параллельно во множестве вариантов (в том числе – в пародийном (рис.12-15):

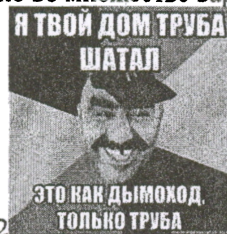

Рис.12

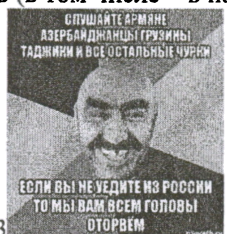

Рис.13

Рис.14

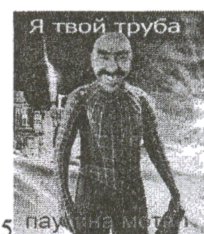

Рис.15

Подписи к «мемам» могут носить характер реакции на происходящие события и не быть связанными напрямую с национальностью изображаемого лица, а только с функцией «мема» для обозначения образа негативного персонажа (рис.16, 17):

Рис.16

Рис.17

По мнению специалистов дискурс-анализа (В.И.Герасимов), информация, содержащаяся непосредственно в текстовом сообщении, усваивается лишь на 7%, голосовые характеристики способствуют усвоению 38% информации, тогда как наличие визуального образа заметно повышает восприятие – до 55%. При этом отмечается, что вербально представленная информация влияет на сознание индивида рациональным путём, а использование различных паралингвистических средств автоматически переводит восприятие на подсознательный уровень. На наш взгляд, такой функцией обладают рифмовки (рис.18-20):

Рис.18

Рис.19

Рис.20

Подтверждение авторитетности текста как приём воздействия на адресата также возможно с помощью ещё одного «кода» - популярной песни, которая уже в момент чтения встраивает новый (трансформированный) текст в знакомую мелодико-интонационную структуру (рис.21-26):

Рис.21

Рис.22

Рис.23

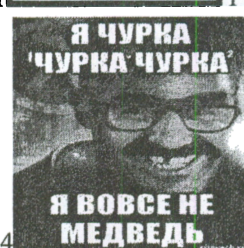

Рис. 24

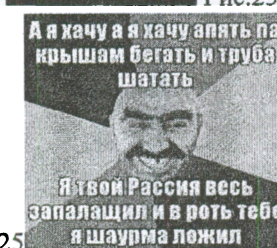

Рис.25

Рис.26

Итак, задачам воздействия на пользователей интернетом служат (помимо традиционных текстовых сообщений) тексты сложной «поликодовой» структуры, сочетающие в себе информацию визуального, текстового и иногда - мелодического характера. Внутреннее содержание (интенция) таких текстов может быть как агрессивной, так и пародийной. Внешняя форма, как правило, содержит изображение лиц другой национальности, либо косвенные признаки – особенности речи, элементы традиционной культуры (в случае непрямого призыва к действию против них), либо прямые призывы к насильственным действиям, что может толковаться лингвистом-экспертом как признак текста экстремистской направленности. Для наиболее корректного заключения о направленности подобных текстов, требуется привлечение нескольких специалистов.

МАКСИМОВА Ю. А., МИЛЮТИНА М. Г.

Ижевск

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ «ПОЛИТИКА – ЭТО ТЕАТР» В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Л. Д. ТРОЦКОГО (на материале работы «История русской революции»)

Аннотация. Данная статья представляет собой исследование метафора как когнитивных механизмов. Рассматривается специфика театральных метафор и их роль в концептуализации политической жизни в революционный период на материале работы Л.Д. Троцкого «История русской революции». В статье последовательно и подробно описываются фреймы и слоты, структурирующие данную метафору, устанавливаются лексические единицы, включенные в процесс метафоризации, определяются основания метафорического переноса и их специфика. Делается вывод, что метафора со сферой-источником «Театр» является частотной и детально структурированной в политическом дискурсе Л.Д. Троцкого. Активно представлены фреймы «Элементы представления», «Театральное здание и театральный реквизит», на периферии оказались фреймы «Вид зрелища и жанр представления», «Люди театра». При метафорическом моделировании революционных событий Л.Д. Троцкий редко использовал фрейм «Публика и приём, оказываемый спектаклю».

Ключевые слова: политическая метафора, метафорическая модель, сфера-источник «Театр», понятийная область, фрейм, слот.

MAXIMOVA YU. A., MILYUTINA M. G.

Izhevsk

METAPHORIC MODEL «POLITICS IS THE THEATRE» IN THE POLITICAL DISCOURSE

OF L. D. TROTSKY (based on the work «The history of the Russian revolution»)

Abstract. The paper represents a research of metaphors as cognitive mechanisms. The specific character of theatre metaphors and their role in conceptualization of political life in revolutionary period based on the work of L. D. Trotsky «The history of the Russian revolution». The frames structuring the given metaphor are consistently described, the lexical units included in the metaphoric representation are established, the bases of metaphorical shift are defined. The author concludes that the most frequent and structured metaphors in L. D. Trotsky's articles are those with area-source of «theatre», the widely presented frames being those of «The Elements of representation», «Theatre building and props», on the periphery of the frames were «View shows and feature presentation», «People of the theater». With metaphorical simulation of the revolutionary events of L. D. Trotsky rarely used frame «Audience and reception exerted by the performance».

Key words: political metaphor, metaphoric model, the sphere-source «Theatre», on-conceptual domain, the frame, slot.

«Жизнь есть театр» – девиз, ставший популярным ещё в XVI веке актуален и в наши дни не только при описании театральной жизни, социальных и бытовых явлений, но и для трактовки общественно-политической жизни страны.

На сегодняшний день существует множество работ, посвящённых функционированию театральной метафоры в речи политиков [Чудинов 2001, 2003, Солопова 2006, Баранов, Караулов 1993, Шейгал 2000 и другие].

«Прагматический потенциал этой метафорической модели определяется ярким концептуальным вектором неискренности, искусственности, ненатуральности, имитации реальности: субъекты политической деятельности не живут подлинной жизнью, а вопреки своей воле исполняют чьи-то предназначения» [Чудинов 2001: 115].

Театр как сфера-источник метафорической экспансии создает великолепные условия для реализации эмоционального заряда метафоры. Слова-символы театрально-лексической группы относятся к единицам, которые служат повышению экспрессивности, для них характерно «постоянное переворачивание, перемешивание плохого и хорошего, высокого и низкого, смешного и печального» [Плуцер-Сарно 1999]. Негативная оценочность театральных метафор в политике предугадывается со стопроцентной вероятностью, поскольку в публицистике они эксплуатируют эксплицитную составляющую общей энергии, подчёркивая стереотипные смыслы – «двуличие», «фальшь», «несамостоятельность» политических фигур [Кузьмина 1999: 209]. Прагматический потенциал указанной метафорической модели определяется ярким концептуальным вектором неискренности, искусственности, ненатуральности, имитации реальности [Чудинов 2003: 114].

Метафора «театра», являясь образным средством, как никакая другая подходит для описания мира политики [Санцевич 2003: 111]. При характеристике метафорической модели и её составляющих в настоящем исследовании используется фреймо-слотовая структура, предложенная в монографии А.П. Чудинова «Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры» [Чудинов 2003]. Исследователь выделяет следующие фреймы рассматриваемой модели: «Вид зрелища и жанры представления», «Люди театра», «Публика и приём, оказываемый спектаклю», «Элементы представления», «Театральное здание и театральный реквизит» [Чудинов 2003: 113–121].

В работе Л.Д. Троцкого «История русской революции» широко представлен фрейм «Театральное здание и театральный реквизит», в частности слот «Элементы театрального (циркового и т.п.) здания» в рамках театральной метафоры:

Социалистическая революция начинается на национальной арене, развивается на интернациональной, и завершается на мировой [Троцкий 1990: 39].

Но перед нами встаёт вопрос: считать ли подобную модель метафорической на современном этапе развития языка? Кобозева И.М. в статье «Лексико-семантические заметки о метафоре в политическом дискурсе» (2010) пишет: «Как свидетельствует словарь С.И. Ожегова, в современном русском языке у слова *арена* появилось ге-

нерализованное узуальное значение «области деятельности» (ср. его свободную сочетаемость в этом значении с атрибутами международная, общественная, социальная, политическая, внешнеполитическая, внутривнутриполитическая, парламентская, идеологическая, академическая, журналистская, литературная, экономическая (сочетания найдены в НКРЯ), указывающими на области деятельности, достаточно разные и по объёму, и по сути, и по эмоционально-оценочному отношению к ним в обществе). Разумеется, связь с цирковой сферой-источником сохраняется у этого слова на правах его «внутренней формы», но сила этой связи близка к нулю и восстанавливается только при условии контекстной поддержки со стороны неконвенциональных, живых метафор» [Кобозева 2010: 43].

В подтверждение вышесказанному можно проанализировать значение слова «арена» в современных словарях. Так, в словаре под редакцией Д.Н. Ушакова мы обнаруживаем следующее значение: «поприще деятельность (слово книжное). Например, арена политической борьбы». В словаре синонимов под редакцией А.П. Евгеньевой видим синонимический ряд «поприще, ристалище, поле», представлен пример – «театр войны, выступить на широкой арену жизни».

Вслед за И.М. Кобозевой подобные метафорические модели будем считать «стёршимися»:

<...> раз начавшись, революция <...> ни в коем случае не приостанавливается нами на каком-либо формальном этапе, наоборот, мы непрерывно и постоянно ведём её вперёд <...> до тех пор, пока революция не исчерпает всех возможностей и ресурсов движения. Это относится как к внутренним завоеваниям революции, в национальных пределах, так и к перенесению революции на международную арену [Троцкий 1990: 194].

<...> Социалистическое строительство мыслимо лишь на основе классовой борьбы в национальном и международном масштабе. Эта борьба – в условиях решающего преобладания капиталистических отношений на мировой арене – будет неизбежно приводить к взрывам внутренней, то есть гражданской, и внешней революционной войны [Троцкий 1990: 286].

Стоит отметить, что некоторые метафорические модели из этой группы подвергаются обновлению в контексте, то есть обрастают новыми коннотациями в основном при пересечении с другими фреймами рассматриваемой модели, а, следовательно, становятся «живыми»: «Вид зрелища и жанр представления», «Элементы представления», «Люди театра». Рассмотрим эти примеры подробнее.

События 1905 г. являются могущественным прологом к революционной драме 1917 г. В течение ряда лет победоносной реакции 1905 год стоял перед нашим сознанием как законченное целое, как русская революция. <...> Революция 1905 г. непосредственно выросла из русско-японской войны, как революция 1917 г. явилась непосредственным плодом великой империалистической бойни. Таким образом, и по происхождению и по развитию пролог заключал в себе все элементы той исторической драмы, свидетелями и участниками которой мы ныне являемся. Но в прологе эти элементы заключались в сжатом, ещё не развёрнутом виде. Все составные силы, выступавшие в 1905 г. на арене борьбы, ярче, чем ранее, освещаются теперь отбрасываемым назад светом событий 1917 г. Красный Октябрь, как мы его называли уже тогда, вырос через 12 лет в другой, несравненно более могучий и подлинно победоносный Октябрь [Троцкий 1990: 147].

В данном примере слово *арена* фигурирует как индикатор живой метафоры, поскольку оно употреблено по ходу развёртывания метафоры «Политика – это цирк», пересекаясь с другими фреймами рассматриваемой модели: «Вид зрелища и жанр представления» (слот «Жанр представления»), «Элементы представления». События 1917 года представлены как драма – литературное произведение, написанное в форме диалога и предназначенное для исполнения на сцене; пьеса такого рода, серьёзного, но не героического содержания (в отличие от трагедии) (БТС). Как настоящее театральное представление эти события включали в себя пролог – вступительная часть к литературному или музыкальному произведению, предвещающая общее содержание произведения или раскрывающая общий замысел автора (БТС).

В следующем примере также разворачивается фрейм «Элементы представления», репрезентированный лексемой «пролог»:

<...> Противоречия в положении рабочего правительства в отсталой стране смогут найти своё разрешение только в международном масштабе, на арене мировой революции пролетариата. Взорвав, в силу исторической необходимости, ограниченные буржуазно-демократические рамки русской революции, победоносный пролетариат вынужден будет взорвать её национально-государственные рамки, то есть должен будет сознательно стремиться к тому, чтобы русская революция стала прологом революции мировой [Троцкий 1990: 148].

Интересно отметить, что «драма» и «пролог» являются у Л.Д. Троцкого излюбленными образами. Причём образ «пролога», как вступительного элемента к мировой революции, навеян, очевидно, романом Н.Г. Чернышевского «Пролог». Выбор жанра (драма, не комедия и не трагедия) также не случаен: в отличие от трагедии, которая показывает исключительно характеры, драма описывает жизнь обычных людей, но не исключает благополучного разрешения конфликта.

У А.П. Чудинова лексема «сцена» соответствует фрейму «Элементы представления» [Чудинов 2001: 120]. Рассмотрим, какие метафорические смыслы приобретает эта лексема в работе Л.Д. Троцкого.

У слова *сцена* можно выделить три значения, необходимых нам для анализа: 1. Специальная площадка, на которой даются представления. 2. Театр, театральная деятельность: *Сойти со сцены (перестать выступать или представляться; об актёре, театральной постановке и т.п.)* 3. Отдельная часть действия, эпизод в пьесе, лите-

ратурном произведении, картине и т.п. (БТС). В соответствии с выделенными значениями примеры можно отнести к двум фреймам: «Элементы представления», «Театральное здание и театральный реквизит».

Рассмотрим примеры, в которых лексема *сцена* выступает как элемент представления.

Трагикомический эпизод 5 января 1918 г. (разгон Учредительного собрания) был последним принципиальным столкновением ленинизма и черновщины. Но именно лишь «принципиальным», ибо практически никакого столкновения не было, а была *маленькая и жалконьякая арьергардная демонстрация сходящей со сцены «демократии», во всеоружии свечей и бутербродов. Раздутые фикции лопнули, дешёвые декорации обвалились, напыщенная моральная сила обнаружила себя глуповатым бессилием* [Троцкий 1990: 212].

В данном примере фрейм «Элемент представления» пересекается с фреймом «Театральное здание и театральный реквизит», представленном лексемой декорация – «1. Живописное или архитектурное изображение места и обстановки действия, устанавливаемое на сцене. 2. О том, что является показным, служащим для прикрытия недостатков, непривлекательной сущности чего-л. 2. Об изменении обстановки, положения дел, общего вида чего-л. и т.п.» (БАС). Кроме явно театрального реквизита «декорация» Л.Д. Троцкий для описания политических событий используются и другие предметы, предназначенные для этой же цели: свечи, бутерброды.

В данном контексте столкновение «ленинизма и черновщины» представлено как театральное зрелище. Наблюдается иронический, пренебрежительный смысл, подчёркивается фальшивость и иллюзорность происходящего события – «демонстрация сходящей со сцены «демократии». На фальшивость описываемых событий указывает лексема «фикция» – «Сознательно созданное положение, которому ничто не соответствует в действительности, но которым – как допущением – пользуются с какой-либо определённой целью» (БАС).

Само слово демократия заключено в кавычки, что говорит нам о его употреблении в ироничном, уничижительном значении. Об этом свидетельствуют и лексемы «маленькая», «жалконьякая» (суффикс *-оньк-* обозначает увеличение или уменьшение меры выраженного прилагательным признака, прилагательные с суффиксом *-оньк-* более свойственны эмоционально насыщенной разговорной речи) [Сайт «Первое сентября». URL : <http://rus.1september.ru/article.php?ID=200700709>]. Мало того, мы наблюдаем гротескное описание действительности, которое подразумевает контрастное сочетание реального и фантастического, правдоподобия и карикатуры, гиперболы и алогизма. Гротеск соответствует выбранному жанру – трагикомедии.

«В нашем случае не критически настроенный к восприятию политических текстов адресат получит заряд негативного отношения к людям, занимающимся политикой, которые, как клоуны в цирке, не занимаются серьёзным делом, а за плату смешат публику. Очевидно, что внушение такого «пейоративного» отношения к политикам и политике выгодно власти, так как питает аполитичность общества, в условиях которой власти гораздо легче достигать своих целей», – справедливо отмечаем И.М. Кобозева [Кобозева 2010: 43].

<...> Задача меньшевиков и эсеров состояла в том, чтобы, *связав большевиков советской легальностью*, безболезненно перевести эту последнюю в буржуазно-парламентскую легальность. Правые шли этому навстречу. Мы уже слышали выше, как они рисовали себе дальнейшее развитие революции: *Советы* отдают постепенно свои функции соответственным учреждениям – думах, земствам, профессиональным союзам, наконец Учредительному собранию, – и тем самым *сходят со сцены* [Троцкий 1990: 266].

В данном примере также использована лексема «сцена» в устойчивом сочетании «сойти со сцены», зафиксированном в словарях, а, следовательно, не являющимся метафорическим. Обновления метафоры не происходит.

<...> Опыт Советов 1905г. навсегда *врезался* в сознание рабочих. <...> *Это была одна из самых патетических сцен революции*, почувствовавшей свою силу, неисчислимость пробужденных масс, грандиозность задач, гордость своими успехами, радостное замирание сердца перед завтрашним днём, который должен быть ещё прекраснее, чем сегодняшний. Революция ещё не имеет своего ритуала, улица ещё в дыму, массы ещё не умеют по-новому петь, *заседание течёт без порядка, без берегов, как река в половодье, Совет захлёбывается* в собственном энтузиазме. Революция уже могуча, но ещё наивна детской наивностью [Троцкий 1990: 293-294].

В этом примере слово *сцена* употреблено в значении «отдельная часть действия, эпизод в пьесе, литературном произведении, картине и т.п.» (БТС). Так, революция представляется как некое театральное действие, пьеса, состоящая из нескольких частей, сцен. Сцены революции охарактеризованы как патетические, то есть «книжны. наполненные пафосом; страстные взволнованные» (БАС). Театральная метафора в данном примере включает в себя ещё и фрейм «Люди театра», а в частности, слот «Участники спектакля»: массы выступают в качестве хора, который ещё не научился петь по-новому. Театральная метафора пересекается с природоморфной метафорой для описания создавшейся ситуации. События протекают стремительно, беспорядочно, стихийно, бесповоротно.

Рассмотрим примеры, в которых лексема *сцена* выступает как театральный реквизит, элемент здания театра.

<...> Когда изучаешь переговоры соглашателей с либералами и все вообще эпизоды взаимоотношений левого и правого крыла Таврического дворца в те дни, то кажется, что *на гигантской сцене, на которой развёртывается историческая драма народа, группа провинциальных актёров, воспользовавшись свободным углом и паузой, разыгрывает пошлый водевиль с переодеванием* [Троцкий 1990: 304].

В данном примере также происходит пересечение различных фреймовых структур в пределах одной метафорической модели: «Вид зрелища» (слот «Жанр представления»), «Люди театра» (слот «Участники спектакля»), «Элементы представления». Приведённая метафорическая модель построена на противопоставлении левого и правого крыла. Здесь сцена символизирует не только политические отношения, но и развитие истории в це-

лом: происходит расширение обычной театральной сцены до гигантских, исторических масштабов (1. Очень большой по размерам; огромный. 2. Исключительный по силе, значению и т.п. – БАС). Революция предстаёт перед нами как нечто трагическое. В связи с этим, не случайно выбран жанр представления – драма (1. Литературное произведение, написанное в форме диалога и предназначенное для исполнения на сцене; пьеса такого рода, серьёзного, но не героического содержания (в отличие от трагедии). 2. Несчастье, тяжёлое событие, приносящее глубокие нравственные страдания. – БАС), подчёркивающий серьёзность происходящих событий, трагичность.

Грандиозному представлению противопоставлен «пошлый водевиль» (водевиль – короткая комическая пьеса, обычно с пением куплетов, романсов и танцами (БАС), который символизирует собой взаимоотношения правого и левого крыла, абсурдность ситуации, невозможность найти компромиссное решение, постоянную перемену политических взглядов в зависимости от личной выгоды. Именно поэтому «актёры», участники этого водевиля включены в действие переодевания (переодеть – 1. одеть в другую одежду. 2. сняв одну одежду, надеть другую, чтобы можно было принять за другого (БАС). Вся комичность, нелепость и низость происходящего действия подчёркивается прилагательными «пошлый» (1. низкий, ничтожный в духовном, нравственном отношении. 2. содержащий в себе что-л. неприличное, непристойное – БАС), «провинциальный» (свойственный провинции, провинциалам – БАС).

Далее автор дополняет контекст, снова возвращаясь к «водевиллю»:

<...> Выйдя после объятий с Родзянко к ожидавшим его депутатам, Михаил Романов "довольно твердо" заявил, что отказывается от предложенной ему высокой, но рискованной должности. Тогда Керенский, олицетворявший в этих переговорах совесть демократии, восторженно привскочил со стула со словами: "Ваше Высочество, Вы - благородный человек!" - и поклялся, что отныне будет всюду заявлять это. "Пафос Керенского, - сухо комментирует Милуков, - плохо гармонировал с прозой принятого решения". Нельзя не согласиться, для пафоса текст этой интермедии действительно не оставлял места. Сделанное выше сравнение с водевилем в углу античной арены приходится дополнить указанием на то, что сцена оказалась разделена ширмами на две половины: в одной революционеры упрасивали либералов спасти революцию, в другой либералы умоляли монархию спасти либерализм [Троцкий 1990: 309].

Метафора разворачивается дальше за счёт добавления нового слота в фрейме «Театральное здание и театральный реквизит» - «Элемент театрального (циркового) здания». Два противоположных политических лагеря оказываются разделёнными ширмой (складная переносная перегородка в виде рам-створок, в которых натянута материя или бумага – БАС).

Добавляется новый фрейм «Элемент представления», с помощью которого события рассматриваются как интермедия (1. Представление, обычно комедийного характера, разыгрываемое между действиями спектакля. 2. Небольшая вставная музыкальная пьеса, исполняемая между актами в опере. – БАС), то есть промежуточные, незначительные, смешные, созданные для увеселения публики.

Слот «Элемент театрального (циркового) здания» включает в себя лексему «кулиса» (плоские части декорации, располагаемые по бокам сцены одна за другой. – БАС), которая в сочетании с предлогом «за» приобретает смысл – «вне официальной обстановки; скрытно, тайно» (БАС):

<...> Достаточно того, что этот вопрос полностью разрешился в течение ближайших двух-трёх дней, которые у соглашателей и ушли как раз на подготовку за кулисами буржуазного правительства [Троцкий 1990: 304].

Таким образом, проведя анализ театральных метафор в работе Л.Д. Троцкого «История русской революции» можно сделать следующий вывод: при обращении к событиям, касающимся партийных междоусобиц преобладают метафоры с негативной оценочностью, моделирующие образ нереального, надуманного, лживого действия, сопровождаемого и соответствующими атрибутами – кулиса, ширма, провинциальные актёры, пошлый водевиль, интермедия, фикции и т.д. При обращении же к событиям, касающимся революции (с её высокими идеалами) используются метафоры с позитивной оценочностью, моделирующие образ справедливого, правильного, грандиозного, серьёзного действия (историческая драма, гигантская сцена, арена и др.).

Проведённый анализ показывает, что в работе Л.Д. Троцкого «История русской революции», освещающей революционную ситуацию, активно функционируют словоупотребления театральной источниковой сферы. Метафорическая модель «театра» детально проработана и включает практически все фреймы при образном представлении революционных событий.

Самым частотным при моделировании политической ситуации является фрейм «Элементы представления». Использование названий элементов представления в качестве «репрезентантов, актуализирующих семантику «начала» и «завершения» [Каслова 2003: 85], характерно для текста Л.Д. Троцкого, цель которых – указать на то, что все политические процессы, независимо от количества актов, действий, антрактов и реприз – это игра на публику, обязательными составляющими которой являются ложь и зрелищность. Зрителю-избирателю уготована роль простого наблюдателя, который никак не может изменить ход спектакля.

Частотным фреймом также является фрейм «Театральное здание и театральный реквизит». Он представлен различными театральными атрибутами, которые помогают участникам политического процесса скрыть их подлинные дела и истинное лицо при помощи красноречивых фраз и красивых поз.

Номинации, относящиеся к фреймам «Вид зрелища и жанр представления», «Люди театра» находятся на периферии.

Причина использования метафор из фреймовой структуры «Вид зрелища и жанр представления» - во «все возрастающей театрализации политики, где все события расписаны по сценарию и поставлены для массового потребления и где политики и партия борются за главные роли (или по крайней мере за эпизодические)» [Anderson 1990: 5, цит. по Солоповой 2006]. Театральность политики, являющаяся естественной и неизбежной чертой политического дискурса, создаёт ощущение неподлинности и излишней карнавальности событий, находящихся в центре общественного внимания.

Фрейм «Люди театра» представлен скупом. Это говорит нам о том, что роли и обязанности в революционное время распределены плохо и нет слаженной работы, происходят постоянные изменения в расстановке политических сил. В отличие от театральных спектаклей, «выступления политических актеров – это не проявление их личностных качеств, а демонстрация профессионализма» [Czarniawska-Joerges, Jacobsson 1995: 391, цит. по Солоповой 2006], актёрского мастерства, чего как раз и не хватает лидерам того времени.

Самыми малочисленными при моделировании описываемых событий являются фреймы «Публика и приём, оказываемый спектаклю».

Литература

Большой академический словарь русского языка в 20 т. М.: Российская академия наук. Институт лингвистических исследований. Наука, 2004. Т. 1. 664 с.

Большой толково-фразеологический словарь Михельсона [Электронный ресурс]. –

Каслова, А.А. Метафорическое моделирование президентских выборов в России и США (2000 г.): Дис. ...канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2003.

Кобозева, И. М. Лексико-семантические заметки о метафоре в политическом дискурсе / И. М. Кобозева // Политическая лингвистика. – М., 2010. – С. 41 - 46.

Кузьмина, Н. А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка / Н. А. Кузьмина; Науч. ред. Н. А. Купина. - Екатеринбург; Омск : Изд-во Урал. ун-та; Изд-во Омск. гос. ун-та, 1999. – 268 с.

Плутер-Сарно, А.А. Государственная Дума как фольклорный персонаж: Пародия, плач, исповедь, пасквиль – жанры русской политики // Логос. – 1999. - №9.

Санцевич, Н.А. Моделирование вариативности языковой картины мира на основе двуязычного корпуса публицистических текстов (метафоры и семантические оппозиции): Дис. ...канд. филол. наук. – М., 2003.

Словарь синонимов русского языка: В 2 т. / АН СССР, Институт русского языка. – Под ред. А.П. Евгеньевой. – Ленинград: Наука, 1970.

Солопова, О. А. Метафорическое моделирование образов прошлого, настоящего и будущего в дискурсе парламентских выборов в России (2003 год) и Великобритании (2001 год) / О. А. Солопова // Уральский гос. пед. ун-т : дисс. на соискание уч. степ. канд. филолог. наук. – Екатеринбург, 2006. [Электронный ресурс]. – URL : <http://31f.ru/dissertation/580-dissertaciya-metaforicheskoe-modelirovanie-obrazov-proshlogo-nastoyashhego-i-budushhego-v-diskurse-parlamentskix-vyborov-v-rossii-2003-god-i-velikobritanii-2001-god.html> (дата обращения: 02.05.2013).

Троцкий Л. Д. К истории русской революции. М.: Политиздат, 1990. 447 с.

Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации / А. П. Чудинов. - Екатеринбург, 2003. - 248 с.

Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000) / А. П. Чудинов. - Екатеринбург, 2001. - 238 с.

Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. – М., Волгоград : Перемена, 2000. – 368 с.

МАЛЫШЕВА Е. Г.

Омск

МЕДИАКОНЦЕПТ «ОМСК» В РЕГИОНАЛЬНЫХ СМИ: СПЕЦИФИКА КОГНИТИВНОЙ СТРУКТУРЫ

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ «Новые медиа в России: исследование языка и коммуникативных процессов». Проект № 14-04-00487/14.

Аннотация. Статья посвящена исследованию репрезентации медиаконцепта «Омск» в текстах региональных СМИ. Материалом для исследования послужили статьи омского журналиста и публициста С. Шкаева. Анализ метафорического моделирования концепта, представленного в журналистском дискурсе, и номинаций пространства позволил сделать выводы об особенностях репрезентации базового концепта региональной картины мира.

Ключевые слова: медиаобраз, медиаконцепт, региональная картина мира, метафорическое моделирование.

MALYSHEVA E. G.

Omsk

MEDIACONCEPT «OMSK» IN REGIONAL MASS-MEDIA: THE SPECIFICS OF COGNITIVE STRUCTURE

Abstract. The article is devoted to the representation of mediakoncept «Omsk» in the texts of the Omsk regional mass media. Material for study was the journalist and publicist of Omsk, S. Shkajev. Analysis of metaphorical concept modelling presented in the journalistic discourse, and nominations of space allowed to draw conclusions about the peculiarities of representation of the underlying concept of the regional picture of the world.

Key words: mediaimage, mediakoncept, the regional picture of the world, metaphorical modeling.

Сегодня можно считать многократно доказанным тезис о том, что функционирование современных масс-медиа предполагает «не столько отражение окружающей действительности, сколько, и это гораздо более важно, её интерпретацию, комментарий, оценку, способствующую созданию определённого идеологического фона» [Добросклонская 2008: 213]. Поэтому исследование медиаобразов – образов действительности, «сконструированных» СМИ для целенаправленного воздействия на массовое сознание, – представляется чрезвычайно актуальным. Как кажется, с понятием «медиаобраз» коррелирует активно используемое сегодня понятие «медиаконцепт», под которым понимают лингвокогнитивный феномен, «отличающийся медийной дискурсивно-стилистической субстанциональной детерминированностью, вошедший в мирознание носителя языка с появлением информационного общества и ставший средством формирования и трансформации массового сознания» [Орлова 2012].

Отметим, что медийный образ России уже получил освещение в ряде исследований, в том числе и на материале зарубежных СМИ. Однако к определению своей идентичности и к созданию локальной картины мира стремятся и регионы, что также отмечено учёными. При этом лингвистическая традиция исследования такого рода феноменов лишь формируется (см., например [Актуальный срез... 2011]).

Медиаобраз омского региона достаточно редко попадал в поле зрения лингвистов, несмотря на то что Омская область постоянно находится в сфере внимания не только региональных, но и центральных СМИ, а также интернет-сообщества по ряду разнообразных информационных поводов: современные Омск и Омская область известны, например, высокими достижениями спортсменов, развитой спортивной инфраструктурой, театральными достижениями, кроме того, она известна недавними политическими информационными войнами, борьбой между городом и областью, экологическими проблемами, а также вызывающим постоянные дискуссии брендингом региона (споры о «брендолапе») и многочисленными медиаскандалами, связанными то с «путинской бабушкой» – 80-летней жительницей Омска, после жалобы которой на плохую работу омской мэрии во время прямой линии с президентом мэр города Омска был назван В.В. Путиным «поросенком», то с омскими сыроварами – любителями принимать «сырные ванны» на рабочем месте.

Впрочем, очевидно, что при создании официальными региональными СМИ современного медиаобраза омского региона предпринимаются попытки продолжить традиции создания «имиджа» Омской области периода 70-80-х гг. XX в.: уже тогда в региональной картине мира в качестве концептуальных доминант были представлены метонимические модели, многие из которых могут быть охарактеризованы как когнитивные стереотипы: *Омск – город-сад, Омск – город с богатой историей, Омск – город на слиянии двух рек, Омск – театральная и научная столица Сибири, Омская область – это развитое сельское хозяйство и огромная территория («четыре Франции»).*

К сожалению, не только объективное экономическое, социальное положение, сложившееся в регионе в последние годы, но и региональный «психологический климат» определяют то обстоятельство, что современный медиаобраз омского региона вообще и динамический медиаконцепт «Омск» в частности строятся во многом на отрицании стереотипных представлений прошлого. Думается, именно это «заставило» журналистов-бывших омичей создать ностальгический документальный фильм «Омск – город, где я», в котором, по словам самих авторов, они попытались «опровергнуть уверенность» современных омичей в том, что «в их городе нет ничего хорошего», и постарались «заставить равнодушных омичей трепетать от наплыва патриотических чувств» (<http://www.gorodgde.ru/omsk.html>).

Впрочем, надо заметить, что в постсоветский период региональными проправительственными СМИ Омской области формируются в качестве маркеров региональной идентичности такие концептуальные доминанты, как *Омск – третья столица, Омск – спортивная столица Сибири, Омск – спортивный регион, Омск – передовой регион Сибири*. Другой вопрос, насколько успешным является «внедрение» названных концептуальных доминант в массовое сознание жителей региона.

Сразу скажем, что медиаобраз Омска и Омской области нельзя назвать позитивным. По нашим наблюдениям, именно негативный медиаобраз Омской области как депрессивного региона с коррумпированной властью и ещё недавно практически авторитарным типом управления представлен не только в региональных оппозиционных СМИ, но и в федеральных.

Так, например, Омск именуется как «непривлекательный для проживания город» [Наталья Копейченко. Где на Руси жить хорошо (2010.06.23) // <http://www.rbcdaily.ru/2010/06/23/market/488775.shtml>], город, «живущий исключительно хоккеем», в котором нет «других сносных развлечений» [Алексей Демин. Со среды до субботы – подвиг. Для попадания в финал «Авангарду» и «Металлургу» придется бить «вечный» рекорд (2002) // «Известия», 2002.03.26], замусоренный город («Из номера в номер писали мы о ситуации, в которую вляпался (можно сказать, что буквально) Омск») [Омский мусорный абзац (2003) // «Криминальная хроника», 2003.06.10].

Подчеркнём, что показательным является «когнитивный диссонанс», «ментальное противоречие» между создаваемым в официальных региональных СМИ образом передового и успешного региона, во главе которого долгие годы стоял не просто «государственный менеджер», а настоящий хозяин области (см. подробнее об этом: [Малышева 2009]), и той реальной региональной картиной мира, которая эксплицируется как в СМИ, так и в интернет-коммуникации (новых медиа, социальных сетях, в блогах, на форумах омичей и т.д.): *Омск – депрессивный город, Омск – мёртвый город, Омск – город без будущего, Омск – город с плохими дорогами, Омск – город с плохой экологией* и т.п.

Всё сказанное выше определяет, на наш взгляд, чрезвычайную актуальность как объекта настоящего исследования, которым стал медиаконцепт «Омск», так и предмета – лексико-семантической и когнитивной специфики базовой единицы региональной картины мира, репрезентированной в текстах СМИ. Подчеркнём, что в анализируемых текстах под *Омском* понимается не только город, но и пространство всей Омской области, которое объединено с городом не только и даже не столько территориально, сколько политически, экономически и психологически. В связи с этим полагаем уместным реконструировать нами медиаконцепт именовать как «Омск».

В качестве материала для настоящего исследования были избраны тексты омского журналиста, публициста С.Н. Шкаева, опубликованные в еженедельнике «Ваш Ореол», журнале «Бизнес Курс» и на информационном портале «БК55» в 2012-2014 гг. Подчеркнём, что именно эти СМИ, входящие в медиахолдинг «ТРИЭС», долгие годы являлись оппозиционными действующей власти омского региона, а в анализируемых текстах, пусть и в несколько гиперболизированном виде, репрезентированы когнитивные признаки медиаконцепта «Омск», которые частотно вербализуются и в региональном журналистском печатном и телевизионном дискурсе, и в интернет-дискурсе.

Итак, С.Н. Шкаев использует следующие номинации для обозначения пространства омского региона: *Омск (провинциальный), Омская область (богоспасаемая), псевдопилотный регион Сибири, город О., уездный город О., богоспасаемая омщина, Омское Прииртышье (забитое), Омский край, «связующее звено», «колчаковская столица», Прииртышье, столица деревень, пилотный заповедник под открытым небом, административно-территориальный огрызок, «пилотная» область-старуха, богоспасаемый регион, богоспасаемый град, губерния, светлый град на Иртыше, светлый град Омск, город, «пилотный град» на Иртыше, древний город, «пилотный регион» Отечества, Омск-на-Иртыше, Вертоград, город-сад, третья столица, родной город, Омская губерния, плебейский материк, «во глубине сибирских руд».*

Анализируя представленные номинации, можно сделать следующие выводы:

1. Часть номинаций представляет собой нейтральные топонимы (*Омск, Омская область, Омское Прииртышье*), однако С. Шкаев в большинстве случаев добавляет к этим наименованиям эмоционально-оценочные атрибуты, например *провинциальный, богоспасаемый, забитый*. Таким образом, с одной стороны, подчеркивается оппозиция «столица-провинция», с другой – неблагополучие региона, которому остаётся только одно – *уповать на Господа*.

2. Для укрепления тематической основы текста используются метонимии типа *столица деревень, связующее звено*. Характер метонимии, отметим, зависит от тематической обусловленности. Так, например, в тексте об установке памятника адмиралу Колчаку использовались номинации *колчаковская столица и третья столица* [«Ваш Ореол», 25.07.2012]. Данные номинации усиливают общую модальность текста, создавая определенную тематическую «атмосферу».

3. Частотными для исследуемых текстов являются атрибутив *пилотный* и окказиональный атрибутив *псевдопилотный*. Использование этих прилагательных в оппозиционной прессе далеко не случайно. В официальных омских СМИ (прежде всего на губернаторском телевизионном канале) активно использовалась метонимическая модель *Омск – пилотный регион России*, которая была призвана укрепить в массовом сознании жителей региона мысль об успешности региона, в котором они живут, о его безусловной характеристике как передового. С.Н. Шкаев, напротив, имплицитно или эксплицитно (посредством контекстного антонима *псевдопилотный*) актуализирует оппозитивный взгляд на ситуацию в Омской области: *Омск – это место, в котором правительство априори*

ри лишено ответственности за свою деятельность, поскольку *пилотный регион* – это *пробник*, поле для эксперимента, далеко не всегда успешного.

4. Характерной чертой исследуемых текстов является фольклорная или литературно-художественная стилизация номинаций пространства: *светлый град Омск, уездный город О., Омская губерния* и т. п. Очевидно, что данные номинации «работают» на создание иронического эффекта, подчеркивая отсталость региона, его глубоко провинциальный характер:

Великодушно извините меня, букашку насекомую из далёкой Омской губернии, осмелившуюся эпистолой отрывать Ваше Превосходительство от дел мериканских [«Ваш Ореол», 19.12.2012].

5. Наконец, еще одной яркой особенностью номинаций пространства в дискурсе С.Н. Шкаева является использование метафор (*административно-территориальный огрызок, плебейский материк*), метафор в сочетании с оксюмороном (*«пилотная» область-старуха*), которые характеризуются безусловно отрицательным аксиологическим модусом. При этом в тексте СМИ актуализируются такие когнитивные признаки изучаемого медиаконцепта, как «плохо пригодный для жизни», «старый» («устаревший»), «населенный плебейми» (выходцами из низших сословий).

В результате метафорического моделирования медиаконцепта «Омск» нами было выделено два фрейма – «Характеристика Омска» и «Инфраструктура Омска», которые детализированы многочисленными слотами. Анализ фреймо-слотовой структуры анализируемого медиаконцепта позволяет следующим образом реконструировать медийный образ региона, который создан в изучаемых публицистических текстах и который – с некоторыми вариациями – эксплицирован в социальных медиа, в блогах и на форумах, посвященных Омску:

Общее состояние Омска оценивается как глубоко безысходное. Концептуальные признаки «смерть», «гибель» актуализируются посредством активного использования морбиальной метафоры:

Омская область — погост и выть. Кладбище и часть земли сибирской, где «от хорошей жизни», созданной в предыдущие два десятилетия, воем воют горемычные омичи [«Ваш Ореол», 18.09.2013].

Город, отметивший свой очередной день рождения, зарос полыньёй, лебедой и прочими сорными травами, как заброшенный скотомогильник. Если кому-то не нравится это сравнение, у меня есть и другое: как старое пепелище, с которого ушли погорельцы [«Ваш Ореол», 07.08.2013].

Вообще морбиальная метафора – это основное средство концептуализации общего состояния омского региона:

«Пилотной» области-старухе, доживающей свой век в нищете, выпала тяжкая участь — начиная с 91-го влечь в будущее горький пуд и давиться им в конце жизненного пути [«Ваш Ореол», 21.08.2013].

Древний город мёртв. Городу триста лет [«Ваш Ореол», 17.07.2013].

Кроме того, актуализируется концептуальный признак ‘безысходность’, подчеркивающий, что регион находится в процессе «разложения»:

Мои поездки по области оптимизма не вызывают. Тлен и распад. В глазах людей тревога [«Ваш Ореол», 14.08.2013].

Концептуализация социально-экономического состояния Омска характеризуется частотным использованием гиперболических и сравнительных конструкций, которые призваны актуализировать такие признаки, как «упадок», «разруха» и «банкротство»:

Известно, что одним из печальных результатов стал социально-экономический коллапс Омской области [«Ваш Ореол», 21.08.2013].

Омичи давно осознали масштабы социально-экономической и инфраструктурной катастрофы, постигшей нашу область [«Ваш Ореол», 29.05.2013].

Показательно, что, говоря о реальном «катастрофическом» характере омской экономики, журналист посредством цитирования и собственных ремарок подчеркивает лживый характер официальных омских СМИ, призванных «внушить» жителям региона, что Омск всё ещё обладает высоким экономическим потенциалом:

Именно благодаря журналистам, приглашённым для освещения, почти весь подлунный мир узнал (в который уже раз?) о невероятных «экономическом и инвестиционном потенциалах, о международных и внешне-экономических связях» богоспасаемой омщины [«Ваш Ореол», 04.12.2013].

Несмотря на все вышесказанное, для центра России Омск и Сибирский регион вообще представляют собой крупный источник природных и денежных ресурсов. Парадокс заключается в том, что, будучи и без того «бедствующим», Омск «работает» на Москву, подпитывая ее финансами:

Богатство их (Москвы и Подмосковья. — Н.Г.) прирастёт Сибирью и за счёт Сибири. У нас тут очень кстати развалились промышленность, сельское хозяйство, строительная и прочие отрасли [«Ваш Ореол», 14.08.2013].

Весьма показательной в данном контексте выглядит трансформация прецедентного текста – высказывания М. В. Ломоносова: «Богатство России прирастать будет Сибирью». При этом «Россия» заменена на «Москву и Подмосковье», что подчеркивает существующие в массовом сознании стереотипы «Россия – это Москва», «Все для Москвы» или «Все ради Москвы». Трансформация прецедентного высказывания посредством контекстного «расширителя» *за счёт Сибири*, без сомнения, меняет семантику и модальность исходного текста: Сибирь «не участвует» в обогащении страны, а лишь «спонсирует» его.

Власть в Омске характеризуется следующими концептуальными признаками: «отсутствие компетентности», «коррупционность», «необдуманность». Она в достаточной степени дистанцирована от народа, о чем говорит ее неосведомленность о происходящем в городе или области:

Обмундированные чиновники могут не знать, как плохо вам живётся в Омске, и недооценивают вред [«Ваш Ореол», 31.07.2013].

Экологическая ситуация и внешний облик Омска. Базовыми концептуальными признаками, которые характеризуют названные слоты, являются «грязный», «замусоренный», «непригодный для жизни»:

Товарищ слегка приглушил звук, и под We all live in a yellow submarine... мы поплыли по омским улицам, мокрым и грязным от растаявшего снега [«Ваш Ореол», 23.03.2014].

Особое значение имеет проблема экологии города. С. Шкаев подчеркивает, что *Сегодня Омск, в большей степени по вине власти, стал похож, извините, на выгребную яму без дна и просвета* [«Ваш Ореол», 29.05.2013].

Он также обращается к статистике, чтобы продемонстрировать объективность своей оценки:

Выбрал Омск, входивший в первую пятёрку самых грязных городов СССР, по причине его близости к родному Челябинску, находящемуся в том же списке [«Ваш Ореол», 11.12.2013].

В то же время, обращаясь к прошлому, С. Шкаев напоминает адресатам:

Я уже как-то писал о том, что Омск в то время поразил не только продовольственным изобилием, идеальным порядком и зеленью улиц [«Ваш Ореол», 14.08.2013].

В данном случае очевидна экспликация оппозиции «прошлое — настоящее» в отношении природно-экологического состояния Омска. В прошлом город был «идеальным», а затем превратился в «выгребную яму» по вине властей и самих жителей.

Психологическое состояние жителей региона. Журналист констатирует, что жители Омска, особенно молодые, испытывают депрессию:

Последнее время только и разговоров о бегстве граждан — особенно молодых — из «депрессивного и перспективного» Омска [«Ваш Ореол», 14.08.2013].

Заметим, что советский период в жизни региона оценивается положительно. С. Шкаев сводит на нет пафос стереотипных представлений об Омске, которыми спекулируют люди, далекие от реального осознания того, что происходит в этом городе:

Она («рыба», выступление министра. — Е.М.) изобиловала затёртыми штампами типа «географический центр», «связующее звено», «особая роль в судьбе Ф. М. Достоевского» [«Ваш Ореол», 14.12.2013]. Названные «штампы», некогда бывшие релевантными реалиями действительности, опровергаются автором. С. Шкаев делает неутешительные выводы о том, что стало результатом многолетнего развития города и области:

Я перечитывал то интервью и, скажу честно, испытывал примерно те же чувства, что и дворничиха: стыд и неловкость за омичей, которые сами же и испортили Омск до такой степени, что он стал посмешищем для всей страны [«Ваш Ореол», 17.04.2013].

Таким образом, вину за происходящее в Омске разделяют власть и сами омичи.

Журналист отличается специфическим отношением к духовному прошлому Омска. С. Шкаев так реагирует на проблему установки памятника А. Колчаку:

У меня возникает резонный вопрос: почему в городе до сих пор нет памятников основателю Омской крепости Ивану Бухгольцу и первому секретарю обкома КПСС Сергею Манякину. Уж эти-то люди для омичей и истории Омска во сто крат более ценны [«Ваш Ореол», 25.07.2012].

Инфраструктура Омска характеризуется концептуальными признаками «изношенный», «опасный», «средство отмывания денег»:

Из моего окна отчётливо видны плоды труда местных коммунальщиков. За двадцать два года на соседней 9-й Линии они вскрывали трубы раз сто. Вот уже несколько месяцев открытым способом в гигантской траншее опять кто-то добывает всенародные деньги [«Ваш Ореол», 15.08.2012].

Все системы так износились, что в них теряется почти 40 процентов воды, пятая часть тепла и без счёта — электроэнергии («Ваш Ореол», 15.08.2012).

СМИ Омска не просто находятся под управлением властных структур, но ими создаются:

Её (власти — Е.М.) усилиями в области создана особая разновидность егзовливо-ручной прессы, которая годами — расшивочно на вынос! — зашибала казённую копейку, находясь в услужении у местного чиновничества [«Ваш Ореол», 10.02.2014].

О зависимости СМИ от власти красноречиво свидетельствует следующий пример:

Будучи на изживении у областной Власти, этот ЦКИ (Центр коммуникаций и информации — Е.Г.) участвует в «решении проблем стабилизации», «повышении инвестиционной привлекательности» и «развитии гражданского общества» [«Ваш Ореол», 10.02.2014].

Народ, как утверждает журналист, возмущается состоянием СМИ и их деятельностью:

Надоели бесконечные явления народу и показы воздушных замков, заунывные камлания рептильной прессы о процветании «богоспасаемого региона» и удушение всех неудобных [«Ваш Ореол», 21.08.2013].

Вина за сложившуюся в Омске ситуацию лежит на власти вообще:

Я думал, что со сменой режима здесь, в псевдопилотном регионе Сибири, поменяются отношения между реальной Властью и властью четвёртой [«Ваш Ореол», 06.04.2014].

Как мы видим, С. Шкаев полагал, что СМИ проявляют некомпетентность по вине вполне определенного лица – губернатора Л. К. Полежаева. На самом деле оказалось, что отсутствие компетенций не зависит от текущего «режима».

Реальные проблемы омские СМИ практически не освещают: весь контент направлен на восхваление власти и бесперспективное продвижение региона:

Пресс-туры в богоспасаемой Омской области сами по себе стали важным информационным поводом [«Ваш Ореол», 06.04.2014].

Таким образом, можно выделить следующие концептуальные признаки СМИ омского региона: «продажность», «лживость», «ритуальность», «зависимость от власти».

Позиционирование Омска. Выводы С. Шкаева о будущем Омска в связи с его позиционированием в сфере СМИ и межрегиональных отношений неутешителен:

Мне почему-то кажется, что Омская область в какой-то временной перспективе — через двадцать, тридцать лет — может потерять свою самостоятельность и полностью перейдет под протекторат более развитых соседей [«Ваш Ореол», 18.09.2013].

В этом контексте подчеркивается, что именно активное развитие региона может помочь Омску в сохранении «самостийности». Однако ничего для этого ни власть, ни СМИ, ни народ не делают. О помощи от центра говорить не приходится:

Сказать в провинциальном Омске что-то важное и быть услышанным в Москве невозможно, даже если очень постараться [«Ваш Ореол», 23.01.2013].

Это связано в первую очередь с тем, что Москва убеждена в высоком уровне благосостояния в Омске, а также с тем, что для центра России Сибирь, напомним, является средством пополнения бюджета и запаса ресурсов.

СМИ лгут и о том, что Омск привлекает туристов:

«Омск привлекает туристов местами, связанными с именами Ф. Достоевского и А. Колчака». И ещё – вечное про муромцевские озёра и «брендирование для узнаваемости» [«Ваш Ореол», 18.09.2013].

«Брендирование для узнаваемости», по С. Шкаеву, не функционирует, и ни муромцевские озера, ни историческая ценность Омска никого на самом деле не привлекают. Автор иронизирует по этому поводу:

У Тобольска – Кремль, приносящий 1,6 миллиарда в год. У Рима – Fontana di Trevi, в воду которого туристы бросают за год более семисот тысяч евро, в Париже... У омичей есть Совет по развитию туризма. Этого Омску достаточно! [«Ваш Ореол», 18.09.2013].

В один ряд здесь поставлены Тобольск, Рим и Омск. И если у Рима и даже Тобольска есть определенные средства для привлечения доходов, то Омск ограничивается лишь Советом по развитию туризма.

Вместо того чтобы проводить грамотную политику позиционирования Омска, власть ограничивается законодательством и не проявляет инициативу. Из-за этого Омск остается малоизвестным для остальных регионов.

Резюмируя все вышесказанное, можно констатировать, что в картине мира, репрезентированной в исследуемых нами текстах, Омск – это «город-декадент», характеризующийся состоянием глубокого и необратимого упадка, происходящего буквально во всех сферах общественной жизни. К сожалению, именно такое представление о «городе, где я» сегодня является весьма частотным и даже стереотипным, хотя и не вполне соответствует реальной действительности.

Литература

Актуальный срез региональной картины мира: культурные концепты и неомифологемы. – Томск: Издательство Томского государственного педагогического университета, 2011.

Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь: учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2008.

Мальшева Е. Г. Концепт 'Губернатор' в региональном массово-информационном дискурсе (на материале текстов радиальных и телевизионных СМИ Омской области) // Политическая лингвистика / гл. ред. А. П. Чудинов. - Екатеринбург: ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2009. Вып. 2 (28). С. 76-86.

Орлова О.В. Дискурсивно-стилистическая эволюция медиаконцепта: жизненный цикл и миромоделирующий потенциал: дис. ... докт. филол. наук. – Томск, 2012.

МОРОЗОВА О. Н.

Пушкин

ФОРМЫ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕКЛАМЫ В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Аннотация. В докладе анализируются основные формы речевого воздействия в современной английской политической интернет-рекламе, такие, например, как убеждение, аргументация, внушение и др. Особое внимание уделяется описанию персуазивной форме воздействия, которая наиболее ярко представлена в данном типе дискурса.

Ключевые слова: политическая интернет-реклама; речевое воздействие; персуазивность.

MOROZOVA O. N.

Pushkin

FORM OF THE SPEECH IMPACT OF POLICAL ADVERTISING IN THE UK INTERNET SPACE

Abstract. The report analyzes the main forms of speech impact in contemporary British political online advertising, such as conviction, argumentation, inculcation and others. Particular attention is paid to the description of persuasion, which is widely represented in this type of discourse.

Key words: political Internet/On-line advertising, speech impact, persvation.

Как известно, коммуникативная функция политической рекламы в целом актуализируется в установлении и поддержании связи между обществом и властью для оповещения, ознакомления аудитории с партией, кандидатом, их взглядами, акциями, предложениями, их преимуществами перед конкурентами, в чем проявляется ее информативная функция. Однако на основании выделенных задач политической интернет-рекламы можно с уверенностью сказать, что информирование не является единственной, и даже не главной, ее функцией. Мотивирующими при формировании и организации речевого сообщения на британских политических персональных сайтах, как мы полагаем, могут быть определены такие функции, как социально-регулирующая и идеологически-ориентирующая, которые обуславливают очень сильный потенциал воздейственности данного вида коммуникации.

Речевое воздействие представляет собой чисто прагматический аспект теории коммуникации, так как именно прагматика языка, будучи отраслью языкознания, включает в себя изучение такого коммуникативно значимого свойства языка, как его «интегральная характеристика в плане взаимного взаимодействия коммуникантов в процессе общения» [Колшанский 1980: 4]. Другими словами, прагматика реализует направленность текста на воздействие в соответствии с коммуникативным намерением адресанта. Сам процесс образования текста непосредственно связан с тем, что называется прагматикой, т.е. с реализацией направленности речевого воздействия.

В широком смысле слова любое речевое произведение не лишено прагматического аспекта. Ч. Филлмор, определяя значение прагматики по отношению к синтаксису и семантике, отмечает, что если синтаксис характеризует грамматические формы, а семантика связывает эти формы с потенциальной коммуникативной функцией, то прагматика объединяет воедино лингвистическую форму и коммуникативную функцию [Fillmore 1975]. Кроме того, прагматика как установка на воздействие, в принципе, присуща любому тексту уже потому, что во всяком акте коммуникации предполагается, что порожденное адресантом высказывание будет воспринято адресатом, т.е. так или иначе на него воздействует. Различия здесь носят, прежде всего, количественный характер: степень, интенсивность воздействия. Кроме того, отличия детерминируются и самой природой воздействия – убеждение, побуждение, информирование и т.п.

Необходимо отметить, что противопоставление таких функций политической интернет-рекламы, как информирование и убеждение, абсолютно не отрицает наличия определенной связи между ними. Уже само наличие той или иной фактуальной информации на политическом персональном сайте можно рассматривать как некую оценку данной информации. «В едином акте коммуникации собственно содержательное (смысловое) и воздействующее (тоже аспект содержания) нерасторжимы» [Наер 1980: 82].

Манифестируя цель политической рекламы, адресант сообщает высказыванию определенную иллокутивную силу, которая способствует реализации его намерения получить некоторый конкретный результат, заставив адресата опознать это намерение. Иллокутивность является обязательной характеристикой прагматического содержания речевого произведения политической рекламы, характеризуется высокой степенью «энергичности», обуславливая его конечный прагматический эффект. Кроме того, высокая степень воздейственности речевых произведений политической рекламы обуславливает наличие свойства перлокутивности для реализации намерения адресата посредством политической рекламы.

Анализ политических персональных сайтов депутатов парламента Великобритании показал, что основными характеристиками политической рекламного дискурса как речевого произведения являются:

- содержательность – включает в себя весь объем выраженных смыслов;
- понятность – обеспечивается избирательным отбором материала и его языкового представления;
- выразительность – связана с эмоциональной насыщенностью и манерой репрезентации;
- действенность – определяется влиянием на мысли, чувства, поведение с учетом индивидуальных особенностей слушателей [Гамезо, Домашенко 2004].

Речевое воздействие английской политической интернет-рекламы не имеет в строгом смысле одностороннего характера, а включает в себя сравнительно широкий спектр разнообразных механизмов, оказывающих влияние на психологическое состояние адресата. Трудно, однако, говорить о четком их разграничении, чаще всего они встречаются во взаимодействии и взаимопроникновении. Границы этого взаимодействия в процессе функционирования очень подвижны и доля участия бывает различной в зависимости от целого комплекса причин как лингвистического, так и экстралингвистического порядка. В соответствии с психологической структурой человеческой личности можно выделить следующие виды воздействия, направленные на конкретный участок сознания индивида.

Для английской политической рекламы характерным является использование разных речевых акторов, которые могут воздействовать на различные стороны личности адресата: разум, чувства, волю, физические рефлексы. И.А. Стернин приводит подробную таксономию «логических» способов речевого воздействия: доказывание (логическое аргументирование), убеждение (вселение в собеседника уверенности, что истина доказана, что тезис установлен, с использованием и логики, и эмоционального давления), уговаривание (эмоциональное побуждение собеседника отказаться от его точки зрения и принять нашу), внушение (побуждение собеседника, принять на веру сказанное без обдумывания и критического осмысления), принуждение (вынуждение человека сделать что-либо против его воли). Первые четыре способа, выделяются как более эффективные и «цивилизованные» на основании того, что «речевое воздействие как наука об эффективном и цивилизованном общении учит нас обходиться без принуждения» [Стернин 2001: 61].

Основным средством оказания воздействия на интеллектуальную сторону психики человека в политической коммуникации в целом и в английской политической рекламе, в частности, является убеждение. Задача этого вида воздействия заключается в том, чтобы стимулировать необходимые адресанту действия со стороны адресата за счет конкретных доводов и умозаключений на основе определенным образом организованных аргументов и фактов. Убежденность предполагает знания не просто как сумму фактов, полученных человеком в его интеллектуальной деятельности, но знания, которые можно представить как бесспорные, единственно правильные и приемлемые выводы в конкретной ситуации. То есть «убежденность» более активная по сравнению со «знаниями» – позиция, предполагает готовность к деятельности по реализации вытекающих из знания представлений. Убеждать означает основывать, подкреплять или изменять отношение, создавать аргументы, затрагивать эмоции или непосредственно внедрять убеждения в структуру мнений адресата [Уэллс 1999: 272].

Одним из главных приемов убеждающего воздействия в английской политической рекламе является информирование, которое характеризуется такими свойствами, как объективность, краткость, отсутствие комментирования. Воздейственность этого приема детерминирована подбором и расстановкой фактуальной информации и направлена на обработку масс в соответствии с конкретной ситуацией, а в итоге на получение необходимой реакции на то или иное политическое или социальное событие, действие и т.п.

Понятия «информирование» и «воздействие» находятся в глубоком взаимопроникновении и взаимодействии. Между ними существует диалектическая связь, которая выражается в использовании информирования в целях оказания социально-психологического воздействия и служит фоном для достижения конкретных установок: стимулирование, побуждение и др. «Информируя, текст обучает, ориентирует, формирует представления и образы, вырабатывает ценности и установки, программирует стратегию деятельности, закрепляет навыки поведения» [Дридзе 1984: 254].

Внушение, представляя собой процесс воздействия на психологическую сферу человеческого сознания, достаточно широко используется в английской политической рекламе. В противовес убеждению внушение направлено на снижение сознательности и критичности при восприятии и реализации внушаемого содержания и связано с отсутствием целенаправленного и активного его понимания, развернутого логического анализа и оценки воспринятого содержания. В.З. Демьянков отмечает, что общественное предназначение политического дискурса внушить адресатам (гражданам сообщества) необходимость «политически правильных» действий и/или оценок [Демьянков 2001: 127].

По способам реализации внушение подразделяется на прямое (императивное) и косвенное. «Прямое преднамеренное внушение заключается в использовании суггестором специальных «словесных формул», которые внедряются в психическую сферу суггерента и становятся активными элементами его сознания и поведения» [Краткий психологический словарь 1985]. Другими словами, прямое внушение базируется на оказании «психологического нажима» на реципиента. Этот метод характеризуется такими качествами, как постоянство и интенсивность. Посредством повторения некоторых фактов, независимо от их структуры и истинности, адресант при внушающей форме воздействия стремится привести своего партнера по коммуникации к усвоению распространяемых им материалов. Заранее намеченное утверждение в различном сочетании и в различных условиях как бы «вколачивается в психику» человека для достижения желаемого результата.

«Содержание косвенного воздействия внушения включено в сообщаемую информацию в скрытом, замаскированном виде и характеризуется неосознанностью, незаметностью, произвольностью его усвоения» [Там же], т.е. воздействие оказывается с помощью стимулов, которые, хотя и находятся за порогом сознательного наблюдения, регистрируются органами чувств. Такой метод позволяет проникнуть выдвигаемой для внушения идеи в сознание человека без каких-либо препятствий или изменений [Холодков 2009]. Основным качеством внушающего воздействия является использование различного рода символов, мифов и т.п. для направленного изменения состояния личности, её мотивации, социальных и политических установок адресата.

Воздействие на чувства, чаще всего, выполняет вспомогательную роль, повышая общую воздейственность речевого произведения политической рекламы. Эмоциональное воздействие стимулирует возникновение соответствующих эмоциональных переживаний, отражающих отношение человека к окружающей его действительности, оставляя глубокие следы в психике человека, и поэтому оно обязательно входит в качестве части прагматического содержания речевого произведения политической рекламы. Аппелляция к эмоциональной сфере личности является одним из важнейших психологических приемов в политической рекламе. Как известно, обращение к эмоциям не требует никакого рационального обоснования своих аргументов, кроме того, любые образы, связанные с сильными эмоциями, надолго задерживаются в памяти людей. Такие сильные отрицательные эмоции, как сомнение, нестабильность, смятение, страх, и, наоборот, позитивные – патриотизм, справедливость, уверенность, безопасность, широко используются при создании британской политической рекламы и для формирования нужных образов и стереотипов [Бернадская и др. 2005]. Однако необходимо помнить, что рамки эмоционального воздействия должны быть четко определены. Чрезмерное использование приемов воздействия на эмоциональное состояние индивида может привести к обратному результату: к действию аффекта, который затрудняет способность сознания воспринимать, а иногда и полностью его закрывает.

Важность эмоционального воздействия как одного из механизмов речевого воздействия подчеркивается многими учеными. Так, В.Г. Костомаров, в частности, считает, что «любая убеждающе-организованная информация должна быть эмоционально заражающей, а не только содержательно-рациональной» [Костомаров 1971: 257].

Значение воздействия на эмоциональную сторону психики человека определяется теми установками, которые оно реализует в речевом воздействии в целом, среди которых как основные мы выделяем следующие:

1. Фатичность – установление и поддержание психологического контакта между партнерами по коммуникации для последующего беспрепятственного восприятия и усвоения представляемой в речевом произведении информации.

2. Эстетичность – апелляция к эмоциональной сфере психики и через неё к сознанию. При реализации этой установки адресант ссылается на какие-либо эстетические источники, которые помогают ему сделать адресата более чувственным к восприятию последующей информации, способствовать утонченности восприятия, большему её воздействию на его психику и поведение.

3. Экспрессивность – использование особой выразительной силы языка, что оживляет речевое произведение политической рекламы в целом, создает эффект новизны, повышая патетику и возвышенность стиля рекламного сообщения.

О.Е. Филимонова определяет эмотивность как «полистатусную когнитивную категорию», которая «имеет категориальный статус на различных уровнях языковой системы и в речи - фонологическом, лексическом, на уровне предложения и текста» [Филимонова 2007: 61]. «Выбор эмотивных средств из всего многообразия, которым располагает язык, определяется не только целью, но и условиями общения, статусом коммуникантов, способом общения (устная или письменная форма), жанром текста, различными особенностями категориальной ситуации и регистра общения» [там же: 72]. Обладая большой воздействующей силой, эмоциональные средства языка положительно влияют на восприятие адресатом представляемой информации, делают его максимально воздейственным и целенаправленным. Кроме того, они способствуют в большой мере оптимизации самого процесса коммуникации: согласованию языка и картин мира коммуникантов; повышению притягательной силы информации; запоминаемости сообщения или его части; аргументированию; распределению информации по оси «более/менее важное» и др. [Пирогова 2001].

Существует целый ряд критериев для выбора того или иного вида воздействия, главным из которых, несомненно, является сфера общения. Характер отношений в обществе и функции, выполняемые каждым индивидом, определяют наличие разных условий общения. Так, например, общение, обусловленное социальными функциями, регламентировано как по содержанию, так и по структуре. Такое общение будет формальным. Именно этот стиль является наиболее характерным для английской политической рекламы в Интернете. Неформальное общение также используется и на британских политических сайтах, которое характеризуется наполненностью субъективным личностным смыслом, обусловленным теми личностными отношениями, которые устанавливаются между партнерами.

По тому назначению, которое выполняет политическая реклама в британском интернет-пространстве, мы выделяем следующие ее типы:

- информационная – включает в себя обмен информацией, выработку единой стратегии взаимодействия, что обусловлено потребностями в совместной социально-политической деятельности;
- директивная – связана с использованием речевого воздействия для управления и регулирования процессов в совместной политической деятельности и направлена на реализацию таких целей, как побудительная, т.е. стимуляция активности партнера по общению в выполнении тех или иных действий, и координационная, которая заключается во взаимном ориентировании и согласовании действий при организации совместной деятельности и выражается в значимом изменении в состоянии, поведении и личностно-смысловых образованиях партнеров;
- эмоциональная – направлена на установление и поддержание контакта в процессе речевого общения, а также возбуждение нужных эмоциональных переживаний и состояний, часто носит эстетический или развлекательный характер;

- этикетная – строго регламентирована в соответствии с установленными правилами и этикетными нормами общества.

Учет всех основных факторов организации английской политической рекламы как вида речевой деятельности во многом определяет как характер речевого воздействия, так и его эффективность. Кроме того, важным является непосредственная целеустановка речевого действия. Общее понимание рекламного сообщения отнюдь не свидетельствует о его адекватном восприятии. Интерпретацию можно считать адекватной лишь в случае отвечающего замыслу коммуникатора истолкования его коммуникативного намерения реципиентом. Другими словами, речевое сообщение не сводится к простому перечислению фактов и событий, «а имеет конкретную образную и эмоциональную сущность и воздействует на адресата, вызывая и развивая в нём одни эмоции и стремления и вытесняя и преодолевая другие» [Арнольд 1981: 31]. Определив основную целеустановку с учетом конкретных характеристик самого речевого общения и зная все виды речевого воздействия, становится возможным создание языковых моделей в естественных условиях, способных определенным образом воздействовать на адресата.

В процессе политической публичной коммуникации интенция воздействия соотносится с информативной интенцией. Реализация информирования эксплицитна и не требует больших усилий для декодирования (это факты, цифры, события и т. п.). Коммуникативная интенция может быть выражена как эксплицитно (использование прямых указаний на намерения и ожидания адресанта, его отношений к представляемой информации, конкретные призывные конструкции и т.д.), так и имплицитно, адресант создает условия для впечатления самостоятельности адресата в восприятии информации, что является своего рода манипулированием его сознанием.

Очень большую роль в восприятии речевого произведения любой политической рекламы в целом играют фоновые знания адресата. Политическое сообщение порождает в сознании реципиента различные ассоциации, которые задаются как самим текстом, так и опытом воспринимающего это сообщение. Метод прагматического исследования данного типа дискурса наиболее продуктивным, так как направленность на воздействие, что является основной характеристикой политической коммуникации, включает «триединые отношения между адресантом, формой и значением. С точки зрения прагматики важно также учитывать второго участника процесса коммуникации – адресата, для которого и предназначено данное произведение речи рекламное сообщение. Понятно, что для того, чтобы понять контекст определенного речевого события, его коммуникативную роль в составе общего повествования, коммуниканты должны обладать общими фоновыми знаниями, которые включают не только собственно языковые знания, но и сведения исторического, культурного, социального и политического характера. Это особенно важно для понимания именно текстов политического характера, поскольку адресат должен представлять себе достаточно хорошо весь историко-культурный, социальный и политический фон того, что описывается в данном конкретном произведении речи» [Александрова 1996].

В последние годы, западные политики и, частности политики Великобритании, обращают особое внимание на то, что выгоднее всего использование политической рекламы, чтобы «to persuade / уговорить» своих потенциальных избирателей. Stephen Ansolabehere и Shanto Iyengar в своей книге «Going Negative: how political advertisements shrink and polarize the electorate», утверждают, что политическая реклама носит чисто персуазивный характер, так как она должна не только информировать избирателей о позициях кандидатов, но и способствовать созданию дифференцированного образа кандидата, что, в первую очередь, оказывает большое влияние на итоги голосования [Ansolabehere, Iyengar 1997: 39].

Персональные сайты британских политиков являются ярким примером «среды персуазивного языкового воздействия: убеждения, аргументации и пропаганды для достижения индивидуальных целей» [Асмус 2005: 29], которые включают в себя не столько информирование, сколько стимулирование и побуждение к совершению конкретного действия. В данном случае это подтверждается основной коммуникативно-прагматической доминантой британских политических персональных сайтов, каковой является концепт «vote/elect». Обе эти лексические единицы являются наиболее частотными и встречаются, как в текстовых сообщениях, так и названиях выделенных рубрик меню и отдельных информационных единицах, представляющих различные формы опроса. Кроме того, все информационное пространство сайта связано с реализацией намерения автора «заставить» посетителей на основании представленной информации о кандидате проголосовать в дальнейшем за него.

Результаты анализа показали что, для персональных политических сайтов, как разновидности рекламного дискурса, коммуникативно-прагматической доминантой является категория персуазивности, которая определяет способы развертывания текста и его лингвистического наполнения, тем самым приобретая статус первичного текстообразующего фактора. Таким образом, прагматическое содержание английской политической интернет-рекламы связано с оказанием целенаправленного регулятивного воздействия на адресата посредством представляемой фактуальной информацией, организованной так, чтобы адресат мог адекватно декодировать интенцию адресанта, заложенную в речевое произведение в целом.

Литература

Александрова О.В. Единство прагматики и лингвистики в изучении текста художественной литературы / Проблемы семантики и прагматики: Сб. науч. тр. – Калининград, 1996. – 111 с.

Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка: Стилистика декодирования: – 2-е изд., перераб. – Л.: Просвещение. Ленингр. отд-ние, 1981. – 295 с.

Асмус Н.Г. Лингвистические особенности виртуального коммуникативного пространства: дис. ... канд. филол. наук. – Челябинск, 2005. – 266 с.

- Бернадская Ю.С., Марочкина С.С., Смотрова Л.Ф. Основы рекламы. – М.: Наука, 2005. – 330 с. – URL: http://uamconsult.com/book_508.html.
- Гамезо М., Домашенко И. Атлас по психологии. Информационно методическое пособие по курсу «Психология человека». – М.: Педагогическое общество России, 2004 – 276 с. – URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/gamez/index.php.
- Демьянков В.З. Интерпретация политического дискурса в СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. – М.: Изд-во МГУ, 2001. – С. 116–133.
- Дридзе Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации: Пробл. семиосоциопсихологии / Отв. ред. И.Т. Левыкин. – М.: Наука, 1984. – 268 с.
- Колшанский Г.В. Прагматика языка: сб. науч. тр. – М.: Мос. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. М. Тореза, 1980. – Вып. 151. – С. 3–8.
- Костомаров В.Г. Русский язык на газетной полосе. – М.: МГУ, 1971. – 267 с.
- Краткий психологический словарь. Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. – М.: Политиздат, 1985. – 431 с.
- Наер В.Л. Об одном аспекте языковой специфики массовой коммуникации: сб. науч. тр. – М.: Мос. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. М. Тореза, 1980. – Вып. 151. – С. 82–91.
- Пирогова Ю.К. Стратегии коммуникативного воздействия в рекламе: опыт типологизации: Труды международного семинара Диалог-2001. – М., 2001. – Режим доступа: http://www.dialog-21.ru/Archive/2001/volume1/1_31.htm.
- Стернин И.А. Введение в речевое воздействие. – Воронеж: Кварта, 2001. – 252 с.
- Уэллс У., Бернет Дж., Мориарти С. Реклама: принципы и практика / пер. с англ. – СПб.: Питер, 1999. – 736 с.
- Филимонова О. Е. Эмоциология текста. Анализ репрезентации эмоций в английском тексте: учебное пособие. – СПб.: ООО «Книжный Дом», 2007. – 448 с.
- Холодков А. Идеологические диверсии – главные арсенал империалистов. – 2009. – URL: <http://sergalmaty.livejournal.com/22179.html>.
- Ansolahehere S., Iyengar Sh.. Going Negative: how political advertisements shrink and polarize the electorate. – New York: The Free Press, 1997. – 246 p.
- Fillmore Ch. Pragmatics and Description of Discourse // Pragmatik. – Munchen, Fink, 1975. – V. 2. – P. 81–104.

МУХОРТОВ Д. С.

Москва

ОБ ОБЩЕМ И ЧАСТНОМ В ПОНЯТИЯХ «ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ», «РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ», «ИДИОСТИЛЬ» И «ИДИОЛЕКТ»

(на примере вербального поведения современных политических деятелей)

Аннотация. В данной статье уточняется суть ставших широкоупотребимыми понятий «языковая личность», «речевой портрет», «идиостиль» и «идиолект» и систематизируются подходы к их изучению. Необходимость в этом объясняется все возрастающим интересом к анализу разнообразных коммуникативно-дискурсивных ролей личности и, как следствие, неизбежной терминологической путаницей, которая наблюдается в ряде работ по этой тематике. Автор анализирует положения известной теории языковой личности Ю.Н. Караулова и заново расставляет некоторые акценты. Изучение материала показывает, что языковую личность можно рассматривать как сумму особенностей идиолекта и идиостиля человека, а речевой портрет – лишь как качество языковой личности в определенный момент времени, характеризуемый рядом лингвистических и экстралингвистических факторов, в результате чего оказывается, что языковая личность суть величина динамическая, а речевой портрет – статическая. В статье высказывается мнение относительно разницы между «языковой личностью» и «коммуникативной (или речевой) личностью». В заключение автор поднимает проблему перевода указанных терминов на английский язык и предлагает некоторые варианты их передачи.

Ключевые слова: языковая личность, речевой портрет, идиолект, идиостиль, социально-статусный тип языковой личности, коммуникативная/речевая личность, вербальное поведение политика.

MUKHORTOV D. S.

Moscow

«YAZYKOVAYA LICHNOST», «RECHEVOY PORTRET», «IDIOSTIL», «IDIOLECT»: THE NOTIONS OF RUSSIAN SCHOLARS IN CONTRAST. WHAT IS REQUIRED TO STUDY THE STYLISTIC BEHAVIOUR OF THE POLITICIAN?

Abstract. This article double-checks the widely used notions of *yazykovaya lichnost*, *rechevoy portret*, *idiostil*, and *idiolect* and systematises theoretical approaches to their study. The popularity of the terms is well understood as modern linguistics is increasingly interested in roles a personality plays in communication and discourse, but the terms are sometimes confused and misused, which makes it important to revisit the subject. In the article the author analyses the well-known theory of *yazykovaya lichnost* by Yuri Karaulov and clarifies some statements. The author points out that international scholars call the above-mentioned terms differently and Russian researchers should work out a Russian-English glossary of linguistic terms to stick to in translating their works.

Key words: *yazykovaya lichnost*, *rechevoy portret*, *idiostil*, *idiolect*, a politician's stylistic behaviour.

Основным предметом изучения лингвистики в последние десятилетия оставался человек во всем многообразии своих социальных и коммуникативных ролей. Такой антропоцентричный подход заставлял отечественных исследователей искать различные способы понимания и указания этого субъекта. В результате, возникали такие понятия, как «языковая личность» [Богин 1984, Караулов 1987, Зильберт 1994, Карасик 1994, Сентенберг 1994, Сиротинина 1997, Головина 1997, Кочеткова 1998, Седов 2000, Мадалиева 2011, Кадилина 2011], «речевая личность» [Прохоров 1999], «коммуникативная личность» [Красных 1998], «словарная личность» [Карасик 1994, Воркачев 2001], «речевой портрет» [Шаховский, Желтухина 1999, Михайлова 2011, Алексеева 2012, Астахова 2013], «речевой имидж» [Дорожкина 1997], «идиостиль» [Шустрова 2006] и др. При этом до сих пор в некоторых работах [Соколовская 2002, Шапочкин 2004] наблюдается терминологическая путаница, когда одним понятием подменяют другое, или несколько понятий в схожих контекстах употребляют недифференцированно.

Единственным плюсом при данных обстоятельствах является то, что подобная неразбериха заставляет исследователя обратиться к первоисточникам и постараться расставить все точки над «і».

Наиболее употребимым, на наш взгляд, является понятие «языковая личность». Однако его объем не исчерпывается двумя словами. В настоящей статье мы попытаемся предложить свою интерпретацию некоторых нюансов, касающихся данного оборота.

Ю.Н. Караулов, который первым провозгласил этот термин в его нынешнем понимании, выделяет три уровня изучения языковой личности, причем первый уровень называет «нулевым». На этом этапе языковая личность априори выступает как представитель некоторого этноса, его мышление формируется под давлением многовековых национально-культурных традиций и господствующих в обществе идеологических предпочтений. Любой человек изначально является частью национальной языковой культуры, поскольку в своем вербальном поведении он будет подавать себя так, как это делают и делали тысячи подобных ему людей. В этой связи обращает на себя внимание общеизвестный постулат Вильгельма фон Гумбольдта о соотношении языка и мышления. В его основе лежит понятие языка как живой деятельности человеческого духа, исходящей из глубин человеческого существа и пронизывающей все его бытие. По-видимому, учитывая это, Ю.Н. Караулов, и связывает данный уровень изучения языковой личности с «возможностью выделения в общезыковой картине мира ее общезначимой, ядерной, инвариативной части» [Караулов 1987].

На втором уровне (по нумерации Ю.Н. Караулова, первом) предметом исследования языковой личности является корпус специально мотивированных, «необыденных», текстов, произведенных данным человеком для того, чтобы можно было вычленив и проанализировать то, что в языковой картине этого субъекта является сугубо индивидуальным, неповторимым, самобытным. Именно в этом проявляются фоновые знания человека, его личные взгляды, эмоционально-экспрессивная лексика, идеологемы, особенности риторики.

На третьем уровне (по нумерации Ю.Н. Караулова, втором) исследователь начинает задаваться вопросами о целеполагании и мотивации конкретного человека в процессе порождения им текстов. Этот этап подразумевает выход за рамки проведения сугубо лингвистического исследования и привлечения к анализу психологических знаний. Здесь ученый стремится ответить на вопрос, какие поведенческие особенности присущи данному индивиду, какова система ценностей и смыслов в его «языковой модели мира».

Каждый из уровней получил свое название. Первый (нулевой) Ю.Н. Караулов стал именовать «вербально-семантическим», второй (первый) – «лингво-когнитивным» и третий – «прагматическим» или «мотивационным» [Караулов 2010: 238, 245].

Также отмечается, что на вербально-семантическом уровне время над личностью не властно, ее набор слов и вербально-семантических ассоциаций определяется по «общенациональному языковому типу» и является ее «стандартным устойчивым» компонентом. А на лингво-когнитивном и мотивационном уровнях, естественным образом, «все течет, все изменяется».

В соответствии с предложенными характеристиками составляющих языковой личности Ю.Н. Караулов выработал план ее описания. Вначале предлагается охарактеризовать «семантико-строевой уровень организации данной языковой личности», то есть обрисовать портрет этого человека как «представителя конкретного языкового строя». Далее – синтезировать языковую модель мира этого человека, на основе произведенных им текстов составить его тезаурус. И в заключении – выявить жизненные установки, мотивы деятельности, скрытые и явные цели, которые находят отражение в процессе создания своих и восприятия чужих текстов.

Понятие «языковой личности» в научный обиход ввел академик В.В. Виноградов [Виноградов 1980:120-146]. Будучи непревзойденным специалистом по художественной литературе, он изучал соотношение языковой личности, художественного образа и образа автора. Ю.Н. Караулов же решил не заикливаться на беллетристике и в своих рассуждениях стал мыслить шире и за основу взял принятое в психологии понятие «личность» и решил рассматривать его как многоплановую дискурсивную единицу, делая акцент на том, какую роль в речестроении конкретного человека играет взаимоотношение языка и мышления. Языковая личность – это не «частно-аспектный коррелят личности вообще» (как правовая или экономическая личность) [Караулов 2010: 38], а это совокупность личностных характеристик человека и его вербальных особенностей. В языковой личности на первый план выступает глубинное языковое содержание личности, которое является стимулом к ее развитию и которое дает ей новое самосознание и самоотражение, оно насыщает ее поступки новыми смыслами и разумениями, и в итоге порождает деятеля, который через свое вербальное поведение может влиять на других.

Отдавая должное Ю.Н. Караулову в его перспективном начинании и общей идейной основе исследования, видится резонным порекомендовать лингвистам, открывающим для себя книгу «Русский язык и языковая личность», относиться к ней критично и творчески и уточнять ряд моментов⁷ с помощью специальной литературы.

Несмотря на дискуссионный характер некоторых своих положений, данная теория дала импульс к выработке целого ряда типологий и классификаций, многие из них которых перечислены, например, в работе В.И. Карасика⁸ «Языковой круг: личность, концепты, дискурс».

⁷В первую очередь к ним можно отнести такие ключевые понятия для анализа языковой личности, как «личность», «структура личности» и «когнитивный». Книга пережила более семи изданий, но автор ее, по-видимому, не перерабатывал. В результате этого многие положения остались в первоначальном виде, требующим смысловой и терминологической правки. Цели и задачи данной статьи не позволяют сделать большое отступление и углубиться в этот вопрос, но мы надеемся вернуться к его обсуждению в своих дальнейших публикациях.

Из всех существующих подходов к изучению ЯЛ наиболее предпочтительным для нас является анализ заранее определенного типа личности (например, предпринимателя, телеведущего, политика)⁹. Причем людей с творческим воображением (писателей и поэтов) мы объединяем в отдельную категорию. И, поскольку они требуют особых¹⁰ методов изучения и способов интерпретации результатов, мы оставляем их за рамками наших исследований.

Именно социально-статусный тип ЯЛ позволяет выбирать комплексную стратегию анализа вербального поведения человека. На наш взгляд, она должна предполагать совокупное рассмотрение четырех параметров¹¹: биологического (пола и возраста), психического (эмоционального состояния в момент речи и в предшествующих ему ситуациях), социального (национальности, места рождения, социального статуса, профессии) и индивидуально-лингвистического (вокабуляра, ключевых слов, идеологем, отношения к окружающим по принципу «свой-чужой», набора риторических инструментов, фонологических особенностей). Данный подход предполагает учитывать принцип междисциплинарности при проведении исследования, однако в целом анализ проводится в рамках коммуникативно-дискурсивной парадигмы, находящейся в центре современных лингвистических изысканий.

Изучение социально-статусного типа ЯЛ дает возможность получить ключи к познанию того, как личность творит реальность, а в случае политиков, объяснить или спрогнозировать их поведение.

В отличие от некоторых исследователей, которым свойственно допускать абстрактность в понимании ЯЛ¹², мы стремимся к его конкретизации и выработке сложноструктурированных, но валидных методов его анализа.

С нашей точки зрения, ЯЛ – это индивид, который проявляет себя в вербальном поведении, характеризуемом всей совокупностью ситуативно обусловленных лингвистических и экстралингвистических особенностей.

Параллельно с «языковой личностью» в отечественной лингвистике используется понятие «речевой портрет». Его появление связывают с именем выдающегося отечественного ученого М.В. Панова, выдвинувшего в середине 60-х годов XX века идею фонетического портрета [Панов 1990]. В дальнейшем термин получил развитие в трудах таких ученых, как Т.Г. Винокур, Т.И. Ерофеева, Е.А. Земская, М.В. Китайгородская, Л.П. Крысин, Т.М. Николаева, Н.Н. Розанова, К.Ф. Седов и др.

Из известных нам определений «речевого портрета» (РП) хочется выделить два.

По мнению Т.П. Тарасенко, РП – это «совокупность языковых и речевых характеристик коммуникативной личности или определенного социума в отдельно взятый период существования» [Тарасенко 2007: 8]. Автор отмечает, что в РП находят отражение такие аспекты личности, как: 1) возрастные, 2) гендерные, 3) психологические, 4) социальные, 5) этнокультурные, 6) лингвистические.

Г.Г. Матвеева определяет РП как «набор речевых предпочтений говорящего в конкретных обстоятельствах для актуализации определенных намерений и стратегий воздействия на слушающего» [Матвеева 1998: 14]. Одним из свойств речевого портрета она выделяет фиксирование вербального поведения, доведение его до автоматизма в случае повторения определенных речевых ситуаций. Также Г.Г. Матвеева говорит о том, что, как и языковая личность, речевой портрет может быть индивидуальным и коллективным.

Таким образом, основным отличием понятия «языковая личность» от понятия «речевой портрет» являются временные рамки анализа функционально-коммуникативных характеристик человека. Речевой портрет можно описывать как статическую величину, которая рассматривается в определенный отрезок времени и которая детерминирована условиями, задающимися особенностями жанра и регистра речи. «Языковой личности» же свойственна динамика в ее развитии. В зависимости от многочисленных и постоянно меняющихся экстралингвистических параметров трансформируется репертуар языковых средств, меняются такие характеристики речи, как общее тематическое содержание, конфигурация межличностных отношений участников коммуникации, отражающаяся на использовании ими в речи «формальной» и «неформальной» лексики, формы речевого общения (устная/письменная, подготовленная/спонтанная речь, монолог/диалог) и т.д. В отличие от «языковой личности» «речевой портрет» предполагает некий срез в развитии коммуникативного потенциала человека, а, с другой стороны, его можно представить как совокупность характеристик, составляющих речевой имидж личности, это то, как традиционно воспринимает и оценивает данного человека общественность, то есть некий стереотипный образ.

---

⁹В.И. Карасик является ярким представителем волгоградской исследовательской лаборатории по проблемам изучения языковой личности. Среди других выдающихся ученых этой школы можно назвать, например, профессоров Н.Ф. Алефиренко, В.И. Шаховского, Ф.П. Сергеева, Н.А. Красавского и др.

¹⁰Об этом отмечается, например, в диссертационном исследовании Бакумовой Е.В. «Ролевая структура политического дискурса» и в монографии Ивушкиной Т.А. «Язык английской аристократии: социально-исторический аспект».

¹¹В отечественной лингвистике они хорошо разработаны в трудах таких корифеев, как И.В. Арнольд, В.А. Кухаренко, Р.Я. Гальперин, Г.И. Богин, О.С. Ахманова и др.

¹²Более подробно об этом говорится в диссертации Н.А. Востряковой «Коннотативная семантика и прагматика номинативных единиц русского языка».

¹³Так, например, В.И. Карасик рассматривает ЯЛ как «носителя языкового сознания, т.е. как человека, существующего в языковом пространстве – в общении, в стереотипах поведения, зафиксированных в языке» [Карасик 2002: 8]; Л.И. Гришаева утверждает, что ЯЛ – это «теоретически выводимый в опоре на лингвистические процедуры конструкт ... это культурно специфический, когнитивно-дискурсивный инвариант, реализуемый в различных дискурсивных условиях различными вариантами» [Гришаева 2006: 17 – 18].

Эту мысль подтверждает и О.И. Астахова, которая в своем диссертационном исследовании выдвигает проблему «лингвопортретного варьирования конкретной языковой личности» и стремится к «созданию интерпретационной модели анализа, позволяющей выявить динамику языковой личности политика, адаптирующегося к требованиям меняющегося мира» [Астахова 2013: 3].

С «языковой личностью» и «речевым портретом» также соотносятся понятия «идиостиль» и «идиолект».

М.П. Котюрова определяет идиостиль как «совокупность доминирующих отличительных свойств речи индивида, проявляющихся в употреблении языковых единиц – как в качественном, так и в количественном отношении – в рамках данного функционального стиля, жанра, текстовой категории и т.п.» [Котюрова 2003: 96]. Важно отметить то, что, по мнению исследователя, «идиостиль соотносится не с языковой личностью вообще, а с языковой личностью в определенной социальной роли субъекта в частности» [Там же].

М.П. Котюрова указывает на то, что понятия идиостиля и идиолекта близки, но не тождественны. В отличие от идиостиля, идиолект представляет собой группу «собственно структурно-языковых особенностей (стабильных характеристик), имеющих место в речи отдельного носителя языка» [Котюрова 2003: 95].

Таким образом, по логике М.П. Котюровой, идиолект можно рассматривать как первый уровень изучения языковой личности (в терминах Ю.Н. Караулова, структурно-языковым), а идиостиль – как более сложную категорию, раскрывающую ЯЛ на втором и третьем уровнях (лингво-когнитивном и мотивационном). М.П. Котюрова делает акцент на том, что идиостиль представляет «стиль языковой личности во всем многообразии проявления специфики ее уровней в текстопорождающей деятельности и в структуре, семантике и прагматике текста в рамках того или иного функционального стиля речи» [Котюрова 2003: 97].

В самом начале нашей статьи мы упомянули еще такие смежные с «языковой личностью» понятия, как «речевая личность» и «коммуникативная личность». И хотя мы не ставили своей целью анализировать или сопоставлять их с другими вышеназванными терминологическими единицами, мы считаем, что наш разговор был бы неполным, если бы мы выпустили из внимания давний спор о том, являются ли понятия «языковая личность» (ЯЛ) и «коммуникативная личность» (КЛ) тождественными или различными.

Суть этого спора хорошо представлена в статье О.Л. Аriskиной и Е.А. Дрянгиной «Языковая и коммуникативная личность: различные подходы к исследованию» [электронный ресурс]. Авторы приходят к заключению, что это две самостоятельные, хотя и взаимосвязанные «динамические категории, сигнификативный компонент которых до сих пор не определился». По мнению авторов статьи, «понятие «коммуникативная личность» шире понятия «языковая личность», так как «коммуникативная личность» включает в свою структуру еще и невербальные средства, и для ее анализа необходимо непосредственное наблюдение за деятельностью коммуниканта». Рассмотрев подходы к ЯЛ и КЛ Г.И. Богина, Ю.Н. Караулова, Ю.В. Рождественского, Г.Ф. Седова, В.П. Нерознака, В.И. Карасика, О.Б. Сиротининой, В.П. Коневской и И.И. Халеевой, исследовательницы пришли к выводу о том, что «существование большого количества моделей ЯЛ и КЛ и выбор основных из них регулируется практикой». В итоге своих изысканий О.Л. Аriskина и Е.А. Дрянгина признают, что лингвистам еще предстоит проделать большую понятийно-терминологическую работу, чтобы прийти к согласию в отношении четких дефиниций обеих единиц.

Учитывая весь объем работы, проделанный авторами цитируемой статьи, остается лишь согласиться с ними и от себя добавить, что данный вопрос относится к разряду споров о терминологической синонимии, и его можно вести до бесконечности. Любой ученый, как правило, считает себя вправе оспаривать то, что предложено его коллегами. Подобные научные дебаты, может быть, иногда и приводят к выработке более точного метаязыка науки, однако в данном случае нам представляется, что новые поколения исследователей были бы только благодарны, если бы теоретики-лингвисты придерживались терминологии, которая употреблялась в бесчисленных работах ученых-гуманитариев, и ограничили бы свой профессиональный жаргон понятием «языковой личности», а весь свой творческий потенциал направили бы на разработку новых классификаций и типологий.

Ведь и без того положение российских исследователей усугубляется тогда, когда им приходится переводить свои труды на английский язык. Многочисленные интернет-источники являются доказательством того, что в качестве переводного эквивалента для «языковой личности» отечественные ученые используют «*language personality*» или «*communication personality*», то есть дают кальку и не задумываются о том, что она не является идиоматическим выражением. Беда современной лингвистики заключается в том, что русские авторы редко читают труды западных коллег (в оригинале), а западные ученые, не зная русского языка, понятия не имеют, о чем пишут исследователи в России.

Мы неспроста заговорили о понятиях «языковая личность», «речевой портрет», «идиостиль», «идиолект». Беглое знакомство с литературой на английском языке¹³ показывает, что для этих «наших» категорий нет однозначного переводного эквивалента, и в профессиональном жаргоне запада используются такие формулировки, как «*linguistic style*», «*linguistic profile*», «*speaking style*», «*personality approaches to studying language*», «*stylistic behaviour(s)*»¹⁴, «*cross-situational consistency of language use*», «*research linking word use and personality characteris-*

¹³ См., например, Pennebaker, J.W., King, L. A. *Linguistic Styles: Language Use as an Individual Difference* Journal of Personality and Social Psychology 1999, Vol. 77, No. 6, 1296-1312; Slatcher, R.B., Chung, C.K., Pennebaker, J.W., Stone, L. D. *Winning words: Individual differences in linguistic style among U.S. presidential and vice presidential candidates* Journal of Research in Personality 41 (2007) p. 63-75.

¹⁴ Автор термина – разработчик теории черт личности Гордон Оллпорт.

tics». В этой связи возникает необходимость выработки русско-английского глоссария по обсуждаемой нами проблематике и использования наиболее точных межъязыковых эквивалентов в процессе написания работ на английском языке.

Нашим основным интересом является изучение языковой личности политика. Обзор современной литературы¹⁵ свидетельствует о том, что интерес российских ученых к этому вопросу усиливается год от года, и хочется надеяться, что наши комментарии и дальнейшие исследования внесут свою скромную лепту в общее дело.

В качестве примера успешного анализа языковой личности политика приведем статью А.М. Нехорошевой¹⁶, в которой рассматриваются особенности вербального поведения Ангелы Меркель.

Следуя классификации Ю.Н. Караулова, автор выделяет в ее структуре вербальную, когнитивную и прагматическую системы и четко следует намеченной стратегии анализа. А.М. Нехорошева указывает на то, что когнитивная система А. Меркель ориентирована на универсальные и групповые ценности. К универсальным ценностям немецкого канцлера относятся духовные ценности (справедливость, дружба), материальные (труд, природные ресурсы, орудия труда) и социальные (семья, общество, нация, государство). Под групповыми ценностями ею понимаются общеевропейские ценности: человек, его индивидуальность и свобода, христианские ценности (толерантность, любовь к ближнему) и национальные ценности (ориентация на порядок, надежность, перфекционизм и др.).

А.М. Нехорошева отмечает, что на передний план когнитивной системы А. Меркель выдвигается ее «коллективная идентичность». Это находит свое отражение в таких оборотах, как *“wir Christdemocraten, wir in christlich-liberalen Koalition (als Union und FDP), wir als Bundesregierung, wir in Deutschland, wir in Deautschland und Frankreich, wir in der Eupopäischen Union (als EU-Midgliedstaaten, seitens EU-Teilnehmer, als Euroländer, im Euroraum, in der Eurogruppe), wir in Europa (als Europäer, auf europäischer Ebene), wir als E-3, G-6 (G-8), Länder, wir im Gesamtkontext”*¹⁷. При этом, как отмечает А.М. Нехорошева, «индивидуальная идентичность А. Меркель отступает на задний план или полностью нивелируется».

Рассматривая языковую личность данного политика с точки зрения прагматики, основной задачей канцлера А.М. Нехорошева считает «реализацию власти внутри страны и навязывание своей системы ценностей за рубежом». Автор статьи делает вывод о том, что указанные цели не совпадают с вышеуказанными христианскими ценностями, которых придерживается возглавляемый канцлером «Христианский Союз».

Проведенное А.М. Нехорошевой подробное исследование языковой личности Ангелы Меркель в очередной раз доказывает, что данные лингвистического анализа могут подтверждать целый ряд рассуждений политологического и психологического плана, и это в свою очередь создает комплексную, многоаспектную картину языковой личности политика. Такой подход многократно увеличивает ценность наблюдений сугубо дескриптивного характера, которыми наполнены некоторые работы современных языковедов, и переводит их в разряд достижений прикладной лингвистики, делая их большим подспорьем в анализе самого широкого спектра проблем «персоналогий президентского лидерства» [Стрелец 2014] и геополитики в целом.

Подводя итоги, хочется сказать, что анализ языковой личности до сих пор остается одним из наиболее перспективных исследований в лингвистике, и он требует от ученого знаний в разных областях гуманитарного знания. Доказательством тому, что актуальность вопроса остается на повестке дня, является возникновение целых исследовательских центров по изучению вербального поведения политика (таких, как в г. Екатеринбурге), и это вселяет уверенность в то, что написание подобных статей будет способствовать прояснению некоторых важных задач, стоящих перед современной лингвистикой вообще, и политической лингвистикой в частности.

Литература

Алексеева А.А. Политические портреты В.В. Путина и Д.А. Медведева (на материале современной прессы и ассоциативного эксперимента) // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, №3 (41), 2012. – С. 64-80.

Астахова О.И. Речевой портрет политика как динамический феномен. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук, Екатеринбург, 2013.

Бакумова Е.В. Ролевая структура политического дискурса: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2002. – 20 с.

Богин Г.И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук / Г.И. Богин; Ленинградск. гос. ун-т. – Л., 1984. – 31 с.

Виноградов В.В. О художественной прозе (глава «Язык литературно художественного произведения») // Виноградов В. В. Избранные труды. Т. 5. О языке художественной прозы. – М.: Наука, 1980.

Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки, 2001. – № 1. – С. 64-72.

Вострякова Н.А. Коннотативная семантика и прагматика номинативных единиц русского языка: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 1998. – 22 с.

Гришаева Л.И. Индивидуальное использование языка // Вопросы когнитивной лингвистики. – Тамбов, 2006. №1. С. 16 – 22.

Дорожкина Т.Н. Речевой имидж политического лидера // Социальные исследования, 1997, № 8. С. 41 – 49.

¹⁵ Ярким примером являются бесчисленные публикации в ежеквартальном научном журнале «Политическая лингвистика» (г. Екатеринбург).

¹⁶ Нехорошева А. М. Особенности языковой личности политического лидера Германии Ангелы Меркель // Политическая лингвистика. – 2012. – №. 1.

¹⁷ Примеры А.М. Нехорошевой.

- Зильберт Б.А. Языковая личность и «новая» тоталитаризма // Языковая личность и семантика: Тезисы докладов научной конференции. Волгоград, 28-30 сентября 1994 г., № 5. С. 34 – 42.
- Ивушкина Т.А. Язык английской аристократии: социально-исторический аспект. – Волгоград: Перемена, 1997. – 157 с.
- Кадилина О.А. Сильная/слабая языковая личность: коммуникативно-прагматические характеристики (на материале текстов Д. Карнеги): Дисс. ... канд. филол. наук. – Краснодар, 2011.
- Карасик В.И. Оценочная мотивировка, статус лица и словарная личность // Филология. Краснодар, 1994. С. 2-7.
- Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
- Карасик В.И. Языковая личность и категории языка // Языковая личность: проблемы значения и смысла. – Волгоград: Перемена, 1994. – С. 25 – 35.
- Караулов Ю.Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения // Язык и личность. М., 1989. – 264 с.
- Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность, издание седьмое, Москва, 2010. – 264 с.
- Котурова М.П. Идиостиль // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожин. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 95–99.
- Кочеткова Т.В. Языковая личность носителя элитарной речевой культуры (социолингвистический аспект) // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты. Волгоград-Саратов, 1998. С. 20 – 28.
- Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек, сознание, коммуникация). – Изд-во: Диалог-МГУ, 1998. – 352 с.
- Мадалиева Е.В. Прагматикон языковой личности политика в жанре исповеди // Политическая лингвистика. – 2011. – № 1.
- Матвеева Г.Г. Скрытые грамматические значения и идентификация социального лица («портрета») говорящего: Дис. ... д-ра филол. наук. – СПб., 1993. – С. 87.
- Михайлова М.Д. Политическое лидерство в современной России: сущность, особенности, портреты лидеров. Автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2001.
- Нехорошева А. М. Особенности языковой личности политического лидера Германии Ангелы Меркель // Политическая лингвистика. – 2012. – № 1.
- Панов М. В. История русского литературного произношения VIII–XIX вв. – М.: Наука, 1990. – 453 с.
- Прохоров Ю.Е. Коммуникативное пространство речевой личности // Виноградовские чтения: когнитивные и культурологические подходы к языковой семантике. – М.: 1999. – С. 40 – 45.
- Седов К.Ф. Типы языковой личности по способности к кооперации в речевом поведении // Проблемы речевой коммуникации. – Саратов, 2000. – С. 3 – 5.
- Сентенберг И.В. Языковая личность в коммуникативно-деятельностном аспекте // Языковая личность: проблемы значения и смысла. – Волгоград, 1994. – С. 14 – 24.
- Сиротинина О.Б. Языковая личность и факторы, влияющие на ее становление // Термин и слово. Межвузов. сб., посвящ. 80-летию проф. Б.Н. Головина. – Нижний Новгород, 1997. – С. 7 – 12.
- Соколовская Т.Б. Языковая личность политического лидера (на материале газет новейшего времени): Дисс. ... канд. филол. наук. – Санкт-Петербург, 2002.
- Стрелец И.Э. Влияние личностных особенностей политических лидеров на исполнение роли президента России: Дисс. ... канд. полит. наук. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2014. – 202 с.
- Тарасенко Т. П. Языковая личность старшеклассника в аспекте ее речевых реализаций (на материале данных ассоциативного эксперимента и социолекта школьников Краснодара): Автореф. дис. канд. филол. наук. – Краснодар, 2007. – 26 с.
- Шапочкин Д.В. Языковая личность в политическом дискурсе // Коммуникационный процесс в вузе. Материалы I международной научно - практической Интернет конференции 21-25 декабря 2004 года, Челябинск. – Челябинск: Изд-во Академии культуры и искусств, 2004. – С. 106 – 109.
- Шаховский В.И., Желтухина М.Р. Роль комического в дискурсивном портрете политика (разоблачительная функция языка) // Политический дискурс в России-3. Материалы рабочего совещания-семинара. – М., 1999. – С. 104 – 114.
- Шустрова Е.В. Сфера-источник «ЧЕЛОВЕК» в идиостиле Р. Эллисона. // Политическая лингвистика, 2006.
- Pennebaker, J.W., King, L. A. Linguistic Styles: Language Use as an Individual Difference. Journal of Personality and Social Psychology 1999, Vol. 77, No. 6, p.1296-1312.
- Slatcher, R.B., Chung, C.K., Pennebaker, J.W., Stone, L. D. Winning words: Individual differences in linguistic style among U.S. presidential and vice presidential candidates. Journal of Research in Personality 41 (2007) p. 63-75.

Источники

Арискина О.Л., Дрянгина Е.А. «Языковая и коммуникативная личность: различные подходы к исследованию» // Электронный ресурс. Режим доступа: http://filfak.mrsu.ru/filolog/pdf_fail/cikl_nauchno_populiarnyh_stateiy_dlja_uchitelja_slovesnosti.pdf, дата обращения: 21.07.2014.

НАХИМОВА Е. А.

Екатеринбург

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ КАК ДОМИНАНТА ПОЛИТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда: проект 14-04-00268 «Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления».

Аннотация. Прецедентные феномены в составе политического текста способны выступать как стилистическая доминанта текста, то есть обеспечивать его связность и цельность, эстетическую значимость и прагматический потенциал, интертекстуальность и связи с общим политическим дискурсом. Названные свойства прецедентных феноменов ярко проявляются в статье Вячеслава Костикова «Возвращение «лишних людей», имеющей подзаголовок «Молодой россиянин на фоне Кремля».

Ключевые слова: прецедентные феномены, политическая коммуникация, политический текст, доминанта политического текста, Вячеслав Костиков, связность и цельность текста.

NAKHIMOVA E. A.

Ekaterinburg

PRECEDENT PHENOMENA AS A DOMINANT IN POLITICAL TEXTS

Abstract. Precedent phenomena in political texts can perform the function of a stylistic dominant of the text, in other words they make the text cohesive and coherent, aesthetically relevant, pragmatic, intertextual and connected with political discourse in general. These features of precedent phenomena are present in the article «Return of «Unwanted People» with the subtitle «Young Russian on the Background of the Kremlin» by Vyacheslav Kostikov.

Key words: precedent phenomena, political communication, political text, dominant in political discourse, Vyacheslav Kostikov, cohesion and coherence of a text.

Для современной политической коммуникации характерно активное использование прецедентных феноменов, что способствует восприятию текста как частицы общего политического дискурса и – шире – как элемента национальной культуры (В. Н. Базылев, Д. Б. Гудков, Н. И. Клушина, В. В. Красных, Н. А. Кузьмина, Е. А. Нахимова, С. И. Сметанина, Г. Г. Слышкин, А. П. Чудинов и др.). Современные политические тексты часто создаются и воспринимаются как своего рода диалог с другими текстами: автор развивает и детализирует высказанные ранее идеи, полемизирует с ними, дает свою интерпретацию фактов, подчеркивает собственную позицию на фоне обширного дискурса. Такой текст оказывается насыщенным множеством прецедентных имен и ситуаций, отсылок к прецедентным высказываниям и текстам, аллюзий и реминисценций, прецедентных метафор и устойчивых выражений. Полное восприятие такого текста возможно только в дискурсе, с учетом множества фоновых знаний из различных областей знания.

Многообразны функции прецедентности в политических текстах. Д. Б. Гудков, один из наиболее авторитетных специалистов в этой сфере науки, выделяет для прецедентных феноменов следующие функции: экспрессивную, оценочную и парольную [Гудков 2003: 157–158]. С. И. Сметанина, рассматривая прецедентные феномены в медиатекстах, указывает, что они «интеллектуализируют изложение, формируют новые смыслы, своеобразно вводя событие текущей жизни в общеисторический и культурный контекст» [Сметанина 2002: 123]. По мнению Н. В. Немировой, прецедентность контекста «позволяет наиболее ярко выразить политические пристрастия автора-публициста» [Немирова 2003: 153]. В публикациях Н. И. Клушиной выделены две основные тенденции в использовании антропонимов в современном газетном языке. Первая из них состоит в экспрессивной игре со словом, которая призвана привлечь внимание читателя. Вторая тенденция – идеологическое использование антропонима, «когда он становится оценкой (часто противоречащей сложившемуся в обществе этическому канону), являясь грозным оружием в руках умелых журналистов» [Клушина 2002: 53]. Другие специалисты выделяют следующие функции прецедентных феноменов

- оценочную (А. А. Филинский, Д. Б. Гудков, В. Н. Базылев, Е. В. Михайлова, Ю. А. Гунько, О. А. Ворожцова);
- поэтическую, к которой близки эстетическая и декоративная (Н. В. Васильева, А. А. Филинский, Е. В. Михайлова, О. А. Ворожцова, Н. А. Фатеева, Г. Г. Слышкин);
- экспрессивную (В. Н. Базылев, О. А. Ворожцова, Д. Б. Гудков, Ю. А. Гунько);
- консолидирующую, к которой близка парольная и опознавательная функции (В. Н. Базылев, Д. Б. Гудков, Г. Г. Слышкин, А. А. Филинский);
- номинативную, а также близкие к ней референтивную и референционную (О. А. Ворожцова, Е. В. Михайлова, Г. Г. Слышкин, А. А. Филинский);
- коммуникативную (О. А. Ворожцова, Ю. А. Гунько, Н. А. Фатеева);
- людическую, связанную с языковой игрой, привлечением внимания к формальной организации текста (Г. Г. Слышкин, М. В. Терских, А. П. Чудинов);
- прагматическую (О. А. Ворожцова, С. Л. Кушнерук, Ю. Б. Пикулева, М. В. Терских);

Особый интерес представляют случаи, когда прецедентные феномены образуют в тексте своего рода систему, которой присущи сильные внутритекстовые и дискурсивные связи. Эта система может выступать как стилистическая доминанта текста, обеспечивать его связность и цельность, она усиливает эстетическую значимость и прагматический потенциал текста, обеспечивает его интертекстуальность и связи с общим политическим дис-

курсом.

В качестве примера рассмотрим особенности комплекса прецедентных феноменов в статье Вячеслава Костикова «Возвращение «лишних людей», имеющей подзаголовок «Молодой россиянин на фоне Кремля» («Аргументы и факты», 2014, № 7). Уже в самом заглавии статьи использовано прецедентное наименование «лишние люди» (восходит к названию повести И.С.Тургенева) и прецедентное имя «Кремль», которое выступает как традиционно символ властных структур. Активное использование прецедентных феноменов характерно и для других сильных позиций рассматриваемого текста.

Как отмечается в лиде, *«образ молодого россиянина и в жизни, и в литературе, и в кино, претерпел множество изменений. Героев было много, и все они так или иначе отражали политические, социальные, экономические и нравственные поиски и шатания России»*. Такой лид заставляет читателя предположить, что автор обратится к последовательному анализу доминантных антропонимов, символизирующих различные исторические эпохи. Эти ожидания в полной мере оправдываются.

Основной текст начинается с развернутой метафоры, включающей доминантные для соответствующей эпохи имена и словосочетания. Ср.:

После революции Россия шумно и без большого сожаления похоронила прежних кумиров: Онегиных, Ленских, Печориных, Обломовых, Чацких, «трех сестер» и даже «дядю Ваню» – всех этих вечно сомневающихся, «лишних (по выражению Тургенева) людей». Похоронены были все, кто олицетворял нравственные и сердечные метания России XIX века.

В следующем фрагменте сосредоточено множество прецедентных феноменов атрибутов, относящихся к эпохе социалистической революции и гражданской войны. Ср.:

Новому поколению, рожденному революцией и вышедшему из крестьянского тулуна, матросского бушлата и солдатской шинели, было не до душевных сомнений. Матрос с крейсера «Аврора», пальнувший в Зимний из корабельной пушки, не сомневался в новой революционной правде. Как не сомневались и Любовь Яровая, и Анка-пулеметчица, и простодушный чапаевец Петька. Все они отреклись от «старого мира» и были нацелены (как пелось в первом гимне новой эпохи «Интернационале») на разрушение «до основания, а затем...». О том, что будет построено на пепелище, поколение, рожденное революцией, не думало. Страна заговорила. «Мы наш, мы новый мир построим, – Кто был ничем, тот станет всем». Молодежь училась жить без Бога, без истории, без памяти.

В данном фрагменте стилистическую доминантность обеспечивают прецедентные антропонимы *Любовь Яровая, Анка-пулеметчица, чапаевец Петька*, прецедентный кароним *«крейсер «Аврора»*, прецедентные выражения (в том числе трансформированные) *отрекемся от «старого мира», «до основания, а затем...», «Мы наш, мы новый мир построим, – Кто был ничем, тот станет всем»*, прецедентное название партийного гимна *«Интернационале»*). Рассматриваемый комплекс дополняют прецедентные атрибуты *поколение, вышедшее из крестьянского тулуна, матросского бушлата и солдатской шинели*, обозначение прецедентной ситуации *«выстрел «Авроры» по Зимнему дворцу» (матрос с крейсера «Аврора», пальнувший в Зимний из корабельной пушки)*. Далее в тексте следуют упоминания о *«гнилой интеллигенции»*, *«философском пароходе»* и старом миропорядке, ошельмованном *«Демьянами Бедными»*.

В сознании современников и потомков каждая историческая эпоха олицетворяется комплексом доминантных прецедентных феноменов. Поэтому вполне закономерно, что центром следующего фрагмента стал Павка Корчагин, а среди героев войны с фашистами названы *«герои-краснодонцы, Маресьев, женщины-летчицы, отважные разведчики и партизаны»*. Послевоенный период обозначен как *«преодоление новой разрухи, стройки коммунизма, покорение целины, освоение Севера и – как апофеоз советского героизма – космонавты с молодым, улыбчивым Юрием Гагариным»*.

При обращении к современности снова активно используются прецедентные феномены. Автор начинает с главных вопросов: *«Каков нынешний облик молодого россиянина? О чем думают, чем живут, о чем мечтают нынешние Павка Корчагин и Любка Шевцова? Есть ли среди них «лишние люди»?». Вспоминая прецедентные строки Владимира Маяковского «Я себя под Лениным чищу, чтобы плыть в революцию дальше...», Вячеслав Костиков спрашивает: «А под кем чистят себя нынешние 17–20-летние? С кого они лепят свой образ? С Путина, Медведева, Зюганова, Жириновского? Или им ближе Шевчук, Макаревич или (прости Господи) Навальный или Удальцов?».*

Чтобы ответить на этот вопрос, автор обращается к исследованию Комитета гражданских инициатив Алексея Кудрина, которое показало, что в новом поколении не так уж много *«желающих осваивать целину, раздвигать новые домны, строить дороги и даже лететь в космос»*. Вместо этого предпочитают *«гарантированную работу под руководством авторитетного руководителя»* и хорошую зарплату.

Причины создавшегося положения Вячеслав Костиков видит в том, что в последние годы в стране *«первыми и самыми высокооплачиваемыми лицами стали финансисты, маркетологи, юристы и пиарщики»*. Это положение развивает яркая гипербола, в которой опять же используются прецедентные имена: *«Высоко ценятся пресс-секретари. В России их уже, похоже, миллионы. И мало кто удивится, если собственные «песковы» и «маркины» появятся у дворников и проституток»*.

Разумеется, далеко не все прецедентные феномены использованы в настоящем тексте одинаково удачно. Это относится, в частности, к обозначению профессии пресс-секретаря при помощи прецедентных имен *«песковы»* и *«маркины»*. Едва ли все читатели газеты «Аргументы и факты» хорошо знакомы с деятельностью генерал-

майора Владимира Ивановича Маркина, возглавляющего Управления взаимодействия со СМИ Следственного комитета РФ и пресс-секретаря Президента Путина, кадрового дипломата Дмитрия Сергеевича Пескова. Встретив фамилию «Песков», многие читатели вспомнят прежде всего об однофамильце пресс-секретаря журналисте Василии Михайловиче Пескове, который был очень далек от пресс-службы и политики в целом.

В заключительном абзаце текста удачно использован прием антитезы, в рамках которой современное поколение противопоставляется кумирам золотого века русской литературы. Ср.: «Вывод неутешителен: в стране растет поколение амбициозных приживал. «Лишние люди» возвращаются. Но в отличие от Чацкого и Онегина они совершенно безлики. Да и Базарова среди них, похоже, нет. Поднимут ли они Россию с колен? Или лягут на диван, как Обломов?».

Заканчивая инвентаризацию прецедентных феноменов, следует отметить, что они действительно служат стилистической доминантой текста, обеспечивают его связность, целостность и единство. Показательно, что знаки интертекстуальности, во-первых, используется практически в каждом абзаце, во-вторых, украшают самые сильные, привлекающие особое внимание читателей позиции текста (заголовок, подзаголовок, лид, зачин, каждая из трех основных частей и концовка), а в-третьих, обеспечивают историческую динамику текста, принадлежат к трем эпохам в истории нашей страны – досоветской, советской и постсоветской.

Можно соглашаться или не соглашаться с основным выводом автора, но следует признать его стилистическое мастерство, умение удачно подобрать прецедентные феномены и сделать их комплекс стилистической доминантой текста. Рассматриваемая статья написана и должна рассматриваться в рамках характерной для Вячеслава Костикова постмодернистской парадигмы, типичными признаками которой служат интертекстуальность, языковая игра, интерстилевоетонирование, метафоричность, знаковость, сложная диалектика реального и виртуального.

Каждый прецедентный феномен в рассматриваемом тексте – это знак бесконечного диалога различных сфер культуры, различных ее поколений, но вместе с тем это еще и показатель интеллектуального уровня автора и того, насколько он доверяет эрудиции и герменевтическому потенциалу читателей. Творческая индивидуальность автора и автономность текста проявляются в оригинальном отборе элементов интертекстуальности, в умелом отборе самых удачных компонентов из предшествующего опыта человечества для создания нового оригинального текста.

Литература

- Васильева Н. В. Собственное имя в мире текста. – М., 2005.
Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М., 2003.
Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Красных В.В., Багаева Д.В. Некоторые особенности функционирования прецедентных высказываний // Вестник МГУ, Сер.9. Филология 1997, № 4.
Клушина Н. И. Общие особенности публицистического стиля // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования [отв. ред. М. Н. Володина]. – М.: Изд-во МГУ, 2003.
Клушина Н. И. Интенциональные категории публицистического текста (на материале периодических изданий 2000–2008 гг.): автореф. дис. ... докт. филол. наук. – М., 2008.
Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М., 2002.
Нахимова Е. А. Прецедентные онимы в современной российской массовой коммуникации: теория и методика когнитивно-дискурсивного исследования. Екатеринбург, 2011.
Немирова Н. В. Прецедентность и интертекстуальность политического дискурса // Лингвистика. Бюллетень Урал. лингвистического общества. – Екатеринбург, 2003. – Т. 11.
Сметанина С.И. Медиа-текст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века). СПб, 2002.
Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург, 2003.

НЕЧАЕВА Е. А.

Иваново

СТРАТЕГИИ ВОЗДЕЙСТВИЯ В PR-ДИСКУРСЕ

Аннотация. Статья посвящена выбранной теме исследования – приемам воздействия, используемым в PR-тексте. В статье приводятся конкретные примеры из агитационных текстов. Данное исследование представляет интерес как для лингвистов, так и для политических консультантов.

Ключевые слова: PR, PR-дискурс, политика, агитационный текст, приемы воздействия.

NECHAYEVA E. A.

Ivanovo

PRESSURE STRATEGIES ARE IN PR DISCOURSE

Abstract. The paper is dedicated to the selected study subject – the methods of pressure used in PR texts. Numerous examples from election texts are given the an author. This study is interested to linguistics specialists and political consultants.

Key words: PR, PR discourse, politics, election text, techniques of verbal pressure.

«PR – это теория и методы, которые предполагают использование социологии, социальной психологии, экономики, политических наук, а также специальных навыков журналиста, артиста, организатора, специалиста по рекламе и т.п. для решения специфических проблем в области PR» [Comte 2005:854].

Коммуникативный феномен PR и все его функции и методы направлены, прежде всего, на то, чтобы оказать воздействие посредством:

- *образа*: использование символики и эмблем, торговых марок в рекламной и PR-деятельности, использование психологических приемов влияния геометрических фигур на здоровье человека и функции человеческого организма, использование «образов» в политике (например, свастика, политическая карикатура);
- *звука*: для влияния на физиологию человека, например, с лечебной целью; для нейролингвистического программирования;
- *цвета*: для стимулирования покупательной способности, для проникновения на зарубежный рынок;
- *запаха*: ароматерапия как маркетинговый элемент, использующийся в современных супермаркетах и торговых центрах;
- *языка*: следует сказать, что все элементы, такие как использование цвета, звука, формы и т.д., прежде всего, дополняют слово и способствуют выразительности сообщения.

Также вербальному общению может придать выразительность использование невербальных средств: поза, мимика, жесты, взгляды, выражение лица и т.д., они действуют сильнее и передают нюансы. Вот почему в настоящий момент внимание многих ученых, занимающихся вопросами теории и практики PR-деятельности, привлекает «впечатляющая паралингвистика», т.е. произнесение отдельных слов и целых фраз с определенным тембром, темпом, паузированием, эмоциональной насыщенностью, мимикой, жестами, силой голоса, акцентами, дикцией. Также играет роль организация временного контекста события и эффект завершенности, поскольку он оказывает сильнейшее, хотя и неоднозначное воздействие и т.д.

Язык – оптимальное средство выражения человеческого мышления и общения. Через язык мы передаем свои знания от поколения к поколению. Язык, таким образом, выступает и как форма хранения знаний, и как средство и способ их передачи. Особую роль как для формальных, так и неформальных каналов коммуникации играет слово. Слово, по мнению философа Г. Шпета [2000], является образом, формой и обликом мысли. Слово выполняет важные социальные функции, развивая и стабилизируя язык. В этом смысле слово можно разделить на два типа: слово-образ и слово-термин. В первом случае слово может быть наложено на признак, случайно бросившийся в глаза, т.е. слово регистрирует новый образ человека. Во втором случае, слово находится в языковой понятийной системе и служит для упорядочения и сохранения культурного строя речи.

Мы считаем, что слово-термин играет большую роль в создании имиджа политического деятеля в средствах массовой информации. Посредством грамотного использования термина в выступлении того или иного политического деятеля, в массовом сознании может быть создан как положительный, так и отрицательный образ, который необходимо либо поддерживать, либо корректировать в дальнейшем. Различные печатные издания могут по-разному преподнести тот или иной фрагмент речи политика, вложить в него особый смысл, который может быть далек от истинного содержания. Автор статьи, публикуя свои материалы, может вкладывать свой смысл – и все это происходит посредством использования термина.

Очевидно, что деятельность PR-специалиста, имиджмейкера, политконсультанта имеет одну важную задачу – завоевать и удержать симпатии населения, его доверие, распространяя в широких массах именно те убеждения и мнения, которые соответствуют собственным интересам, однако, делая это так, чтобы массы воспринимали эти мнениями и убеждения как соответствующие интересам народа. Поскольку отнюдь не всегда эта задача может быть решена с помощью «корректного» рационального убеждения, основанного на логическом доказательстве, естественно, что PR-специалисты прибегают к иным способам воздействия – к стратегиям и средствам речевого воздействия на чувства, эмоции, подсознание адресата [Нечаева 2009:148].

Эти стратегии детально рассматриваются в новом формирующемся направлении лингвистики – лингвополитологии.

Для всестороннего и потому в достаточной мере объективного изучения речи PR-специалиста и реализуемой посредством нее коммуникативной цели, как правило, используется коммуникативный подход. Он предусматривает комплексное исследование текста речи PR-специалиста с учетом всей совокупности лингвистических, прагматических, психологических, социокультурных и других факторов, составляющих широкий контекст реализации речи. Ряд исследователей называет данный подход коммуникативно-прагматическим.

Лингвополитология – отрасль лингвистики, возникающая на стыке двух самостоятельных наук – лингвистики и политологии и тесно связанная с другими современными лингвистическими дисциплинами (особенно – с прагматической лингвистикой, коммуникативной и когнитивной лингвистикой) [Налимов 2003:14].

Лингвополитология ставит задачу всестороннего изучения политических коммуникаций, языка власти как таковой, описания речевых портретов политиков, характера политических номинаций, приемов манипуляции общественным сознанием, выстраивания коммуникативных стратегий и тактик для достижения поставленных целей. Лингвополитология призвана зафиксировать и описать основные политические концепты, мифологемы, фреймы сознания и основные способы их языкового воплощения: лексемы, их вторичные значения, метаязыковые смыслы, прецедентные тексты, ассоциативные поля.

Для теории и практики PR наибольшее значение имеет операции со словами, выражениями, высказываниями и их смыслами, для представления действительности в том виде, который выгоден PR-специалисту и соответствует интересам политического лидера. Надо отметить, что на современном этапе развития этого направления лингвистики идет процесс «глобализации» лингвополитологии, в результате которого активно осваиваются

новые темы политической лингвистики в различных странах мира, вот почему мы будем приводить примеры как из русскоязычного, так и из англоязычного PR-дискурса.

Вот речевые стратегии и приемы, используемые в PR-специалистом с целью воздействия на адресата:

1. Использование идентификационных формул. Это языковые обороты, с помощью которых адресат побуждается PR-специалистом идентифицировать, отождествлять себя с ним или с его компанией и т. д. [Нечаева 2012:72]. Особенно продуктивно в этом и особенно широко распространено употребление местоимений (*we, our, us* в английском языке и *мы, наш* в русском). В графическом плане это может подкрепляться написанием *We/ Вы* с заглавной буквы, которое предназначено подчеркнуть уважение автора к адресату – форма «похвалы аудитории», – приема *exhortatio*. Похвала акционеру, избирателю, покупателю и т.д. в той или иной форме содержится почти в каждом рекламном тексте или политической листовке. «Мы сделаем страну богаче, красивее, более благоустроенной».

2. Употребление слов-эпистемиков. Это слова с общим значением «знать», «понимать»: *as all of you know, it is quite evident, it is no doubt that; как известно, совершенно очевидно, как мы все знаем, нет сомнения в том, что и пр.* Эти слова придают высказыванию характер безусловной истины, не подлежащей сомнению. Например, «Как все понимают, наше прошлое, хоть и ужасное, – это единственный фундамент, чтобы построить настоящее».

3. Представление субъективного мнения в виде объективного факта или истины, не требующих доказательств, в форме категорического суждения. Этот прием в смысловом отношении весьма близок к предыдущему, но обходится без слов-эпистемиков [Михальская 1996: 147 – 151]. Например, «Как всем известно, Россия – это аграрная страна», «Ивановская область – это текстильный край» (это давно не так).

4. Риторическая фигура *sermocinatio*. Это включение в текст воображаемой речи другого политического деятеля, долженствующей раскрыть его подлинные мысли и интересы. Например, В.В. Жириновский на заседании Госдумы 22.04.14. произнес «Почему князь Владимир взял православия – да, поди, дешевле. А католики подороже просили».

5. Выражение уверенности PR-специалиста в согласии адресата. При этом может быть использована фраза *everyone has already made decision to ...; «каждый, я думаю, давно уже решил для себя...»*. Например, «Каждый, я думаю, давно уже решил для себя, за кого он будет голосовать на этих выборах».

6. Использование различных положительных оценочных номинаций личностных качеств кандидата, наиболее лестные из которых даются с использованием ссылки на авторитет известных в городе или стране людей. Гейдар Алиев рассказал в интервью газете «Новые Известия»: «Когда я принёс заявление Горбачеву, он так обрадовался! Обнял меня, поцеловал. И сказал спасибо». Однако подобный прием не всегда способствует формированию положительного имиджа кандидата, привлечению голосов избирателей, т. к. не для всех потенциальных избирателей данные авторитеты являются таковыми. Так, например, один из кандидатов, разместив в своих листовках положительные отзывы о нем бывшего мэра, еще раз подчеркнул, что находится в довольно «теплых» с ним отношениях, в то время как уход мэра города с занимаемой должности был весьма скандальным. Данный прием имплицитно моделирует привычную для русского человека ситуацию, обозначенную известной народной мудростью: *Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты* [Нечаева 2012]. Только вот ответ избирателя не всегда оказывается на пользу кандидату.

Использование особых риторических стратегий, используемых в идеологических текстах, – «стратегия мобилизации» и стратегия «демобилизации» общественного мнения.

Мы можем утверждать, что первая из них употребляется политиками с целью «изменения существующего положения дел». При этой стратегии политические события представляются в драматическом виде, а положение – как катастрофическое, требующее решительных действий. Например, «У нас вся страна жаждущая и болеющая, находится сейчас в состоянии пассивной этаназии, этаназии пассивного шприца».

При второй стратегии ситуация подается как нормальная, хотя и сложная, а события – как естественно идущие своим чередом, требующие терпения от членов общества. Например, «К сожалению, в переходный период после 1988-1989 годов многое из того, что мы создали, разрушили. Первый удар был нанесён, когда Горбачев начал антиалкогольную кампанию, и стали вырубать плантации. Затем, став независимым государством, мы лишились той экономической интеграции, которая была в Советском Союзе» [Нечаева 2013:463].

Первая стратегия использует отрицательно-оценочные слова, выражения, метафоры. Вторая использует эвфемизмы и избегает указания в речи на конкретных «виновников» или «ответственных» за происходящее.

При этом используются приемы:

1) «Скольжения смысла». Одной из центральных проблем анализа идеологического текста является проблема соотношения «идеологии и истины». В семантике выработано теоретическое положение о различии между «смыслом» и «референцией» лингвистической единицы – слова, выражения, высказывания. Под термином смысл понимается отношение между означающим (словом, выражением) и означаемым (понятием, «идеей»). Одно и то же явление (референт) может быть названо словами (выражениями), которые имеют разный смысл. Например, автор может доказывать свой патриотизм с помощью критики неудачной формулировки, использованной в правительственной аргументации.

Эвфемизмы – мощный и наиболее частотный прием «скольжения смысла». Слово эвфемизм греческого происхождения (*euphemismos*, от *euphemia* – благоговейное молчание, добрая слава) и обозначает использование более «мягкого», «приемлемого» слова или выражения для обозначения явления или объекта. С помощью эвфе-

мизма такой объект представляется адресату более «приятным» или не столь опасным. Характерно в связи с явлением эвфемизации «скольжение смысла» таких слов, как *бизнес, бизнесмен, дело, деловой человек* и других слов того же семантического поля в отечественной логосфере после перестройки, когда эти слова стали часто употребляться для обозначения сомнительных махинаций, не имеющих отношения, ни к бизнесу, ни к «делу» в первоначальных значениях этих слов. Например, «*Украинский патриот и будущий президент, бессовестный бизнесмен времен передела собственности*».

Хотя заимствованные термины выполняют различные функции в языке, в этом случае заимствования из английского выполняют парольную функцию. Исторически в российской действительности так сложилось, что иноязычное слово имеет большую ценность, чем русское слово. В связи с этим в речь вставляются варваризмы и экзотизмы. Мы можем говорить о том, что варваризмы и экзотизмы, появляющиеся в конце XX века в русскоязычном PR-дискурсе, употреблялись как эвфемизмы, часто для «ускользания смысла».

2) Приемы «размывания смысла». Так можно назвать специфическое для идеологических текстов использование слов без точного понятийно-логического содержания, слов, которые каждым могут быть поняты по-своему, и тем более различаются по значению в разных идеологиях [Иссерс 2008]. К ним могут быть отнесены так называемые «лозунговые слова» и «пустые формулы». «Лозунговые слова» имеют особенно большое значение для идеологизации текста, создания его фидеистической функции (т.е. убеждающей силы, воздействующей только на чувство для формирования веры). Подобными лексемами являются *freedom, equality, justice, democracy, peace/свобода, равенство, справедливость, демократия, мир* и др. В эпоху Нового времени прозвучал призыв: «*Свобода! Равенство! Братство!*», провозглашённый Французской революцией. Лозунги – прекрасные, но революция-то буржуазная, и потому плоды её соответствующие.

Для таких слов характерна положительная окраска: каждый чувствует, что свобода и демократия – это хорошо, поэтому склонен положительно воспринимать и текст, в котором постоянно эти слова повторяются, и PR-специалиста, который произносит эти слова. «Лозунговые» слова называют также «символическими», так как в идеологических текстах их значения намеренно не определяются: предполагается, что они не нуждаются в дефиниции. Вместе с тем, мы признаем отличительной особенностью политической и идеологической словесной борьбы то, что оппоненты или противники как бы борются за «правильное» употребление таких слов. Слова *world, global, peace, security/ мир, свобода, демократия, безопасность* и прочие имеют центральное положение в системе ценностей человека современного мира, так что тот, «кто правильно понимает их» – «правильно понимает все» [Михальская 1996:156].

«Пустые формулы» отличаются от лозунговых слов тем, что обозначаемые ими понятия не имеют такого центрального положения в системе ценностей. Они не несут выраженной положительной оценки. Вместе с тем, они близки к символическим словам тем, что также употребляются в контексте так, как будто имеют в нем какой-то точный смысл, тогда как его нет: их значения так же расплывчаты [Боярских 2009]. Например, выражения *качество жизни, образ жизни* (ср. англ. *lifestyle*). Каждый вкладывает в это выражение собственный смысл, представление о том, что он хотел бы иметь, но никакого общего для всех говорящих содержания это выражение не имеет, хотя употребляется оно так, будто оно им обладает.

3) Избегание прямого названия предметов или явлений. Для этого используется риторический троп метонимия (перенос названия по смежности предметов или явлений) с ее разновидностью – синекдохой (целое называется по его части или часть по целому).

4) Операции со смыслами и референцией, осуществляемые на уровне высказываний. В идеологическом дискурсе часто используется риторическая стратегия, которую можно назвать «затемнением истинности высказывания». Эта стратегия состоит в том, что при сообщении автор информации представляет адресату «версию» описания «якобы реальной» ситуации, т. е. такой, которая 1) описывается им «с чужих слов» или 2) в описание которой он привнес субъективные суждения. Такое представление событий называется «модальность *de dicto*»: информация дается не о реальности, а о том, что сказано о реальности. Например, Гейдар Алиев говорил в интервью газете «Новые Известия»: «*У нас были близкие, даже дружеские отношения с Юрием Владимировичем, и все же я сказал: «Юрий Владимирович, разрешите остаться в Баку». Андропов настоял, и я переехал, стал первым заместителем председателя Совета Министров СССР*». В информационных идеологизированных текстах делается расчет на то, что некритически воспринимающий текст адресат «перестает замечать», что получает «опосредованную» информацию – высказывание с «затемненной истинностью». Например, во фрагменте текста могут описываться события при избытии оценочных слов, которые выражают субъективное восприятие автора и в совокупности служат для того, чтобы создать у адресата впечатление о незначительности всего происходящего. Тем самым автор вносит столько субъективных оценок, что истинность высказывания (текста) намеренно «затемняется» [Михальская 1996: 152 – 157].

Так, выше мы проанализировали речевые стратегии и приемы, используя методы коммуникативной лингвистики, идиоматики, семантики, с целью создания условий для построения предсказывающих моделей в политологии и выработки оптимальных стратегий и тактик политической деятельности. Указанные приемы направлены на формирование выгодных адресанту-политику представлений и установок у избирателя, однако недалекость политика и его команды способна превратить некоторые из них в антиприемы.

Подводя итог, отметим, что лингвополитология сама уже становится донором для других парадигм: ее методология и методики экстраполируются в лингвистику и гуманитарно-социальное познание в целом. Ряд исследователей подчеркивает приоритет лингвополитологии в прикладных аспектах лингвистики [Баранов 2001, Не-

чаева 2010 и др.] Ни одна отрасль науки не дает столь очевидных и социально значимых результатов в решении конкретных задач, как прикладные исследования.

В современной PR-деятельности ведущая роль отводится речевому программированию аудитории, с точки зрения которого человек рассматривается своего рода биокомпьютером. Слово, обладающее изначальной императивностью, может менять семантику сознания. Речевое программирование предполагает грамотный выбор словаря, вербальной стратегии, времени и места вербализации.

Мы полагаем, что приемы искажения смысла относятся к *черному PR*. Речь политического деятеля представляется, выражаясь языком лингвистики, инвариантом, т.е. неизменяемой частью, а появляющиеся в СМИ слова и словосочетания являются, соответственно, вариантами этой речи. Варианты имеют, как правило, разную форму, разное содержание и функцию (информационную, оценочную и т.д.). Наличие в нашей стране такого социально-психологического феномена как *черный PR* еще раз доказывает, что при помощи лексики можно создать PR любого вида.

Согласно хроматологической классификации пиара в изложении Ф. Гурова, можно выделить виды PR на основании цвета или оттенка.

1. *Чёрный PR* – использование «чёрных технологий» (обман, фальсификации) для очернения, уничтожения конкурирующей партии, группы и т. д., распространение от её имени оскорбительных или экономически опасных заявлений и др.

2. *Белый PR* – словосочетание появилось для демонстрации понятия, контрастного к *чёрному PR*, то есть открытой рекламы от своего собственного имени; PR в узком смысле слова.

3. *Серый PR* – реклама (положительная или отрицательная), скрывающая свой источник. В отличие от «чёрного PR», он не предполагает прямой лжи о своем происхождении. Также под «серым PR» иногда понимают разновидность непрямого *черного PR*, не содержащую прямой лжи и направленную на подсознание реципиента.

4. *Жёлтый PR* – использование, с целью привлечения внимания, оскорбительных для большинства населения данного государства элементов (табуированных слов в названиях, в изображениях – применение сексуального содержания – от ню, через эротику – к порнографии, в публичных действиях – псевдогомосексуализм, высказывание расистских, ксенофобных заявлений и т.п.)

5. *Коричневый PR* – нечто родственное неонацистской и фашистской пропаганде.

6. *Зелёный PR* – социально ответственный PR.

7. *Кровавый PR*. Это определение вошло в обиход после 11 сентября 2001 г. и стало употребляться для характеристики информационной составляющей терроризма. События в настоящее время на Украине и их представление в отечественных и зарубежных СМИ ярко характеризуют этот вид PR,

8. *PR цвета хаки*. Информационное воздействие на противника в ходе военных действий, текущая пропагандистская работа с военными кадрами, СМИ и населением (также присутствуют на Украине). В большинстве крупных военных соединений существуют под различными названиями управления пропаганды и контрпропаганды. Как правило, свою деятельность они не афишируют [Гуров 2009].

Мы посчитали необходимым включить данную хроматологическую классификацию пиара, которая показывает, что есть классификации, используемые в практическом пиаре, в их основе лежат цветовые ассоциации, стереотипы цветообозначения (*белый – серый – черный* и т.д.) хорошо понятные членам русского лингвокультурного сообщества, ранее широко тиражированные в журналистике. Мы хотим отметить, что цветовое обозначение видов PR уникально и характерно только для России. Это доказывает еще одну особенность метаязыка PR, которая проявляется в цветовом отображении особенностей PR-деятельности или ее специфики в определенный промежуток времени [Нечаева 2013:265].

В *черном PR* настоящего времени все более активно используется нейролингвистическое программирование. Как известно, с позиций NLP-технологий (neuro-linguistic programming), в опыте человека нет ничего кроме эмоций, ощущений и образов. Слово – это сигнал образов (вторая сигнальная система И.П. Павлова). Центральным звеном вербального программирования является удачный выбор ключевых слов. Они должны актуализировать нужные семантические структуры аудитории, вызывать образы и эмоции, соответствующие целям воздействия. Например, слова должны быть конкретны и образны, необходимо избегать использования отрицательных частиц «не» и «нет», использовать крылатые выражения, встроенные в семантику сознания PR-аудитории и т.д.

Передаваемая информация должна адекватно усваиваться получателем. В связи с этим особую роль имеет выбор языкового кода. На его выбор влияют тематика, жанр публикации, тип радио- и телепередач. Выбор кода определяется реально функционирующими в прессе, на радио и телевидении видами языков. Свой языковой код подбирается для людей соответствующего образовательного и культурного уровня, при этом необходимо учитывать национальные языки и особенности вербальной и невербальной коммуникации, знакового характера определенных явлений. Коммуникативная направленность речи ориентирована на понимание другими людьми с целью воздействия на их сознание и деятельность, а также на социальное взаимодействие. Таким образом, мы приходим к выводу, что использование различных приемов воздействия при помощи слова, а также факторов, способствующих воздействию на индивидов и социальные группы, позволяет PR-специалисту направлять процесс информации в нужное русло и добиваться поставленных им целей.

Литература

Боярских О.С. Речевые приемы коррекции модели мира адресата в политическом дискурсе // Современная политическая коммуникация: Материалы Международной научной конференции. Екатеринбург: УГПУ, 2009. С. 23 – 25.

Баранов А. Н. Политическая лингвистика // Введение в прикладную лингвистику : учеб. пособие. М.: Эдиториал УРСС, 2001.

Гуров Ф. Продвижение бизнеса в Интернет: все о PR и рекламе в Сети. М: Вершина, 2008. 136 с.

Михальская А.К. Лекции по сравнительно-исторической риторике. М.: Академия, 1996. 190 с.

Налимов В. В. Характеристики языковых систем // Вероятностная модель языка. М.: Водолей publishers, 2003. С. 46-71.

Нечаева Е.А. PR-дискурс как часть современного политического дискурса // Современная политическая коммуникация: Материалы Международной научной конференции. Екатеринбург: УГПУ, 2009. С. 148 – 150.

Нечаева Е.А. Анализ текстов политических выступлений Гейдара Алиева через призму дискурсивных исследований // Актуальные проблемы азербайджановедения: материалы IV Международной научной конференции, посвященной 90-й годовщине со дня рождения Общенационального лидера Гейдара Алиева. – Баку, 2013. С. 461 – 464.

Нечаева Е.А. Проблемы и дискурсы социальной феноменологии информационной эпохи: новые реальности современного мира и нереальность нового в современном мире // Дні науки філософського факультету – 2013. Міжнародна наукова конференція 16–17 квіт. 2013 р.: [матеріали доповідей та виступів] / редкол.: А. Є. Конверський [та ін.]. – Київ: Видавничо-поліграфічний центр "Київський університет", 2013. – Ч. 6. С. 264 – 267.

Нечаева Е.А. Как заставить избирателя проголосовать за определенного кандидата // II Національний політологічний конвент МАСПН (України) 15 – 16 березня 2012 р. – К.: ВПЦ «Київський університет», 2012. С. 72 – 73

Нечаева Е.А. К вопросу об изучении современного PR-дискурса // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. Научный журнал. Сер. Филология. Т.1. – 2010. – №3. – С. 225 – 237. ISSN 1818-6653.

Нечаева Е.А. Некоторые формы политической лингвистики // Материалы 51-й международной научно-практической конференции. 19–20 апреля 2012 года / Санкт-Петербургский государственный университет. Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций. СПб., 2012. URL: <http://rus.jf.spbu.ru/conference/2197.html>

Шпет Г. Г. Мысль и Слово. Избранные труды / Отв. ред.-составитель Т. Г. Щедрина. М.: РОССПЭН, 2005. 688 с.

Comte A. A Dictionary of Sociology (3rd Ed). L.: Oxford University Press, 2005.

ПЕТРОВА О. О.

Калуга

СЕМАНТИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ КОРРЕЛЯЦИИ ТЕРМИНОВ НАУК И ИСКУССТВ И СООТВЕТСТВУЮЩИХ ИМ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЙ (культурно-идеологический аспект)

Аннотация: в статье рассматривается соотношение содержания терминов в специальных терминологических словарях и объяснений их лексического значения в толковых словарях. Также сопоставляются толкования одних и тех же терминов в разных толковых словарях и сравниваются различные оценки, которые данные термины получают в том или ином словаре.

Ключевые слова: семантико-грамматические корреляции, термины наук и искусств, лексическое значение, идеологические оценки, культурно-идеологический аспект.

PETROVA O. O.

Kaluga

SEMANTIC-GRAMMATICAL CORRELATION OF THE OF THE TERMS OF SCIENCES AND ARTS AND THE CORRESPONDING LEXICAL VALUES (the cultural-ideological aspect)

Abstract: this article discusses the relation of detention term in the special terminological dictionaries and interpretations of their lexical meaning in explanatory dictionaries. Interpretations of the same terms in different dictionaries are mapped. Various valuations, which terms get, are compared.

Key words: semantic-grammatical correlation, terms of sciences and arts, lexical meaning, ideological valuation, the cultural-ideological aspect.

О соотношении содержания терминов в терминологических словарях и их репрезентаций в толковых словарях писалось давно.

Так, в предисловии к 4-томному словарю под ред. Д.Н. Ушакова отмечается: «Как и все предыдущие словари русского языка, новый «Толковый словарь» не есть энциклопедический словарь, а словарь языка, т.е. он не должен давать и не дает ни анализа, ни даже полного описания предметов и явлений; он «толкует» значение слова или различные его значения, если их несколько, и указывает случаи употребления слов, снабжая свои объяснения там, где нужно примерами, в значительной степени взятыми из литературы» [Толковый словарь... под ред. Д.Н. Ушакова 1935: 5].

Рассматриваемые вопросы освещались в работе Л.А. Капанадзе [Капанадзе 1968: 151 - 185].

Специальная статья по этому поводу написана Л.П. Крысиным, где он, в частности, отметил такие особенности соотношения сведений в энциклопедических и толковых словарях: 1) в специальных терминологических словарях «термин получает описание, наиболее адекватное тому, как понимают этот термин представители соответствующей профессии или специальности...», 2) «в общих толковых словарях термины не имеют строгих дефиниций. Скорее, здесь содержатся такие их толкования, которые соответствуют представлениям обычного носителя языка (не специалиста в данной области науки или техники) о том или ином предмете, явлении, устройстве, процессе» [Крысин 2008: 125, 128].

Данные наблюдения можно дополнить.

Д.Н. Ушаков отмечал: «История больших словарей показывает, что каждый из них является отражением классовых интересов своей эпохи» [Толковый словарь... под ред. Д.Н. Ушакова 1935: 5].

Положение Д.Н. Ушакова скорректируем, заметив, что большие словари отражают не только классовые интересы своей эпохи, но и фиксируют более широкое явление: культурно-идеологические воззрения своей эпохи, включая научные, социальные и духовные достижения, старые и новые заблуждения – очевидные и неочевидные на первый взгляд и т.п.

Ниже приводятся наши положения и материал, их иллюстрирующий:

1. В толковом словаре для термина обычно характерно семантическое опрощение (детерминологизация): вместо неоднозначного понимания его в дискурсах различных (а иногда и одной) научных школ в толковом словаре термин понимается определенно. Обычный носитель языка хочет знать «как правильно?» – (типичный вопрос в таких случаях среднего студента). Лексическое значение выражает реакцию обыденного сознания на научное понятие.

2. В толковом словаре термин может не соответствовать исходному понятию и искажать его.

3. В толковом словаре термины получают оценки под влиянием господствующей идеологии, в том числе и за счет вторичных значений, которые сформировались у них в обыденном сознании.

4. Термин в толковом словаре может менять семантику, которая влечет за собой и изменения его грамматического (в частности, синтагматического) поведения.

1. В словаре философских терминов (далее СФТ) понятие «Зло» представлено разными точками зрения как в плане его сущностных характеристик, так и в отношении его генезиса.

А. *Зло* – это то, что мешает человеку самовыразиться и нарушает спокойствие жизни (Демокрит, Эпикур). Б. В христианской морали *зло* – это эгоистические устремления, своеволие, невоздержанность. В. В работах Канта, Гегеля, Маркса *зло* имеет и позитивное начало «как необходимый этап истории и даже стимул прогресса» [СФТ 2005: 170 - 171 и след.].

Шведова *Зло*. 1. Нечто дурное, вредное, противоположное добру; злой поступок. 2. Беда, несчастие, неприятность. 3. Досада, злость.

Как позитивное начало *зло* в лексике общего языка не выражено.

В СФТ слово *ценность* определяется очень широко: «Диапазон трактовок понятия Ц. у представителей разных течений очень широк: от понимания Ц. как особого рода феноменов верифицируемой реальности – «третьих качеств» (Александр) до онтолого-теологических характеристик понятия «Ц.» у Шелера и др. » [СФТ 2005: 662 и след.].

В словаре под ред. Шведовой слово *ценность* представлена 4 значениями: 1. Большая цена в денежном выражении. 2. Цена, стоимость. 3. Важность, значение. – В чем *ценность* этого предложения? 4. Обычно мн. Ценный предмет, явление. – Материальные *ценности*. Духовные *ценности*.

В отличие от СФТ слово *ценность* в толковом словаре, с одной стороны, во многом «материально приземлено», с другой стороны, в нем нет указания на природу ценности: в СФТ основой ценности, по мнению ряда авторов, является ее божественное происхождение. Эти ценности открываются человеку Богом.

Говоря о ценности, философ-атеист, среднестатистический носитель русского языка и человек воцерковленный будут иметь в виду, по крайней мере, не во всем совпадающие денотаты.

В СФТ *истина* может иметь несколько измерений: 1) истина как соответствие высказывания действительности, 2) конвенциональная истина как следствие непротиворечивого логического вывода из определений без обращения к действительности.

Шведова. *Истина*. 1. В философии: адекватное отображение в сознании воспринимающего того, что существует объективно. – Объективная *истина*. 2. То же, что правда (в 1 знач.: «то, что существует в действительности, соответствует реальному положению вещей»). – Сказать *правду*. 3. Утверждение, суждение, проверенное практикой, опытом. – Старые *истины*.

1 и 2 значение в толковом словаре, по сути, передают одно значение.

Можно сказать, что толковый словарь отражает несколько наивное, размытое представление об *истине* в одном измерении: в «правдивом» отражении действительности словом (словами).

И это неизбежно и разумно: нельзя объяснить человеку научное содержание понятия истины, не вооружив его тем научным дискурсом, в котором его научное понимание только и возможно. С другой стороны, специалисту и нужен только тот уровень знаний, который позволяет правильно ориентироваться в обыденной действительности.

Научное знание понимает *истину* как относительное знание: 1) мы знаем об объекте не все, 2) языковая отсылительность накладывает дополнительные ограничения на представление знаний.

Обыденное знание, отраженное в лексических значениях толковых словарей, лишено этих сомнений.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что лексические значения соответствующих терминов в норме отражают семантическое опрощение последних, являются выражением большей семантической определенности. Денотативный мир, отраженный в терминах и соответствующих лексических значениях, в разных дискурсах (научном, обыденном, религиозном) накладывается друг на друга не в полных объемах.

2. В толковом словаре лексическое значение может не соответствовать исходному термину и искажать его понятийное содержание.

В словаре под ред. Н.Ю. Шведовой слово *Агностицизм* определяется так: «философское учение, отрицающее возможность познания объективного мира и постижимость истины».

В СФТ *Агностицизм*. Философское учение о непознаваемости объектов, оставшихся за пределами опыта.

Причем опытное познание для агностиков возможно как в отношении внешнего, так и внутреннего миров: «Погружаясь в собственное душевное состояние, он (агностик) может обнаружить в нем знание о мире, причем точность этого знания зависит от разрешающей возможности органов чувств» [СФТ 2005: 3].

В СФТ «Толерантность» (лат. *tolerantia* – терпение, терпеливость) – нравственное качество, характеризующее отношение к человеку, принадлежащему к другой расе, национальности, культурной традиции, религиозной конфессии как равно достойной личности. Т. не сводится к простой терпимости. Терпимость подчеркивает способ отношения к неприятным или неприемлемым объектам... За такой внешней формой поведения зачастую скрывается внутренняя враждебность и незнание другого» [СФТ 2005: 590 - 591].

Таким образом, *толерантность* связана с сознательным допущением иной культуры, религии, обычаев как равнозначных или близких к этому культуре воспринимающего субъекта.

Толковые словари во многом ошибочно передают это понятие или не отмечают этого весьма актуального для современной общественной жизни понятия.

Словарь под ред. Д.Н. Ушакова. *Толерантный*. [фр. *tolérant*] (книжн.). То же, что терпимый в 3 знач. («способный, умеющий терпеть что-н. чужое, мириться с чужим (мнением, характером и т.п.). – *Толерантный человек*».

Словарь под ред. Н.Ю. Шведовой такой лексемы не отмечает.

Очевидно, более объективным надо было бы у слова *толерантный* давать одно лексическое значение и оттенки к нему: 1. Нравственное качество, обуславливающее отношение к человеку, принадлежащему к другой расе, национальности, культурной традиции, религиозной конфессии как равно достойной личности. // В живой речи: о человеке, склонном с большой долей терпения относиться к чужим недостаткам, тем не менее не разделяя поведения лиц с такими недостатками. – Наш проректор не в меру *толерантен* к пьяницам.

В СФТ *натурализм* определяется как «методологический принцип, согласно которому все существующее может быть объяснено исходя из естественных, природных причин» [СФТ 2005: 346].

В Литературной энциклопедии терминов и понятий *натурализму* приписываются многие позитивные характеристики: «Н. намеревался освободить литературу от христианской дидактичности, классическо-академических и романтических «штампов», грез и «мистицизма» с тем, чтобы сделать ее актуальной, приблизить к науке...» [ЛЭТИП 2003: 613].

В толковом словаре под ред. Н.Ю. Шведовой: *Натурализм*. 1. Направление в литературе и искусстве последней трети XIX в, стремящееся к внешне точному изображению действительности. 2. В искусстве: фактографическое, сугубо внешнее воспроизведение повседневной жизни, в его примитивных, часто низких проявлениях.

Как следует из материала, лексические значения, отражающие термин *натурализм*, безусловно, его упрощают и вместе с тем искажают. Идеи *натурализма* оказали влияние на творчество величайших писателей, художников XIX и XX вв.: Э. Золя, Г. Де Мопассана, Дж. Мура, Э. Мане и др.

Но так это понятие сформировалось в обыденном массовом сознании.

Ср. в связи со сказанным замечание Ш. Балли: «Все мы используем в своей речи языковые средства, порожденные психическим складом среднего человека» [Балли 2001: 331].

Приведенные примеры показывают, что массовое сознание не только приводит к опрошению терминов, но и в той или иной мере искажает их содержание. И эти явления отражают соотносительные лексические значения толкового словаря.

3. Попадая в толковый словарь, термины могут получать оценки: а) идеологические оценки господствующего класса за счет актуализации одной содержательной стороны термина и умалчивании другой, б) оценки-метафоры, сформировавшиеся в обыденном сознании как реакции практической жизни большей части населения на предложенные термины:

а) в словаре под ред. Д.Н. Ушакова многие термины политической, научной, культурной жизни получают революционную оценку, обычно негативную: все, что было до революции, особенно в характеристике политических оппонентов, - неправильно, плохо.

Сопоставь данные словаря под ред. Д.Н. Ушакова – данные словаря под ред. Н.Ю. Шведовой:

В СФТ «*Евгеника*... - благородный (по происхождению); породистый – наука об улучшении генетической природы человека или социальное движение, ставящее цель улучшить наследственное здоровье человека... Евгеники XX в. постарались связать принципы Гальтона с законами Менделя, а затем с хромосомной и молекулярной генетикой... Выйдя за пределы научного мира, Е. быстро начала обретать второй смысл, ее стали связывать с расизмом, нацизмом, фашизмом... Постепенно вытесняя научное (рациональное) общественное содержание термина, идеологический штамп настолько вошел в общественное сознание, что начиная с 60-х гг., термин «Е.» практически не используется в научной литературе» [СФТ 2005: 159].

Словарь под ред. Д. Ушакова фиксирует преимущественно идеологический аспект этого термина: *Евгеника*. Буржуазное учение об улучшении человеческой природы, биологической природы.

МАС акцентирует внимание читателя, скорее, на научном биологическом аспекте *евгеники*: Учение о предупреждении возможного ухудшения наследственных качеств человека.

Таким образом, данные толковых словарей при построении толкования термина *евгеника* обнаруживают избирательность в отборе признаков понятия в зависимости от идеологического климата в стране, в мире.

Соответственно этим толкованиям формируются и оценочные сознания в толковом словаре.

Ушаков. *Государство*. Организация классового господства, имеющая своим назначением охрану экономических и политических интересов господствующего класса и подавления враждебных классов.

Шведова. *Государство*. Основная политическая организация общества, осуществляющая его управление, охрану его экономической и социальной структуры.

Ушаков. *Кулак*. 3. Зажиточный крестьянин, эксплуатирующий односельчан.

Шведова. *Кулак*. 1. Зажиточный крестьянин-собственник, пользующийся постоянно наемным трудом.

Ушаков. *Курия*. Разряд, на который подразделяются выборщики при некоторых буржуазных системах в целях ослабления воли большинства.

Шведова. *Курия*. В некоторых избирательных системах: разряд избирателей, образуемый разделением на группы по сословию, имущественному или иному признаку.

Ушаков. *Троцкист*. Враг народа, сторонник троцкизма.

Шведова. *Троцкист*. Сторонник троцкизма (*троцкизм* – во внутрипартийной политической борьбе в Российской социал-демократической (позднее в коммунистической) партии в 20 – 30 гг. 20 в.: противостоящее большинству идейное направление, возглавлявшееся Л.Д. Троцким).

Ушаков. *Сенсуализм*. Идеалистическое философское направление, признающее ощущения, чувственные восприятия единственным источником познания.

Шведова. *Сенсуализм*. Философское направление, признающее ощущения, восприятия единственным источником познания.

Ушаков. *Модернизм*. Упадочное движение в искусстве и литературе 19 и начале 20 в., враждебное реализму, с чертами декадентства и отчасти мистицизма.

Шведова. *Модернизм*. Общее название разных направлений в искусстве конца 19 – начала 20 в., провозгласивших разрыв с реализмом, отказ от старых форм и поиск новых эстетических принципов.

Ушаков. *Символизм*. 2. Направление в искусстве конца 19 и начала 20 вв., выразившее упадочнические и реакционные настроения буржуазии, в художественных образах создававшее символы переживаний и представлений (лит., искус.).

Шведова. *Символизм*. Направление в литературе и искусстве конца 19 – начала 20 в., проникнутое индивидуализмом и мистицизмом и отражающее действительность как идеальную сущность мира в условных и отвлеченных формах;

б) в разных толковых словарях мы найдем оценки-метафоры, сформировавшиеся в обыденном сознании как реакции практической жизни большей части населения на предложенные термины.

Шведова. *Романтизм*. 3. Умонастроение, мироощущение, проникнутое идеализацией действительности, мечтательной созерцательностью.

Ушаков. *Материализм*. 2. Деловое, практическое отношение, подход к чему-н. (разг.).

3. Крайний практицизм, корыстолюбие (разг., устар., неодобр.).

Шведова. *Материализм*. 2. Трезвое, реалистическое отношение к действительности. 3. Узкий, односторонний практицизм.

Последний пример свидетельствует о том, что негативная оценка у слова *материализм* не устарела, а сосуществует с позитивной.

В СФТ «*Профанное* (лат. *profanes* – лишенный святости; нечестивый) – категория, выражающая онтологически и аксиологически низкое положение объекта, не обладающего качеством святости. П. – прежде всего категория религиозного сознания... П. – уровень обыденного, посястороннего, эмпирического, феноменального бытия...» [СФТ 2005: 453].

В обыденном сознании укоренилось слово *профан* с иным лексическим значением, хотя также с отрицательной оценкой.

Шведова. *Профан*. (книжн.). Человек, совершенно не сведущий в какой-либо области. – В музыке он полный *профан*.

Помета «книжн.» в словаре под ред. Шведовой неверна, так как данная лексема часто используется в разговорной, обыденной речи.

4. В некоторых случаях расхождение содержания термина и соотносительного лексического значения настолько значительно, что это отражается в синтагматике слов.

Так, СФТ термин *апатия* означает «нравственно совершенное состояние мудреца, одинаково спокойно взвешивающего как на радость, так на несчастье, равнодушного к лишениям и страхам» [СФТ 2005: 29].

Такое состояние греческими киниками и стоиками *достигалось* путем духовных упражнений. Исходя из семантики термина, правильное словосочетание: *достигнуть апатии*.

В толковом словаре под ред. Н.Ю. Шведовой: *Апатия* – «состояние полного безразличия, равнодушия». Причем это состояние не контролируется субъектом.

Правильное словосочетание: *впасть в апатию*.

Таким образом, приведенные примеры подтверждают вышеуказанные положения.

Литература

Балли Ш. Французская стилистика. 2-е изд., стереотипное. М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 392 с.

Капанадзе Л.А. Особенности номинации в области научно-технической терминологии. Функционирование терминов науки и техники в общелитературном языке XX века // Лексика современного русского литературного языка. Русский язык и советское общество. Социолого-лингвистическое исследование. М.: наука, 1968. – С. 151 – 185

Крысин Л.П. Терминологическая лексика в современных лингвистических словарях // Крысин Л.П. Слово в современных текстах и словарях: Очерки о русской лексике и лексикографии. М.: Знак, 2008. – Studia philologica. – С. 125 – 133

Литературная энциклопедия терминов и понятий. М.: НПКиИнтелвак, 2003. – 1597 с.

Словарь философских терминов / Научная редакция проф. В.Г. Кузнецова. – М.: ИНФА-М, 2005. – 731 с.

Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. Т. 1 – 4. М.: «Советская энциклопедия», 1935 – 1940.

Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. Отв. ред. Н. Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 2011. – 1175 с.

ПИТОЛИН Д. В.

Екатеринбург

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ДИХОТОМИИ «СВОЙ – ЧУЖОЙ»

В СБОРНИКЕ РАССКАЗОВ ДЖ. ДИАЗА «THIS IS HOW YOU LOSE HER»

Аннотация. Данная статья посвящена изучению метафорического моделирования концептуальной диады «свой – чужой» в сборнике рассказов Дж. Диаза «This is how you lose her». Методика предлагаемого исследования основана на теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона, теории метафорического моделирования (Н.Д. Арутюнова, Е.С. Кубрякова, А.П. Чудинов) и теории концептов В.И. Карасика, которые обеспечивают выделение основных метафорических моделей.

Ключевые слова: метафорическое моделирование, концептуальная диада «свой – чужой», Дж. Диаз.

PITOLIN D. V.

Ekaterinburg

METAPHORICAL MODELING OF DICHOTOMY “FRIEND - FOE” IN THE COLLECTION OF STORIES

«THIS IS HOW YOU LOSE HER» BY J. DIAZ

Abstract. The article is devoted to the study of metaphorical modeling of conceptual dichotomy «friend – foe» in the collection of stories «This is how you lose her» by J. Diaz. The methods of research are based on the theory of conceptual metaphor by G. Lakoff and M. Johnson, the theory of metaphorical modeling (N.D. Arutiunova, E.S. Kubryakova, A.P. Chudinov) and the theory of concepts by V.I. Karasik, which make it possible to identify the main metaphorical models.

Key words: metaphorical modeling, conceptual dichotomy «friend – foe», J.Diaz

Многие годы исследователей привлекает изучение дихотомии «свой – чужой», так как она является одной из базовых оппозиций, формирующих языковую картину мира. Согласно некоторым теориям, дихотомия «свой – чужой» возникла на заре развития языка. Как отмечает Ю.С. Степанов, она «в разных видах пронизывает всю культуру и является одним из главных концептов всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения» [Степанов 2004: 126]. Таким образом, начиная с архаичной модели мира, где механизм дифференциации реальности на «своих» и «чужих», «друзей» и «врагов», «местных» и «пришельцев» был необходимым условием выживания как индивида, так и группы людей, заканчивая сегодняшним днём, рассматриваемая дихотомия является фундаментом для большей части языковой картины мира. Помимо этого, дихотомия «свой – чужой» необходима для появления и предшествует становлению категории личностной идентификации – «я» [Кон 1978: 128]. Результаты различных исследований оппозиции «свой – чужой» с позиций лингвокультурологии позволяют сделать наиболее обобщенные выводы о ее универсальных или обусловленных национальной спецификой свойствах, статусе в различных культурах, связи с другими концептуальными диадами [M. Bamberg 2004, J. Fabian 1996, В.И. Карасик, 2002, В.В. Красных 2003, А.Н. Серебренникова 2005, Ю.С. Степанов 2004, Т.В. Цивьян 2005 и др.].

Необходимо отметить и социальное значение диады «свой – чужой»: она определяет степень интеграции определённых групп в социум. В социальной среде, где самоидентификация – вопрос до сих пор небанальный и неоднозначный, функционирование диады «свой – чужой» вызывает отдельный интерес. Учитывая постоянный приток мигрантов в США из стран Латинской Америки, а также то, что большая часть южных и западных регионов США ранее были испаноязычными, в этой стране сформировалась многочисленная группа носителей так называемого спанглиша – результата языкового контакта английского и испанского языков. Долгие годы в США существовал стереотип об иммигрантах из Латинской Америки как о неграмотных и бескультурных людях, пригодных лишь для тяжёлого физического труда. Ранее считалось, что спанглиш как языковое явление появился из неспособности первого поколения латиноамериканских иммигрантов выучить английский, а второго поколения – свободно говорить на английском и испанском языке. Однако сейчас многие преподаватели университетов, политики, высокопоставленные юристы и писатели, связывающие самоидентификацию со спанглишем, наглядно опровергают тезис о недостаточном знании классических языков среди латиноамериканцев. Статус спанглиша как языкового явления до сих пор является предметом споров. Существуют подчас прямо противоположные мнения относительно спанглиша: одни считают его проявлением банальной неграмотности [Betanzos Palacios 2001] другие – языком, который вскоре вытеснит и английский и испанский из Нового Света, став единым для

обеих Америк [Stavans 2001]. Наиболее выдержанным и адекватным представляется, однако, мнение о спанглише как интерязыке [Franco, Solorio 2007]. Уже несколько десятков лет в США пишется и издаётся литература на спанглише, широкое признание общества и критиков в качестве полноценной и полновесной литературной традиции это течение получило лишь в двухтысячных. Одним из главных творцов общественного признания можно назвать Джунота Диаза. Переехав из Доминиканской республики в США в возрасте шести лет, он получил школьное и университетское образование, а затем стал постоянным автором журнала *The New Yorker*, лауреатом Пулитцеровской премии и профессором Массачусетского Технологического Института. И герои его книг, и он сам постоянно идентифицировали себя с помощью спанглиша, опровергая представление о спанглише как средстве коммуникации полуграмотных чернорабочих.

Основной темой большинства произведений Диаза представляется судьба иммигрантов. Для них кроме проблем насущных и материальных главным моральным вопросом остаётся самоидентификация. Тем ярче и интереснее раскрываются в тексте метафоры «своего» и «чужого». Доминирует как во всём творчестве Диаза, так и в рассматриваемом сборнике рассказов, деление на «своих» и «чужих» по этническому и национальному признаку.

В первую очередь, дифференциация происходит по самому очевидному признаку – внешности, а, точнее, цвету кожи. Из-за культурных, но прежде всего исторических и социальных различий однозначно чужими признаются европеиды. Слово «gringo» – «гринго», которым изначально называли неговорящих по-испански англичан, со временем несколько изменило своё значение и стало оскорбительным прозвищем для всех светлокожих людей. *The gringo children watched me from a distance and then walked away. Дети гринго посмотрели на меня издали и ушли.* Так описывает своё знакомство с американцами герой одного из рассказов. Напряжённая первая встреча сразу расставляет всё по своим местам: «белые» дети не подходят к латиноамериканцу, а он цедит им презрительное «гринго». Автор не забывает и про термины времён сегрегации. *All the white people would be. All that would be left here would be us colored folks. Все белые будут в порядке. Здесь останемся только мы, цветные.* Любопытно, что латиноамериканцы, противопоставляя себя «белым», охотно причисляют себя к «цветным», хотя изначально этим словом характеризовали исключительно афроамериканцев. Именно борьба афроамериканцев за свои права в шестидесятые годы двадцатого века разбудила самосознание латиноамериканцев США, которые до того пытались вписаться в социум, быть как все, не делая акцента на своём происхождении. В крайне резких выражениях, Диаз описывает представление среднего американца о том, как и зачем «цветные» идут на учёбу в университет. *Only bitch of color comes to Harvard to get pregnant. White women don't do that Asian women don't do that. Only fucking black and Latina women. Только цветные приезжают в Гарвард чтобы забеременеть. Ни белые, ни азиатские женщины так не делают. Только чёрные и латиноамериканки.* Очевидно, что это «объединение» с афроамериканцами обусловлено исключительно презрительным отношением европеоидных американцев к любому человеку с хотя бы немного смуглой кожей. По заявлению журналиста Эда Моралеса «Одна капля «белой» крови делает тебя «белым» в Латинской Америке, одна капля «чёрной» крови делает тебя «чёрным» в США» [Morales 2002]. Объединяя себя и афроамериканцев в одну общность, латиноамериканцы используют и, так называемое в США, «слово на букву Н», исключительно табуированное для использования не «цветными». Главный герой, конечно же доминиканец, идентифицирует себя именно таким образом. *Love the fact that I'm the only nigger on board without a cuban link or a flap jack of make up on my face. Мне нравится, что я единственный ниггер на борту без кубинских корней или макияжа.* Вероятно, такая лёгкость перехода вызвана тем, что в испанском схожее по звучанию слово «negro» при обозначении расовой принадлежности не является оскорблением или табу. Его употребление по отношению к собеседнику как раз является показателем того, что он «свой» *You did the right thing, negra, you did the right thing. Ты поступила правильно, negra, ты поступила правильно.* Собственно кроме самого слова «negra» для идентификации кого-то как «своего», автор использует некоторые испанские слова, также указывающие на тёмный цвет кожи, такие как «moreno», «prieta» *I advised her to drop the moreno. Я посоветовал ей бросить этого moreno.* Оставаясь в рамках стратегии переключения кодов, герои рассказов зачастую переходят на испанский, чтобы охарактеризовать кого-нибудь как «белого», подчеркнув не только самим словом, но и языком на котором оно произнесено чуждость этого человека своей культуре. *After six months he moved them in with a fat widow una blanca asquerosa who hated Lora. Через шесть месяцев он перевёз их в квартиру к толстой вдове una blanca asquerosa (отвратительной белой), которая ненавидела Лору.* Однако не всегда герои ограничиваются лишь расовой принадлежностью. Понятие «white trash» безусловно указывает на расу человека, но в первую очередь характеризует его социальный статус. Это ещё одна номинация белых, которую латиноамериканцы переняли у афроамериканцев, называвших так опустившихся белых американцев на юге США. В англо-русских словарях это словосочетание описательно переводят как «деклассированные элементы среди белого населения». *You were whitetrash from outside of Patterson. Ты был белым отбросом общества с окраин Паттерсона.* Герои рассказов Диаза не испытывают особенной эмпатии по отношению к подобным людям и также категоризируют их как однозначно чужих.

В сборнике рассказов «This is how you lose her» базовую метафорическую модель дихотомии «свой – чужой», основанную на расовой принадлежности, несколько упростив, можно определить как «темнокожие – свои», «белые – чужие», тем интереснее условия и контекст отступления от неё, и даже переход к прямо противоположной. Несмотря на социальную близость к афроамериканцам в случае возникновения разногласий, латиноамериканцы для отмежевания от них используют тоже табуированное «слово на Н», что и в разговоре с белыми американцами для определения общности с афроамериканцами. *None of us wanted to be niggers. Not for noth-*

ing. Никто из нас не хотел быть чёрным. Ни за что. Какими бы ни были суровыми обстоятельства по отношению как к латиноамериканцам, так и к афроамериканцам, «своими» они понимают друг друга лишь в противопоставлении «белым», но в других ситуациях не забывают своих различий.

В части воспоминаний о романтических отношениях на родине с доминиканкой герой следующим образом описывает отношение к ней своей матери: *If she wasn't getting on her about the way she dressed, how she ate (with her mouth open), how she walked, about her campesina-ness about her prieta-ness...* Если она (мать) не придиралась к тому как она (девушка) одевается, как она ест (с открытым ртом), как она ходит, к её *campesina-ness* (крестьянскости) и её *prieta-ness* (смуглости). Очевидно, что в данном контексте тёмный цвет кожи не является признаком принадлежности к «своим», а, напротив, указывает на внутреннее деление на более культурных жителей города с более светлой кожей и темнокожих простых сельских жителей.

Кроме этнических/расовых метафор, которые широко и разнообразно представлены в книге Дж. Диаза, автор использует зоометафоры в моделировании дихотомии «свой — чужой». Бледный европейски турист предстаёт в образе бледного морского чудовища, сильно отличающегося от доминиканцев. *At least one Eurofuck beached out on a towel like some scary pale monster that the sea's vomited up.* По меньшей мере один еврохмырь лежал на пляжном полотенце как страшный бледный монстр, которого отрыгнуло море. Вид бледно человека на доминиканском пляже среди смуглых латиноамериканцев настолько впечатляет героя, что чуть позже он сравнивает его с уже конкретным морским обитателем — кальмаром. В другом рассказе сами доминиканцы уже оцениваются с помощью зоометафоры, но уже с помощью более привычного образа. *All Dominican men are dogs and can't be trusted. Все доминиканские мужчины кобели, и им нельзя доверять.* Это слова подруги героя-доминиканца сложно назвать однозначно положительной характеристикой, но учитывая гордость, с которой герой пересказывает эти слова, а также то, что в разговорном английском слово «dog» имеет скорее положительный оттенок, и дальнейшее использование этой метафоры для описания своих друзей, можно заключить, что «dog» в данном случае относится к моделированию своей действительности. Говоря о мелких бандитах, автор сочетает стёртую в испаноязычном мире зоометафору и переключение кодов таким образом, что становится понятно его негативное отношение и вместе с тем принятие их как части своей реальности. *Those cabronas, they were like, no jamás, never* Эти козлы, они сказали «никогда». Переехав в новую страну, доминиканские иммигранты начинают вести незавидное существование и живут в полуразрушенных, самых дешёвых домах, которые покинули все другие жители. *They are homes for ghosts and for cockroaches and for us, los hispanos.* Эти дома для привидений, и тараканов, и для нас — латиноамериканцев. Когнитивная метафора, помещающая латиноамериканцев между миром животных и насекомых и миром духов, производит особое впечатление в конце этого сборника рассказов, где есть истории о духовном величии носителей спанглиша и о нравственном падении некоторых из них.

Анализ способов метафорического моделирования концептуальной диады «свой — чужой» в сборнике рассказов Дж. Диаза «This is how you lose her», представленный в данной статье, показывает, что в преимущественно в данной книге представлены метафоры со сферой-источником «этническая и расовая принадлежность», но из-за неоднозначности вопроса самоидентификации носителей спанглиша, одни и те же метафоры могут относиться как к «своей» так и к «чужой» действительности. Кроме того в данном сборнике рассказов рассматриваемая концептуальная диада моделируется также с помощью зоометафор.

Литература

- Кон, И. С. Открытие «я». — М.: Политиздат, 1978. — 336 с.
- Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры.: Изд. 3-е, испр. и доп. — М.: Академический проект, 2004.— 992 с.
- Betanzos Palacios O. El español en Estados Unidos: problemas y logros. II Congreso Internacional de la Lengua Española. Valladolid, España, 2001. URL: http://congresosdelalengua.es/valladolid/ponencias/unidad_diversidad_del_espanol/3_el_espanol_en_los EEUU/betanzos_o.htm (дата обращения: 31.07.2014)
- Franco, J. C., Solorio, T., Baby-Steps Towards Building a Spanglish Language Model — UTEP Technical Departmental, 2007 — 11 p.
- Morales, E. Living in Spanglish: The search for a new Latino identity in America, St. Martin's Press, New York, 2002. p. 8
- Stavans I. Spanglish: The making of a new American Language. Harper Perennial, New York, 2003 p. 6

ПЛАХОТНАЯ Ю. И.

Челябинск

СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ РОССИЙСКИХ И АМЕРИКАНСКИХ ПОЛИТИКОВ В ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЕ

Аннотация: В статье анализируются стратегии и тактики, применяемые политическими деятелями России и Америки в ходе информационной войны на фоне «украинского кризиса».

Ключевые слова: информационная война, пропаганда, язык войны, тактики.

PLAKHOTNAYA YU. I.

Chelyabinsk

STRATEGIES AND TACTICS OF RUSSIAN AND AMERICAN POLITICIANS IN INFORMATIONAL WAR

Abstract: The article analyses the strategies and tactics that are used by politicians of Russia and America in the informational war on the background of Ukrainian crises.

Key words: informational war, propaganda, language of war, tactic.

В ситуации мирового кризиса некоторые страны прибегают к развязыванию информационных войн для решения своих экономических и геополитических проблем. Ещё со времён «холодной войны» США старалось утвердить своё превосходство в мире и использовало различные тактики ведения информационной войны, в которой Россия всегда была главной мишенью.

В последнее время Америка усилила свои нападки на Россию, прибегая к информационному воздействию на общественное мнение многих государств, с целью дестабилизации ситуации в мире. США пытается обвинить Россию в сложившейся ситуации на Украине, задействовав весь спектр информационных мероприятий: печатные издания, интернет, листовки, теле и радиопередачи, новостные программы и даже компьютерные игры.

США ведёт информационную войну против России сразу в нескольких сферах:

- военной;
- политической;
- идеологической;
- экономической;
- социальной.

Среди сфер ведения информационной войны, как в стратегическом, так и в тактическом аспекте, выделяют три уровня:

- индивидуальный;
- общественный;
- геополитический [<http://www.advlab.ru/articles/article551.htm>].

На индивидуальном уровне Америка вводит экономические санкции или обвинения против отдельных российских граждан или предприятий. На общественном уровне США воздействует на массовое сознание не только России, но и других стран. В геополитическом плане Америка, стараясь расширить свои сферы политического и экономического влияния на страны Западной и Восточной Европы, пытается вывести Россию как крупного игрока с политической арены.

На примере украинского конфликта можно проследить тот факт, что превосходство на мировой арене обеспечивается с помощью средств массовой информации, но инициатива исходит от политических деятелей, которые руководят всем этим процессом. Мы рассмотрим речи американских и российских политиков, имеющих влияние на ход конфликта.

В ситуации противоборства политические деятели России и Америки используют различные стратегии и тактики ведения информационной войны. Америка следует в основном конфронтационным тактикам, которые представляют Россию в глазах общественности военным агрессором. К таким тактикам относятся тактики обвинения, преуменьшения значимости того или иного события, молчания или не реагирования на те или иные требования, выдвигаемые Российской стороной.

Д. О. Рогозин отмечает, что в ходе информационного конфликта стороны используют «язык войны» как «способ манипуляции общественным сознанием, при котором применяются камуфлирующие реальные события термины (эвфемизмы) или выражения, наоборот, придающие негативные значения изначально нейтральным понятиям (дисфемизмы)» [www.voina-i-mir.ru/article/106]. Так, например, представитель Госдепартамента США Джен Псаки в ходе очередного брифинга оправдала нецензурные высказывания исполняющего обязанности министра иностранных дел Украины, Андрея Дещицы, который оскорбил президента РФ Владимира Путина. По её мнению, глава украинского МИД «старался стабилизировать ситуацию» у здания посольства России в Киеве. «Он пошел к российскому посольству лично, чтобы успокоить протестующих, и сделал это», – так прокомментировала инцидент представитель Госдепа США. В другом случае, поясняя слова и.о. премьер-министра Украины Арсения Яценюка, который в своём сообщении назвал жителей юго-востока страны «недочеловеками» (subhumans), представитель Госдепа Джен Псаки сказала, что «поведение премьер-министра было очень последовательно направлено на мирное разрешение ситуации на местах, защиту людей, включая русских на Восточной Украине» [<http://www.state.gov/media/>].

В тех случаях, когда российские политики описывают реальные события или факты, западные представители стараются придать им негативный смысл. Например, тех, кого российские политики называют «ополченцы», «повстанцы», американские ораторы прозвали «*terrorists*», «*provocateurs*», «*Russian separatists*» (русские сепаратисты), «*illegal separatist groups*» (незаконные группы сепаратистов), «*armed, violent separatists*» (вооруженные, жестокие сепаратисты) [<http://www.state.gov/media/>].

Событие, которое российские политики называют «присоединением Крыма», Саманта Пауэр считает «*Russia's purported annexation*» (намеренной российской аннексией) и «*Russia's unlawful intervention in Crimea*» (российским незаконным вторжением в Крым) [<http://www.state.gov/media/>].

Представитель госдепа США Мари Харф 1 июля прокомментировала действия П. Порошенко о возобновлении огня на юго-востоке Украины так: «*He has a right to defend his country*» (он имеет право защищать свою страну). По её мнению, «*украинцы показывают удивительную сдержанность в своих действиях на востоке*» («...*the Ukrainians are showing admirable restraint in their actions in the east*») [<http://www.state.gov/media/>].

Все подобные заявления американских представителей власти, использующих эвфемизмы и дисфемизмы, можно расценить как приукрашивание отрицательных фактов в одних случаях и намеренное «очернение» политических не выгодных событий.

Американские политики используют тактику обвинения, а также ложного обвинения, не основанного на фактах или каких-либо доказательствах. В этом случае можно говорить о пропаганде, которая используется как «инструмент управления психологией» масс. Д. Рогозин выделяет три вида пропаганды: белую (источник достоверно известен), серую (источник известен недостоверно или неизвестен) и черную пропаганду (источник заменен иным) [www.voina-i-mir.ru/article/106].

По нашему мнению, в большинстве случаев со стороны западных политиков исходит «серая» или «чёрная» пропаганда, которая звучит как откровенная ложь, неподкреплённая какими-либо доказательствами. Так, например, Секретарь США Дж. Керри на своей встрече с министром иностранных дел С. Лавровым заявил, что «*the United States still considers the Russian actions to be illegal and illegitimate*» [<http://www.state.gov/secretary/>]. Представитель Госдепа С. Пауэр обвинила Россию в «*обширной поддержке насилия и террора сепаратистов. Это включает жестокий захват и оккупацию общественных и правительственных зданий; неспровоцированные и смертельные атаки украинских представителей безопасности; необоснованные аресты, пытки, драки, смертельные угрозы, похищения, убийства, и другие серьезные нападения, проводимые российскими военными и про-российскими сепаратистами*» [там же]. Также, С. Пауэр с иронией заявила, что русские «*falsely have cast themselves as the defender of rights and vindicator of the vulnerable; and the Russian army and its operatives as a humanitarian aid agency. But this Russian "aid" operation sends soldiers, not doctors; it mans armored personnel carriers, not relief tents; it provides surface-to-air missiles, not meals-ready-to-eat*» [там же].

США использует дезинформацию против России для того, чтобы манипулировать общественным сознанием различных стран. С. Пауэр обвиняет Россию в «*разжигающей пропаганде*» («*inflammatory propaganda*») в то время как американское правительство ведет пропаганду русофобии, стараясь убедить мировое сообщество в том, что Россия является главным агрессором, которого необходимо наказать.

В информационной войне США использует тактику дискредитации политического руководства, в частности президента РФ. В интервью Помощника Секретаря В. Нуланд прозвучало обвинение в адрес В. Путина в том, что он «*the main culprit in all this, particularly in the destabilization of eastern Ukraine, the snatching up of Crimea*» [<http://www.state.gov/media/>].

США применяет тактику угрозы «наказанием», чтобы устранить Россию как главного политического и экономического конкурента в отношениях с Европой. По словам С. Пауэр, «*должны также последовать наказания за постоянные нарушения Россией фундаментальных принципов Соглашения Объединённых Наций и за ее продолжающуюся неспособность соблюдать обязательства, которые она приняла. Должны быть наказания за широко распространенные преступления и нападения, совершенные вооружёнными сепаратистами, которых поддерживает Россия*» («*there also must be continued consequences for Russia's consistent violations of the fundamental principles of the UN Charter and for its ongoing failure to meet the commitments it has made. And there must be consequences for the widespread crimes and abuses committed by the armed separatists Russia supports*») [<http://www.state.gov/media/>]. В этом же докладе С. Пауэр заявляет: «*Если она (о России) будет настаивать на тех же тактиках эскалации, она должна заплатить дополнительную цену*» («*But if it persists with the same escalatory tactics – it must face additional costs*»). По словам С. Пауэр, «*если Россия не почувствует давление провести де-эскалацию, она будет продолжать выбирать эскалацию кризиса*» («*unless Russia feels effective pressure to de-escalate, it will continue to choose to escalate this crisis*») [<http://www.state.gov/media/>].

В ходе очередного брифинга, комментируя беседу Дж. Керри и П. Порошено, Мари Харф сказала: «*We are continually preparing more costs for Russia if it does not take further steps*» [<http://www.state.gov/media/>].

Американскими представителями власти в некоторых случаях применяется тактика ухода от ответа. Отдельные представители Госдепа США избегают давать ответы на провокационные вопросы журналистов на брифинге. Например:

QUESTION: What's your response to President Putin's comments today? He said Russia is involved in a historic effort to defend itself. He compared Ukraine to Iraq, Syria, and Libya.

MS. HARF: I don't know what to do with that second part – comparing it to Iraq, Syria, and Libya – so I'm probably not even going to touch it [<http://www.state.gov/media/>].

Обвиняя Россию в военной интервенции, поддержке «террористов» и насилии над гражданским населением, американские представители власти используют тактику восхваления своей политики. Секретарь США Дж. Керри заявил: *«President Obama and the United States believe firmly that diplomacy has a critical role to play in helping the people of Ukraine to achieve their goal of living in dignity and in a stable, peaceful, and unified democracy»* [<http://www.state.gov/secretary/>].

Америка восхваляет свои действия как направленные на деэскалацию конфликта и поддержание мирного плана о прекращении огня: *«we're so supportive of the ceasefire effort»* [<http://www.state.gov/media/>].

В ответ на обвинения и угрозы запада российские политики прибегают к тактикам защиты. В ответ на обвинения со стороны американского правительства в том, что Россия якобы размещает свои войска на границе с Украиной, С.В. Лавров заявил, что *«Президент России настойчиво и неоднократно ставил вопрос о возвращении ситуации под контроль и обеспечении транспарентности - чтобы все могли убедиться, что через эти пункты пропуска не проходят вооруженные люди, боевая техника, другие запрещенные грузы»* [<http://www.mid.ru>].

В случаях ложного обвинения России в каких-либо преступлениях С.В. Лавров считает, что *«возникающая неловкость должна быть обязательно на кого-то «свалена», чтобы отвлечь внимание»* [<http://www.mid.ru>].

Российские политики осторожно стараются называть тех, кто открыто обвиняет Россию в преступлениях. Так, например, С.В. Лавров называет американских политиков, как *«другие крупные внешние игроки»*, и осторожно предполагает о причастности американских политиков к кризису на Украине: *«Есть еще партнеры за океаном – наши американские коллеги – которые, судя по многочисленным свидетельствам, все-таки предпочитают подталкивать украинское руководство по конфронтационному пути»* [<http://www.mid.ru>]. Выступая в Совбезе ООН, В. Чуркин также избежал упоминания конкретных политических сил, сказав, что *«некоторые наши партнёры взяли курс на поддержку антиправительственных выступлений»*.

Представители России пытаются призывать к необходимости *«деэскалации ситуации», «вести конструктивный диалог», «по-человечески относиться ко всем участникам конфликта», и др.* [<http://www.mid.ru>]. Российские политики привлекают внимание международных организаций – Совета Европы, ОБСЕ, ООН, к проблеме безопасности, требуя от них воздействовать на украинские власти. В частности, В. Чуркин заявил: *«Западные спонсоры майдаников, особенно те, кто засвидетельствовал упомянутое Соглашение, а также стоящие за ними США, обязаны обуздать вышедших из-под контроля подопечных»* [<http://www.youtube.com>]. Постпред РФ В. Чуркин в своих выступлениях в Совбезе ООН активно призывает западных политиков к прекращению обвинений и оскорблений в адрес России: *«Хватит распространять небылицы о том, что мы скопили армады военных на границе с этой страной, готовых вот-вот за несколько часов дойти чуть ли не до Ламанша, что мы послали полчища агентов, координирующих действия протестующих жителей Украины»* [<http://www.youtube.com/watch>].

В такой ситуации России пытается доказать всему миру свою невиновность, а это оказывается очень тяжело из-за настроя США и многих европейских стран, имеющих свои стратегические цели против России, и использующих тактики давления. На этом фоне тактические защитные ходы России выглядят как оправдания на предъявляемые обвинения со стороны «нападающих». Но, как в любой войне, нападение и защита с одной стороны должны сменяться нападением и защитой с другой. В данном конфликте Россия вынуждена постоянно защищаться, что ставит её в более слабую позицию. Но даже в таком положении российские политики не прибегают к ответным тактикам нападения (угрозы или обвинения), очевидно, ожидая ещё более серьёзных последствий этого.

Своими провокационными действиями Америка при поддержке некоторых европейских стран воздействует на массовое сознание народов своих стран и России с целью вызвать недовольство, панические настроения, беспорядки, которые могут перерасти из гражданской войны в реальный международный военный конфликт.

Конечной целью информационного противоборства России и Америки является расширение сфер влияния в мире: со стороны Америки – это агрессивное навязывание своей политики для подчинения целых стран своей воле, в то время как для России это влияние заключается в расширении сотрудничества между странами в различных сферах общественно-политической и экономической жизни. Но пока ещё рано говорить о победе какой-либо из сторон конфликта.

Источники

Выступления Постпреда РФ В. Чуркина в Совбезе ООН. URL: <http://www.youtube.com/watch> (дата обращения: 14.07.2014).

Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел России С.В. Лаврова в ходе совместной пресс-конференции по итогам переговоров с Министром иностранных дел Италии Ф. Могерини, Москва, 9 июля 2014 года. URL: <http://www.mid.ru> (дата обращения: 11.07.2014).

Заявление Министра иностранных дел России С.В. Лаврова по итогам четырехстороннего телефонного разговора Президента России, Канцлера ФРГ, президентов Франции и Украины, Москва, 30 июня 2014 года. URL: <http://www.mid.ru> (дата обращения: 11.07.2014).

Зубкова, А. Тактика ведения информационных войн. URL: <http://www.advlab.ru/articles/article551.htm> (дата обращения: 10.07.2014).

Интервью Министра иностранных дел России С.В. Лаврова программе «Вести в субботу с Сергеем Брилевым», Москва, 28 июня 2014 года. URL: <http://www.mid.ru> (дата обращения: 11.07.2014).

Информационная война / Политический словарь. URL: <http://enc-dic.com/politic/Informacionnaja-Vojna-2322.html> (дата обращения: 10.07.2014).

Рогозин, Д. Война и мир в терминах и определениях. Военно-политический словарь. URL: <http://www.voina-i-mir.ru/article/106> (дата обращения: 10.07.2014).

Daily Press Briefing of Marie Harf, Deputy Spokesperson, Washington, DC, July 1, 2014/ URL: <http://www.state.gov/r/pa/prs/dpb> (дата обращения: 17.07.2014).

Daily Press Briefing of Jen Psaki, Spokesperson, Washington, DC, July 8, 2014. URL: <http://www.state.gov/secretary/> (дата обращения: 18.07.2014).

Interview of Victoria Nuland, Assistant Secretary, Bureau of European and Eurasian Affairs, Washington, DC, May 27, 2014. URL: <http://www.state.gov/r/pa/prs/dpb> (дата обращения: 18.07.2014).

Press Availability John Kerry, Secretary of State, Chief of Mission Residence, Paris, France, March 30, 2014. URL: <http://www.state.gov/secretary/> (дата обращения: 18.07.2014).

Remarks by Ambassador Samantha Power, U.S. Permanent Representative to the United Nations, at a Security Council Meeting on the Situation in Ukraine, New York, June 24, 2014. URL: <http://www.state.gov/r/pa/prs/dpb> (дата обращения: 18.07.2014).

ПЛОТНИКОВА А. М.

Екатеринбург

ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОЛИКОДОВЫХ СООБЩЕНИЙ В ПРАКТИКЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

(на материале дел о противодействии экстремизму)

Аннотация. В статье анализируются типы отношений между вербальными и невербальными компонентами в поликодовых сообщениях. Предлагается модель анализа поликодовых сообщений, основанная на семиотическом подходе, рассматриваются примеры из экспертной практики.

Ключевые слова: поликодовые сообщения, семиотика, семантика.

PLOTNIKOVA A. M.

Ekaterinburg

LINGUOSEMIOTIC ANALYSIS OF POLYCODE MESSAGES IN LINGUISTIC EXPERT PRACTICE

(on the material of case papers on extremism counteraction)

Abstracts. The article studies types of attitudes between the verbal and nonverbal components in polycode messages, gives an analysis model for polycode messages based on semiotic approach and considers cases from expert practice.

Key words: polycode messages, semiotics, semantics.

Поликодовый (креолизованный, семиотически осложненный, семиотически обогащенный) текст или дискурс в связи с общей тенденцией к визуализации информации, проявляющейся в последние десятилетия, стал самостоятельным лингвистическим объектом изучения. В ряде работ рассматривается специфика такого дискурса в сфере рекламы, политической агитации, кино, интернет-коммуникации, определяется место поликодовых текстов в коммуникативном пространстве, исследуются текстовые категории и принципы взаимодействия вербальной и невербальной составляющих (Е. Е. Анисимова, М. Б. Ворошилова, Н. С. Валгина, О. С. Иссерс, М. А. Кронгауз, Г. Е. Крейдлин, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов и др.).

В поликодовых сообщениях обнаруживается взаимное сцепление нескольких знаковых систем, объединенных в семиотический комплекс. Возникший в результате такого объединения «семиотический гибрид» характеризуется рядом специфических категорий, каждая из которых (например, связность, членимость, темпоральность и локальность, модальность и др.) может стать и отчасти уже становится предметом самостоятельного изучения в теории лингвистического анализа текста.

Актуальность изучения поликодового дискурса для практики лингвистической экспертизы обусловлена рядом причин. Во-первых, развитие виртуальной коммуникации в современном обществе приводит к тому, что объектом лингвистической экспертизы становятся не только текстовые элементы, но и единицы других семиотических систем (например, личные страницы пользователей социальных сетей, включающие, помимо текстовых, аудио- и видеоматериалы). Во-вторых, разнообразие поликодовых сообщений, трудность их унификации ставит перед экспертами вопрос о создании методики анализа таких материалов как принципиально нового объекта лингвистической экспертизы. Принцип экономии языковых средств, свойственный поликодовому дискурсу, значение которого создается в результате дистрибуции вербальных и невербальных единиц, затрудняет работу лингвиста, который обращается не только к исследованию продуктов речевой деятельности в соответствии со своей экспертной специальностью, но и к осмыслению других типов творческой деятельности человека, взаимодействующих с речевой деятельностью. Отказ от исследования невербальной составляющей при рассмотрении текстов плакатов, листовок, комиксов, демотиваторов и иных коммуникативных форм и жанров не может быть признан правильным способом решения экспертной задачи. Безусловно, поликодовое сообщение оказывает комплексное эмоциональное, рациональное, этические и эстетическое воздействие, поэтому экспертизы поликодовых сообщений обычно носят комиссионный характер, то есть производятся совместно с психологом.

Для проведения лингвистического части исследования представляется целесообразным внедрение и использование в экспертной практике лингвосемиотического анализа поликодовых сообщений.

Напомним, что в семиотике выделяют три типа знаков: иконические, действие которых основано на подобию означающего и означаемого; индексы, действие которых основано на реальной смежности означающего и означаемого; символы, действие которых основано на условной связи. В практике лингвистической экспертизы поликодовых сообщений чаще других используются символические знаки. Например, в песне рэп-группы «АргентинаА» «*Давай поднимем ручки и будем зиговать*» звучит фрагмент «*зиговать 14 88*», в котором глагол «*зиговать*» отсылает к фашистскому приветствию, сопровождаемому характерным движением поднятой руки, а цифровой шифр «14 88», как известно, отсылает к расистскому лозунгу «*Мы должны сохранить существование нашего народа и будущее для белых детей*».

В основе предлагаемого нами лингвосемиотического анализа поликодовых сообщений лежит следующая модель, учитывающая анализ семантики, синтактики и прагматики знаков:

- 1) устанавливается значение текстовой части материала;
- 2) даётся характеристика изобразительного ряда;
- 3) определяется семантическое соответствие/несоответствие вербальной и визуальной составляющих;
- 4) рассматриваются дополнительные значения (коннотации) поликодового сообщения и его субъективно-модальные и прагматические особенности.

В основу взаимодействия вербальной и невербальной составляющих нами положена теория семантических оппозиций, в соответствии с которой выделяются эквивалентная оппозиция (отношения тождества), привативная (отношения включения), эквиполентная (отношения пересечения) и дизъюнктивная (отношения при отсутствии у множеств общих элементов). Ввиду семиотической разнородности элементов связь между вербальным и невербальным может носить символический характер и основываться на фоновых знаниях читателей или слушателей.

Приведем в качестве иллюстраций анализ нескольких поликодовых сообщений из экспертной практики (материалы изъяты следственными органами с личных страниц пользователей социальной сети «В контакте»).

Текстовое содержание	Содержание изобразительного ряда	Тип взаимодействия текста и визуального ряда	Интерпретация (анализ коннотаций, субъективно-модальных значений, прагматических особенностей)
Урал без хачей	Схематический рисунок человека и стоящей рядом с ним корзины, в которую он бросает некий предмет, является общеизвестным символом борьбы с загрязнением окружающей среды. Этот символ означает, что мусор (обычно упаковку или тару) необходимо выбрасывать в специально отведённые для этого места – урны, мусорные корзины или контейнеры. В представленном материале изображение мусора, выбрасываемого в корзину, заменено изображением полумесяца со звездой, являющегося символом ислама.	Изображение и надпись в представленном материале находятся в отношениях семантического согласования: в исследуемом материале вербально и невербально выражена мысль о том, что на Урале не должно быть представителей народов Кавказа. Между вербальным и визуальным рядом эквиполентная оппозиция.	Высказывание «Урал без хачей» представляет собой эллиптическую конструкцию, типичную для лозунговой коммуникации (ср.: «Город без наркотиков», «Москва без мигрантов»). Значение высказывания: Урал [должен быть свободен] от «хачей». Импликация (следствие): «Хачи» не должны находиться, проживать на Урале. Данное значение поддерживается и дополняется невербальной частью, в которой осуществляется уподобление объекта мусору, который необходимо выбросить. Уничжительное слово «хачи», а также буквализация идеи освобождения Урала от представителей народов Кавказа при помощи графической метафоры (человека, выбрасывающего в мусор символы мусульман) указывает на негативное отношение автора плаката к группе лиц, выделенной по национальному и религиозному признакам.
Жидра	Изображена выдра, на голове которой надет традиционный еврейский головной убор.	Слово «жидра» образовано при помощи контаминации. Между вербальной составляющей и визуальным рядом эквивалентная оппозиция.	Автор использовал прием языковой игры для создания комического эффекта. Визуальная часть данного изображения иллюстрирует словообразовательную контаминацию и усиливает комический эффект от окказионального слова.

А у нас в квартире газ, А у вас?	Изображена фотография еврейской семьи (на что указывает национальная еврейская шапочка на мужчине и мальчиках). На фотографии находится мужчина, женщина и шестеро детей. В правом верхнем углу фотографии размещено изображение улыбающегося лица Адольфа Гитлера.	Используемая номинация «газ», изображение евреев и лицо Адольфа Гитлера образует знак-символ, для интерпретации которого необходимы фоновые знания о массовых уничтожениях евреев в газовых камерах концлагерей во время второй мировой войны. Вербальная и визуальная составляющая находятся в отношениях символической связи.	Строчка «А у нас в квартире газ, а у вас?» является прецедентным, отсылающим к стихотворению детского писателя С. Михалкова. Слово «газ» на фоне изображения Гитлера и еврейской семьи приводит к актуализации значения слова газ как «орудие массового поражения». Использование в одном креолизованном тексте детского стихотворения и упоминания «газа» как орудия убийства (газовые камеры) создает циничный с точки зрения этики и морали смысл всего текста.
Едим каментом вконтакте убивай политрука! С нами – ссылки, с нами – факты, с нами – мощь всего ВК	Изображение лежащего среди колосьев советского воина (в военной форме, с красной звездой на лбу), на котором направлено дуло оружия (автомата), над ним условное изображение фигуры стреляющего человека.	Текстовое содержание поддерживается визуальным рядом, визуальный ряд служит средством буквального прочтения текста. Эквивалентная оппозиция.	Советский плакат военного времени наполняется новым текстовым содержанием. В тексте содержится побуждение «убивать политрука» не физически, а при помощи комментариев, визуальный ряд содержит сцену применения оружия против человека. Использован приём буквализации метафоры.
Русская для русского	На фотографии изображена светловолосая девушка с заплетенной косой, на её плечи накинут платок с характерным русским узором. Она сидит за столом, на котором изображены традиционные предметы русского быта: самовар, баранки и др.	Текстовая часть не только дополняет визуальный ряд, но и задаёт новое значение. Слово «русская» референциально соотносится с изображенной девушкой. Привативная оппозиция между вербальным и невербальным рядом.	Высказывание «Русская для русского» является модально-бытийным суждением, значение которого устанавливается с опорой на визуальный ряд: русская девушка предназначена для русского мужчины (женых, мужа). Из этого утверждения следует импликация: русская девушка не может принадлежать нерусскому.

Анализ дистрибутивных отношений между вербальным и визуальным рядом позволяет выявлять и другие типы взаимодействия знаковых систем. Так, в рекламной кампании тарифа сотовой связи с названием «Песец» намеренно использован семиотический конфликт как приём создания амфиболии, то есть двойственности, двусмысленности выражения, что поддерживается и словесными и несловесными элементами. Приведем стенограмму аудиоролика, использованного в этой рекламной кампании:

- Алло! Валентина можно?
- А Валентин еще не пришел.
- А Песец пришел?
- Скоро придет!
- Песец идёт, песец идёт! Лисичка такая полярная.

Содержанием сообщения, имитирующего телефонный разговор, становится приход «Песца», при этом слово «песец» приобретает в контексте дескрипцию – «*лисичка такая полярная*». В тексте наблюдается антропоморфизм: слову «Песец» приписываются признаки собственного имени за счёт столкновения с собственным именем «Валентин» в тождественных контекстах. На плакатах, используемых в ходе этой рекламной кампании, применяется также схематическое изображение рыжей лисы (песца), а в другом аудиоролике появляется высказывание «Новый оператор сотовой связи МОТИВ! Значит это песец пришел... конец дорогим тарифам». Появление в одном синтагматическом ряду словосочетания «песец пришел» и «конец дорогим тарифам» сближает выражение «песец пришел» с оценочным выражением, а фонетические особенности произношения слова «песец» усиливают данный факт. Весь этот комплекс вербальных и невербальных (аудиальных и визуальных) элементов направлен на создание намеренной неоднозначности слова «песец». С помощью языковой игры, основанной на неоднозначности значения этого слова как наименования животного и эвфемизма нецензурного слова, возникает идентифицируемый носителями русского языка непристойный смысл сообщения.

В отдельных случаях между вербальной и невербальной составляющей наблюдаются такие отношения, которые можно, вслед за Г.Е. Крейдлиным и М.А. Кронгаузом, назвать семиотическим шумом [Крейдлин, Кронгауз 2013: 176]. При семиотическом шуме у адресата сообщения возникают трудности в его интерпретации (вполне возможно, что эти трудности обусловлены недостатком знаний в той или иной области). Например, плакат, на котором изображён сжатый кулак, на пальцах надпись «НТТР», содержит текст «*Ломай линейные системы, тащи сетями мертвецов!*». Надпись «http», словосочетание «*линейные системы*» указывают, вероятно, на побуждение к хакерским атакам. Значение фразы «*Тащи сетями мертвецов*» (вероятно, восходящей к пушкинской «*Тятя, тятя, наши сети притащили мертвеца*») в контексте всего плаката остаётся неясным.

Таким образом, между вербальными и невербальными компонентами поликодовых сообщений возможны различные смысловые отношения: от семантической согласованности компонентов до семиотического конфликта.

Тип связи элементов (эквивалентная, привативная, эквиполентная, дизъюнктивная оппозиции, символическая связь компонентов, семиотический шум) определяется прежде всего коммуникативной целью адресанта и эффектом воздействия при ориентации на определенный тип целевой аудитории, а также функциональным назначением поликодовых сообщений в целом. Следует отметить, что в рамках данной статьи были рассмотрены отдельные поликодовые сообщения, в то время как в экспертной практике частотны случаи, когда в качестве материала предоставляется совокупность поликодовых материалов. Например, акция «Пикет воинствующих безбожников», прошедшая в 2012 году в г. Тюмени и попавшая в поле зрения следственных органов, представляет собой динамически разворачиваемое коммуникативное событие, в ходе которого были использованы разнообразные дискурсивные практики: плакаты, листовки, интервью со случайными прохожими, театрализованные сценки. Всё это позволяет говорить не об отдельных поликодовых сообщениях, а о поликодовом дискурсе, который также становится объектом лингвистической или комплексной психолого-лингвистической экспертизы. Порождение значения поликодового дискурса происходит в результате взаимодействия и адаптации различных семиотических систем и использования разнообразного арсенала языковых средств и ресурсов невербальной семиотики.

Литература

Крейдлин Г. Е., Кронгауз М.А. Семиотика, или Азбука общения. М.: Флинта-Наука, 2013.

ПОЛЯКОВА Л. С.

Магнитогорск

ГЕНДЕРНАЯ ТАКТИКА «ОТЗЕРКАЛИВАНИЕ» В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

(на примере выступлений англоязычных и русскоязычных политических деятелей)

Аннотация. Анализируется использование гендерной стратегии адресации непосредственно на мужскую/женскую целевую аудиторию при помощи реализации гендерной тактики «отзеркаливание» в российском и американском политическом дискурсе; характеризуется язык политика, определяются термины «гендерные стратегии и тактики» как приемы речевого воздействия на аудиторию.

Ключевые слова: политический дискурс; стратегии и тактики; речевое воздействие.

POLYAKOVA L. S.

Magitogorsk

GENDER TACTICS «MIRRORING» IN POLITICAL COMMUNICATION

(in the statements of English and Russian-speaking politicians)

Abstract. The author analyses the usage of gender strategy of addressing directly male/female target audiences by using gender tactics «mirroring» in Russian and American political discourse, politician's language is being analyzed, the terms «gender strategies and tactics» as the means of linguistic manipulation on the audience are defined.

Key words: political discourse; strategies and tactics; linguistic manipulation.

В последнее время в лингвистике большое внимание уделяется гендерным исследованиям, которые открывают широкий спектр возможностей и позволяют лингвистам взглянуть на те или иные существующие в языке явления совершенно под другим углом зрения, а именно с точки зрения проявления гендерных различий и сходств как внутри одного языка, так и в разных лингвокультурах.

Кроме того, в связи с расширением и возрастанием роли средств массовой информации в современном мире усилилось политическое воздействие на общественное сознание. Политизация общественных масс, политический дискурс становится неотъемлемым компонентом «информационной жизни» человека, поэтому анализ политического дискурса, как мы считаем, необходим для его внутреннего содержания, для выявления тех стратегий и тактик, с помощью которых политики осуществляют речевое воздействие на электорат.

Язык политика представляет собой сложное конструированное образование, направленное на воздействие на аудиторию. Для эффективности воздействия в выступлениях политических деятелей применяются различные стратегии, в том числе и гендерные. Все это делает актуальным освещение проявления гендерных стратегий в языке политиков.

Нами определяется язык политика как индивидуальный, имеющий признаки принадлежности к определенному лицу профессиональный язык, который может существенно меняться в зависимости от ситуации или применяемых стратегий; как средство для создания речевого портрета и сознательного воздействия на слушателей, для чего и применяются различные речевые и гендерные стратегии.

Гендерные исследования в области лингвистики обходили вниманием гендерные стратегии в языке политика как средство или набор средств для достижения поставленной цели, считая, что воздействие на слушателей происходит независимо от их половой принадлежности. По нашему мнению, не существует таких групп с одинаковым восприятием, как «бюджетники», «пенсионеры» или «простой народ», к которым часто апеллируют журналисты и отдельные российские политики, например, Г.А. Зюганов или Э. Панфилова. Поэтому мы поста-

вили задачу выделить из речевых стратегий и тактик гендерные стратегии и гендерные тактики, непосредственно направленные воздействовать на мужчин или женщин.

Выделение гендерных стратегий в отдельное понятие мы также связываем и с присущими языку политиков особенностями мужского и женского речевого поведения, с помощью которых осуществляются коммуникативные действия, а также оцениваются другие коммуниканты, то есть они также являются частью речевого воздействия. Следовательно, целью гендерных стратегий и тактик является речевое воздействие на аудиторию.

Гендерные стратегии являются важным средством воздействия на аудиторию, тесно связаны с речевыми стратегиями, дополняют и обогащают их. Основным отличием гендерных стратегий от речевых является то, что в качестве объекта воздействия выступают преимущественно мужчины или женщины как целевая аудитория. Среди разнообразных речевых средств воздействия на реципиентов следует выделить *гендерную стратегию адресации непосредственно мужской или женской аудитории*. Данную стратегию мы рассматриваем как *спланированную цель воздействия на мужскую/женскую аудиторию, которая направлена на создание или коррекцию речевого портрета политика и реализуется с помощью определенных тактик: а) использование специальных приемов для быстрого установления контакта с аудиторией (прием речевого «отзеркаливания», речевых кодов и информационных посланий); б) применение гендерных стереотипов, гендерно-окрашенных метафор, которые учитывают национальные особенности аудитории*.

В данной работе рассмотрим особенности использования политиками *гендерной тактики «отзеркаливания» речевого поведения, которая основана на одном из способов психологического влияния на избирателя - «отзеркаливания», то есть придании информации оптимально воспринимаемого образа путем повтора зрительных, речевых и паралингвистических характеристик аудитории*. Данный речевой ход построен на знании электоральной группы, характерного для нее типа восприятия. На наш взгляд «отзеркаливание» мужчин или женщин позволяет максимально быстро установить контакт, передать информацию в наиболее полном объеме. Этот способ достаточно сложен в применении, так как не предполагает полной смены стиля и манеры речи до неузнаваемости, политик остается самим собой, но при этом используются речевые характеристики мужчин или женщин. Данный тактический прием высоко оценивается специалистами в области коммуникации, поэтому политики стремятся его использовать.

На основе анализа выступлений российских, американских и английских политиков нами было выявлено два варианта гендерной тактики «отзеркаливания» в языке политиков: «отзеркаливание» избирателей и «отзеркаливание» политиков.

1) *«отзеркаливание» избирателей* характеризуется тем, что политики сознательно включают в свою речь образцы типичной лексики, фраз избирателей. Например, речи Б. Клинтона писались с использованием лексики из писем избирательниц, в выступлениях Дж. Буша использовались фразы избирателей-мужчин, взятых из обращений к нему во время его встреч с избирателями.

Наиболее ярко эта гендерная тактика проявляется в выступлениях политиков перед аудиторией, состоящей из противоположного им пола. Ярким примером может служить выступление Тони Блэра на третьей Генеральной Ассамблее, посвященной Женским Институтам. Заранее зная свою целевую аудиторию, состоящую из женщин, Т. Блэр строит свое выступление, ориентируясь на общепринятые характеристики женского речевого портрета. Он поднимает важные для женщин проблемы семьи, детей, рака груди, дискриминации, унижения в семье, принижительного отношения к женщинам в обществе: ... *we all share the anxieties of today's world: the fear that our child will be bullied or worse offered drugs in the playground. The worry that children are exposed to too much sex and too much violence too young. The struggle of balancing work and family. ... On our own the majority of us are powerless. Together we can shape our destiny. To become the masters of this change, not its victims, we need an active community. Нас всех связывают проблемы современного мира: мы боимся, что наших детей запугают или ещё хуже, предложат им наркотики на детской площадке. Нас беспокоит то, что дети в слишком юном возрасте видят секс и насилие. Мы все пытаемся совместить работу и семью. ... Когда мы живем сами по себе, то большинство из нас беспомощны. Вместе мы сможем построить свое будущее. Чтобы управлять этими переменами, а не пассивно воспринимать их, нам нужно стать активными* [Speech to the Women's Institutes' Triennial General Meeting. 07 June 2000]. Политик ставит себя на место женщин, разделяет с ними их проблемы, и всю информацию передает эмоционально, экспрессивно, образно. Он также подчеркивает, что сейчас женщины беспомощны, показывая тем самым свою слабость как-то изменить ситуацию, и призывает объединяться во благо безопасного, чистого и морального будущего.

2) *«отзеркаливание» политиков* – это тот случай, когда достигается эффект проецирования популярности и силы «отзеркаливаемого политика» на выступающего, и дополнительно содержится информационное послание о том, что оба политика – единомышленники и соратники. «Отзеркаливание» возможно только при использовании узнаваемых фраз или выступлений.

Например, И. Хакамада обозначает цель демократических преобразований партии «Наш выбор», лидером которой она являлась, как построение «либерализма с человеческим лицом». Данная фраза является схожей со знаменитой фразой М.С. Горбачева «социализм с человеческим лицом», изменяется только наименование – либерализм/социализм, что несет для слушателей информацию об идеологической близости двух политиков. Фактически эти фразы настолько близки, что их можно сравнить с отражением в зеркале, где левая и правая сторона меняются местами, но при этом объект остается тем же.

Гендерная тактика «отзеркаливания» близка с тактикой корректирования речевого поведения, но ее отличие состоит в том, что она предполагает установление быстрого контакта с аудиторией, проецирование на себя качеств другого политика, в частности, мужчины-политика и женщины-политика.

Гендерная стратегия адресации к мужской или женской аудитории играет важную роль в речевом воздействии на аудиторию, поэтому применяется политиками в своих выступлениях. В выступлениях политиков наблюдается применение двух гендерных тактик в реализации гендерной стратегии адресации мужской или женской аудитории: а) «отзеркаливание» для установления быстрого контакта с аудиторией и б) использование гендерных стереотипов.

Среди русскоязычных политических деятелей гендерную тактику «отзеркаливания» для установления быстрого контакта с аудиторией используют только двое из анализируемых нами политиков – В.В. Путин и В. Матвиенко. При этом у В. Матвиенко она реализуется в двух вариантах: «отзеркаливание» В.В. Путина и «отзеркаливание» избирателей, а у В.В. Путина – только избирателей.

Например, два выступления В.В. Путина посвящены одной теме: роль силовых структур в защите интересов государства. Выступая перед создателями космических и баллистических ракет (аудитория состояла преимущественно из мужчин), президент использует такие профессионализмы и речевые штампы, как: *новые технические решения, межконтинентальные баллистические ракеты, освоение и использование околоземного пространства, результаты космической деятельности, развитие отрасли, интеграция космической отрасли в экономику*, которые отражали часть лексики, используемой в документообороте аудиторией, были ей привычными и способствовали быстрому установлению контакта с ней. В то же время, выступая перед представителями органов Госбезопасности, В.В. Путин использует уже иную лексику: *профессия для тех, кто любит нашу Родину, кто беззаветно предан своему народу, защита законных интересов наших граждан, их неотъемлемых прав и свобод, противодействие терроризму и экстремизму, борьба с деятельностью иностранных разведок, четкие и слаженные действия сотрудников, своевременному прогнозированию и выявлению внешних угроз суверенитету*, которая не столько ориентирована на профессионализм или оценку действиям служб, сколько на ожидание аудитории в признании ее очевидных заслуг после многих лет замалчивания или негативных выступлений. Поэтому расхожие фразы о любви к Родине, ее защите, молчаливом подвиге позволили не только быстро установить контакт, но и завоевать аудиторию. Совершенно меняется речь В.В. Путина, когда он выступает перед деятелями культуры (большинство аудитории составляют женщины), при этом все рассмотренные примеры взяты из аналогичных по форме и жанру выступлений – торжественные речи, посвященные датам и сопровождающие награждения. Речь президента полна лирических отступлений, он вспоминает о *празднике весны и любви*, о том, *сколько в зале великих людей, властителей дум*, признается в любви сидящим в зале *моим кумирам ... любимым с детства* (об артистах, поэтах). И отбор лексических средств свидетельствует о том, что применяется гендерная стратегия адресации целевой аудитории по гендерному признаку – через гендерную тактику «отзеркаливания».

Очень успешно этой гендерной тактикой пользуется В. Матвиенко. В выступлениях перед аудиторией, состоящей преимущественно из мужчин, в ее речи преобладают модальные глаголы *должен, уметь, следует, пришлось*, эмоциональность отбора языковых средств уменьшена по сравнению с другими выступлениями, обязательно подчеркивается значимость конкретных дел, подкрепленных цифровым материалом. В то же время в выступлениях перед женщинами, например, перед собранием педагогов, конкретность уступает эмоциональности: *потенциал петербургского образования неисчерпаем, педагог не просто учит – он формирует личность, надежда общества, мы женщины, знаем..., только нам с вами* (имеется ввиду В. Матвиенко и женщины) *известно...* (из Ежегодного Послания губернатора Санкт-Петербурга, 29.03.2006). Приведенные примеры свидетельствуют о применении гендерной тактики «отзеркаливания» речевого поведения через использование типичных мужских и женских речевых характеристик.

Гендерная стратегия адресации непосредственно к мужской/женской аудитории достаточно плодотворно применяется и англоговорящими политическими деятелями для усиления воздействия на слушателей. В реализации этой гендерной стратегии имеют место гендерная тактика речевого «отзеркаливания» и гендерная тактика использования гендерных стереотипов, политических мифов с гендерной окраской.

Гендерная тактика речевого «отзеркаливания» присутствует преимущественно в американском политическом дискурсе для установления быстрого контакта с аудиторией, при этом в одном выступлении могут наблюдаться части, направленные на женскую или мужскую аудиторию, что способствует не только быстрому установлению контакта, но и поддержанию внимания со стороны слушателей.

Например, М. Олбрайт в выступлении, посвященном годовщине Еврейского музея, по-разному апеллирует к женской и мужской аудитории: *I was deeply moved by the thousands of names carved on the wall. ... Tonight, I knew to look for those names – and their image will forever be seared into my heart. – Я была до глубины души тронута тысячами фамилий, высеченными на стене. ... сегодня вечером я поняла, что значит искать фамилии в этих списках, они навсегда останутся в моем сердце.* М. Олбрайт, рассказывая о жертвах конц. лагерей, призывает к чувствам, эмоциям, то есть в первую очередь направляет речь на женскую аудиторию.

Дальше политик продолжает свою речь следующим образом: *Many have written about the horror of the Holocaust, and I have grown up thinking about it, speaking about it and trying to incorporate its lessons into my work. – Многие писали об ужасах геноцида, и я выросла, размышляя о нем, обсуждая его, пытаюсь перенести те уроки, которые он преподнес, на мою работу* [Remarks at Jewish Museum, Prague, Czech Republic: July 13, 1997]. Хотя

на примере данного отрывка речь ее эмоциональна, акцент делается на деловые качества политика, на то, что подобной трагедии она не допустит.

Дж. Буш так же часто применяет подобную тактику, апеллируя в своих выступлениях к мужской и женской аудиториям по-разному. Например, в своем ежегодном обращении к государству в 2007г. политический деятель призывает мужскую аудиторию к их логическому рассудку: *Our past efforts to secure Baghdad failed for two principal reasons: There were not enough Iraqi and American troops to secure neighborhoods that had been cleared of terrorists and insurgents. And there were too many restrictions on the troops we did have.* – Наши прошлые попытки защитить Багдад не удалось по двум главным причинам: было не достаточно войск со стороны Багдада и Ирака, чтобы обеспечить безопасность на территориях, освобожденных от террористов и захватчиков. И слишком много ограничений было наложено на наши войска [President's Address to the Nation. January 10, 2007].

При адресации к женщинам Дж. Буш больше апеллирует к их эмоциям, чувствам, нежели к разуму: *Our troops will have a well-defined mission: to help Iraqis clear and secure neighborhoods, to help them protect the local population.* – У наших войск четкая миссия: помочь Ираку освободить и обезопасить соседние территории, помочь им защитить местное население [President's Address to the Nation. January 10, 2007].

Х. Клинтон тоже использует данную гендерную тактику. Посмотрим ее реализацию на примере ее выступления 2006г., посвященного войне в Ираке: *I've just returned, like my colleagues, from our recess, and I visited throughout my state, and in every kind of community people are expressing deep concerns about the direction we are heading when it comes to the war in Iraq, when it comes to American security interests. New Yorkers, as most Americans, want things set right in Iraq when so much both has gone wrong and seems to continue to go wrong.* – Я только что вернулась как и мои коллеги из отпуска. И путешествуя по своему штату, я заметила, что в каждой ячейке общества люди очень обеспокоены по какому пути идет Америка, когда речь заходит о войне в Ираке, когда речь идет о безопасности в Америке. Жители Нью-Йорка, как и большинство американцев хотят, чтобы ситуация в Ираке разрешилась, особенно когда кажется, что ситуация всё время только осложняется. Данный отрывок иллюстрирует также призыв к эмоциям, однако, скорее всего, политик осознанно обращается здесь именно к женской аудитории. А на эмоции мужчин он воздействует иначе: *I don't care what you label it – civil war, sectarian violence – the fact is, the Iraqis are losing hundreds and hundreds of lives and as of yesterday 2,652 servicemen and women have been killed in Iraq; amongst them, 123 New Yorkers.* – Мне всё равно как вы это назовете – гражданской войной, сектантским насилием – дело в том, что Ирак теряет сотни, сотни жизней, только вчера 2.652 военных и женщин было убито в Ираке, и среди них 123 жителя Нью-Йорка. [September 6, 2006. Call for Secretary Rumsfeld to Resign]. Приведение в пример подобной статистики направлено в первую очередь на воздействие на мужскую аудиторию.

Т. Блэр применяет данную гендерную тактику в большей степени для установления контакта с мужской аудиторией, при этом он сознательно или бессознательно допускает нарушение контакта с женской аудиторией. Например, рассказывая о снижении травм, он приводит в качестве доказательства случаи относительно казусные:

You may recall the stories of the girl who sued the Girl Guides Association because she burnt her leg on a sausage or the man who was injured when he failed to apply the brake on a toboggan run in an amusement park. – Вы можете вспомнить рассказы о девочке, которая предъявила иск ассоциации девочек-скаутов, потому что она обожгла ногу сосиской, или о мужчине, который получил травму, потому что не смог привести в действие тормоз на санях в парке развлечений [May 26, 2005. Common sense culture not compensation culture].

В этом отрывке Т. Блэр как бы смеется над неуклюжестью или неумелостью действий пострадавших. Этим не только подчеркиваются маскулинные качества, но и одновременно происходит обращение к мужской части аудитории, так как мужчины в подавляющем большинстве на подсознательном уровне склонны видеть в таких примерах неудачников, недотеп и считать, что они-то сами никогда бы не допустили подобное. И, как последний аргумент, Т. Блэр приводит доказательство, связанное с размером денежной компенсации:

Neither of these cases produced big compensation awards in the courts. – Ни одно из этих дел по решению суда не получило большой компенсации [May 26, 2005. Common sense culture not compensation culture].

Если следовать этой логике, то получается, что небольшая компенсация означает отрицание факта травмы.

Как мы уже отмечали, подобная трактовка событий не учитывает интересов женской части аудитории, на которую большее впечатление произведет рассказ о страданиях девочки или мужчины, чем ирония над их неумелостью или небольшой размер компенсации.

Применение гендерной тактики речевого «отзеркаливания» имеет больше отличия, чем сходства у русскоговорящих и англоговорящих политиков. Все англоговорящие политики, в отличие от русскоговорящих, используют эту гендерную тактику, хотя и с различной частотой у разных политических деятелей. При этом англоговорящие политики стремятся «отзеркаливать» исключительно своих избирателей для установления с ними быстрого контакта, подчеркивания близости с ними, в то время как русскоговорящие политики пользуются данной тактикой значительно шире, «отзеркаливая» не только избирателей, но и политических деятелей.

Сравним:

В.В. Путин часто использует метафоры, крылатые выражения, например, *уши мертвого осла*, разговорные обороты: *мочить, мало не покажется, пора заканчивать эту бодягу*. Это порождает уверенность у избирателей, что президент, хоть и высокообразованный человек, но похожий на них, близкий к простым людям, а значит, и

знаком с их нуждами, способен помочь, защитить их. Экспрессия и напор речи рождает образ решительного и смелого человека.

Дж. Буш в своих выступлениях использует разговорную речь, насыщенную афоризмами, а иногда и жаргонной лексикой, поэтому в его речах многие простые фразы приобретают эмоциональную окраску. Например, *I think you will agree with me that the past has gone.* – Я думаю, все мы согласимся с тем, что прошлое уже прошло. То есть посредством языковых средств Дж. Буш, создавая через речевое поведение образ ковбоя, «рубахипарня», которому все проблемы по плечу, формирует психологический образ типичного американца – патриота, оптимиста, уверенного в себе лидера и тем самым стремится быть ближе к простому народу.

Но Дж. Буш для акцентирования единения с народом использует и религиозные фразы книжного стиля *I am blessed with a sister and brothers* – Я благодарен судьбе за (букв. Судьба благословила меня) сестру и братьев. На примере этой фразы глагол to bless приобретает коннотационное значение – благодарить (Бога, судьбу), хотя его первичное значение – благословлять, что можно проиллюстрировать следующим примером – *God bless you, and may God continue to bless our great country* – Да благословит Вас Бог и пусть Бог и дальше благословляет нашу великую Родину. Этой фразой Дж. Бушу свойственно заканчивать каждую речь, но в то же время эту фразу любят и простые американцы, ею постоянно начинаются воскресные и праздничные семейные обеды в семьях, придерживающихся традиций. Сохранение семейных традиций особенно важно для женщин, в то время как образ ковбоя (даже не очень образованного, но смелого) больше импонирует мужчинам, поэтому мы видим не только гендерную тактику речевого «отзеркаливания», но и адресацию целевой аудитории.

Только российскими политиками применяется «отзеркаливание» политиков. Это проявляется в перцепции либерализм с человеческим лицом: и у И. Хакамады, и в построении выступления, максимально похожего на выступление более популярного политика, – В. Матвиенко.

Сравним «Послание губернатора Санкт-Петербурга» В. Матвиенко от 29.03.2006г. и выступление В. Путина перед доверенными лицами от 12.02.2004г. Например,

у В.В. Путина:

– перечисляется в последовательности: состояние страны к моменту прихода к власти В. Путина (очень плохое), затем - что было сделано, и подводится общий итог работы, содержащий оптимизм и уверенность, что худшее время прошло: *время неопределенности и тревожных ожиданий прошло, переход ... к лучшему качеству жизни;*

– весь отчет связывается с концептом «Россия»:

у В. Матвиенко:

– перечисляется в последовательности: состояние области к моменту прихода к власти В. Матвиенко (очень плохое), затем - что было сделано, подводится общий итог работы, содержащий оптимизм и уверенность, что худшее время прошло: *засели огромное поле возможностей, начатые два года назад, год назад, дают зримый эффект, у нас выросло число оптимистов;*

– весь отчет связывается с концептом «Вторая столица», близкий к концепту «Россия».

Это не просто сближение, а сознательное подчеркивание близости, построение своей речи по образцу речи президента.

Англоязычные политики не используют подобные приемы в реализации гендерной тактики речевого «отзеркаливания», стремясь исключить любые совпадения в выступлении с выступлениями других политиков. По нашему мнению, это говорит о более выраженном индивидуализме англоязычных политиков по сравнению с русскоязычными.

Таким образом, язык политика отражает политическую реальность, принимает участие в создании и изменении этой политической реальности, а также изменяется вместе с ней. Изучение языка политика делает более наглядной картину предпочтений в современном обществе, существенно дополняя лингвистические и социологические исследования. Выявление средств воздействия на аудиторию в языке политика позволяет значительно обогатить наши представления о политическом дискурсе в целом. На сегодняшний день язык в политических выступлениях используется для того, чтобы позиционировать себя совершенно определенным человеком, чтобы заявить о той или иной позиции, высказать те или иные идеи, воздействовать на ход событий; такое применение языка также подразумевает учет гендерных особенностей в этих проявлениях.

Источники

Официальный сайт Администрации Санкт-Петербурга [Интернет-ресурс]. - <http://www.gov.spb.ru>

Официальный сайт Владимира Путина [Интернет-ресурс]. - <http://www.putin2004.ru>

Официальный сайт Государственной Думы [Интернет-ресурс]. - <http://www.duma.gov.ru>

Официальный сайт Ирины Хакамады [Интернет-ресурс]. - <http://www.hakamada.ru>

U.S. Department of State [Интернет-ресурс]. - <http://www.state.gov>

Senator Hilary Rodham Clinton, Senator from New York //URL: [Интернет-ресурс]. - www.clinton.senate.gov

The White House [Интернет-ресурс]. - <http://www.whitehouse.gov>

ПОПОВА Л. В.

Миасс

ОСЛУШАНИЕ КАК АНТИИДЕАЛ ПОВЕДЕНИЯ ЧИНОВНИКА В РУССКОМ ЮРИДИЧЕСКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

Аннотация. На материале русских законодательных текстов XVII–XVIII веков реконструирован этнокультурный компонент языкового образа чиновника. Выявлен автостереотип «послушание», связанный с одноименным этнокультурным концептом. Подтверждена этнокультурная ориентация русского юридического языкового сознания.

Ключевые слова: автостереотип, этнокультурный концепт, юридическое языковое сознание, языковой образ чиновника (государственного служащего).

POPOVA L. V.

Miass

DISOBEDIENCE AS THE ANTI-IDEAL OF BEHAVIOUR OF THE OFFICIAL IN THE RUSSIAN LEGAL LANGUAGE CONSCIOUSNESS

Abstract. On a material of the Russian legislative texts of the XVII–XVIII centuries the ethnocultural component of a language image of the official is reconstructed. The autostereotype «obedience» connected with the ethnocultural concept of the same name is revealed. Ethnocultural orientation of the Russian legal language consciousness is confirmed.

Key words: autostereotype, ethnocultural concept, legal language consciousness, language image of the official (civil servant).

В гуманитарных науках при исследовании русской ментальности большое внимание уделяется характеристике отношения людей к государству. Учеными констатируется стереотипное негативное восприятие официальной власти рядовыми людьми (не чиновниками, не государственными служащими). Так, например, К. Касьянова утверждает: «Государство противостоит русскому человеку как нечто враждебное, и на него, как на врага, не распространяются моральные запреты: его можно обманывать, у него можно красть; обещания, данные государству, можно не выполнять» [Касьянова 1994: 44]. По мнению А.А. Мельниковой, для русского национально-го характера свойственно неприятие всего, «что может выступать в качестве абстрактного объединяющего компонента, к формированию специфической оппозиции по отношению ко всему, что выступает в качестве внешней организующей силы», в том числе и к «власть предержащим» и к закону [Мельникова 2003: 135]. Аргументируя свое мнение, А.А. Мельникова ссылается на концепцию С.В. Лурье, которая выявила так называемый образ зла (врага) для традиционной русской ментальности – государство, находящееся в постоянном конфликте с народом [Там же: 136].

Негативная оценка распространяется и на олицетворяющих государственную власть людей. В русской языковой картине мира представления о людях этого рода деятельности объединяются концептом «чиновник». «Чиновник – человек, служащий государству и в своих действиях ограниченный формальным исполнением обязанностей в соответствии с буквой действующего закона» [Колесов 2014: 491]. В «Словаре русской ментальности» приведено традиционное мнение: «По исторически сложившемуся убеждению, работа, выполняемая чиновником, всегда самого низкого качества, т.к. выполнена бездарно и бездумно, за что чиновник не несет никакой ответственности. Чиновник не имеет ни стыда, ни совести, ни чести. Чиновник всегда лоялен к власти, но быстро меняет свои убеждения при ее смене» [Там же]. Описанное негативное отношение можно считать базовым гетеростереотипом официальной власти и ее представителей в обыденном сознании, в том числе языковом. Автостереотипы русского государственного сознания, то есть представления о государственной власти и государственных служащих (чиновниках) с позиции их самих, практически не изучены. К данной проблеме обращается И. В. Коноваленко, выявляя в ходе ассоциативного эксперимента структуры языковых образов чиновника (по категориям «служащий / чиновник / депутат») в современном обыденном и профессиональном языковом сознании [Коноваленко 2001].

Исследований автостереотипного языкового образа русского государственного служащего в диахроническом аспекте, по нашим сведениям, не проводится. Хотя психолингвистические методики на основе анкетирования не могут быть использованы для реконструкции языкового образа чиновника прошлых эпох, нам доступен исторический языковой материал, в котором зафиксированы важные автостереотипные черты данного образа. В нашей работе за основу берется языковой материал документального характера. Речь идет о нормативно-правовых текстах, регламентирующих должностное поведение государственных служащих. Законодательные тексты являются результатом речевой деятельности представителей высшей власти и репрезентируют юридическое языковое сознание (профессиональное языковое сознание законодателя). Акцент в них делается на правовой оценке должностного поведения чиновников. Важную роль играют способы языкового оформления правовых предписаний, поскольку от выбора речевых средств зависит формируемый в языковом сознании адресатов образ чиновника, влияющий на поведение самих государственных служащих и на отношение к ним непрофессионалов.

Учитывая изложенную выше концепцию конфронтации русского обыденного сознания по отношению к государству и его представителям, интерес представляет верификация такого утверждения: этнические модели поведения не имеют никакого отношения к принятой в государстве идеологии [Касьянова 1994: 46]. Точнее, необходимо проверить, каково соотношение государственного сознания и национального менталитета, чтобы в даль-

нейшем ответить на вопрос, существовало ли противопоставление первого второму. В частности, мы можем верифицировать существование этнокультурной ориентации языкового сознания законодателей как представителей официальной власти. В качестве конкретного объекта анализа выберем языковой образ чиновника, предметом будет предполагаемый этнокультурный компонент данного образа. Гипотеза основана на принадлежности языкового сознания законодателей к русскому лингвокультурному сообществу: в силу того что русский юридический язык, отражающий правовое мышление, входит в систему национального языка, он может в определенной степени усваивать национальный способ языковой концептуализации мира, особенно в периоды становления права.

Анализ функционирующих в законодательных текстах средств номинации подтвердил предположение о значимости этнокультурного компонента языкового образа чиновника. Данный компонент идентифицируется прежде всего на лексическом уровне правовых текстов. При языковом моделировании поведения чиновника в законодательной речи обнаруживается ряд лексем и устойчивых сочетаний, вербализующих этнокультурные концепты. Семантика этих единиц позволяет не только выражать правовую оценку поведения чиновника, но и актуализировать этнокультурный фон. В наибольшей степени актуализация этнокультурного фона в правовой коммуникации проявилась в XVII–XVIII веках. Доминантными концептами, востребованными при осмыслении и речевой экспликации поведения чиновника, стали «послушание», «добро», «грех». В данной статье рассмотрим особенности репрезентации концепта «послушание».

Концепт «послушание» вводится в языковой образ чиновника при речевом моделировании противоправного поведения государственных служащих, не выполняющих нормативно-правовые предписания субъекта высшей власти («Великаго Государя»). Действия чиновников, противоречащие предписанию правителя, получают название *ослушание*. Грамота въ Енисейскъ Стольнику и Воеводѣ Глѣбову «О запрещении посольскимъ и всякихъ чиновъ людямъ носить богатое платье» от 28 октября 1697 года: «<...> а за *ослушание* Нашего Великаго Государя указа, учинить тѣмъ людямъ наказанье, смотря тебѣ и впредь будущимъ Воеводамъ по человѣку и по винѣ <...>» [ПСЗРИ, т. III, № 1598]. В именном указе «О присылкѣ въ Сенатъ изъ разныхъ Приказовъ подъячихъ, назначенныхъ къ дѣламъ въ Юстицъ-Коллегію» от 22 декабря 1718 года: «<...> если же они Судьи неприсылкою или какими задержаніемъ своимъ къ тому выше-помянутому сроку подъячихъ тѣхъ въ Сенатъ не пришлютъ, и такое самое важное и главное Его Великаго Государя дѣло *ослушаніемъ* своимъ остановить, за то они имѣютъ быть жестоко штрафованы» [ПСЗРИ, т. V, № 3262].

В юридической коммуникации лексема *ослушание* входит в ряд профессиональных обозначений понятия «нарушение правовой нормы». Законодательным значением *ослушания* стало «противоправное поведение чиновника как субъекта правоотношений, не выполняющего требования правителя как вышестоящего субъекта правоотношений». Подтверждением устойчивой профессиональной языковой функции данной номинации являются лексические оппозиции «ослушание – наказание («юридическая санкция»)», «ослушание – штраф(-овать) «применять юридическую санкцию»».

Однако очевидно, что вторичность данной номинации обуславливает фиксацию в языковом сознании коммуникантов ее связи с этнокультурным концептом «послушание», относящимся к группе морально-этических констант. Национально-культурный компонент значения при этом не противоречит юридической семантике, а служит для нее базой. В изучаемый исторический период *ослушание* в русском языке, согласно данным лексикографии, означало «неповиновение, непослѣдованіе повелѣніямъ, совѣтамъ чьимъ; *ослушаніе* приказаній, наставленій чьихъ» [Словарь 1794: 568]. Антонимичная лексема *послушание* означала «повиновение, покорство» («Послушаніе дѣтей къ родителямъ. Послушаніе подчиненныхъ къ начальнику. Быть у кого въ послушаніи») [Там же: 570].

Логика словарных дефиниций и отбор иллюстративного языкового материала указывают на характер коммуникативных сфер, в которых традиционно использовалась лексема *послушание* (а также ее антоним *ослушание*). В первую очередь упоминается сфера неофициальных отношений – семейно-бытовых. В ситуации общения родителей и детей послушание ребенка подразумевает его согласие с мнением и желанием родителей, выражаемым в форме совета, наставления или приказа, выполнение рекомендованных ими действий и последующее одобрение. Описанная модель семейно-бытового общения соответствует морально-этической норме, предписывающей уважение к старшим.

Во вторую очередь затрагивается сфера официальных отношений – социально-властных. В ситуации общения начальника и подчиненных послушание подчиненного подразумевает его согласие с мнением и желанием руководителя, выражаемым в форме приказа, выполнение предписанных им действий и последующее одобрение. Выполнение подчиненными (как «детьми») своих обязанностей должно основываться на уважении к начальнику (как «отцу»). Модель семейно-бытовой ситуации кладется в основу модели социально-властной ситуации.

Первичная морально-нравственная семантика лексемы *ослушание* становится фоновой в официально-правовой коммуникации. Если противоправное поведение чиновника понимается как *ослушание*, то, очевидно, их правомерное поведение – *послушание*. В изученных законодательных текстах лексема *послушание* менее востребована, поскольку главной целью законодателя является предотвращение правонарушений чиновников и определение правовых санкций за их совершение. Военно-правовое законодательство отражает актуальность концепта «послушание» при моделировании поведения военнослужащих. В комплексном законодательном доку-

менте «Уставъ Воинскій» 1716 года, части первой «Артикуль воинскій съ краткимъ толкованіемъ» лексема *послушание* используется как номинация правомерного поведения: «А командиру моймъ, поставленнымъ надо мною, во всемъ<...>должное чинить *послушаніе*<...>» [ПСЗРИ, т. V, № 3006]. Таким образом, послушание в языковом сознании законодателя представляет идеал должностного поведения чиновника, антиидеалом считается ослушание.

Полученный нами результат подтверждается информацией из «Словаря русской ментальности», в котором при интерпретации концепта «чиновник» с позиции государственного сознания отмечена связь с этнокультурным концептом «послушание»: «Главное качество чиновника, с точки зрения его начальника, – послушание <...>» [Колесов 2014: 491]. Концепт «послушание» трактуется в словаре как «безусловная покорность чужой воле, добровольное ей повиновение как результат признания силы или правды носителя этой воли» [Там же: 67]. Следовательно, при языковом моделировании поведения чиновника одним из концептуальных признаков является осознанное принятие иерархичности должностных отношений, подразумевающей подчинение воле вышестоящего должностного лица.

Этимологический слой концепта «послушание» указывает на вербально-ментальный тип обозначаемого действия: древнерусское и старославянское *сѣлушати*, праславянское *sluṣati из *sluhēti, связанного со *слух* [Фасмер 1987: 679], древнерусское и старославянское *сѣлушѣ*, родственное авестийскому *ysgabša-* м. «слух, послушание» [Там же: 678]. Лексемы *(но)слушать* и *послушание* в своей внутренней форме отражают ситуацию устного межличностного общения: монологическое высказывание доминирующего субъекта, восприятие этого высказывания как руководства в поведении подчиненным субъектом, что осознается как морально-этическая норма.

Выявленная пропозиция определяет специфику концептуальной модели, используемой для регламентирования поведения чиновника: послушание субъекта подразумевает стратегию безынициативного поведения, предполагающего пассивное действие – подчинение, повиновение. Вышестоящий субъект власти реализует стратегию инициативного поведения, предполагающего активное действие: устанавливает нормы, побуждает к их исполнению, карает за нарушение норм. Таким образом, еще одним концептуальным признаком послушания в русском языковом сознании, в том числе и правовом, является отсутствие ответственности субъекта этой модели поведения за его результат: послушание снимает ответственность с послушника («твой приказ, так и не мой ответ») и русским сознанием воспринимается как блаженство, приносящее драгоценные плоды («послушание паче поста и молитвы»)» [Колесов 2014: 67].

По нашему мнению, выявленные концептуальные признаки модели идеального поведения чиновника соотносятся с такой этнокультурной константой, как ценностно-рациональная детерминация действий, то есть сознательное убеждение в том, что определенная модель поведения ценна с какой-либо точки зрения (например, этической) независимо от его последствий, в противоположность целерациональной деятельности, при которой используются определенные средства для достижения рациональной цели [Касьянова 1994: 101–103].

Итак, в русском официально-правовом дискурсе XVII–XVIII веков чиновнику как адресату правовой нормы предписывается национально-маркированная модель поведения, ориентированная на этностереотип покорности и сопровождаемая фоновой морально-этической оценкой, положительной в случае следования этой модели (*послушание*) и отрицательной в случае отклонения от нее (*ослушание*). Идеальный чиновник концептуализируется как послушный исполнитель. Имплицитно предполагается, что соответствие этому стереотипу обеспечивает и соблюдение правовых норм.

Важно отметить, что в русском тезаурусе существовала лексема *законопослушник* ‘тот, кто повинуется закону’ [Словарь 1992], входящая в лексико-семантическое поле «закон», однако в языковом сознании законодателя связь послушания как правомерного поведения чиновника и закона как выражения правовой нормы эксплицитно не обозначалась. Такая ситуация свидетельствует о вынесении на первый план не самой юридической нормы, а воли устанавливающего ее субъекта. Так, в приведенной выше цитате: «<...> а за *ослушаніе* Нашего Великаго Государя указа, учинить тѣмъ людямъ наказанье <...>», – акцентируется именно ослушание указа государя, а не преступление закона. Значит, для языкового сознания законодателя XVII–XVIII веков дефиницию концепта «чиновник», предлагаемую «Словарем русской ментальности» («человек, служащий государству и в своих действиях ограниченный формальным исполнением обязанностей в соответствии с буквой действующего закона»), можно представить как «человек, служащий государству в лице правителя и других вышестоящих субъектов власти, обязанный выполнять их нормативно-правовые предписания и проявляющий послушание при исполнении должностных обязанностей».

Итогом нашего исследования можно считать подтверждение этнокультурной ориентации языкового сознания законодателей XVII–XVIII веков как представителей официальной власти. Возвращаясь к рассмотренному тезису К. Касьяновой (этнические модели поведения не имеют никакого отношения к принятой в государстве идеологии), следует констатировать его несоответствие практике государственно-правовой коммуникации, по крайней мере в историческом аспекте. Наоборот, обнаруживается актуальность этнокультурных констант в русском государственно-правовом сознании. Значит, явного противопоставления этого сознания обыденному не наблюдалось даже в официальной коммуникации. Полученный вывод нуждается в дальнейшем углубленном исследовании, однако уже на данном этапе побуждает к переосмыслению концепции конфронтации русского народа и государства с учетом новых исторических фактов.

Литература

Касьянова К. О русском национальном характере. – М.: Институт национальной модели экономики, 1994.

- Колесов В. В., Колесова Д. В., Харитонов А. А. Словарь русской ментальности: в 2 т. Т. 2. П–Я. – СПб.: Златоуст, 2014.
- Коноваленко И. В. «Служащий / чиновник / депутат» в наивной картине мира российского гражданина / И. В. Коноваленко // Политическая лингвистика. – Вып. 2 (36). – Екатеринбург, 2001. – С. 121–124.
- Мельникова А. А. Язык и национальный характер. Взаимосвязь структуры языка и ментальности. – СПб.: Речь, 2003.
- ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской Империи, повелением Государя Императора Николая Павловича составленное. Собрание Первое. С 1649 по 12 Декабря 1825 года. – СПб., 1830.
- Словарь Академии Российской. Ч. V. Отъ Р до Т. – СПб.: Императорская Академия Наук, 1794.
- Словарь русского языка XVIII века. Вып. 7 / АН СССР, Ин-т рус. яз.; гл. ред. Ю. С. Сорокин. – СПб.: Наука, С.-Петербург, 1992. URL: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/>
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. III (Муза–Сят) / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. – 2-е изд, стереотип. – М.: Прогресс, 1987.

ПОПОВА Э. Ю.

Екатеринбург

ВАН ЧУНЬ ЛЯН

Чанчунь

КОММУНИКАТИВНЫЕ НЕУДАЧИ УСТНОГО ПЕРЕВОДА В ПРОЦЕССЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ РУССКИХ И КИТАЙЦЕВ

Аннотация. В настоящей статье представлены примеры коммуникативных неудач переводчиков с китайского языка на русский в процессе устного межкультурного общения при переводе оригинальных текстов на русский язык и русской интерпретации текстов.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, устный перевод, межкультурные различия, факторы коммуникативных неудач, коммуникативный дискомфорт.

POPOVA E. Y.

Ekaterinburg

VAN CHUN LAN

Changchun

COMMUNICATIVE INTERPRETATION FAILURES IN THE PROCESS OF INTERCULTURAL COMMUNICATION OF RUSSIANS AND CHINESE

Abstract. The article presents cases of communicative failures made by interpreters from Chinese into Russian in the process of oral intercultural communication while interpreting original texts into Russian and doing interpretation of Russian texts.

Key words: intercultural communication; interpretation; intercultural differences; factors of communicative failures; communicative discomfort.

Наряду с ускоренным процессом глобализации расширяются и деловые контакты между разными странами, а также контакты в международной бизнес-среде. Это уже не простые деловые отношения, а столкновение культур и культурных различий, межкультурная коммуникация.

Устный перевод в межкультурной коммуникации играет важную роль в процессе общения между представителями разных культур. Интерпретация также находится в межкультурной коммуникации, позволяя людям из разных стран беспрепятственно общаться друг с другом. Роль переводчика в процессе межкультурной коммуникации определяется нормами межкультурного коммуникативного процесса. Именно переводчики несут ответственность в построении мостов между различными языками, они должны обладать навыками межкультурного общения, включая лингвистические, коммуникативные и социокультурные. Языковая компетенция заключается в знании систем обоих языков и владении их нормами, в достаточных знаниях о предмете коммуникации и возможностях языковой реализации этих знаний. Коммуникативная компетенция – в знании механизмов и законов коммуникации, во владении нормами коммуникативного поведения. Социокультурная компетенция предполагает знание обычаев и традиций, искусства и истории, экономической географии всего общества, знание о социально-культурных особенностях отдельных групп общества.

На протяжении многих лет исследования китайских ученых были ограничены языковыми навыками интерпретации: учитывались только языковые способности и уровень навыков интерпретации. Исследователи рассматривали толкование с точки зрения одной интерпретации, только несколько научных работ были посвящены процессу перевода в междисциплинарной перспективе изучения с межкультурной точки зрения. Отказ от исследования интерпретации, обусловленной различиями в русской и китайской культуре, привел к прагматическим ошибкам и препятствовал культурному обмену. Поэтому вопрос о существовании различных способов толкования не может не вызвать интереса к решению данной проблемы.

Переводчик обычно испытывает трудности из-за отсутствия межкультурной осведомленности, из-за отсутствия знаний о межкультурных различиях, что может вызвать непонимание, и это воспринимается как коммуникативная неудача. В практике интерпретации недостаточность знания общего и особенного часто упускается из виду. Повышение межкультурной коммуникативной компетенции в работе устных переводчиков, особенно прагматической компетенции и культурной компетентности, должны быть руководящими принципами обучения переводчика.

В настоящей статье представлены некоторые случаи коммуникативных неудач в межкультурном аспекте при переводе оригинальных текстов на русский язык и русской интерпретации текстов китайскими переводчиками.

Коммуникативные неудачи могут происходить по различным причинам, в том числе по причинам, порожаемым прагматическими факторами (незнанием правил коммуникации в различных ситуациях общения, или, иначе говоря, дискурсивные неудачи). Дискурсивные ошибки вызваны не незнанием языка, а неверным использованием языковых средств в конкретных ситуациях, нарушением культурных норм и ценностей: этикетные ошибки, стереотипные ошибки (невладение социокультурными и ментальными стереотипами). Юй Цзямин перечисляет прагматические факторы, которые могут привести к коммуникативным неудачам в общении русских и китайцев: безэквивалентные слова, фоновые знания, точность речевых выражений, коммуникативные нормы и принципы [4].

Приведем несколько примеров коммуникативных неудач в речи переводчиков-китайцев. Например, ошибки в использовании этикетных формул.

«Выделение национальной специфики речевого этикета обнаруживает как лингвистический план (наличие собственных фразеологизмов, фразеологически связанных значений, пословиц, поговорок, нередко безэквивалентных), так и план повседневного узуального речевого поведения. Оба эти аспекта требуют пристального внимания, речевой этикет в целом представляет собой функционально-семантическую универсалию, и здесь возможна и лингвистическая, и «поведенческая» интерференция. Однако план выражения этикета в каждом языке национально специфичен» [3].

Наиболее типичным примером ошибки переводчика является использование русской формулы «Привет» при первой официальной встрече высокопоставленного китайского чиновника с лидером ведущей российской компании, китайский лидер сказал: «Здравствуйте» (дословно «Вы хорошо», нейтральное приветствие в китайском языке), в то время как переводчик перевел: «Привет», чем удивил российскую сторону, поскольку переводчик не учел контекст общения, степень связи между двумя сторонами, социальный статус. Русский вариант приветствия должен быть «Здравствуйте!» с учетом ограничения использования формулы «привет». В Китае в формуле «привет» нет верхних и нижних точек ограничения использования данной этикетной формулы.

Коммуникативной неудачей может оказаться бессознательное использование традиционных китайских приветствий: «Ты куда идешь? Ты куда пошел? Ты поел? Чем вы заняты?», которые могут показаться невежливыми и соответственно неприемлемыми для русских коммуникантов. Например, переводчик дословно переводит «Куда вы идете?» «Чем вы заняты?» Русские, услышав эти слова, испытывают некоторый дискомфорт. На самом деле, это не значит, что представитель китайской культуры хочет что-то узнать о частной жизни других или мешать свободе других людей. Следует отметить, что русский народ, приветствуя друг друга часто говорит: «Как здоровье? Как Дела?» У китайцев же считается невежливым спрашивать при встрече с малознакомым человеком о его здоровье, поскольку собеседник может подумать, что он неважно выглядит. А для русских это совершенно не означает, что вас просят дать подробный отчет о работе, физическом состоянии.

Если мы будем игнорировать культурные факторы, это также приведет к коммуникативной неудаче. Наиболее наглядно подобный тип дискурсивных ошибок прослеживается при использовании метафор и других видов вторичной номинации, привычных для китайского лингвокультурного сообщества и отсутствующих в речи представителей русского лингвокультурного сообщества. Например, различия в употреблении зооморфных характеристик человека, связанных со стереотипным представлением о качествах того или иного животного. В русской и китайской культуре одни и те же животные часто имеют разное символическое значение, например, такие животные, как дракон в китайской легенде, не встречаются в природе. Восточный дракон - древнейший символ китайской культуры и покровитель династий. Иероглиф лун (дракон) в символике связан с мужским началом янь, а также - с самой китайской нацией (Поднебесной), таким образом, отчасти являясь олицетворением национального самосознания этого древнего народа. Китайский дракон означает все положительное, доброе и несет позитивное начало.

В династии Шан дракон был первоначально представителем власти и удачи, а позже стал символом императорской власти. Древние императоры называются "реальными драконами". В частных беседах китайцы называют своих детей драконами, что означает родительскую надежду на то, что их дети, как взрослые смогут изменить ситуацию, решить проблему. Дракон является своего рода мифическим животным в русской культуре, этот змей является символом «зла». Переводчик должен транслировать для русских не буквальный перевод, а передать значения «живой, энергичный», «обладатель высокого морального духа». Если китайцы, желая похвалить русского ребенка, скажут, что «этот мальчик любезный, похож на живого дракона и тигра!», это показывает, как китайский народ высоко оценил российских детей, и скорее всего правильный перевод должен быть следующим: «Этот мальчик вежливый, сильный и энергичный!».

Ошибки в речи переводчиков с китайского на русский язык могут происходить и по причине отсутствия умений критического осмысления фактов и явлений инокультуры, несформированности умений подачи фактов и явлений чужой культуры. Китайский преподаватель страноведения, неплохо знающий историю России, обращается к своим русским коллегам с просьбой «уточнить некоторые события ВОв (!)». Недоумение китайского преподавателя вызывает реакция русских коммуникантов на аббревиатуру Вов, он не знает, что в устной речи для русского невозможно так назвать Великую Отечественную войну (в официальной речи) и что для неофициаль-

ной речи существует выражение «война». Употребление аббревиатуры ВОв вызывает у русского человека состояние эмоционального дискомфорта.

Китайский переводчик нередко сталкивается с проблемой непонимания русскими различных слов, обозначающих уникальные явления национальной культуры. Буквальный перевод этих слов не достигает целей коммуникации. Уникальные феномены национальной культуры: названия мест, исторических событий, учреждений, словечек и аллюзий – требует дополнительного разъяснительного перевода. Например, ряд политических терминов, обозначающих неизвестные русским политические явления: «три антикампании» (движение против трёх зол), «пять антикампаний» (движение против пяти зол), «тройное представительство» (трёх представителей) – должны представляться с дополнительным пояснительным переводом. «Три антикампании» (коррупция, отходы, антибюрократия) следует переводить как «движение против трёх зол – коррупции, расточительства и бюрократизма»; «пять антикампаний» – «движение против подкупа должностных лиц, против уклонения от уплаты налогов, против кражи государственного имущества, против недобросовестного выполнения государственных заказов, против хищения государственной экономической информации»; «тройное представительство» означает «движение представляющих требования развития передовых производительных сил общества Китая, прогрессивное направление китайской передовой культуры, коренные интересы подавляющего большинства китайского народа».

Коммуникативные неудачи нередко возникают в межкультурной коммуникации, поэтому к современному переводчику предъявляются высокие требования. Он должен владеть не только хорошим знанием языка, но и нормами международного общения, нормами, присущими культуре носителей данного языка, нормами, присущими культурам партнеров по общению.

Литература

Прохоров Ю.Е. Русские: коммуникативное поведение / Ю.Е. Прохоров, И. А. Стернин. – 3-е изд., испр. – М.: Флинта: Наука, 2007. – С.37

Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С.Г. Тер-Минасова. – М.: Слово, 2008. – 352 с.

З. Хаматова, А.А., Курилова, К.А. О национально-культурной специфике речевого и неречевого поведения китайцев. Научная библиотека КиберЛенинка: <http://cyberleninka.ru/article/n/o-natsionalno-kulturnoy-spetsifike-rechevogo-i-nerechevogo-povedeniya-kitaytsev#ixzz38w6gO96m>.

Юй Цзяминь Факторы коммуникативных неудач китайских студентов при их обучении русскому языку www.emissia.org/offline/2011/1609.htm.

ПОСТНИКОВА А. А.

Екатеринбург

НАПОЛЕОНОВСКАЯ ЭПОХА В ИСТОРИЧЕСКОМ ПОЛИТДИСКУРСЕ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦИИ

Данная статья выполнена в рамках государственного задания № 2014 / 392 (проект № 1900 «Политическая лингвистика: метафоричность, прецедентность и креолистичность»).

Аннотация. Автор предприняла попытку на основе материалов СМИ представить трансформацию образа Наполеоновской эпохи в политдискурсе современной Франции. Стремление французских властей с помощью обращения к категориям прошлого обосновать авторитарные методы руководства вызывает, как правило, резкое противодействие со стороны общественности. Автор доказывает тезис о том, что использование в интересах властных структур памяти об исторической личности или историческом событии может привести к совершенно непредсказуемым для самой власти результатам.

Ключевые слова: политический дискурс, образ Наполеона, общественное сознание, политическое поле, СМИ.

POSTNIKOVA A. A.

Ekatereburg

NAPOLEONIC ERA IN A HISTORIC POLITICAL DISCOURSE OF MODERN FRANCE

Abstract. The author made an attempt on the basis of materials mass media to present transformation of an image of the Napoleonic era in a political discourse of modern France. Aspiration of the French authorities by means of the appeal to categories of the past to prove authoritative methods of the management causes, as a rule, sharp counteraction from the public. The author proves the thesis that use in interests of power structures of memory of the historic figure or a historical event can bring to absolutely unpredictable for to power to results.

Key words: political discourse, image of Napoleon, public consciousness, political field, mass media.

Появление постмодернизма стало во многом следствием изменений, проявившихся во взаимоотношениях науки с иными, не связанными напрямую с наукой, формами общественного сознания, что, в свою очередь, породило множество современных направлений в гуманитарном знании, и среди них – исторический политдискурс. Важнейшими элементами последнего являются «дискурс прошлого», «историческая политика» и «политика памяти». Главной проблемой, оказавшейся в центре внимания всех этих новых направлений в изучении прошлого и настоящего является вопрос о том, как воздействуют властные структуры и как воздействует общество, нередко им противостоящее, на трансформацию образов прошлого.

Одним из важнейших средств репрезентации власти является использование исторических символов в качестве неотъемлемой части политического дискурса. Подобный семантический метод способствует конструирова-

нию определенных исторических представлений в сознании общества, ориентированных, как правило, на формирование чувства патриотизма. Однако, обращаясь к символам прошлого ради консолидации общества, власть сама создает для себя своеобразную «ловушку аналогий». Как только политический лидер или политическая структура допускают в своей деятельности ошибку, аналогия с прошлым доносит этот промах в гиперболизированном варианте до общественного сознания, что сразу же создает своеобразный «контрдискурс». Так, в связи с последними событиями на Украине во французском обществе появилось мнение о том, что позиция европейских стран по отношению к России приведет Европейский союз к «Березине» [Ukraine – la Berezina de L'UE...]. Таким своеобразным способом СМИ пытаются предостеречь руководство своей страны от принятия политических решений, которые привели в свое время Империю Наполеона I к катастрофе.

Образ великого французского императора занимает важное место в политическом пространстве современной Франции, являясь своеобразным индикатором «величия» того или иного правителя. Процесс конструирования политического дискурса с опорой на символику Наполеоновской эпохи, начиная с периода Июльской монархии и по сегодняшний день, стал для французских руководителей своеобразным средством формирования в общественном сознании образа собственной власти. В кризисные моменты французской истории образ Наполеона становился для нации способом общественной консолидации и даже возрождения государственных институтов. Именно такой кризис имел место после Второй мировой войны, когда Франции предстояло сделать свой политический выбор. После ряда отчаянных действий французы вновь обрели «своего императора» в лице президента Ш. де Голля, установившего режим V республики и заложившего традиции «политического поля» современной Франции.

Де Голль в своей деятельности как президент сосредоточил усилия на национальной консолидации французов на основе исторических символов. Принимая важные решения, он часто ссылаясь на действия своего предшественника – Наполеона I. Вызывая в сознании общества своеобразные исторические аналогии, он тем самым пытался завоевать его доверие. Само же общество на тот момент, по-видимому, разделяло его взгляды и верило в силу «возрожденного императора».

Стараясь вернуть французам чувство гордости за свою страну, де Голль горел идеей возрождения Франции как ключевого игрока на политической арене. В своем стремлении восстановить ведущую роль Франции в европейских делах, на этот раз через процесс европейской интеграции, он неоднократно заявлял так: «Наполеон искал национальной независимости с помощью войны, а мы могли бы достичь этой цели с помощью мира» [Lagaran 2004: 423]. Свои взгляды на объединение Европы президент выразил в своей знаменитой речи о «Европе от Атлантики до Урала» [De Gaulle / UE...]. В грядущем политическом союзе стран Европы он видел своеобразную альтернативу НАТО. В этом процессе развития европейской интеграции французский президент делал ставку, прежде всего, на развитие и углубление отношений с ФРГ и СССР.

Де Голлю удалось добиться серьезного сближения с Западной Германией и, до определенной степени, – с СССР. Как следствие, и французская общественность стала проявлять повышенную заинтересованность к истории взаимоотношений Франции с народами этих стран. В частности, в эти годы выходит серьезная монография Ш. Корбе, посвященная представлениям французов о России [Corbet 1967]. Эта книга стала важной вехой на непростом пути поиска взаимопонимания между двумя народами. В этой связи французы стали проявлять заметный интерес и к войне 1812 г. Сам де Голль, обращаясь к теме Наполеоновских войн, признал следующее: «Наполеон напал на Александра, и это стало самой грубой ошибкой, какую он когда-либо совершал: ничего не принуждало его к этим действиям. Эта война становится началом нашего упадка» [Lagaran 2004: 420].

Образы русской кампании 1812 г., возвратившись в круг событий общенационального звучания, постепенно начинали внедряться в коммуникативную память французов как обозначение жизненного кризиса. В 1962 г. французы услышали песню П. Перрета «Березина», в которой в образе реки оказались воплощенными самые различные жизненные проблемы. Использование де Голлем образов Наполеоновской эпохи привело к многочисленным попыткам проводить аналогии между голлизмом как политическим течением и бонапартизмом; подобные сравнения стали традиционными для французской политической мысли [Bonapartisme, gaullisme].

Немало было и примеров появления неких аллюзий на предмет политической карьеры де Голля и Наполеона. В журналах появлялись многочисленные статьи, посвященные сопоставлению обстоятельств прихода де Голля к власти в 1958 г. и 18 брюмера Наполеона Бонапарта, а также переворота, совершенного в 1851-1852 гг. Луи-Наполеоном Бонапартом [La Pensée 1960: 135]. В 1959 г. вышла книга Д. Оливье, в которой автор назвала 18 брюмера началом создания великой Франции, прямо проводя параллели с тогдашней современностью [Ollivier 1959]. Эту тему развил историк Ж. Лука-Дюбретон, обратившийся к теме формирования культа Наполеона во Франции в 1815-1848 гг. Автор высказал мысль, впрочем, отнюдь не новую, что политическая эволюция, происходившая в эти годы во Франции, способствовала формированию наполеоновской легенды [Lucas-Dubreton 1960]. По его мнению, образ Наполеона помог королю Луи-Филиппу стабилизировать на некоторое время политическую ситуацию. Однако через несколько лет, также используя память об императоре, уже Луи-Наполеон Бонапарт совершил переворот и восстановил во Франции Империю. Подобные исследовательские аналогии оправдывали стремление де Голля к проведению авторитарного политического курса. Однако президент, как в свое время и император Наполеон III, попал в «ловушку памяти», которая привела его, в конечном итоге, к необходимости подать в отставку. Несмотря на подобный исход президентства де Голля, обращение к наполеоновской легенде и далее будет одной из неизменных составляющих «политического поля» V республики.

Президент Франции Ж. Помпиду, провозгласивший себя преемником политического курса де Голля, продолжил традицию эксплуатации памяти о Наполеоне. Начало президентского срока Помпиду в 1969 г. пришлось на юбилей рождения великого императора. По инициативе французского президента были проведены масштабные празднества в Аяччо, родном городе Наполеона. В публичных речах, которые Помпиду произносил на юбилейных мероприятиях, он неоднократно отмечал в качестве основного достижения политики Наполеона консолидацию нации на основе идеи величия Франции [Cérémonies Napoléon à Ajaccio]. Следует отметить, что Помпиду, в отличие от де Голля, обращался лишь к образам внешней политики императора, считая своей основной политической задачей продолжение процесса европейской интеграции. В своих статьях 19-й французский президент героизировал Наполеоновские войны, которые, по его мнению, были призваны установить мир и обеспечить процветание европейских народов. Помпиду отмечал, что, несмотря на трагическое отступление Великой армии из России, Наполеон остается для Франции символом величия, человеком, заложившим основные принципы международной политики [Quand Georges Pompidou].

Следующий за Помпиду, 20-й президент Франции В. Жиска д'Эстен, чье президентство пришлось на период серьезного экономического кризиса, оказался, в отличие от своих предшественников, более скуп на генерацию исторических аллюзий.

На рубеже 70-80-х гг. XX в. в Европе произошли большие изменения, повлиявшие на интеллектуальную жизнь Франции и предопределившие новый этап трансформации в общественном сознании образа Наполеона. В исторической науке начался процесс «деконструкции» мифов, проявилось стремление к «преодолению прошлого». Зарождение нового представления об исторических событиях как продукте памяти, созданном под воздействием государства и отдельных социальных групп, способствовало перемещению центра формирования образов прошлого из правительственных структур в общественные. Исчезновение великого императора как идеала власти из «политического поля» пришлось на период президентства социалиста Ф. Миттерана.

Несмотря на то что руководство страны во главе с Миттераном дистанцировалось от исторических аналогий, характерных для предшествующего времени, общество в целом не утратило надежд на «воскрешение Наполеона». Французы в образе Миттерана пытались уловить черты, которые свидетельствовали бы о «реинкарнации» великого императора. В этих поисках сходства общественность установила, что в окружении и того и другого был деятель по фамилии Савари¹⁸, жену и президента, и императора звали Мария-Луиза, и что обоих политиков манил образ Египта¹⁹ [La synchronicité n°2]. Актуализации образов Первой Империи в общественном сознании способствовало и создание Евросоюза как варианта реализации идеи Наполеона об Единой Европе. Сам французский президент, не ссылаясь на деятельность императора, возлагал большие надежды на Единую Европу, заявляя, что «Франция – наша страна, а Европа – это наше будущее» [De Mitterrand à Chirac].

Деятельность Миттерана убедила французов в том, что он был призван продолжить политику Наполеона. Подобное представление попытался выразить французский актер П. Себастьян в ставшей чрезвычайно популярной музыкальной сценке «От Наполеона к Миттерану». В начале представления перед зрителем появлялся Наполеон, очутившийся на о. Св. Елены. Он начинал делиться со зрителями своими мечтами перестроить, начав с Лувра, весь Париж, но потом, осознавая, что его век подходит к закату, сожалел, что этого ему сделать уже не удастся. Неожиданно происходило перевоплощение Наполеона в Миттерана, который и завершал то, о чем мечтал когда-то французский император, – перестраивал Лувр, воздвигая перед ним несущую египетскую пирамиду [De Napoléon à Mitterrand]. Эта сценка хорошо показывала, как неконтролируемое властями развитие «общественного мифа» о «президенте-императоре» приводило к появлению первых признаков «контрдискурса», выразившего через универсальный язык критики правящих структур.

Проявлением этого «общественного контрдискурса» стали сообщения СМИ, предрекавшие скорую «Березину» для социалистов на очередных президентских выборах [Le couple infernal]. Действительно, в 1995 г. произошел провал социалистов, и следующим главой Франции стал Ж. Ширак, при котором страна попыталась возвратиться к политике голлизма. Общественность, чувствуя возрождение традиций де Голля, объявила победу Ширака «Маренго» и «Аустерлицем» [Jacques Chirac: l'enthousiasme au service...]. Во многих газетах появились изображения Ширака в образе французского императора [Chirac candidat ???].

В этот период символы эпохи Наполеона приобретают новое звучание не только в «общественном мифе», но и в «политическом дискурсе». Ширак, ориентируясь во внутренней политике на принципы демократизма, обратился к периоду Ста дней Наполеона как примеру либерализма в условиях сохранения прочной «вертикали власти». Научное обоснование этой идеи попытался сделать министр иностранных дел Д. де Вильпен, опубликовав исследование, посвященное Ста дням Наполеона [Villerpin 2001]. Автор приходил к мысли о том, что в первый период правления император находился в состоянии опьянения властью, и стремление к авторитаризму привело его к краху. Критикуя подобные политические устремления Наполеона, де Вильпен выражал полное одобрение и солидарность с теми демократическими начинаниями, которые проявились в период Ста дней.

¹⁸ А. Савари был министром национального образования Франции в период президентства Миттерана; Ж.Р. Савари – министр полиции во время правления Наполеона.

¹⁹ С точки зрения французских СМИ, Наполеона и Миттерана манил Египет, т.к. император предпринял египетский поход, а президент установил перед Лувром известную пирамиду, которая стала главным входом в музей.

Де Вильпен неоднократно заявлял, что для торжества принципов демократизма в те 100 дней правления французского императора крайне необходим был прочный союз власти и общества. Эту проблему де Вильпен поднял и в следующей своей книге «Крик Горгульи» [Villerpin 2002]. Благодаря этой книге де Вильпен стал воплощением соединения в одном лице образа интеллектуала и образа политика. Автор не удержался от критики по поводу укрепления «вертикали власти», что наблюдалось в период правления предыдущих президентов Франции. В качестве основного способа предотвращения авторитаризма он предложил активное участие интеллектуалов в политике.

На период президентства Ширака в 2005 г. пришелся юбилей сражения под Аустерлицем. В своих публичных речах президент неоднократно вспоминал об этом событии, заявляя, что эта победа стала началом истории современной Франции. Возвращение образов Наполеоновской эпохи в «политическое поле» вызвало протест части французского общества. Так, национальных меньшинств возмутил тот факт, что правительство Ширака заявляя о проведении политики демократизации и мультикультурализма, в то же время использует культ того правителя, который обращал в рабство целые народы [La victoire de Napoléon...]. Пик этой дискуссии как раз и пришелся на празднование юбилея битвы под Аустерлицем. Поэтому правительство решило, приняв настроения национальных меньшинств во внимание, дистанцироваться от проведения юбилейных мероприятий.

Стремление президента лавировать между национальными меньшинствами и коренными французами в ущерб единой истории вызвало протест интеллектуальной части общества. На волне недовольства государственной политикой в 2005 г. была создана организация «За свободу истории», от лица которой П. Нора осудил игнорирование правительством такого значимого события в истории Франции, как победы под Аустерлицем [L'institution du français...]. Деятельность интеллектуалов, направленная на критику власти, повлияла на возрождение «общественного контрдискурса», который выразился в пророчестве «Березины», теперь уже для Ширака [Chirac dans la Bérézina].

Столкнувшись с подобным явлением, президент перестал апеллировать к аллюзиям с Наполеоновской эпохой как варианту национальной консолидации; это, в свою очередь, привело к вытеснению образа императора из «политического поля» в сферу дискуссий по проблемам международных отношений. Стремясь поддерживать идею ведущей роли Франции в Евросоюзе, Ширак неоднократно подчеркивал, что именно Наполеон изначально смог реализовать идею европейского единства. Для проведения торжеств по случаю юбилея подписания франко-немецкого договора 1963 г. было выбрано весьма символическое место – зал Военной славы в Версале, украшенный картинами, изображающими походы и сражения Наполеона. Ориентируясь на принципы голлизма во внешней политике, Ширак стремился к установлению прочных связей с Германией и Россией. В то же время его позиция по отношению к США отличалась некоторой сдержанностью. Не случайно, когда британское правительство поддержало американского президента в проведении военных действий в Ираке, французское руководство открыто продемонстрировало по отношению к этому негативное отношение. Однако Ширак прекрасно осознавал, что для укрепления Европейского Союза все же необходимо было сохранить дружеские отношения с Великобританией. Символом этого стало посещение в 2005 г. Шираком Соединенного королевства, в ходе которого состоялись знаменательные встречи с британской королевой Елизаветой II и премьер-министром Т. Блером. Британское правительство, демонстрируя дружеские чувства по отношению к французам, к приезду президента даже переименовало зал Ватерлоо в Виндзорском замке в Музыкальную палату, дабы не напоминать о былом соперничестве и вражде двух народов [Blair, Chirac...].

Возрождение культа великого императора во внешнеполитическом и внутривнутриполитическом поле Франции наиболее рельефно стало заметным в правление следующего президента – Н. Саркози, который активно обращался к памяти о Наполеоне ради создания собственного имиджа и ради оправдания своих действий в европейской политике [Sarkostique]. Уже в ходе процедуры инаугурации Саркози, появившись перед парижанами под звуки марша «Маренго», дал понять, что претендует если и не на роль Наполеона, то, по крайней мере, на роль его последователя. Стремясь к консолидации различных политических сил Франции, президент в своих публичных речах стал многократно ссылаться на слова, якобы произнесенные Наполеоном: «Я приемлю в истории Франции все, начиная с Хлодвиги и кончая Комитетом общественного спасения». Однако результат «исторических демаршей» Саркози оказался довольно неожиданным. Французская общественность, возрождая аналогии с правлением Наполеона, попыталась внушить Саркози мысль о том, что ему не достичь политического уровня французского императора. Характерной чертой «общественного дискурса» этого периода стала практика сопоставления отрицательных черт политики императора и президента Саркози (высокомерие по отношению к парижской элите, стремление контролировать СМИ и т.д.). Этот период явился заметным рубежом в формировании «общественного мифа» о Наполеоне, который (миф) теперь был сориентирован не на восхваление правителя, а на его критику. Можем предположить, что этот процесс был связан, прежде всего, с активизацией деятельности интеллектуалов, которые стали рассматривать любое государственное вмешательство в историю как попытку уничтожить единую память нации.

Первой откликнулась на «имперские» устремления президента интеллектуальная среда, пытаясь донести до общества чувства опасения по поводу возрождения авторитаризма. Журналист Алан Дюронель, посвятивший монографию «Консульский марш» сравнению политики Наполеона и Саркози, пришел к выводу, что саркозизм можно назвать современным вариантом бонапартизма, который уже исчерпал свои политические возможности. В 2008 г. группа французских историков и политологов опубликовала книгу «История Франции глазами Никола Саркози» [Comment Nicolas], получившую широкий резонанс в среде французской общественности. Авторы

проанализировали все речи, которые произнес Николя Саркози в ходе своей избирательной кампании, длившейся с 3 сентября 2006 г. по 6 мая 2007 г. и закончившейся, как известно, избранием его на пост президента Французской республики. В речах будущего президента авторы книги выявили наиболее часто упоминаемые исторические фигуры и события и составили на этой основе своеобразный «критический словарь». Разумеется, среди статей словаря присутствовала и статья «Наполеон». Составители «критического словаря» заподозрили Саркози не только в склонности к бонапартизму, но и к монархизму. Во всяком случае, именно так они интерпретировали его постоянные ссылки на королей Франции как создателей французской нации. В целом, интеллектуалы, заявившие об явных «монархических» устремлениях Саркози укрепить «вертикаль власти», создали условия для активизации «общественного контрдискурса», выразившегося в том числе в появлении изображений французского президента в регалиях Наполеона и со звучным именем «Николя Бонапарт» [Sarkozy et Napoléon].

Следует отметить, что использование образа Наполеона во внешнеполитических устремлениях Саркози, в отличие от внутривнутриполитического поля, вызвало одобрение в интеллектуальной среде [La City se déchaîne]. Поддерживая президента в политике укрепления Евросоюза, писатели и историки обратились к Первой империи как к своего рода прообразу подобной организации, отмечая при этом, что если бы Наполеон «не увяз» в снегах России, то Франция до сих пор управляла бы миром. Извечные «опрокинутые в прошлое» мечты французского президента о том, чтобы Наполеон победил в 1812 г., выразил экс-президент Франции В. Жискара д'Эстен в книге «Победа Великой армии». Ключевая мысль автора заключалась в том, что если бы Наполеон не задержался в Москве на столь длительный срок, то он смог бы одержать победу над Россией и создал бы более крепкий, чем существует сегодня, Европейский Союз [В. Жискара д'Эстен].

Европейская идея как главный двигатель политики Наполеона оказалась представлена в известном романе Макса Гало. Он вслед за многими историками высказал убеждение, что в 1812 г. Наполеона победила только «русская зима». По роману Гало режиссер Ив Симано снял фильм «Наполеон», мгновенно ставший широко известным и популярным как во Франции, так и по всему миру. Образ Наполеона, представленный в фильме, внушает страх, уважение и сострадание одновременно. В соответствии с сюжетом картины, Наполеон, развязывая очередную войну, лишь преследовал цель укрепить положение Франции в мире и объединить вокруг нее всю Европу. В этом плане весьма характерны слова, которые в фильме накануне похода на Россию произносит близкий к императору человек обер-штабсмейстер А. Коленкур: «Вся Европа стала французской!» Эту европейскую идиллию нарушила русская кампания 1812 г., приведшая к гибели Великой армии. Подобными напоминаниями французские интеллектуалы и деятели культуры как бы предупреждали президента: для благополучия европейского пространства необходимы дружеские отношения с Россией. Однако внешнеполитические шаги президента Саркози свидетельствовали о его проектах иного рода.

Ориентируясь на франко-немецкие интересы, Саркози был вынужден укреплять военные и политические, а не редко и экономические, связи с США, ослабляя при этом отношения с Россией. Подобная ситуация заставила французскую общественность и на этот раз обратиться к образам русской кампании Наполеона. Так, сделанное в 2011 г. Саркози заявление о начале вывода французских войск из Афганистана, вызвало появление целой серии карикатур. На одной из них был представлен сюжет, напоминавший отступление Наполеона из России с кратким пояснением: «История продолжается». Каждый неудачный шаг Саркози в политике сопровождался в периодической печати словом «Березина». К примеру, когда в 2007 г. Саркози принял активное участие в создании конституции Евросоюза, в газетах замелькали ехидные замечания: французский правитель вновь обещает спасти европейцев на Березине. Разгоревшийся в 2012 г. кризис Евросоюза также напомнил европейскому сообществу русскую кампанию 1812 г. [Ueli Maurer compare...].

В период жарких выборов, проходивших во Франции в мае 2012 г., одна французская газета заметила, что кому-то из кандидатов придется пережить «Березину» [Bloc-notes: questions]. Победу одержал социалист Ф. Олланд. Но и на этот раз не прошло без аналогий с эпохой Наполеона. Для многих французов Олланд с первых же дней своего правления стал напоминать пассивного Людовика XVIII, и это привело к появлению в «общественном дискурсе» сравнения выборов 2012 г. с «Ватерлоо» для всей Франции [Le livre que Coré].

В отличие от своих предшественников, Олланд не использует образы прошлого для оправдания своих политических действий. Однако общество, комментируя действия президента, продолжает, как и раньше, возрождать стереотипизированные исторические символы. Так, на протяжении всего правления Олланда ему систематически предвещают скорую «Березину» [Pourquoi et comment...]. Иногда кажется, что сегодня образ Наполеона все-таки исчез из «политического дискурса». Известный политический деятель Лионель Жоспен некоторое время назад даже предрек «забвение» памяти об императоре в сознании французов [Lionel Jospin...]. Но верно ли это?

В 2017 г., по сообщениям СМИ Франции, за президентское кресло будут бороться два «Наполеона»: Доминик де Вильпен и Николя Саркози. Возможно, это будет уже эпоха «Ста дней», а образ Наполеона приобретет новое звучание в политическом и общественном дискурсе.

Итак, образ Наполеона занимает знаковое место в политическом дискурсе Франции, являя собой некий символический поиск образца совершенной властной модели. Однако трансформация облика французского императора на разных этапах развития режима V республики демонстрирует, что использование в интересах власти образа исторического лица или исторического события может привести к совершенно непредсказуемым результатам. Так, исторические мифы о Наполеоне в политическом поле современной Франции способствуют пробуждению в обществе чувства патриотизма лишь применительно к сфере международных отношений.

Когда же власть с помощью категорий прошлого пытается обосновать авторитарные методы управления, это оборачивается появлением общественного контрдискурса. В любом случае, и власть, и общество во Франции для определения путей своего дальнейшего развития пользуются схожими иносказательными символами – образами Наполеоновской эпохи.

Источники и литература

- В. Жиска́р Д'Эсте́н // URL: <http://www.inopressa.ru/article/20Jun2013/abc/giscard.html> (9.04.2014).
- Bonapartisme, gaullisme, catholicisme social // URL: http://musee.sitemestre.fr/6001/html/histoire/histoire_gaullisme_catholicisme_social.html (02.06.14).
- Blair, Chirac: We want stable Iraq // URL: <http://edition.cnn.com/2004/WORLD/europe/11/18/uk.chirac/> (10.02.2014).
- Bloc-notes: questions sur le scénario arrêté d'un imprévisible scrutiny // URL: [http://blog.lefigaro.fr/rioufol/2012/04/bloc-notes-questions-\(15.03.2012\)](http://blog.lefigaro.fr/rioufol/2012/04/bloc-notes-questions-(15.03.2012)).
- Cérémonies Napoléon à Ajaccio // URL: <http://www.ina.fr/video/CAF94060529> (02.06.2014).
- Chirac candidat ??? // URL: <http://kandidatur.over-blog.com/categorie-656788.html> (08.06.2014).
- Chirac dans la Bérézina // URL: <http://edition.cnn.com/2004/WORLD/europe/11/18/uk.chirac/> (09.06.2014).
- Chirac+Marengo // URL: https://www.google.ru/search?ie=UTF8&hl=ru&q=Chirac%20Napoleon&gws_rd=ssl#hl=ru&newwindow=1&q=Chirac+Marengo&start=30 (10.06.2014).
- Comment Nicolas Sarkozy écrit l'histoire de France. Dictionnaire critique / Под ред. Cock L., Madeline F., Offenstadt N. et Wahnich S. Marseille, 2008.
- Corbet Ch. L'opinion française face à l'inconnue russe. P., 1967.
- De Gaulle / UE : Contre l'Europe supra-nationale & fédérale // URL: <http://www.youtube.com/watch?v=jO4Dmj4lGqU> (03.06.2014).
- De Mitterrand à Chirac // URL: http://www.persee.fr/web/revues/home/prescript/article/polit_0032-342x_1995_num_60_4_4463
- De Napoléon à Mitterrand vu part Patrick Sebastien // URL: http://www.dailymotion.com/video/xdo579_de-napoleon-a-mitterrand-vu-part-pa_fun (02.06.2014).
- Jacques Chirac: l'enthousiasme au service de la sincérité // URL: http://www.lesechos.fr/09/05/1995/LesEchos/16894-013-ECH_jacques-chirac--l-enthousiasme-au-service-de-la-sincerite.htm#IIro5KEFXOIxSjyy.99 (06.06.2014).
- Larcen A. Napoléon jugé par le général de Gaulle // Napoléon et l'Europe. P., 2004.
- La Pensée. 1960. №12.
- Lucas-Dubreton J. Le culte de Napoléon 1815-1848. P., 1960.
- La synchronicité n°2 - Napoléon et François Mitterrand // URL: <http://www.youtube.com/watch?v=i7pFWyqIGDM> (02.06.2014).
- Le couple infernal // URL: <http://www.samuelhuet.com/kairos/37-phileo/1049-mitt-kahn.html> (02.06.2014).
- La victoire de Napoléon célébrée dans la discrétion // URL: <http://lci.tf1.fr/france/2005-12/victoire-napoleon-celebree-dans-discrction-4861090.html> (08.06.2014).
- L'institution du français. Essai sur le co-linguisme des Carolingiens à la République // URL: http://www.persee.fr/web/revues/home/prescript/article/rfsp_0035_2950_1987_num_37_4_411650_T1_0559_0000_000 (09.06.2014).
- La City se déchaîne contre Nicolas Sarkozy // URL: <http://www.lefigaro.fr/conjoncture/2009/12/03/04016-20091203ARTFIG00003-la-city-se-dechaine-contre-nicolas-sarkozy-.php> (09.06.2014).
- Le livre que Copé // URL: http://www.marianne.net/Le-livre-que-Cope-et-Sarkozy-lisent-en-se-rasant_a226528.html (09.06.2014).
- Lionel Jospin: «Napoléon, quel désastre !» // URL: <http://bibliobs.nouvelobs.com/essais/20140314.OBS9906/lionel-jospin-napoleon-quel-desastre.html> (08.06.2014).
- Ollivier A. Le dix-huit brumaire. P., 1959.
- Pourquoi et comment il faut dégager Hollande (par le haut) ? // URL: http://www.marianne.net/Pourquoi-et-comment-il-faut-degager-Hollande-par-le-haut_a233468.html (06.06.2014).
- Quand Georges Pompidou rendait hommage à Napoléon // URL: <http://napoleon1er.perso.neuf.fr/Discours-Georges-Pompidou.html> (03.06.2014).
- Sarkostique // URL: <http://sarkostique.over-blog.com/article-19804676.html>;
- <http://voyageurdesprairies.free.fr/blog/index.php?Politique> (25.02.2014).
- Sarkozy et Napoléon le petit // URL: <http://www.turquieeuropeenne.eu/sarkozy-et-napoleon-le-petit.html> (07.06.2014).
- Villepin D.M. Les Cent-Jours ou l'esprit de sacrifice. P., 2001.
- Villepin D.M. Le cri de la gargouille. P., 2002.
- Ukraine – la Bérézina de L'UE - Rapprochement Russie Chine // URL: http://www.planetenonviolence.org/Ukraine-La-Berezina-De-L-UE-Rapprochement-Russie-Chine_a3360.html (2.02.2014).
- Ueli Maurer compare l'Union européenne à Napoléon // URL: <http://www.tdg.ch/suisse/Ueli-Maurer-compare-l-Union-europeenne-a-Napoleon/story/15692369> (12.06.2014).

ПРОСВИРНИНА Л. Г.

Омск

РАЗВИТИЕ СЕМАНТИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОГО ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ТЕРМИНА BRICS

Аннотация. В статье продемонстрирована динамика изменения семантического объема сокращенного английского термина BRICS в экстралингвистическом аспекте.

Ключевые слова: семантическое значение, политический и экономический термин, БРИКС, семантический объем, экстралингвистическая основа.

PROSVIRNINA L. G.

Omsk

DEVELOPMENT OF THE SEMANTIC MEANING OF ENGLISH POLITICAL AND ECONOMIC TERM BRICS

Abstract. The article is demonstrating the dynamics of semantic volume of Acronym in English term BRICS in extra linguistic context.

Key words: semantic meaning, political and economic term, BRICS, semantic volume, extra linguistic basis.

Новые политические и экономические условия неизбежно приводят к изменению методов коммуникативного воздействия и появлению новой лексики, которая часто несет эмоциональную окраску, понятную не только специалистам политико-экономической сферы, но, прежде всего, реципиентам. Новая терминология данной сферы отражает текущую политико-экономическую ситуацию в мире, демонстрирует борьбу за власть и является коммуникативным оружием, с помощью которого манипулятор создаёт в сознании адресата необходимую у картину мира.

История возникновения отдельных сокращенных терминов политико-экономической сферы позволяет не только зафиксировать определенные исторически значимые моменты в развитии общества, но и предположить возможный вариант развития исследуемой терминологии, и проследить историю развития данной политической и экономической ситуации, а также прогнозировать тенденции дальнейшего развития терминов.

Точка зрения большинства авторов по вопросу того, что анализировать терминологию исследуемых областей знаний необходимо с позиций социолингвистики [Борисов, с.182], полностью разделяется нами, поскольку значительное влияние на формирование и развитие терминологий исследуемых сфер оказали как собственно лингвистические, так и экстралингвистические факторы.

В данной статье нами рассматривается международный сокращенный термин **BRICS**, начиная от момента его возникновения, то есть, в диахроническом аспекте. Данный термин возник не так давно, однако история его появления, по нашему мнению, интересна и заслуживает внимания и изучения, так как наглядно демонстрирует процессы и изменения, происходящие на политической и экономической мировой арене в последнее десятилетие.

Сокращенный термин **BRICS** – «*БРИКС*» расшифровывается как **Brazil, Russia, India, China and South Africa** и соответственно переводится на русский язык как *Бразилия, Россия, Индия и Китай*, изначально был задуман и образован как аббревиатура **BRIC** – «*БРИК*». Поскольку термин **BRICS** образован по принципу усечения названий всех пяти стран, входящих в его состав, до первых инициальных элементов и соединенных в единое целое, можно говорить о том, что данный термин является сочетанием инициальных букв названных выше стран, кроме того, сходство со значимым словом в английском языке, дает нам право отнести его к разряду акронимов.

Данная аббревиатура была введена в употребление в 2003 году специалистом инвестиционного банка «Goldman Sachs», экономистом и руководителем отдела глобальных экономических исследований Джеймсом О'Нилом, который оценивал перспективы наиболее динамично развивающихся государств мира [Корсини], как свидетельствуют различные информационные источники, такие как «The Financial Times» [Кумбер], «The Times» [Фостер], интернет-газеты «Столетие» [Паршин], в том числе Алекса Корсини из газеты «Monitor Mercantil», Бразилия. Однако, впервые термин **BRIC** появился в аналитической записке банка «Goldman Sachs» ещё в ноябре 2001 года.

Термин **BRIC** очень похож на английское слово **brick**, что в переводе на русский язык означает *кирпич*. Именно это сходство взято за основу и символизирует кирпичики, из которых будет строиться экономический успех этих стран, и на чем будет основываться рост финансовых рынков. По данным Алекса Корсини, под одним названием эта группа стран с развивающейся рыночной экономикой приобрела большой вес в глазах международного инвестиционного сообщества [Корсини]. О важности ассоциативных связей пишет В.В.Борисов. По его данным, ассоциативные связи, которые возникают именно на основе совпадения фонемного состава сокращения и общепотребительного слова, приводят как к структурным, так и семантическим изменениям в самих сокращениях, а также к переосмыслению тех лексических единиц, с которыми ассоциируются эти сокращения [Борисов, с.265-273].

Эти страны О'Нил характеризует, как более развивающиеся, чем другие. Выгодное положение, по его мнению, обеспечивает им наличие большого количества важных ресурсов, а именно: Бразилия богата полезными

ископаемыми, а также является крупным производителем сельскохозяйственной продукции, Россия обладатель минеральных ресурсов и ведущая нефтедобывающая страна, Китай и Индия являются крупными потребителями различных товаров и строительных материалов, кроме того Индия является поставщиком дешевых интеллектуальных, а Китай дешевых трудовых ресурсов. По оценке автора доклада, в ближайшие десятилетия Индия и Китай станут самыми крупными мировыми поставщиками товаров и услуг, а Бразилия и Россия – основными мировыми источниками сырья, в том числе энергетического [Фостер].

Эксперты банка утверждали, что при условии ведения разумной политики страны **БРИК** достигнут больших успехов, а точнее в ближайшие десятилетия превзойдут по экономическому потенциалу шесть наиболее развитых – на сегодняшний день – государств мира. Другими словами, результаты их исследования указывали на то, что существующий глобальный баланс сил должен радикально измениться.

Мы полагаем, что в данном случае имеет место перенос значения слова по смыслу, или метафорический перенос, поскольку кирпич это строительный материал, сделанный из глины, и, несмотря на его небольшой размер, построенные из него здания очень прочны, надежны и долговечны. Тем самым, в данном случае, подтверждается высказывания таких ученых как Д.И. Розенталь и В.М. Лейчик. В частности Д.И. Розенталь говорит о том, что метафорический перенос происходит за счет переноса качеств с одного предмета на другой [Розенталь, с.22, 32], а В.М. Лейчик пишет, что метафора лежит в основе многих новых терминов, объясняя факт их эмоциональной окрашенности и экспрессивности, происхождением терминов от слов естественного языка со всеми их свойствами [Лейчик, с.21].

По нашему мнению, это сокращение можно отнести к разряду омофонных образований. Д.И. Розенталь описывает явление омофонии как слова, которые имеют одинаковое произношение при различном написании [Розенталь, с.39]. В.В.Борисов в своей работе под названием «Аббревиация и акронимия», выявляет существование и функционирование целой группы акронимов-омофонов, которые по своей звуковой форме совпадают с обычным словом, однако отличаются с точки зрения орфографии. Автор отмечает, что процесс образования таких терминов отличается преднамеренностью согласования состава акронима и коррелята, намеренной перестановкой компонентов коррелята, а также наличием ассоциативной связи значения акронима со значением обычного слова омофона [Борисов, с.213-214]. Поэтому мы считаем, что термин **BRIC** и английское слово **brick** являются омофонами, так как полностью отвечают требованиям определения омофонов. Таким образом, можно сделать вывод, что явление омофонии в нашем примере обусловлено случайным совпадением звучания вновь образованной аббревиатуры с полнозначным словом. Образование аббревиатуры **BRIC**, по нашему мнению, можно считать удачным, поскольку несовпадение её графической формы со словом **brick** помогает избежать смешения этих слов в письменной речи [Розенталь, с.41], что соответствует точке зрения Д.И.Розенталя.

Мы считаем, что при переводе термина **BRIC** на русский язык был предпринят такой переводческий прием как транслитерация, который А. Паршин определяет как перевод лексической единицы оригинала путем воссоздания ее формы с помощью букв переводимого языка, когда воспроизводится графическая форма или буквенный состав слова [Паршин, с.97]. Так в специальных текстах и в выпусках экономических новостей на русском языке чаще всего можно встретить или услышать словосочетание *страны БРИК, группа БРИК, саммит стран БРИК и т.п.*

По мнению Лорена Фостера, журналиста газеты «The Financial Times», сегодня этот звучный акроним все чаще употребляется инвесторами, которые вкладывают свои средства в портфели ценных бумаг входящих в БРИК стран [Фостер]. Сегодня это очень распространенная тема и сведущий читатель всегда поймет, о каких именно странах идет речь. В связи с вышесказанным, можно утверждать, что термин **BRICS** является интернациональным, поскольку употребляется не только на английском и русском, но и, по меньшей мере, на языках тех стран, которые входят в состав группы **BRICS**.

Лев Паршин в своей статье «**БРИК – Евросоюз: кто кого?**» рассказывает о том, что четыре страны постепенно формируют новую группу государств, которые сотрудничают между собой в коллективном формате [Паршин]. Название этой группе дано по первым буквам участвующих в ней стран. Сегодня Россия, Китай, Индия и Бразилия осознают, что вместе они смогут представлять собой новую силу в международных отношениях и мировой экономике, если будут согласовывать и координировать свои действия. Все четыре страны, по словам автора, выражают заинтересованность в развитии всестороннего сотрудничества друг с другом в четырехстороннем формате. Так появился БРИК – как название группы государств, взаимодействующих между собой. Начались регулярные встречи министров иностранных дел, создана консультативная группа высокопоставленных дипломатов четверки и наконец, в октябре 2008 года, произошла встреча на самом высоком уровне.

Таким образом, стал очевиден факт несовпадения семантики полного и сокращенного вариантов термина. В концептуальной системе индивида они представляют разные когнитивные структуры. Семантический объем аббревиатуры явно расширен, поскольку он включает в себя не просто перечисление группы стран, а определенное экономико-политическое единство. Данный пример также подтверждает мнение Э.Р.Мустафиновой о том, что аббревиатура является компрессионной языковой формой для концептуальной системы индивида.

Интересен факт, что графическое оформление данного термина варьировалось в различных источниках. Первоначально термин писали прописными, то есть заглавными буквами **BRIC**, позднее стал возможен вариант написания данного термина как имени собственного, строчными буквами, начиная с прописной **Bric**, например, в статье Лорена Фостера «**БРИК: согласованная стратегия или просто звучное имя?**» в словосочетаниях типа **MSCI Bric index** – *Индекс стран БРИК, составляемый компанией Морган Стенли Кэпитал Интернешннал*

(*Morgan Stanley's Capital International*) или **Bric Freestyle Fund** – свободный фонд, действующий в странах Брик [Фостер]. Подтверждение наличию такого явления мы также находим в работе В.В.Борисова, который рассматривает их семантическую основу и выясняет, что акронимы, созданные как имена собственные для названия единичных объектов, организаций, учреждений практически всегда пишутся прописными буквами, либо начинаются с прописной буквы [Борисов, с.216].

В статье того же автора [Фостер], мы встречаем данный термин в форме множественного числа "Brics are the engine room of growth in the global economy," says Allan Conway, head of global emerging market equities at Schroders. – «Страны БРИК являются двигателем роста мировой экономики,» – говорит Алан Конуэй (Allan Conway), возглавляющий отдел ценных бумаг развивающихся рынков в компании Schroders. По нашему мнению, в данном случае термин синонимичен словосочетанию *these countries*, которое имеет место в следующем предложении: *These countries are on a journey from early emergence to full emergence.* – Эти страны переходят из категории начинающих развиваться в полноценно развивающиеся.

Таким образом, по нашему мнению, форма термина во множественном числе подчеркивает факт упоминания стран не как единой группы, а как отдельных её представителей.

Экстралингвистические причины образования данного термина очевидны: прежде всего, это необходимость передачи довольно объёмного лексического словосочетания быстро, четко и сжато. Перечисление стран может занимать определенное количество времени и отвлекать внимание, в то время как термин **BRICS** краткий, довольно ёмкий и яркий. Мы считаем, что порядок следования стран в данном термине обусловлен лишь тем, насколько удобна эта последовательность для возникновения подобного акронима [Борисов, с.172], а не взаимным превосходством их роли в мировой экономике или политической сфере.

Фактор времени закрепления термина **BRIC / BRICS** в языке, по нашему мнению, также обусловлен экстралингвистически и отражает картину современного мира. Термин возник именно в тот период, когда за развитием этих четырех стран пристально следит всё мировое сообщество, когда все перечисленные страны переживают бурный рост и подъём во всех сферах экономики, и им предсказывают перспективы дальнейшего развития. Именно тот момент, когда все четыре страны достигли такого уровня и темпа развития, которые считаются соответствующими общим условиям определения наиболее перспективных, и является моментом, который можно считать предпосылкой к созданию термина **BRIC**. Двадцать лет назад мы не нашли бы оснований для объединения столь разных и далеких по отношению друг к другу стран в одну группу. Тем самым мы подтверждаем признаки, отмеченные В.А. Звегинцевым в философско-гносеологическом определении термина, а именно: термин **BRIC** используется в подязыке экономики с целью фиксации результатов познания в материальной форме [Звегинцев, с.342-349].

Вполне вероятно, что если бы в эту группу вошли другие страны, либо их количество было иным, то мы никогда не получили бы подобного термина, возможно это был бы совсем другой его вариант. Так, например, развитие текущих событий привело к возникновению новых вариантов сокращений, которые образованы на основе и по принципу подобия с уже существующим термином **BRIC**. Сегодня стоит вопрос о включении в состав **BRICS** ещё одной страны, а именно Аргентины, что влечет за собой проблему частичного либо полного изменения названия организации.

Корреспондент интернет-газеты «Столетие» Станислав Тарасов в своей статье «Антироссийские рецепты американских «эскулапов». Кто стремится «исключить» Россию из БРИК?» [Тарасов] рассказывает о попытке США исключить Россию из группы БРИК. По данным приведенным в указанной статье, предлагается заменить аббревиатуру БРИК на БИК и использовать её в дальнейших аналитических разработках. Автор утверждает, что такой политикой США пытаются решить проблемы своей экономической политики по принципу «Разделяй и властвуй», ведь развитие стран БРИК грозит США лишением лидирующих позиций во многих сферах.

Дмитрий Косырев, политический обозреватель «РИА Новости», в статье «РИК и БРИК» [Косырев], размещенной в интернет-газете «Столетие» освещает встречу министров иностранных дел России, Китая, Индии и Бразилии, которая состоялась с 13 по 16 мая 2009 года в Екатеринбурге. Интересно, что здесь автор разграничивает два термина БРИК и РИК и подчеркивает, что это не одно и то же. Понятно, что для образования аббревиатуры **RIC**, из общеизвестного термина **BRIC** была исключена одна буква, символизирующая Бразилию. Собственно говоря, термин **RIC** не существовал ранее, вероятно, он сформирован по аналогии с термином **BRIC**. Однако контакты представителей трех стран на высшем уровне происходили ранее и это не первая их встреча. Страны **RIC** рассматриваются по территориальной близости, все они являются представителями Центральной Азии, и их интересы сосредоточены в этом районе. Встреча стран **BRIC**, напротив, произошла впервые и была организована ими самостоятельно, то есть без участия ООН и других подобных организаций. На повестке дня встречи были такие вопросы как глобальная экономика, продовольственный кризис, изменение климата, энергосберегающие технологии и многое другое.

Исходя из сказанного выше, мы видим, что аббревиатура **BRICS**, возникнув как чисто банковский термин, повлияла на ход истории в масштабах государств и всего мира, поскольку послужила основой для формирования международной политико-экономической организации. Доказательством этих слов, по данным политического обозревателя «РИА Новости» Андрея Федяшина [Федяшин], можно считать выступление Дмитрия Медведева во время его латино-американского турне 24-28 ноября 2008 года, которое состоялось после встречи с бразильским президентом. В этом выступлении Российский президент объявил о намерении провести в России первый саммит лидеров БРИК.

История термина **BRICS** не уходит в глубь веков, однако наглядно демонстрирует теорию взаимоотношений языка для специальных целей (ЯСЦ) и языка для общих целей, описанные Суперанской [Суперанская, с. 82-85,], которые несмотря на свои различия все же являются подсистемами одного и того же естественного языка, питающего их, как единая основа [Лейчик, с.11]. Основными особенностями ЯСЦ являются следующие моменты: каждый ЯСЦ ограничен сферой своего использования, в данном случае подъязыком экономики; мы считаем, что при формировании термина **BRICS** доля сознательного момента была очень значительна; здесь также присутствует элемент искусственности, что проявляется в несовпадении графической формы термина и слова **brick**, которое принадлежит языку повседневного общения.

Возникновение термина **BRICS** в очередной раз подтверждает мнения и высказывания таких ученых как: К.Я. Авербух, О.А.Ахманова, Ю.Д. Дешериев, Л.Б.Ткачёва и др., что социолингвистический подход к терминологическим проблемам наилучшим образом может объяснить взаимосвязь между языковыми и социальными явлениями, проследить историю развития науки и общества, а также спрогнозировать дальнейшее развитие экономической терминологии в частности и терминологии в самом широком смысле.

Рассмотрев историю развития экономического термина **BRICS**, мы пришли к следующему заключению:

1. Экстралингвистические факторы оказывают активное влияние на формирование семантического значения экономических терминов.
2. Экстралингвистические факторы служат причиной проявления семантических способов словообразования, таких как метонимия, метафора и переосмысление.
3. Семантическое значение терминов не всегда идентично семантике их аббревиатуры.
4. Семантическое значение термина эволюционирует во времени вместе с развитием науки и прогресса.
5. Семантический объем когнитивной структуры, репрезентированной аббревиатурой **BRICS** гораздо шире, семантического объема развернутой формы термина.

Литература

- Борисов В.В. Аббревиация и акронимия. Военные и научно-технические сокращения в иностранных языках. – М.: Воениздат, 1972. — 319 с.
- Гринев-Гриневич С.В., Основы антрополлингвистики. – М.: Компания Спутник, 2005. – 113 с.
- Звегинцев В.А. О знаковости терминов, 1957, стр.342-349
- Кузнецова О.Д. Шапкин И.Н., История экономики. Учебник. – М.: ИНФРА-М, 2005. – 416 с.
- Лейчик В.М. К определению философских основ терминоведения. Отраслевая терминология и её экстралингвистическая обусловленность. Межвузовский сборник научных трудов – Воронеж: Изд-во Воронежского Университета, 1986. – с.14-25
- Паршин А. Теория и практика перевода. В рамках проекта «Русский языкъ» <http://teneta.rinet.ru/rus>, 2000.- 203с.
- Розенталь Д.Э., Голуб И.Б., Теленкова М.А. Современный русский язык: Учеб. пособие для студентов-филологов – М.: Высш.Шк., 1991. – 559с.
- Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. Общая терминология: Вопросы теории. / Отв. ред. Т. Л. Канде-лаки. Изд. 2-е, стереотипное. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 248 с.
- Корсини Алекс. БРИК: Четверка, непревзойденная в развитии. Бразилия: «Monitor Mercantil». – 15 мая 2007
- Косырев Дмитрий. РИК и БРИК. http://www.stoletie.ru/tekuschiiy_moment/rik_i_brik_2008-05-20.htm
- Кумбер Стив. Все внимание приковано к Индии, Китаю и России Великобритания: «The Times». – 07 марта 2007
- Паршин Лев. БРИК – Евросоюз: кто кого? Столетие. Интернет-газета. Информационно – аналитическое издание фонда исторической перспективы. http://www.stoletie.ru/geopolitika/brik_evrosouz_kto_kogo_2008-07-10.htm
- Тарасов Станислав. Антироссийские рецепты американских «эскулапов» Кто стремится «исключить» Россию из БРИК? http://www.stoletie.ru/geopolitika/antirossijskije_recepty_amerikanskih_eskulapov_2009-06-25.htm
- Федяшин Андрей. Дмитрий Медведев и его compaÑeros. http://www.stoletie.ru/rossiya_i_mir/dmitriy_medvedev_i_ego_compaÑeros_2008-11-28.htm
- Фостер Лорен. БРИК: согласованная стратегия или просто звучное имя? Великобритания: «The Financial Times». – 09 октября 2007

РАБКИНА Н. В.

Кемерово

СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОБРАЩЕНИЯ РОССИЙСКОГО ПРЕЗИДЕНТА К АМЕРИКАНСКОМУ НАРОДУ В ИНТЕРНЕТ-ВЕРСИИ «НЬЮ-ЙОРК ТАЙМС»

Аннотация. В данной статье проводится стилистический анализ обращения президента В.В.Путина к американскому народу касательно военного конфликта в Сирии, опубликованного 11 сентября 2013 года в электронной версии газеты Нью-Йорк Таймс. Анализ показал, что текст основан на архетипической оппозиции «космос – хаос», что обеспечивает простоту и ясность декодирования.

Ключевые слова: военный конфликт в Сирии, интернет-пресса, стилистика декодирования, обращение Путина к американскому народу.

RAVKINA N. V.

Kemerovo

STYLISTIC ANALYSIS OF PUTIN'S ADDRESS TO THE AMERICAN PEOPLE IN THE INTERNET VERSION OF THE NEW YORK TIMES

Abstract. The article features the stylistic analysis of the address to the American people concerning the Syrian military conflict published 09.11.2013 by Russian President V.V.Putin in the internet version of the New York Times. The revealed fact that the text is based on the archetypal opposition of cosmos and chaos ensures its transparency for the audience.

Key words: Syrian military conflict, internet press, decoding stylistics, Putin's address to the American people.

21 августа 2013 года весь мир поразили фотографии и видеоролики с мест боевых действий: ядовитый газ зарин вызвал полторы тысячи жертв среди мирного населения. Невозможность достоверно определить, какая из воюющих сторон ответственна за произошедшее – правительство Сирии или повстанцы – едва не вызвала очередное военное вмешательство со стороны США. Барак Обама пригрозил Сирии карательной бомбардировкой. Однако попытка Обамы санкционировать карательную экспедицию с Конгрессом и ООН, вероятнее всего, привела бы к отказу. При посредничестве России удалось снять международную напряженность: 9 сентября 2013 года правительство Сирии согласилось передать химическое оружие под международный контроль, и Обама отступил от заявленной им политики «красной линии», что было воспринято многими как проявление слабости. Пересечение интересов России и США на Ближнем востоке сделало сирийский конфликт в глазах журналистов ареной борьбы двух президентов – Путина и Обамы. В июне 2013 года на саммите «большой восьмерки» в Северной Ирландии Россия и западные страны впервые открыто «схлестнулись» по сирийскому вопросу, затем 7 сентября 2013 года конфликт продолжился на саммите «группы двадцати» в Петербурге, а 9 сентября на международном конгрессе В.В.Путин предложил мирный способ урегулирования конфликта, чем, по мнению прессы, одновременно спас своего американского коллегу от позора и продемонстрировал его слабость. 11 сентября 2013 года в электронной версии газеты Нью-Йорк Таймс (http://www.nytimes.com/2013/09/12/opinion/putin-plea-for-caution-from-russia-on-syria.html?pagewanted=all&_r=0) было опубликовано открытое обращение к американскому народу (в печатной версии оно появится только 12 сентября), где выразил сомнение по поводу так называемой американской исключительности, которая якобы дает США право вмешиваться в политику других стран. Обращение было озаглавлено «A Plea for Caution From Russia: What Putin Has to Say to Americans About Syria» и собрало 4447 комментариев. В данной статье мы проанализируем это обращение в русле стилистики декодирования.

Стоит отметить, что при анализе интернет-прессы особое внимание обращает на себя необходимость учитывать поликодовый характер сообщения, т.е. взаимодействие его иллюстративного и текстового компонентов. В качестве иллюстрации статью сопровождает рисунок дизайнерской группы Оливера Мандея. Эта группа утверждает, что дизайнерская продукция может и должна играть значительную роль в борьбе за социальную справедливость. Иллюстрация представляет собой контрастное графическое изображение черной раскрытой ладони, на фоне которой летит белая ракета. Декодируемый смысл – «предотвращение катастрофы, защита». Визуальная гипербола в изображении ладони – она во много раз превышает размеры ракеты – позволяет сделать вывод о том, что человек сильнее оружия, так как это он его создает и отдает приказы о его использовании: в человеческой власти остановить оружие. Рисунок может интерпретироваться и как буквальная передача выражения «все в руках человеческих» – за войнами стоят люди. Дымный след от ракеты как будто «высвечивает» линии на ладони – судьба человечества (а судьбу, согласно некоторым псевдонаучным взглядам, можно прочесть по линиям ладони) связана с войной и определяется ею. Черно-белая контрастность изображения предполагает однозначность, ясность, отсутствие полутонов.

Точки зрения деления текста на визуально значимые сверхфразовые единства, статья насчитывает 18 параграфов, два из которых выделяются на общем фоне, так как состоят из одного предложения. Такой графический прием типичен для данного функционального стиля: параграф, состоящий из одного предложения, позволяет выделить основное сообщение и, обращая на себя внимание, облегчает задачу читателя, декодирующего текст статьи. В анализируемом обращении таких сообщения два. Во первых, в карательной бомбардировке неизбежно пострадают невинные люди: «No matter how targeted the strikes or how sophisticated the weapons, civilian casualties

are inevitable, including the elderly and children, whom the strikes are meant to protect». Во-вторых, конфликт надо решать мирным путем: «We must stop using the language of force and return to the path of civilized diplomatic and political settlement».

За счет обильной капитализации выделяется группа наименований стран и названий организаций. Положительной коннотацией отмечены «the United Nations», «Security Council», «Russia». Негативной – «the League of Nations» (она оказалась несостоятельной и развалилась), «The United States State Department», «Al Nusra Front», «the Islamic State of Iraq», «the Levant», «Arab countries», «Libya», «Mali», «the Iranian» (nuclear problem), «Israeli-Palestinian» (conflict), «the Middle East», «North Africa», «Syria».

На фонетическом уровне можно отметить консонанс, который встречается в сильных позициях текста. Это повторение шипящего в заголовке (caution – Russia) (заметим, что заголовок выбран редакцией и не является частью обращения). Другой случай консонанса обнаруживается в первом предложении самого текста: «Recent events surrounding Syria have prompted me to speak directly to the American people...» Примечательно, что специфическое произношение звука «р» в имитации русского акцента является неотъемлемой чертой лингвокультурного типажа. В целом, текст не изобилует образностью на данном уровне (пожалуй, единственная заметная аллитерация встречается в описании международного имиджа США – «cobbling coalitions»), что можно объяснить тем, что он предназначен для письменного бытования. Кроме того, отсутствие аллитераций, ассонансов и прочих стилистических украшений может имитировать своего рода прямоту, служить знаком «необработанности» текста спич-райтерами.

Ритмический рисунок текста нарушается вкраплением коротких предложений. Такая ритмичность усиливает категоричность этих высказываний: «I doubt it»; «I appreciate this»; «This threatens us all».

На морфологическом уровне обращает на себя внимание обилие отрицаний, и в частности – абсолютного отрицания: «The law is still the law, and we must follow it whether we like it or not»; «Millions around the world increasingly see America not as a model of democracy but as relying solely on brute force...»; «No one wants the United Nations to suffer the fate of the League of Nations...»; «No one doubts that poison gas was used in Syria»; «Afghanistan is reeling, and no one can say what will happen after international forces withdraw»; «This is logical: if you have the bomb, no one will touch you»; «No matter how targeted the strikes or how sophisticated the weapons, civilian casualties are inevitable, including the elderly and children, whom the strikes are meant to protect».

Другие примеры отрицания встречаются в предложениях с модальным глаголом в составе сказуемого, причем последний пример в данном списке является завершающим предложением текста: «Reports that militants are preparing another attack – this time against Israel – cannot be ignored»; «...if you cannot count on international law, then you must find other ways to ensure your security»; «We are all different, but when we ask for the Lord's blessings, we must not forget that God created us equal».

Модальный глагол «can» всегда отрицателен, связан с описанием неудовлетворительной ситуации, но возникает ассоциации с предвыборным слоганом Барака Обамы «Yes, we can»: «Reports that militants are preparing another attack – this time against Israel – cannot be ignored»; «Afghanistan is reeling, and no one can say what will happen after international forces withdraw»; «The world reacts by asking: if you cannot count on international law, then you must find other ways to ensure your security».

Что касается модальных глаголов «need» и «must» связаны с убеждением в правоте своей точки зрения, побуждением к определенным действиям (сотрудничеству): «We need to use the United Nations Security Council and believe that preserving law and order in today's complex and turbulent world is one of the few ways to keep international relations from sliding into chaos»; «The law is still the law, and we must follow it whether we like it or not»; «We must stop using the language of force and return to the path of civilized diplomatic and political settlement»; «The United States, Russia and all members of the international community must take advantage of the Syrian government's willingness to place its chemical arsenal under international control for subsequent destruction»; «We must work together to keep this hope alive, as we agreed to at the Group of 8 meeting in Lough Erne in Northern Ireland in June, and steer the discussion back toward negotiations».

Примечательно, что глагол «must» в отрицательной форме, которая, как известно, характеризуется особой экспрессивностью, употребляется в самом последнем предложении: «We are all different, but when we ask for the Lord's blessings, we must not forget that God created us equal».

В тексте также отмечается обилие слов с морфемами, имеющими значение отрицания или отсутствия: ineffective, pointless, insufficient, destabilize, unacceptable, nonproliferation, inevitable, disagree, mistakes, devastation.

В рамках мифологического мышления отрицание, отсутствие наполнения, связано с архетипом хаоса, что позволяет декодировать метафору «ВОЙНА – ХАОС».

Выдвижение за счет использования отрицательных элементов (а также противительного союза и слов с лексемой «увеличение») наблюдается в параграфах, где описывается, к каким негативным последствиям может привести удар по Сирии извне:

«But force has proved ineffective and pointless. Afghanistan is reeling, and no one can say what will happen after international forces withdraw. Libya is divided into tribes and clans. In Iraq the civil war continues, with dozens killed each day. In the United States, many draw an analogy between Iraq and Syria, and ask why their government would want to repeat recent mistakes».

«No one doubts that poison gas was used in Syria. But there is every reason to believe it was used not by the Syrian Army, but by opposition forces, to provoke intervention by their powerful foreign patrons, who would be siding with the fundamentalists. Reports that militants are preparing another attack – this time against Israel – cannot be ignored».

В отношении глагольного стилистического потенциала, обращает на себя внимание использования Present Continuous для отображения негативного развития текущей ситуации. Создается впечатление стремительно развивающихся событий, ситуация вот-вот выйдет из-под контроля: «Syria is not witnessing a battle for democracy, but an armed conflict between government and opposition in a multireligious country»; «Reports that militants are preparing another attack – this time against Israel – cannot be ignored»; «We are left with talk of the need to strengthen nonproliferation, when in reality this is being eroded»; «Afghanistan is reeling, and no one can say what will happen after international forces withdraw».

Вторая половина статьи посвящена возможным вариантам развития событий, для чего используется не только Future simple, но и конструкции с would и could для выражения предположительности, неуверенности в будущем: «The potential strike by the United States against Syria, despite strong opposition from many countries and major political and religious leaders, including the pope, will result in more innocent victims and escalation, potentially spreading the conflict far beyond Syria's borders»; «This is logical: if you have the bomb, no one will touch you»; «If we can avoid force against Syria, this will improve the atmosphere in international affairs and strengthen mutual trust»; «It will be our shared success and open the door to cooperation on other critical issues»; «A strike would increase violence and unleash a new wave of terrorism»; «It could undermine multilateral efforts to resolve the Iranian nuclear problem and the Israeli-Palestinian conflict and further destabilize the Middle East and North Africa»; «It could throw the entire system of international law and order out of balance»; «Might they not return to our countries with experience acquired in Syria?»; «Anything else is unacceptable under the United Nations Charter and would constitute an act of aggression».

Личное и притяжательное местоимения первого лица множественного числа (we, us, our), поддерживая когерентность текста, используется в разных значениях. В начале текста оно замещает «Россия и Америка» (our societies, relations between us). Далее в тексте «we» замещает Россию: «We are not protecting the Syrian government, but international law». Далее, в этом же параграфе, «we» имеет обобщающее значение «все страны», «каждый»: «We need to use the United Nations Security Council...»; «The law is still the law, and we must follow it whether we like it or not»; «We must stop using the language of force and return to the path of civilized diplomatic and political settlement». Далее, «we» замещает Путина и Обаму как представителей своих стран (метонимия), и достаточно сложно определить, когда «we» переходит из субститута реальных лиц в обозначение стран: «I welcome the president's interest in continuing the dialogue with Russia on Syria. We must work together to keep this hope alive, as we agreed to at the Group of 8 meeting in Lough Erne in Northern Ireland in June, and steer the discussion back toward negotiations. If we can avoid force against Syria, this will improve the atmosphere in international affairs and strengthen mutual trust. It will be our shared success and open the door to cooperation on other critical issues».

В обобщающем смысле также используется и местоимение второго лица «you», которое плавно замещается на местоимение первого лица множественного числа «we»: «The world reacts by asking: if you cannot count on international law, then you must find other ways to ensure your security (...) This is logical: if you have the bomb, no one will touch you. We are left with talk of the need to strengthen nonproliferation, when in reality this is being eroded».

Примечательно, что, хотя сам текст и был назван в прессе обращением к американскому народу, прямого обращения к американцам как такового в тексте не содержится. Иллюзия интерактивной коммуникации поддерживается лишь двумя вопросительными предложениями: «Might they not return to our countries with experience acquired in Syria?»; «Is it in America's long-term interest?»

Относительно декодирования текста посредством тематической сетки, основанного на том предположении, что повторяющиеся значения являются наиболее существенными семантически, тематически и стилистически, можно сказать, что в интернет-статьях, посвященных конфликту в Сирии, основная тематическая сетка выражена словами, связанными с оружием, причем эта сетка пересекается с тематической сеткой «бизнес». Анализируемый текст не является исключением. К тематической сетке войны в нем относятся: актанты войны (terrorist organizations, militants, fighters, extremists, mercenaries, the fundamentalists, civilian casualties), оружие (weapons, poison gas, weapons of mass destruction, the bomb, chemical arsenal) и другая лексика, связанная с реалиями войны и военными действиями (violence, brute force, kill, suffer, the cold war, civil war, nuclear problem, intervention battle, conflict, armed conflict, self-defense, an act of aggression, defeat, fighting). Словосочетание «military action» повторяется 3 раза и является контекстуальным синонимом «strike» – предложенного американцами военного удара по Сирии.

Другая группа слов содержит семы «разрушение» (devastation, collapse, destabilize, erode, divide) и «расширение», «преодоление границ» (escalation, spread, far beyond, increase, unleash, bypass). Эти значения так или иначе связаны с энтропией, архетипом перехода космоса в хаос. Создается образ Сирии как «рассадника» хаоса – энтропия грозит вылиться за пределы этой страны (far beyond Syria's borders), перейти на весь Ближний Восток, а далее – на весь мир. Аналогичным образом, лексемы, так или иначе связанные с увеличением чего-либо, мультиплицированием, большим количеством чего-либо, носят, как правило, негативный характер, что может быть признаком энтропии как свойства перехода системы в хаос: (millions around the world...; with dozens killed each day...; hundreds of militants...; in the United States, many draw an analogy between Iraq and Syria...; a growing number of countries seek to acquire weapons of mass destruction...).

Соответственно, этой группе слов противопоставлены лексемы со значением «упорядочивание», «установление порядка», «связь» (establish, founders, relations, communication, dialogue, cooperation, societies, consensus, underpin, stability, law, order, balance, preserve, peaceful, civilized, settlement, control, borders, security, government, trust, improve).

Такая полярность выражает архетипическую бинарную оппозицию «космос – хаос» и подчеркивает основную мысль текста, которая заключается в следующем. Россия в этом конфликте поддерживает сирийское правительство. Правительство – форма организации общества, т.е. институт порядка, противопоставленный анархии и хаосу. Вывод: даже если сирийское правительство и обладает запасами химического оружия, даже если они использовали его против своего населения, правительство все равно находится на положительном полюсе вышеупомянутой бинарной оппозиции «космос – хаос». Соответственно, тот, кто в гражданской войне поддерживает правительство, априори прав. Америка же, при такой интерпретации, поддерживает силы хаоса единственно в силу того, что не поддерживает правительство Сирии. В этом плане примечательно, что в тексте приводится расшифровка ООН (the United Nations) - «universal international organization»: все три слова принадлежат полюсу порядка за счет семы «объединение».

За счет своей положительной коннотации выделяются слова «trust» и «hope». В частности, «trust» – за счет лексического повторения внутри одного параграфа, описывающее желаемое сотрудничество России и США: «If we can avoid force against Syria, this will improve the atmosphere in international affairs and strengthen mutual trust. My working and personal relationship with President Obama is marked by growing trust». Примечательно и лексическое повторение слова «law» (закон как оппозиция хаоса): «...believe that preserving law and order in today's complex and turbulent world is one of the few ways to keep international relations from sliding into chaos. The law is still the law, and we must follow it whether we like it or not».

Имеет место быть морфемное повторение «exceptional» и «different» в последнем параграфе: «And I would rather disagree with a case he made on American exceptionalism, stating that the United States' policy is "what makes America different. It's what makes us exceptional." It is extremely dangerous to encourage people to see themselves as exceptional, whatever the motivation. There are big countries and small countries, rich and poor, those with long democratic traditions and those still finding their way to democracy. Their policies differ, too. We are all different, but when we ask for the Lord's blessings, we must not forget that God created us equal».

Текст, построенный на противопоставлении идеи космоса и хаоса, логичным образом содержит в себе несколько случаев антитезы, в том числе, за счет контекстуальных антонимов: враги – друзья (We stood against each other during the cold war. But we were also allies once, and defeated the Nazis together); война и мир (...decisions affecting war and peace...); равенство и различие (We are all different, but when we ask for the Lord's blessings, we must not forget that God created us equal); закон и хаос (...believe that preserving law and order in today's complex and turbulent world is one of the few ways to keep international relations from sliding into chaos). Идея поликультурности выражена целиком за счет концентрации антитез в одном предложении: «There are big countries and small countries, rich and poor, those with long democratic traditions and those still finding their way to democracy».

На лексическом уровне отмечено использование метафор. Так, использование словосочетания «wave of terrorism» в значении «рост, увеличение» в контексте противостояния «космоса» и «хаоса» раскрывает свое метафорическое значение: за словом «wave» стоит визуальный образ океана, а океан – один из общекультурных образов хаоса: хаоса, который надо сдерживать силами порядка, т.е. политикой. Так в тексте складывается образ мира как сложной и меняющейся системы, находящейся на грани перехода в хаос.

Метафора дипломатии как прямого пути вызывает образ «заблудившейся», «сбившейся с пути» политики: «We must stop using the language of force and return to the path of civilized diplomatic and political settlement».

Политика и дипломатия метафоризируется как потерявшее направление транспортное средство (корабль), которое необходимо вернуть на правильный маршрут: «...we agreed to at the Group of 8 meeting in Lough Erne in Northern Ireland in June, and steer the discussion back toward negotiations»; «There are big countries and small countries, rich and poor, those with long democratic traditions and those still finding their way to democracy». Образ корабля в бушующем море также связан с образом враждебного хаоса.

С образом пути связана и метафора открытой двери: «It will be our shared success and open the door to cooperation on other critical issues».

Международный конфликт также описывается в терминах механизма, транспортного средства: «This internal conflict, fueled by foreign weapons supplied to the opposition, is one of the bloodiest in the world».

На фоне общего асиндетона предложения, начинающиеся с сочинительного союза, обращают внимание: «I carefully studied his address to the nation on Tuesday. And I would rather disagree with a case he made on American exceptionalism, stating that the United States' policy is "what makes America different". Однако наиболее заметной характеристикой текста на синтаксическом уровне является противительная связь при помощи союза «but»: «We are all different, but when we ask for the Lord's blessings, we must not forget that God created us equal»; «Millions around the world increasingly see America not as a model of democracy but as relying solely on brute force...»; «We stood against each other during the cold war. But we were also allies once, and defeated the Nazis together»; «No one doubts that poison gas was used in Syria. But there is every reason to believe it was used not by the Syrian Army, but by opposition forces, to provoke intervention by their powerful foreign patrons, who would be siding with the fundamentalists»; «We are not protecting the Syrian government, but international law»; «But force has proved ineffective and point-

less»; «There are few champions of democracy in Syria. But there are more than enough Qaeda fighters and extremists of all stripes battling the government».

Таким образом, на основе проделанного анализа можно сделать следующие выводы. Сравнительно небольшой текст обращения хорошо структурирован и не содержит каких-либо сложных или надуманных стилистических приемов, но те, что присутствуют в статье, успешно работают на то, чтобы высветить его основную мысль (военное вмешательство США в ход гражданской войны на стороне повстанцев перерастет в глобальную катастрофу, от которой американский народ не спасет его «исключительность») на различных уровнях текста. Тот факт, что текст сообщения строится на архетипической бинарной оппозиции «КОСМОС – ХАОС», предопределяет легкость и простоту его восприятия для широкой аудитории читателей, а также однозначность декодирования.

РЕШЕТНИКОВА В. В.

Москва

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И КОММУНИКАТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ С ПОЗИЦИЙ ЛИНГВОДИДАКТИКИ

Аннотация. В данной статье выявляются связи между понятиями «межкультурное общение» и «коммуникативное поведение», выделяются возможные направления обучения иностранных учащихся основам русского коммуникативного поведения. На материале отдельных тем, ситуаций и интенций студенты овладевают нормами коммуникативного поведения. Рассматривается структурный фрейм «приглашение».

Ключевые слова: коммуникативное, лингводидактика, межкультурное, обучение, общение, речевое, ролевая игра, социокультурное, фрейм.

RESHETNIKOVA V. V.

Moscow

INTERCULTURAL COMMUNICATION AND COMMUNICATIVE BEHAVIOR FROM THE STANDPOINT OF LINGUISTICS

Abstract. This article identifies the link between the concepts of «intercultural communication» and «communicative behavior» and highlighted possible areas of teaching foreign students the basics of Russian communicative behavior. Using the material on specific topics, situations and intentions the students master norms of communicative behavior. There is considered the structural frame «invitation».

Key words: communicative, didactics, intercultural, training, communication, speech, sociocultural, role play, frame.

В социальной психологии общение определяется как «осуществляемое знаковыми средствами взаимодействие субъектов, вызванное потребностями совместной деятельности и направленное на значительное изменение в состоянии, поведении и личностно-смысловых образованиях партнёра» [Андреева 1996: 80-82]. С помощью термина «общение» могут быть обозначены и коммуникативно-познавательный процесс, и деятельность, и смысловой контакт [Дридзе 1980: 28-32].

Общение рассматривается в неразрывной связи с другими видами деятельности. Как частный случай деятельности общения рассматривается речевое общение, определяющее социальную активность индивида [Леонтьев 1997: 56]. Функции речевого общения — коммуникативная (референтивная); эмотивная (экспрессивная); конативная; метаязыковая; поэтическая — были впервые выделены и описаны Р. Якобсоном [Якобсон 1975: 198-203].

В методике обучения русскому языку как иностранному понятия общение и коммуникация используются как синонимы. В данной статье термины общение и коммуникация употребляются как синонимы.

Целью коммуникации является обмен информацией, представляющий собой активный и двусторонний процесс, в ходе которого информация не только передается, но также уточняется и формируется. Участники общения вырабатывают некий общий смысл, происходит совместное постижение ими предмета общения как результат единства коммуникативной и когнитивной деятельности.

В лингводидактике общение понимается как «взаимодействие субъектов, при котором происходит обмен информацией, опытом, знаниями, навыками, умениями, а также результатами деятельности; необходимое условие формирования и развития личности, а также овладения языком как средством общения» [Азимов, Щукин 1999: 194]. Э. Азимов и А. Щукин трактуют речевое общение как форму взаимодействия людей посредством языка, включающую обмен информацией познавательного или аффективно - оценочного характера, и выделяют его основные признаки:

- 1) наличие партнёров по общению;
- 2) наличие мотива общения;
- 3) наличие ситуации общения [Азимов, Щукин 1999: 293-294].

Одной из основных особенностей общения является то, что оно, будучи межперсональным процессом, представляет собой способ внутренней организации и эволюции общества как целого. В историческом плане общение служит средством передачи культурного и общественного опыта. Посредством общения осуществляется социализация личности, причём содержание социализации определяется теми фрагментами культуры, кото-

рые индивид усваивает в процессе общения на данном языке. Общение носителей одной культуры осуществляется в соответствии с нормами и правилами, выработанными ею; оно обладает культурной специфичностью. Взятое в национально-культурном аспекте, как «слепок с национальной психологии», оно называется в современной науке *коммуникативным поведением* [Стернин 1996: 45]. Основной перспективной задачей, стоящей сейчас перед преподавателями, является максимальное развитие коммуникативных способностей учащихся, обучение языку как полноценному средству общения. Однако эффективность последнего во многом зависит от влияния этнопсихологических и социокультурных факторов.

В своё время В. фон Гумбольдт отмечал, что «различные языки являются по сути разными мировидениями» [Гумбольдт 1985: 370]. С тех пор наука о языке обнаруживает всё больше точек соприкосновения с культурологией. К концу XX века вопрос о соотношении языка и культуры приобрёл особый смысл в связи с расширением межэтнических контактов и осознанием ряда проблем в области межкультурной коммуникации, обусловленных недостатком знаний об особенностях другой культуры.

Для обеспечения эффективного общения между представителями разных культур кроме языкового, нужно преодолеть культурный барьер. Многими исследователями был выделен ряд культурно-специфических компонентов культур, наличие которых обуславливает проблемы межкультурной коммуникации. Это, в частности, традиции, обычаи и обряды, бытовая культура, повседневное поведение, «национальные картины мира», художественная культура, а также национально-культурные ценности, составляющие ядро любой культуры и являющиеся наиболее «закодированной» для иностранцев ее составляющей [Антипов и др. 1989; Леонтьев 1997; Прохоров 1996].

Различные языки функционируют в разных коммуникативных системах. Как считает Д. Хаймс, представители различных культур «обладают до некоторой степени особыми коммуникативными системами» и в то же время «культурные ценности и парования отчасти создают языковую реальность» [Хаймс 1975: 232-233].

Развитие этнопсихологических и этнокультурных исследований повлекло за собой становление новых направлений в лингводидактике: лингвострановедения, лингвокультурологии, межкультурной коммуникации. Учёные и методисты осознают, что процесс обучения иностранному языку необходимо строить, ориентируясь на особенности этнической психологии, менталитета обучаемых, а также специфику национальных образовательных традиций.

В настоящий момент всё более устойчивые позиции занимает обучение межкультурному общению, и формирование межкультурной компетенции стало одной из важнейших задач при изучении иностранного языка. *Межкультурная компетенция* понимается как специфическая, психологическая способность личности.

Н. Гальскова и Н. Гез отмечают, что межкультурная компетенция - это способность, позволяющая личности реализовать себя в рамках диалога культур, т.е. в условиях межкультурной коммуникации [Гальскова, Гез 2005, 72]. Г. Елизарова при определении межкультурной компетенции выделяет понятие *медиатора культур*, под которым понимается языковая личность, познавшая посредством изучения иностранных языков как особенности разных культур, так и специфику их взаимодействия. В таком понимании межкультурная компетенция - это способность, позволяющая языковой личности выйти за пределы собственной культуры и приобрести качества медиатора культур, не теряя при этом собственной культурной идентичности [Елизарова 2005]. Определение *межкультурный* (Intercultural) в данном случае отражает динамику процесса, возникающего при контакте представителей разных культур [Буган 1997].

По Кнапп-Поттхоффу, межкультурная компетенция состоит из трёх структурных компонентов: аффективного, когнитивного и стратегического. Если основу аффективного компонента составляют эмпатия и толерантность, то когнитивный компонент включает синтез знаний о родной культуре и стране изучаемого языка, а также общие знания о культуре и коммуникации. Стратегический компонент включает в себе вербальные и учебные стратегии учащегося [Кнапп-Potthoff 1997]. Процесс формирования межкультурной компетенции предполагает осознание личностью стереотипов и собственных психологических реакций, а также приобретение знаний о культуре вообще и о родной и изучаемой культурах, в частности. Ставится также цель воспитания эмпатического отношения к собеседнику, проходящего через стадии толерантности, принятия, адаптации и интеграции. Кроме этого, необходимо формирование речевых умений создания общего значения, достигаемого посредством описания и объяснения как собственных поступков, так и поступков партнёра по общению. [Елизарова 2005, Буган 1997].

Все большее внимание методистов и преподавателей-практиков привлекает понятие *коммуникативное поведение*. Ю.Сорокин определяет коммуникативное поведение как «реализуемые в коммуникации традиции и нормы той или иной лингвокультурной общности, под которой разумеется единство народа, языка и культуры» [Сорокин 1988: 3]. Теория коммуникативного поведения наиболее подробно разработана в работах И. Стернина, создавшего терминологический аппарат теории коммуникативного поведения и предложившего систему моделей описания последнего. Под *национальным коммуникативным поведением* понимается совокупность норм и традиций общения определённой лингвокультурной общности, реализуемая в двух аспектах: *вербальном и невербальном* [Стернин 2000: 4-20]. Вербальное коммуникативное поведение рассматривается как «совокупность норм и традиций общения, связанных с тематикой и особенностями организации общения в определенных коммуникативных условиях» [Стернин 2000: 12].

Так как любая культура уникальна и имеет свои специфичные способы коммуникации, обучение диалогическому общению имеет много общего с *теорией культурного научения*. Модель культурного научения была

предложена А.Фарнхэм и С.Бочнер, которые использовали идею классификации культур по степени их различий, предложив понятие «культурной дистанции» [Furnham, Bochner 1986]. Теория рассматривает попадание человека в другую культуру как ситуацию, где не работают прежние навыки социального поведения, и он нуждается в овладении подобными навыками новой культуры. В основе тренинга социальных навыков лежит овладение моделями социального поведения путём проигрывания ситуаций с принятием ролей, а также сопутствующие ему тренинг самосознания (анализ собственного поведения в другой культуре) и когнитивный тренинг (получение информации о другой культуре).

Для предупреждения формирования у обучаемых неадекватных речевых реакций в общении с носителями русского языка, необходимо знакомство с особенностями русского коммуникативного поведения, с ролевым репертуаром русской языковой личности, который реализуется в повторяющихся ситуациях, включающих культурно специфические элементы.

Модель использования ролевых игр в обучении русскому языку как иностранному опирается, с одной стороны, на теорию «языковых игр» Л.Витгенштейна, а с другой - на лингвистическую теорию фреймов. Теория «языковых игр» Л.Витгенштейна своими корнями уходит в общелингвистическую концепцию понимания языка как деятельности, основы которой были заложены В. фон Гумбольдтом. Теория «языковых игр» оказала значительное влияние на развитие прагматики и теории речевых актов, создав предпосылки для интерпретации слова как действия.

Теория Л. Витгенштейна имеет прямое отношение к анализу коммуникативного поведения, так как, по его мнению, «совместное поведение людей - та референтная система, с помощью которой мы интерпретируем незнакомый язык» [Витгенштейн 1994, 164]. Именно игра является наиболее обоснованным приемом при обучении коммуникативному поведению как общению, организованному по «правилам игры» определенной культуры. Обучение языку можно представить как своеобразную систему языковых игр, организованных по определенным сценариям (ситуативным структурам), вокруг которых группируется необходимая лексика, используемая в соответствующих ситуациях [см. Потапова 2001]. Принципы организации языкового материала связаны с теорией фреймов.

Исследованиями в области прагматики и лингвистической семантики [Ван Дейк 1989; Филлмор 1988; Минский 1988 и др.] выявлено, что знание дается человеку организованным в иерархические структуры - *фреймы* (когнитивные модели, схемы и т.д.). В основе теории фреймов – две основополагающие идеи:

- 1) идея организующего начала и иерархии единиц;
- 2) идея стереотипа.

М. Минский определяет фрейм как «один из способов представления стереотипной ситуации» и указывает на разнородность информации, содержащейся в нем: фреймы используются как на концептуальном, так и на перцептивном уровнях [Минский 1988:289-290]. По мнению Т. А. Ван Дейка, «фреймы не являются произвольно выделенными кусками знания. Они представляют собой единицы, организованные вокруг некоего концепта. Но и в противоположность простому набору ассоциаций эти единицы содержат основную типическую и потенциально возможную информацию, которая ассоциирована с тем или иным концептом» [Ван Дейк 1989: 16-17]. Фрейм может интерпретироваться как обобщенная структура, содержащаяся в опыте индивида и помогающая прогнозировать изменения состояния объектов внешнего мира, развитие и содержание событий и их взаимосвязь. Формирование системы фреймов осуществляется в течение всей жизни человека и определяется приобретением им соответствующего *опыта* [Минский 1988: 290].

Интерес представляет также предлагаемый Т. А. Ван Дейком анализ социального контекста, который построен на тех же основаниях, что и описания условий речевого акта с точки зрения социолингвистики. Автор выделяет типы социальных ситуаций и связанные с ними фреймы А, в структуре которых названы: место, функции (отец, слуга, судья), свойства (пол, возраст), отношения (превосходство, авторитет), позиции (роли, статус); и фреймы В, содержащие конвенциональные установления (нормы). Т. А. Ван Дейк указывает, что структура высказывания зависит от ситуации, причём наиболее важны для восприятия языковые средства, выполняющие роль индикаторов иллокутивного акта, то есть акта, характеризующего коммуникативную направленность речевого высказывания: утверждение, вопрос, приказ, просьба и т.д. [Ван Дейк 1989: 21-34].

Таким образом, культура формирует языковую картину мира её носителей и репрезентируется в структуре соответствующего языка в его лексических и грамматических единицах, а также в моделях речевой деятельности. Речевая деятельность осуществляется на основе когнитивных фреймов, отражающих как природу дискурса в целом, так и природу отдельных речевых актов. Фреймовая структура речемыслительной и поведенческой деятельности, тесно связанная с национальной спецификой, дает логическое основание для организации ролевых языковых игр в особые тематические блоки, построенные по принципу когнитивного фрейма. За основу принимается определенная тема, вокруг которой группируются, с одной стороны, лексика и грамматические конструкции, речевые клише и стереотипы, с другой - соответствующие контексту типы ситуаций, включая культурологический комментарий. Соединение элементов названных групп в различных комбинациях осуществляется в форме ролевых игр. Результатом такой работы становится овладение учащимися навыками реализации речевых интенций в функциональном контексте в тесной связи с экстралингвистическими факторами.

Особенно эффективна такая работа в рамках курсов, направленных на становление межкультурной компетенции учащихся. В практической части курсов можно эффективно рассматривать такие темы, как *знакомство, приветствия, выражение просьбы, жалобы, неодобрения, извинения* и т.п. В процессе такой работы

учащиеся принимают на себя роли как представителей родной, так и изучаемой культуры. Демонстрация ролевых игр сопровождается их обсуждением в учебной группе и обязательным культурологическим комментарием.

В качестве примера рассмотрим структурный фрейм «приглашение». Социокультурные правила приглашений в русской культуре могут представлять трудности для иностранных студентов.

Фрейм приглашения в русской культуре начинается с предложения совместно заняться какой-то деятельностью. Представитель русской культуры может начать приглашение с предложения, не задавая вопроса о том, свободен ли партнёр по коммуникации и указанное время. Данный фрейм либо нарушает негативное лицо собеседника, лишая его возможности отказаться, либо нарушает его позитивное лицо, вынуждая на выражение отказа. Такое расхождение во фреймах происходит из-за культурных различий в принципах вежливости и базовых ценностях, определяющих, насколько позволительно вторгаться в личные дела партнёра по общению.

При работе над темой «Приглашение в гости» со студентами из Мьянмы предлагается список формул русского речевого этикета, связанных с этой тематикой (приглашение, ответные реплики, отказ, приветствие и встреча дома, экскурсия по дому, комплимент хозяевам дома, поведение за столом, ответные реплики, ответы на предложение выпить, съесть что-нибудь, окончание приёма, прощание). В частности, фреймы «приглашение», «ответные реплики» и «отказ» могут включать следующие формулы этикета: *Завтра я праздную свой день рождения, я вас приглашаю. Поужинаешь у нас? Приходи к нам на обед/ Спасибо, с удовольствием./ Спасибо, к сожалению, не могу, я занят в это время.* Фрейм «поведение за столом» может включать следующие реплики: *Прошу к столу! Садитесь, пожалуйста. Попробуйте это блюдо. Давай я положу тебе ещё. Берите ещё и т.п.* Такая работа дополняется лингвострановедческими текстами (что принести с собой? что пьют и едят в гостях? что значит «обмыть», о чем говорят за столом и т.п.). Подготовительная работа помогает учащимся полнее осознать ситуацию «хождение в гости» в российской культуре с присущими ей элементами (праздничное угощение, наличие спиртных напитков, доброжелательная обстановка, много шуток, возможны разговоры о политике и т.п.).

На следующем этапе работы разыгрываются ситуации, в которых учащиеся принимают на себя роли как представителей родной, так и русской культуры. После каждой демонстрации ролевой игры члены группы участвуют в обсуждении, оценивая её как с точки зрения родной, так и изучаемой культуры (например, мьянманские студенты в игровой форме описывают ситуации «приглашение в гости» на материале мьянманской (бирманской) культуры). При таком подходе освоение культурной составляющей определённого фрейма происходит исходя из культурно-связанного описания как на базе изучаемого языка и культуры, так и на базе родного, в данном случае бирманского. Поскольку культурная составляющая лежит в нашем подсознании, учащиеся должны осознавать, что при изучении коммуникативного поведения представителей иной культуры необходимо прилагать сознательные усилия для овладения, в частности, культурно обусловленными фреймами, чтобы правильно построить собственное речевое поведение.

Ситуативно-тематические блоки позволяют моделировать общение в широком спектре ситуаций с меняющимся набором социолингвистических переменных. Это в свою очередь позволяет организовать ролевое взаимодействие со стилистически дифференцированным лингвистическим наполнением. Определяя способы активизации, нужно исходить из того, что на материале отдельных тем, ситуаций и интенций должно происходить овладение нормами коммуникативного поведения, т.е. усвоение не только лингвистического аспекта, но и социально-ролевого и национально-культурного.

Ситуативно-тематические блоки могут включать подготовительные условно-коммуникативные упражнения, ролевые игры и дискуссии, направленные на развитие навыков и умений русского коммуникативного поведения. При этом основным приёмом, вокруг которого выстраивается учебный материал, является ролевая игра, с помощью которой можно в полной мере реализовать такие требования современной лингводидактики, как интерактивность и создание коммуникативно-значимых контекстов общения, организуемых с привлечением широкого спектра социолингвистических переменных.

Литература

- Азимов Э.А., Шукин А.Н. Словарь методических терминов (теория и практика преподавания языков). – СПб., 1999.
Андреева Г.М. Социальная психология. – М., 1996.
Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация: Сб. работ. – М., 1989.
Витгенштейн Л. Философские работы, 4.1. – М., 1994.
Гальскова Н.Д. & Н.И. Гез. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика. 2-е изд. – М., 2005.
Гумбольдт В. Фон. Язык и философия культуры. – М., 1985.
Дридзе, Т.М. Язык и социальная психология. – М., 1980.
Елизарова Г.В. Культура и обучение иностранным языкам. – СПб, 2005.
] О. Леонтьев А.А. Психология общения. – М., 1997.
Минский М. Остроумие и логика бессознательного. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. – М., 1988. – С. 281-302.
Потапова. М. Лингводидактические функции ролевой игры как средства обучения коммуникативному поведению., Jyvas- kyla: Studia Philologica Jyvaskylensia 51, 2001.
Прохоров Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. – М., 1996.
Сорокин Ю.А. Этнолингвистика. – М., 1988.

- Стернин И.А. Понятие коммуникативного поведения и проблемы его исследования, вып.1 Воронеж, 2000.—С. 4-20.
Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII.-М., 1975. —С.230-248.
Хаймс Д.Х. Два типа лингвистической относительности. Новое в лингвистике. Вып. VII.-М., 1975.—С.230-248.
Якобсон Р. Лингвистика и поэтика. Структурализм: «за» и «против».— М., 1972.—С.193-230.
Byram M. Teaching and Assessing Intercultural Communicative Competence. Clevedon: Multilingual Matters. 1997.
Furnham A., Bocher S. Culture Shock: Psychological Reactions to Unfamiliar Environments. — L&N.Y., 1986.
Knapp-Potthoff A. Interculturelle Kommunikationsfähigkeit als Lernziel. Aspekte Interculturelle Kommunikationsfähigkeit. Hrsg. A. Knapp-Potthoff, M.Liedke.- München, 1977.

РОГОЖНИКОВА Т. П.

Омск

ОСОБЕННОСТИ РУССКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА НАЧАЛА XX ВЕКА

(на материале омских архивных источников)

Работа выполнена при поддержке РГНФ. Проект № 14-34-01023.

Аннотация. Статья посвящена дискурсивным характеристикам политического дореволюционного текста России начала XX века. Материалом исследования являются первичные и маргинальные жанры политического текста, сохранившиеся в омском историческом архиве в составе судебных дел 1903-1906 гг. Тексты рассматриваются с точки зрения авторства, адресности, персональности и институциональности, стандартности и экспрессивности.

Ключевые слова: политический дискурс, политический текст, дискурсивные характеристики, первичные жанры, маргинальные жанры.

ROGOZHNIKOVA T. P.

Omsk

SPECIFICS OF RUSSIAN POLITICAL DISCOURSE OF THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY

(based on Omsk archives sources)

Abstract. The article is devoted to discursive characteristics of political texts of pre-Revolution period in the beginning of the 20th century. The research is based on primary and marginal genres of political texts, which were preserved in the Omsk historical archive in the form of 1903-1906 legal cases. The texts are examined from the perspective of authorship, number of addresses, personality, institutionality, standards and expressiveness.

Key words: political discourse, political texts, discursive characteristics, primary genres, marginal genres.

Современные гуманитарные науки уделяют пристальное внимание политике как важной сфере взаимодействия людей. Политический текст становится объектом исследования целого ряда наук: риторики, психологии, политологии, теории коммуникации и др.

Особо скрупулезно изучается современный политический дискурс: с конца двадцатого столетия проведено большое количество исследований, посвященных различным аспектам функционирования языка в сфере политических отношений (А.Н. Баранов, А.П. Чудинов, О.С. Иссерс, Е.И. Шейгал и др.).

Между тем представляется логичным мнение многих исследователей, что современная политическая коммуникация не может производиться без опоры на выработанные ранее традиции, правила и рамки политической речи. Для более объективного анализа современного российского дискурса требуются исторические исследования в данной области, прежде всего дореволюционных политических текстов.

В докладе освещаются результаты исследования региональных политических текстов начала XX века в дискурсивном аспекте. Выбор для исследования текстов именно начала прошлого столетия обусловлен тем, что социально-экономическая ситуация в России того времени не могла не вызвать серьезную полемику в обществе. К тому же, демократизация институтов власти, начатая ещё во времена правления Александра II, резко увеличила роль публичного общения, в которое включались разные сословные группы.

Анализируемые политические тексты — материал нашего исследования — дошли до нас в составе судебных дел 1903-1906 гг., хранящихся в фондах Исторического архива Омской области. Таким образом, объектом исследования являются тексты, возникшие как реакция на происходящее в России начала XX столетия и созданные в рамках первичных(речи, прокламации, письма) и маргинальных жанров (бытовые разговоры) политического текста.

Продуктивным представляется понимание политического дискурса как поля, в центре которого находятся первичные жанры политического текста (партийные программы, заявления, речи, дебаты и т.д.). На периферии же находятся вторичные, или маргинальные жанры, сочетающие в себе элементы политического и других видов дискурса, например, бытовые разговоры, письма в редакцию, карикатуры и эпиграммы на политических деятелей и т.д. Полевой подход позволяет выявить точки соприкосновения политического дискурса с другими разновидностями институционального дискурса (научным, педагогическим, религиозным и др.), а также с неинституциональными формами коммуникации (художественный и бытовой дискурсы).

Жанр печатной политической дискуссии в России ведет свое начало с XVII века. Императрица Екатерина Вторая дала начало общественной полемике по социальным, экономическим и политическим проблемам. Несмотря на авторитаризм, она позволила литераторам, достаточно вольно оскорблявшим ее и окружение, открыто высказывать своё мнение и даже открыла в 1769 году сатирический журнал под названием «Всякая всячина».

Достаточно лояльное отношение к обсуждению некоторых проблем продолжалось вплоть до кончины Александра I. Время правления Николая I – самое важное для оформлявшейся российской культуры время: открытая печатная полемика свелась к спорам о стилях, об истинной народности и т. д. Актуальная социальная тематика из периодической печати не ушла, но дискуссия на эти темы свернулась до обмена репликами на языке аллегорий, понятном только посвященным. Но даже в таком виде, даже сведенная до обмена репликами на эзоповом языке печатная полемика, в отсутствие возможности для устных дебатов, становилась важнейшим фактом общественной жизни. Именно печать, а не свободно высказываемое устное слово, стала основным транслятором между участниками дискуссии и широкой публикой в России. Даже относительно либеральная эпоха Александра II не освободила устное слово, да и в печати освободила от запрета лишь часть обсуждаемых тем, отнюдь не всех и не полностью, поэтому роль эзопова языка не уменьшилась, а даже увеличилась в 1860-х годах и в последующие десятилетия.

Не принесла свободу слова и Конституция 19 октября 1905 г. Только революционный февраль 1917 г. принес действительную свободу для полемики, во всяком случае, в печати, но она была быстро прервана развитием революционных событий. С середины 1920-х годов практически полностью исчезла, а с конца 1920-х годов независимая полемика на общественно важные темы исчезает даже в форме аллегорического языка.

В исторической литературе приводится большое количество данных, которые говорят о преобладании в сознании как сельского, так и городского населения России XVIII-XIX вв. монархической парадигмы. Но участвовавшие во второй половине XIX в. судебные дела, связанные с оскорблением императора, позволяют сделать вывод о том, что в сознании разных слоёв общества, особенно низших, наряду с нейтральным отношением к царю бытовали и антимонархические настроения.

В конце XIX – начале XX века, в связи с трагическими событиями во внешней и внутренней политике Российской Империи (Русско-японская война, Революция 1905 г., Кровавое воскресенье), резко возрастает недоверие общества к императору Николаю Второму. В глазах народа он больше не представляется как справедливый и милосердный монарх. Стоит отметить, что большую роль в разрастании антимонархического настроения сыграла образованная часть населения Российской Империи. Доказательством тому служит большое количество судебных дел, возбужденных против учителей, студентов и мещан, которые тем или иным образом помогали распространять крамольные идеи. В протоколе № 1 дознания о мещанине В.Г.Юдине (1903 г.) приводятся показания городского П.В.Мезенцева. Он рассказывает, что подсудимый Юдин, находясь на мосту, громко сказал фразу: *Долой самодержавие, свобода валит, князь Вяземский будет убит*. На вопрос городского «Откуда Вы знаете это?» Юдин ответил, что знает это «...из книжечек, которые нам студенты дают».

В другом деле, № 160 (1906 г.), приводятся фрагменты прокламаций, распространявшихся учителем школы (с. Харьковское Барнаульского уезда Томской губернии) М.С.Мишуковым. В этом исследовании анализируются две прокламации – «Ко всем гражданам (Идти ли в Государственную Думу?)» и «О царских милостях».

С точки зрения дискурсивных характеристик, эти тексты являются агональными, формально анонимными и рассчитанными на массового адресата. Эти тексты характеризуются повторами модальных предписывающих форм (*рабочие не должны отказаться от стачки, не должны успокоиться*), большим количеством образных выражений (*В Думу правдой и неправдой лезут купцы, они готовы уже лизать ручку Всемилостивейшему, эта овечья шкура не мешает иногда коготок выпустить, омыв руки в невинной крови рабочих, царь-преступник хочет подкупить рабочий класс разными пустяками*), эксплицитно выраженной оценкой (*Долой предательскую Думу, царь-преступник, война - царская забава, тяжелая барская лапа*), наличием риторических вопросов и восклицаний (*За кем идти, кому поверить?, Вот истинно русския стремления членов Союза 17 октября!, Не дорогонько ли продаёт кровопийственное величество страхование от убийств?*).

В обоих текстах присутствует обращение к целевой аудитории, способствующее уменьшению дистанции между автором и адресатом текста: *Граждане, будьте на страже своих интересов!, Подымайтесь же, товарищи рабочие!*. Уменьшению дистанции между автором и целевой аудиторией способствует также употребление в прокламациях просторечных и жаргонных речевых элементов: *Не дорогонько ли продаёт страхование самые махонькие уступочки? Нужно защитить себя от казачьих нагаек и облав жандармов, Не дорогонько ли продаёт кровопийственное величество страхование от убийств, В Думу правдой и неправдой лезут купцы* и пр.

Естественная черта большинства политических текстов XX века – редуccionизм. Продукт политической коммуникации рассчитан на массового адресата. Приведем пример применения бинарной модели «свой/чужие» в анализируемых прокламациях. Здесь противопоставление проявляется на уровне маркёров, наиболее частотными из которых являются не прямые обращения к противникам, а их обозначение в тексте с помощью местоимения *они*, а для маркирования «своих» автор ввёл местоимения первого лица – *мы, нас, нам*: *Они стремятся поудобнее усесться на спине русского народа; Нам нужно страхование от убийств среди белого дня; Они занимаются краснбайством; Мы называем сознательными тех рабочих, которых не удастся запугать хозяевами и разными чиновниками*. Завершается прокламация «Ко всем гражданам» фразой: *Пусть на все их приглашения, на все их воззвания вашим ответом будет одно: долой предательскую Думу!*

Таким образом, прокламации являются продуктами непрофессиональной политической коммуникации и носят сугубо пропагандистский характер. Их предназначение заключается не только во внушении гражданам необходимости «политически верных» действий или оценок, но и понижение статуса политических оппонентов в глазах целевой аудитории.

Совершенно иное содержание в письме-обращении двадцатилетнего мещанина Николая Баранова к императору Николаю II (из дела № 176). Текст разительно отличается от предыдущих своей глубиной и смысловой упорядоченностью. В отличие от предыдущих текстов, автор этого письма ставит перед собой цель не столько понизить статус императора, сколько перенести всю ответственность за содеянное на ближайшее царское окружение. На основе этого текста можно составить портрет интеллигенции начала XX века: отщепенство, фанатизм и обострённое чувство справедливости. Доказательство тому – последняя строчка письма: *Я люблю родину, я люблю правду и за них не пожалею отдать жизни.*

Автор письма выступает в качестве посредника между народом и властью, а также советчика для императора. Он пишет царю о напряженной ситуации в России: об арестах без суда издателей газет, о репрессивных мерах, применяемых чиновниками и отсутствии обещанной в манифесте свободы слова: *Зачем арестуют всех, кто решается открыто высказывать свои мнения? По всей России кровь льется рекой...* Николай Баранов не просто сообщает о проблемах в стране – он имеет смелость напомнить императору, что он для народа, а не народ для него, и что необходимо исполнить его волю. Доказательство тому – глагольные формы в повелительном наклонении: *Прочтите арестованные газеты, Вы должны подчиниться, если народ решит республику.*

Автор выступает в качестве представителя социалистической партии, и он уверен в своих силах. Традиция подобных писем интеллигентов-советчиков берет начало из европейского политического дискурса и развивается в России с начала XIX века. Ещё Н.М. Карамзин в своем «Вестнике Европы» 1802 г. выступал как авторитетный мыслитель, имеющий право обратить внимание правительства на широкий спектр проблем в государстве. Далее этот процесс не прекратился, а существовал в нашей стране в разные исторические эпохи и продолжает существовать в наше время.

Перейдем к дискурсивным характеристикам этого письма. Этот текст рассчитан на индивидуального адресата – императора Николая Второго, и мы точно знаем имя автора данного текста – Николай Баранов. Данный текст следует отнести к институциональному политическому дискурсу, поскольку его автор и адресат имеют закрепленный за собой политический статус (Николай Второй – глава государства, Николай Баранов – представитель социалистической партии).

Текст письма насыщен экспрессивными элементами: *Прочтите их (арестованные газеты), и Вы узнаете, что творится в России и что желает народ; Вся кровь и все слёзы падут на вашу царственную голову; Кровь льётся более широкою рекой, чем в далеких горах Манчжурии; Я буду бороться против этого всеми своими силами.* При этом Н.Баранов обращается к императору на *Вы*, называет его *Ваше Величество*, что свидетельствует об отсутствии неприязни по отношению к адресату текста. К тому же, если вернуться к предыдущим прокламациям, то в них, противоположно письму, обозначена явная оценка главы государства: *Царь-убийца и грабитель; Кровопийственное величество.* Баранов лишь предупреждает Государя о его возможной судьбе в случае игнорирования «воли народа»: *Заклейте имя Вы свое имя в истории прозвищем Кровавого.* Удивительным представляется тот факт, что предсказание этого двадцатилетнего мещанина сбылось в буквальном смысле: именно так и называли последнего русского императора в советских источниках.

Важной характеристика данного продукта политической коммуникации – интертекстуальность. Данное письмо содержит достаточное количество прецедентных исторических знаков, что характеризует автора письма как интеллектуала: *Ваши чиновники-сатрапы, Ваши опричники-казаки; Не думайте, что подавите смуту разными военными положениями, арестами и убийствами, которые Вы называете казнями.*

Следующим текстом для анализа выбрана статья из общественно-политической газеты г. Омска «Степной край» (№269 22.12.1905, из дела №162). Название статьи «Соотношение сил» призвано в броской и краткой форме предупредить читателя о её содержании и облегчает восприятие. С точки зрения структуры статья разделена на три части: вводная, основная часть и заключение. Если обратить внимание на статус автора статьи – студента Арефьева, то можно еще раз подтвердить мысль о том, что большую роль в развитии антимонархических настроений в обществе сыграла именно образованная часть населения.

Во вводной части приводится цитата из речи известного юриста и политического деятеля Ф.Лассалья «О сущности конституции»: «Конституция есть в существе дела ни что иное как действительное соотношение реальных сил в обществе». Автор использует эту цитату как основу для последующих размышлений об устройстве российского общества.

Основная часть статьи конкретизирует основную тему текста, обозначенную в заголовке. Здесь приводится сравнение Французской революции и революции 1905 г. в России: *Пример французской революции показал, что до тех пор, пока силы общества, например войско и пушки остаются на стороне правительства и монарха, победа революционного народа, какая желательна, не произойдет... Период нашей революции показал, что войска уже переходят на сторону народа и пролетариата и приносят ему громадную пользу.* Автор этой статьи видит дальнейшее развитие российского общества не в писанной конституции, а в распоряжении революционным народом пушками и войсками.

Представленная газетная статья по своему содержанию похожа на современные аналитические статьи. Безличные конструкции типа *Необходимо добиваться изменения соотношения сил, Необходимо работать над тем, чтобы привлечь войска и революционизировать их* говорят не только о нейтральном стиле повествования автора и отсутствии речевой агрессии, но и его убежденности в верности своих убеждений. Автор последовательно отстаивает свою точку зрения, приводя аргументы в её пользу: *Полный успех от охватившего Россию волнения будет лишь тогда, когда все войска будут на стороне революционных элементов. Затем, когда будет*

объявлено учредительное собрание, и когда оно будет вырабатывать конституцию, тогда необходимо установить народное вооружение...

Таким образом, проведя анализ региональных политических текстов, стоит отметить, что в большинстве случаев их основной функцией является внушение верности убеждений, представленных автором продукта политической коммуникации. Это достигается как путем применения модели уличного речевого поведения (в случае с прокламациями, предназначенных для рабочих железной дороги), так и последовательного, нейтрального изложения своей позиции (в случае с газетной статьей «Соотношение сил», написанной студентом Арефьевым).

Представляется необходимым в рамках доклада уделить внимание так называемому маргинальному жанру политического дискурса. В нашем случае это бытовые разговоры граждан Российской империи, извлеченные из обвинительных листов судебных разбирательств. Эти тексты представляются важными также и как отражение общего настроения российских обывателей.

На начальном этапе работы встретилось огромное количество судебных дознаний по поводу оскорбления Государя. В одном из них (дело № 121 (1905 г.)) приводится цитата помощника податного инспектора В.М. Лебедева: *Наших солдат японцы бьют оттого, что Царь своей головы подставить не хочет и распорядиться ничем не умеет... Царя – к чорту.*

Другое дознание, № 107, репрезентирует мысли простого крестьянина. На вечеринке в доме мещанина крестьянин Слободников, будучи в нетрезвом состоянии, произнес *от скудости ума (т.е. малограмотности) и в состоянии опьянения стал ругать скверноматерными словами Бога и Царя.*

Большинство таких цитат, взятых судебных дел, отличается использованием нецензурной лексики, употребленной в нетрезвом состоянии или вообще вследствие «алкогольного помешательства», как это было в случае с мещанином Юдиным.

На основании изученного материала можно сделать следующие выводы:

1. В русском политическом дискурсе начала XX века активно используется воздействующая функция речи.
2. Речевые стратегии, использовавшиеся в текстах политической дискуссии, особая роль речевой агрессии свидетельствуют о том, что отечественный дискурс начала прошлого столетия зарождался на основе специфичной модели речевого поведения – уличного митинга.
3. Первичные жанры политического текста характеризуются разной степенью институциональности, экспрессивности, интертекстуальности.
4. Маргинальные жанры политического текста рассматриваемого периода маркированы ярко выраженной спонтанностью речи, наиболее показательный компонент которой – бранная, преимущественно нецензурная лексика.

РОМАНОВА Т. В.

Нижний Новгород

ОБРАЗ РОССИИ: СПОСОБЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

(по материалам ассоциативного эксперимента)

Аннотация. В статье рассматриваются способы репрезентации в языковом сознании образа России. Под способами репрезентации понимаются способы задания смысла в ассоциативных реакциях на слово-стимул Россия. Образ России можно смоделировать как своеобразную фигуру знания: модель движения от слова-знака к смыслу, способу его выражения, области референции.

Ключевые слова: ассоциативный эксперимент, когнема, способ задания смысла, референтная область.

ROMANOVA T. V.

Nizhny Novgorod

IMAGE OF RUSSIA: MODELS OF REPRESENTATION IN THE LINGUISTIC CONSCIOUSNESS (based on association experiment)

Abstract. This article discusses ways of representation in the linguistic consciousness of Russia's image. By means of representation we understand the methods of defining the meaning of associative reactions to a stimulus word «Russia». We have presented a methodology for modeling of the linguistic consciousness according to the association experiment and analysis of the data, which allows to identify and structure the image of Russia, to represent the linguistic consciousness of the participants of the experiment. This image can be modeled as a kind of figure of knowledge: the model of the motion from the word-sign to the meaning, method of expression, the field of reference.

Key words: association experiment, kogname, way of defining the meaning, the reference area.

Процесс моделирования языкового сознания мы рассмотрим на примере статьи ассоциативного словаря.

Когнитивный ассоциативный эксперимент моделирует активный режим работы языкового сознания (от знака к смыслу). Результаты эксперимента отражаются в ассоциативной словарной статье, отличие которой от статьи традиционного лексикографического источника заключается в следующем: «Исходным материалом является не языковая семантика, а языковое сознание, складывающееся из стандартно организованных элементарных единиц знаний о мире, присущих носителю языка» [Караулов и др. 2013: 19].

Проанализированный и классифицированный определенным образом экспериментальный материал позволяет установить крупные единицы когнитивного плана – концепты, из которых путем их самоорганизации (внутреннее структурирование “вглубь” каждого концепта и установление внешних связей между ними) и формируется устройство лингвокультурного тезауруса, представляющего собой ядро, основу языковой картины мира [http://thesaurus.ru/].

Словарная статья тезауруса в идеале должна строиться как национально и культурно ориентированное описание каждого концепта, как наполнение каждой концептуальной зоны элементарными когнитивными единицами (фигурами знания) и соответствующими словами-знаками [Караулов и др. 2013: 8-31]. Результатом является когнайзер – когнемная модель вербального сознания. Под когнемой понимается фигура знания, представляющая собой постоянно текущий динамичный процесс взаимодействия пяти параметров: смысл – способ – слово (знак) – область – функция [Караулов и др. 2013: 17].

Способы задания и расшифровки смысла подразделяются на несколько групп: лингвистические (афоризм, аббревиатура, антоним, внутренняя форма слова, гипоним, гипероним, литота, метафора, оксюморон, омоним, пароним, перифраза, поговорка, полисемия, пословица, рифма, синоним, словосочетание, смена кода, фразеологизм); логические (ассоциации, дескрипции, дефиниция, импликация, множество, предикат, пропозиция, сравнение, суждение, фрейм); способы визуальной модальности (жест, образ, символ); фактологические (прецедентный текст, непрецедентный текст, имя автора, название произведения, персонаж, художественная деталь, событие, деталь биографии, цитата, топоним, псевдоним); научные (термин, формула) [Караулов и др. 2013: 85-87].

Референтная область знаменует когнитивный переход от элементарных фигур на более высокий уровень знаний, к единицам языковой картины мира.

С точки зрения относительной ценности единиц знания принято различать два их типа – знание-рецепт и знание-ретушь [Wettler 1980] (термины были использованы автором источника применительно к когнитивному анализу текста). Первый тип несет существенное, важное, основное, с точки зрения понимания содержания текста и его воздействия, знание. Второе же, т.е. знание-ретушь, сообщает второстепенные, необязательные, фоновые сведения, которые при анализе текста, например по ключевым словам, могут свертываться, опускаться, не учитываться. При определении функции знания, «основного» или «вспомогательного» используются термины рецепт и ретушь соответственно.

Данные для составления словарных статей собраны посредством проведения стандартного свободного ассоциативного эксперимента. Испытуемым предлагалось реагировать на предложенные слова-стимулы первой возникшей в их сознании ассоциацией или несколькими ассоциациями. Результаты эксперимента обрабатывались вручную, словарные статьи были составлены по примеру структуры статей РАС [Русский ассоциативный словарь 2002]. Отметим, что в списке слов-стимулов РАС нет имён собственных.

Респондентами данных, представленных в этой публикации, были учителя русского языка Молдовы (76 чел.). Опрос проводился в декабре 2012 г. Испытуемым было предложено дать ассоциации на следующие слова-

стимулы: Америка (25), Молдова (51), Россия (76). В скобках указано количество анкет, в которых присутствовало соответствующее слово-стимул. Содержание реакций обусловлено экстралингвистическими параметрами: возраст испытуемых (40-60 лет), учителя русского языка и русской литературы, большинство из них родились в России или получили там образование. Предметом интерпретации в данной статье будет стимул *Россия*. Полученные данные представим в виде словарной статьи.

Россия: родина 14; береза 9; Москва, Путин 7; великая держава, держава, Есенин, Пушкин 5; гордость, природа, русский язык 4; водка, Кремль, простор 3; березка, великая, величие, Волга, гражданство, друзья, культура, любовь, мама, масштабность, матрёшка, мечта, мощь, надежда, огромная, партнерство, просторы, развитие, Сибирь, слава, страна, Толстой, тоска, широта 2; балалайка, бедная деревня, бедная, беззаконие, безмерная ширь, белая береза, благополучие, близкое, богатая история, богатая культура, богатая, богатство недр, богатство, будущее, бывшая Родина, великая страна, великие просторы, великое госуд-во, великое наследие, война, высокая культура, гимн, гостеприимство, гостиница, гастарбайтеры, государственная программа развития молодежи, государство, демократия, деревни, детство, доброта, дом, дочь, дружба народов, живет в сердце, жизнь, жить, зима, империя, информация, испытание, история, «каalinka», классическая литература, корабельная сосна, красивая природа, красивые города, крест, леса, литература, лучшая жизнь, малая Родина, МГУ, медведь, многонациональный состав, могучая, могущество, мороз, моря, надежность, направление, неординарная, нефть, образованность, общность территории, огромная страна, огромная территория, огромные просторы, опора, орёл, отдых, ошибочная привязка к пьянству, партнер, Пастернак, Петербург, Петр I, поле, политика, поля, помощь гуман. (л-ра), помощь, понятное, потешки, предки, прекрасные люди, простота, прошлое, Распутин, реки полноводные, религия, речка, родина – место рождения; Родина, хотя родилась и живу не в России; родная, родное, родные, родственники, родство, рус. деревеньки, русская песня, русский язык, сарафан, свобода, связи (друзья), сильная, славяне, слово, спасение, С-Петербург (Эрмитаж), спортивные награды, СССР, стабильность, страна проживания (желаемая), страна с великим народом, страна, театр, терпение, уверенность в будущем, университет, флаг, холод, хорошо, частушки, чернозем, что-то до боли родное, широкая душа, широта души, юность, языковая среда 1; 254+166+1+128

Цифры в конце словарной статьи обозначают: 1 – общее число реакций; 2 – число разных реакций; 3 – число отказов; 4 – число единичных реакций(1).

Затем анализировались пары стимул-реакция: устанавливались способы задания смысла, референтные области и функция. Таким образом мы получили таблицу, отражающую содержательное наполнение когнитивной модели «Образ России в языковом сознании участников эксперимента». Представим её фрагмент.

<u>Знак</u>	<u>Смысл</u>	<u>Способ</u>	<u>Область</u>	<u>Функция</u>
Россия	родина(14)	деталь биографии	Территория, страна	рецепт
Россия	береза (9)	символ	растительный мир	ретушь
Россия	Москва (7)	гипероним - гипоним	география	рецепт
Россия	Путин (7)	прецедентное имя	политика	рецепт
Россия	великая держава (5)	дескрипция	история	рецепт
Россия	держава (5)	гипоним-гипероним	государственное устройство	ретушь
Россия	Есенин (5)	прецедентное имя	культура	рецепт
Россия	Пушкин (5)	прецедентное имя	культура	рецепт
Россия	гордость (4)	ассоциация	чувство, переживание	ретушь
Россия	природа (4)	образ	природа, природные явления	ретушь
Россия	русский язык (5)	ассоциация	Культура/язык	ретушь
Россия	водка (3)	Ассоциация/символ	алкоголь	рецепт
Россия	Кремль (3)	Символ/ассоциация	строение	рецепт
Россия	простор (3)	образ	ландшафт	рецепт
Россия	великая (2)	дескрипция	оценка	ретушь
Россия	величие (2)	ассоциация	оценка	ретушь
Россия	Волга (2)	символ	река	рецепт
Россия	гражданство (2)	словосочетание	Сфера государственной власти	ретушь
Россия	друзья (2)	деталь биографии	взаимоотношения людей	ретушь
Россия	культура (2)	ассоциация	культура	ретушь
Россия	любовь (2)	ассоциация	чувства, переживания	ретушь

Далее считалась частота того или иного способа задания смысла и области референции по формуле $\text{Ч} = \text{а/б}$, где Ч – частота встречаемости, а – количество реакций, заданных тем или иным способом или относящихся к той или иной референтной области, б – общее количество реакций на данное слово-стимул.

Частота способов задания смысла: аббревиатура (2/0,008), автоном (1/0,004), ассоциация (35/0,138), гипероним-гипоним (9/0,011), дескрипция (31/0,122), деталь биографии (32/0,126), дефиниция (1/0,004), квазисиноним (6/0,024), множество (1/0,004), образ (27/0,106), полисемия (1/0,004), предикат (2/0,008), прецедентный текст/имя (33/0,13), символ (55/0,217), словосочетание (8/0,031), событие (2/0,008), суждение (5/0,020). Среди наиболее

частотных – ассоциация, дескрипция, деталь биографии, образ, прецедентный текст/ имя, символ (заметим, что в конкретных реакциях присущая языковым единицам семантическая диффузность не всегда позволяет однозначно квалифицировать способ задания смысла). Прокомментируем их.

Ассоциация [от лат. *associatio* – соединение] – связь между словами, при которой актуализация (восприятие, представление) одного из них влечет за собой появление другого. С психологической точки зрения сила ассоциативной связи зависит от силы впечатления, от возраста человека, пола, образования, характера деятельности, национальности и т.д. Реакции, которые мы квалифицировали как ассоциативные, можно объединить в следующие группы: чувство (*гордость, любовь, мечта, надежда, тоска, жить*), оценка (*величие, культура, будущее, демократия, жизнь, испытание*), стереотипы (*водка, балалайка...*), объективаторы (*гастарбайтеры, государственная программа развития молодежи...*).

Дескрипция [лат. *describere* – описывать] – это описание, т.е. конструкция, по форме имеющая вид «тот ..., который ...». При построении логических средств она включается в язык в числе термов. *Определенная дескрипция* соответствует терму *ix.Ф*, который канонически читается как «тот единственныйх, для которого выполняется (верно) *Ф*». *Неопределенная дескрипция* соответствует терму *ex.Ф*, который канонически читается как «тот х, для которого выполняется (верно) *Ф*» [Дескрипция. Википедия].

Д. [лат. *descriptio* 'изображение, описание'] – фигура описания природы, интерьера, каких-либо предметов «через перечисление чувственно воспринимаемых деталей» с целью их изображения. При таком описании активно используется дескриптивная лексика [Москвин 2004: 62].

«Дескрипция как самостоятельная фигура знания ближе всего стоит по своему содержанию, с одной стороны, к классической дефиниции, а с другой стороны, – к фрейму. Подобно дефиниции она включает в свою формулу родовое именование, но в отличие от нее второй информационный компонент в дескрипции задает не видовое отличие, а указывает на какой-то малосущественный, случайный признак, внешний по отношению к родовому понятию, не раскрывающий ни его внутреннего устройства, ни характерных для него свойств. Если в дефиниции видовое отличие относится к интенционалу искомого знака-слова, то в дескрипции дополнительным информационным компонентом служит какой-то экстенциональный признак. От фрейма дескрипцию отличает, прежде всего, то, что в числе слотов фрейма заметную роль играют слоты, раскрывающие отношения «часть-целое», указывающие на внутренние свойства и функции описываемого явления, но такие характеристики не свойственны дескрипции, которая отражает скорее некоторую конкретную ситуацию и ближайшее окружение (соседство), охватывает только поверхностно видимое, не касаясь существа предмета, а также связанных с ним причин и следствий. Наконец, фрейм не исключает образности, наглядности и даже провоцирует порождение образа, тогда как дескрипция начисто лишена образного момента» [Караулов и др. 2013: 42].

Для описания *Россия* такой способ интерпретации смысла участники эксперимента использовали чаще, чем для описания *Америка, Молдова*: *Россия – великая держава* (история; оценка; рецепт/ ретушь), *бедная деревня* (населенный пункт, оценка; ретушь), *благополучие, близкое* (оценочное ощущение; ретушь), *многонациональный состав...* . Превалируют позитивные дескрипторы (*богатая история, богатая культура, великие просторы, высокая культура, красивая природа, красивые города, образованность, огромные просторы, свобода, страна с великим народом, что-то до боли родное...*), негативные дескрипторы малочисленны (*бедная деревня, беззаконие*).

Деталь биографии. Этот способ задания смысла объединяет информацию, касающуюся жизни замечательных людей, и включает имена деятелей разных областей культуры и искусства – литературы, кино, спорта, живописи и др., а также отдельные факты их частной жизни. Сюда мы отнесли и упоминание фактов частной жизни респондентов. Отметим, что способ *деталь биографии* встречается только в статьях *Молдова* и *Россия*. Например, *Россия – бывшая Родина, малая Родина* (территория, страна; ретушь), *Россия – предки* (семья; ретушь), *друзья* (взаимоотношения людей, ретушь), *юность, мама...* . Поскольку приведенные пары стимул-реакция фиксируют индивидуальное знание, оно отнесено к области ретушь.

Образ (зрительный, слуховой, жестовый и др.) – общепсихологическое понятие. Используется для обозначения особой формы результатов целостного отражения в психике человека действительности. Различают сенсорно-перцептивные и мыслительные образы. В них одновременно представлены пространство, движение, цвет, форма предметов, явлений, временная последовательность событий [<http://psihotesti.ru/gloss/tag/obraz/>] . Этот способ предполагает возникновение наглядного представления соответствующего предмета у «испытываемого»: *Россия – простор, широта, безмерная ширь, леса, чернозем, моря, реки полноводные...* . Большая часть таких реакций отражает природу России, её ландшафтно-пространственные параметры, что позволяет констатировать бытийный способ категоризации.

Способ прецедентный текст в основном представлен в реакциях прецедентными именами сферы политика – *Путин* (абсолютное большинство реакций), культура – *Есенин, Пушкин, Толстой, Пастернак, Распутин* (последнее возможно квалифицировать вариативно), исторические деятели – *Пётр I*; родовидовыми гипонимами-топонимами – *С.-Петербург (Эрмитаж), Петербург, Москва*. Специальность респондентов объясняет преимущество прецедентных реакций, относящихся к сфере литература. Встречаются единичные реакции из сфер исторические события – *война*, жанры и области культуры – *«каalinka», частушки*.

С прецедентностью как способом задания смысла тесно связан другой – *символ*. **Символ** [греч. $\sigma\upsilon\mu\upsilon\lambda\omicron\varsigma$ «условный знак, примета»] – конкретный предмет, осмысленный как представитель абстрактного понятия [*Мо-*

свин 2004: 79]. Реакции- символы: берёза, Кремль, Волга, балалайка, медведь, орёл, матрёшка, сарафан... .

Подобного типа реакции можно отнести к штампам и клише сознания.

Референцию ассоциаций представим в сравнении:

Область	Америка	Молдова	Россия	Америка (Ч)	Молдова(Ч)	Россия(Ч)
алкоголь	0	0	4	0,000	0,000	0,016
архитектура	1	0	0	0,021	0,000	0,000
борьба, конфликт, война	6	0	1	0,125	0,000	0,004
быт	0	0	2	0,000	0,000	0,008
взаимоотношения людей	0	8	8	0,000	0,055	0,031
водоемы	0	1	0	0,000	0,007	0,000
время	0	0	4	0,000	0,000	0,016
гармония, красота	0	3	0	0,000	0,021	0,000
география	5	9	17	0,104	0,062	0,067
город	0	0	3	0,000	0,000	0,012
государственное устройство	2	4	10	0,042	0,028	0,039
деньги	4	0	1	0,083	0,000	0,004
дети	0	0	2	0,000	0,000	0,008
документы	0	1	3	0,000	0,007	0,012
дом	0	0	1	0,000	0,000	0,004
дорога	0	1	0	0,000	0,007	0,000
жизнь знаменитых людей	0	1	15	0,000	0,007	0,059
зоология	0	1	2	0,000	0,007	0,008
игра	0	0	2	0,000	0,000	0,008
история	0	0	3	0,000	0,000	0,012
кино	1	0	0	0,021	0,000	0,000
культура	0	0	5	0,000	0,000	0,020
лес	0	0	1	0,000	0,000	0,004
литература	0	0	2	0,000	0,000	0,008
межгосударственные отношения	2	0	0	0,042	0,000	0,000
море	0	0	1	0,000	0,000	0,004
музыка	1	0	2	0,021	0,000	0,008
населенный пункт	0	0	3	0,000	0,000	0,012
обман	1	0		0,021	0,000	0,000
образование	0	1	3	0,000	0,007	0,012
общественные отношения	0	3	3	0,000	0,021	0,012
одежда	0	0	1	0,000	0,000	0,004
отдых	1	0	1	0,021	0,000	0,004
ощущение	13	7	11	0,271	0,048	0,043
поведение, образ жизни	1	1	1	0,021	0,007	0,004
полезные ископаемые	1	0	2	0,021	0,000	0,008
политика	1	5	14	0,021	0,034	0,055
природа, природные явления	1	7	17	0,021	0,048	0,067
продукт	0	6	0	0,000	0,041	0,000
пространство	0	3	0	0,000	0,021	0,000
поэзия	0	1	0	0,000	0,007	0,000
растительный мир	0	15	17	0,000	0,103	0,067

развитие	1	1	4	0,021	0,007	0,016
река	0	2	4	0,000	0,014	0,016
религия	0	0	2	0,000	0,000	0,008
родина	0	28	21	0,000	0,193	0,083
семья	0	10	6	0,000	0,069	0,024
слава, известность	0	0	21	0,000	0,000	0,083
социально-трудовые отношения	0	8	0	0,000	0,055	0,000
спорт	0	0	1	0,000	0,000	0,004
строение	2	2	4	0,042	0,014	0,016
трудности	0	2	2	0,000	0,014	0,008
финансово-экономические отношения	3	2	0	0,063	0,014	0,000
фольклор	0	3	4	0,000	0,021	0,016
характер человека	0	0	4	0,000	0,000	0,016
цвет	1	0	0	0,021	0,000	0,000
чувство, переживание	2	5	13	0,042	0,034	0,051
этнография, этнология	0	1	1	0,000	0,007	0,004
язык	0	0	7	0,000	0,000	0,028

Говоря о референтных областях, можно заметить, что только на стимул *Россия* есть реакции, которые относятся к области алкоголь (*водка*). Область борьба, конфликт, война соотносится со словом-стимулом *Америка* (*враждебность*). Референтная область взаимоотношение людей коррелирует со словами-стимулами *Россия* и *Молдова* (*гостеприимство, дружба*). Области география, государственное устройство, политика широко представлены в реакциях на все слова-онимы (*гимн, президент...*). Поскольку на все слова-стимулы дано много оценочных реакций, референтная область ощущение релевантна для всех онимов. Например: *Россия – надёжность, гордость, любовь, тоска, близость, живёт в сердце, спасение...*

Можно утверждать, что способ образования реакции и функция знания показывает нам устройство и функционирование языковой картины мира носителей языка, а референтная область помогает сравнивать реалии, обозначенные словом-стимулом.

Итак, мы представили методику моделирования языкового сознания по данным ассоциативного эксперимента. Анализ полученных данных позволяет выявить и структурировать образ России, репрезентированный в языковом сознании участников эксперимента. Этот образ можно смоделировать как своеобразную фигуру знания: модель движения от слова-знака к смыслу, способу его выражения, области референции.

При моделировании образа России по данным ассоциативного эксперимента мы сделали следующие выводы. Наиболее частотные способы задания смысла – ассоциация, дескрипции, деталь биографии, образ, прецедентное имя, символ. Наиболее характерны положительные оценочные реакции, позитивные дескрипторы; прецедентные реакции, относящиеся к сфере литература. Стереотипность представления о России отражают следующие реакции-штампы сознания: *берёза, балалайка, медведь, матрёшка, сарафан*. Области референции представлены достаточно широко: география; территориальное, государственное устройство; социально-трудовые отношения; политика; культура, язык; жизнь знаменитых людей; природа, природные явления, растительный мир; взаимоотношения людей; семья; оценка; ощущения/ чувства/ переживания. В целом, на стимул *Россия* в эксперименте было дано больше реакций, чем на стимулы *Молдова, Америка*. Наиболее частотная реакция *родина* (*родина, малая родина; Родина, хотя родилась и живу не в России*).

Литература

Дескрипция – Википедия

Караулов Ю.Н., Филиппович Ю.Н., Романова Т.В., Черкасова Г.А.

Информационная технология создания когнитивного тезауруса носителя русского языка и культуры: Учебное пособие. Серия «Инфо-когнитивные технологии». – М., – Нижний Новгород, 2013 (в печати).

Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи: Тропы и фигуры. Терминологический словарь-справочник. М., 2004

Русский ассоциативный словарь. В 2-х томах. Т.1. От стимула к реакции/ Ю.Н. Караулов, Г.Н. Черкасова, Н.В. Уфимцева и др. – М., 2002. – 784 с.

<http://thesaurus.ru/> Проект «Лингвокультурный тезаурус русского языка».

<http://psihotesti.ru/gloss/tag/obraz/>

Wettler M. Sprache, Gedächtnis, Verstehen. Berlin-New York, 1980.

САДУОВ Р. Т.

Уфа

«СВОЙ» И «ЧУЖОЙ» В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ КОМИКСЕ

Аннотация. В статье раскрываются способы реализации оппозиции «свой/чужой» в современном российском политическом комиксе. Полисемиотическая среда комикса и его нарративный характер позволяют отразить противостояние не только на уровне письменного текста, но и на уровне изображения. Исследование предполагает анализ каждой из названных составляющих по отдельности, а также в их связи.

Ключевые слова: политическая коммуникация, креолизованный текст, комикс, свой/чужой.

SADUOV R. T.

Ufa

«FRIEND» AND «ALIEN» IN CONTEMPORARY RUSSIAN POLITICAL COMICS

Abstract. This article unveils the «friend/alien» opposition in contemporary political comics of Russia. The polysemiotic environment and the narrative character of comics allow describing the confrontation and depicting it at the same time. The research deals with the verbal and pictorial parts of the comics individually and in combination.

Key words: political communication, polysemiotic text, comics, friend/alien.

Вступление

В 2013 году в 4 номере журнала «Политическая лингвистика» была опубликована статья «Прецедентные вербальные, визуальные и вербально-визуальные феномены в креолизованном тексте (на материале современного российского политического комикса)», где был проведен анализ функционирования прецедентных феноменов в современном российском политическом комиксе (креолизованном тексте). Результаты исследования показали, что авторы российских комиксов активно используют прецедентные феномены из сфер-источников «Песня», «Комикс», «Интернет» и некоторых других [Садуов 2013: 214-223].

Представляется, что современный российский политический комикс имеет не меньший потенциал для раскрытия оппозиции «свой-чужой». Цель данной статьи состоит в анализе того, каким образом и с помощью каких средств упомянутая оппозиция может быть выражена в креолизованном тексте. Анализ проведен на примере тех же четырех комиксов, что были исследованы в статье, указанной выше.

Материал исследования

В качестве материала исследования были подобраны четыре комикса за 2009-2013 годы: Супер Путин, Городские легенды, Политический комикс «КинДзаДза ГД РФ», Человек-Грызлов. Три из них состоят из нескольких выпусков. Общее количество выпусков составляет 20, общее количество страниц равно 530. Аналогичный материал использовался в исследовании [Садуов 2013: 214-223]. Напомним, что комиксы подбирались методом сплошной выборки в соответствии с нижеуказанными критериями:

1. Одно или несколько действующих лиц комикса является известным политическим деятелем либо выступает от лица и / или в пользу / против такового.
2. Тематика комикса связана с политической жизнью Российской Федерации, затрагивает актуальные политические проблемы современности.
3. Комикс должен иметь достаточно длинный сюжет (не менее 10 страниц).
4. Если комикс состоит из нескольких частей, то все они должны быть связаны друг с другом общей тематикой и / или действующими лицами.
5. Кроме того, в данном случае было выдвинуто еще одно условие: комикс должен быть напрямую связан с существующим демократическим строем Российской Федерации.

Терминологический аппарат

В качестве основного материала данного исследования выступает *комикс*, который понимается как «нарративная форма, сочетающая в себе письменный текст и изобразительные элементы» [Меу 2009: 80]. Комикс, в свою очередь является примером креолизованного текста, который исследователи определяют как «текст, фактура которого состоит из негомогенных частей: вербальной (языковой/речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)» [Сорокин, Тарасов 1990: 180].

Кроме того, необходимо определить понятия «Свой» и «Чужой». Согласно А.П. Садохину, «чужой» может иметь следующие значения: 1. неместный, иностранный; 2. странный, необычный; 3. незнакомый, неизвестный и недоступный для познания; 4. зловещий, несущий угрозу для жизни. В то же время, «свой» подразумевает тот «круг явлений окружающего мира, который воспринимается как знакомый, привычный, само собой разумеющийся» [Садохин 2005: 68-70]. Следует отметить, что содержание понятий «свой» и «чужой» может изменяться в зависимости от позиции автора того или иного текста.

Результаты

Согласно определению креолизованного текста предполагается наличие вербальной и невербальной составляющих. В случае комикса можно говорить о связи письменного текста и изображения. Ниже представлен анализ некоторых вербальных и невербальных средств, отражающих оппозицию «свой/чужой». Для удобства указанные средства поделены на группы.

Как было сказано выше, содержание понятий «свой» и «чужой» зависит от того, кто является автором текста. Заказчиками большинства исследованных комиксов являются правительственные структуры, поэтому под «своими» имеются в виду лица, чьи действия направлены на укрепление существующего демократического строя, в то время как в роли «чужих» выступает оппозиция и те персонажи, которые выступают против существующего порядка. В одном из комиксов (Политкомикс «КинДзаДза ГД РФ»), тем не менее, в роли «своих» вы-

ступают оппозиционные силы (партия «Справедливая Россия»), а в роли «Чужих» - прочие партии и политические деятели. Рассмотрим способы реализации оппозиции «свой-чужой» в современном российском политическом комиксе.

«Чужие» в письменном тексте

1. Оценочные номинации, навешивание ярлыков

Среди оценочных номинаций могут быть найдены различные отрицательные наименования, такие как «бандит», «вампир» (комикс «Человек-Грызлов»), «коррупционер» (комикс «Супер Путин»), «бомбила» (комикс «Бомбила»), «крыса» (комикс «Рецепт столичный» из серии «Городские легенды») и т.д. Представляется любопытным, что в качестве отрицательной номинации используются и выдуманные единицы, например, «няки» для обозначения оппозиции («чужих») в комиксе «Супер Путин». Не меньшей популярностью пользуется также прием навешивания ярлыков: например, «Черный олигарх» в комиксе «Человек-Грызлов» и «Толстый тролль» в комиксе «Супер Путин». Первый присвоен Борису Березовскому, который на момент издания комикса проживал в Лондоне. Второй присвоен оппозиционеру и блоггеру Алексею Навальному.

2. Использование прецедентных феноменов с отрицательной ассоциацией

Использование наименований отрицательных персонажей известных произведений кинематографии является продуктивным способом оценки того или иного персонажа. Так, например, сюжет комикса «КинДзаДза ГД РФ» основан на истории одноименного художественного фильма. Главный герой, в роли которого выступает глава партии «Справедливая Россия», противостоит чатланам и эцилопам (прочим парламентариям), перед которыми нужно много приседать, чтобы получить мигалку. В другом комиксе («Однорукий бандит» из серии «Городские легенды») собирательный образ владельцев нелегальных казино сравнивают с уголовником по кличке Горбатый из кинофильма «Место встречи изменить нельзя». Безусловно, соотнесение отрицательных персонажей фильмов с действующими лицами комикса накладывает свой отпечаток на восприятие нарисованной истории.

3. Негативно-оценочные суждения также используются авторами комиксов. В качестве примера приведем суждение одного из персонажей комикса «КинДзаДза ГД РФ»: «Пишет там в основном один массовик-затейник. Режиссер-недочка. Имитация – его основной жанр. Мы вот тут по его постановке имитируем демократию. Вяло, но имитируем».

4. В исследованных комиксах можно найти единицы отрицательно-оценочной лексики, такие как «логово» (комикс «Человек-Грызлов») или «притон» (комикс «Однорукий бандит»).

5. Ирония также может использоваться авторами. С ее помощью достигается комический эффект, а иногда и эффект гротеска. Так, в комиксе «Как потратить триллион» используется наименование организации «Бобло – боевые блоггеры», которая с помощью компьютерного вируса «Большевик» грабит правительство Москвы. В комиксе «Рецепт столичный» из серии «Городские легенды» используется обращение «Ну что, жертва мировой медицины, готов испытать на себе мастерство московских врачей?», адресованное чиновнику, которого медицинские специалисты из разных стран безуспешно пытаются излечить от коррумпированности.

6. Импликация отрицательной оценки через высказывания отрицательных персонажей. Часто реплики «чужих» в комиксе сформулированы таким образом, чтобы вызывать однозначно отрицательную оценку. Например, высказывание Черного Олигарха «Я хочу уничтожить Россию. Она мне мешает» напрямую говорит о намерениях персонажа и представляет собой вызов к открытой конфронтации. В то же время такие высказывания, как «Чтоб олигарх не мог водки купить! Нет, в наше время такого не было...» выражают оппозицию «свой-чужой» через отрицание антиценностей Черного Олигарха.

«Свои» в письменном тексте

1. Оценочные номинации, навешивание ярлыков

Оценочные номинации и ярлыки также используются для описания «своих». Так, первого президента России в комиксе «Супер Путин» называют «Великий отец». В этом смысле он противостоит «Великой матери», как называют лидера оппозиционеров Н.И. Новодворскую. В данном случае большую роль в описании персонажей играет визуальная составляющая. Если появление «Великого отца» сопровождается добрым ритуалом и светлыми тонами, то цветовая и визуальная составляющие появления «Великой матери», которая правит миром темносиних тонов и внешне отталкивающих персонажей, выглядит куда менее приятной.

2. Импликация положительной оценки через высказывания положительных персонажей

Высказывания «своих» персонажей чаще всего носят односторонне положительный характер. Так, в комиксах серии «Городские легенды» речь положительных персонажей отличается серьезностью намерений и правильностью: «Считаю – главное, что нам удалось сделать – это изменить идеологию развития города». В комиксе «КинДзаДза ГД РФ»: «Такое предложение <...> Принимаем нормальные законы для людей».

3. Использование прецедентных феноменов с положительной ассоциацией

Так же как «чужие» в комиксах ассоциируются с отрицательными персонажами кинофильмов, «свои» ассоциируются с положительными. Например, положительные персонажи одного из комиксов серии «Городские легенды» отождествляются с Ночным дозором, стражами добра из одноименного российского фильма. В комиксе, правда, описана борьба не со злом, а с городскими пробками.

«Чужие» в изображениях

Изображение персонажей в комиксе играет важную роль. Практически всегда положительный персонаж внешним видом выгодно отличается от отрицательного.

1. Чаще всего «чужому» в комиксах присваивается образ отрицательного персонажа: неприглядные образы Человека-Крота и Мосгаза, образ черного олигарха (изображение полностью черного человека без каких-либо черт лица), образ агрессивного борца сумо (А. Навальный) и т.д.

2. Создание негативных / неприятных визуальных символов

Наличие изображения в комиксе позволяет создать неприятный визуальный образ того или иного персонажа за счет того, как показана среда его обитания. Так, Черный олигарх (Б. Березовский) всегда изображается в окружении бутылок водки, причем, название напитка на этикетке содержит ошибку: «Вотка». «Великая мать» (Н.И. Новодворская) правит в окружении внешне отталкивающих зомби.

«Свои» в изображениях

1. «Свои» в исследованных комиксах всегда изображаются с положительной стороны. Путин изображен в образе спортсмена и супергероя, так же как и Медведев (в комиксе «Супер Путин»). Спикер Грызлов примерил на себя образ Супермена (в комиксе «Человек-Грызлов»). Даже рядовые чиновники московской мэрии и Кремля имеют положительные образы.

2. Создание положительных визуальных символов

Положительные герои комиксов («свои») действуют в обстановке, вызывающей положительные ассоциации. Их почти всегда сопровождают светлые теплые тона, они опрятно одеты, живут и работают в залитых светом помещениях.

Обсуждение результатов

На основании проанализированных выше материалов можно сделать вывод о том, что креолизованный текст представляет собой богатый материал для эффективного выражения оппозиции «свой/чужой». Благодаря визуальной составляющей становится возможным представить тех или иных реальных лиц в виде положительных и отрицательных персонажей. В то же время повествовательный характер текста позволяет выражать мысли, чувства и эмоции персонажей самым непосредственным образом – через их же реплики и действия. Характерно, что и письменный текст, и рисунок используют прецедентные образы для создания стойких положительных или отрицательных ассоциаций.

Литература

- Садохин А.П. Введение в теорию межкультурной коммуникации. – М.: Высш. шк., 2005. – 310 с.
Садуов Р. Т. Прецедентные вербальные, визуальные и вербально-визуальные феномены в креолизованном тексте (на материале современного российского политического комикса) // Политическая лингвистика; гл. ред. А.П. Чудинов. – Екатеринбург: ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2013. – Вып. 4 (46). – С. 214-223.
Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция. – М.: Наука. – 1990. – 227 с.
Mey K.-A. L. Pragmatic Aspects of Comics // Concise Encyclopedia of Pragmatics / Ed. Jacob L. Mey. – Oxford: Elsevier Ltd. – 2009. – P. 80-85.

Источники

- Городские легенды. URL: <http://www.legends.msk.ru> (дата обращения: 01.06.2014).
Политический комикс «КинДзаДза ГД РФ». URL: http://exdesign.su/graph/comics/comic_about_Russian_politics (дата обращения: 01.06.2014).
Супер Путин. URL: <http://www.superputin.ru> (дата обращения: 01.06.2014).
Человек-Грызлов. URL: www.gryzlovman.com (дата обращения: 01.06.2014).

СЕРГЕЕВА Е. В.

Санкт-Петербург

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА СОВРЕМЕННЫХ ОППОЗИЦИОННЫХ ИНТЕРНЕТ-СМИ: ЗНАЧИМОСТЬ ИРОНИИ КАК ПРИЕМА РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Аннотация. Статья посвящена иронии как средству речевого воздействия. В центре внимания автора статьи находятся специфические особенности иронии в современных оппозиционных Интернет-СМИ.

Ключевые слова: ирония, сарказм, речевое воздействие.

SERGEeva E. V.

St. Petersburg

LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD IN THE MODERN INTERNET-MEDIA: THE IRONY AS A METHOD OF THE SPEECH EFFECT

Abstract. The article deals with the irony as a method of the speech effect. The author in the article focuses on the specificity of the irony in the modern internet-media.

Key words: irony, sarcasm, speech effect.

Современные оппозиционные Интернет-СМИ чрезвычайно интересны с точки зрения специфики языковой картины мира, в том числе языковых средств воздействия на адресата. Одним из распространенных и наиболее важных приемов речевого воздействия здесь является ирония.

Ирония традиционно понимается как намеренное употребление лексической единицы, высказывания или целого фрагмента текста в смысле, противоположном буквальному, специально выделяемое утверждение противоположного тому, что на самом деле думает адресант, ориентированное на осмеяние предмета описания, и/или

возбуждение к нему отрицательного отношения. Ирония – стилистический прием (риторический троп), с одной стороны, ориентированный на образованного, мыслящего адресата, а с другой – требующий креативности и литературного мастерства от адресанта.

Оппозиционные сайты чаще всего предназначены прежде всего именно для такого – образованного, мыслящего – коммуниканта, а авторы, пишущие на них, обладают требуемой креативностью в области языка и стиля.

Проблемой иронии интересовались еще М.В.Ломоносов и А.А.Потебня [Ломоносов 1952, Потебня 1905], поскольку риторический прием иронии всегда достаточно активно использовался в ораторском искусстве и в публицистическом стиле. Современные исследователи не уделяют иронии большого внимания; в качестве исключения можно назвать только книгу О.П. Ермаковой [Ермакова 2001].

Между тем ирония в современных оппозиционных Интернет-СМИ становится одним из важных и частотных средств воздействия на читателя: в рассмотренном материале на сайтах «Грани.ру», «Ежедневный журнал», «Новое время», «Эхо Москвы», «Slop» и «Независимая газета» в период с 22.02.2013 по 20.07.2014 было найдено более 200 примеров употребления этого приема

К наиболее значимым особенностям приема иронии в оппозиционных Интернет-СМИ относятся следующие:

1) «развернутость» в пределах широкого контекста, повторы переосмысленных лексем и дериватов слова, употребленного в противоположном значении, выстраивание «цепочек» из «небуквальных» номинаций, доходящих до объема целой статьи;

2) яркость выражения отрицательной оценки, интенсивность этой коннотации и переход собственно иронии в сарказм, приводящий к возникновению приема, который может быть назван ироническим сарказмом или, лучше, саркастической иронией;

3) использование приема «абсурд-иронии», основанной на доведении иронического высказывания до демонстративного абсурда, когда упоминаемые факты, действия и обоснования просто не могут быть таковыми в пределах нормальной логики, противоречат общеизвестным фактам и представлениям о реальности или являются просто фантазией;

Рассмотрим наиболее показательные примеры, связанные со спецификой рассматриваемого приема.

1. Так, в статье А.Ореха «Дело Васильевой на безделье (Васильевой) не меняют» («ЭМ», 10.07.2014) ирония возникает в пределах целого текста из «простого изложения событий», что специально подчеркивает автор:

...Государственная и судебная машина с серьезнейшим видом погружены в копеечные, вымышленные дела, например, Навального. Они пересчитывают пни и опилки, посылки с дешевой косметикой или среди ночи ищут доказательства кражи художественных ценностей в виде снятого с забора рисунка провинциального дворника.

Вот тут все дико строго и общественно опасно. А многомиллиардные хищения в министерстве обороны – это мелочь, не страшнее пипики на сторублевой купюре. <...> Госпожа Васильева тем временем совершала ежедневные моции и в качестве карманных денег тратила на милые безделушки пачки 5000-тысячных банкнот. 5000-тысячные банкноты во всех смыслах лучше сторублевок.

<...> Васильева под домашним арестом получила, наконец, счастливую возможность просто гулять. И одеваться по последней моде, потому что под домашним арестом надо выглядеть прилично и стильно. Она просит продлить срок ознакомления с материалами уголовного дела, потому что кроме прогулок и шопинга ее время было потрачено на другие, более важные дела. Она пела песни и записывала клипы. <...> И пока сама Васильева изнывает под непосильным арестом, ее поэзия поражает массы пиришеством рифм и гербарием образов, больше похожих на генератор случайных букв. <...> Но и вправду: куда торопиться? Миллиарды-то все равно уже тютю.

Не менее показательный пример – статья Г.Мирского «Вернем Москву без...» («ЭМ», 16.05.2014), в которой ирония по поводу абсурдного лозунга возникает в целом комплексе высказываний, затрагивающих различные аспекты рассматриваемой ситуации:

Давно такой радости не испытывал, как вчера. Проехался по Москве – как чудесно! Везде плакаты «Вернули Крым – вернем и Москву без пробок». От избытка ностальгии аж слезы на глазах: вспомнил Москву без пробок. <...> Вот и вернем это дивное время. Москва без мерседесов, БМВ, ауди, оппелей, фордов, всяких там тойот и нисанов, не говоря о внедорожниках, лендровегах разных – и соответственно без пробок. А куда девать эти сегодняшние миллионы машин? Вон их из города! Там где-нибудь за МКАД пусть катаются. <...> Но почему только машин? А все другое, что загромождает, затрудняет, засоряет, раздражает, развращает, отвлекает, шумит и грохочет, жизнь укорачивает? Компьютеры с этим тошнотворным интернетом, айфоны и айпеды, планшеты, плееры, всякие там гаджеты. «Вернем Москву без гаджетов» – чем плохо? Да и гораздо легче от мобильных разных избавиться, чем от автомобилей.

Нет уж, вернем так вернем. Без этих либеральных мини юбок и антипатриотических шортов. <...> А почему бы не вернуть Москву без частного бизнеса, без лавочек и всякой буржуазной заразы? <...> «Вернем Москву без фитнес-клубов и дискотек!» – чувствуете, сколько патриотизма звучит в этом лозунге, сколько традиций и подлинно русского консерватизма, к которому надо население неуклонно и беспощадно приучать! <...>

Конечно, злопыхатели скажут, что плакат «Вернули Крым, вернем Москву без пробок!» – это шедевр идиотизма и безвкусицы. Что ж, пусть захлебываются визгом еще уцелевшие агенты, недолго им осталось...

Аналогичный пример феномена, который может быть назван текстовой иронией, – запись в блоге Антона Ореха «Фейсом об тейбл – цифровой суверенитет», в полной мере представляющая также упомянутое выше превращение собственно иронии в сарказм:

Слов нет, штуку сволочную, конечно, пиндосы устроили. Не хорошо лезть в чужие дела, подслушивать чужие разговоры, вскрывать чужие письма. И уж тем более нехорошо прослушивать Дмитрия Анатольевича, который так искренне, так доверчиво накопил себе айфонов, айпэдов, завел инстаграмов, твиттеров, ютубов, фейсбуков и прочих кунштюков. Поэтому я полностью поддерживаю гнев Железняка, предлагающего разместить серверы, содержащие персональные данные россиян, на территории России, чтобы «шпионы, разведки и мошенники не могли воспользоваться разницей законодательных подходов». Это абсолютно верная инициатива. <...> Так что надо поскорее избавляться от всей этой заразы, проводя мультимедийную дезинфекцию и защищая, как выразился Железняк, цифровой суверенитет нашей страны. Да и для здоровья будет полезнее. Ведь сколько времени просерают молодые, да и не очень молодые люди на этих ресурсах! <...> Надо в кратчайшие сроки создать русский фейсбук. Он будет называться МордаКнига или КнигаМорд. Чтобы, так сказать, фейсом об тэйбл.

При заходе на этот ресурс неизменно будут открываться сайт Кремля, сайт Госдумы, сайт Народного Фронта и личный сайт Железняка. А больше ни фига открываться не будет, потому что больше ничего народу и не нужно. А чтобы окончательно обезопасить наши организации и учреждения от проникновения врагов по компьютерным сетям, отрубить к чертям собачьим все компьютеры, кроме советских киборгов «Агат» и «Корвет», а остальным раздать деревянные счеты и вести записи в амбарных книгах. («ЭМ», 19.06.2013).

Представленные примеры развернутого иронического высказывания часто осложняются формально выделяемыми способами воплощения текстовой иронии, чаще всего – различными вариантами повтора. Показательный пример использования «иронического повтора» – запись в блоге Д.Драгунского «Обожаю...» («ЭМ», 15.04.2013), где многократно повторяется анафорический глагол: *Обожаю ненавистников западной демократии... Обожаю ненавистников свободного рынка... Обожаю ненавистников либерализма... Обожаю ксенофобов... «Деривационный повтор»* использует в своем блоге А.Навальный («ЭМ», 12.02.2013), многократно повторяющий лексемы этика, этичный, этично, этичность в тексте под названием «Вопросы этики».

Ирония становится доминирующим приемом, на котором строится текст в целом, также в статье В.Портникова («Грани.ру», 14.06.2013.), построенной на развертывании иронического сопоставления двух периодов жизни России, в статье В.Шендеровича «Не до подробностей» («ЭМ», 15.04.2013), в которой автор утверждает диаметрально противоположное известным фактам и дает этим фактам резко отрицательную оценку, и во многих других примерах.

2. Особый вид иронии, ее высшая степень – сарказм, который часто характеризуется как злая ирония. Однако точнее определять сарказм как иронию, максимально интенсивно отражающую отрицательное отношение к чему-либо. Резкость изобличения, связанная с желанием максимально ярко выразить негодование – важная особенность сарказма. Можно также определить сарказм как риторический прием, а котором на основе иронии осуществляется речевое воздействие, ориентированное на создание резко отрицательного образа описываемого явления, объекта или субъекта. Степень выраженности сарказма тем выше, чем ярче выражена положительная или отрицательная коннотация в узуальном лексическом значении (великий Путин, обожаю, ужас натуральный, американские живодеры, моральный террор).

В оппозиционных Интернет-СМИ читатель часто видит иронию, переходящую в сарказм:

Говард Дин, бывший кандидат в президенты от демократов, ничего не разглядел в словах Путина кроме «пропаганды». А сенатора Роберта Менендеса и вовсе «тошнит» от статьи. Столь парадоксальную реакцию сенатора на миротворческое сочинение нашего гаранта трудно объяснить. Разве что ему чеченская война вспомнилась, а также грузинская, в которой тоже как-то обошлись без санкции Лиги Наций, ну так это ж когда было. С тех пор Владимир Владимирович сильно переменялся, увлекшись рыбалкой, историей ООН и небывало честными, легитимными, прозрачными выборами. И подконтрольными еще, да.

Вчера истинные патриоты и пацифисты из Всероссийского фонда образования даже выдвинули его кандидатом на Нобелевскую премию. И хотя прием заявок на этот год уже завершен, ничто не мешает наградить Владимира Владимировича через годик. Шутка ли, такие выборы в России провел, призвал другого нобелевского лауреата к миру и пристыдил его как безбожника. Собственно, текст лекции, в которой что ни строка, то чудо, уже практически готов. Осталось лишь организовать вручение (Илья Мильштейн, Ястреб мира – «Грани.ру», 13.09.2013).

Яркий пример саркастической иронии, которую можно также назвать ироническим сарказмом, – фрагмент статьи В.Шендеровича «Живыми не дадимся» («ЕЖ», 29.04.2013):

И то сказать: не наказывать же ментов всерьез за издевательство над народом! Тем более что Благовещенск незадолго до избияния довольно дружно проголосовал против президента Рахимова — так что, по большому счету, так им всем и надо, правда?

Твердость, проявленная в уклонении от закона во имя начальства, была высочайше замечена, и вскоре г-н Коновалов получил от президента Путина пост министра юстиции... Теперь, умница, противостоять попыткам США управлять миром и дает гарантии юридической безопасности новому поколению беспредельщиков. Есть в этом, согласитесь, какая-то чистая логическая красота... А Штаты — это, конечно, ужас натуральный. Им дай волю, мы вообще без кадров останемся.

Саркастическая ирония – частотный феномен в современных оппозиционных СМИ. Многие тексты, относящиеся к 1 разделу, могли бы стать показательными примерами и для демонстрации упомянутого явления.

Саркастическая ирония позволяет добиться сильного эффекта часто именно за счет доведения представленной информации до абсурда:

А как еще прикажете защищаться от хаоса под радужными знаменами? Как отбиваться от толерантных, захвативших уже почти весь мир и протягивающих свои кровавые щупальца в сторону России? Голыми руками? Нет, и триллионный военный бюджет РФ с прописанными в нем «Искандерами» является достойным ответом на происки бесполоых, бесплодных и аморальных. <...> Реально тревожит другое. На территории Зла, бездуховности и условного противника в больших количествах расположены виллы, дворцы и замки российских граждан, которые работают здесь, а живут там, исподтишка подтачивая мир толерантности и чистогана. <...> Приходят в голову всякие мысли о несправедливом устройстве мира. Сам собой напрашивается вопрос: а что если в ходе бомбежки аморального интернационала пострадают невинные – вот эти чиновники и олигархи? Тяжелая эта мысль буквально не дает спать независимому наблюдателю. <...> Путин может спокойно продолжать вкладывать триллионы рублей в оборонку и расставлять ракеты по периметру. <...> А его верные соратники – вывозить из России миллиарды долларов или евро и обустриваться в зоне досягаемости родных ракетных комплексов. Такого рода консерватизм, утверждая на Западе отечественные духовные и прочие ценности, является основным содержанием путинской эпохи и залогом мирного сосуществования человечества со священной нашей державой. (Илья Мильштейн, «Наша цель – толерантность» – «Грани.ру», 18.12.2013).

3. Элементы абсурда становятся одной из наиболее привлекающих внимание особенностей приема иронии в современных оппозиционных Интернет-СМИ:

Депутаты запретили отправлять детей за границу – это потому, что у нас было семь войн, ясное дело. Гомосексуализм нельзя публично оправдывать, потому что у нас девять часовых поясов: и так день с ночью путается. Взятки берут до 90% от сметы проекта – потому что самое большое число сопредельных государств. Дорог нет – потому что четыре политических режима, и каждый обещал их построить, но не строит, чтоб следующему режиму не досталось. Выборов не проводим, потому что геноцид населения с Германией – не из кого и некому... (А. Баунов Оправдывает ли Россию ее уникальность. Slon, 25.05.2013).

Описание совершенно невозможных событий создает яркое впечатление абсолютного абсурда, на котором основывается саркастическая ирония, в статье в блоге А.Ореха «Напугали ежа голым задом» (05.03.2014):

Пускай только попробуют ввести против нас санкции! России есть чем ответить на инсинуации Запада и провокации США...<...>Едва они там рыпнутся, как миллиарды долларов, которые американские граждане хранят на счетах в Сбербанке, будут реквизированы нами и направлены на поддержку народа Крыма.

В ту же минуту многочисленные особняки американских депутатов и сенаторов на Рублевке и в Сочи с видом на олимпийские объекты, будут опечатаны и заколочены фанерой. А в скором времени перепрофилированы в служебные квартиры и дачи российских депутатов всех уровней. Если Европа откажется выдавать россиянам визы, мы не испугаемся. Наоборот! Хватит уже кататься по этой Европе, где одни только гомосеки и остались, где вместо мужчин и женщин уже 54 пола для потерявших человеческий облик так называемых европейцев, где мечтают усыновить наших детей для последующей перепродажи на органы или эвтаназии.

И, наконец, фантастическое, доходящее до фантазмагории, становится основой содержания иронической реплики в блоге А.Навального «Они и на метеоритах распилят» (18.02.2013):

Горжусь Россией. Она станет первой страной, где даже и камень, упавший с неба, становится поводом для мегапроекта, направленного на уворование десятка-другого миллиардов. <...> Уверен, если с неба начнут падать жабы, а в небесах появится огромная алая надпись "ХВАТИТ КРАСТЬ", то это станет поводом только к трём вещам:

– *Правительственная ФЦП «Противожабная лазерная защита» стоимостью 45 млрд.*

– *Экстренная внеконкурсная закупка НИОКР "Новейшие технологические решения по недопущению экстремистских надписей в суверенном воздушном пространстве Российской Федерации" с последующей реализацией предложений за 51 млрд.*

– *Выделение Кургияну 2-х миллионов рублей для повязки (тёмной ночью) на жабы лапки белых лент с последующим разоблачением проамериканской белоленточной провокации по Первому каналу.*

В целом рассмотрение приема иронии в современных оппозиционных Интернет-СМИ свидетельствует о том, что традиционное риторическое средство в нетрадиционном типе коммуникации сохраняет свои основные особенности и в то же время становится более интенсивно выраженным, теряя отличие от сарказма, а также выходит за рамки единичной номинации или синтаксической конструкции, воплощаясь прежде всего на уровне достаточно пространного контекста.

Источники

1. Сайт «Грани.ру» <http://grani.ru/> («Грани»)
  2. Сайт «Ежедневный журнал» <http://www.ej.ru/> («ЕЖ»)
  3. Сайт «Новое время» <http://newtimes.ru/> («НВ»)
  4. Сайт «Эхо Москвы» <http://www.echo.msk.ru/> («ЭМ»)
  5. Сайт «Slon» <http://slon.ru/> (Slon)
  6. Сайт «Независимая газета» <http://www.ng.ru/archive/>.
- Период обращения: 22.02.2013-20.07.2014

Литература

- Ермакова О.П. Ирония и её роль в жизни языка. М.: Флинта, 2011.
Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 7.
Потебня А.А. Из записок по теории словесности. Харьков, 1905.

СЕРЕГИНА И. А., КУРБАНОВ И. А.

Surgut

ДОМЕСТИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА ПЕРИОДА КРИЗИСА НА УКРАИНЕ

Аннотация. В статье проводится сопоставление российских, украинских и английских домашних метафор в политическом нарративе «Кризис на Украине». Материалом для исследования послужили метафоры, используемые в средствах массовой информации (СМИ) по теме «Кризис на Украине». В частности, исследованы закономерности использования метафор в украинском, российском и английском политическом дискурсе. Сплошная выборка текстов СМИ производилась с декабря 2013 года по август 2014 года. Анализ метафор в данной статье поможет более детально представить отношения между двумя противоборствующими сторонами украинского конфликта.

Ключевые слова: домашняя метафора, политическая метафора, кризисная метафора.

SEREGINA I. A., KURBANOV I. A.

Surgut

THE DOMESTIC METAPHOR DURING THE UKRAINIAN CRISIS

Abstract. The article deals with the Russian, Ukrainian and English domestic metaphors in a political narrative «Ukrainian crisis». The metaphors with are used in mass media on the theme «Ukrainian crisis» are the research material of the article. Special attention is paid to using of metaphors in Ukrainian, Russian and English political discourse. Total sample of the mass media texts was made from December 2013 till August 2014. The analysis of metaphors in this article helps us to represent in details the relationship between two opposite sides in Ukrainian crisis.

Key words: domestic metaphor, political metaphor, crisis metaphor.

Средства массовой информации, освещающие события на Украине, изобилуют различными метафорами и домашние метафоры не явились исключением.

Дом – один из важнейших культурных концептов в человеческом сознании, это традиционный для самых разных народов источник метафорической экспансии. Понятийная сфера «Дом» обладает всеми необходимыми условиями для метафорической экспансии.

Во-первых, эта сфера хорошо знакома каждому человеку, она детально структурирована, все ее фреймы обладают высоким ассоциативным потенциалом и находятся в кругу естественных «извечных» интересов человека.

Во-вторых, это сфера с высоким эмоциональным потенциалом: *отчий дом, родительский дом, собственный дом, домочадцы, семейный очаг, семейный быт, обустройство дома* и даже *домашние животные* – все эти понятия способны пробуждать добрые чувства. Дом – это основная, наиболее естественная и комфортная сфера существования человека и его семьи.

В-третьих, концепт «Дом» обладает очень развернутой сетью элементов внутренней организации: так, для русского сознания дом – это и здание, и жилье для отдельной семьи, и семья как таковая, и множество периферийных компонентов, обычно отражаемых словарями как оттенки значений.

Когда политики хотят внушить человеку мысль о необходимости каких-то действий, они или стремятся включить соответствующие реалии в сферу его «Дома», или внушают мысль об опасности для его «Дома».

Рассмотрим особенности структурирования исходной понятийной области для концептуальной метафоры «Дом»

1. Фрейм «Дом в целом».

Митингующие на Донбассе после изгнания законного президента Украины использовали плакаты: *Евросоюз – нет, референдум – да, выборы 25 мая – нет, Янукович – домой.*

Янукович выходец из Донбасса, возможно, поэтому жителями Донецкой области был выбран именно этот слоган, для возвращения президента.

Перед самым референдумом на Донбассе были развешены листовки следующего содержания: *«Ты все еще считаешь: моя хата с краю, сиди, сиди. Прячься за юбкой жены. Цепляйся за работу на тонущем корабле «Украина», но запомни, крайняя хата горит первая»*, в этом лозунге звучало и напоминание об одесской трагедии, и призыв объединиться и отделиться от разрушающейся страны, сравниваемой здесь с тонущим кораблем.

Слот 1.1. Общая конструкция здания.

Крыша и стены – это граница с внешним миром и одновременно защита от непогоды или нежелательного вторжения. Крыльцо и дверь обеспечивают возможность выхода и входа; вместе с тем дверь – это защита от нежелательных гостей.

Илларионов, бывший советник президента РФ, в своем интервью украинским СМИ заявил: *Согласно этой концепции, нет таких национальностей, как украинцы или белорусы. Украинцы, белорусы и русские – это суть одного русского народа, они, следовательно, должны быть объединены под крышей одного государства.*

Нам до конца не ясно, что хотел сказать Илларионов. С одной стороны, «крыша одного государства» может подразумевать объединение в Таможенный союз с Россией, с другой, возможно, даже и присоединение к России. Объединение под одной крышей обеспечивает трём народам защиту, но в то же время оно может привести и к потере суверенитета отдельных стран.

Много говорится и о других средствах ограничения «дома», таких как забор, бетонная стена и даже «железный занавес». Тот же Илларионов в интервью информационному сайту «Ящик Пандоры» говорит: *Потому что жить в таких условиях, в условиях этого забора, виртуального забора, который был создан, больше никто не хочет* [1].

Пресс-секретарь президента России Дмитрий Песков заявил, что российская позиция по ситуации на Украине не доходит до западного зрителя из-за того, что «наталкивается на грубую бетонную стену цензуры».

В то же время Госсекретарь США Джон Керри говорит об информационном железном занавесе.

Россия создает железный занавес в Интернете, лишая своих граждан последней возможности контролировать Кремль, – Об этом говорится в заявлении госсекретаря США Джона Керри, размещенном в официальном блоге Госдепартамента [2].

«Железный занавес» – политическое клише, обозначающее информационный, политический и пограничный барьер, возведённый в 1919-1920 годах и на протяжении нескольких десятилетий отделявший СССР и другие социалистические страны от капиталистических стран Запада. Новому поколению, родившемуся в России уже после исчезновения политики «железного занавеса» в 1991 году не совсем знакомо данное понятие, им трудно в полной мере осознать всю тяжесть этой угрозы. Старшему поколению, ощутившему на себе политику железного занавеса в СССР, остается только надеяться, что наша страна никогда больше не будет проводить политику самизоляции.

Многочисленны в англоязычной прессе и метафоры связанные с дверью, в основном говорится о закрытых дверях.

But popular disquiet with the rebel regime is widespread, even if still expressed mainly behind closed doors. A common graffiti is a portrait of Mr Strelkov with a gun to his head and the words. [3]. Всё больше распространяется беспокойство, связанное с режимом сепаратистов, хотя и выражается оно в основном только за закрытой дверью.

Обама: В Америке мы можем писать что думаем, говорить что думаем, никто не постучит нам в дверь.

Дверь здесь символизирует неприкосновенность частного жилища. Обсуждать что-то за закрытой дверью подразумевает страх выйти на улицу и заявить об этом открыто. А в высказывании Президента Обамы «никто не постучит нам в дверь» просматривается намек на советское прошлое нашей страны, когда за любую критику существующего режима могли прийти сотрудники спецорганов и посадить в тюрьму.

Экс-глава СБУ подчеркнул, что у властей нет другого выхода, как отвечать на применение оружия применением оружия [4].

Толковый словарь русского языка Д.Н. Ушакова дает такое определение слову порог:

ПОРОГ, порога, м. 1. Деревянный брус на полу под дверью. Издавна на Руси порог был связан с множеством обрядов и поверий: *Через порог руки не подают*. Поэтому в русском языке есть множество фразеологизмов с этой частью дома: *На порог не пускать кого-либо*. В наше время, когда большинство населения России живет в многоквартирных домах, слово порог мы употребляем в основном метафорически: «на пороге каких-либо событий». На пороге – перед; в преддверии.

Донецк и Луганск на пороге гуманитарной катастрофы [5].

Г. Царев о мире после Боинга: «Война стоит на пороге России»

М. Делягин: Россия на пороге кредитного кризиса [6].

Лексема «застенки» вызывает у большинства россиян ассоциации с Великой отечественной войной: «замучан в застенках Гестапо», или о работе НКВД: «пытали в застенках Лубянки». Применительно к украинскому кризису domestическая метафора с компонентом «застенки» употребляется при описании методов работы сотрудников Службы безопасности Украины (СБУ): Журналисты телеканала «Звезда» находятся в застенках СБУ.

Слот 1.2. Внутреннее устройство здания

В нашу речь за последние полгода уже прочно вошли некоторые domestические метафоры с компонентом «коридор», характерные именно для украинского кризиса. Одной из них является метафора «гуманитарный / зелёный коридор». Впервые она появилась еще при крымских событиях: «При этом никто не будет чинить никаких препятствий, мы гарантируем им для выхода зелёный коридор, мы уважаем их выбор», – заявил источник. Сообщается, что данное обещание доведено до всех воинских частей на территории Крыма [8].

Данная метафора используется как в российской, так и в украинской прессе: *Офис Уполномоченного президента по правам ребенка по усовершенствованию национального законодательства в части защиты детей – участников или жертв вооруженных конфликтов представил премьер-министру Украины предложения изменений в украинское законодательство в отношении детей, пострадавших или ставших участниками вооруженных конфликтов. Утвердить порядок создания гуманитарных коридоров в зоне военных действий и вооруженных конфликтов и порядок взаимодействия командования Вооруженных сил государства с местными органами исполнительной власти* [9].

Кроме того, посредством спутниковой съемки близ государственной границы на территории Донетчины обнаружен мощный коридор поставки военной техники и вооружения, который был незаконно проложен через украинские поля [10].

Следующая домашняя метафора представлена компонентом «подполье». Подполье – это подвальное помещение под домом.

Почти все активисты сообщества «Донецк SOS» также уехали - кто куда. Тот, кто остался - в глубоком подполье [11].

Украинцы не хотят убивать друг друга, Украина неделима", - заявили в подпольной организации.

Данная метафора ранее широко употреблялась только в годы революции и Великой отечественной войны. Вплоть до последнего времени эта метафора употреблялась в основном в качестве прилагательного в ироничном контексте: *Подпольная империя, подпольный миллионер*. Эта метафора характерна как для российского, так и украинского национального сознания.

Слот 1.3. Обстановка в доме (мебель и т.п.)

В политических текстах рассматриваемый слот небогат и ориентирован преимущественно на внутреннее убранство офисных помещений: очень часто метафорически используется только компоненты «кресло» и «круглый стол».

В президентское кресло на Украине запрыгнет «Шоколадный заяц»? [11].

Кроме того, в сообщении пресс-секретаря Меркель Штефена Зиберта, опубликованном на сайте правительства Германии, говорится о том, что канцлер Германии и Порошенко согласились, что сейчас важно продолжить путь внутреннего примирения и вести национальный диалог с помощью круглых столов, а также осуществить конституционную реформу.

Организатором круглого стола выступили представительство Европейского Союза в Украине в рамках информационной кампании «Будуймо Європу в Україні», при содействии Донецкой ТПП и Донецкого филиала Европейской бизнес-ассоциации.

Словосочетание «круглый стол» относит нас к временам «Круглого стола Короля Артура», где «круглый стол» символизировал равноправие, принятие мудрого решения, переговоры.

Из слота «Посуда» можно выделить только домашнюю метафору с лексемой «котёл», которая возникла в июле 2014 года в ходе боев за Горловку. *Агония южного «котла» [12].*

В начале войны на Донбассе в российских СМИ использовалась также и домашняя метафора с компонентом «ковёр», когда речь шла о «*ковровых бомбардировках*» городов Донецкой области силами Нацгвардии.

«Ковровые бомбардировки» — непрерывное, интенсивное, последовательное бомбометание по значительным площадям, как правило, населённым пунктам. При этом применяется большое число бомб (часто в сочетании с зажигательными) для полного уничтожения выбранного района, либо уничтожения личного состава противника и его материальной части, либо для его деморализации.

Фрейм «разрушение дома».

Экономический крах, разорение нередко метафорически обозначаются как разрушение дома, как руины.

То что нам оставила предыдущая власть сложно назвать даже руинами. (Яценюк)

Фрейм «уход за домом».

Метафоры данного фрейма часто являются предвестниками каких-либо событий, например, событий 25 мая 2014 года, описанных в украинской газете:

У Дніпропетровську виявили листівки з правилами поведінки у разі «зачистки» російськими миротворцями [13].

Нацгвардія провела «зачистку» в Донецьке.

Подобные метафоры ранее мы слышали только во время чеченской войны, а вот метафора «этнические чистки» звучит в нашем телеэфире с самого начала украинского кризиса.

Как показал проведенный нами анализ, домашняя метафора не используется в политическом дискурсе просто как стилистическое украшение, она является основным когнитивным приемом, который позволяет участникам идеологизированного дискурса открыто или завуалированно высказывать свои идеи, манипулировать сознанием слушающих и побуждать аудиторию к действию.

Литература

Советник президента: Путин готовится к жесткому реваншу. URL: <http://pandoraopen.ru/2011-12-30/sovetnik-prezidenta-putin-gotovitsya-k-zhestkomu-revanshu/>

Россия создает железный занавес в Интернете, лишая своих граждан последней возможности контролировать Кремль, – Керри: [сайт] URL: http://censor.net.ua/news/283488/rossiya_sozdaet_jeleznyyi_zanaves_v_internete_lishaya_svoih_grajdan_posledneyi_vozmojnosti_kontrolirovat

Guy Chazan A surreal week with the Donetsk rebels. URL: <http://www.ft.com/intl/cms/s/2/ef1f72b8-17cd-11e4-b842-00144feabdc0.html#ixzz392Kc3MHI>

В СБУ отчитались о 30-х задержанных диверсантов из России. URL: <http://ru.tsn.ua/politika/v-sbu-otchitalis-o-30-h-zaderzhannyh-diversantov-iz-rossii-365039.html>

Донецк и Луганск на пороге гуманитарной катастрофы: [сайт]. URL: <http://www.tvc.ru/news/show/id/46528> (Дата обращения 3.08.2014)

Maxpark [сайт]. http://maxpark.com/user/1368296567/content/2758302?utm_campaign=mostinteresting&utm_source=newsletter

Журналисты телеканала «Звезда» находятся в застенках СБУ: [Сайт]. URL: <http://rusvesna.su/news/1402136279>

Риа новости: [Сайт]. URL: <http://ria.ru/radio/> (дата обращения 03.08.2014)

Для защиты детей-жертв вооруженных конфликтов необходимо внести изменения в законодательство: [Сайт]. URL: http://news.eizvestia.com/news_abroad/full/4361657

СБУ обнародовала доказательства военной агрессии РФ [Сайт]. URL: <http://fakty.ua/185605-sbu-obnarodovala-dokazatelstva-voennoj-agressii-rf-video> (3.08.2014)

Делягин М. В президентское кресло на Украине запрыгнет «Шоколадный заяц» [Сайт]: http://maxpark.com/user/1368296567/content/2752807?utm_campaign=mostinteresting&utm_source=newsletter (3.08.2014)

Вяткин Я. Агония южного «котла» [Электронный ресурс] Я.Вяткин // Аргументы Недели. – 2014. - № 28 – Режим доступа: <http://argumenti.ru/army/n448/355614> (3.08.2014)

«ПРАВЫЙ СЕКТОР» ДАЛ ОТВЕТ НА ОБРАЩЕНИЕ «СТРЕЛКА» [Сайт]. URL: http://news.siteua.org/%D0%A3%D0%BA%D1%80%D0%B0%D0%B8%D0%BD%D0%B0/540165/_ (3 .08.2014)

СМИРНОВА Н. Г.

Ставрополь

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА СОБЫТИЙ НА УКРАИНЕ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ: МОРБИАЛЬНАЯ МЕТАФОРА

Аннотация. В статье предпринимается попытка анализа языковой картины событий на Украине, в частности, метафорического моделирования действительности в современном медийном дискурсе применительно к происходящим в этой стране событиям. Морбиальная метафора рассматривается как средство концептуализации и оценки действительности, востребованное в кризисных для государства и общества ситуациях.

Ключевые слова: метафорическая модель здорового/больного общества, морбиальная метафора, медийный дискурс.

SMIRNOVA N. G.

Stavropol

LINGUISTIC MODEL OF THE SITUATION IN THE UKRAINE AND THEIR REFLECTIONS IN MEDIA DISCOURSE: MORBIAL METAPHOR

Abstract. The article provides an attempt to analyze the linguistic model of the situation in the Ukraine and what ways they are reflecting in. The author analyzes how the organic metaphors (the morbial metaphor in particular) are being used in the media discourse. The research results show that the «healthy/morbid society» metaphorical model is quite frequent in the situation of socio-political crisis.

Key words: «healthy/morbid society» metaphorical model, morbial metaphor, media discourse.

Известные события на Украине вызвали необыкновенный общественный резонанс, при этом естественно и очевидно, что реакция россиян и украинцев на происходящее наиболее остра и противоречива.

Происходящее не могло не найти своего отражения на лингвистическом уровне. Лавинообразное нарастание внутривнутриполитического конфликта, масштабные катастрофические последствия кризиса привели к мгновенному отклику в политическом и медийном дискурсах, затронув, безусловно, и общество с его мнением, которое с лингвистической точки зрения образует собственный дискурс.

Украинские события дали жизнь новым и актуализировали уже имеющиеся в языке лексические единицы, подняли в обществе новую волну споров о роли русского языка и украинской мовы, побудили метаязыковую рефлексию как авторов, пишущих на темы конфликта, так и их читателей. Мы же, в свою очередь, сделаем попытку взглянуть, как отражается современная Украина и её политики в «метафорическом зеркале» (Чудинов) блестящих публикаций авторов интернет-сайта rolemika.com.ua – настоящих бойцов той невиданной информационной войны, которая развернулась сегодня вокруг украинских событий.

Метафоры здоровья и болезни (они же морбиальные/физиологические метафоры) являются составной частью сферы «органическая метафора». Становление взгляда на человеческое общество как на живой организм привело к тому, что метафоры, восходящие к сфере-источнику «болезнь/здоровье», оказываются чрезвычайно востребованными при необходимости описать общество в совокупности его составляющих, особенно в кризисные исторические моменты, в ситуациях противостояния политических сил и т.п. Иными словами, понятийная сфера-источник «Болезнь» используется для представления общественно-политического мира, становясь источником метафорической экспансии в сферу «Политика». Эта тенденция не нова, она носит объективный характер, отмеченный исследователями: описывая семантические универсалии, Стивен (Иштван) Ульманн рассматривал общие тенденции в функционировании метафоры и напомнил, что ещё 40 лет назад (по отношению к 1970-му году, когда была написана работа самого С. Ульманна) Ганс Шпербер установил один «семантический закон». «Он исходил из следующего допущения: если мы очень интересуемся каким-либо предметом, то он становится для нас источником аналогий при описании других предметов; в терминологии Шпербера он становится центром метафорной «экспансии». Так, во время первой мировой войны разного рода устрашающие виды оружия послужили французским солдатам для создания разных шуточных метафор: бобы назывались шрапнелью, а многодетная женщина – пулеметом (*mitrailleuse à gosses*). Шпербер сформулировал свой «закон» следующим образом: «Если в определённый период некоторый комплекс идей столь сильно затрагивает чувства, что это приводит к расширению сферы употребления и изменению значения какого-то одного слова, то мы можем с уверенностью ожидать, что и другие слова, принадлежащие к тому же

эмоциональному комплексу, также изменяют свое значение» [Ульманн]. С. Ульманн подвергает сомнению справедливость этого закона, хотя и видит в этой теории «зерно истины».

В подтверждение закона Шпербера, заметно активизировалась и получила широкое распространение в медийном дискурсе последних месяцев метафорическая модель «Украина – больной организм». Анализ текстов показывает заметное присутствие метафоры, организующей дискурсивное пространство концептуальной области «Кризис на Украине» и позволяющей представить реалии происходящего в ярких образных выражениях.

При рассмотрении метафорической модели «Украина – больной организм» по алгоритму, предложенному А.П. Чудиновым, стало возможным выделить наиболее частотные фреймы.

1. Фрейм «Пациенты»

Слот <Пациенты>

В рассмотренных текстах Украина в целом, институты государственной власти, экономика, отдельные регионы и пр. метафорически обозначаются как *страна-инвалид*, при описании отношений между субъектами метафорически используются названия живых органов, медицинская терминология.

«Для евроассоциации нет никаких «высоких порогов», и даже пандус для *страны-инвалида* подготовлен» [Хаевская 12].

«несчастный, и без того совсем *больной* электорат...» [Хаевская 10].

«...биологический парадокс Ляшко демонстрирует пугающую эффективность в капитализации своих президентских процентов на будущих парламентских выборах. Выбрав ослабевшего *иммунитетом* Симоненко, въелся ему по самый *костный мозг*» [Хаевская 10].

2. Фрейм «Диагноз»

Слот <Физические болезни и их симптомы>

Анализ метафорических образов показывает, что в медийном дискурсе Украине (её политической системе, органам государственной власти, экономике и культуре, хозяйственной системе) метафорически приписываются различные болезни.

В статье под симптоматичным заголовком «Но ваша *гангрена* внушает тревогу. Так *режь* ее, *режь*, лалалала...» упоминаются врачи (в прямом смысле), как специалисты, обеспокоенные ситуацией на Майдане с точки зрения эпидемиологии, при этом Киев видится телом, страдающим от язвы-Майдана: «Врачи объявляют, что санитарное состояние *язвы* в центре города внушает тревогу ... Поэтому радикальная операция неотвратима, на что эпично, но не членораздельно намекает киевский мэр [Берг 1].

«Поэтому принимает искреннее участие в судьбе испытывающих постреволюционный *синдром* майдановцев» [Журавлёв].

«Циничного *бреда* Ковалю, однако, оказалось достаточно, чтобы наши добрые сограждане, возбужденные нарастающим садизмом украинских военных, облегченно вздохнули – ну, конечно, это же они сами. Эта деревенщина сама себя отбомбила» [Берг 6].

«Вот и остаётся Украине иметь на востоке *кровоточащую рану* с вечной войной» [Макаров].

Слот <Психические болезни>

Подчёркивая трагичность происходящего на Украине, пишущие видят события драмой абсурда, чудовищной фантасмагорией, и поэтому приходят к метафорическому использованию названий не только физических, но и психических болезней, от которых страдает страна в целом, её ведущие органы и регионы, а также отдельные персоналии (политики, журналисты и др.).

«В *лихорадочном* тотальном *психозе* показного патриотизма как-то незамеченным осталось заявление президента ... о том, что хватит тратить наши украинские денежки на никому не нужную науку, а надобно, напротив, все направить на армию. Привычка украинцев жить в *тотальной шизофрении*, быстро сформировавшаяся благодаря майдану, позволила полностью проигнорировать, казалось бы, явную *ментальную диссоциацию* оратора» [Берг 3].

«Парламентаризм умер, но тема конституционной реформы, которая превратит нашу страну из президентской республики таки в парламентскую продолжает муссироваться, переходя от неубедительной ремиссии к *психотическому рецидиву*» [Берг 4].

«В годы постперестройки стала популярна фраза: «Плюрализм в одной голове – это *шизофрения*». В принципе, против такого *диагноза* не возражали даже психиатры и клинические психологи, а уж публицисты прям в формулировку влюбились. Потом наша жизнь показала, что никакая *шизофрения* и рядом не стояла с украинским политическим и общественным дискурсом, который допускает в одной голове такое, что кровь в жилах стынет» [Берг 5].

3. Фрейм «Причины и возбудители болезней»

Слот <Инфекции>

Особенности протекания инфекционных заболеваний дают питательную почву для метафорического осмысления государства в терминах болезни. Распространённость болезней может привести к *пандемии*.

«Вот чего действительно стоит бояться, так это *вируса* под кодовым названием «народный депутат». Скоро, расталкивая друг друга, они ринутся *пандемией* на несчастный, и без того совсем *больной* электорат, сметая его косами и вилами» [Хаевская 10].

4. Фрейм «Способы и средства лечения»

Слот <Способы лечения>

«Консилиум духовных и образованных у постели истекающего кровью Донбасса. Ничего личного, чистый бизнес» [Берг 1].

«Врачи объявляют, что санитарное состояние язвы в центре города внушает тревогу ... Поэтому *радикальная операция* неотвратима, на что эпично, но не членораздельно намекает киевский мэ» [Берг 2].

«жизнь впереди представляется большим европейским праздником, который наступит сразу, как только будет завершена необходимая *хирургическая операция* где-то далеко от киевских ресторанов» [Берг 2].

«ненужный Украине Медведчук всеми способами пытается *реанимировать* себя в украинской политике» [Хаевская 11].

«Собственно, президент Украины следует этому сценарию неукоснительно и бестрепетно. Ему позволено считать население Донбасса вредной биомассой и *зачистить* от него *заражённую* территорию» [Берг 2].

5. Фрейм «Состояние пациента»

Слот <Больной находится в тяжёлом состоянии>

«Проект «Украина» проявляет всё меньше *признаков жизни*. И, как назло, синоптики объявили, что это лето может стать самым жарким в истории. Так что, *гнить* все будет очень быстро» [Хаевская 9].

Слот <Смерть пациента>

Метафорически передаётся гибель, смерть «больного».

«Петр Симоненко внезапно убедился, что парламентаризм в стране *умер*. Позднее зажигание Петра Николаевича и недостаточно концентрированное внимание помешало ему увидеть, что парламентаризм у нас не только *умер*, но и давно *завонялся*» [Берг 4].

Таким образом, очевидно, что морбиальная метафора оказывается очень востребованной в ходе образного осмысления современной действительности. Прагматическое воздействие метафор такого рода в том, что действенный образ насквозь больной страны активизирует эмоциональное восприятие и переживание читателем происходящего, вызывает эмоциональное отторжение у реципиента текста; картина болезни становится особенно зримой: читателю дают понять, что происходящее носит патологический характер, существующее положение катастрофично и чревато самыми серьёзными осложнениями. К сожалению, ситуация такова, что метафорическое представление Украины как тяжёлого больного далеко от того, чтобы утратить актуальность.

Литература

Берг Нюра Н. Консилиум духовных и образованных у постели истекающего кровью Донбасса. Ничего личного, чистый бизнес». URL: <http://polemika.com.ua/article-148146.html>

Берг Нюра Н. Но ваша гангрена внушает тревогу. Так режь ее, режь, лалалала...» URL: <http://polemika.com.ua/article-149891.html>

Берг Нюра Н. Отжыг недели. Унесённые ветром URL: <http://polemika.com.ua/news-149716.html>

Берг Нюра Н. Повестка дня: Парламентаризм умер, милитаризм ожил, малязм рулит. URL: <http://polemika.com.ua/article-144959.html>

Берг Нюра Н. Плюрализм в одной голове: Еще не накызделись? URL: <http://polemika.com.ua/article-149574.html>

Берг Нюра Н. Источник: <http://polemika.com.ua/news-149081.html> Путь украинского самурая. И раз-два-три, раз-два-три...

Журавлёв В. Прозрение генпрокурора Яремы: Майдан не настоящий! URL: <http://polemika.com.ua/article-149492.html>

Макаров К. Гражданская война в Украине. А дальше что? Когда возможно примирение? URL: <http://polemika.com.ua/article-149302.html>

Хаевская Д. Жарко, еще жарче: Кто и что сгорит в украинском плавильном котле «общественных трансформаций»? URL: <http://polemika.com.ua/article-146074.html>

Хаевская Д. Люстрируют люстратора, дестабилизируют дестабилизацию, обезьянничают у обезьян, крысят у крыс. URL: <http://polemika.com.ua/article-148057.html>

Хаевская Д. Страна новых кнутов и пряников. URL: <http://polemika.com.ua/news-148540.html>

Хаевская Д. Украине нужны призраки: Гонгадзе, коммунисты, враги на пути к европейскому будущему. URL: <http://polemika.com.ua/article-149493.html>

Ульманн С. Семантические универсалии // Новое в лингвистике. — Вып. 5. — М., 1970. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/ullman-70.htm>

Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры. Екатеринбург, 2001. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/chudinov-01.htm#80>

ТАГИЛЬЦЕВА Ю. Р.

Екатеринбург

«ОЙ, А КАК ВЫ ЭТО СДЕЛАЛИ?», ИЛИ ФЕЙК КАК ПРИЁМ ИНФОРМАЦИОННОЙ (СЕТЕВОЙ) ВОЙНЫ

Работа выполнена при поддержке РГНФ: проект 12-04-00175а «Лингвистика и психология: экстремистский текст и деструктивная личность».

Аннотация. В данной статье рассматривается фейк как приём информационной (сетевой) войны. В качестве примера выступает освещение событий, связанных с катастрофой малайзийского Боинга-777, в Интернете и СМИ.

Ключевые слова: фейк, информационная война, Интернет.

TAGILTSEVA Yu. R.

Ekaterinburg

«OOPS, HOW DID YOU DO THIS?», OR FAKE AS A MEANS OF INFORMATIONAL (WEB) WAR

Abstract. Fake is discussed in the article as a means of informational (web) war. The example is the coverage on the Internet and in Mass media of the events connected with Boeing 777 crash.

Key words: fake, informational war, the Internet.

События, связанные с катастрофой малайзийского Боинга-777 на территории Донецкой народной республики, сегодня обрастают всё новыми конспирологическими гипотезами и спекулятивными объяснениями. Трагедия активно используется заинтересованными сторонами для ведения информационной войны, в первую очередь, против ополченцев Донбасса и России во «всемирной паутине». Сегодня Интернет стал одним из ведущих средств массовой коммуникации, в том числе поскольку он предоставляет порой неограниченные возможности ведения сетевой информационной войны. Как отмечает А.Г. Дугин, «сетевая война в отличие от войн предшествующего периода ведется не государствами и даже не блоками, а глобальными структурами, которые могут быть как институционализированы тем или иным образом, так и иметь подрывной террористический характер» [Дугин].

В этом же аналитическом докладе авторы выделяют ведущие принципы сетевой войны в контексте цивилизации постмодерна, благодаря которым становится возможно создание тотального контроля над всеми участниками в мировом масштабе:

- « – информационное превосходство;
- всеобщая осведомленность;
- скорость командования;
- самосинхронизация;
- распределение сил;
- демассификация;
- глубокое сенсорное проникновение;
- изменение стартовых условий ведения военных действий;
- сжатые операции» [там же].

Все это приводит к тому, что «в сетевой войне реальное является вторичным по отношению к виртуальному. Имидж, информация гораздо важнее реальности. Сама реальность становится «реальной» только после того, как сообщения о ней попадают в информационное поле» [там же].

На сегодняшний момент наиболее активно для создания виртуальной реальности вокруг конкретного события в сети Интернет используются фейки. Согласно «Словарю компьютерных терминов», фейк – «это подделка, фальсификация, обман; как правило используется для определения измененных (приукрашенных, искаженных) с помощью специальных программ-редакторов оригинальных цифровых фото или видео файлов» [<http://computer.slovaronline.com/%D0%A4/1187-FEYK>]. Таким образом, фейк – это так называемая интернет-«утка», подаваемая как реальная новость, либо фотография, видеофайл, предназначенные для вбрасывания в интернет-пространство сенсационного сообщения. Суть данного приёма основана, с одной стороны, «на преподнесении якобы сенсационного материала, в результате которого критичность психики человека снижается, поскольку она не успевает среагировать на сенсационную информацию должным образом», и преподносимая манипулятором информация оказывается первостепенной, с другой – на содержание элементов правдоподобия, «чтобы индивид мог воспринимать ее, не противоречащей его внутреннему «Я»» [Зелинский 2008:342]. В результате такого информационно-психологического воздействия индивид склонен воспринимать фейк за реальную информацию, если она не противоречит его пониманию того или иного вопроса.

Рассмотрим несколько примеров фейков, связанных с крушением малайзийского Боинга-777 и активно распространяемых украинскими и европейскими средствами массовых коммуникаций.

Фейк первый. В украинских СМИ и социальных сетях появилась серия фото, в которых некая жительница Тореза Донецкой области Екатерина Пархоменко демонстрирует тушь для ресниц, подобранную со сбитого Боинга-777. Причем изображения подкреплены комментариями: «Тушь из Амстердама, а вернее с поля. Ну, вы поняли». Как отмечает девушка, «косметику «подогнал» знакомый мародер, а сама она «сепаратистка», которую «от всего украинского просо тошнит и жутко бесит» [Очередной фейк УКРОСМИ. Парфюмерный].

Расследование очередного украинского фейка провел пользователь под ником Ki_bella в своем ЖЖ. Оказалось, что основное фото было взято с польского сайта, специализирующемся на продаже косметики, и обработано с помощью программы-редактор «Фотошоп». Но самое примечательное заключается в этой истории в том, что эта тушь является экземпляром весенне-летней коллекции 2013 г., находящаяся в продаже до 31 мая 2013 г. (срок «жизни» такого товара составляет 1,5 месяца). «Каким образом тушь, выпущенная в ограниченной весенне-летней коллекции макияжа, причем совершенно на вид не пользованная, оказалась в лайнере? – спрашивает Ki_bella. – Ее купить сейчас практически нереально» [Там же].

Как отмечает Марина Юденич, проведенное ею расследование показало, что все аккаунты Екатерины Пархоменко в кэше Google отсутствуют (они либо закрыты, либо удалены, либо взломаны), что «говорит о том, что

созданы были совсем недавно <...>, а со взломанного аккаунта в Инстаграме ссылка ведет на весьма характерную группу «Вконтакте»» [Юденич, а].

С подачи некоторых блогеров в зарубежных – британских и польских – средствах массовой коммуникации появились новые коллажи с Екатериной Пархоменко и с ее комментариями, но вот только почему-то девушки на фото разные.

Фейк второй. Украинские СМИ и информационные порталы распространили фото, на котором «сепаратисты» мародерствуют: снимают с жертв крушения малазийского Боинга-777 ценные вещи. Действительно, на фото запечатлен ополченец Донецкой народной республики, участвующий в поисках погибших пассажиров, в руках которого находится кольцо. Причем жест на изображении специально увеличен и обведен черным овалом, и подается СМИ как фотофакт, фотодоказательство, сопровождаемое комментарием: «Російськи терористи крадуть цінні речі з тіл загиблих в Боїнгу».

Расследование этого фейка провел журналист Анатолий Шарий [Юденич, б], результаты которого он разместил на «YouTube». Согласно представленной видеохронике с места крушения Боинга-777, ополченец, запечатленный на фото, действительно, в руках держит кольцо, найденное среди обломков самолета, бережно кладет его в коробку вещественных доказательств, относит в машину и отходит от нее с пустыми руками. Таким образом, факта хищения (мародерства) не было.

Фейк третий. Очередное фото с места крушения Боинга-777, на котором «сепаратист» с усмешкой глумится над детской игрушкой – обезьянкой.

На той же видеохронике, представленной журналистом Анатолием Шарием, зафиксировано, как ополченец находит детскую игрушку, поднимает ее, показывая всем, что среди погибших были действительно дети, сопровождая комментарием: «Вот, смотрите, кого они убили!», - кладет ее в коробку вещественных доказательств... и крестится.

В результате проведенного исследования напрашиваются следующие выводы:

Во-первых, цель украинских фейков – создание «демонического» образа ополченцев, для которых нет ничего святого, поскольку они мародеры, циники, «быдло».

Во-вторых, фейки необходимы для усиления созданного медийного образа ополченцев украинскими средствами массовой коммуникации через манипулятивный прием – экспрессивный удар, который заключается в демонстрации ужасов, творимых ополченцами на территории сбитого Бинга-777, для создания у аудитории - украинской и мировой общественности – эффекта психологического шока и желания наказать виновников.

В-третьих, делается это и для уже постоянного поддержания виртуальной реальности, в которой сама реальность становится уже вторичной по отношению к созданной посредством медиа. И здесь настолько удачно сработал эффект правдоподобия, что уже не только украинская, но и мировая общественность воспринимает в нужном фокусе для манипулятора получаемую информацию, потому что она не противоречит их представлениям об украинском вопросе.

В-четвертых, украинские фейки в российском информационном пространстве не остаются незамеченными. Появились активные пользователи и журналисты, занимающиеся непосредственно фото- и видеоразоблачением украинских медиа в своих блогах, ЖЖ и выкладывающие свои видеообращения-разоблачения в «YouTube» для всеобщего просмотра. Одним из наиболее ярких и убедительных «фейкоборцев», фактически превративших эту деятельность в новую разновидность сетевого журналистского амплуа, стал Анатолий Шарий, чьи репортажи не только собирают сотни тысяч просмотров на «YouTube» и аналогичных сервисах, но и демонстрируются в информационных выпусках ведущих телеканалов.

Итак, сетевая война идет, и выиграет ее тот, кто не просто владеет информацией, а контролирует основные потоки в едином информационном пространстве.

Литература

Дугин А., Коровин В., Бовдунов А. Сетевые войны. 04.12.2013. Сайт: Изборский клуб. URL: <http://dynacon.ru/content/articles/2318/#a1> (Дата обращения: 28.07.2014).

Зелинский С.А. Информационно-психологическое воздействие на массовое сознание. Информационно-психологическое воздействие на массовое сознание. Средства массовой коммуникации, информации и пропаганды – как проводник манипулятивных методик воздействия на подсознание и моделирования поступков индивида и масс. СПб.: Издательско-Торговый Дом «СКИФИЯ», 2008. – 403 с.

ЖЖ Марины Юденич. URL: <http://marina-yudenich.livejournal.com/?skip=10/> (Дата обращения: 28.07.2014).

ЖЖ Марина Юденич. URL: <http://marina-yudenich.livejournal.com/1186024.html> . (Дата обращения: 28.07.2014).

Очередной фейк УКРОСМИ. Парфюмерный. 26.07.2014. Сайт: Русский дозор. Интернет-обозрение. URL: <http://rusdozor.ru/2014/07/26/ocherednoj-fejk-ukrosmi-parfymrnyj>. (Дата обращения: 28.07.2014).

Словарь компьютерных терминов. URL: <http://computer.slovaronline.com/%D0%A4/1187-FEYK> (Дата обращения: 28.07.2014).

ТЕМИРГАЗИНА З. К.

Павлодар

НОВОСТНОЙ СУБДИСКУРС КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Аннотация. В статье рассматривается статус новостного дискурса, определяется его место в системе политического дискурса. Обосновывается специфика новостного субдискурса, обусловленная особенностями жанра новостей в СМИ: оперативностью, краткостью, объективностью и т.п.

Ключевые слова: новостной субдискурс, политический дискурс, жанр новостей, дискурс-анализ.

TEMIRGAZINA Z. K.

Pavlodar

NEWS SUBDISCOURSE AS A PART OF THE POLITICAL DISCOURSE

Abstract. The article discusses the status of news discourse and determines its place in the political discourse. The specificity of the news subdiscourse is substantiated due to the following media news features: efficiency, brevity, objectivity, etc.

Key words: news subdiscourse, political discourse, the news genre, discourse analysis.

В науке на сегодняшний день отсутствует единое понимание дискурса, что объясняется разными причинами, в первую очередь, конечно же, сложностью, многосторонностью и противоречивостью самого онтологического явления и, как следствие, во вторую очередь, разнообразием существующих концепций, направлений и научных школ, тем или иным образом трактующих это понятие.

Т. ван Дейк считает, что в связи с неоднозначностью термина «дискурс» его нужно рассматривать в широком и узком понимании. Широкое понимание представляет дискурс как комплексное коммуникативное событие, происходящее между говорящим, слушающим и третьими лицами в процессе коммуникативного действия в конкретном социокультурном, временном, пространственном контексте, а узкое – как текст или разговор, т.е. вербальная составляющая коммуникативного действия, его завершённый или продолжающийся «продукт». В качестве примеров дискурса в широком смысле можно привести разговор между врачом и пациентом, дружескую беседу, чтение газеты; в узком смысле – имеется в виду только речевая сторона этих коммуникативных действий [11, 27].

М. Фуко подчеркивал историко-социальную обусловленность дискурса и ввел понятие дискурсивных практик, исторически сложившихся в обществе и систематически обрабатывающих те объекты, которые они представляют [13, 49].

Трактовка термина «дискурс» в советской и российской лингвистике традиционно связана с теорией текста, что подтверждает одно из самых распространенных его определений, сделанное Н.Д. Арутюновой: «Дискурс – это связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизма их сознания (когнитивных процессах). Поэтому термин «дискурс», в отличие от термина «текст», не применяется к древним и другим текстам, связи которых с живой жизнью не восстанавливаются непосредственно» [2, 136-137]. Отметим также, что российские исследователи неоднократно характеризовали дискурс как область осуществления речевого воздействия и передачи определенной идеологии.

Еще одной не до конца разрешенной проблемой теории дискурса является его типология. Несмотря на то, что в научной литературе существует довольно значительное число классификаций дискурсов, исследователи (В.И. Карасик [6] А.И. Сванкулов [8], Т.И. Попова [7] и др.) отмечают сложность разработки единой типологии дискурсов и трудность выбора критериев выделения их различных типов, относящихся к слишком различающимся сферам деятельности человека, функционирования общества и т.п. В научной литературе предлагаются классификации дискурса, основанные на жанровых признаках, на функционально-стилистических характеристиках, по характеру субъекта – производителя речи (см. раб. [7], [8], [3], [6]) и т.п. Наиболее распространенной, как мы полагаем, является типология дискурса, в основе которой лежит содержательный онтологический критерий, отражающий сферу существования и функционирования дискурса в объективной действительности. Так, в ней выделяются военный, газетный, гастрономический, деловой (бизнес-дискурс, административный, бюрократический), детский, искусствоведческий, магический, масс-медиа, медицинский, научный (академический), парфюмерный, педагогический, политический, публицистический, рекламный, религиозный, спортивный, технический, террористический, феминистский, художественный, экономический, электронный, этический, юридический и т.д. типы [3, 16-20].

Необходимость выделения политического дискурса как самостоятельного типа не вызывает сомнения у ученых, более того, политический дискурс стал основным предметом исследования в политической лингвистике – новой отрасли лингвистического знания, возникшей на рубеже веков, благодаря работам А.П. Чудинова, его учеников и последователей. Е.И. Шейгал в своем труде «Семиотика политического дискурса» утверждает, что «любой материал в средствах массовой информации, в котором речь идет о политике и автором которого является политик или, наоборот, адресованный политику, следует относить к полю политического дискурса» [10, 38]. Политический дискурс, таким образом, представляется как «совокупность текстов политической направленности во всем их жанровом и функциональном многообразии, за которыми наблюдается процесс реальной коммуникации с установками коммуникантов на осуществление институционального общения» [1, 9].

Понятие политического дискурса тесно связано с политической коммуникацией, определяющими для которой выступают такие характеристики, как цель общения (борьба за власть и ее сохранение), определенные мотивы речевого поведения участников коммуникации в соответствии с их статусно-ролевыми характеристиками и интенциями, ситуация общения. Американский исследователь М. Шадсон пишет: «Под политической коммуни-

кацией понимается любая передача сообщений, предназначенная оказать влияние на распределение и использование власти в обществе, особенно если эти сообщения исходят из официальных правительственных институтов» [9, 311]. Следовательно, основным критерием соотнесения коммуникации к области политической мы можем назвать цель и содержательную сторону коммуникации. Политики используют язык как главное средство для агитации, привлечения электората на свою сторону, создания убедительных партийных программ, победы над оппонентом во время предвыборных дебатов, выражения своего мнения как решающего в определенной коммуникативной ситуации.

Е.И. Шейгал выделяет следующие функции политического дискурса в аспекте инструментальной направленности языка политики:

- «социального контроля – манипулирование общественным мнением;
- легитимизации власти – информирование о результатах решений относительно распределения властных и общественных ресурсов;
- воспроизводства власти – подкрепление системы посредством ритуального использования символов;
- ориентации – определение видения политической действительности;
- социальной солидарности – консолидация всего общества или отдельных групп;
- социальной дифференциации – отчуждение социальных групп;
- агональную – создание и решение конфликтных ситуаций в социуме;
- акциональную – проведение политики через мобилизацию или «наркотизацию» населения: мобилизация состоит в активизации и организации сторонников, тогда как под наркотизацией понимается процесс умиротворения и отвлечения внимания, усыпления бдительности» [10, 50-51].

Таким образом, борьба за власть как главная интенциональная составляющая политического дискурса, массовый характер коммуникации, манипулирование общественным мнением для оказания воздействия на сознание реципиентов, характеристики участников политической коммуникации являются теми специфическими чертами, которые делают политический дискурс отличающимся от других типов институционального дискурса, придают ему уникальность и своеобразие. В то же время политический дискурс представляет собой сложный комплекс разнообразных коммуникативно-речевых произведений, отличающихся конкретными иллюкативными целями, типом субъекта-автора и адресата, жанровыми признаками текста, языковыми средствами и т.д.

Выделение новостного субдискурса как составной части политического дискурса обуславливается прежде всего спецификой новостей как особого жанра, своеобразием их интенционально-прагматических признаков, позволяющих говорить о существовании новостного субдискурса. Т. ван Дейк, один из первых исследователей, выделивших новости как отдельный вид дискурса в работе «Анализ новостей как дискурса», рассматривает новость, во-первых, как новую информацию о людях и событиях; во-вторых, как тип радио или телепередачи, передающей новость; и, в-третьих, новость понимается как текст или дискурс в телевидении, газете или радио, посредством которого сообщается о событиях [12, 4]. Содержательным признаком новостных сообщений является новый характер информации о политических событиях, а функциональным признаком – оперативность и быстрота «доставки» этой новой информации до аудитории. С точки зрения теории коммуникации новость – это сложное коммуникативное явление, обладающее прагматическими установками авторов сообщения, направленными на освещение явлений мира политики с целью формирования у реципиентов того или иного взгляда на описываемые события.

Исследователи политической коммуникации неоднократно подчеркивали, что в современном мире СМИ являются доминирующим каналом, посредством которого осуществляется политическая коммуникация. Автор-журналист, подготавливая новостной текст о тех или иных изменениях, событиях и прочих реалиях политической сферы, выступает медиатором между политиками и народом, получающим информацию из той или иной новостной статьи.

Доминированию СМИ как канала в новостном субдискурсе способствует такой критерий, как количество реципиентов. Именно массовость делают СМИ одним из важнейших инструментов манипулирования массовым сознанием для достижения политической власти. В новостях освещаются политические дебаты, предвыборные кампании, выступления политиков, деятельность ведущих международных организаций, реформы, военно-политические конфликты, встречи глав государств. Тем самым новости активно участвуют в борьбе за политическую власть, которая разворачивается между политическими деятелями, партиями, группировками и между медиа-концернами, в так называемой «информационной войне». Осуществляя отбор тем новостных сообщений, источников информации, новостные медиа-концерны решают, кто и как будет представлен публично в глазах народа.

Т. ван Дейк разработал композиционную структуру новостного сообщения, состоящую из ряда схем [12, 51-58]. Первой схемой является Headline (заглавие) и Lead (вводная часть). Заглавие имеет фиксированное положение в тексте и предшествует остальным компонентам. Главной функцией заглавия является отражение главной темы новостного сообщения и привлечение внимания читателей. Затем после заглавия следуют Main Events in Context and their Background (Главное событие) и фон, в которых осуществляется информирование о событии, и предоставляются дополнительные сведения об описываемых явлениях. Третьим компонентом структуры являются Consequences (Последствия). В предлагаемой схеме новостная ценность социальных и политических событий во многом определяется серьезностью их последствий. Обсуждая реальные или гипотетические последствия,

автор создает причинно-следственную цепочку новостных событий. Иногда последствия события имеют в новостях большую значимость, чем сами главные события. Четвертой схемой ван Дейк называет Verbal reactions (Вербальные реакции). Вербальные реакции предстают как специальная категория новостной структуры и могут рассматриваться как особый случай последствий. Часто за новостями следует раздел, где приводятся комментарии участников событий или видных политических фигур. Журналист представляет мнения, не обязательно принадлежащие ему, но при этом имеющие большое значение. Вербальные реакции оформляются посредством номинации и указания ролей, имен участников новости и приемом цитирования. Пятым структурным компонентом являются Comment (Комментарии). Несмотря на то, что большинство журналистов придерживается принципа объективности, предполагающего, что не следует смешивать факты и мнения, новости зачастую содержат в себе комментарии автора сообщения в имплицитной или эксплицитной форме. Категория Комментарии подразделяется на субкатегории: Evaluation (оценка) и Expectation (ожидания). В первой отражается оценка реальных событий, а Ожидания представляют собой сформулированные предположения о тех или иных политических последствиях событий, они также могут содержать в себе прогнозы будущих событий [12, 51-58].

Важнейшим признаком новостного субдискурса является его оперативность и быстрота в доведении сообщения до массовой аудитории. Так, В.З. Демьянков сравнивает новостной политический дискурс с едой быстрого приготовления в закусочных Макдональдс: «Как еда быстрого приготовления (fast food), так и дискурс должен быстро перевариваться и производить свой эффект незаметного манипулирования сознанием получателей» [5]. Именно поэтому производство новостей основывается на ежедневном поиске постоянных источников информации: политических организаций, международных компаний, государственных служб и проч.

Прагматические и идеологические критерии новостной ценности, доступ к проверенным источникам информации и принадлежность СМИ к различным концернам, которые возглавляются представителями политической и экономической элиты, подтверждают, что СМИ являются также инструментом социального контроля. «Сообщение новостей не является просто информированием как нейтральным способом передачи информации, а есть процесс медиационного воздействия на массовую аудиторию, направленный на создание социально-корпоративных «фикций» или же «виртуальной реальности», имиджей, мнений и установок», — пишет А. Негрышев [14, 31].

Итак, мы можем сделать вывод о том, что новостной субдискурс, оставаясь частью общего политического дискурса, занимает особое положение среди других его разновидностей, обладая, помимо общих признаков, таких как массовый характер коммуникации, воздействие на общественное мнение и т.п., и специфическими признаками: содержательной новизной сообщения, оперативностью и быстротой доведения новой информации до массовой аудитории. Эти особенности новостного субдискурса многократно усиливают основную прагматическую функцию политического дискурса, которая характеризуется как «власть языка», т.е. «способность языка навязывать мировидение, создавать языковую интерпретацию картины мира» [10, 54].

Литература

- Андрющенко О.К. Прагматические особенности агитационной листовки в казахстанском предвыборном дискурсе. Автореф. на соискание ученой степени канд. филол. наук — Алматы, 2009.
- Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистическая энциклопедия. — М., 1990.
- Буркитбаева Г.Г. Деловой дискурс. Онтология и жанры. — Алматы: НИЦ «Гылым», 2005. — с.16-18.
- Дейк. Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. — М.: Прогресс, 1989.
- Демьянков В.З. Интерпретация политического дискурса в СМИ. [Электронный ресурс] / режим доступа: <http://www.infolex.ru/SM11.htm>
- Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. научн. тр. — Волгоград: Перемена, 2000. — С.5-20.
- Попова Т.И. К вопросу о системе дискурсов в современном русском языке // Русский язык на рубеже тысячелетий. Мат-лы всероссийской конф. Т.2. — СПб, 2001. — с.46-48.
- Сванкулов А.Э. О теоретических и прикладных аспектах юридического дискурса русского языка // Вестник КазНУ. Серия филологическая. 2007. №7 (106). — с.151-154.
- Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия: учебн. пособие. — М.: Флинта: Наука. 2006.- с. 3.
- Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. Дисс. на соискание ученой степени д-ра филол. наук. — Волгоград, 2010.
- Teun Van Dijk. Ideology: A Multidisciplinary Approach. London: Sage, 1998. — p. 27.
- Teun Van Dijk. News as discourse. New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, 1988 — p.49-59 (210 p.)
- Foulcault M. Archeology of knowledge. London: Tavistok, 1972 — p. 49.
- Негрышев А.А. Аспекты речевого воздействия в новостях СМИ. — Владимир: ВГТУ, 2009.

УЛАНОВ А. В.

Омск

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС ПИСЕМ ИЗ СЕВАСТОПОЛЯ 1855 ГОДА

Аннотация. Статья посвящена специфике военно-дискурсивного пространства мало изученного эпистолярного источника XIX века — писем из Севастополя 1855 г., имеющих хронологическую, информативную и лингворегиональную ценность и репрезентирующих элементы военной языковой картины мира через набор фиксированных языковых единиц. Характерной

особенностью указанного источника является компилятивное сближение стратегий «надежда на Бога» в совершении военных действий, стратегии на преклонение перед императорской властью и ее представителями и стратегии установки на величие русского оружия.

Ключевые слова: военно-политический дискурс, стратегия, доминанта стратегии.

ULANOV A. V.

Omsk

MILITARY-POLITICAL DISCOURSE LETTERS FROM SEVASTOPOL 1855

Abstract. The article is devoted to the specifics of the military-discursive space of little studied epistolary source of the XIX century – mails from Sevastopol 1855, which are of great chronological, informative and linguistic value, as represented by elements of the military language picture of the world through a set of fixed language units. A characteristic feature of the specified source is a compilation convergence strategies «hope in God» in committing military action, strategy for the worship of the Imperial power and its representatives and strategies installation on the greatness of Russian arms.

Key words: military-political discourse, strategy, dominant strategy.

Одним из аспектов изучения развития военно-политического дискурса в языковом континууме XIX века является аспект источниковедческий, позволяющий провести скрупулезный исследовательский отбор необходимых для изучения дискурса источников, в частности, военного эпистолярия XIX века, в котором была зафиксирована как институциональная, так и неинституциональная компонента русского военного дискурса [Уланов 2012]. Большой историко-культурный и лингвистический материал в этом отношении дают письма из Севастополя (Севастополь в нынешнем состоянии. Москва. В Типографии Александра Семена, на Софийской улице. 1855). Преимуществами данного источника, бесспорно, являются: хронологическая ценность (сконцентрированность авторских интенций на актуальных военных событиях середины XIX века), информативная ценность (репрезентация элементов военной языковой картины мира в языковом сознании военнослужащих через набор фиксированных языковых единиц), лингворегиональная ценность (характеристика реалий русского военного подязыка на отдельной территории его развития).

Однако в центре нашего внимания – экспликация военно-дискурсивного пространства через комплекс его наиболее продуктивных стратегий и тактик. Именно в этом источнике находим доминанты языкового сознания военнослужащих того периода, проявившиеся в военном языковом контексте.

Письма из Севастополя – чрезвычайно информативно насыщенный текст, представляющий собой «сгусток» информации экстралингвистического фона военного дискурса. Фрагментом такой информации, например, является этнолингвистическая составляющая, фиксирующая сложность межнациональных коммуникаций в период военных действий и упоминание о национальностях в военно-дискурсивном контексте: *У многих Татаръ повыдохли волю, а у кого и осталось нѣсколько, то въ такомъ состояніи, что едва двигаются; отъ этого, привозимыя въ городъ хозяйственные припасы вздорожали* [Севастополь... 1855: 6]

В контексте писем обнаруживается взаимопроникновение военного и политического дискурсов, интерференция которых говорит о возникновении в данном случае интегративного военно-политического дискурса. Свидетельством этому является появление ряда взаимонаправленных стратегий в речи автора текста. В их числе:

Стратегия «утверждение величия России в величии Севастополя и русского морского флота»: *Севастополь, какъ всѣмъ извѣстно, военный станъ, резиденція Черноморскаго флота; онъ расположенъ на высокихъ каменныхъ горахъ, окруженъ со всѣхъ сторонъ моремъ; берега его укреплены сильными батареями* [Севастополь... 1855: 6–7]. *Онъ населенъ почти исключительно военными; фракъ и вообще всякій партикулярный костюмъ на гуляньяхъ и въ собраніяхъ здѣсь не рѣдкость* [Севастополь... 1855: 8].

Стратегия «установка на величие русского оружия». Достигается путем адъективной репрезентации русской военной мощи. В тексте находят отражение преимущественно морфологические способы репрезентации.

1) прилагательные с эмоционально-экспрессивной коннотацией восхищения, преклонения, например *блистательный, побѣдоносный* (1), *грозный, внушительный* (2):

(1) *Послѣ блистательной Синопской битвы, весь побѣдоносный Черноморскій флотъ гордо и величаво красуется на рейдѣ и готовъ, по первому повѣленію, выйти въ море и снова вступить в бой съ надменнымъ неприятелем.* [Севастополь... 1855: 7].

По всему рейду стройно и величаво стоятъ на якоряхъ побѣдоносные Черноморскаго флота корабли, фрегаты, корветы, бриги, тендера, яхты, бригантины, транспорты, пароходы, шкуны и множество купеческихъ судовъ [Севастополь... 1855: 12].

Автор нередко использует риторические приемы адъективных и перифрастических характеристик черноморского флота, подчеркивая его величие и силу:

Этотъ огромный, одинъ изъ сильнѣйшихъ парусныхъ и паровыхъ флотовъ въ мірѣ, разсылая по Черному морю и, подъ предлогомъ защиты Турціи, гоняется за мелкими каботажными судами, беззаботно плывущими изъ сосѣднаго порта въ портъ... [Севастополь... 1855: 10–11].

– *Но моряки соединеннаго флота разсудили, что съ ихъ стороны было бы слишкомъ смѣло и даже невыгодно приблизиться, и потому лавируютъ въ весьма почтительномъ разстояніи отъ нашихъ грозныхъ*

батареи, то скрываясь за горизонт, то снова показываясь [Севастополь... 1855: 10].

2) словесное преклонение перед мужеством русских воинов:

Мужество наших артиллеристов было невыразимо [Севастополь... 1855: 15].

Нѣтъ словъ описать вамъ, съ какимъ самоотверженіемъ и храбростію моряки наши дерутся и отстаиваютъ близкій ихъ сердцу Севастополь [Севастополь... 1855: 26].

Стратегия «презрение к врагу». Враг понимается как обобщенная противопоставленная военная сила.

Данная стратегия реализуется через следующие способы репрезентации:

1. прилагательные с эмоционально-экспрессивной коннотацией презрения, надления врага отрицательными качествами – высокомерностью, надменностью:

Послѣ блистательной Синопской битвы, весь побѣдоносный Черноморскій флотъ гордо и величаво красуется на рейдѣ и готовъ, по первому повѣленію, выйти въ море и снова вступить в бой съ надменнымъ непріятелем. [Севастополь... 1855: 7].

– тактика 'вскрытие истинных намерений вражеского флота'. При повествовании об иностранном флоте в Крыму автор использует соответствующие маркированные номинации: мелкое корсарство: *Появляясь прѣдъ крѣпостями, пароходы дѣйствуютъ еще постыднѣе — поднимаютъ не свои, а чужіе, не принадлежащіе имъ флаги — Австрійскій и Русскій, полагая этимъ обмануть бдительность береговыхъ начальствъ. Мелкое корсарство, достойное дикарей — вотъ подвиги, которыми тщеславится громадный соединенный флотъ двухъ націй, именующихъ себя образованныйшими! Мы недоумѣваемъ — смѣяться, или удивляться этимъ жалкимъ дѣйствіямъ.* [Севастополь... 1855: 11].

Сегодня, какъ вамъ извѣстно, сто двѣнадцатый день съ техъ поръ, какъ непріятель ступилъ своей нечес-тивой ногою на нашъ священный Крымъ, и самъдесять седьмой день какъ бомбардируетъ нашъ Севастополь [Севастополь... 1855: 22].

Вопреки ложнымъ и хвастливымъ донесеніямъ Англо-Французскихъ главнокомандующихъ, вопреки громкихъ возгласамъ редакторовъ и корреспондентовъ иностранныхъ газетъ, родной и дорогой сердцу нашему Севастополь не разрушенъ, а стоитъ непоколебимъ, съ помощью Всевышняго Создателя [Севастополь... 1855: 24].

4. Стратегия «преклонение перед императорской властью и ее представителями».

Стратегия данного типа реализуется через речевые тактики уважительного отношения к царской власти и репрезентируется через следующие языковые средства:

1) вторичные номинации царствующих особ: *Государь...*, *Его (Ее) Величество* и т. п. либо «великій...»:

Эта картина, присланная въ даръ Государемъ Императоромъ и исполненная масляными красками на полотнѣ, изображаетъ взятіе съ бою (5-го ноября прошлаго 1853 года) пароходомъ «Владиміръ», подъ начальствомъ Генералъ-Адъютанта, Вице-Адмирала В. А. Корнилова, Египетскаго десятипушечнаго военнаго парохода «Первась-Бахри» [Севастополь... 1855: 8].

Ежедневно, съ 6 часовъ вечера, на 120 пушечномъ корабль «Великій Князь Константинъ», стоящемъ у самой Екатерининской пристани, подъ флагомъ Генералъ-Адъютанта, Вице-Адмирала В. А. Корнилова, начинаетъ играть военная музыка, а на самой пристани играютъ еще нѣсколько хоромъ музыки, хоры флотскій, армейскій и хоръ роговой Гусарскаго Его Императорскаго Высочества Князя Николая Максимиліановича полка съ песенниками [Севастополь... 1855: 12].

2) придание коннотации торжественности и преклонения понятиям и реалиям, связанным с царствующими особами – дням, датам, городам и т. п.:

23-го числа прошлаго апрѣля мѣсяца, въ Высокопаторжественный день Тезоименитства Ея Величества Государыни Императрицы, въ здѣшнемъ Адмиралтейскомъ Свято-Николаевскомъ Соборѣ, во всѣхъ церквахъ, а также на всѣхъ корабляхъ Черноморскаго флота, принесено было благодарственное Господу Богу молебствіе, по окончанию коего со всего флота, стоящаго на рейдѣ, произведена была пушечная пальба... [Севастополь... 1855: 9].

3) этикетные словесные характеристики представителей царствующей власти в крымском регионе: *...каждый изъ насъ убѣжденъ въ твердости стратегическихъ мѣръ, принятыхъ главноначальствующимъ въ нашемъ краѣ, Свѣтлѣйшимъ Княземъ А. С. Меншиковымъ, къ сохраненію общаго порядка и безопасности...* [Севастополь... 1855: 9 - 10].

4) оплот самодержавия столица Руси – России, судьба которой считается священной: *нѣкогда предшественники ихъ вошли въ первопрестольную Столицу* [Севастополь... 1855: 30].

Таким образом, реализация стратегии 'преклонение перед императорской властью и ее представителями' сопровождается созданием у реципиента текста мнения, что царская власть — оплот порядка, гражданственности и безопасности в Крыму.

5. Стратегия «надежда на Бога» в совершении военных действий чрезвычайно распространена и затрагивает различные стороны веры русских военных: *Мы твердо стоимъ и будемъ драться до послѣдней капли крови; мы крѣпко надѣемся на милость Всевышняго, что ихъ храбро и мужественно отразимъ...* [Севастополь... 1855: 14].

Стратегия объединяет ряд тактик:

Тактика – Россия благословлена Богом.

Мужество наших артиллеристов было невыразимо. Они видимо не дорожили жизнью, и бились до смерти за каждый заряд; они дрались за Царя, за свое Отечество – Богомъ благословенную Россію, за оскорбленную Вѣру [Севастополь... 1855: 15].

Тактика – Бог поможет сражающимся.

И такъ, не смотря на жестокий натискъ христіанскихъ державъ — поборницъ луны, хлынувшихъ на насъ пламенемъ и разрушеніемъ, мы уповаемъ на Бога, на Его чудотворную, святую силу, видимо поднесъ укрывающую насъ отъ гибельнаго дѣйствія непріятельскихъ ядеръ и бомъ, густымъ дождемъ носящихся надъ нашими головами [Севастополь... 1855: 17].

Тактика – Бог и власть едины.

Въ чувствахъ вѣрноподданческой преданности и любви къ Престолу великаго, и единого Православнаго подъ солнцемъ нашего Монарха, мы молимъ Бога, да сохранитъ Онъ Помазанника Своего, подвизающагося за Православіе, за святую Вѣру отцовъ нашихъ, — да не постыдимся во вѣки! [Севастополь... 1855: 17].

Стратегия репрезентируется единицами следующих морфологических характеристик:

– *прилагательными*: Не могу не удержаться отъ слезъ, видя этихъ храбрыхъ и неустрашимыхъ Христіолюбивыхъ воиновъ, переносящихъ самыя страшныя и смертельныя раны, - и что же? Вы не услышите ни одного стоны, ни одного ропота, не увидите ни одной слезы. [Севастополь... 1855: 27].

– *глаголами в повелительном наклонении*: Благослови Господи это храброе войско, и подкрѣпи его мужество! [Севастополь... 1855: 27].

6. Стратегия «осуждение военных действий»

Описательные средства данной стратегии составляют прилагательные оценочно-осудительной семантики и коннотации: *все это сливалось въ страшный и дикій гулъ [Севастополь... 1855: 15]; было слышно одно только дикое и ужасающее клочканье [Севастополь... 1855: 15]; я видѣлъ это неимоверно-жестокое сраженіе [Севастополь... 1855: 15]; и этотъ свирѣлый бой не умолкалъ ни на минуту [Севастополь... 1855: 15].*

Характерной особенностью указанного источника является компилятивное сближение стратегий 'надежда на Бога' в совершении военных действий, стратегии на преклонение перед императорской властью и ее представителями и стратегии установки на величие русского оружия. Это смысловое и прагматическое объединение стратегий особо ощущается в следующем контексте:

Въ понедѣльникъ, 6-го декабря, въ высокотожественный и священный для Православной Россіи день Тезоименитства Его Величества Государя Императора Николая Павловича, въ здѣшней Михайловской церкви, что близъ вновь строящагося Адмиралтейскаго Свято-Николаевскаго Собора, совершены были соборно Божественная Литургія и благодарственное Господу Богу молебствіе, въ присутствіи Его Высочайшаго Преосвященства Митрополита Агафангела (по слабости здоровья не принимавшаго участія въ священнодѣйствіи), Его Свѣтлости Главнокомандующаго военными морскими и сухопутными силами, Князя Александра Сергѣевича Меншикова, Его Высокопревосходительства исправляющаго должность командира Севастопольскаго порта и военнаго губернатора, Вице-Адмирала Станюковича, и всѣхъ Генераловъ, Штабъ и Оберъ-Офицеровъ флота и арміи, и при многочисленномъ стеченіи жителей всѣхъ сословій [Севастополь... 1855: 25].

Вербальный уровень военно-политического дискурсивного пространства характеризуется частотностью средств семантической деривации:

1) *олицетворение*: Въ этотъ день, въ шесть часовъ утра былъ открытъ самый сильный огонь съ непріятельскихъ батарей, построенныхъ съ южной стороны противъ города; наши батареи упорно имъ отвѣчали [Севастополь... 1855: 14]. 2) *милитарная метафорика*, средствами семантического переноса служат общепотребительные глаголы: *закипѣлъ бой ужасный: застонала земля, задрожали окрестныя горы, заклокотало море*: вообразите только, что изъ тысячи орудій съ непріятельскихъ кораблей, париходовъ и съ сухопутныхъ батарей, а въ тоже время и съ нашихъ батарей разразился адскій огонь: непріятельскіе корабли и париходы стрѣляли въ наши батареи залпами [Севастополь... 1855: 14]. 3) *милитарные сравнения*: И такъ, не смотря на жестокий натискъ христіанскихъ державъ — поборницъ луны, хлынувшихъ на насъ пламенемъ и разрушеніемъ, мы уповаемъ на Бога, на Его чудотворную, святую силу, видимо поднесъ укрывающую насъ отъ гибельнаго дѣйствія непріятельскихъ ядеръ и бомъ, густымъ дождемъ носящихся надъ нашими головами [Севастополь... 1855: 17]. 4) *метонимический перенос*: Сегодня, какъ вамъ извѣстно, сто двѣнадцатый день съ техъ поръ, какъ непріятель ступилъ своей нечестивой ногою на нашъ священный Крымъ, и сямьдесятъ седьмой день какъ бомбардируетъ нашъ Севастополь [Севастополь... 1855: 22]. 5) *фразеологизмы*: Я самъ бывалъ свидѣтелемъ, на перевязочномъ пунктѣ, когда, послѣ перевязки незначительныхъ ранъ, причиненныхъ осколками бомбъ, или послѣ вынутія изъ тѣла штуцерной пули, на совѣтъ медиковъ остаться для излѣченія, они отвѣчали: «что мы будемъ напрасно тутъ лежать, когда мы еще въ состояніи управляться съ орудіями; мы рады стараться, и будемъ драться до послѣдней капли крови, а Севастополя непріятелю не выдадимъ: онъ его не увидитъ, какъ ушей своихъ.» [Севастополь... 1855: 25]. Утромъ 28-го сентября, главнокомандующій союзными войсками, Лордъ Рагланъ призвалъ къ себѣ упомянутаго Священника отца Антонія, и съ видомъ гордымъ и сердитымъ сказалъ ему, на французскомъ языкѣ: «До слуха моего дошло, что вы что-то замышляете противъ насъ, и потому я долженъ принять военныя мѣры противъ васъ». [Севастополь... 1855: 33-34].

Прагматическая организация военного дискурса источника также характеризуется частотностью контекстуальных синонимов, антонимов.

Попробуем сформировать полученные нами выводы.

1) Отметим, что интенциональность текста направлена на формирование мнения о том, что сила русского оружия «благословлена» «Божией силою». Автор постоянно подчеркивает это, намеренно указывая на наделение русских войск особой «божественной» храбростью:

Въ громкихъ рѣчахъ въ Парижѣ и Лондонѣ обѣщаютъ еще новыя, страшныя силы и средства, чтобъ разгромить и уничтожить нашъ Севастополь и нашъ Черноморскій флотъ, но настоящія силы наши — не въ нашей силѣ, а въ Божіей. Богъ укрѣпитъ насъ и далѣе [Севастополь... 1855: 29].

— Подобная стратегия формирует бинарную оппозицию «православность» наших войск - «нечестивость», «инородность», «святотатство» вражеской армии, в чем ощущается не только религиозное расхождение враждующих стран, но и их культурные разницы:

Кто могъ разгадать впередъ окончаніе 1812 года, а не даромъ, быть можетъ, замѣчено, что нынѣшніе наши враги въ тотъ самый день (2-го сентября) ступили нечестивою и святотатственною пятою своею на нашъ благословенный Крымъ, въ какой нѣкогда предшественники ихъ вошли въ первопрестольную Столицу [Севастополь... 1855: 30].

— доминанты стратегий речи военнослужащих передает текст тоста, произнесенного в момент встречи нового 1855 года: *Перечисление вербального языкового ряда свидетельствует об элементах духовной военной языковой картины мира военнослужащих середины – конца XIX века: армия – царь – отечество – Бог: Потомъ слѣдовали тосты, одинъ за другимъ, за здравіе, всего Царскаго Августѣйшаго Дома, за здравіе всего Царскаго Августѣйшаго Дома, за здравіе Главнокомандующаго въ нашемъ краю, Князя Александра Сергѣевича Меншикова, за здравіе Начальниковъ и защитниковъ города Севастополя, за здравіе Христолюбиваго и побѣдоноснаго воинства* [Севастополь... 1855: 40].

Таким образом, лингвистический материал проанализированного нами источника говорит о чрезвычайном богатстве комплекса языковых средств военно-политического дискурса этого периода.

Литература

Севастополь въ нынѣшнемъ состояніи. – Москва. Въ Типографіи Александра Семена, на Софійской улицѣ. 1855.

Уланов А. В. К вопросу об институциональных признаках дискурса. // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. – 2012. – № 3. – С. 88–92.

УПОРОВ А. А.

Екатеринбург

«У НЕЙ ОСОБЕННАЯ СТАТЬ»: ЛЕКСИКА И ФРАЗЕОЛОГИЯ СО ЗНАЧЕНИЕМ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОСТИ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ ОБРАЗА РОССИИ

Аннотация. В статье рассматривается семантика высказываний о России, содержащих экспликации модальных оценок со значением исключительности. Анализируются такие определения, как *исключительный, самобытный, особый, уникальный*.

Ключевые слова: образ России, исключительность, семантика, оценка.

UPOROV A. A.

Ekaterinburg

VOCABULARY AND PHRASEOLOGY WITH A VALUE OF EXCLUSIVITY IN THE VIEW OF THE IMAGE OF RUSSIA

Annotation. The article describes the semantics of statements about Russia that contains explicatory modal estimates with a value of exclusivity. Analyzed as exceptional, original, special, unique.

Key words: the image of Russia, exclusivity, semantics, evaluation.

В русской философской литературе особое внимание уделяется поискам русской национально-культурной идентичности («русской идеи»). Мысль об особом предназначении русского народа, его избранности, его высокой миссии звучит в трудах крупнейших отечественных философов: А.И. Герцена, В.В. Розанова, К.Н. Леонтьева, Н.А. Бердяева и многих других. Для примера приводим характерные цитаты из «Философических писем» П.Я. Чаадаева: «Про нас можно сказать, что мы составляем как бы исключение среди народов. Мы принадлежим к тем из них, которые как бы не входят составной частью в род человеческий, а существуют лишь для того, чтобы преподать великий урок миру»; «Мы не принадлежим ни к Западу, ни к Востоку. Мы народ исключительный» [Чаадаев 1989].

Глубокое осмысление обозначенной выше темы в русской философской литературе стало теоретико-методологической основой для лингвистического анализа образа России (см., например: Чудинов 2001, Образ России... 2011 и др.).

И.А. Юрьева подчеркивает, что «в рамках русского национального сознания концепт РОССИЯ имеет статус базового концепта» [Юрьева 2008: 3]. Показателем значимости концепта РОССИЯ в сознании русского этноса, по мысли И.А. Юрьевой, является безусловная связь его с формированием и выражением самооценки национального коллектива: «оценка процессов собственной жизни и деятельности, собственного места в геополитическом пространстве способствует определению этносом своего места в рамках мировой истории» [Юрьева 2008:

3]. А.А. Алексеева отмечает, что «круг лексических средств репрезентации образа России довольно разнообразный: метафоры, слова с оценочной семантикой, лексические единицы с архисемой интенсивности признака, антонимы, слова и словосочетания, выражающие иронию, окказионализмы» [Алексеева 2012: 6].

Выбирая из Национального корпуса русского языка суждения, сводимые к модели «Россия – страна х», где х – имя прилагательное, получаем довольно разнородный набор определений: *сильная и уверенная в себе, успешная в спорте, достаточно разнообразная, перспективная и понятная, красивейшая, самая большая по площади занимаемой территории, очень богатая, многонациональная*. Среди массы определений, создающих положительный образ России, есть и единичные случаи негативной оценки: *«Русские художники тут же утратили все иллюзии: им дали понять, что Россия – вовсе не уникальная страна, а периферия Европы»* (газ.). Не углубляясь в анализ последнего суждения, требующий более полного контекста, заметим, что субъектом негативной оценки в данном высказывании выступает не русский человек, а некий чужой, подразумеваемый формой неопределённо-личного предложения («они»).

Идея исключительности находит своё отражение в лексике и фразеологии, употребляемой для характеристики России и русского народа. Например, в художественной литературе читаем суждения, созвучные высказываниям отечественных философов: *«Мы с ним даже договорились написать работу о России. Он считал, что Россия не страна, а нечто большее – некий мир. Существует арабо-иранский мир, существует Дальний Восток, существует латиноамериканский мир, и существует Россия – материк со своей судьбой, путём, предназначением»* (Д. Гранин).

Исключительность может выступать и как комплексная, и как частная характеристика России по какому-либо основанию. Так, в примере *«Исключительное земельное богатство России могло вывести страну из экономического застоя, но крестьянам была нужна тягловая сила»* (Л. Евсеев) дана частная оценка.

Идея русской исключительности имеет разнообразное лексико-фразеологическое воплощение: *«Россия – уникальная страна...»* (газ.); *«Мы ... давно ждём этого социального взрыва, но Россия – особая страна»* (С. Есин); *«Россия – это замечательная и своеобразная страна, которая сумела выстоять ... в исключительно неблагоприятных условиях»* (газ.); *«В этой связи я позволю себе заметить, что всё-таки странная страна Россия»* (А. Нежный) и др. лексические средства со значением исключительности. Своеобразие России может уточняться в контексте, например: *«...Россия – страна с особым отношением к слову»* (газ.).

Кроме того, необыкновенность России связывается с мыслью об особом («третьем») пути, которому должна следовать наша страна в противовес западной (европейской) и восточной (азиатской) моделям развития.

Отдельного внимания заслуживает культурноспецифическая характеристика России как **самобытной** страны. Слово «самобытный» определено в «Большом толковом словаре русского языка» (под ред. С.А. Кузнецова) так: *«Отличающийся природным своеобразием; не зависящий от каких-либо влияний; оригинальный»*.

Самобытность рассматривается как двойственно маркированное качество: в самобытности есть положительные и отрицательные стороны. Положительная оценка представлена в контексте: *«Славянофилы всегда хотели, чтобы Россия жила своим умом, чтобы она была самобытна не только как сильное государство, но и как своеобразная государственность»* (К.Н. Леонтьев), отрицательная – *«Министр Примаков должен был знать, что многие беды России произошли как раз оттого, что эта самобытная евразийская страна, примеряя то западноевропейский камзол, то азиатский халат, так и не смогла определиться на своём собственном оригинальном месте в истории, избрать свой путь и следовать ему»* (А. Бовин). При этом самобытность в первую очередь находит своё воплощение в духовной сфере жизни общества и культуре: *«Любовь к отечеству и своему собственному народу, его языку и культуре, его самобытной духовности объявляют теперь проявлением экстремизма и даже фашизма...»* (газ.). Россия предстаёт как страна, представляющая собой объединение самобытных территорий, т.е. регионы России имеют свою специфику, оставаясь частями целого: *«В Ганновере будет представлена не только экономика, но и самобытная культура Кубани»* (газ.). Ценность самобытности, наличия своего собственного, уникального облика распространяется и на другие страны и регионы: *«Уже несколько лет на филфаке МГУ существуют курсы бретонского языка и бретонский семинар, а в Интернете – сайт о культуре полуострова Бретань – самобытном регионе Франции, расположенном в Атлантическом океане»* (газ.). Идея самобытности России и особого пути развития нашей страны может обыгрываться в иронической тональности: *«Континент Россия»* и в случае с ипотечным кредитованием ищет свой **самобытный третий путь**» (газ.).

Идея исключительности может быть связана с этноцентристскими представлениями о превосходстве своей страны и её культуры, что становится предметом специального рассмотрения в экспертной практике по делам о противодействии экстремизму.

Таким образом, высказывания об исключительности, самобытности России, её особом пути в публицистическом тексте становятся способом формирования оценок, вокруг этих высказываний формируется разнообразное субъективно-модальные значения.

Литература

Алексеева А.А. Лексические и фразеологические средства репрезентации образа России (на материале отечественной и зарубежной прессы 2008-2011 гг. и ассоциативного эксперимента). Автореф. дисс.... канд. филол. наук. Новосибирск, 2012. Национальный корпус русского языка (www.ruscorpora.ru).

Образ России и россиянина в словаре и дискурсе: когнитивный анализ: тез. докл. и сообщ. Междунар. науч. конф., посвящ. юбилею засл. деят. науки РФ, д-ра филол. наук, проф. Л.Г. Бабенко, 29 сент. – 1 окт. 2011 г., Екатеринбург, Россия. – Екатеринбург, 2011.

Чаадаев П.Я. Философические письма // Статьи и письма. М.: Современник, 1989.

Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). Екатеринбург, 2001.

Юрьева И.А. Концепт РОССИЯ как фрагмент русской национальной картины мира периода XX – начала XXI вв. Автореф. дисс. .... канд. филол. наук. Челябинск, 2008.

ФАНАКОВА Л. В.

Павлодар

ЭЛЕМЕНТЫ ФАМИЛЬЯРНОСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ (ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ)

Аннотация. В данной статье рассматриваются лингвопрагматические особенности элементов фамилльярности, присутствующих в речи современных политиков, выделяются коммуникативные стратегии, реализующие их тактики, а также языковые индикаторы, способствующие их выражению.

Ключевые слова: политическая коммуникация, фамилльярность, коммуникативная стратегия, тактика, языковые индикаторы.

FANAKOVA L. V.

Pavlodar

THE ELEMENTS OF FAMILIARITY IN POLITICAL COMMUNICATION (LINGVOPRAGMATIC PECULIARITIES)

Abstract. Lingvopragmatic peculiarities of the elements of familiarity in the speech of the contemporary politicians; the communicative strategies, tactics and relevant linguistic indicators they are exposed with are analyzed and described in the following proceeding.

Key words: political communication, familiarity, communicative strategy, tactics, linguistic indicators.

Развитие лингвистики на современном этапе, достигнув высокой научной абстракции в изучении языка, значительно расширило круг своих исследований, охватывая различные аспекты речевой деятельности и речевого взаимодействия коммуникантов в разнообразных сферах общения. На сегодняшний день исследование особенностей функционирования языка в процессе коммуникации стало одним из приоритетных направлений языкознания. Не случайно, на наш взгляд, многие ученые-лингвисты, заявляющие о полипарадигмальности современного лингвистического знания, в качестве одной из основных парадигм называют коммуникативную.

Описание особенностей языка с точки зрения его функционирования в процессе речевой интеракции коммуникантов является одной из доминантных проблем и входит в сферу интересов лингвистической прагматики. Прагматика (направление языкознания, активно развивающееся с конца XX столетия) в широком смысле обращается к процессу коммуникации и направлена на изучение предпосылок, мотивов, намерений, речевых действий участников общения и проч. Сегодня прагмалингвистика относится к наиболее мощным и перспективным дисциплинам в мировом научном пространстве, продолжающим активно развиваться и охватывать все новые сферы изучения [Темиргазина 2014: 9]. Так, одним из ее актуальных направлений является изучение особенностей реализации речевого общения в рамках политической коммуникации, участниками которой являются современные политики.

Политическая коммуникация – это многогранное явление, вбирающее в себя широкий спектр вопросов, свойственных политологии, социологии, коммуникативистике (теории коммуникации), ряду междисциплинарных отраслей науки, таких, например, как политическая социология, политическая антропология и проч. Таким образом, существуют различные научные направления, которые определяют политическую коммуникацию по-своему, пользуясь соответствующим категориальным аппаратом. Кроме того, мы отмечаем, что в рамках одного и того же направления могут существовать различные трактовки, обусловленные различием подходов.

Так, Р.-Ж. Шварценберг, например, определяет политическую коммуникацию как «... процесс передачи политической информации, с помощью которого информация циркулирует между различными элементами политической системы, а также между политической и социальной системой» [Шварценберг 1992].

Наше исследование предопределено интересом современной лингвистической науки к роли языка в сфере политической деятельности и соответственно политической коммуникации, а также необходимостью изучения тех языковых средств, с помощью которых адресант осуществляет воздействие на адресата, прибегая к специфическим речевым стратегиям, тактикам и коммуникативным ходам.

По мнению российского ученого А.П. Чудинова, который внес большой вклад в развитие политической лингвистики, «... политическая коммуникация, т. е. речевая деятельность, ориентирована на пропаганду тех или иных идей, эмоциональное воздействие на граждан страны и побуждение их к политическим действиям...». По его же воззрениям, современная политическая лингвистика активно занимается общими проблемами политической коммуникации (анализирует ее отличия от коммуникации в других сферах), изучает проблемы жанров политической речи и особенности функционирования политических текстов, обращается к проблемам идиостиля

отдельных политиков, рассматривает стратегии, тактики, приемы политической коммуникации и проч. [Чудинов 2008].

Наблюдая за коммуникативным поведением современных политиков в разнообразных ситуациях общения, мы обратили внимание на то, что в речи некоторых из них присутствуют элементы фамильярности.

Фамильярность - это особое лингвистическое явление, обладающее собственной коммуникативной спецификой, опирающееся на ряд соответствующих вербальных и невербальных индикаторов. В сознании носителей русского языка (по данным толковых словарей, словарей синонимов и ассоциативных словарей) фамильярность ассоциируется с негативными проявлениями коммуникативного поведения коммуникантов, такими, как панибратское обхождение с кем-либо, бесцеремонность, иногда развязность в обращении и т.д. [Фанакова 2012: 303].

Теоретическое обоснование феномена фамильярности показывает, что данное явление имеет социально-этический характер и обращено к ценностно-нормативному аспекту человеческого поведения в обществе (Р.Г. Апресян, А.А. Гусейнов, О.Г. Орлова, Л.А. Попов). Проявление фамильярности сопряжено с нарушением коммуникативных и этических норм коммуникативного поведения в статусно-маркированной ситуации (В.И. Карасик, Т.В. Крылова, Л.П. Крысин, О.А. Леонтович, А.К. Михальская, И.А. Стернин, Л.Л. Федорова, Н.И. Формановская) [Фанакова 2013: 9-10].

Общезыковая семантика слова *фамильярный* коррелирует с ценностно-нормативной и социально-этической интерпретацией соответствующего понятия. Словарное толкование значения прилагательного отражает этический аспект понятия, который маркирует отступления от установленных в обществе этических и этикетных правил речевого поведения [Смирнова 2009: 8]. В то время как под этикетным речевым поведением понимается принятая в данной культуре совокупность требований к форме, содержанию, порядку, характеру и ситуативной уместности высказываний. Известный исследователь речевого этикета Н.И. Формановская дает следующее определение речевого этикета: «регулирующие правила речевого поведения, система национально-специфичных стереотипных, устойчивых формул общения, принятых и предписанных обществом для установления контакта собеседников, поддержания и прерывания контакта в избранной тональности» [Формановская 2002].

Таким образом, согласно правилам речевого этикета и существующим коммуникативным нормам проявление фамильярности в сфере политической коммуникации недопустимо. На наш взгляд, неприемлемость ее реализации в процессе политической речевой интеракции обусловлена следующим лингвопрагматическим причинами:

- нарушением конвенциональных стандартов общения (например, несоблюдением предписанной коммуникативной дистанции, статусно-иерархических параметров и др.);
- отклонением от регламентированных правил речевого этикета и коммуникативных норм в формальном контексте;
- чрезмерной свободой в выборе содержания речи (вербальных и невербальных средств), что ведет к несоответствию речевого поведения коммуникативным обстоятельствам той или иной ситуации общения;
- диссонансом коммуникативных ожиданий партнеров по общению и проч. [Фанакова 2013: 10].

Несмотря на неприемлемость проявления элементов фамильярности в рамках политической коммуникации, мы, тем не менее, встречаем их в речи современных политиков. Так, например, во время проведения заседания международного дискуссионного клуба «Валдай» по теме «Многообразие России для современного мира» на ремарку модератора и соорганизатора клуба С. Миронюк <... Если Вы разрешите, я объявлю последние два вопроса. Потому что вопросов много, много знакомых лиц. На задних рядах прячется Алексей Кудрин в тени...> Президент России В.В. Путин ответил <Леш, где ты прячешься? А че, у тебя вопросы есть какие-то?...>.

На той же встрече В.В. Путин, отвечая на вопросы аудитории <... мы с Романо (Романо Проди - примеч.) действительно вместе давно работаем и у нас очень хорошие личные отношения...так сложилось, что у меня в Италии и с ним всегда были дружеские отношения, и с Берлускони, с которым они постоянно конфликтуют на политические темы...>.

Как видно из приведенных выше примеров, элементы фамильярности проявляются в речи президента в обращениях по имени или фамилии (например, производное и сокращенное *Леш* от полного имени Алексей, без использования отчества и неэтикетное обращение на *ТЫ* – в случае обращения к Алексею Кудрину; обращение по имени, без использования этикетной приставки «господин» и фамилии – при обращении к известному итальянскому политику Романо Проди, упоминание имени Сильвио Берлускони *просто по фамилии* и проч.). Кроме названных индикаторов, фамильярный тон в контексте политической коммуникации зачастую задается использованием обилия эмоционально окрашенной, образной и экспрессивной лексики, при доминировании стилистически-маркированных средств - разговорных и находящихся за пределами литературного языка (жарг., прост., груб. и др.), например <... а не пошли бы вы... лесом...> (Д. Рогозин о недовольстве США и НАТО визитом Путина в Крым), <...хрена с два, ... выковыряли все из носа и размазали по бумажкам...> (В. Путин) и проч. Другими индикаторами могут служить анекдоты, используемые в речи политиков (например, на заседании по повышению качества госуслуг для населения в Оренбурге В. Путин рассказал анекдот о шпионе <...человек пришел на Лубянку и говорит: Я шпион, хочу сдать. Ему говорят: вы чей шпион? Он говорит: американский. – Ну, тогда в пятую комнату...>); обилие пословиц, поговорок и идиоматических выражений (например, в речи В. Путина <... не говори гоп, ...пусть поучит свою жену щи варить..., пахал как раб на галерах...>) и др.

Хотелось бы отметить, что, как показывает отобранный нами фактический материал, подобные явления в процессе политической коммуникации в большей степени наблюдаются в контексте, так называемых «непротокольных» встреч (например, при общении с журналистами, с гражданами для обсуждения разного рода вопросов, реже при общении политиков между собой (обычно во время более неформальных встреч)).

Мы также обращаем внимание на тот факт, что непосредственные участники общения не всегда идентифицируют такое коммуникативное поведение как фамильярное, а таковым его признают зачастую сторонние (третьи) лица – широкая аудитория слушателей или наблюдателей за происходящим коммуникативным событием.

Проанализировав отобранные коммуникативные ситуации, в которых реализуются элементы фамильярности, мы пришли к выводу о том, что все они прагматически могут быть объединены единой коммуникативной стратегией – стратегией сближения, т.е. сокращения коммуникативной дистанции (с позиции адресанта). Данная стратегия используется в речи политиков намерено (интенционально), на что указывают соответствующие прагматически-релевантные параметры коммуникантов, такие как: социальный статус, возраст, высокий уровень образования и проч.

Традиционно направленная на достижение кооперации и коммуникативного сотрудничества, стратегия сближения, однако, обнаруживает случаи сложного взаимодействия стратегических планов, характеризующихся различной долей проявления кооперации и конфликта. Поэтому данная стратегия может интерпретироваться как *кооперативная* (при условии неформального характера политической коммуникации и относительно симметричном статусе коммуникантов) и как *некооперативная стратегия* (в условиях формального общения, часто при асимметричном статусе коммуникантов).

Стратегия сближения, выделенная при прагматическом анализе элементов фамильярности, используемых в речи политиков, воплощается в нескольких речевых тактиках, которые отличаются исходными коммуникативными интенциями. Нами были выделены несколько тактик, наиболее продуктивными из которых назовем следующие: тактика шутки, тактика эпатирования, реже заигрывания и демонстрации близости с авторитетным лицом.

Среди обозначенных выше тактик речевые тактики заигрывания и шутки в большей степени относятся к кооперативным (даже в рамках формальной сферы общения), так как продиктованы позитивными интенциями адресантов наладить контакт, разрядить обстановку, создать более непринужденные и комфортные условия коммуникации. Это можно наблюдать, например, в следующих речевых ситуациях:

1. Во время встречи с олимпийскими волонтерами в Сочи, которых пригласили на встречу с В. Путиным волонтер из Китая сильно волновалась и несколько раз произнесла, что не верит в то, что сидит в одном зале с президентом <... вы сейчас здесь, я просто не верю, это как бы во сне...>. В ответ Путин с улыбкой произнес <Я вас ущипну потом, ладно?>.

2. Во время проведения «Прямой линии» с Путиным на вопрос А. Проханова <...не пора ли ввести налог на роскошь?...налог на эти золотые дворцы, на эти бриллианты, которыми осыпают себя с ног до головы жены и возлюбленные наших олигархов...> Президент России ответил <... А как вы отличаете жен от возлюбленных – по запаху? По возрасту? (смеется)>.

Тактика эпатирования собеседника же основана на намеренном нарушении привычных схем поведения или на отрицании ценностных ориентиров определенного микросоциума. В последнем случае тактика зачастую направлена на укрепление роли лидера. Речевое поведение говорящего, использующего эту тактику, можно охарактеризовать в метафорах и идиомах типа *ошарашить*, *огорошить*, *застать врасплох*. В них, как мы видим, описывается перлокутивный эффект, произведенный на адресата подобной тактикой. Согласно нашим наблюдениям (исходя из отобранного нами эмпирического материала), данная тактика в процессе политической коммуникации активно используется в речи лидера ЛДПР В.В. Жириновского, заместителя председателя Правительства Российской Федерации Д.О. Рогозина, реже в речи российского политика и бизнесмена М.Д. Прохорова, а также некоторых других политиков.

В результате анализа прагматических особенностей элементов фамильярности, присутствующих в речи современных политиков, мы пришли к выводу о том, что, несмотря на неприемлемость их употребления в рамках политической коммуникации, которая продиктована рядом лингвопрагматических причин, а также нормами речевого этикета, они все же используются ими. Согласно результатам проведенного исследования, употребление анализируемых единиц в речи политиков носит интенциональный характер, реализуя тем самым стратегию коммуникативного сближения (сокращения коммуникативной дистанции между партнерами по общению), которая опирается в своем выражении на ряд соответствующих речевых тактик, зачастую направленных на достижение кооперации в процессе коммуникации, а также ряд специфических языковых индикаторов.

Литература

Смирнова М. П. Фамильярная тональность в текстах таблоидных изданий : автореф. дис. ... канд. филол. наук – Екатеринбург, 2009. – 23 с.

Темиргазина З. К. Предисловие к коллективной монографии по прагмалингвистике. Речевое поведение адресата при использовании тактики недоговаривания / З. К. Темиргазина [и др.]. // Прагмалингвистика : коллективная монография. – Павлодар, 2014. – С. 9-14. С.93-114.

Фанакова Л. В. Понятие «фамильярность» в наивных представлениях носителей русской и американской лингвокультур / Л. В. Фанакова // Мир науки, культуры, образования. Сер. Филология. - Горно-Алтайск, 2012. – №2 (33). – С. 302-305.

Фанакова Л. В. Прагматические особенности фамильярного стиля коммуникации в русской и американской коммуникативных культурах : автореф. дис. ... канд. филол. наук – Екатеринбург, 2013. – 25 с.

Формановская Н. И. Коммуникативное намерение и речевой этикет / Н. И. Формановская // Русский речевой этикет. – Москва, 2002. – 160 с.

Чудинов А. П. Политическая лингвистика : учебное пособие / А. П. Чудинов. - 3-е изд. - Москва : Флинта, 2008. – 254 с.

Шварценберг Р.-Ж. Политическая социология: В 3 ч. – Ч. 1. – М.: [Российская академия управления], 1992. – 180 с.

ФЕДОТОВСКИХ Т. Г.

Екатеринбург

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ В ФОРМИРОВАНИИ РЕЧЕВОГО ПОРТРЕТА МЭРА Г. ЕКАТЕРИНБУРГА Е. РОЙЗМАНА

Аннотация. В статье рассматривается стратегия самопрезентации как основная прагматическая стратегия, формирующая речевой портрет мэра г. Екатеринбурга Е. Ройзмана. Реализации данной стратегии способствуют статусно-ролевые характеристики мэра (Патриот, Борец за справедливость, Народный избранник, Интеллигент), для создания которых в свою очередь применяются коммуникативные тактики отождествления, солидаризации, дистанцирования.

Ключевые слова: речевой портрет, коммуникативная стратегия, коммуникативная тактика, статусно-ролевая характеристика.

FEDOTOVSKIKH T. G.

Ekaterinburg

COMMUNICATIVE STRATEGIES AND TACTICS IN THE FORMATION OF VERBAL PORTRAIT OF THE MAYOR OF EKATERINBURG E. ROIZMAN

Abstract. In the article the strategy of self-presentation as a major pragmatic strategy, forming a verbal portrait of the mayor, Ekaterinburg E. Roizman. Implementation of this strategy contribute to the status-role characteristics of the mayor (the Patriot, a Fighter for justice, the people's choice, Intellectual), for which, in turn, applied communication tactics of identification, self-identification, distancing.

Key words: speech portrait, communicative strategy, communication tactics, status-role characteristics.

Имидж публичных деятелей как один из решающих факторов эффективного воздействия на сознание масс формируется в процессе коммуникации между политиком и аудиторией посредством языка власти. С течением времени в результате постоянного коммуникативного взаимодействия в существующем социальном сознании общественности сформировался лингвокультурный типаж – речевой идеал профессионального политического деятеля, который, в силу определенных обстоятельств, адаптируется к изменениям общественно–политической обстановки.

Сегодняшнее развитие политического кризиса на территории России спровоцировало острую необходимость в кадровом обновлении власти на всех уровнях управления. Общество нуждается в новых лидерах, так как уровень доверия к нынешним представителям органов власти достиг критической отметки.

Политиков, как ни странно, оценивают не по делам, а по словам. В политике идет борьба за достижение и утверждение власти. Эту борьбу современный политолог М. Крэнстоном охарактеризовал как «особый сложный вид деятельности, связанный, прежде всего, с речевой деятельностью и имеющий отношение к искусству исполнения, а не созидания» [Цит. по: Михальская 1996: 45].

Современная лингвистика проявляет большой интерес к проблеме влияния человеческого фактора на язык и на формирование языковой личности. Наш интерес вызывает коммуникативный аспект изучения речевого портрета действующего мэра г. Екатеринбурга Е.В. Ройзмана, а в частности, применяемые им коммуникативные стратегии.

Коммуникативную стратегию мы понимаем, вслед за Ю. К. Пироговой, как «приемы выборки, структурирования и преподнесения в высказывании необходимой информации, которая в свою очередь подчинена целям коммуникативного воздействия на адресата» [Пирогова 2001: 549].

О. С. Иссерс разделяет все стратегии на две категории:

1. Основные стратегии, которые на этапе коммуникативного взаимодействия являются максимально значимыми с позиции построенных мотивов и целей. К данной группе относятся дискредитация, манипуляция и подчинение.

2. Вспомогательные стратегии, которые способствуют эффективной организации процесса коммуникации, оптимизируют воздействие на реципиенты. К данной категории стратегий О. С. Иссерс относит *прагматические стратегии*, суть которых заключается в формировании имиджа и эмоционального настроения, например, через самопрезентацию; *диалоговые стратегии*, за счет них происходит контроль над темой, над инициативой, а также мониторинг достаточной степени понимания доносимых в процессе общения доводов; *риторические стратегии*, которые привлекают внимание и добавляют драматизма ситуации [См. об этом: Иссерс 2008: 105–109].

Самопрезентация определяется как вид прагматической стратегии. Она позволяет наилучшим образом создать речевой портрет, так как коррелирует с диалоговыми и риторическими стратегиями [См. об этом: Иссерс 2008: 193].

Понятие самопрезентации активно используется в политологии, социологии и психологии, а лингвистические средства служат основой для выстраивания образа. С точки зрения коммуникации, «самопрезентация – это

эмоциональная «самоподача» оратора, косвенная демонстрация психических качеств его личности для формирования определенного впечатления о нем самом и его целях» [Быкова 2000: 50].

Стратегия самопрезентации является для нашего исследования основной, так как помимо того что легко транслируется через СМИ, она напрямую связана с воздействием на массовое сознание, отражает модель мира адресанта, выражает его систему ценностей и определяет его речевое поведение. Данная стратегия неотделима от статусно-ролевых характеристик, которые в большей степени нацелены на эмоциональный настрой адресата.

Позиционирование Евгения Ройзмана на политической арене происходит путем косвенного присвоения ему определенной имиджевой роли-доминанты, а также с помощью сопутствующих микроролей. В исследуемых нами публичных текстах речевой прием самопрезентации определяется ключевым смыслом «трудиться на благо города и народа».

С помощью речевых средств самопрезентации Евгений Ройзман предстает в качестве Патриота города Екатеринбурга. Чаще всего эта роль реализуется через идентификационные формулы – притяжательные местоимения: *мой, наш, свой*. «*Это наш город*», «*Я буду работать на благо нашего города*», «*Это же мой город, я здесь родился и вырос*», «*Это мой город, я обязан что-то делать для своего города и мне доставляет удовольствие делать так, чтобы мой город был лучше, чище, красивее*». С помощью этих притяжательных местоимений Евгений Ройзман констатирует, что Екатеринбург – его город, поэтому он должен работать на благо своего города, делать его лучше, и это доставляет ему удовольствие. Евгений Ройзман чувствует себя в Екатеринбурге как в своем доме. «*Этот город – это наш дом*», в котором нельзя ничего бояться, эта привычка пришла еще из детства: дом – место, где по правилам игры нельзя преследовать: «*мой город, и я не буду ничего бояться*».

Из речей Ройзмана следует, что право называть город своим получает тот, кто родился и вырос в Екатеринбурге. В агитационных текстах предвыборной кампании будущего мэра это являлось главным основанием для выбора лиц, допускающихся к управлению и развитию города: только коренной житель честно трудится на благо города, все остальные («*приезжие*», «*чужие*») преследуют личные цели. Из словосочетаний «*это наш дом*» и «*на благо нашего города*» следует, что мэр идентифицирует себя с жителями города, роднится с ними посредством семантики слова *дом*. Таким образом, одной из основных тактик реализации стратегии самопрезентации является тактика отождествления себя с адресатом.

Чаще всего в сочетании со словами «*Екатеринбург*», «*город*» в ряд выстраиваются притяжательные местоимения и прилагательные с положительной семантикой: *наш, полуторамиллионный, сильный, хороший, богатый, мощный, интеллектуальный, думающий, динамично развивающийся*. Также используются оценочные суждения и прилагательные со специфичной патриотической семантикой. «*Екатеринбург – очень мощный город*»; «*Екатеринбург – один из лучших в России*»; «*Я буду работать со всеми, от кого может быть польза городу*». В данном случае Е. Ройзман активно использует тактику солидаризации. Он говорит то, что хотят от него услышать.

Из речи Евгения Ройзмана следует, что Екатеринбург – успешно и динамично развивающийся город, с большим потенциалом. В одном из интервью Евгений Ройзман признался, что ранее он недооценивал Аркадия Чернецкого, но теперь отношение к нему поменялось. «*Отцом стратегического плана развития города был Аркадий Чернецкий. Только сейчас начинаю понимать, какой огромный объем работы выполнен и почему Екатеринбург по основным показателям опережает остальные города России. Признаю заслуги команды и лично Чернецкого. Соберем программный совет по развитию города, и я попрошу Аркадия Михайловича, чтобы он был с нами, потому что он – отец стратегического плана*». В данном случае Чернецкий представлен покровителем и благодетелем Екатеринбурга, к этому образу стремится и сам Евгений Ройзман.

Из этого можно заключить, что мэр Евгений Ройзман признает легитимность и справедливость, продуктивность действующей администрации Екатеринбурга и не собирается менять рабочую команду и кардинально менять план развития города. Хотя ранее, в своей предвыборной кампании, кандидат в мэры придерживался противоположной точки зрения: «*У меня были свои стереотипы, но как только я зашел вовнутрь, все оказалось по-другому. Главное, я увидел, что Екатеринбург управляется людьми, которые его искренне любят, которые являются патриотами этого города*».

Анализ метафраз показал, что в сочетании с терминами «администрация», «власть», «исполнительные органы» до выборов Евгений Ройзман применял слова с критичной, негативной окраской: *политизированные, развращает население*, т.е. использовал тактику дистанцирования от городской и областной власти. Именно на этой оппозиционной волне жители города и выбрали его как борца со сложившимся укладом власти, но после победы на выборах он начинает подстраиваться под сложившиеся правила работы и ведет отстройку от оппозиции. Важно заметить, что в создании образа оппозиционера Евгения Ройзмана большую роль сыграли футболка, цвет которой расценивается как символ революционности, и СМИ, которые не раз представляли его как революционера, радикала. Подобные изменения в риторике выдают в Евгении Ройзмани приверженца старого политического строя, а не политика новой формации и истинного избранника народа. В данном случае прослеживается динамика картины мира за счет изменения отношения к администрации города от негативной критики до абсолютной солидарности.

Чтобы сохранить расположение электората, образ Патриота дополняется микроролью «Избранник народа». Речевыми коррелятами этой роли являются фразы, указывающие на то, что для представителя власти решающим фактором в принятии решений по тому или иному вопросу является мнение народа. «*Без общенародного обсуждения приступать к его (плана) реализации нет смысла*». В итоговом интервью на радио «ЭХО Москвы» сра-

зу после выборов Евгений Ройзман сказал: *«Я умею работать, я умею вникать, я умею учиться. То есть моя задача – работать, потому что люди доверили, доверили в очень сложной ситуации. И моя задача сейчас – не посрамить»*. Избранник народа также постоянно акцентирует внимание на поддержке народа и испытывает благодарность за нее: *«Все добрые люди меня поддерживают»*; *«А людям я, конечно, очень благодарен»*.

Наряду с ролью Патриота Е. Ройзман в своих выступлениях и интервью активно эксплуатирует роль Борца за справедливость, или, как ее переименовала в одном из интервью Ксения Собчак, роль Бэтмена. Бэтмену характерно заступаться за слабых, отстаивать справедливость, вершить правосудие в соответствии с законом. Ройзман в своей деятельности мэра как раз делает упор на прием населения с целью помочь. *«Начать с детских больниц, поговорить с врачами, поговорить с персоналом, поговорить с пациентами, посмотреть, что происходит в больницах, что требуется, чем можно помочь»*, *«Каждый день у меня битком набитая приемная, и у всех очень серьезные вопросы, реально проблемные»*, *«Всегда и каждому человеку можно помочь»*. В данных репликах Евгения Ройзмана также проявляется его открытость и расположенность к общению с людьми. Он разговаривает, он слышит, он помогает: *«Когда мне надо что-нибудь сказать, я скажу, и все меня услышат»*. Применяя тактику солидаризации, мэр показывает, что его сила в слове и в людях, которые его избрали.

Незаурядный и в чем-то даже противоречивый речевой портрет Евгения Ройзмана дополняется ролью Интеллекта, которая по большей части является иллюзией, созданной самим мэром, потому что в кругах истинных интеллигентов новоизбранного мэра воспринимают как бывшего уголовника, человека, связанного с бесконечными судебными разбирательствами, и, наконец, как политика, имеющего низкий уровень речевой культуры. В публичных выступлениях Е. Ройзмана часто можно встретить просторечные и жаргонные выражения, популярные не столько в интеллигентных деловых кругах, сколько среди представителей фамильярно-разговорной речевой культуры: *«жулики и хапуги»*, *«кайфую»*, *«капец»*, *«хрен с ним»*, *«задница»*, *«хрен вам»*, *«ошельмовали»*, *«барыги»*. Е. Ройзману по сфере своей деятельности (фонд «Город без наркотиков») часто приходилось работать в речевой среде маргиналов, и его язык адаптировался к общению с ними. Эта привычка употребления в своей речи различных жаргонизмов при нынешнем статусе недопустима, она дискредитирует его интеллигентный образ. При этом сам Е. Ройзман причисляет себя к кругу интеллигенции, к кругу работников умственного труда: *«Я по образованию историк»*, *«Я, как и любой интеллигентный человек...»*, *«Я ощущаю себя, прежде всего, как поэта»* *«Готовлю серьезную книгу, пишу диссертацию»*.

Также его взгляды на жизненный опыт и способы его получения разнятся с общепринятыми нормами. Отождествляя себя с интеллигенцией, он переносит свои жизненные коллизии на всех: *«Я считаю, что каждому нормальному русскому человеку, особенно русскому интеллигенту не помешало бы немножечко посидеть в тюрьме, чтобы понять изнанку жизни. Никому еще этот опыт не помешал»*. Вряд ли интеллигент в традиционном понимании этого слова («работник умственного труда, обладающий образованием и специальными знаниями в различных областях науки, техники и культуры» [Ожегов 2003: 245]) согласится с таким способом получения жизненного опыта.

Таким образом, проанализировав более 30 текстов публичных выступлений и интервью мэра г. Екатеринбурга Е.В. Ройзмана, мы выявили, что при создании положительного образа в сознании общественности доминирующую роль играет прагматическая стратегия самопрезентации, цель которой заключается в формировании имиджа. Наилучшим средством для ее реализации служат социальные роли Патриота и Борца за справедливость, а также сопутствующие им микророли Народного избранника и Интеллекта. Данные статусно-ролевые характеристики Е. Ройзмана формируются с помощью коммуникативных тактик отождествления, солидаризации с адресатом, а во время предвыборной кампании – с помощью тактики дистанцирования от действующей на тот момент власти.

Литература

- Быкова О. Н. Опыт классификации приёмов речевого манипулирования в текстах СМИ // Речевое общение: Вестник Российской риторической ассоциации. – Краснояр. гос. ун-т. Вып. 1 (9). – 2000. – С. 42–53.
- Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи – М. : УРСС ; ЛКИ, 2008.
- Михальская А. К. Русский Сократ: Лекции по сравнительно-исторической риторике: учеб. пособ. для студентов гуманитарных факультетов. – М. : Academia, 1996.
- Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. – М.: Азбуковник, 2003.
- Пирогова Ю. К. Стратегии коммуникативного воздействия в рекламе: опыт типологизации. // Текст. Интертекст. Культура. – М. : Азбуковник, 2001. – С. 543–553.

ФЕДЯНИНА Л. И.

Кемерово

ЗООМОРФИЗМ СОЦИАЛЬНО-МАТЕРИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ НЕМЕЦКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Аннотация. В статье рассматриваются семантические особенности зоометафорики в немецкой лингвокультуре в аспекте лингвокогнитивного подхода. Узуальные метафорические значения отражают стереотипные немецкоязычные лингвокультурные образы, развивающиеся в обыденной коммуникации, и описывают социально-материальные реалии, процессы и явления.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика; зооморфная метафора; языковая картина мира; немецкий язык.

ZOOMORPHISM OF THE SOCIO-MATERIAL REALITY IN THE MODERN GERMAN LINGUISTIC CULTURE

Abstract. The article examines the semantic features of animal metaphors in the German linguistic culture in the cognitive aspect. The metaphorical meanings observed in usage reflect the imagery specific for the German language and culture, which develops in the everyday communication to describe socio-material actuals, processes and events.

Key words: cognitive linguistics; animal metaphor; linguistic worldview; the German language.

Двумя важнейшими аспектами социальной реальности являются политика как область борьбы между определенными группами за власть и материальное благосостояние, часто измеряемое финансовыми активами, как маркер социального успеха / неуспеха гражданина, общественной группы и даже целого государства. Политика пронизывает практически все сферы жизни отдельного гражданина, общества и государства, но при этом она служит определенным инструментом социального взаимодействия между людьми, классами и группами. Экономические реалии, в свою очередь, тесно связаны с политикой, но при этом в большей степени ориентированы на отдельного человека, так как каждый индивид имеет дело с материальными факторами, которые выступают важной частью культуры и, соответственно, лингвокультуры, что отражено и в узуальном пласте лексики.

При метафорическом моделировании социально-материальной реальности следует принимать во внимание несколько факторов, важнейшими из которых являются субъектно-ролевая структура семантических актантов понятийной зоны-источника и функционально-жанровая обусловленность лексем-номинантов. В первом случае предполагается анализ таких пропозициональных сегментов, как, например: (1) материальный объект (финансы, богатство и пр.); (2) одушевленный деятель (экономический субъект, банкир, состоятельный человек и др.); (3) монетарные действия-операции с материальными объектами (процессы приобретения и зарабатывания, потери и траты финансовых средств).

Второй фактор связан с тем, что материальный компонент выражен в разных областях жизни человека и его культуры, но в большей степени он связан с профессиональной (работа как процесс зарабатывания денег / благосостояния), фамиллярно-бытовой (личное состояние, платежеспособность, семейный бюджет), социальной (социальный статус, обусловленный размером благосостояния человека и детерминирующий его положение, «вес» в обществе), собственно экономической (научное изучение финансово-денежной и промышленно-хозяйственной деятельности человека) сферами, а также, как уже отмечалось, с политикой [см., например: Керимов, Федянина 2012 и 2014; Sprenger 2002].

Определенные вопросы материального регулирования рассматриваются в Библии, где некоторые образы и символы отображают отношение к материальному богатству (как правило, в противоположность духовному) и, наоборот, монетарные метафоры используются при экспликации духовных и моральных смыслов. В связи с этим текст Священного писания можно изучать как автономный дискурсивный континуум комплексных образно констигуированных, культурно значимых смыслов, презентующих базисные ценности христианской морали, которые на эмпирическом и вербальном уровне с течением времени укоренились в немецкой лингвокультуре.

В настоящее время отечественные лингвисты активно исследуют понятийное поле (концепт) «Деньги» на материале разных языков и жанров текстов [Агаркова 2001; Булыгина 1999; Федянина 2002; 2005; 2008 и др. работы]. В современном немецком языке экспоненты понятийного поля «Материальные блага» концептуализируются и типологизируются различными группами признаков [см. подробнее: Федянина 2008] и характеризуются, в том числе, зооморфизмом как регулярной вербальной способностью актуального ситуативного представления значимых реалий в зооморфных образах и различных аспектах бестиальной жизнедеятельности. По мнению А. П. Чудинова, «использование зооморфных метафор продолжает живущую в народном сознании мифологическую, фольклорную и литературную традицию, в которой свойства определенных животных выступают как вариант мифологического кода» [Чудинов 2001: 135].

В современном немецком языке в толковых словарях представлено большое количество наименований домашних, диких, мифологических и доисторических животных, для наиболее важных (с точки зрения человека и его хозяйственной деятельности) из которых (в первую – домашних и хозяйственных видов, обитающих/обитавших в Германии) характерен базовый принцип трехчастной номинации, когда реализуются обозначения самца / самки / детеныша животного. В инвариантных схемах этот перечень могут дополнять также общевидовое обозначение животного (безотносительно полового и возрастного признака) и дефиниции разновидностей-носителей определенных характеристик (окрас, порода, возраст, размер, способность/неспособность к работе, степень одомашненности, среда обитания и пр.) [см. обзор проблемы зоономинации в работе: Керимов, Минаева 2012].

Обзорное описание лингвокогнитивной структуры, а также некоторых семантических и функциональных свойств зоометафорики, эксплицирующейся в немецкоязычной социально-политической коммуникации, представлено в работах Р. Д. Керимова и Л. И. Федяниной [Керимов 2013а, 2013б; Федянина, 2008]. Для метафорической репрезентации монетарного сегмента социально-материальной реальности задействуются узуальные образы и некоторые окказиональные конструкции. Наиболее активно из номинаций животных используются лексемы: „der Elefant“ («слон»), „der Eisbär“ («белый медведь»), „der Mops“ («мопс (порода собаки)»), „der Fuchs“ («лиса»), „die Kröte“ («жаба»), „die Maus“ («мышь»), „die Mücke“ («комар, мошка»), „die Elternmückis“ (жаргон-

ный неологизм: „Eltern“ + „Mücke“), „der Floh“ («блоха»), переносные значения которых зафиксированы узуально и употреблялись и/или употребляются в повседневной разговорной речи для обозначения денежных знаков (следует отметить, что некоторые представленные в настоящем обзоре банкноты («марка», «шиллинг») и монеты («пфенниг») вышли из финансового оборота в 2002 году после введения единой валюты ЕС «евро» в Германии и Австрии).

Так, например, самый большой по размерам обитатель сухопутного животного мира – слон („der Elefant“) – ассоциировался у немцев с банкнотой в 500 шиллингов. По торговому соглашению между Австрией и Германией шиллинг был денежным знаком на территории двух государств, позже – валютой Австрии. Лексема „der Elefant“ в единственном числе в первом значении отмечена в словаре современного немецкого разговорного языка „Pons-Wörterbuch der deutschen Umgangssprache“: „1. 500-Schilling-Note. Wegen des hohen Betrags ist sie eindrucksvollgewichtig“ [WDU] (см. список источников примеров и список словарей в издании: Федянина 2008).

Лексема „der Eisbär“ («белый медведь») в пятом значении в единственном числе, с пометой в речи покупателей с 1920 года была представлена как монета в пять марок и серебряные деньги из-за серебристо-голубого цвета меха полярного медведя: „5-Mark-Stück; Silbergeld. Wegen des silbergrauen Eisbärfells“ [WDU].

О лексеме „der Mops“ получены следующие сведения в словаре „Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache von Kluge“: „aus nndl. mop(s), das zu nndl. moppen „ein verdrießliches Gesicht machen“ gehört. Der Hund ist also nach seinem verdrießlichen Gesichtsausdruck benannt worden. Die Bedeutung „Geldstück“ ist am ehesten eine spöttische Bezeichnung für die auf der Münze abgebildeten (dicken) Gesichter“ [EWD]. Таким образом, отчеканенные «толстые» лица на монетах иронически сравниваются с собаками породы мопс, благодаря чему деньги стали обозначаться данным словом. Во множественном числе в седьмом значении другого словаря данная лексема восходит к 1750 году, с пометой – в речи студентов, а затем в воровском жаргоне и солдатской речи зафиксировано это значение „Hartgeld; Mark“ [WDU].

Лексема „der Fuchs“ («лиса») фиксируется словарями в воровском жаргоне в единственном числе как «золотая монета» и во множественном – «денежные монеты». В именовании денег оформляется перенос по цвету меха лисы и золота: „6. Goldstück. Leitet sich her von der Fuchsfarbe des Goldes. 1620. 7. pl = Geldmünzen, 19Jh“ [WDU], например: „die blanken Füchse schlieften in Rudeln ein (= in den Klingelbeutel)“ [Duden 2000].

Во многих языках мышь и крыса считались хранителями подземных богатств. «др.-инд. ratnam «богатство», др.-англ. wraett «украшение»; русск. крыса, но др.-англ. hurst «сокровище, украшение» (Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. — М.: Владос, 1996: 227). В немецком языке такая роль отведена другому животному – жабе („die Kröte“). Лексема „die Kröte“ в разговорной речи во множественном числе с 1870 года именуется деньги, что отмечено в словаре „Deutsches Wörterbuch von Hermann Paul“: „In Volkssagen sind Kröten vielfach Schatzhüter, die sich in Geld verwandeln können und umgekehrt; daher umgs. Kröten pl. >wenige Geldstücke<“ [DW], ср. примеры из десятичного толкового словаря „Das große Wörterbuch der deutschen Sprache“:

- а) „Geld“: „eine Menge Kröten verdienen“ [Duden 2000];
- б) „Mark“: „die letzten Kröten für etwas ausgeben“ [Duden 2000]; „Deshalb reißt sich hier für die paar Kröten, die wir kriegen, auch niemand den Arsch auf, sagt der Gefreite“ [Spiegel, 1989, 12: 58]; „dass er dem jungen Strammin mit fünfhundert Kröten aus der Klemme geholfen hatte“ [Fallada, Herr: 72].

Лексема „die Maus“ («мышь») с начала XX века в форме множественного числа в разговорной речи означает «деньги» – „weiße Mäuse“ [DW] (механизм переноса значения – сходство по цвету). Другой словарь в третьем значении уточняет: „Hartgeld; Geld. Mäuse sind silbergrau wie auch Silbermünzen“ [WDU]. Эта же лексема представлена в составе нескольких устойчивых выражений:

- „keine müde Maus“ – „kein bißchen Geld“ [WDU];
- „stramme Mäuse“ – „größere Geldstücke“ [WDU];
- „Mäuse machen“ – „Geld verdienen, einbringen“ [WDU];
- „Mäuse in den Keller schaffen“ – „Geld verdienen“ [WDU];
- „Keine Mäuse mehr haben; leih mir mal hundert Mäuse!“ [Duden 2000].

Метафорические обозначения денег могут базироваться также на именах насекомых. Небольшой физический размер насекомых в сознании немцев отождествляется с деньгами, мелкими монетами и с незначительными суммами.

Лексема „die Mücke“ («комар», «мошка») в единственном числе имеет значение «монета достоинством 1 марка», «небольшая денежная сумма»: „5. Einmarkstück; kleines Geldstück; Geld. Leitet sich her von der Geltung „Mücke = Kleinigkeit“ und vielleicht von der spöttischen Deutung des Adleremblems als einer Mücke. 1900“ [WDU] и представлено в устойчивом выражении „j-m (Dat.) die Mücken abharken“ = „j-m (Dat.) das Bargeld wegnehmen, rauben, beim Spiel abgewinnen“ [WDU].

Как основной компонент данная лексема входит в состав сложного слова „die Elternmückis“, которое присутствует в разговорной речи молодежи в Берлине с 1955 года в значении: „pl. Taschengeld. „Mucki“ steht für „Mücke“. Jug. 1955, Berlin“ [WDU] («карманные деньги», букв.: «комары (т. е. «деньги») от родителей»).

Лексема „der Floh“ («блоха»), по данным словарей, служит обобщенным обозначением денег в форме множественного числа („die Flöhe“): „5. pl. = Geld. Kann aus den sogennanten „Flohspiel“ stammen (die flachen runden Plättchen sehen wie Münzen aus) oder ist Abkürzung von „Florins“ = „Gulden“. XVIII. Jh.“ [WDU], что объясняется

двойко: этот образ мог произойти от наименования игры «в блоху», где маленькие фишки были похожи на монетки, или как созвучное сокращение от названия средневековой денежной единицы «флорин, гульден».

Помимо собственно наименований представителей животного мира метафорические характеристики могут реализовываться при образной передаче манеры поведения различных видов фауны, а также способов обращения человека с отдельными видами животных (в том числе – гротескных и вымышленных).

Так, например, «пфенниг», по немецким народным представлениям, может «укусить», что зафиксировано в соответствующей поговорке: „Der König heißt, der Pfennig beißt“ [Beyer 1985: 442].

Небольшой случайный «денежный подарок» в следующем окказиональном контексте художественного произведения проявляет себя как птица, залетевшая в дом: „Es wird ein kleines Geldgeschenk ins Haus fliegen, das ist die Krisenunterstützung von nächster Woche“ [Fallada 1967: 352] (букв.: «Маленький денежный подарок залетит в дом, это кризисная поддержка следующей недели»).

В другом художественном фрагменте того же автора деньги описываются как цыплята, за которыми охотится хищная птица: „Ein Augenblick ist da, in dem hängt die Hand des kleinen Kassiers über dem Geld, wie ein Sperber in der Luft über dem Kückenhof, alle Krallen sind weit offen“ [Fallada 1967: 284] (букв.: «Вот мгновение, в котором висит рука маленького кассира над деньгами как ястреб-перепелятник в воздухе над двором цыплят, все когти широко раскрыты»).

Интересная зоометафора реализуется в традиционном для публицистики и разговорной речи образе «денежной коровы» („die Geldkuh“), которую «доят» для получения как правило незаслуженных, незаработанных средств (пожертвования со стороны третьих лиц, кредиты и пр.). В качестве «денежной коровы» (ср. в русском языке с родственным, но более образным понятием «дойная корова», где тематика денег выражается имплицитно) могут выступать родители, родственники и др., дающие деньги своим детям, знакомым и иным лицам.

В публицистике данный зообраз домысливается до своего логического конца, когда «денежную корову» при слишком большом усердии «задаивают до смерти»: „Da die Vereine diese Kredite niemals zurückzahlen werden – sie haben das Spiel überreizt und in ihrer Unersättlichkeit die Geldkuh Fernsehen zu Tode gemolken“ [Spiegel, 2002, 17: 16] (букв.: «Так как общества эти кредиты никогда не вернут – они чрезмерно раздражали игру и в своей ненасытности денежную корову телевидение задоили до смерти»).

В целом, следует констатировать, что зооморфизм социально-материальной реальности в немецкой лингвокультуре основывается при метафорическом переносе наименования на таких параметрах, как соответствие по цвету, по форме и по размеру (большие по размеру животные концептуализируют высокий номинал банкноты, маленькие животные (как правил, насекомые) образно представляют минимальный номинал или маленькие суммы денег). Как правило, зооморфные метафоры несут негативную эмоциональную окраску или указывают на фамильярно-бытовую сферу общения. В окказиональных публицистических и художественных контекстах развиваются традиционные наивные культурные образы и образуются новые смысловые конструкции, которые раскрываются через авторское описание прототипических характеристик манеры поведения представителей флоры, разных способов обращения с животными человеком. Зоометафоры также активно репрезентируют субъектов финансово-экономической деятельности и социально значимые действия и процессы.

Литература

Агаркова Н. Э. Концепт «Деньги» как фрагмент английской языковой картины мира (на материале американского варианта английского языка): дис... канд. филол. наук. – Иркутск, 2001.

Булыгина Е. Ю. Лексическое воплощение концепта «Деньги» в современной публицистике // Отражение русской языковой картины мира в лексике и грамматике. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1999. С. 5–12.

Керимов Р. Д. Зоометафоры в языке немецкой политики (лингвокогнитивный аспект) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2013а. Вып. 2 (22). С. 58–68.

Керимов Р. Д. Концептуализация социальной реальности ФРГ этнологической метафорой // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия «Филологические науки». 2013б. № 6 (81). С. 97–101.

Керимов Р. Д., Минаева Н. С. Особенности лингвистического исследования немецких зоонимов (на примере наименований домашних животных) // Основные направления анализа и интерпретации инокультурных текстов: сб. научных трудов II Всероссийской школы-семинара (Томск, 14–16 марта 2012 г.) / отв. ред. Ю. В. Кобенко. – Томск: Изд-во ТПУ, 2012. С. 17–24.

Керимов Р. Д., Федянина Л. И. Лингвокогнитивная структура немецких социальных концептов «деньги» и «политика» // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. № 1 (49). С. 174–185.

Керимов Р. Д., Федянина Л. И. Метафорическая актуализация фрейма «Экономика» в социально-политической коммуникации ФРГ // Политическая лингвистика. 2014. № 1 (47). С. 157–170.

Федянина Л. И. Лексические средства выражения концепта «Деньги» в немецком языке // Sprache. Kultur. Mensch. Ethnie / hrsg. von M. V. Pimenova. – Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2002. S. 136–138. (Reihe „Ethnohermeneutik und Ethnorhetorik“; Bd. 8.).

Федянина Л. И. Концепт *ДЕНЬГИ*: Особенности репрезентации в немецком языке // Welt in der Sprache / hrsg. von M. V. Pimenova. – Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2005. S. 163–177. („Reihe Ethnohermeneutik und Ethnorhetorik“; Bd. 11).

Федянина Л. И. Концепт *Geld* в немецкой языковой картине мира: Опыт концептуального анализа: уч. пособие / ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет». – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2008.

Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000): монография. – Екатеринбург: Изд-во УрГПУ, 2001.

ХРИСТОЛЮБОВА Л. В.

Екатеринбург

ВОПРОСНО-ОТВЕТНЫЕ ЕДИНСТВА КАК СРЕДСТВО РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В РУССКОМ ГОМИЛЕТИЧЕСКОМ КРАСНОРЕЧИИ

Аннотация. рассматриваются вопросно-ответные единства как средство речевого воздействия в гомилетическом красноречии на материале духовных бесед архимандрита Софрония (Сахарова).

Ключевые слова: церковно-религиозный стиль, гомилетика, средства речевого воздействия, вопросно-ответные единства, духовная беседа, архимандрит Софроний (Сахаров).

KHRISTOLIUBVA L. V.

Ekaterinburg

QUESTION-ANSWER ENTITIES AS A MEANS OF VERBAL PERSUASION IN RUSSIAN HOMILETICS

Abstract. Question-answer entities are discussed as a means of verbal persuasion in Homiletics on the basis of religious speeches of archimandrite Sophrony (Sakharov).

Key words: church-religious style, homiletics, means of verbal persuasion, question-answer entities, religious speech, archimandrite Sophrony (Sakharov).

По мнению современных исследователей, наиболее распространенным и лучше всего освоенным языковым инструментом, который используется для целей речевого воздействия, является выбор лексических элементов, в частности оценочной лексики, фразеологизмов, тропов и стилистических фигур. В силу большого разнообразия лексической семантики выбор слов оказывается универсальным средством, с помощью которого осуществляются самые разные виды речевого воздействия. Эмоциональная составляющая многих слов и их выбор оказывают сильное воздействие, особенно в сочетании с другими языковыми средствами, например, с выбором синтаксических конструкций.

Потенциалом речевого воздействия обладают выходящие за пределы предложения средства организации языковых текстов - макроструктуры (термин нидерландского лингвиста Т.А. ван Дейка, макроструктура - семантическая глубинная структура текста как целого). Существуют макроструктуры, имеющие четко выраженные соответствия в поверхностной форме текста, и такие макроструктуры, которые организуют его содержательную сторону, форма их выражения может быть разнообразной. К числу первых относят диалогические макроструктуры, некоторые из «фигур речи», изучаемых в риторике.

В исследовании церковно-религиозного стиля считается общепризнанным, что доминирующими особенностями жанра православной проповеди являются внутренняя диалогизация монологической речи проповедника, ее экспрессивность, лексические и развернутые вариативные повторы (Крылова О.А., Прохвятилова О.А., Шабанова З.Г. и др.). Уровень диалогизации создается рядом приемов и средств, среди которых значительное место занимают вопросительные конструкции и развернутые вариативные повторы (РВП). РВП синтаксического уровня – это повторы в виде сложных словосочетаний, простых и сложных предложений. РВП текстового уровня обычно выражены либо сложными синтаксическими целыми (ССЦ), либо единством нескольких ССЦ, объединенных на основе смысла. РВП формируют понятийную систему текста, способствуют его целостности, развивают значимые для текста понятия.

Функция вопросительной синтаксической единицы в монологической ораторской речи шире реализации этой функции в других сферах употребления [Шабанова]. Использование вопросно-ответных комплексов или единств является средством активизации внимания аудитории на тех положениях, которые автор считает необходимым выделить, служит средством привлечения внимания к следующему за вопросом утверждению. Вопросно-ответное единство (ход, комплекс) – это стилистический прием, который выражается в использовании говорящим речевой структуры, объединяющей вопрос, часто риторический, и ответ-реакцию на него для передачи единого содержания. Как правило, он используется в качестве диалогизации монологической речи для облегчения и активизации речи слушателям (читателям) и придает речи оттенок непринужденности, интимности, разговорности. Обладает большими выразительными возможностями.

Среди различных средств языковой организации диалогизированного монолога в гомилетическом повествовании З.Г. Шабанова особо выделяет средства организации вопросно-ответного комплекса (единства). Вопросно-ответный комплекс является необходимым элементом общения и мышления людей, выполняет две важнейшие функции в процессе мышления и общения: познавательную и коммуникативную. Познавательная функция фиксирует мысль и выражает в языке знания человека о внешнем мире и о себе самом. Коммуникативная функция реализуется, прежде всего, через вопросы и ответы, посредством которых происходит передача знаний и представлений от одного коммуниканта другому. Вопрос и ответ, если их рассматривать в совокупности, образуют единство противоположностей. Вопрос заключает в себе требование задуматься над проблемой, при этом любой вопрос основан на предыдущем знании. Формулируя вопрос, адресант хочет выделить это конкретное предыдущее знание и заострить внимание адресата на проблеме. Ответ представляет собой высказывание, кото-

рое должно содержать в себе требуемую информацию, то есть происходит дополнительное уточнение, углубление или расширение знания в том направлении, которое требует адресант. Здесь, как и в любом другом виде речевой коммуникации, ведущая роль принадлежит вопросу. Именно посредством вопросов задается общее направление для воздействия нового знания и его фиксации.

Таким образом, вопросно-ответное единство (ВОЕ) является одним из наиболее частотных синтаксических построений, представляющих единство двух и более вербально оформленных реплик. Иногда это одна реплика, которая своим построением и лексическим наполнением восполняет недостающую. Отличительным приемом первого варианта является чередование реплики-вопроса и реплики-ответа. Обе реплики принадлежат адресанту. Во втором варианте автор/говорящий зачастую использует риторический вопрос, при этом недостающая реплика легко домысливается адресатом.

В гомилетике (гомилетика – наука о церковной проповеди, в систематическом порядке излагающая учение о данном виде пастырского служения) считается, что проповедник сознательно вводит в проповеди или беседы элементы синтаксиса устной речи, для которой характерны ВОЕ. При сопоставлении вопросительного и повествовательного предложения форма предъявления информации в первом случае более экспрессивна, так как в ней присутствует стремление говорящего вызвать ответную реакцию слушателя. Эта целевая установка находится на первом плане.

Материалом нашего исследования стали тексты духовных бесед архимандрита Софрония (Сахарова) о монашестве (6 бесед). Всеобъемлющий характер творческого наследия Софрония (Сахарова) (1896-1993) во многом определяется богатством его духовного и жизненного опыта. Духовные беседы отца Софрония – магнитофонные записи бесед, на которые старец собирал братию и гостей Свято-Иоанно-Предтечского монастыря в Эссаксе с 1989 по 1993 год (Великобритания) каждое воскресенье после литургии. Старец всегда пытался донести Святоотеческое предание до сознания современного человека, поэтому в его богословском языке так много идей, выходящих за пределы «классического» богословия. Он вобрал в себя богатое наследие мировой и особенно русской философии, литературы, поэзии, искусства.

В шести анализируемых беседах отца Софрония о монашестве около 27 структурных единиц, которые можно рассматривать как вопросно-ответные единства. Они могут быть охарактеризованы с точки зрения структуры и содержания. Для примера можно проанализировать вопросно-ответное единство из восьмой беседы (1 том). С нашей точки зрения, построения такого типа являются наиболее характерными для бесед отца Софрония.

«Теперь я хотел бы говорить о более «скромном». Если нам недоступно или не дано то, что получил Силуан (высокое состояние духа), наш ближайший отец, то что нам делать? И вот я решился предложить вам нашу «семейную» жизнь. Нас немного: двадцать с небольшим человек. Зная, что у каждого из нас одна и та же цель, попробуем все мы осознать нашу цель как единую семью единого человека. Господь говорил Отцу в Своей последней молитве: «Да будут все едино, как Мы» (Ин.17:21). И это есть состояние наше: жить нашу семью так, чтобы каждый был нашим братом, и тогда мы восчувствуем себя в Боге таким образом, что всё и все – для каждого из вас. И как во Святой Троице нет ни большего, ни меньшего, так должно быть и с нами.

Может быть, подходит психологический пример для объяснения того, что я хочу сказать, – пример матери. Мать любит своих детей и работает для них, становясь рабой. Хотя опыт жизни ее превышает опыт детей, она ни в чем не уничижает их. Если дети превосходят ее своими дарованиями, она ощущает их превосходство как свое собственное достоинство и счастье. Так же и мы должны были бы поступить по отношению к нашим братьям».

В содержательном и структурном аспекте выделенный фрагмент текста можно разделить на следующие части: тезис (утверждение), где предложена тема для данной части беседы (*я хотел бы говорить о более «скромном»*). Вопрос, ставящий проблему и побуждающий к размышлениям, к решению проблемы (*Если нам недоступно или не дано то, что получил Силуан (высокое состояние духа), наш ближайший отец, то что нам делать?*) Развернутый ответ, позволяющий найти пути решения проблемы. Ответ старец Софроний, как правило, аргументирует не только личным опытом или вполне реальным делом, но и ссылками на Священное Писание, мнением святых отцов, конкретными примерами: *я решился предложить вам нашу «семейную» жизнь (в монастыре); попробуем все мы осознать нашу цель как единую семью единого человека. Господь говорил Отцу в Своей последней молитве: «Да будут все едино, как Мы» (Ин.17:21); как во Святой Троице нет ни большего, ни меньшего, так должно быть и с нами.* Далее следует пример, рассказывающий о сущности материнской любви.

Это вопросно-ответное единство можно проанализировать и как сложное синтаксическое целое (сверхфразовое единство), с присущими ему характеристиками. Здесь представлено объединение самостоятельных предложений в сложное целое по смыслу. Связность подкрепляется различными языковыми средствами: лексическими (повторение в последующем предложении отдельных слов из предшествующего предложения, употребление личных и указательных местоимений, местоименных наречий и др., выполняющих функцию особых скреп), морфологическими (соотношение видовременных форм глаголов-сказуемых в объединяемых предложениях), синтаксическими (порядок слов и предложений, союзы в присоединительной функции, параллелизм построения и т.п.). Кроме выделенных компонентов связности, в анализируемом фрагменте выявляется и средства выразительности, которые придают отрывку эмоциональность и убедительность.

Вопросно-ответное единство может быть построено в духовной беседе и по другому принципу. Например, в 21 беседе (1 том) через ВОЕ поясняется понятие «целомудрие», являющееся для монашеской жизни определяющим.

«Так, жизнь монаха есть умная жизнь, преисполненная мудрости. Монашество не противно природе человека, а выше естества человека. Когда правильно, с аскетической точки зрения и с духовной, совершается этот подвиг, тогда не возникает заболеваний психических. Люди растут в своем познании бытия в его глубинах. Подумайте, отцы это плотское воздержание называли «целомудрием»! Почему они не называли целомудрием, т.е. полнотою мудрости, даже большую ученость, а именно этот момент? В измерениях умного видения мы в монашестве по Богу преодолеваем то, что является космическим законом (когда преодолеваем, а не когда падаем). Если человек в этом подвиге преодолевает космический закон, то он становится сверхкосмическим. Однако у монаха видимость-«феномен» (как Святые Дары в Литургии) остается очень скромным. «Феномен» - это то, что мы видим. «Нюмен» - это то, что есть в нас. Так вся жизнь наша проникнута, с одной стороны, «феноменальными» явлениями, которые мы видим, а с другой стороны, то, что происходит в уме нашем («нюмен»), – совсем другое. Потому люди, которые подходят к суждению о монашестве, не учитывая всего этого, полные невежды в монашестве. И это невежество, к сожалению, даже среди церковных кругов наличествует».

Здесь есть тезис (жизнь монаха есть умная жизнь, преисполненная мудрости. Монашество не противно природе человека, а выше естества человека) и вопрос (Почему они не называли целомудрием, т.е. полнотою мудрости, даже большую ученость, а именно этот момент?). Но в ответе нет конкретный примеров и цитирования, отец Софроний свое утверждение аргументирует развернутыми рассуждениями философского характера, отсылающими слушателей к собственному сознанию и мировоззрению. Анализируемый фрагмент также содержательно и структурно характеризуется всеми признаками сверхфразового единства.

ВОЕ в беседах отца Софрония может включать несколько вопросов в одном сверхфразовом единстве (беседа 8, том 1): *«Тем дорогим нашим братьям и сестрам, которых мы получили по дару Божию, еще надлежит достигнуть умного видения – где конец нашего пути. Почему нам нужно видение конечной цели? – Если мы имеем эту «Полярную звезду», ось мира, невероятно далекую, то знаем, насколько мы еще далеки от нашей цели. Тогда мы избежим нелепой вещи, которая губит многих великих людей: каковы бы ни были наши познания, каким бы глубоким ни был наш опыт, мы никогда не вознесемся в мыслях своих, никогда не испытаем самодовольства, которое есть паралич духовный и даже смерть».*

Почему я тороплюсь, будучи при смерти сказать вам эти слова? – Мы живем в великую эпоху истории человечества. Не зная положительно, но мы имеем много оснований думать, что история человека на Земле стоит перед опасностью своего конца. Такие эсхатологические настроения теперь свойственны всему миру. Поэтому с вами, получившими образование мира сего, надо говорить серьезно об этом пути. Наш путь – это, с одной стороны, последнее и наивысочайшее видение: «Да будем мы едины, как отец и сын», а с другой стороны, сознание нашей крайней немощи, когда мы не можем сохранить даже малых заповедей Христа. Как дерзнем мы говорить об этой высоте? Лично я стою перед таким явлением: хотя это видение и безмерно высоко и далеко превосходит всякую мысль, для меня оно было сдерживающим началом и все время рождало во мне чувство моего ничтожества. С другой стороны, мы не можем отказать от веры в то, что Бог, творя нас по Своему образу ради полного подобия Ему, даст нам это подобие».

В данном отрывке ВОЕ объединяют тезисы и ответы, которые, в свою очередь, требуют дальнейших пояснений и аргументов. Тезис (надлежит достигнуть умного видения – где конец нашего пути) рождает вопрос (Почему нам нужно видение конечной цели?). Аргументация - если мы имеем эту «Полярную звезду», ось мира, невероятно далекую, то знаем, насколько мы еще далеки от нашей цели. Тогда мы избежим нелепой вещи, которая губит многих великих людей: каковы бы ни были наши познания, каким бы глубоким ни был наш опыт, мы никогда не вознесемся в мыслях своих, никогда не испытаем самодовольства – приводит к следующему вопросу: Почему я тороплюсь, будучи при смерти сказать вам эти слова? Аргументация в ответе отсылает к личному опыту и к Библии (Иоан. 17:11,21-23). И снова ставится вопрос: Как дерзнем мы говорить об этой высоте? В дальнейшей аргументации представлено личное осознание противоречия между видением высокой цели и трудностью исполнения заповедей Христа.

Вопросительные конструкции в ВОЕ выполняют стилистическую функцию и придают беседе экспрессивность и характер двусторонности общения. Проповедник сознательно вводит в высказывание элементы синтаксиса устной речи. Если сравнивать вопросительное и повествовательное предложения, то очевидно, что форма предъявления информации в первом случае более экспрессивна, так как в этом случае говорящий пытается вызвать ответную реакцию слушателя. Очевидно, что эта коммуникативная установка является основной и находится на первом плане.

Функция вопросительных предложений в жанре проповеди/беседы шире реализации этой функции в других сферах употребления. Их специфика в данной сфере состоит в том, что использование вопросительных конструкций не содержат никаких явных обратных отношений и является средством активизации внимания аудитории на тех положениях, которые автор считает необходимым выделить, средством привлечения внимания к утверждению. Исследуемый материал дает основание утверждать, что использование вопросительных конструкций в духовных беседах как жанре гомилетического красноречия используется достаточно широко. Частотное использование вопросно-ответных единств может быть объяснено той большой функциональной значимостью, которую несут данные приемы в процессе организации активного двустороннего коммуникативного общения.

Семантика текста бесед обусловлена коммуникативной задачей передачи информации. Структура беседы определяется особенностями внутренней организации единиц текста и закономерностями взаимосвязи этих еди-

ниц в рамках всего высказывания. Структурный аспект соотносится с содержательным, что зависит от множества экстралингвистических и лингвистических причин. Здесь особо следует отметить такие малоисследованные компоненты, как цель речи, состав аудитории, коммуникативную установку автора, обстоятельства выступления.

Литература

Аверкий (Таушев), архиепископ. Руководство по гомилетике. М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского Богословского Института, 2001. - 144 с.

Ван Дейк Т. А. Стратегии понимания связного текста / Ван Дейк Т.А., В. Кинч // Новое в зарубежной лингвистике: Когнитивные аспекты языка: [Сб. ст.] / Сост., ред. и вступ. ст. В.В. Петрова и В.И. Герасимова. – М.: Прогресс, 1988. – Вып. 23. – С. 153-211.

Крылова О.А. Церковно-религиозный функциональный стиль // Крылова О.А. Лингвистическая стилистика. М., 2006. - 183-192 с.

Листвин Д.А. Коммуникативно-прагматические принципы гомилетики в теории риторики. Дисс. канд. филол. наук, Тверь. 2006. - 210 с.

Софроний (Сахаров), архимандрит. Духовные беседы. В 2-х томах – изд.1-е. – Свято-Иоанно-Предтеченский монастырь. Изд. «Паломник», 2003.

Шабанова З.Г. Лингвистические средства воздействия православной проповеди: В историческом аспекте. Дисс. канд. филол. наук. Махачкала, 2006. – 165 с.

ЦЫГАНКОВА А. В.

Екатеринбург

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБУЧЕНИЯ ДЕТЕЙ ИЗ СЕМЕЙ МИГРАНТОВ В СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. Расширение миграционных потоков в Свердловскую область, помимо прочего, приводит к тому, что ее привычная многонациональность обретает новые смыслы, происходит разделение на «своих» и «чужих», коренное население и «приезжих». Эта проблема существует и в образовательных учреждениях, где возрастает доля детей из семей мигрантов и обостряются проблемы межкультурной коммуникации

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, миграция, дети мигрантов, адаптация мигрантов, усвоение русского языка, освоение русской культуры.

TSYGANKOVA A. V.

Ekaterinburg

SOCIO CULTURAL PROBLEMS OF TEACHING CHILDREN FROM MIGRANT FAMILIES IN SVERDLOVSK REGION

Abstract. The growth of migration streams to Sverdlovsk region leads to the fact that its usual multinationality acquires new meanings, we face separation into «friends» and «aliens», indigenous population and «strangers». This problem exists in educational establishments where the number of children from migrant families is growing; the problem of intercultural communication becomes sharp.

Key words: intercultural communication, migration, migrants' children, adaptation of migrants, Russian language acquisition, Russian culture acquisition.

Уральская школа с давних была многонациональным пространством, в настоящее время эта ситуация только осложняется в связи с притоком детей трансграничных мигрантов. По данным Управления федеральной миграционной службы Свердловской области, в течение 2012 года на территорию области въехало 186109 иностранных граждан, что почти в два раза больше, чем в 2007 г. Анализ динамики миграционных потоков показывает их постоянный и стабильный рост на протяжении, по крайней мере, последних десяти лет. В большинстве своем эти люди – гастарбайтеры, которые рассматриваются исключительно в качестве рабочей силы.

Большинство мигрантов первоначально вовсе не планируют осесть и укорениться на территории Урала, однако многие из них остаются на Свердловской области на долгие годы и проживают вместе семьями. Поэтому становятся все более актуальными проблемы организации обучения детей из семей мигрантов. Это касается как приема детей в образовательные учреждения, коррекции образовательных программ, так и процесса адаптации детей-мигрантов к образовательной среде в узком смысле и принимающему сообществу в широком. Более того, по мнению многих экспертов именно на долю школы ложится основная ответственность за включение таких детей в культурное пространство принимающего сообщества.

Другая существенная проблема, возникающая в работе с детьми из семей трансграничных мигрантов – адаптация к образовательной программе. Незнание русского языка для ребенка – это не только барьер в усвоении учебного материала. Ребенок может быть включен в группу детей с проблемами в развитии без каких-либо оснований для этого, просто потому что ребенку не хватает языковых навыков, чтобы продемонстрировать уровень своих знаний и умений. Таким образом, ребенок-мигрант, идущий в общеобразовательную школу со слабым знанием русского языка, не может рассчитывать на равный старт со своими сверстниками.

Успешность адаптации к школе у детей из семей трансграничных мигрантов зависит, в первую очередь, от особенностей взаимодействия в семье, от того, сформировали ли родители учебную мотивацию, установлены ли в семье доверительные отношения, научились ли дети взаимодействовать со сверстниками. У мигрантов к этому

добавляются специфические факторы, в том числе степень владения родителями русским языком, потенциал двуязычия в семье, особенности этнической культуры. Естественно, что ресурсы трансграничных мигрантов для адаптации ребенка к российской школе выглядят более ограниченными.

Родители детей принимающего сообщества обычно беспокоятся об уровне образования, они опасаются того, что мигранты негативно повлияют на освоение учебной программы другими детьми. Некоторые местные жители предполагают, что учитель слишком много времени «тратит» на работу с мигрантами, вследствие чего «местные дети» недополучают знаний, внимания и пр. Однако со временем реакция страха сменяется удивлением от относительной безопасности пребывания детей мигрантов в школьной среде.

Для учителей наличие в классе детей мигрантов из трансграничных семей является рискогенным фактором – неуспевающие дети, не осваивающие школьную программу – это показатель качества работы учителя. При этом, нет оснований полагать, что все учителя негативно воспринимают детей мигрантов. Некоторые, конструируя отношение к рассматриваемой проблеме, вспоминают о былых временах, о взаимопомощи между «братскими республиками», и считают нынешнюю ситуацию вариантом взаимопомощи между гражданами СНГ.

Вместе с тем не следует воспринимать увеличение миграционных потоков как нечто новое и чрезвычайное. На Урале это длится веками, несколько варьируется лишь направление потоков и их интенсивность. По существу все уральцы это мигранты или потомки мигрантов.

ЧУДАКОВА Н. М.

Нижний Тагил

СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ОЦЕНКАХ МОРБИАЛЬНОЙ МЕТАФОРЫ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению современного российского образования в рамках морбиальной метафоры. Анализ метафорической модели «СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ – это БОЛЬНОЙ ОРГАНИЗМ».

Ключевые слова: морбиальная метафора, метафорическая модель, современное российское образование.

CHUDAKOVA N. M.

Nizhny Tagil

CONTEMPORARY RUSSIAN EDUCATION REPRESENTED BY MORBIAL METAPHORS

Abstract. The article is devoted to the study of the contemporary Russian education in the frames of morbial metaphor. Analysis of metaphorical model «MODERN RUSSIAN EDUCATION IS A SICK BODY» is given.

Key words: morbial metaphor, metaphorical model, contemporary Russian education.

В России в последнее десятилетие происходят существенные изменения в сфере образования, затронувшие философию образования, его глобальные цели и задачи, организационные структуры, содержание образования, подходы к разработке образовательных стандартов и учебных программ, формы и методы обеспечения качества образования, контроль за качеством обучения и деятельностью образовательных учреждений, финансирование и многие другие аспекты [Заседание Государственного совета «О развитии образования в Российской Федерации» от 24 марта 2006 г.].

Удобным средством постижения, представления и оценки реформ, проводимых в сфере основного общего, среднего и высшего образования, становится метафорическое моделирование. Поскольку система метафор ярко отражает социальное самосознание, анализ метафорических словоупотреблений, востребованных в прессе и интернет-комментариях, поможет выявить закономерности метафорического представления картины современного российского образования с учетом специфики конкретной исторической ситуации.

Активное функционирование в дискурсе СМИ и комментариях интернет-пользователей в период с 2011 по 2014 гг. метафорической модели с негативным прагматическим потенциалом «СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ – это БОЛЬНОЙ ОРГАНИЗМ» свидетельствует о том, что между общественностью и властью обнаружилось серьезные разногласия во взглядах на цели, задачи, пути и методы реформирования российской системы образования.

Морбиальная метафора оказывается наиболее подходящим средством представления результатов модернизации в системе образования, для критики существующей ситуации и обоснования необходимости изменений. Образное применение находит лексику, обозначающую нарушение работоспособности и нормальной жизнедеятельности организма. Современное российское образование ассоциируется с больным организмом.

Ср.: Болен весь организм. Академия – далеко не самый пораженный орган, а во многом даже наоборот, хранящий остатки иммунитета и силы для возрождения. А сейчас больная голова с синдромом рукосуйства ампутирует этот орган и собирается на его место имплантировать нечто искусственное, небывалое и самопальное (Рубцов А. <http://www.novayagazeta.ru/politics/58915.html>); «Система образования заболевает, уже заболела, серьезной и разрушительной психической болезнью – раздвоением личности, т. е. шизофренией» (коммент.).

Метафорические образы рассматриваемой модели объединяются концептуальными векторами тревожности, страха за будущее детей; в них находят отражение дурные предчувствия, ощущение собственного бессилия в сложившейся ситуации. Вместе с тем само упоминание тяжелых болезней, от которых страдает российское образование, призвано вызвать сочувствие, желание помочь.

Авторы сообщений открыто называют тех, кого считают виновными в создавшейся ситуации: Минобр, министры, заместители министров, сотрудники ведомства, чиновники от образования.

Ср.: *Не покидает ощущение, что и федеральные, и местные чиновники от образования сейчас попросту пережидают, когда эмоции пойдут на спад, чтобы потом все-таки перейти к процедуре «ампутации» (о списке неэффективных вузов)»* (АиФ); *Наблюдая такую печальную симптоматику, Минобр избирает хирургический метод лечения. Нет вуза – нет проблемы* (НГ); *«Когда же этот дьявол Фурсенко окончательно насладится зрелищем умершего благодаря его же стараниям российского образования? Маньяк какой-то»* (коммент.); *«Минобрнауки страдает профессиональным аутизмом»* (НИ); *Продолжаются скандалы в окружении Ливанова: на плагиате в диссертациях попались сразу несколько его заместителей* (Третьяк, Климов) *и сотрудников ведомства* (Петров А. Вечерний Челябинск).

Именно эти люди, проводящие реформы в сфере образования, и берут на себя роль докторов, якобы способных собрать анамнез, поставить диагноз, вылечить или констатировать смерть больного.

Ср.: *Академия погрязла в проблемах, но те, кто берется ее якобы лечить, сами куда более проблемны. У РАН есть успехи, есть провалы, но все хоть как-то масштабное и системное из того, что делала рядом с наукой сама эта власть, – один сплошной провал, скандал на скандале. Теперь эти люди будут учить ученых* (Рубцов А. <http://www.novayagazeta.ru/politics/58915.html>).

Возникает ассоциативная сема несостоятельности. Прагматические смыслы, формируемые метафорами этой группы, можно сформулировать следующим образом: образование находится в опасности, близко к гибели, а сторонники и реализаторы образовательных реформ – физически и душевно больные люди, от которых нельзя ожидать разумных действий.

Типовое соотношение между областями сферы-источника рассматриваемой метафорической модели и областями сферы-мишени иллюстрирует следующая таблица (см. табл.).

Таблица. Соотношение сферы-источника метафорической экспансии «Болезнь» и сферы-мишени «Современное российское образование»

Сфера-источник	Сфера-мишень
Болезнь	Современное российское образование
1. Диагноз	1. Реформирование образования
1.1. Физические болезни	1.1. Модернизация, реформы, ЕГЭ
1.2. Психические болезни	1.2. Образовательные структуры, чиновники и Министерство образования и науки
2. Причины и возбудители болезней	2. Реформаторская деятельность в образовании
2.1 Инфекции	2.1. Инновации в образовании
2.2 Внешнее воздействие	2.2. Модернизация образования
3. Способы лечения	3. Методы проведения реформ
4. Состояние пациента	4. Ситуация в образовательной системе
4.1 Смерть пациента	4.1. Кризис образования
4.2 Выздоровление больного	4.2. Регенерация образования

Проанализируем основные фреймы и слоты, составляющие метафорическую модель «СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ – это БОЛЬНОЙ ОРГАНИЗМ».

Фрейм 1. «Диагноз»

Метафоры данного фрейма образно представляют врачебное заключение о состоянии современного российского образования.

Ср.: *Для меня ситуация с ЕГЭ – не безобидная страшилка, а один из симптомов серьезной болезни, поразившей страну* (Запесоцкий А. <http://www.rg.ru/2011/09/20/obrazovanie.html>).

Слот 1.1 «Физические болезни»

При анализе метафорических образов оказывается, что современному образованию часто приписываются разнообразные болезни: чума, лихорадка, СПИД, грипп, эпидемия, дистрофия, зуд, рак, паралич и т. д.

Ср.: *Трагедия нашего общества в том, что у нас не только упал ценностный ценз в культуре и науке, но и сменились оценщики. Раньше это были мастера культуры, крупные ученые. Теперь их сменили финансисты, продюсеры, менеджеры. Не с этим ли связана дистрофия дальновидения – болезнь, поразившая самые разные области нынешней российской действительности? И другая наша болезнь, диагностированная недавно фермером из Свердловской области Василием Мельниченко. Он выдал на-гора афоризм: «Уровень бреда превысил уровень жизни» (по делу выдал!) (Смирнов К. <http://www.novayagazeta.ru/arts/58253.html>); Обоснованность необходимости масштабной форсированной модернизации образования явно хромает (коммент.); ЕГЭ как травма (коммент.); Самый тяжелый удар, мне кажется, ЕГЭ нанесло по тем школьникам, которые хотели и старались учиться. Именно для них оно и стало травмой в первую очередь (коммент.); «Эпидемия реформ в образовании» (коммент.); Зуд реформаторства в образовании (ОГ); Научные центры лихорадит. Работа во многих из них почти парализована непрерывными реформами (Завтра); Производство фальшивых диссертаций..., как рак, давно сожрало науку (НГ).*

Денотативная область функционирования морбиальных метафор слота охватывает политику реорганизации образовательной системы, реформы, ЕГЭ. Метафорическая характеристика предмета речи передает отрицательную оценочность и формирует негативные прагматические смыслы: реформы в образовании воспринимаются

как вредные и опасные трансформации, которые нарушают нормальное функционирование уже сложившейся системы обучения и воспитания.

Слот 1.2 «Психические болезни»

В комментариях интернет-пользователей наблюдается метафорическое использование названий не только физических, но и психических болезней: *шизофрения, паранойя, слабоумие, дебилность, аутизм, алкоголизм, наркомания* и др.

Ср.: Система образования заболела, уже *заболела, серьезной и разрушительной психической болезнью – раздвоением личности, т. е. шизофренией* (коммент.); Они всегда держались в тени и почти не пытались бороться против господствующего в школе *маразма* (коммент.); Когда же этот дьявол Фурсенко окончательно насладится зрелищем умершего благодаря его же стараниям российского образования? *Маньяк* какой-то (коммент.); Минобрнауки страдает профессиональным *аутизмом* (НИ); Продолжаются скандалы в окружении Ливанова: на плагиате в диссертациях попались сразу несколько его заместителей (Третьяк, Климов) и сотрудников ведомства, при этом они продолжают работать на своих постах. Это, кстати, еще одно свидетельство «политического *аутизма* министра – абсолютная неспособность слышать критику в отношении своей команды и воспринимать ее (Петров А. Вечерний Челябинск); В высшей школе накопилась и в избытке *моральная усталость* от деструктивных нескончаемых реформ... (коммент.); На все опасения чиновники отвечают словами, от которых пахло *безумием*. Дескать, ничего страшного (коммент.).

Объектами метафорической номинации становятся образовательные структуры, чиновники, Министерство образования и науки и его глава. Возникает ассоциативная сема несостоятельности, неспособности существующих руководителей возглавить заявленные реформы и направить их в позитивное русло.

Фрейм 2. «Причины и возбудители болезней»

Слот 2.1 «Инфекции»

При характеристике причин, приведших к возникновению тех или иных негативных ситуаций, чаще всего метафорически используются лексемы *бактерии, вирусы и микробы*, а также *аллергены*.

Ср.: «*Аллергены реформ*» (коммент.); Крымской системе образования предстоит проделать очень непростой путь. Она все последние десятилетия строилась в полном соответствии с украинской системой, которая была серьезно *заражена* американскими идеологическими *бактериями* (С. Комков. <http://hghltd.yandex.net/>).

Слот 2.2 «Внешнее воздействие»

Источником болезненного состояния системы образования может быть воздействие извне: *удушение, нарушение кровообращения, яд* и др.

Ср.: Этот метод *кнута и пряника*, применяющийся нашими реформаторами, *обескровит* систему государственного образования на многие годы вперед (коммент.); Как это возможно, одной рукой формировать инновационную модель образования и экономики, а другой – *душить* фундаментальную науку. Ясно, что здесь какая-то беда, но не с руками, а с головой (коммент.); Образование лишено возможности пробовать на крысах. Все наши *опыты* по живому (НГ).

Представленные лексические единицы нагружены агрессивными коннотациями. Метафорические словопотребления позволяют образно обозначить причины бедственного положения сферы образования, дают наглядное представление об истоках недостатков и обостряют негативное отношение к их виновникам. Объектами метафорической номинации становятся модернизация образования, а также внедряемые ею инновации.

Фрейм 3. «Способы лечения»

В системе образования происходят процессы, которые метафоры данного фрейма образно представляют как *операцию, гипноз, инъекции, терапию, переливание, реанимацию, ампутацию, кастрацию, имплантирование* и др.

Ср.: *Кастрация* системы образования России (коммент.); Два десятка лет *непрерывных операций на своем теле* не выдержит никто – ни больной, ни здоровый. Наша школа не исключение» (коммент.); Минобрнауки велело *реанимировать* школьную форму (МК); Не покидает ощущение, что и федеральные, и местные чиновники от образования сейчас попросту пережидают, когда эмоции пойдут на спад, чтобы потом всё-таки перейти к *процедуре «ампутации»* (о списке неэффективных вузов) (АиФ); Наблюдая такую печальную симптоматику, Минобр избирает *хирургический метод лечения*. Нет вуза – нет проблемы (НГ); ...когда некоторые горячие головы предлагали в 1918 году «устранить» бывшую императорскую Академию наук, преобразовав её в Ассоциацию пролетарских учёных, Луначарский защитил академическое сообщество от *чесоточного зуда* тогдашних ретивых «реформаторов», не дал прерваться научным традициям России. А Ливанов... ориентируясь, как видно, на «передовой зарубежный опыт», по сути, предложил эту самую Академию всё-таки в конце концов «устранить», во всяком случае, *кастрировать*, лишить той выдающейся роли, которую она традиционно играла в истории Государства Российского. Теперь это называется «реформированием» (Смирнов К. <http://www.novayagazeta.ru/arts/58253.html>).

В данном случае метафорически характеризуются пути преобразования, конкретные действия по реформированию образовательной системы. Метафоры анализируемого слота, в целом обладающие положительным прагматическим потенциалом, приобретают в контексте интернет-комментариев негативную оценку, поскольку призваны вызвать эмоциональное представление о необратимости вмешательства, осуществляемого в сферу образования. Способы излечения образовательной системы в действительности оказываются мнимыми и приводят ее гибели.

Фрейм 4 «Состояние пациента»

Слот 4.1 «Смерть больного»

В оценках интернет-пользователей используются метафорические выражения, подчеркивающие кризисное положение в системе образования: *кома*, *смерть*; *агония*; *отходить в иной мир*, *хоронить* и др.

Ср.: *Несложно сделать выводы, в каком состоянии находится наша русская наука, ибо она еле подает признаки жизни и находится в глубокой коме* (коммент.); *Трудно не согласиться, что, если оставить всё, как есть, система или перестроится естественным путем либо умрет* (коммент.); *Проект Федерального государственного образовательного стандарта (ФГОС) для старшей школы – смерть российского образования* (коммент.); *Академический погром как симптоматика медленной агонии* (Рубцов А. <http://www.novayagazeta.ru/politics/58915.html>).

Метафоры данного слота маркируют яркую негативную оценочность, связанную с реализацией в текстах СМИ и комментариях интернет-пользователей идеи о гибели российского образования. Актуализируются ассоциативные семы необратимости происходящих процессов.

Слот 4.2 «Выздоровление больного»

В метафорах этой группы используются номинативные единицы: *иммунитет*, *выздоровление* и т. п.

Ср.: *Сохранение здоровой, хотя бы относительно, системы образования сохраняет надежду и на будущее выздоровление всего общества* (коммент.); *Дело как раз в том, что образование является, наверное, одной из наиболее инерционных общественных систем, у нее относительно неплохо развиты иммунные механизмы. Поэтому оно лучше других систем способно сопротивляться чужеродным воздействиям* (коммент.); *Меры радикального оздоровления ситуации в сфере ВАК и всей системы аттестации научных и научно-педагогических кадров уже озвучены официальными лицами и широко обсуждаются в научно-образовательном сообществе (РГ).*

В данном случае реализуется позитивный прагматический потенциал рассматриваемой метафорической модели. В дискурсе СМИ возникает картина возможного сохранения российского образования или его отдельных составляющих, связанного прежде всего с действием внутренних сил, способных противостоять временному внешнему воздействию реформ.

Итак, мы рассмотрели метафорическую модель «СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ – это БОЛЬНОЙ ОРГАНИЗМ». Как показал анализ морбиальных метафор, для данной модели характерно преобладание негативного прагматического потенциала в составляющих ее контекстах. Концептуальные векторы тревожности, опасности, противоестественности существующего положения дел в сфере образования пронизывают рассмотренные примеры метафорических выражений. Авторы высказываний выбирают преимущественно те концепты сферы-источника, с помощью которых можно репрезентировать негативные аспекты образовательных реформ и их результатов, показать несостоятельность реализованных преобразований, создать неприглядный образ современного российского образования.

ЧУДИНОВ А. П.

Екатеринбург

ПОНЯТИЙНО-ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АППАРАТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Исследование подготовлено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда: проект 14-04-00268 «Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления».

Аннотация. Политическая лингвистика – это интенсивно развивающееся научное направление, которое сформировалось на пересечении лингвистики и политологии. Политическая лингвистика имеет специфический объект исследований и собственный понятийно-терминологический аппарат. Исследования по политической лингвистике объединяются изучаемым материалом (политический язык, политические тексты, политический дискурс), однако в этой области знаний до настоящего времени не существует единой общепризнанной методологии.

Ключевые слова: политическая лингвистика, статус политической лингвистики, понятийно-терминологический аппарат, методы политической лингвистики.

CHUDINOV A. P

Ekaterinburg

POLITICAL LINGUISTICS TERMINOLOGY

Abstract. Political linguistics is a developing scientific field that was formed on the basis of politology and linguistics. Political linguistics has its own object of research and terminology. The works on political linguistics are united by material for research (political language, political texts, political discourse), but this field doesn't have its unified methodology.

Key words: political linguistics, political linguistics status, terminology, methods of political linguistics.

В последние десятилетия наиболее перспективные научные направления чаще всего возникают в зоне соприкосновения различных областей знания. Одним из таких направлений стала политическая лингвистика, новая для России наука, возникшая на пересечении лингвистики с политологией и учитывающая также достижения этнологии, социальной психологии, социологии и других гуманитарных наук. Необходимость возникновения и развития нового научного направления определяется возрастающим интересом общества к условиям и механизмам политической коммуникации.

Политическая лингвистика тесно связана с другими лингвистическими направлениями – с социолингвистикой, занимающейся проблемами взаимодействия языка и общества, с функциональной стилистикой и особенно с исследованиями публицистического стиля, с классической и современной риторикой, с когнитивной лингвистикой и лингвистикой текста.

Для политической лингвистики в полной мере характерны такие черты современного языкознания, как мультидисциплинарность (использование методологий различных наук), антропоцентризм (человек, языковая личность становится точкой отсчета для исследования языковых явлений), экспансионизм (тенденция к расширению области лингвистических изысканий), функционализм (изучение языка в действии, в дискурсе, при реализации им своих функций) и экспланаторность (стремление не просто описать факты, но и дать им объяснение).

Политическая лингвистика тесно связана и с науками, изучающими индивидуальное, социальное и национальное сознание – с социальной психологией, культурологией, социологией, политологией, этнографией.

Предмет исследования политической лингвистики – политическая коммуникация, то есть речевая деятельность, ориентированная на пропаганду тех или иных идей, эмоциональное воздействие на граждан страны и побуждение их к политическим действиям, для выработки общественного согласия, принятия и обоснования социально-политических решений в условиях множественности точек зрения в обществе. Каждый человек, который хотя бы изредка читает газеты, включает радио или телевизор, становится адресатом политической коммуникации. Когда этот человек идет на выборы, он участвует в политической жизни и делает это не без влияния субъектов политической коммуникации. При таком подходе к сфере интересов политической лингвистики относится не только передача политической информации, но и все, что связано с восприятием и оценкой политической реальности в процессе коммуникативной деятельности.

Главная функция политической коммуникации – борьба за политическую власть на основе использования коммуникативной деятельности: политическая коммуникация призвана оказать прямое или косвенное влияние на распределение власти (путем выборов, назначений, создание общественного мнения и др.) и ее использование (принятие законов, издание указов, постановлений и др.). Политическая коммуникация отражает существующую политическую реальность, изменяется вместе с ней и участвует в ее преобразовании.

Основная цель политической лингвистики – исследование многообразных взаимоотношений между языком, мышлением, коммуникацией, субъектами политической деятельности и политическим состоянием общества, что создает условия для выработки оптимальных стратегий и тактик политической деятельности. Политическая коммуникация оказывает влияние на распределение и использование власти благодаря тому, что она служит средством воздействия на сознание принимающих политические решения людей (избирателей, депутатов, чиновников и др.). Политическая коммуникация не только передает информацию, но и оказывает эмоциональное воздействие на адресата, преобразует существующую в сознании человека политическую картину мира.

Современная политическая лингвистика активно занимается общими проблемами политической коммуникации (анализирует ее отличия от коммуникации в других сферах), изучает проблемы жанров политической речи

(лозунг, листовка, программа, газетная статья, выступление на митинге, парламентская полемика и др.) и особенности функционирования политических текстов. Наша наука активно обращается к проблемам идиостиля отдельных политиков, политических партий и направлений, рассматривает стратегии, тактики и приемы политической коммуникации, изучает композицию, лексику и фразеологию политических текстов, использование в них разнообразных образных средств. К числу важнейших направлений политической лингвистики относятся также рассмотрение отдельных политических концептов в рамках соответствующего языка и национальной культуры, обращение к проблемам понимания политических реалий того или иного государства гражданами других государств, сопоставительное исследование политической коммуникации в различных странах и на разных этапах развития общества.

Важнейший постулат современной политической лингвистики – дискурсивный подход к изучению политических текстов. Это означает, что каждый конкретный текст рассматривается в контексте политической ситуации, в которой он создан, в его соотношения с другими текстами, с учетом целевых установок, политических взглядов и личностных качеств автора, специфики восприятия этого текста различными людьми. Обязательно учитывается та роль, которую этот текст может играть в системе политических текстов и – шире – в политической жизни страны. Например, одна и та же идея и даже одни и те же высказывания будут совершенно по-разному восприниматься в тексте газетной статьи журналиста и в официальном заявлении Президента Российской Федерации или Президента Соединенных Штатов Америки. Совершенно различный вес могут иметь высказывания одного и того же политика, произнесенные им в пылу предвыборной борьбы и после вступления на важный государственный пост.

Традиционно власть относится к числу высших социальных ценностей, а поэтому в борьбе за власть используются все людские возможности и достижения науки. Для получения нужного результата авторы политических текстов затрачивают колоссальные усилия. Поэтому при анализе политической коммуникации особенно заметно и высокое мастерство и творческое убожество авторов, их коммуникативные успехи и неудачи.

Политическая лингвистика – это научное направление, имеющее большую прикладную значимость. Изучение опыта коммуникативной деятельности в политической сфере может способствовать выработке конкретных рекомендаций для политических функционеров, журналистов, специалистов по связям с общественностью. В демократическом обществе всем гражданам необходимы устойчивые навыки политической коммуникации как в сфере продуцирования речи, так и в сфере ее восприятия. Критический анализ современной политической коммуникации поможет сделать более гармоничной коммуникативную практику новых поколений политических лидеров и журналистов. Использование мировых стандартов при рассмотрении отечественной политической коммуникации будет способствовать формированию положительного имиджа России в представлении зарубежной общественности.

Литература

Чудинов А.П. Политическая лингвистика. М., Флинта; Наука. – 2012.

ШАХМАТОВА Т. С.

Казань

ПРИЁМЫ ВОВЛЕЧЕНИЯ ЧИТАТЕЛЯ В ТЕКСТ КАК МАНИПУЛЯТИВНЫЙ РЕЧЕВОЙ ПРИЁМ ПРИ ИНФОРМАЦИОННОЙ АТАКЕ НА СОЦИАЛЬНУЮ ГРУППУ

Аннотация. В статье рассматриваются приём мотивационного опосредования при вовлечении читателя в текст как один из способов манипуляций с целью сокрытия кода языка вражды в адрес социальной общности людей. Информация, поданная как освещение насущной потребности читателя, подменяется оценочными высказываниями в адрес определённой социальной общности, которая описывается как корень всех бед читательской аудитории.

Ключевые слова: язык вражды, социальная общность (группа), мотивационное опосредование.

SHAKHMATOVA T. S.

Kazan

METHODS OF THE READER'S ATTENTION ATTRACTION AS A MANIPULATIVE METHOD AT INFORMATIONAL ATTACK OF SOCIAL GROUP

Abstract. The article describes the method of motivational mediation at reader involvement in reading of the text as one of manipulation technique in order to hide hate language code against a social community of people. Information filed as urgent needs of the reader replaced with evaluative remarks against certain social community, which is presented as a root cause of all evils of audience.

Key words: hate language, social community (group), motivational mediation.

В последнее время (с 2000-х) в России стали появляться исследования по вопросам лингвистической экспертизы, в которых достаточно много внимания уделяется текстам, предположительно содержащим «язык вражды». В основном примеры языка вражды находятся в сфере национальной, религиозной, реже половой дискриминации.

Несколько иначе обстоят дела с определением языка вражды, который применяется для разграничения и противопоставления групп людей по социальному признаку. Есть ряд работ посвящённых проявлению социальной напряжённости в языке, например [Ильсова 2014; Стексова 2013], иногда вопросы о выражении социальных

оценок затрагиваются в общих работах, посвящённых вопросам лингвистической экспертизы или языковой агрессии в СМИ. Непосредственных разбирательств в суде по поводу возбуждения социальной ненависти или вражды также значительно меньше, нежели дел, например, о религиозной или национальной дискриминации. Это вполне объяснимо.

Одна из главных метаязыковых функций языка вражды направлена на сокрытие кода этого языка. И в случае с маркерами социальной дискриминации и коммуникации, основанной на выражении отрицательных эмоций и оценок по отношению к социальной мишени, замаскировать эти коды оказывается проще, нежели в перечисленных выше случаях.

Как бы то ни было дела, связанные с унижением, формированием негативных оценок человека или группы лиц по принадлежности к той или иной социальной общности (группе) встречаются. И если в отношении религиозной и национальной вражды лингвистами и юристами уже выработаны определённые конвенции и рекомендации, по которым рассматриваются подобного рода тексты, то язык вражды в отношении группы лиц, объединённых на основе, например, социальных функций, социального статуса, его применение и последствия, а главное пути вынесения лингвистического решения остаются по сей день мало разработанными.

В настоящей работе мы хотели бы остановиться на лингвистических событиях целого ряда публикаций одной профсоюзной газеты, материалы которой неоднократно рассматривались на предмет нарушений законов о СМИ, в том числе и с формулировкой о разжигании социальной вражды.

В качестве положений выносимых к доказательству мы выдвигаем следующие.

1) Целью языка вражды, направленного на социальную группу, является не столько унижение по социальному признаку (эмотивная функция в большей степени присуща агрессивным речевым актам, затрагивающим национальную, религиозную или половую принадлежность лица/группы лиц), сколько попыткам вызвать ответные деструктивные действия, заставить оправдываться или обороняться (вербально и с помощью определённых действий), тем самым косвенно подтверждая правоту агрессора.

2) Между сознательным формированием в письменном тексте языка вражды от, допустим, критического заострения или выпячивания определённых фактов, присущих аналитическим журналистским жанрам есть существенные отличия. Одним из приёмов, свидетельствующим о наличии языка вражды является нарушение законов мотивационного опосредования, которые автор (редакция издания) используют для вовлечения читателя в текст. Термин «мотивационное опосредование» позаимствован лингвистами из психологии и связан с прагматикой речи. Любое речевое воздействие (в том числе и манипулятивное) является «намеренным мотивационным опосредованием – процессом переключения уже существующих мотивационных отношений на новое содержание с последующей их фиксацией, что обеспечивает соответствующее восприятие этого нового содержания независимо от события, послужившего основой переключения» [Денисюк 2003. С. 6]. Мотивационное опосредование предполагает несколько стадий речевых действий со стороны субъекта и объекта, благодаря которым читатель понимает, какую полезную информацию он извлечёт из текста. О них будет сказано ниже.

Данная статья является частью работы по выявлению признаков языка вражды в адрес социальной общности и поэтому в качестве уже доказанного постулата мы берёмся утверждать, что наличие признаков манипуляций с приёмами мотивационного опосредования наряду с такими приёмами речевого манипулирования как использование системы негативных именовании лиц (навершивание ярлыков на социальную общность, использование уничижительной лексики и другие манипуляции на лексико-семантическом уровне), а так же использование прецедентных текстов с закреплённым негативным значением в прямой проекции на описываемую ситуацию являются признаками, при наличии которых эксперт-филолог может говорить о наличии в тексте признаков языка вражды в отношении к социальной общности.

Здесь следует оговориться, что поскольку эксперт-филолог не имеет достаточно полномочий для выделения социальной группы, то речь идёт об описании механизмов формирования образа социальной общности в тексте.

Материалом данного исследования послужили номера газеты «Тольяттинский химик», которая издавалась при информационной поддержке независимого профсоюза «Наше дело» в г. Тольятти, тираж 4000 экз., распространялась на территории завода Тольяттикаучук (один из заводов химической корпорации СИБУР). Номера за 5 лет 2007-2011 гг. Данная газета позиционировала себя как профсоюзная газета.

Представители администрации завода Тольяттикаучук обратились в прокуратуру города Тольятти с просьбой оценить материалы профсоюзной газеты «Тольяттинский химик», редакция которой, по мнению заявителей, под предлогом освещения работы предприятия занималась очернением репутации администрации и разжиганием вражды по социальному признаку. Из Жалобы на постановление об отказе в возбуждении уголовного дела от 13.10.2011: «Профсоюз «Наше Дело» определяет себя как организацию, ведущую классовую борьбу, что предполагает выражение ненависти и вражды к той социальной группе, с которой ведётся борьба – администрацией ООО «Тольяттикаучук». «Значительная доля публикаций посвящена доказательствам несовместимости интересов двух социальных групп (администрации ТК и работников ТК, профсоюза «Наше дело», то есть именно профсоюз «Наше дело» и «лица, имеющие отношения к публикациям» считают, что цели и ценности этих социальных групп различны до противопоставления».

В свою очередь представители профсоюза «Наше дело» и газеты «Тольяттинский химик» категорически не соглашались с формулировкой о намеренном разжигании вражды, доказывая, что публикации газеты содержат лишь критику в допустимых пределах.

Ситуация представлялась неоднозначной и решение её, в частности, было возложено на филолога.

Как уже было сказано, в данной статье мы остановимся на рассмотрении способов вовлечения читателя в текст, то есть на коммуникативно-прагматических аспектах приёмов подачи информации.

Информационно-содержательная стратегия печатного издания зависит, в первую очередь, от ожиданий и интересов читателя, на которого издание ориентировано. Этим определяется и круг тем, и ракурс освещения вопросов, и новостная выборка и т.д.

«Тольяттинский химик» называл себя профсоюзной газетой. В постановлении о задачах по совершенствованию информационной работы Федерации независимых профсоюзов России [Постановление ФНПР [http](http://)] оговорены такие задачи профсоюзных СМИ как информационная работа, пропагандистская работа, информационная консолидация профсоюзных СМИ, аналитические обзоры.

Наиболее очевидно информационная стратегия газеты проявляется в названиях постоянных рубрик и колонок. Так, например, одна из самых известных профсоюзных газет «Солидарность» имеет постоянные рубрики: «Профсоюзная жизнь», «Право», «Образование», «Общество», «Забугорье», «Парламентская хроника», «Знаменитость» [Солидарность [http](http://)].

Рубрики газеты «Тольяттинский химик» сформулированы с ориентацией на когнитивную категорию «свой круг». Эта категория, по замечанию О.С. Иссерс, относится к базовым когнитивным категориям, которые являются эффективной основой любых речевых манипуляций [Иссерс 2012: 202]. Авторы «Тольяттинского химика» очерчивают «свой круг» как некое единство, наделённое семантикой морального превосходства. В названиях используется притяжательное местоимение первого лица, множественного числа: «Наша правда», «Наше дело», «Наше право». В то время как статьи, посвящённые тем или иным действиям администрации, помещаются под рубрики с резко негативной или ироничной семантикой, часто намекающей на проблемы у фигурантов статей с законом или проблемы с психикой: «Криминал», «Вам статья», «Будьте здоровы», «Бардак», «Авария», «Рухлядь», «Психиатрам на заметку» и т.п. Во врезках с цитатами из трудов и выступлений известных людей, открывающих каждый номер, выстраивается имплицитная положительная характеристика «своего» круга. Например, один из номеров открывают слова Сенеки: «Когда человек не знает, к какой пристани он держит путь, для него ни один ветер не будет попутным». Семантическое следствие из общей предпосылки – газета «Тольяттинский химик» и профсоюз «Наше дело» знают, куда они «плывут» [Тольяттинский химик 26.09.2011].

На сайте профсоюза, где размещается электронная версия газеты, название «Наше дело» отрефлексировано: «О профсоюзе НАШЕ ДЕЛО – почему так назвали». «Наше дело правое, победа будет за нами». Это лозунг, «с которым наши деды победили фашизм». Здесь же сообщается, что вышеуказанная связь не единственная: «злые языки любят придавать нашему профсоюзу зловещую окраску. В частности название профсоюза «НАШЕ ДЕЛО» переводят, как коза-ностра (кто не знает – так по-итальянски называют мафию)... мы осознавали и подтекст, отложившийся в сознании масс вследствие прочтения (или просмотра) «Крестного отца». Однако если такая малость как удачное совпадение двух слов может сделать нас более грозной силой в глазах врага, нас это не смущает.

Более того, по законам животного мира (а именно они царят там, где не в чести законы человеческие) казаться опасней, чем ты есть – нормальное явление». Далее по тексту обозначается «враг» – администрация ООО «Тольяттикаучук» [Профсоюз Наше дело [http](http://)].

Итак, идентифицируя себя с коллективным газетным «мы», читатель должен присоединиться к указанному социально обозначенному «своему кругу», образ которого выстроен с помощью знаков и символов, прецедентных текстов и визуальных образов борьбы рабочего класса за свои права [см. подробнее Шахматова 2013]. Авторы газеты легко присваивают прецедентные тексты и визуальные образы периода гражданской войны и становления Советского государства, которые во многом строились на противопоставлении советского рабочего класса и мировой буржуазии, и применяют эти прецеденты без какой-либо коррекции к современной общественной ситуации.

Коммуникативная позиция, которую занимают журналисты газеты «Тольяттинский химик» – это роль борцов за правду и роль народных защитников, выступающих от лица самого народа.

Однако более глубокое знакомство с содержанием статей часто демонстрирует несоответствие заявленной коммуникативной роли с ракурсом подачи материала. В связи с обозначением оппозиции «мы» (рабочие) – «они» (администрация завода) примечательно, что работников завода независимо от занимаемой должности на страницах профсоюзной газеты называют рабочими. В то время как на современном химическом заводе, который предполагает задействование сотрудников с высшим образованием, именование «рабочий» вместо «работник»/«сотрудник» уже само по себе является прецедентным именованием по социальному признаку.

Любое речевое взаимодействие подразумевает три стадии мотивационного опосредования при вовлечении читателя в текст: 1) речевые действия, направленные на актуализацию существующей у объекта речевого воздействия потребности; 2) речевые действия, направленные на интерпретацию какого-либо предмета или явления как средства удовлетворения этой потребности; 3) речевые действия, направленные на интерпретацию совершения какого-либо действия как способа получения какого-либо средства. При манипулятивном речевом воздействии на третьем этапе появляется цель воздействия манипулятора: в составе действий, которые необходимо совершить для получения цели наряду с другими (или как единственные) называются и описываются действия, выгодные манипулятору [Денисюк 2003. С. 13].

Рассмотрим в качестве примера две статьи из газеты «Тольяттинский химик», которые посвящены важным проблемам производственного и рабочего процесса. В статье «Чтобы не было свисающих концов» поднимается

вопрос о том, что сложные условия химического производства требуют дополнительных средств индивидуальной защиты, ношение которых доставляет работникам существенные неудобства в летнее время. Решению вопроса об облегчении положения работников на производстве, на первый взгляд, и посвящена данная статья. Обозначение темы - речевое действие, прагматический смысл которого вполне соответствует первой стадии мотивационного опосредования, призванного актуализовать у читателя уже существующую потребность.

Средством удовлетворения (в данном случае неудовлетворения) этой потребности являются инструкции администрации завода, которые только ужесточают пункты по применению спецодежды в летнее время. По мнению авторов статьи, администрация намеренно заставляет работников носить неудобную одежду даже в тех цехах или на территории, где в этом нет непосредственной необходимости, чтобы иметь возможность штрафовать работников и удерживать премии. «Летом, в сорокоградусную жару до нас докапывались особо рьяные руководители с требованием надеть поверх футболок спецовочные куртки» [Тольяттинский химик 09.09. 2010].

Однако в качестве третьего этапа предлагается довольно нелепый и даже издевательский совет: «Товарищи: внимательно изучайте свои инструкции. И будет вам счастье» [Там же]. Такой совет можно считать лишь формальным соблюдением третьего условия речевого взаимодействия. Содержание статьи направлено на формирование у читателя определённой установки, а не на критическое рассмотрение ситуации с неудобной спецодеждой и поиск выхода из неё.

Статья «Режем, причем, надуваем щеки. Полонянкин, Китев», помещена в рубрику «Знай свои права» и раскрывает намерения манипулятора более явно. В статье критикуется принятые генеральным директором завода Полонянкиным уточнения к коллективному договору.

Редакция обнародует один из пунктов договора: «Действие настоящего коллективного договора распространяется на работников предприятия, которые уполномочили профсоюзный комитет разработать и включить его от их имени». Далее редакция даёт свои разъяснения и оценки документу в целом (орфография и пунктуация оригинала): «Мы понимаем раздутое самомнение Полонянкина. Но не до такой же степени, чтобы его величеству самолично менять законодательство РФ. Ст. 43 ТК РФ четко гласит: «Действие коллективного договора распространяется на ВСЕХ работников организации». А попытки подобных работодателей оспорить данное положение в судах остались безуспешными. Просто подобным обманом вышеназванный tandem пыжится придать себе большую значимость, чем на самом деле, с целью удержать в карманном профсоюзе, давно потерявшем уважение работников, своих членов. Чтобы любая прихоть генерального получала молчаливое одобрение такого профсоюза» [Тольяттинский химик 21.09. 2010]. Автор статьи, очевидно, рассчитывает на то, что юридический язык и некоторые юридические тонкости, связанные с составлением коллективных договоров, могут быть понятны не всем работникам завода. Тратовка приведённого пункта договора в статье противоречит и даже ставит под сомнение законность формулировки существующего на предприятии коллективного договора. Хотя, если вдуматься, в том, что документ разрабатывал не весь коллектив, а «уполномоченные профсоюзного комитета» нет ни нарушения законодательства, ни противоречия или противопоставления тому факту, что колдоговор распространяется на всех работников предприятия.

То есть статья не только не помогает работникам разобраться в тонкостях юридического документа, но напротив, сбивает с толку, запутывает, предлагая изначально неверную трактовку документа. Имплицитная смысловая составляющая статьи довольно прозрачна: «администрация нас обманывает, принимая невыгодные решения с помощью «карманного» профсоюза [имеется в виду заводской профсоюз, альтернативой которому является профсоюз «Наше дело» и выражающая его мнение газета «Тольяттинский химик» - Т.Ш.].

Редакция газеты создаёт образ самой себя как пламенного и честного борца за права работников, готовых отстаивать их интересы перед лицом заводской администрации, которая бессовестно наживает на сотрудиниках, используя своё руководящее положение. Однако как показывает анализ конкретных примеров дальше огульных обвинений, далеко не всегда правомерных, авторы публикаций в отстаивании интересов рабочих не идут.

Объем статьи не позволяет нам продолжать количество примеров, которыми газета изобилует, отметим лишь, что подобное нарушение законов вовлечения читателя в текст наблюдается при освещении самых разных рубрик данной профсоюзной газеты. Например, рассказывая об учениях по защите жизнедеятельности на заводе, аварийных инцидентах на Тольяттикаучуке или других заводах, редакция систематически пользуется приёмами психологического резонанса, концентрированной подачи информации, и аналогии. Вопрос о промышленной безопасности – это один из главных вопросов такого предприятия как химический завод и, казалось бы, эта тема действительно должна быть одной из основных, однако коммуникативно-прагматическая цель данных публикаций вновь лежит совершенно в другой области. Иногда описания ужасных катастроф, которые встречаются почти в каждом номере газеты (приём концентрации негативной информации, формирующей чувство страха за свою жизнь), против воли авторов превращаются в комедию. Так, в статье «Пять минут до гибели» [Тольяттинский химик 21.05. 2009] «смерть» во время учебной тревоги описывается как реальная. Или в качестве примера страшной техногенной катастрофы, возникшей по халатности руководства рассказывается о возгорании мусорной урны возле остановки общественного транспорта недалеко от заводской территории: «Пожар за забором не спрячешь» [Тольяттинский химик 02.07.2010] с приложением поистине ужасающих размеров пожара, произошедшего, конечно, совершенно в другом месте. Такие нелепые случаи только подтверждают тенденциозность выборки. Рассказывая об авариях на других заводах, авторы убеждают читателя в катастрофическом, угрожающем для жизни и здоровья работников состоянии завода «Тольяттикаучук». Виновный в таком положении дел вновь находится сразу – это тот самый, упоминавшийся в описании профсоюза враг, который, на поверку угро-

жает не только материальному благополучию, но и самой жизни – это администрация завода и руководство корпорации СИБУР.

На третьем этапе мотивационного опосредования во всех описанных случаях легко вычленишь цель воздействия манипулятора. Вместо речевых действий, описывающих или интерпретирующих средство удовлетворения обсуждаемой в тексте потребности всякий раз появляется уничижительная/пугающая характеристика образа администрации завода, интересы которой противопоставлены интересам работников. Таким образом, администрация предстаёт действительно в образе врага, обозначенного по социальному признаку с помощью категорий «свой круг» - «они», прецедентных текстов, имеющих семантику борьбы пролетариата с буржуазией. Фактически представители администрации рассматриваются как данное самим институтом человеческого общества зло, с которым в мире, описанном в полярных категориях, невозможен компромисс.

Сами по себе манипуляции при формировании читательского интереса и его удовлетворения, на наш взгляд, не могут быть достаточным основанием для вынесения решения о наличии в тексте языка вражды, поскольку сами принципы журналистики предполагают здоровую долю манипулирования в доказательстве своей точки зрения. Однако в совокупности с таким средством манипуляции временем культуры как прецедентный текст или образ или в сочетании с уничижительной, сниженной, оскорбительной лексикой в адрес того или иного социального объединения регулярное и однотипное нарушение изданием законов вовлечения внимания читателя в текст, где на первое место выходит внушение негативных социальных установок, должно быть поводом для принятия лингвистического решения о наличии в данных текстах дискриминации и унижения лица (лиц) по социальному признаку. Создание в тексте образа социальной общности (на основе общих рабочих функций, полномочий, возможностей, прав), как это сделано в отношении администрации завода на страницах газеты «Тольяттинский химик» является достаточным основанием для филолога говорить о сознательном конструировании в тексте образа социальной общности (группы). В данном конкретном случае описанные речевые действия направлены на эмоциональную поляризацию образов социальных групп «мы» и «они» (работников, называемых рабочие и администрации завода), что является благодатной почвой для пропаганды идей социальной дискриминации одной группы людей по отношению к другой.

Литература

Денисюк Е.В. Манипулятивное речевое воздействие: коммуникативно-прагматический аспект: автореф. дисс... к.ф.н. – Екатеринбург, 2003. 23 с.

Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. - М: Издательство ЛКИ, 2012. 304 с.

Ильсова С.В. Игровые способы и приёмы выражения социальной оценочности в языке современных СМИ // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2014. С. 60-64.

Постановление Генсовета ФНПР от 29 января 2008 года № 4-6 о задачах по совершенствованию информационной работы ФНПР // Вести ФНПР. 2008. № 2.

Солидарность. Центральная профсоюзная газета. URL: <http://www.solidarnost.org/> (дата обращения 26.05.2014)

Стексова Т.И. речевая агрессия в интернет-комментариях как проявление социальной напряжённости // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2013. С. 77-81.

Шахматова Т.С. Прецедентные феномены как критерий вычленения образа социальной группы: практика судебной лингвистической экспертизы // Новое в когнитивной лингвистике XXI века. – Киев: Издательский дом Д. Бурого, 2013. С. 472-479.

Источники

Профсоюз Наше дело. URL: <http://www.delo-nashe.ru/about.php> (дата обращения 26. 05. 2014)

Тольяттинский химик. Номера с января 2007 по декабрь 2011 г. URL: <http://www.delo-nashe.ru/news.php/~newsline=176270/> (дата обращения 26.05.2014) Прим. в результате судебных разбирательств газета изменила информационную стратегию, номера ранее 2010 года с сайта удалены, ко многим номерам и материалам по решению суда доступ закрыт.

ШЕСТАК Л. А.

Волгоград

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА: РЕФЕРЕНЦИЯ И НОМИНАЦИЯ

Аннотация. Сравнение политических картин 1990-х и 2000-х гг выявляет разницу номинативных техник внутренней и внешней оппозиций России.

Ключевые слова: политическая картина мира, референция, номинация.

SHESTAK L. A.

Volgograd

POLITICAL PICTURE OF THE WORLD: REFERENCE AND NOMINATION

Abstract. Comparison of political pictures of the world of the 1990s and 2000s reveals the different nominative techniques of internal and external oppositions towards Russia.

Key words: political picture of the world, reference, nomination.

Политический текст представляет собой фрагмент политической картины мира: идеологические враги и друзья, наши цели и чужие замыслы, коррекция поведения под влиянием изменяющихся обстоятельств. Политический текст реализует воздействующую, волюнтаристическую функцию языка.

Волонтактивная функция языка [Шейгал 2000: 34] обусловлена социальной природой языка, психологическим механизмом языкового отражения и знаковой семиотической формой бытования языка. Поэтому теория аргументации выделяет когнитивные, коммуникативные и семиотические предпосылки речевого воздействия [Баранов 2001: 216-228]. Первой предпосылкой языкового воздействия является семиотическая возможность по-разному называть фрагмент действительности, выразить его вариативно: целиком или аспектно, оценочно или нет. Лингвистической основой языкового варьирования является характер языкового знака: несоответствие между дискретной структурой языка и обозначаемой ею недискретной реальностью. Фиксация ситуации знаком возможна с разных точек зрения: *Бутылка наполовину пуста* и *Бутылка наполовину полна*.

Вторым семиотическим основанием возможности языкового воздействия является линейный (упорядоченный по временной оси) характер речи, выражающей многомерный мир смысла. Слои смысла делятся на эксплицитные и имплицитные. К эксплицитным слоям смысла относят пропозицию и коммуникативный фокус, а к имплицитным – пресуппозиции, установку, выводное знание – следствие, модальность, имплицитурны дискурса [Там же, 217; Рассел 1997: 451]. Помещение информации в имплицитный слой смысла позволяет осуществлять скрытое, затушеванное воздействие на реципиента речи.

Третьим семиотическим основанием возможности языкового воздействия является степень отражения ситуации языковым знаком [Теньер 1988: 117-142]. Так, аннулирующее преобразование описания ситуации — элиминирование из описания участника или действия — создает умолчание или полуправду: *Полиция расстреляла рабочих* — *Рабочие были расстреляны полицией* — *Имели место уличные беспорядки* — *Не все спокойно на улицах Аргентины*. Фингуирующее преобразование вводит в описание ситуации первоначально отсутствовавших там персонажей, события и/или предметы, например, мифологему «врага»: *Во всех этих событиях отчетливо видна рука Москвы...* Индефинитизирующее преобразование — замена конкретных участников и предметов более обобщенными описаниями — усиливает неопределенность ситуации: *военные действия* вместо *расстрел пленных*; *операции по спасению заложников* вместо *передача выкупа*. Модальное преобразование вводит в описание идеи гипотетичности, оценки, рефлексии. Результатом модальных преобразований являются случаи, когда истина или ложь выдается всего лишь за гипотезу, а гипотеза — за истину или ложь. При этом навязываемая адресату оценка часто протаскивается в непропозициональных частях текста — в пресуппозициях, следствиях и импликатурах: *по сведениям из военных кругов*; *по оценке экспертов из министерства экономики*; *согласно информации, полученной из МИДа*; *по сведениям наших источников...* Искажение истины достигается при этом в некорректном указании на источник: завышении или занижении коммуникативного статуса информации либо ссылки на источник безо всякой необходимости, когда информация общеизвестна [Баранов 2001: 219-220].

Коммуникативные предпосылки возможности языкового воздействия заключаются в самой природе общения на естественном языке. Участники речевого акта вынуждены учитывать подразумеваемые договоренности о структуре диалога: роли участников, социально и культурно обусловленные условия смены коммуникативного хода. Относя необходимую ему информацию к исходным условиям общения, говорящий тем самым имплицитно навязывает ее слушателю, осуществляет «статусное» давление на адресата: *Как руководитель вверенного мне коллектива...* *В качестве самого старшего...*; злоупотребляет коммуникативной ролью активного участника ситуации: *В качестве основного докладчика настаиваю...* *Пользуясь регламентом, еще раз подчеркну...*

Наконец, когнитивными, познавательными предпосылками возможности языкового воздействия являются возможные ошибки в процессе восприятия знания: ожидания, влияние первоначальных смутных представлений на последующие, невозможность согласования старых и новых знаний из-за недостаточности фоновых знаний.

Воздействие на слушающего осуществляется языковым механизмом разных уровней: фонетико-фонологического, лексического, синтаксического [Рижинашвили 1994]. Звуковая аранжировка текста способна порождать определенные ассоциации. Выбор лексических вариантов и акцентологических дублетов, а то и явных речевых неправильностей типа *углубить* создает впечатление о говорящем как о рафинированном интеллигенте или о «своем парне», является частью профессионального речевого портрета (*осужденный* и *возбужденный* в речи работников МВД). Лексическое воздействие связано с этноцентристским восприятием мира, с влиянием официальных идеологических систем и личных политических ориентаций, создавая в ряде случаев авторскую и коллективную речевую семантику: *зверства* «убийства, совершаемые ими» — *возмездие* «убийства, совершаемые нами»; *фанатизм* «его глубокие убеждения» — *вера* «наши глубокие убеждения»; *самоопределение* «право народа избирать правительствo, угодное нам» — *анархия* «быстрое непривычное изменение, не соответствующее моим интересам» [Баранов 2001: 221].

На фоне языковых средств других уровней номинативные средства языка обладают особым воздействующим эффектом, т. к. языковые выражения не просто обозначают действительность, а интерпретируют ее. Не только оценочная лексика типа *зверства*, *фанатизм*, но и терминологическая (*преступление*), и общезыковая нейтральная (*победитель*, *побежденный*) вносят в общий смысл фразы субъективный оценочный компонент. Субъективный компонент номинации (за исключением терминологии объективного знания, точных наук, типа *биссектриса*, *параллелограмм*, *раствор*) обусловлен самой фундаментальной природой языка — положенным в его основу принципом антропоморфизма. В силу того, что обозначения лиц, предметов и действий отражают целую ситуацию, содержащиеся в семантике слов компоненты значения коннотируют, в свою очередь, у реципиента речи выводное знание. Например, семантику «следствия»: *расстрел студенческой демонстрации* можно назвать *трагедией* (виновников может не быть) или *преступлением* (тогда как следствие встает вопрос о виновниках). Действенным номинативным приемом является и степень детализации описываемой ситуации. Так, одну

и ту же ситуацию можно назвать *событиями, гражданской войной, крупномасштабными столкновениями вооруженных группировок за государственную власть* и пр. Мощным механизмом воздействия на язык является и метафоризация как осмысление одних объектов действительности («целей») посредством перенесения на них качеств других его объектов («источников»). При этом, помогая ярче, по-новому увидеть мир (*хрущевская ОТПЕПЕЛЬ, ядерный ЗОНТИК*), метафора как свернутое сравнение таит в себе и опасность подмены действительности ее моделью: субъективно выбранным основанием сравнения, рождающим агрессию, например, метафорическая модель *СПОР – это ВОЙНА* [Лакофф, Джонсон 1987: 127]. Важным семантическим фактором номинации являются и потенциальные семы используемых обозначений, активизирующие историческую память, менталитет нации, национальную концептосферу. Так, в силу русских исторических традиций абсолютистского правления и неразвитости гражданских свобод в общественном сознании российского общества аргументативный потенциал свободы ниже аргументативного потенциала справедливости, ср. частотность высказываний *Это плохо, потому что несправедливо* при относительной редкости тезиса *Это плохо, т. к. ограничивает мою свободу* [Баранов 1990: 225].

Воздействие речи, связанное с синтаксисом, объясняется тем, что высказывание есть обозначение ситуации: ролей участников, локуса (места действия), их активной (агенса) или пассивной (пациенса) роли [Теньер 1988: 117-142]. При этом актантная рамка предиката может акцентировать деятеля (*Дума обсуждает бюджет, предложенный правительством*); «затушевать» деятеля, представив его как локус (*Правительство внесло бюджет в Думу*) или совсем опустить, изъять из языкового описания ситуации (*Бюджет принят в первом чтении*). Частотным приемом синтаксических трансформаций, оставляющих или выводящих из описания субъектов действия, является номинализация – свертка предложения до словосочетания: *Дума рассмотрела законопроект, представленный правительством, в первом чтении – Рассмотрение законопроекта в первом чтении* [Баранов 2001: 223].

Воздействующим потенциалом обладает, наконец, и текст как макроструктурная модель. Аранжировка текста с целью увеличения его воздействующего потенциала давно и плодотворно разрабатывается риторикой, стилистикой, лингвистическим анализом текста. Описываются сильные позиции текста (финальная и инициальная), текстовые знаки (заголовок, эпиграф), прецедентный текст внутри материнского [Лукин 1999: 59-83].

В отличие от западно-европейской и, особенно, американской политической элиты, широко пользующейся скрытыми от непосредственного наблюдения средствами грамматики, например, переводом регистра времени с Present для своего кандидата на Past для его оппонента [Рижинашвили 1994], традицией отечественной политики является использование с целью диффамации противника средств прежде всего лексико-фразеологического уровня, т.е. уровень номинации. Политический пейзаж внутри страны (власть и оппозиция) рисуется противоположными по ценностной составляющей номинациями. Так, русская политическая картина мира 80-90-х гг XX на страницах прессы была представлена следующими номинативными «мазками».

Период «крушения тезауруса» 80-х годов значительно активизировал субъективно-абстрактные сферы: историоморфную, военную, политикоморфную образность: *В итоговых документах конференции не нашли отражение ни «радикальная», ни «ПАРТИЗАНСКАЯ» тактики* [Правда 11.03.1988: 4]; *Он закрыт БРОНЕЖИЛЕТОМ превосходства* [Правда 3.02.1989: 2]; *Тот фильм был нашей СИГНАЛЬНОЙ РАКЕТОЙ против сталинизма* [ТВ 17.11.1988]; *Сегодня, чтобы иметь какое-то «дело», обязательно приходится войти в ту или иную структуру, где свободы столько, СКОЛЬКО ЕЕ БЫЛО В ЛАГЕРЯХ ПРИ ИОСИФЕ ВИССАРИОНОВИЧЕ* [Правда 9.09.1989: 4].

Национально-кризисный период 90-х годов (распад исторической России, угрозы со стороны НАТО, военные конфликты на собственной территории, ползучая децентрализация оставшейся после Беловежья части страны) катализировал не только историческую память, но и защитные культурно-духовные силы нации – образность религиоморфную, в том числе архаическую: *Правительство ведет себя с населением, как БАНДА МАХНОВЦЕВ, ЗАХВАТЫВАЮЩАЯ ПОЕЗДА* [СР 22.08.1996: 1]; *Здесь же – региональные «АТАМАНЫ», избираемые БАТЬКИ хлебных и нефтяных, алмазных и золотоносных провинций, клянущие Москву и ее кремлевских «БЕСОВ»* [Завтра 14.04.1996: 7]; *Некоторые назовут вас «злым гением», человеком с «ЧЕРНЫМ ПОЛЕМ»* [АиФ № 49 1990: 3].

Девяностые годы, завершив трансформацию принципов организации жизни и ценностных ориентаций с коллективности, централизованности, суррогата православия – советскости на индивидуализм, регионализм, конкуренцию, материальную заинтересованность, создали и новую картину мира, эти ценности отражающую. Совокупность же номинативных «мазков», образные обозначения явлений доперестроечной и постперестроечной жизни дают коллективную языковую картину – «новый» и «старый» номинативный взгляд на мир.

Параллельно существующие две коллективные картины мира 90-х годов «отцентрованы» относительно констант тезауруса: понятий существующего порядка, типа власти и ее символики, характера народа, цели существования индивида и государства. Так, определение существующего порядка жизни, типа политического и экономического устройства определяется в проправительственной («Независимая газета», «Куранты», «Коммерсантъ», «Коммерсантъ-дейли», «Сегодня», «Комсомольская правда», «Московский комсомолец», «Общая газета», «Огонек») и в оппозиционной прессе («Советская Россия», «День», позже «Завтра», «Правда», «Народная трибуна», «Дуэль», «Московское время») зеркально противоположно: СССР – коммуналка, общага, ГУЛАГ для народов – и великая Родина, наш общий дом, историческая общность; Россия – новая, демократическая, свободная – и обрубок, огрызок, обмылок, банановая республика, вотчина США; США – цивилизованный Запад – и мировой жандарм, новый мировой порядок; банкиры, фабриканты – средний класс, национальная опора, предприниматели – и ворюги, панамщики, компрадоры, бройлеры 'быстро богатые' и бультерьеры 'рэкетиры',

регулярно их «покусывающие»; Ельцин – всенародноизбранный, гарант демократии – и банан, Е. Б. Н., Беня, прыгун с моста, дирижер оркестрами, Тело, Рельсын, Рельсен; Грачев – лучший министр обороны – и Паша-мерседес; Чубайс – ржавый Толик, господин приватизайс рыжий ваучер Чубайс; Бурбулис – кардинал Ришелье российского правительства; Черномырдин – Чирик, преданный сенбернар, газовик-затейник, наш Цицерон; Зюганов – папа Зю; Рыбкин – Килькин, Тюлькин, ни Рыбкин ни Мяскин, постельничий при царе; Кириенко – киндер-сюрприз; двуглавый орел-мутант, граченек-табака; демократы – дерьмократы, демокрады, дымократы, демки; патриоты – патревоты; коммунисты – коммунажи; перестройка – «Катастрошка» [роман А. Зиновьева], реформы со взломом.

При этом «новые» и «старые» русские обнаруживают в технике и стратегии номинации общие черты: 1) политические и экономические эвфемизмы: *переходный период, путана*; 2) лексическая транспозиция – переименования: *ельцинское ПОЛИТБЮРО 'Совет Безопасности'*; я как *КУРАТОР ЦК* или *ГАИ на дорогах* 'представитель президента на местах'; 3) широкие исторические реминисценции: *СМУТНОЕ ВРЕМЯ*; *Внешнеполитическая стезя России – это ВЛАДИМИРКА*, на которой поражения уже не имеют границ; *ДАНЬ* Москве; *остается жить по ИВАНУ КАЛИТЕ и ожидать своего ДМИТРИЯ ДОНСКОГО*; 4) номинации в качестве постоянного социального клейма: *люмпены, быдло, трущобники* – и *ворюги, панамичики*; 5) сленг зоны: *чирик 'десятка'* и 'Черномырдин', *ШЕСТЕРКА* (Ельцин – *шестерка у восьмерки*), *слить, сдать, президентские РАЗБОРКИ*; 6) языковая игра – номинативные искажения с актуализацией негативного фона: *патревоты; демки; Лужок; Чирик; Е. Б. Н.; демократура; демократизатор 'милицейская дубинка'; ВОР* – 'временный оккупационный режим'; *ОПУС* – 'особый порядок управления страной'; *совок 'советский'*; 7) сниженная, дезэстетизированная образность: *шланги на бензоколонках ФИГОЙ завязаны; зарастающая ПАРШОЙ держава наша; пэры, мэры и ХЕРЫ* (А. Макашов); *власти ХАПАЮТ так, как будто собираются приделать багажник к гробу*; 8) номинации табуированных зон: *Голодным и авитаминозным, униженно просящим отдать зарплату русским «тележик» покажет все, включая ЗАДНИЦЫ, ПЕРЕДНИЦЫ и любой ТРАХ* [СР 23.01.1997: 7].

Номинативное кодирование является решением когнитивной задачи по классификации и дефинированию явления. Число параметров, учитываемых при ее решении, взаимосвязь одновременно решаемых задач вызывают усложнение средств решения задачи. Это, во-первых, привлечение кодов особой значимости (историоморфная образность как историческая память; архаические апелляции к фольклору, магии как реакция на безрезультативность рациональных способов решения; религиоморфная, инфернальная образность):

Уходить сегодня от перевыборов в Думу, пугаться рыка неандертальского саблезубого тигра – есть политическая трусость, заметная даже семидесятилетним старикам из «первички». КУТУЗОВ, ОТСТУПАЯ ВГЛУБЬ СТРАНЫ, СОХРАНЯЯ АРМИЮ, СОБИРАЯ КАВАЛЕРИЮ, НАКАПЛИВАЯ СИЛЫ ДЛЯ УДАРА, ПОНЯЛ, ЧТО НЕ МОЖЕТ БЕЗ БОЯ СДАТЬ МОСКВУ, РУССКИЕ ТРЕБУЮТ СРАЖЕНИЯ, ТРЕБУЮТ ПОДВИГА И ЖЕРТВЫ ЗА РОССИЮ. КОГДА БЫ НЕ БЫЛО БОРОДИНА, НЕ БЫЛО БЫ И ВАТЕРЛОО. [Завтра № 13 1998: 1]; Сейчас у нас почти ФРАНЦИЯ ЭПОХИ ДИРЕКТОРИИ. Или ПОСТЕЙМАРСКАЯ ГЕРМАНИЯ. А ПОТОМ – ПОТОМ СТАРЕНЬКИЙ ПРЕЗИДЕНТ «УСТАНЕТ». РУКУ-ТО ОН УЖЕ ПОЖАЛ, БЛАГОСЛОВИЛ. И выборы 2000 года, буде они состоятся – и 99,9% счастливых избирателей за нерушимый блок и единственного кандидата [Соб. № 25 1996: 3]; Ельцин – ГЕРОЙ "ЛЮФТВАФФЕ". СБИЛ Горбачева. РАССТРЕЛЯЛ ГКЧП. ПРОТАРАНИЛ Руцкого и Хасбулатова. НА БРЕЮЩЕМ уничтожил Чечню, ПОСАДИЛ НА ГРУНТ тучный БОМБОВОЗ Черномырдина, ФАНЕРНЫЙ ШТУРМОВИК Куликова. И вот теперь, утомленный, весь в «ЖЕЛЕЗНЫХ КРЕСТАХ», ЛЕТИТ по прямой на Зюганова, НА ПОСЛЕДНИХ КАПЛЯХ ГОРЮЧЕГО, С ОСТАТКОМ БОЕКОМПЛЕКТА. [Завтра №14 1998: 1].

Во-вторых, усложнение кодов путем сочетаемости отдельных кодовых разновидностей: *Вчера мне снился удивительный сон: будто я летал над Россией, выписывая выхлопными газами в чистом небе ЗАВЕТНОЕ: «Голосуй и победишь!» Колхозники с полей, рабочие через законченные оконца заводов, шахтеры из глубины шахт глядели на нас и радовались. До меня доносился ТРЕБОВАТЕЛЬНЫЙ И СЧАСТЛИВЫЙ ГЛАС НАРОДА: УРНУ НАМ, УРНУ! ШТАТНЫЕ ОСТРОУМЦЫ президента Якубович и Николаев прихватили из московского зоопарка пару ученых ЛЕБЕДЕЙ и стаю ГРАЧЕЙ. Во время кратких остановок в Нижнем, Уфе, Кургане и Кемерове их выпускали над главной площадью, и лебеди показательно клевали своих меньших братьев. Пошатываясь, выхожу в Новокузнецке. Тамошние жители просто валяются от хохота, глядя в родное небо. Гляжу и я. Изумлению нет предела. Вместо «голосуй» там «ГОЛО», «УЙ» и «ШИШ», а вместо остального – ЛЕГКАЯ ДЫМКА... Стихия, блин!» — рыдаю я [НГ 28.06.1996: 1]; У Хаоса есть один ХОЗЯИН. И каждый, КТО ИГРАЕТ в ЕГО ИГРУ, БУДЕТ ИМЕТЬ ТОЛЬКО ТОТ РЕЗУЛЬТАТ, который УСТРАИВАЕТ ЧЕРНОГО ПУДЕЛЯ. Нельзя переиграть КРУПЬЕ в ИГОРНОМ ДОМЕ, где он задает ПРАВИЛА. МОЖНО либо НЕ ИГРАТЬ, либо... либо ОПРОКИДЫВАТЬ СТОЛ, ЛОМАТЬ ИГРУ, СТАВИТЬ СРАЗУ НА «ЧЕТ» И «НЕЧЕТ» [Завтра № 40 1996: 3].*

В-третьих, путем усложнения структуры образной единицы (корневая, или абзацная, метафора):

Давайте проведем небольшой эксперимент. Вооружимся пинцетом и отловим какого-нибудь ЮРКОГО «ДЕМОКРАТА» из БЕГАЮЩИХ, ШНЫРЯЮЩИХ, СКАЧУЩИХ по РАСПЯТОЙ Ельциным России. ОТЛОВЛЕННОЕ НАСЕКОМОЕ СУЩЕСТВО ПОМЕСТИМ в ПРОБИРКУ и внимательно рассмотрим... «Демократ» успокоится, поймет, что ПОПАЛ ПОКА НЕ в ЧК, а в ПРОБИРКУ. И НАЧНЕТ ШЕВЕЛИТЬ ЛАПКАМИ, ПОБЛЕСКИВАТЬ СТЕКЛЫШКАМИ ОЧКОВ, ПРИЧМОКИВАТЬ ХОБОТКОМ и ЧИСТИТЬ НАДКРЫЛЫЯ... Скорее всего нам попалось «ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ» КРОВОСОСУЩЕЕ НАСЕКОМОЕ ИЗ ПОРОДЫ ГУСИНСКИХ, КЛАНА ЧУБАЙСООБРАЗНЫХ, СЕМЕСТВА ЕЛЬЦИНОИДОВ, КЛИКИ ГАЙДАРИКОВ, ТУСОВКИ ПОЛЗУЩИХ...

И тут НАСЕКОМОЕ впадает в экстаз. Со страстью ветхозаветного пророка оно начнет убеждать нас в том, что при «демократии» – и только при ней, родимой, материальное положение человека зависит исключи-

тельно от его успехов в работе. Что РУССКУЮ ПОСЛОВИЦУ «КАК ПОТОПАЕШЬ, ТАК И ПОЛОПАЕШЬ» ПРИДУМАЛИ НА УОЛЛ-СТРИТ ТРУДОЛЮБИВЫЕ БАНКИРЫ В ШЕКСПИРОВСКИЕ ВРЕМЕНА И ИСКОНИ ОНА ЗВУЧАЛА КАК «HOU GO-GO, AS CHAVAT-CHAVAT» [СР 30.01.1997: 7].

Что касается политического разочарования России в 2000-е – нулевые годы так называемым «цивилизованным миром» и возможности своего встраивания в него, основным в определении сути происходящего является в этот период прояснение понятий, «очищение имен»: *У бездельников, вроде меня, есть такое занятие: определение терминов. А действительно, что такое терроризм? Судя по тому, что мы постоянно слышим, терроризм – это когда нехороший человек приходит с бомбой в магазин, там ее взрывает, потом туда съезжаются теле-репортеры, «Скорая помощь», всякие спецслужбы и выносят трупы. Ну, как бы все понятно: терроризм есть вооруженное насилие над мирным населением в политических целях. Ан нет. Вот если мирные люди погибли от бомбы, спрятанной под плащом, – это терроризм, а если от бомбы, сброшенной с самолета, то это контр-террористическая операция. Если взорвался израильский автобус – это теракт, а если израильская ракета попала в песочницу с арабскими детишками, это досадное недоразумение в ходе борьбы с терроризмом. То есть надо смотреть: если убийство обывателей совершается примитивным способом, это теракт, а если с применением современного оружия, то это просто какая-то военная операция, и никого искать и наказывать не надо. А еще надо смотреть: кто кого в туалете мочит. Если взрывается бомба в припаркованной к американскому посольству машине – это, безусловно, теракт, а если это посольство, скажем, Китая, и оно разрушено от попадания американской ракеты, – это издержки миротворческой акции. Три тысячи американцев, погибшие в ходе арабской бомбардировки Нью-Йорка, – незабвенные жертвы мирового терроризма, предостережение и укор всему человечеству. Миллионы вьетнамцев, корейцев, латиноамериканцев, африканцев, тех же арабов – жертв сотен американских терактов против остального человечества, – неизбежные жертвы войны за демократию* [Завтра №4 2003: 5].

Современный период «горячего кризиса» создал референциальную поляризованность отражения действительности, прежде всего субъектов политического поля:

Юлия Тимошенко: *Над територією України відбулась жахлива трагедія. Двісті дев'яносто п'ять ні в чому не винних людей, в тому числі за попередніми даними вісімдесят дітей, ЗАГИНУЛИ ВНАСЛІДОК ВІЙНИ, ЯКУ ВЕДЕ РОСІЙСЬКА ФЕДЕРАЦІЯ ПРОТИ УКРАЇНИ... Ми багато разів стверджували, що КОНФЛІКТ НА СХОДІ УКРАЇНИ – ЦЕ НЕ ГРОМАДЯНСЬКА ВІЙНА МІЖ УКРАЇНЦЯМИ. ЦЕ РОСІЙСЬКА ВІЙСЬКОВА АГРЕСІЯ ПРОТИ УКРАЇНИ, ЯКА ЗАГРОЖУЄ ВСЬОМУ СВІТОВІ... РОСІЙСЬКІ БОЙОВИКИ СЬОГОДНІ ДОВЕЛИ, ЩО ВОНИ НІЧИМ НЕ ВІДРІЗНЯЮТЬСЯ ВІД АЛЬ-КАІДИ. І СВІТ ПОВИНЕН ВЧИНЯТИ З НИМИ, ЯК ІЗ АЛЬ-КАІДОЮ.* [<http://blogs.pravda.com.ua/authors/zhdanov/53c906766ad96/>];

Юрій Луценко: *Зараз в Слов'янську працює спеціальна група МВС, яка виявила ЗАХОРОНЕННЯ ДЕСЯТКІВ ЗАКАТОВАНИХ БОЙОВИКАМИ ДНР ТІЛ МІСЦЕВИХ МЕШКАНЦІВ... ВИКРАДЕННЯ, КАТУВАННЯ, СПАЛЕННЯ ЖИВЦЕМ, ГВАЛТУВАННЯ. Саме з цими людьми співпрацює Кремль. Саме їм він постачав спочатку автомати і гранатомети, потім ПТУРСИ і ПЗРК, потім Град, тепер – Бук... ПОСТРИЛ З ПУТИНСЬКОЇ РУШНИЦІ ПО МИРНОМУ ЛАЙНЕРУ ПОЧУВ УВЕСЬ СВІТ. І ЗНОВУ, ЯК ПІСЛЯ ТЕРАКТУ БІН ЛАДЕНА, СВІТ УСВІДОМИВ, ЩО ТЕРОРИЗМ НЕ МОЖЕ БУТИ ЛОКАЛЬНИМ. СТВОРЕНІ КРЕМЛЕМ НА УКРАЇНСЬКОМУ ДОНБАСІ ТЕРОРИСТИЧНІ РЕСПУБЛІКИ Є ЗАГРОЗОЮ ДЛЯ ВСЬОГО СВІТУ.* [<http://blogs.pravda.com.ua/authors/lucenko/53ca32dd34696/>];

Арсен Аваков: *Считаю, в контексте переговоров с РУССКИМ МИРОМ, СБИВАЮЩИМ ГРАЖДАНСКИЕ САМОЛЕТЫ, яркие идиомы «великого и могучего» – оправданной формой доходчивого изложения мыслей.* [<http://blogs.pravda.com.ua/authors/avakov/53cabbcd0c57/>];

Сергей Пашинский: *Мы НЕ ПРИМЕНЯЕМ ТЯЖЕЛУЮ ВОЕННУЮ ТЕХНИКУ, НЕ ВЕДЕМ БОИ В НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТАХ, ИНОГДА МЫ ВЫНУЖДЕНЫ ПРОСТО УЙТИ, ЧТОБЫ НЕ БЫЛО ЖЕРТВ СРЕДИ МИРНОГО НАСЕЛЕНИЯ... ВСЕ НАШИ ПОПЫТКИ РЕШИТЬ СИТУАЦИЮ ПОЛИТИЧЕСКИМ ПУТЕМ НАТЫКАЮТСЯ НА ТЕ СИЛЫ, КОТОРЫЕ РУКОВОДЯТ ЭТИМИ ДИВЕРСИОННЫМИ ГРУППАМИ... МЫ НЕ ГОТОВЫ ЗАБЫВАТЬ ТЕХ, КТО ПЫТАЛ В ПОДВАЛАХ НАШИХ ЖУРНАЛИСТОВ И УБИВАЛ. У НАС ПОЛОВИНА ЗАЛОЖНИКОВ – ЖУРНАЛИСТЫ... "ПРАВЫЙ СЕКТОР" ПРИДУМАЛИ НЕ НА МАЙДАНЕ, "ПРАВЫЙ СЕКТОР" ПРИДУМАЛИ В МОСКВЕ.* [<http://top.rbc.ru/viewpoint/23/05/2014/925697.shtml>].

Таким образом, вариативная номинация внутренней оппозиции меняется в случае внешнего противостояния на референциальную полярированность.

Литература

- Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику: Учеб. пособие. – М.: Эдиториал УРЧСС, 2001. – 360 с.
- Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М.: Наука, 1987. – С. 126-173.
- Лукин В.А. Художественный текст: Основы лингвистической теории и элементы анализа: Учеб. для филол. спец. вузов. – М.: Изд-во «Ось-89», 1999. – 192 с.
- Рассел Б. Человеческое познание: Его сферы и границы / Пер. с англ. Н.В. Воробьева. – Киев: Ника-центр, Вист-С, 1997. – 256 с.
- Рижинашвили И.У. Лингвистические механизмы тенденциозного представления события в англо-американской периодике: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 1994. – 17 с.
- Теньер Л. Основы структурного синтаксиса / Пер. с фр. И.М. Богуславского и др. – М.: Прогресс, 1988. – 653 с.
- Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: Монография / Ин-т языкознания РАН; Волгогр. пед. ун-т. – Волгоград: Перемена, 2000. – 368 с.

ШУСТРОВА Е. В.

Екатеринбург

БАРАК ОБАМА: НЕУТЕШИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ ЛЕТА 2014 В АМЕРИКАНСКОЙ КАРИКАТУРЕ

Материалы подготовлены в рамках гранта РГНФ № 14-04-00268 «Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления».

Аннотация. Описаны основные образы, которыми действующий президент США наделяется в последние месяцы в американской карикатуре.

Ключевые слова: политический дискурс; политическая карикатура; метафора; образ; Б. Обама.

SHUSTROVA E. V.

Ekaterinburg

BARACK OBAMA: HIS DEVASTATING RESULTS OF SUMMER 2014

IN AMERICAN POLITICAL CARTOON

Abstract. The paper investigates basic images of Barack Obama in American caricature of late spring–summer 2014.

Key words: political discourse; political cartoon; metaphor; image; Barack Obama.

Наше исследование посвящено анализу образа действующего президента США в американской карикатуре. В этом обзоре мы кратко суммируем итоги анализа материала мая–июля 2014 г. Сразу вспомним, что эти рисунки создавались и/или размещались в сети гражданами США (как профессиональными карикатуристами, так и любителями) во время нарастающего напряжения по отношению к России. В некоторых американских изданиях и политической риторике это больше напоминало истерию. Конечно, это не могло не отразиться на карикатуре, особенно в изданиях, слишком зависимых от действующего правительства США. Но параллельно происходит обратный процесс. Причем, если зимой–весной 2014 г. таких настроений в американском обществе было гораздо меньше, то сейчас они нарастают, и игнорировать их, видимо, становится все сложнее. Никогда раньше Барак Обама не предстал так часто в образе безнадёжного идиота и мошенника, причем агрессивного, свято верящего в свою богоизбранность, уникальность, но при этом осознающего свои идиотизм и ложь и пытающегося обвинить в этом упущении всех остальных, включая прессу, бизнес, военных и простых граждан США.

Образ продавца, актера и циркача и раньше использовался применительно к Б. Обаме. Предыдущий пик использования приходился на самое начало первого срока президентства, когда консерваторы надеялись доказать незаконность вступления Б. Обамы в должность. Сейчас новый пик. Его отличие в том, что сегодня это относится в большей мере к внешней политике президента. Жонглирует он уже не только словами, а военными силами США, НАТО и СМИ, демократические ценности продает вместе с Д. Кэмероном.

Во внутренней политике карикатурный Б. Обама выступает вместе с рядом лиц. Часто он изображен вместе с Кэтилин Сибелиус, Хилари Клинтон, Джоозефом Байденом, Эриком Холдером, Гарри Ридом, Нэнси Пелоси. Их изображают либо идиотами, либо стервятниками над истекающим кровью дядей Сэмом, либо драконом, пытающимся догнать уничтожить то, что еще осталось от рабочих мест, возможности инвестиций и бизнеса США.

Все чаще Б. Обама не просто мошенник, а преступник, провоцирующий ненужное насилие, полностью противопоставленный миру, человек, чьи действия имеют роковые, фатальные последствия и для мира и для США. Причем этот преступник продолжает лицемерно извиняться, лить слезы не по тому поводу, пытаться спихнуть свою вину на всех и вся (в том числе и на В. В. Путина), полностью игнорируя выносимые из самолета гробы американских солдат или пылающий, избитый (в зависимости от автора карикатуры) земной шар. Все чаще это человек, издевающийся над американскими ценностями, уничтожающий американскую мечту и конституцию, преступно игнорирующий права граждан США.

Никогда раньше на американских карикатурах Б. Обама не предстал во время интимных гигиенических процедур. Сейчас этого немало. В частности, так изображены последствия внешней политики США.

Еще один образ – это образ спортсмена. Именно он раньше был самым распространенным при изображении Б. Обамы. Ранее спортивный графический образ действующего президента США был связан с бегом, баскетболом, бейсболом, гольфом, серфингом, т.е. самыми традиционными видами спорта в США. При этом спортсмен был удачлив. Во время второй президентской кампании доминировал образ боксера, причем тоже удачливого. Сейчас на первое место вышла борьба, причем только с В. В. Путиным и только безуспешная. Не в последнюю очередь образ продиктован спортивными увлечениями президента РФ, который не оставляет Б. Обаме никаких шансов.

Из менее частотных образов отметим следующие: слабак-полицейский, пресмыкающийся перед В. В. Путиным, изображенным в образе хулигана, человек, стыдящийся своих действий, надоедающий русскому медведю подстриганием когтей маникюрными щипчиками-санкциями, тюремщик (примечательно, что это относится к внутренней политике), пленник Китая, врач-шарлатан.

ЮЗЕФОВИЧ Н. Г.

Хабаровск

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ РОССИИ В МИКРОИСТОРИЧЕСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ:

ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ

Аннотация. В статье представлено обобщение основных закономерностей репрезентации России, ее лингвокультурного и идеологизированного субстрата в малоизученном отечественной лингвистикой жанре – историографической микроистории на примере произведения С. Merridale *Ivan's War. The Red Army 1939–45* (К. Мерридейл. «Война Ивана. Красная Армия 1939–45», 2005).

Ключевые слова: историография, микроистория, идеологизированный субстрат, транслитерация.

YUZEFOVICH N. G.

Khabarovsk

LANGUAGE MEANS OF NAMING RUSSIA IN MICROHISTORICAL HISTORIOGRAPHY: VIEW FROM THE SIDE

Abstract. The paper attempts to sum up the most relevant language means of naming Russia's ideological substratum in English historiography, mainly microhistory.

Key words: historiography, microhistory, ideological substratum, transliteration.

Исследование лингвистических, стилистических, политологических и пр., средств репрезентации России в англоязычном мире, как правило, проводится на материале институционального дискурса, наиболее традиционной формы политического дискурса, понимаемого в узком смысле. Практически общепринятым является также понятие «медийный политический дискурс». Литературные произведения художественного, публицистического, мемуарного или других жанров, в центре внимания которых репрезентация какой-либо национальной идентичности, в данном случае, российской, также следует признать формами политического дискурса, понимаемого в широком смысле, что, однако, признают далеко не все.

Основной задачей данной статьи выступает обобщение исследования лингвистических средств репрезентации России в англоязычной историографии, которая, как представляется автору статьи, позволяет понять, влияет ли в действительности институциональный дискурс на мировоззрение и образ жизни простого человека.

В историографии выделяются два направления, терминологически обозначаемые «макроистория» и «микроистория» и представленные следующими произведениями: *Russian Political Culture since 1985* (A. Denton), *Inside Putin's Russia* (J. Jack), *A History of Modern Russia from Nicholas II to Putin* (R. Service) и т.п., а также *Life in Russia* (M. Bunion), *Ivan's War. The Red Army 1939–45* (C. Merridale), *Gorbachev and History* (P. Broué) и пр.

Макроистория отражает воздействие институционального дискурса на социально-политическую ситуацию и на жизнедеятельность социума. Создавая произведения данного направления, авторы опираются не только на политологические, исторические и т.п. исследования деятельности политических лидеров, материалы прессы, но и, нередко, имеют опыт личного общения с политиками, что подтверждается использованием цитат, фрагментами интервью и пр. Следует подчеркнуть, что читателю, в том числе читателю-лингвисту, отражение политических событий в макроистории представляется достаточно объективным, с чем, возможно не согласится единодушно историки. Объективности способствует категория авторитетности, реализуемая на разных уровнях: используются фрагменты архивных документов, выдержки из интервью, цитаты известных политических деятелей; прецедентные феномены актуализируются личными именами, ссылками на известные словесные произведения, авторитетные медийные издания.

В историографической микроистории политическое воздействие представлено сквозь мировосприятие простого человека – *a 'little person'*, в терминологии известного австралийского историка Ш. Фишпатрик. По ее убеждению, историю общества можно и нужно изучать «снизу», как историю реальной жизни, в отличие от «макроистории», отражающей политический дискурс диктатуры власти, ее воздействие на социум. Тексты данного формата также называют документальной прозой; микроистория, в отличие от макроистории, нацелена на осмысление действительности и реальности на личностном уровне, что предопределяет эмоциональность описания, образность. Значимость произведений такого рода для политического дискурса несомненна: истинный результат эффективности институционального политического дискурса, нацеленного на решение внутригосударственных проблем, выявляется именно на индивидуальном уровне, в образе действия, поступках и высказываниях простого человека.

В эпоху холодной войны подобная литература однозначно рассматривалась через оппозицию «свой» (единственно правильный) – «чужой» (враждебный, ложный, фальсифицирующий). Стереотипы такого рода порой звучат и сегодня: книги о России зарубежных авторов предвзято воспринимаются как искажающие нашу действительность, что объясняется длительным периодом закрытости информации о западе, «железным занавесом». В советский период «антисоветская литература» находилась в спецхранах библиотеки им. Ленина в Москве и публичной библиотеки в Ленинграде; получить доступ в спецхран можно было только при наличии официального документа, обосновывающего необходимость чтения данных изданий в научных целях. На русском языке советологические исследования стали публиковать только в 1990-х, что дает возможность более объективно оценивать что «они» о «нас» пишут. Так, в предисловии к «Истории Советской России» советолога Э. Карра, переводчик А.Н. Ненароков отмечает, профессионализм его труда, отражающий «взгляды, оценки, мнения того поколения людей – как зарубежных, так и советских государственных, политических общественных деятелей, ученых и представителей широких народных масс, – что были современниками Октября и послеоктябрьских позиций. Многие из них верили, пользуясь выражением Карра в «значительность ленинских свершений и их влияние на будущее» [Ненароков 1990: 9].

Своеобразный подход к описанию второй мировой войны представлен в историографической микроистории *Ivan's War. The Red Army 1939–45* (2005). Лингвокультурный идеологизированный субстрат, под которым понимается глубинный уровень лингвокультуры и ее идеологии, выявляемый в слове в соответствующем контексте (при этом не обязательно фиксируемый в словаре), выражен непосредственно в названии книги.

Принимая во внимание известный пейоративный стереотип антропонима *Ivan* в английском языке, первоначальное восприятие названия кажется очередным негативом, созданным «буржуазными авторами», если использовать клише советского периода. При чтении произведения, однако, читатель понимает, что автор, в целом, объективирует положительную оценочность антропонима *Ivan*, его эмоциональность: оно фактически становится именем нарицательным, собирательным образом. Иван – это «русский солдат, главный участник войны».

Как известно, прецедентные имена обладают способностью выражать характеризующие функции [Караулов 2003; Леонтович 2011; Нахимова 2007; Слышкин 2000; Ермолович 2005]. Именно такую функцию выполняет в книге имя собственное *Ivan*, что определяется лингвистическим контекстом практически всего текста.

Прецедентность имени *Ivan* в англоязычной концептуальной системе подтверждается стереотипными ассоциациями, которые данное имя нередко актуализирует в речевой деятельности: «типичный русский», так могли назвать любого русского человека. Этому способствовали западные журналисты в период холодной войны, используя данное личное имя пейоративно.

В результате негативные стереотипы закрепились в словаре, например в *Webster's Third New International Dictionary*, *Ivan*: Russian, especially a Russian soldier. В 80х гг. XX века, в период распространения идей «политической корректности», ряд изданий рекомендовал журналистам избегать антропонимов, оскорбительно воспринимаемых в другой лингвокультуре. Например, руководство для журналистов *The Multicultural Management Program* (The University of Missouri School of Journalism) рекомендовало не использовать имя *Ivan* в значении «советский человек», учитывая его прагматическую окраску, пейоративность: *Ivan*: a common and offensive substitute for a Soviet person [цит. по *Chicago Tribune* June 1, 1990].

В анализируемом произведении имя *Ivan* практически нарицательное, однако, актуализирующее большей частью положительные ассоциации. Реконструкция концепта РУССКИЙ СОЛДАТ в индивидуальной концептуальной системе автора вербально выражена антропонимом *Ivan*, в целом мелиоративно.

Книга написана при участии простых людей, солдат – непосредственных участников войны, автор не только изучала архивные документы, в основе именно воспоминания солдат, с которыми она беседовала, собирая материал для книги.

Простому русскому солдату «Ивану» противостоит образ политрука, идеолога, олицетворяющего партию, которому отводилась основная роль морально-идеологического воздействия на солдат. Поскольку в дефиниции или кратком описании актуализировать все ассоциации, нередко пейоративные, концепта *POLITRUK* практически невозможно, объективация оценочности реализуется на протяжении всего текста. Например, автор цитирует архивные документы, выражая аксиологичность действий *politruks* в комментарии. Неоднократно подчеркивается, что все было подчинено выполнению задач, определяемых партией (*nurtured these people's party spirit*), включая даже создание «ложной» (*fabricated*) «дружеской атмосферы» (*friendliness*):

All that a *politruk* needed to do... was to make sure the men knew that theirs was a just cause... In place of long-established trust the *politruks* nurtured these people's party spirit, or worse, a fabricated 'friendliness' [Merridale 2005: 68–69].

Собирательности образа, актуализации пейоративной оценочности способствует и неоднократное использование транслитерации, но с использованием английского суффикса множественного числа *politruks*. Данное новообразование по форме соответствует модели множественного числа английского языка, что делает его семантически понятным англоязычному читателю.

В произведении подчеркивается, что партию, метафорически пейоративно называемую (*masters*), которую на фронте представляют *politruks*, не интересует человек (*not concerned with individual minds*):

«The political-moral condition of the troops is generally good,» the *politruks* wrote for their masters' benefit. ... The *politruks* were not concerned with individual minds [Merridale 2005: 68].

В ряде эпизодов собирательность выражается определенным артиклем *the politruk*. Например, описывая факты добровольного перехода (*volunteered*) солдат в фашистскую полицию, чтобы выжить, автор подчеркивает, что традиционно описываемое «предательство» было обосновано не идеологически, не мировоззрением, но чувством самосохранения простых людей, которые ощущали себя крестьянами, но не солдатами.

1. In late August 1941, the *politruk* came close to absolute despair. ... Some (peasants) even volunteered to become fascism's local agents – *politzei* – but at heart it was not politics but survival that impelled them [Merridale 2005: 116].

2. 'Are there any extenuating causes for withdrawing from a firing position?' soldiers would ask their *politruks* [Merridale 2005: 135].

Подобные комментарии, естественно, могут обусловить и определенное негативное отношение россиянина к автору, поскольку это «наша история», однако и в перестроечный, и постперестроечный период в отечественной прессе, в публикуемых произведениях диссидентов (запрещенных в советское время), в воспоминаниях узников ГУЛАГа, описано немало «белых пятен» нашей истории.

Опираясь на архивные документы, в ряде случаев автор указывает и конкретные фамилии, актуализируя пейоративность номинации *politruk*:

A *politruk*, Malkov, was caught with two leather coats, four suits, shoes and a suitcase full of stolen children's clothes [Merridale 2005: 71].

Идеологизированный субстрат характерен и для искусства; чтобы «поднять боевой дух солдат» политруки обращались к музыке, в частности к частушкам, актуализация которых раскрывается культурным аналогом *limericks*:

Music ...worked better than the prim rote-learning of the *politruks*. ... Those who could not write would memorize and develop the short folk poems, *chastushki*, that peasants had been composing for generations. The *politruks* wrote some of these, adapting the folk themes of fate and motherland to the current world of Stalin and the party. But *chastushki* were as catchy as limericks [Merridale 2005: 170–171].

При помощи актуализации в контексте вводится номинация *opolchentsy*, также характеризующейся идеологизированным субстратом. В первом предложении используется описательный перевод *male volunteers*, и номинация *opolchentsy* вводится в следующем предложении; далее неоднократно повторяется в номинативной функции. Оценочность данной транслитерации выражена в описании событий, в оценочных эпитетах, например, *heartbreaking (loss of life)*. Имплицируется равнодушное отношение руководства к ополченцам: *unprepared and unmilitary (opolchentsy)*, поскольку их не обучали:

Male volunteers of Gordon's age soon graduated from digging trenches. By August, *opolchentsy* had joined the defence of the strategic highways leading out of Moscow. Alexander Werth regarded the response of his native Leningrad as a model of local patriotism, but the use of *opolchentsy* there involved heartbreaking loss of life. Wherever they were made to fight, *unprepared and unmilitary opolchentsy* would die in their thousands [Merridale 2005: 106].

Ряд номинаций, в который актуализируется лингвокультурный идеологизированный субстрат, представлен традиционной для межкультурного общения моделью «практическая транскрипция курсивом + параллельное подключение» в форме кальки. Например, *samostrel*, self-inflicted wounds, или описательном переводе *«zagradotryady – the troops whose job was to stand...»*:

Cases of *samostrel*, self-inflicted wounds, increased alarmingly in the new year. There was not much else that desperate men could do. *Zagradotryady* – another new word for the Soviet lexicon – were the troops whose job it was to stand behind the lines and pick off any man who tried to run away [Merridale 2005: 71].

Введенная ранее практической транскрипцией номинация используется и при описании последующих событий, также выделенный курсивом и с экспликацией значения, чтобы предотвратить коммуникативный сбой:

These 'blocking units' were to supplement existing *zagradotryady*, the NKVD troops whose task had always been to guard the rear. Their orders were to kill anyone who lagged behind or attempted to run away [Merridale 2005: 135].

Таким образом, в историографии как микроистории, в центре внимания не столько хроника событий, сколько образ жизни людей, описание того как на них отражается политика государства. Соответственно, ряд транслитерированных номинаций вводится не по стандарту; они объективируются описанием каких-либо событий, через поведение человека, в цитатах реальных людей. Адекватность описания и стратегии объективации лингвокультурного субстрата определяется языковой личностью-автором, его интерлингвокультурной картиной мира и в определенной степени ограничена национальной концептуальной системой, жанром и системой языка.

В целом историография предназначена массовому читателю, поэтому авторы не перегружают текст транслитераций номинаций российской лингвокультуры, однако это довольно серьезное чтение. И, как было отмечено ранее, исследование произведений данного жанра представляет интерес для политической лингвистики.

Литература

- Ермолович, Д.И. Имена собственные: теория и практика межъязыковой передачи. Р.: Валент, 2005.
Леонтович, О.А. «From Russia with Love» // Политическая лингвистика. 2011. Вып. 1(35). С. 20–23.
Нахимова, Е.А. Прецедентные имена в массовой коммуникации. Екатеринбург, 2007.
Ненароков, А.П. Предисловие // Карр, Э. История Советской России. Кн. 1: Т. 1 и 2. Большеви́стская революция 1917–1923. М.: Прогресс, 1990. С. 9–14.
Слышкин, Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе: монография. М.: Academia, 2000.
Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Едиториал УРСС, 2003.
Merridale, C. Ivan's War. The Red Army 1939–45. L.: Faber, 2005.

ЯНУШ О. Б.

Казань

ФИННО-УГОРСКИЙ МИР В ПОЛИТИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИЗМЕРЕНИЯХ

Исследование выполнено при финансовой поддержке фонда РГНФ, проект № 13-03-00334.

Аннотация. Статья посвящена Финно-угорскому миру – трансграничному языковому сообществу, в основе которого лежит языковое родство финно-угорских народов. Автор считает его дискурсивным в силу того, что финно-угорские языки в нем не выполняют коммуникативных функций, а выступают инструментом и поводом конструирования действительности. В статье представлен анализ отображения «финно-угорской» тематики в центральных и региональных средствах массовой информации, даются оценки VI Всемирного конгресса финно-угорских народов, приводятся социолингвистические данные.

Ключевые слова: Финно-угорский мир, финно-угорские языки, дискурсивное трансграничное языковое сообщество, угрожаемые языки, языковая политика.

YANUSH O. B.

Kazan

FINNO-UGRIAN WORLD IN POLITICAL-LINGUISTICAL DIMENSIONS

Abstract. The article is devoted to the Finno-Ugric world - transfrontier language community, which is based on linguistic affinity of the Finno-Ugric peoples. The author believes it discursive because Finno-Ugric languages do not perform communication functions, and act as a tool and pretext of constructing reality. The article presents an analysis of the «Finno-Ugric» subject in the national and regional media, estimates are given for the VI World Congress of Finno-Ugric peoples, sociolinguistic data are given.

Key words: Finno-Ugric World, Finno-Ugric Languages, discursive transfrontier language community, endangered languages, language policy.

Для научного объяснения и понимания сути этого трансграничного языкового сообщества уместен конструктивистский или инструменталистский подход. Характер конструирования может интерпретироваться по Э. Геллнеру (как «фикция» и «фальшивость»), а может – по Б. Андерсену (как «воображение» и «творение» применительно ко всякому макросоциологическому объекту) [Андерсон 2007: 31].

Для Э. Геллнера фиктивность наций означает их нереальность, а их изобретение – фабрикацию [Геллнер 2002: 186]. Мы полагаем, что Финно-угорский мир – пример такой «фикции», то, что существует в умах этнических элит, этнополитических лидеров, в текстах. В.А. Тишков и Ю.П. Шабаев, рассматривая в своем исследовании причины возникновения Финно-угорского движения, отмечают: «Одной из последних ретроградных новаций этнонационализма стало конструирование неких «миров» и межгосударственной солидарности на основе академических (главным образом лингвистических и этнографических) классификаций различных культур по принципу принадлежности носителей языка к тем или иным «языковым семьям» – сугубо научной конструкции, содержание которой, т.е. схожесть и расходимость базовой исторической лексики, до сих пор являются предметом научных дискуссий» [Тишков 2007].

Представители этого мира общаются на русском и английском языках (официальные языки Всемирных конгрессов финно-угорских народов), понять друг друга смогут лишь жители Карелии, разговаривающие на северном диалекте карельского языка, и финны. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., из 45570 карелов, живущих в республике, 5087 человек владеют финским языком. Этим же языком владеет 2091 финн Карелии [Окончательные 2010].

Таблица 1. Владение языками в Республике Карелия

(по материалам Всероссийской переписи населения 2010 г.)

Указавшие языком	владение	Численность лиц, владеющих соответствующим языком, в том числе		
		Карелы	Финны	Вепсы
Вепским		46	21	1849
Карельским		31794	404	58
Коми		–	2	–
Лугово-восточным марийским (марийским)		1	–	–
Мордовским, мордовским, мордовским	мокша- эрзя-	–	–	–
Финским		9197	5770	227
Эстонским		54	292	1

Анализ национализма, предложенный Геллнером, был бы гораздо более убедительным, если бы вместо «фиктивности» наций он вел речь об их *дискурсивном* производстве [Малахов 2005: 81]. Называя Финно-угорский мир дискурсивным трансграничным языковым сообществом, мы отталкиваемся и разделяем позицию М.В. Ильина о том, что «дискурс – это целостное смысловое образование. В этом случае дискурсом будет называться такой эпизод действительности, который обладает временной протяженностью и представляет собой систему, сформированную на основе логической организации смыслов с использованием специальных норм (знаков и кодов) и предполагающую содержательную интерпретацию. Всякий содержательно целостный политический

процесс, например, избирательная кампания, формирование правительства, образование общественного движения и т.п. оказывается дискурсом» [Ильин 2007: 539].

Концепт «Финно-угорский мир» является заметным компонентом информационного пространства современной России. Объем публикаций о финно-угорском мире за период 2000-2011 гг. в региональной прессе составляет 4752, в центральной печати – 1044 (См.: Диаграмма 1. Частота упоминаемости темы «финно-угорский мир» в СМИ в 2000-2011 годах»). Иными словами тема «финно-угорского мира» наиболее широко представлена в региональном информационном пространстве. Это связано с тем, что города «финно-угорских» регионов являются местами проведения всевозможных культурных и научных мероприятий «финно-угорской направленности», что находит соответствующее отображение в региональных средствах массовой информации.

В целом, «финно-угорский мир» раскрывается в массиве региональных публикаций о культурных и научных событиях, о конференциях, съездах, фольклорных фестивалях, визитах в Марий Эл, Удмуртию, Коми, Мордовию, Карелию венгерских, эстонских, финских ученых, писателей и общественных деятелей. В материалах присутствуют сюжеты о финно-угорской «загранице», создающей фонды, финансирующей сохранение финно-угорских языков, помощь писателям, ученым, организующей учебу российских «финно-угорских» студентов за границей, конференции, симпозиумы, съезды. «Финно-угорский мир» оказывается комфортным для молодежи, школьников, приобщающихся к истории и культуре финно-угорских народов посредством экспедиций, летних лингвистических лагерей, фестивалей. С «финно-угорским миром» в региональной прессе связывается будущее «малых» народов; он имеет происхождение в «прошлом», соотносящимся с концептом «общей прародины» финно-угров. Региональные СМИ создают впечатление изначальности «финно-угорского мира» и естественности «родственных» связей финно-угорских народов.

Диаграмма 1. Частота упоминаемости темы «финно-угорский мир» в СМИ в 2000-2011 годах

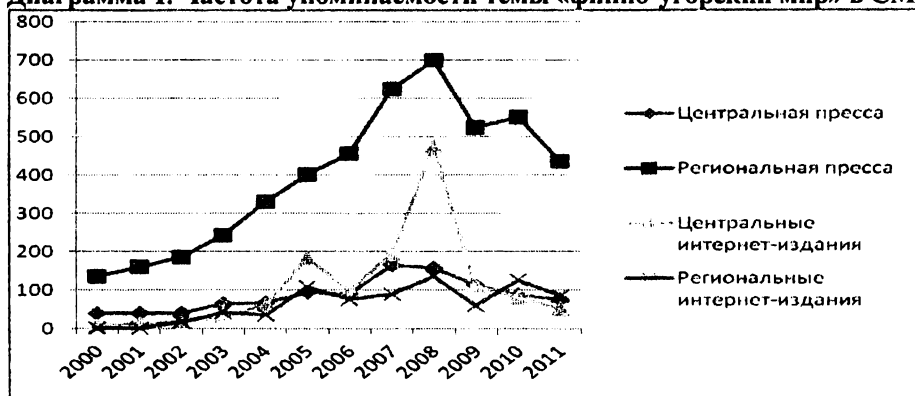

Диаграмма выполнена с помощью информационной системы группы компаний «Интегрум». Дата запроса: 7 окт. 2011г.

До 2008 года в центральной и региональной прессе наблюдается устойчивый рост интереса к «финно-угорской тематике», а с 2009 года – его спад. В последние годы пишут о кризисных явлениях и застое в финно-угорском процессе. Заметной тенденцией в финно-угорском сообществе являются важнейшие изменения во внешней культурной политике Венгрии. Речь идет о переориентации с финно-угорского вектора на идею «Великого Турана», то есть исторического и культурного «родства» венгров с тюркскими народами.

В культурно-этническом аспекте современные венгры – это скорее «мадьяризированные, ассимилированные в языковом плане славяне, не имеющие с точки зрения культуры ничего общего с тюрками-кочевниками [Семушин 2012]. Уместно описать внешние проявления «туранской идеи».

В 2011 году в Венгрии издали Библию на венгерском языке, но с использованием древнего тюркского рунического алфавита. Венгерская ультранационалистическая партия Йоббик проводит по всей стране пропагандистскую кампанию установки при въездах в селения табличек названий этих селений, написанных тюркскими рунами.

Примечательно, что за месяц до проведения шестого Всемирного конгресса финно-угорских народов в августе 2012 года был проведен трехдневный Курултай – съезд представителей «родственных» венграм тюркских народов.

В основании «туранская идея» имеет серьезный экономический подтекст. Как отмечает европейский обозреватель информационного агентства «Регнум» Д. Семушин, «точки его приложения в настоящее время – это Турция, Азербайджан и Казахстан. Последние две страны особенно важны с точки зрения энергетических проектов. Не менее значима и работа по увеличению экспортных возможностей страны» [Семушин 2012]. Он же пишет: «Тюркский мир дает гораздо больше простора для культурного, экономического и политического взаимодействия венграм, чем маленький и внешне скучный в сравнении с ним мир финно-угров» [Семушин 2012].

Также наблюдается снижение градуса политизированности проблемы. Пиковые значения объемов публикаций наблюдаются в 2007-2008 годах: 166 и 158 материалов в центральных печатных изданиях; 624 и 700 – в региональной прессе, что объясняется организованной в начале 2000-х годов в западных СМИ информационной кампанией против России, ставшей внешним информационным контекстом для российских средств массовой

информации Шестой всемирный конгресс, состоявшийся в сентябре 2012 года в венгерском городе Шиофоке примечателен несколькими политизированными моментами.

Один из лидеров эрзянского национального движения Эрюш Вежай (Борис Ерюшов) разместил в интернете требование отдельного представительства эрзян на Всемирном конгрессе финно-угорских народов [Эрзяне 2012]. Основанием для требования послужило решение Международного консультативного комитета финно-угорских народов «О представительстве делегаций финно-угорских и самодийских народов от стран и регионов Российской Федерации на VI Всемирном конгрессе финно-угорских народов». В соответствии с регламентом Конгресса («2.1. Делегаты конгресса выбираются каждым народом свободно, механизм формирования делегации не регламентируется») МККФУН определил квоту в 20 делегатов от эрзи и 20 – от мокши. В то же время мордовское руководство придерживается позиции о существовании двуединого мордовского народа. Министр по национальной политике Мордовии А. Лузгин отмечает: «Все документальные исторические данные, труды ученых и исследователей, а также резолюции I-V съездов мордовского народа свидетельствуют о единстве мордовского народа. Мордва как этнос состоит из двух субэтносов – «эрзя» и «мокша», делить мордовский народ на 2 народа нельзя [Мордва 2012]. В итоге на конгресс поехала единая мордовская делегация, сформированная руководством Мордовии, а в тексте резолюции шестого Конгресса появилось поручение Консультативному Комитету «совершенствовать регламентирующие документы Консультативного Комитета, в том числе документы, регулирующие избрание делегатов на Всемирные конгрессы» [Резолюция 2012].

Аналитики не исключают возможные повторы ситуаций, подобных мордовской, с мари (появились этнические антрепренёры от луговой и горной черемисы), с удмуртами и коми, от которых хотят отделиться ижемцы. На VI Конгрессе член правления Людиковского общества Мийкул Пахомов выступил за признание отдельным финно-угорским этносом живущих в Карелии карел-людигов [Семушин 2012].

Шестой Всемирный конгресс финно-угорских народов был проведен в сентябре 2012 года в условиях нехватки финансовых средств, глубинного идеологического отторжения идеи «финно-угорского родства», без особого желания и политического воодушевления венгерских властей. Венгры, будучи организаторами Конгресса, использовали финно-угорский форум, главным образом, для укрепления своих политических, экономических и культурных связей со странами-коллегами по Европейскому Союзу – Финляндией и Эстонией. Реалией для руководства этих стран является задача создания приемлемой модели сочетания национальной идентичности с общеевропейской в нынешних кризисных условиях, затронувших ЕС.

В работе Конгресса приняли участие более 300 делегатов от 23 народов из Венгрии, Финляндии, Эстонии, Норвегии и России. Россия на Конгрессе была представлена делегациями от вепсов, води, ижоры, карел, коми, коми-пермяков, манси, мари, мордвы, ненцев, нганасан, саамов, тверских карел, удмуртов, финнов-ингерманландцев, хантов.

Центральной темой Конгресса стала языковая проблема российских финно-угров, связанная с задачей остановить продолжающиеся процессы ассимиляции. Президент Эстонии Тоомас Хендрик Ильвес связал современные проблемы финно-угров с экономическими причинами. В начале его выступления делегатам Конгресса не включили вовремя перевод с эстонского языка. После паузы президент продолжил свое выступление на эстонском языке, и большинство делегатов не поняли его речь. В конце своего выступления президент Эстонии отметил, что не следует бояться издавать книги о притеснениях финно-угорских народов. Он заключил: «Финно-угры должны отстаивать свою свободу» [Семушин 2012].

Президент Финляндии Саули Ниинистё говорил о проблеме сохранения языков финно-угров, не прибегая к политической риторике. Он отметил: «Язык – это то, что принадлежит не самому народу, который на нем говорит. Это достояние всего мирового сообщества, его, если так можно выразиться, культурный арсенал. Поэтому самое важное – способствовать развитию финно-угорских языков, и, соответственно, культур, традиций и обычаев» [Семушин 2012].

Основой выступления российского министра культуры Влдира Мединского стало положение о том, что финно-угорские народы России исторически и культурно являются частью Русского мира. Он подчеркнул: «Россия – сердце финно-угорского мира, при этом иные народы не поглощают финно-угров, напротив, жизнь в нашей стране строится по принципу: сила народностей в поддержании своей самобытности». В целом выступление министра стало отражением позиции российских властей в отношении финно-угорского мира, смысловое поле темы которого связано с «вопросами сохранения и развития российской государственности», «этнокультурной политикой», «сохранением культуры и языков», «государственной поддержкой», «ощущением комфорта», «стабильностью и поступательным развитием страны».

Представители Венгрии, Финляндии и Эстонии считают, что российские финно-угорские народы, не имеющие своих государств, находятся в сложном положении. Они полагают, что языковая ситуация у финно-угров со времени проведения пятого конгресса в Ханты-Мансийске ухудшилась. В перспективе сторонники сохранения финно-угорских языков хотели бы, чтобы ситуация в этой сфере в финно-угорских регионах России поднялась до уровня положения в Татарстане и Башкирии. В целом, следует отметить, что дискуссии вокруг финно-угорских языков и языковых проблем в России сегодня все более приобретают форму политической идеологии. Положение ряда языков действительно вызывает беспокойство.

По данным Атласа угрожаемых языков ЮНЕСКО, на территории России насчитывается 131 такой язык: 20 – уязвимых, 49 – определенно угрожаемых, 29 – сильно угрожаемых, 22 – критически угрожаемых и 15 – вымерших. Среди них финно-угорские языки (См.: Таблица 2. Угрожаемые финно-угорские языки (по данным Ат-

ласа угрожаемых языков ЮНЕСКО). *Определённо угрожаемый* язык не изучается в качестве родного языка, ему не учат дома. Самыми молодыми говорящими на языке являются родители [Moseley 2012: 11]. На *сильно угрожаемом* языке говорят только старшие поколения. Поколение родителей все еще может понимать язык, но не передает его своим детям. Язык *критически угрожаемый*, если на нем говорит поколение бабушек и дедушек, язык не используется каждый день. Старшее поколение лишь частично помнит язык, не имеет собеседников. На *вымершем* языке никто не говорит или не помнит его.

Таблица 2. Угрожаемые финно-угорские языки
(по данным Атласа угрожаемых языков ЮНЕСКО)

№	Название языка	Витальность
1	Восточно-мансийский	Критически угрожаемый
2	Восточно-хантыйский	Определенно угрожаемый
3	Центрально-селькупский	Критически угрожаемый
4	Луговомарийский	Определенно угрожаемый
5	Лесных энцев язык	Критически угрожаемый
6	Эрзянский	Определенно угрожаемый
7	Ижорский	Сильно угрожаемый
8	Лесных ненцев язык	Сильно угрожаемый
9	Карельский	Определенно угрожаемый
10	Карельский (тихвинский)	Сильно угрожаемый
11	Карельский (тверской)	Определенно угрожаемый
12	Карельский (валдайский)	Вымерший
13	Кильдинский саамский язык	Сильно угрожаемый
14	Коми-зырянский	Определенно угрожаемый
15	Людиковский	Сильно угрожаемый
16	Мокшанский	Определенно угрожаемый
17	Нганасанский	Сильно угрожаемый
18	Северно-саамский	Определенно угрожаемый
19	Северно-хантыйский	Определенно угрожаемый
20	Северно-мансийский	Сильно угрожаемый
21	Северно-селькупский	Сильно угрожаемый
22	Коми-пермяцкий	Определенно угрожаемый
23	Вепсский	Сильно угрожаемый
24	Водский	Критически угрожаемый
25	Горномарийский	Сильно угрожаемый
26	Западно-мансийский	Вымерший
27	Удмуртский	Определенно угрожаемый

Сложившаяся ситуация вписывается в общемировые тенденции исчезновения языков. По самым оптимистичным прогнозам половина из существующих сегодня 6-7 тысяч языков исчезнет к концу нынешнего столетия, по пессимистичным – исчезнут 80-90% языков [Пустай 2013: 16]. В России действуют законы о языках, программы, направленные на их сохранение и развитие. Уже осознается, что культурные утраты, такие, как утрата уязвимых, недоминирующих языков, наносят серьезный урон наследию ныне живущих и будущих поколений, создают атмосферу нетерпимости и дискриминации. Эта идея прослеживается в региональных программах сохранения и развития языков. Программы выступают механизмами, рычагами, способами претворения в жизнь законов о языках. К примеру, в Карелии реализуются план и перечень комплексных мероприятий «Развитие карельского языка в Республике Карелия на 2009-2020 г.г.».

Образование трансграничных сообществ, основанных на языковом родстве, – это реально выраженная, хотя не определяющая сторона международной жизни, одна из черт новейшей системы международных отношений. За прошедшие более чем двадцать лет со дня проведения первого Всемирного конгресса финно-угорских народов Финно-угорский мир не стал социолингвистической реальностью, то есть сообществом, где финно-угорские языки были бы действенными средствами коммуникации. Скорее Финно-угорский мир – это *дискурсивное* сообщество, существующее в умах национальных лидеров и элиты и являющееся инструментом, позволяющим создавать дополнительные гарантии сохранения этнических меньшинств и их поддержки со стороны международных институтов.

Литература

- Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон. – М.: Канон-Пресс-Ц, 288 с.
- Геллнер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса / Э. Геллнер // Нации и национализм. – М.: Праксис, 2002. – С. 146 – 200.
- Ильин М.В. Политический дискурс / М.В. Ильин // Политология: Лексикон / Под редакцией А.И. Соловьева. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. – С. 537-544.
- Малахов С.Г. Национализм как политическая идеология / С.Г. Малахов. – М.: КДУ, 2005 – 320 с.
- Мордва грозит Инфоцентру FINUGOR судом за признание эрзян и мокшан // <http://finugor.ru/node/18524>
- Окончательные итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. – Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус., англ.

Пустаи Я. Положение финно-угорских языков: проблемы и перспективы / Я. Пустаи // Финно-угорский мир. – №2 (15). – 2013. – С. 16-17.

Резолюция VI Всемирного конгресса финно-угорских народов // <http://www.ficongress.org/vi-kongress/resolution/rezoluciya-vi-vsemirnogo-kongressa-finno-ugorskich-narodov>

Семушин Д. Почему Венгрия предала финно-угорское единство в пользу «Великого Турана»? / Д. Семушин. – Режим доступа: <http://www.regnum.ru/1560422.html>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус., англ.

Семушин Д. Застой финно-угорского движения: итоги рутинного саммита в Шюфокке (Венгрия) / Д. Семушин. – Режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/1569962.html>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус., англ.

Семушин Д. Поднять финно-угорские регионы России до уровня Татарстана и Башкирии: конгресс в Шюфокке / Д. Семушин. – Режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/1568863.html>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус., англ.

Тишков В.А., Шабаев Ю.П. Финно-угорская проблема: ответ Евросоюзу / В.А. Тишков, Ю.П. Шабаев. – Режим доступа: http://www.kominarod.ru/catalogues/biblio/papers_1491.html, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус., англ.

Эрзяне требуют отдельного представительства на Всемирном конгрессе финно-угорских народов. – Режим доступа: <http://www.finugor.ru/node/23010>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус., англ.

Moseley Ch. Atlas of the World's Languages in Danger / Ch. Moseley. – Режим доступа: <http://www.unesco.org/culture/en/endangeredlanguages/atlas>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус., англ.

Moseley Ch. The UNESCO Atlas of the world's languages in danger: context and process / Ch. Moseley. – Cambridge: Cambridge University of Cambridge, 2012. – 24 p.

ЯСКУЛЬСКИ А.

Быдгощ

ЯЗЫКОВЫЕ СПОСОБЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ПРОБЛЕМ РОССИИ В ДИСКУРСЕ РОССИЙСКОЙ ВЛАСТИ

Аннотация. Одной из основных коммуникационных стратегий политического дискурса является положительная самопрезентация. Она состоит, с одной стороны, в преувеличении своих положительных характеристик, и, с другой, в вуалировании, преуменьшении негативных. В настоящей статье рассматриваются языковые выражения, наиболее часто выступающие в высказываниях российских властей, в которых содержатся констатации негативно воспринимаемых обществом положений дел в стране, а также констатации негативно воспринимаемых обществом действий, совершаемых властями. Коммуникационной целью их употребления, по мнению автора, является попытка преуменьшить негативную оценку того или иного положения дел или действия. Выделяются типы языковых выражений и анализируются их употребления.

Ключевые слова: политический дискурс, коммуникационные стратегии, дискурс-анализ, Россия, семантика, риторика.

JASKÓLSKI A.

Bydgoszcz

LINGUISTIC MEANS OF PRESENTING NEGATIVE STATES OF AFFAIRS IN THE RUSSIAN LEADERSHIP SPEECHES

Abstract. A favourable presentation of one's own political camp belongs to major communication strategies in political discourse. One of its major goals is to hide or to weaken one's negative characteristics. The author attempts to describe several types of lexical units most frequently used by Russian Leadership in speeches. These include the constatation concerning one's own negative doings. The author presents the typology of lexical units and then analyses their most common uses in the Russian Leadership speeches.

Key words: political discourse, communication strategies, discourse analysis, Russia, semantics, rhetoric.

Многие исследователи политического дискурса [Ван Дайк 2008, Водак 2008, Шейгал 2004] отмечают, что во всяких дискурсах, базирующихся на семиотической оппозиции «Мы – Они», выделяются две основные коммуникационные стратегии: стратегия положительной самопрезентации (напр., стремление к положительной презентации власти и всего, что с ней связано, представителями этой власти) и стратегия негативной презентации т. н. Их. Одним из способов положительной самопрезентации является нейтрализация, вуалирование, ослабление своих отрицательных характеристик, а также стремление к их оправданию.

Цель настоящей статьи – представить и проанализировать употребление языковых выражений (скорее всего, их типов), имеющих в высказываниях представителей российской власти, где содержатся констатации негативно оцениваемых²⁰ положений дел в стране, т. е. явлений, процессов, действий власти, свойств государственной системы или её частей²¹. Эмпирическим материалом послужили высказывания представителей российской власти 2001-2011 гг. Это высказывания президента, премьер-министров, представителей кабинета министров, представителей правящей партии и региональных властей. Исследовательский метод заключается в выделении наиболее частотных типов языковых выражений и анализе их употребления.

1. Прилагательные с префиксом *не-* и корнем, обозначающим положительно оцениваемое свойство

Прилагательные с префиксом *не-* часто являются синонимами по отношению к беспрефиксным прилагательным, обозначающим понятие, антонимическое по отношению к названному словообразовательной основой префиксных прилагательных. Я. Д. Апресян отмечает, что такие беспрефиксные прилагательные содержат оцен-

© Яскульски А., 2014

²⁰ Следует отметить, что автор настоящей статьи не оценивает негативно или положительно то или иное положение дел, а предполагает, что в данном контексте оно так или иначе оценивается говорящим.

²¹ В политическом дискурсе актуальное положение дел в стране и её международная позиция, как правило, сочетаются с актуальной властью, воспринимаются как результат её деятельности, хотя далеко не всегда это так.

ку, в то время как прилагательные с префиксом *не-* выражают сдержанное осуждение отрицательных признаков или сдержанную похвалу положительных признаков [Апресян 1980: 397]. К первой группе относятся прилагательные с корнем, обозначающим положительно оцениваемый признак (напр., *нехороший*), ко второй прилагательные с корнем, обозначающим негативно оцениваемый признак (напр., *неглупый, неплохой*).

В высказываниях российской власти отмечается много случаев употребления прилагательных с префиксом *не-* для названия негативно оцениваемых положений дел в стране, ср.:

(1) Отсюда и низкая конкурентоспособность машиностроительных предприятий, невысокий уровень технологического обновления, а значит, и определённое отставание, утрата традиций, кадровые потери [В. Путин, премьер-министр, 10.09.2009]; (место: низкий, мизерный).

(2) Бюджет, принятый в непростое время дефицита денежных средств, сохранил все социальные обязательства государства перед людьми [В. Володин, «Единая Россия», 3.02.10]; (место: трудное, тяжёлое).

(3) Тем не менее, имея в виду непростую ситуацию на рынке труда, считаю, что вопрос Вами поставлен правильно [В. Путин, премьер-министр, 2009].

(4) Ситуация с охраной здоровья в стране по-прежнему остаётся неудовлетворительной, а бюджетные возможности ограничены [В. Путин, премьер-министр, 2.04.2009]; (место: плохой).

Низкий уровень явления, рассматриваемого как положительное, или полное его отсутствие определяются при помощи прилагательного *недостаточный*, ср.:

(5) Полностью согласен, эта болевая точка (рейдерство) – тоже результат неурегулированности и недостаточного внимания государства к этим проблемам [В. Путин, премьер-министр, «Разговор с Путиным», 2009]; (место: отсутствие внимания).

(6) Вместе с тем тот уровень материального благосостояния, на котором сегодня находится наша армия, военнослужащие, — и контрактники, и срочники, и тем более офицеры, — конечно, является недостаточным [В. Путин, премьер-министр, 2002]; (место: низкий).

Кроме того, употребляются другие языковые выражения, косвенно констатирующие негативно оцениваемый признак или явление, напр., *ограниченный* вместо *небольшой* или *оставлять желать лучшего* вместо *нехороший (плохой)*, ср.:

(7) Если говорить о моих субъективных оценках, к сожалению, инвестиционный климат в нашей стране оставляет желать лучшего [Д. Медведев, президент, 30.12.10].

(8) Конечно, это связано с финансовыми ресурсами. В условиях кризиса они ограничены [В. Путин, премьер-министр, 2009].

(9) Техническое состояние армии порой оставляет желать лучшего [В. Путин, премьер-министр, 18.01.10].

2. Языковые выражения, обозначающие неполную или недостаточную степень проявления признака.

Вышеназванную функцию выполняют следующие единицы: *не вполне какой-н., не совсем какой-н., недостаточно какой-н.*

В высказываниях представителей российской власти данные выражения употребляются чаще всего как атрибуты прилагательных, обозначающих положительно оцениваемый признак. Кажется, они употребляются как бы вместо выражений, обозначающих понятия, антонимические по отношению к нижеуказанным, ср.:

(10) Не вполне удовлетворительной является ситуация на рынке труда, но мы приготовили ряд проектов по её улучшению [А. Исаев, «Единая Россия», 31.01.2009]; (место: неудовлетворительный).

(11) По сравнению с теми целями, которые мы ставим, экономика, социальная сфера, гражданское общество и демократические институты остаются ещё недостаточно развитыми и сильными [Б. Грызлов, «Единая Россия», 9.10.2009]; (место: неразвитый, слабый).

(12) Система предупреждения чрезвычайных ситуаций в России недостаточно эффективна [В. Путин, президент, 2007]; (место: неэффективный).

На неполноту действия указывают выражения *сделать что-н. не в полной мере (не сделать чего-н. в полной мере)*, а также *сделать что-н. не до конца (не сделать чего-н. до конца)*. В рассматриваемых высказываниях эти выражения часто относятся к предикатам, обозначающим положительно оцениваемые действия, субъектом которых является власть, ср.:

(13) Это очень сложная и серьёзная проблема, мы ей занимались, мы разработали серьёзную программу, но с этой проблемой в полной мере справиться не удалось, работа будет продолжена [Д. Медведев, президент, 24.12.09]²².

(14) Мы многое сделали, что переломить хребет терроризму, но угроза ещё не до конца устранена [В. Путин, премьер-министр, 2009].

3. Языковые выражения «не весь X р».

Имеются в виду языковые выражения, указывающие на то, что есть такие элементы множества X, к которым нельзя отнести признак p, напр. *не все X р, некоторые X не р*. В рассматриваемых высказываниях вышеуказанные языковые выражения употребляются чаще всего в соответствующей комбинации аргументов: X – положительно оцениваемое действие власти, p – происходить, ср.:

²² Выражение *эта проблема* обозначает здесь высокий уровень безработицы в России.

(15) Что касается благодарных бабушек, то, да, действительно, мы все, я считаю, в долгу перед гражданами России старшего поколения, и мы эти долги должны отдавать. И мы еще не все сделали для них, хотя пытаемся делать, и кое-что получается, но сделали еще не все [В. Путин, премьер-министр, 2010]; (вместо: ничего не сделали).

(16) Теперь, что касается будущего. Сегодня «Распадская» начинает работать. Если еще не начала, то к вечеру будет работать. Правда, не всё еще решено с точки зрения борьбы с аварией, с проблемами, которые там возникли [В. Путин, премьер-министр, 2010]; (вместо: ничего не решено).

К данной группе относятся также выражения типа «не всегда р», указывающие на то, что есть случаи, когда не происходит р, ср.:

(17) Это говорит о том, что деньги, которые выделяются федеральным центром и приходят в регион по другим каналам, они не всегда расходуются эффективно (...) [В. Путин, президент, 2005]; (вместо: они расходуются неэффективно).

(18) Технологии у нас, может быть, не всегда такие эффективные, как на Западе, но они гораздо более шадящие в отношении здоровья потребителя, чем западные технологии [В. Путин, президент, 2003]; (вместо: технологии у нас не такие эффективные, как на Западе).

4. Языковые выражения, обозначающие небольшую интенсивность действия (процесса).

Вышеназванную функцию выполняют, например, наречия *немного, чуть, слегка*, а также дериваты со словообразовательными морфемами: префиксами *под-, при-*²³. В рассматриваемых высказываниях вышеуказанные наречия часто употребляются как определения глаголов, обозначающих отрицательно оцениваемое действие власти, или такой же процесс, происходящий в стране.

Вышеуказанные префиксы, в свою очередь, представляют собой часть глаголов с корнями, обозначающими негативно оцениваемые действия и процессы, ср.:

(19) Да, мы вынуждены были в этом году немного придерживать рост заработных плат в бюджетном секторе, стипендий студентам, но в следующем году индексация предусмотрена и в бюджетном секторе, и индексация стипендий [В. Путин, премьер-министр, 2010].

(20) У нас есть специальная программа по борьбе с бедностью. Кризис немножко её «шатнул», но, безусловно, она будет исполняться в будущем [В. Путин, премьер-министр, 2009].

(21) Первомай – традиционный праздник весны, хорошего настроения, оптимизма. В этом году настроение всем чуть подпортил кризис [А. Воробьев, «Единая Россия», 1.05.09].

(22) Конечно, хотелось бы больше, но у нас есть очевидные бюджетные ограничения. Более того, мы даже вынуждены будем немного сократить [В. Путин, премьер-министр, 2010].

5. Языковые выражения, обозначающие умеренную степень проявления признака.

К этой группе относятся прежде всего с наречиями *достаточно какой-н.* и *довольно какой-н.* В рассматриваемых высказываниях они часто употребляются как определения прилагательных и наречий, обозначающих негативно оцениваемые признаки, ср.:

(23) Отток (капитала из России за рубеж – автор) действительно есть и он достаточно большой [В. Путин, президент, 2003].

(24) Платили рабочие промышленных предприятий, врачи, учителя, то есть люди и так с достаточно скромным доходом [В. Путин, президент, 2005].

(25) Страна большая, проблем много, правовая неурегулированность, социальные вопросы застарелый характер носят, довольно низкий уровень правовой культуры у тех, кто обязан исполнять государственные функции (...) [В. Путин, президент, 2005].

6. Языковые выражения, обозначающие отсутствие каузирования.

Если в рассматриваемых высказываниях констатируется наличие негативно оцениваемого положения дел в стране, то часто употребляются языковые выражения, указывающие на то, что данный субъект не является каузатором данного положения дел, ср.:

(26) Как специально в этот момент, когда настроили всю систему, разразился мировой финансовый кризис. Не по нашей вине, но, как говорится, мы попали [В. Путин, премьер-министр, 2009].

Кроме того, употребляются языковые выражения, указывающие на объективный, независимый от воли субъекта характер негативного положения дел, ср.:

(27) Сократился и экспорт нашей продукции за рубеж, а наши компании почти 50% своей металлургической продукции отправляли на экспорт. И это объективная проблема, на которую влиять мы, конечно, напрямую не можем [В. Путин, премьер-министр, 2009].

(28) Сократилась экономика в силу объективных причин (...) [В. Путин, премьер-министр, 2009].

(29) Вот под большой мировой рынок были набраны люди, закуплено оборудование, произведены инвестиции. Как только рынок упал там, у нас сразу – «бум» и всё сократилось (...) Это объективный процесс [В. Путин, премьер-министр, 2009].

(30) Сегодня Россия борется с последствиями мирового финансового кризиса, который был навязан нам [А. Исаев, «Единая Россия», 31.01.2009].

²³ Значения вышеназванных морфем приводятся вслед за Змарзер [1987] и Ефремовой [2005].

(31) Начавшееся возрождение страны и её развитие могут быть остановлены, если обрушившийся на нас мировой финансовый кризис перерастёт в кризис политический [А. Исаев, «Единая Россия», 4.02.2009].

Часто употребляется также лексическая единица, указывающая на то, что «данное действие каузируется независимыми от воли субъекта обстоятельствами, что оно является единственным возможным в данной ситуации». Лексическая единица *кто-н. (1) является вынужденным что-н. сделать* (2) употребляется чаще всего в следующей комбинации аргументов: 1 – власть, 2 – негативно оцениваемое действие, ср.:

(32) Бюджет на 2010 год и плановый период 2011-2012 годов принимался в условиях мирового-финансового кризиса. Мы были вынуждены сократить расходы по целому ряду статей, в том числе и на культуру [Б. Грызлов, «Единая Россия», 4.12.2009].

(33) Да, мы вынуждены были в этом году немного придерживать рост заработных плат в бюджетном секторе, стипендий студентам, но в следующем году индексация предусмотрена и в бюджетном секторе, и индексация стипендий [В. Путин, премьер-министр, 2010].

(34) В следующем году планируются крупные расходы, крупнейшие за всю новейшую историю, на здравоохранение: на ближайшие 2 года – 460 млрд рублей. И, естественно, деньги не синтезируются из воздуха, – мы вынуждены повышать налоговую нагрузку на этот сектор, вот в этой части, в сфере социальных налогов [В. Путин, премьер-министр, 2010].

7. Слова *пока* и *ещё*.

В рассматриваемых высказываниях вышеназванные слова часто употребляются в предложениях, констатирующих, что: 1) выступает то или иное негативно оцениваемое положение дел в стране; 2) нет того или иного положительно оцениваемого действия, субъектом которого является власть (или действия, результат которого оценивается положительно); 3) отсутствует в стране то или иное положительно оцениваемое положение дел, ср.:

(35) Я не могу не согласиться с тем, что уровень доходов учителей пока низкий (...) [В. Путин, премьер-министр, 2010].

(36) Если по вводу жилья в целом по России, действительно, наблюдается ещё некоторое снижение, то у нас – с плюсом 7% к 2009 году [Н. Белых, губернатор Кировской области, 3.02.11].

(37) Мы пока не добились больших успехов в антикоррупционной деятельности [Д. Медведев, президент, 2010].

(38) Мы констатируем, что в стране пока не удалось переломить пагубную тенденцию к бюрократизации всех уровней исполнительной власти [«Единая Россия», 2007].

(39) С проблемой безработицы в стране пока справиться не удалось [Д. Медведев, президент, 24.12.09].

(40) У нас покупательная способность населения не такая, как в европейских странах, да и промышленность наша еще не модернизирована для того, чтобы брать газ по высоким европейским ценам [В. Путин, премьер-министр, 2010].

(41) Россия ещё не вышла из кризиса [В. Путин, премьер-министр, 27.08.10].

Во всех приведённых выше высказываниях слова *пока* и *ещё* указывают на временный характер данного положения дел, их употребление как бы внушает адресату, что есть основания для того, чтобы эти положения дел изменились в лучшую сторону. Для сравнения следует устранить из приведённых выше высказываний рассматриваемые слова, ср. модификации предложений:

* Я не могу не согласиться с тем, что уровень доходов учителей низкий (35).

* Мы не добились больших успехов в антикоррупционной деятельности (37).

* Россия не вышла из кризиса (41).

8. Слова широкой семантики.

Для названия того или иного негативно оцениваемого положения дел в высказываниях российских властей часто употребляются слова, обладающие общим значением и очень широким референциальным объёмом, напр., *явление, событие, происшествие, процесс, действие, изменение, проблема*. В связи с референциальной неопределённостью²⁴ такие слова допускают довольно большие интерпретационные различия, ср.:

(42) Собственно говоря, то, что происходит сегодня в нашей экономике, является следствием мирового финансового кризиса [В. Путин, премьер-министр, 2009].

(43) Сегодняшние явления в нашей экономике связаны с мировым кризисом, который начался в США [В. Володин, «Единая Россия», 26.02.2009].

В приведённых выше высказываниях выделенные выражения употребляются, по-видимому, для названия таких явлений и процессов, как рост инфляции, дестабилизация, сокращение производства и т.п.

(44) Я уже говорил о том, что самый высокий уровень безработицы в России - в Чеченской республике. Я думаю, что не нужно объяснять почему. В силу тяжелых событий последних 15 лет [В. Путин, президент, 2005].

В этом высказывании выражение *тяжёлые события* обозначает войну в Чечне.

(45) (Вопрос от иностранного студента, которого беспокоит проблема нацистских обществ):

На нас часто нападают, как при этом сохранить доверие, уважение и дружбу?

²⁴ Термин «референциальная неопределённость» употребляется вслед за Е. Шейгал [2004].

Путин: Этот вопрос беспокоит и меня, конечно, да и не только меня. Без преувеличения, всю российскую общественность. К сожалению, Россия – часть современного мира, и мы наблюдаем рост проявлений подобного рода практически во всех странах мира. Это общая болезнь, и противопоставить этой болезни можно только одно лекарство – неприятие обществом проявлений подобного рода. (...) За те эксцессы, которые имеют место, которые произошли, и я о них знаю, могу только принести извинения. [В. Путин, 2005].

Выражения *проявления подобного рода* и *эксцессы* относятся здесь к случаям избиения и убийствам иностранных студентов в России.

(46) К сожалению, это одна из самых серьезных негативных проблем нашей жизни сегодняшней, из самых острых проблем. И конечно, эта проблема характерна не только для России, но и для многих стран мира. В разные периоды существования стран, в разные периоды их развития она приобретает менее или более острый характер. У нас она достаточно острая, эта проблема [В. Путин, «Разговор с Путиным», 2006]²⁵.

Выражение *эта проблема* относится здесь к явлению коррупции.

9. Лексические единицы *определённое что-н.*²⁶ *огаз* некоторое *что-н.*²⁷

Вышеуказанные лексические единицы в рассматриваемых высказываниях нередко употребляются как определения языковых выражений, обозначающих негативно оцениваемые явления и процессы, ср.:

(47) Поэтому нас это, если по-честному, не очень пугает, хотя, конечно, если эта цена упадет очень низко и будет длительное время держаться, у нас с бюджетом будут определённые сложности, но социальные обязательства перед населением мы выполним [В. Путин, президент, 2001].

(48) У нас принята программа вооружений до 2010 года, и в следующем году мы будем принимать следующую программу вооружений с 2005 до 2015 года. Должен сказать, что в отличие от прежних лет финансирование этих программ осуществляется в запланированном объеме и ритмично (...) Существуют и определённые проблемы [В. Путин, президент, 2003].

(49) Роза Акрамовна, действительно, мы столкнулись с определёнными сбоем в обеспечении бесплатными лекарствами [В. Путин, президент, 2007]²⁸.

(50) Если по вводу жилья в целом по России, действительно, наблюдается пока ещё некоторое снижение, то у нас – с плюсом 7% к 2009 году [Н. Бельх, губернатор Кировской области].

Для сравнения следует устранить из приведённых выше высказываний рассматриваемый компонент, ср. модификации предложений:

* (...) мы столкнулись со сбоем в обеспечении бесплатными лекарствами (49).

* Если по вводу жилья в целом по России, действительно, наблюдается пока ещё снижение (50).

10. Другие языковые выражения.

Из других языковых выражений, наиболее употребляемых в высказываниях российских властей, содержащих констатации негативно оцениваемых положений дел в России, следует выделить:

– выражения, указывающие на то, что данное положение дел началось давно, ср.:

(51) Проблема (ветхого жилья – А. Я.) накапливалась десятилетиями и не решалась десятилетиями [В. Путин, президент, 2003].

(52) У нас в бюджетной сфере порядка не было в течение многих лет (...) [В. Путин, президент, 2003].

(53) Я обратил внимание на то, что проблема коррупции является для России многовековой (...) [А. Исаев, «Единая Россия», 22.11.10].

– выражения, указывающие на распространённость того или иного негативно оцениваемого положения дел в других странах, ср.:

(54) К сожалению, Россия – часть современного мира, и мы наблюдаем рост проявлений подобного рода практически во всех странах мира [В. Путин, президент, 2003]²⁹.

(55) К сожалению, это одна из самых серьезных негативных проблем нашей жизни сегодняшней, из самых острых проблем. И конечно, эта проблема характерна не только для России, но и для многих стран мира [В. Путин, президент, 2006].

– слово *застарелый*³⁰, которое употребляется как определение слова, обозначающего негативно оцениваемое положение дел, ср.:

(56) Страна большая, проблем много, правовая неурегулированность, социальные вопросы застарелый характер носят (...) [В. Путин, президент, 2006].

(57) Ситуация с качеством дорожной сети у нас в целом сложная (...) Понимая, что проблема застарелая, федеральная власть старается помочь регионам и муниципалитетам [Б. Грызлов, «Единая Россия», 25.01.11].

²⁵ Это фрагмент ответной реплики В. В. Путина на вопрос зрителя, касающийся низкой эффективности в борьбе с коррупцией. В реплике Путин вообще не употребил слово *коррупция*.

²⁶ Имеется в виду лексема *определённый* в значении: «некоторый, известный» [Ожегов 1990].

²⁷ Имеется в виду лексема *некоторый* в значении: «какой-то, точно определённый» [Ожегов 1990].

²⁸ Это ответ В. В. Путина на вопрос пенсионерки. На протяжении всего диалога можно наблюдать, как президент Российской Федерации, употребляя слово *некоторый*, ослабляет негативную суть данного фрагмента действительности. Следует отметить, что в вопросе пенсионерка употребляет следующие слова: *В этом году, надо сказать, обеспечение лекарствами было проблемным как никогда*.

²⁹ Выражение *проявления подобного рода* относится к избиениям и убийствам иностранных студентов.

³⁰ Экспликация лексемы *застарелый*: «укоренившийся, такой, что трудно исправить, излечить» [Ожегов 1990].

Выводы

Положительная самопрезентация является одной из главных коммуникационных стратегий в политическом дискурсе. Она может заключаться в вуалировании, ослаблении, а также оправдании своих отрицательных характеристик. Поскольку нынешнее положение дел в стране рассматривается в политическом дискурсе как результат деятельности актуальной власти, одной из целей дискурса власти является стремление говорить о существующих в стране негативно оцениваемых явлениях по мере более косвенным или смягчающим способом. Для этого представители российской власти употребляют выражения, ослабляющие негативную оценку данного фрагмента действительности, а также слова широкой семантики, затрудняющие адресатам их отнесение к тем или иным денотатам. Кроме того, в их высказываниях отрицается каузирование властью негативно оцениваемых положений дел в России, а также оправдывается наличие негативно воспринимаемых обществом действий, совершаемых властью.

Литература

- Ефремова Т. Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка, Москва, 2005.
Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка, 4-е издание, Москва, 2010.
Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса, Москва, 2004.
Apresjan J. D. Semantyka leksykalna. Synonimiczne środki języka, Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk 1980.
Bartoszewicz A., Wawrzyńczyk J., Gramatyka opisowa współczesnego języka rosyjskiego, cz. 2, Warszawa 1987.
Dijk van T. A. Kontekstualizacja w dyskursie parlamentarnym. Aznar, Irak i pragmatyka kłamania // Duszak, Fairclough 2008.
Duszak A., Fairclough N. (ред.). Krytyczna analiza dyskursu, Kraków 2008.
Wodak R. Dyskurs populistyczny: retoryka wykluczenia a gatunki języka pisanego // Duszak, Fairclough 2008.
Zmarzer W. Leksyka, słowotwórstwo // Bartoszewicz, Wawrzyńczyk 1987.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алексеева Алина Алексеевна – кандидат филологических наук, ассистент кафедры истории культуры гуманитарного факультета. Новосибирского национального исследовательского государственного университета (НГУ).

Алексеева Дина Алексеевна – аспирант, преподаватель кафедры английского языка и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков и лингводидактики Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского; e-mail: alexeeva.collect@gmail.com.

Бабинова Марина Рашитовна – аспирант кафедры риторики и межкультурной коммуникации УрГПУ; e-mail: marina-anvarova@yandex.ru.

Баданина Ксения Геннадьевна – аспирант Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии, старший научный сотрудник МБУК «Нижнетагильский музей изобразительных искусств»; ksusha-badanina@mail.ru.

Баранова Анна Александровна – кандидат филологических наук, редактор редакционно-издательского отдела УрГПУ, преподаватель кафедры риторики и межкультурной коммуникации УрГПУ, e-mail: Annie.baranova@mail.ru.

Бастинович Екатерина Владимировна – преподаватель Сургутского Государственного Университета, эл.адрес: kassatik-83@mail.ru.

Белоусов Константин Игоревич – доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания Пермского государственного национального исследовательского университета; e-mail: belousovki@gmail.com.

Богоявленская Юлия Валерьевна – Кандидат филологических наук, доцент кафедры романских языков ИИЯ УрГПУ.

Будаев Эдуард Владимирович – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков, теории и методики обучения, Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт; e-mail: aedw@rambler.ru.

Бушев Александр Борисович – доктор филологических наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин; Тверской государственный университет, профессор кафедры журналистики и новейшей русской литературы, Филиал Санкт-Петербургского государственного экономического университета в городе Твери; e-mail: alex.bouchev@list.ru.

Вайс Даниэль – доктор филологических наук, профессор, Институт славистики Университета в Цюрихе, профессор. e-mail: daw@slav.uzh.ch.

Ван Чунь Лян - Международный политехнический институт Цзилинь-Владивосток г. Чанчунь, кафедра русского языка, преподаватель; e-mail: alla24dal@mail.ru.

Васильев Александр Дмитриевич – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего языкознания. Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева; e-mail: vasilova@kspu.ru; rlc_siberia@kspu.ru.

Вдовиченко Лариса Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, Сургутский государственный университет ХМАО –Югры; e-mail: vdovichw@rambler.ru.

Ворошилова Мария Борисовна – кандидат филологических наук, доцент, Уральский государственный педагогический университет; e-mail: shinkari@mail.ru.

Галеев Тимур Ильдарович – кандидат филологических наук, Казанский федеральный университет, Научно-образовательный центр им. Бодуэна де Куртенэ, старший научный сотрудник; e-mail: tigaleev@kpfu.ru.

Голикова Ольга Александровна – Воронежский государственный аграрный университет, старший преподаватель; e-mail: missolya@yahoo.com.

Горина Евгения Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и стилистики факультета журналистики ИГНИ УрФУ; e-mail: gorina9@yandex.ru.

Дзюба Елена Вячеславовна – кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры риторики и межкультурной коммуникации ФГБОУ ВПО «УрГПУ»; e-mail: elenacz@mail.ru.

Дуреко Елена Юрьевна – соискатель степени кандидата наук кафедры языков массовых коммуникаций департамента маркетинговых коммуникаций и брендинга ИГУП, факультет связей с общественностью и рекламы; благотворительный фонд «Дети России» – пресс-секретарь.

Зелянская Наталья Львовна – кандидат филологических наук, Пермский государственный национальный исследовательский университет, ведущий научный сотрудник кафедры теоретического и прикладного языкознания.

Земцов Владимир Николаевич – доктор исторических наук, профессор; Уральский государственный педагогический университет, зав. кафедрой всеобщей истории; e-mail: vladimirzemtsov@yandex.ru.

Зеркина Наталья Николаевна – кандидат филологических наук, доцент; Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, заведующая кафедрой иностранных языков Института истории и филологии; e-mail: agatik01@mail.ru.

Зотова Анна Сергеевна – аспирант кафедры риторики и межкультурной коммуникации УрГПУ; e-mail: anet_zotova@mail.ru.

Зэмшал Петр – кандидат филологических наук; Кафедра Славянской Филологии Университета Николая Коперника в Торунь, адъюнкт; email: pietruszka@wp.pl.

Зубакина Татьяна Николаевна – старший преподаватель факультета международных отношений, Уральский федеральный университет; e-mail: zoubakina@mail.ru.

Иванова Светлана Викторовна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английской филологии и межкультурной коммуникации; Башкирский государственный университет; e-mail: svet_victoria@mail.ru.

Какзанова Евгения Михайловна – доктор филол. наук; РУДН, профессор; e-mail: kakzanova@post.ru

Карапетян Артур Андраникович – соискатель кафедры уголовного права Уральского юридического института МВД России; заместитель начальника отдела Центра по противодействию экстремизму ГУ МВД России по Свердловской области, майор полиции; e-mail: andranikovich85@mail.ru

Керимов Руслан Джаванширович – кандидат филологических наук, доцент; Кемеровский государственный университет, кафедра немецкой филологии, доцент; e-mail: kerimovrus@mail.ru

Кишина Елена Валерьевна – кандидат филологических наук; Кемеровский государственный университет, доцент кафедры русского языка; e-mail: kishina@mail.ru.

Колмогорова Анастасия Владимировна – доктор филологических наук, доцент; Сибирский федеральный университет, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации; e-mail: nastiakol@mail.ru.

Коломиец Светлана Вячеславовна – кандидат филологических наук; Кемеровский государственный университет, кафедра иностранных языков, доцент; e-mail: kolomsvetlana@yandex.ru.

Кондратьева Ольга Николаевна – кандидат филологических наук; Кемеровский государственный университет, доцент кафедры общего языкознания и славянских языков, заместитель декана по учебной работе факультета филологии и журналистики; e-mail: kondr25@rambler.ru.

Костина Наталия Николаевна – кандидат филологических наук, доцент; Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, начальник управления по международной деятельности; e-mail: rakitina_n@mail.ru.

Костромичева Мария Васильевна – кандидат филологических наук, доцент; Орловский государственный университет, доцент кафедры русского языка.

Костюнина Марина Викторовна – Сургутский государственный университет, ИГОиС, кафедра иностранных языков, старший преподаватель; e-mail: parfeni-mv@mail.ru.

Кошкарова Наталья Николаевна – кандидат филологических наук, доцент; Южно-Уральский государственный университет, доцент кафедры международных коммуникаций; e-mail: nkoshka@rambler.ru.

Красса Сергей Иванович – кандидат филологических наук; Гуманитарный институт, Северо-Кавказский федеральный университет, доцент кафедры лингвистики и лингводидактики; e-mail: skrassa@yandex.ru.

Крылова Мария Николаевна – кандидат филологических наук; Азово-Черноморский инженерный институт; Донской государственный аграрный университет, доцент кафедры профессиональной педагогики и иностранных языков; e-mail: achgaa@achgaa.ru.

Кряхтунова Ольга Владимировна – кандидат филологических наук; Астраханский государственный технический университет, подготовительный факультет для иностранных граждан, доцент; e-mail – olgakryahturnova@mail.ru.

Култышева Ирина Владимировна – кандидат филологических наук; Нижнетагильская государственная социально-гуманитарная академия, доцент кафедры связей с общественностью и рекламы; e-mail: churirina@yandex.ru.

Максимова Юлия Александровна – соискатель ученой степени кандидата наук; Удмуртский государственный университет; МБОУ ИЕГЛ «Школа-30», учитель русского языка и литературы; e-mail: maksik517@mail.ru.

Малышева Елена Григорьевна – доктор филологических наук, доцент; Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, кафедра журналистики и медиалингвистики; профессор, заведующий кафедрой; e-mail: malysheva-eg@mail.ru.

Милютин Марина Георгиевна – доктор филологических наук; Удмуртский государственный университет, профессор; e-mail: mmilyutina@inbox.ru.

Морозова Ольга Николаевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина; e-mail: mail.olfrost@gmail.com.

Мухортов Денис Сергеевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языкознания филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; e-mail: dennismoukhortov@mail.ru.

Нахимова Елена Анатольевна – доктор филологических наук, доцент; Уральский государственный педагогический университет, e-mail: nakhimova@gmail.com.

Нечаева Елена Александровна – ассистент кафедры иностранных языков и лингвистики Ивановского государственного химико-технологического университета; e-mail: fallow-deer@mail.ru.

Петрова Оксана Олеговна – аспирант кафедры русского языка филологического факультета Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского; учитель русского языка и литературы МБОУ «СОШ № 12» г. Калуги; e-mail: poks1990@yandex.ru.

Питолин Данил Викторович – аспирант кафедры перевода и переводоведения УрГПУ; e-mail: danilpitolin@gmail.com.

Плахотная Юлия Ивановна – старший преподаватель кафедры делового иностранного языка Челябинского государственного университета.

Плотникова Анна Михайловна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры современного русского языка и прикладной лингвистики Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; e-mail: annamp@yandex.ru.

Поляков Александр Сергеевич – аспирант кафедры русского языка Орловского государственного университета; e-mail: orfom@yandex.ru.

Полякова Лилия Сергеевна – кандидат филологических наук; Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, доцент кафедры иностранных языков по техническим направлениям; e-mail: liliya-mgtu@mail.ru.

Попова Людмила Викторовна – кандидат филологических наук, доцент; Миасский филиал Челябинского государственного университета, доцент кафедры филологии; e-mail: mila_fil@mail.ru.

Попова Эльвира Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры риторики и межкультурной коммуникации УрГПУ; e-mail: elvirapp@mail.ru.

Постникова Алена Александровна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета; e-mail: alina33_07_87@mail.ru.

Просвирнина Людмила Геннадьевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры Социально-гуманитарных дисциплин и иностранных языков Сибирского института бизнеса и информационных технологий; e-mail: ludmila_p73@mail.ru.

Рабкина Надежда Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии №1 факультета романо-германской филологии Кемеровского государственного университета.

Решетникова Валентина Валентиновна – старший преподаватель кафедры « Иностранные языки-4» Института транспортной техники и систем управления Московского государственного университета путей сообщения МИИТ; e-mail: valentina_ros@mail.ru.

Рогожникова Татьяна Павловна – доктор филологических наук, профессор; Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, и.о. заведующего кафедрой русского языка, славянского и классического языкознания; e-mail: pmtr@mail.ru.

Романова Татьяна Владимировна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры прикладной лингвистики и межкультурной коммуникации факультета гуманитарных наук Нижегородского филиала ФГАОУ ВПО « Национальный исследовательский университет « Высшая школа экономики»; e-mail: tvromanova@mail.ru.

Савельева Ирина Викторовна – кандидат филологических наук; Кемеровский государственный университет, кафедра иностранных языков, старший преподаватель; e-mail: saviren1973@mail.ru.

Садуов Руслан Талгатович – кандидат филологических наук; Башкирский государственный университет, старший преподаватель; e-mail: rtsf@bk.ru.

Сергеева Елена Владимировна – доктор филол. наук, профессор; РГПУ им. А. И. Герцена, филологический факультет, кафедра русского языка; e-mail: elena.v.sergeeva@gmail.com.

Серёгина Ирина Александровна – аспирант Сургутского Государственного Университета; Сургутский нефтяной техникум – преподаватель английского языка; e-mail: seregina_ira@inbox.ru.

Смирнова Нонна Георгиевна – кандидат филологических наук, доцент; Технологический институт сервиса, филиал Донского государственного университета в г.Ставрополе; e-mail: sng232@mail.ru.

Тагильцева Юлия Ринатовна – кандидат филологических наук, доцент; Уральский государственный педагогический университет; e-mail: jennifer1979@yandex.ru.

Темиргазина Зифа Какбаевна – доктор филологических наук; Павлодарский государственный педагогический институт, профессор кафедры русского языка и литературы; e-mail: zifakakbaevna@mail.ru.

Томберг Ольга Витальевна – кандидат филологических наук, доцент; Российский государственный профессионально-педагогический университет, кафедра германской филологии; e-mail: olgatomberg@yandex.ru.

Уланов Андрей Владимирович – кандидат филологических наук; Сибирский институт бизнеса и информационных технологий, заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин и иностранных языков; e-mail: ulanov.andrey.2014@mail.ru.

Упоров Артём Андреевич – СУНЦ УрФУ, учитель русского языка и литературы; e-mail: ua-tyom@yandex.ru.

Фанакова Любовь Вячеславовна – кандидат филологических наук; Инновационный Евразийский университет (г. Павлодар, Казахстан), старший преподаватель; e-mail: lv-f@mail.ru.

Федотовских Татьяна Григорьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры языков массовых коммуникаций; Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, институт государственного управления и предпринимательства, департамент интегрированных маркетинговых коммуникаций и брендинга; e-mail: tf30@rambler.ru.

Федянина Любовь Ивановна – кандидат филологических наук, доцент; Кемеровский государственный университет, кафедра немецкой филологии, доцент; e-mail: fedianina@inbox.ru.

Христолюбова Людмила Викторовна – кандидат филологических наук, доцент; УрГПУ, кафедра методики преподавания школьных дисциплин в специальной (коррекционной) школе ИСО; e-mail: kgor-lyudmila@yandex.ru.

Цыганкова Анна Владиславовна – кандидат филологических наук, доцент УрГПУ.

Чудакова Наиля Муллахметовна – кандидат филологических наук, доцент; Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия, доцент; e-mail: n@rambler.ru.

Чудинов Анатолий Прокопьевич – доктор филологических наук, профессор; УрГПУ; e-mail: Ap_chudinov@mail.ru.

Шахматова Татьяна Сергеевна – кандидат филологических наук, докторант кафедры Русского языка и методики преподавания Казанского федерального университета, НОЦ по лингвистике им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, Казанский федеральный университет, старший инженер; e-mail: Tatiana@Shakhmatova.net.

Шестак Лариса Анатольевна – доктор филологических наук, профессор; профессор кафедры общего и славяно-русского языкознания Волгоградского государственного социально-педагогического университета; e-mail: l_shestak@mail.ru.

Шустрова Елизавета Владимировна – доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка Уральского государственного педагогического университета; e-mail: shustrovaev@mail.ru.

Юзефович Наталья Григорьевна – кандидат филологических наук, доцент; Дальневосточный государственный гуманитарный университет, кафедра английской филологии и МКК, доцент; e-mail: nataliayuzefovich@rambler.ru.

Януш Ольга Борисовна – кандидат политических наук; Казанский государственный энергетический университет, доцент кафедры политологии и права; e-mail: yanush_ob@yahoo.com.

Яскульски Адам – кандидат наук; Куявско-Поморская Высшая Школа в Быдгоще, адъюнкт; e-mail: adam05@op.pl.